МИРОВОЙ ФЕНОМЕН

ДЭН БРАУН

ТАЙНА из ТАЙН

Тайна из тайн

Дэн Браун

Аннотация
Дэн Браун. Тайна из тайн
ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА
ПРОЛОГ
ГЛАВА 1
ГЛАВА 2
ГЛАВА 3
ГЛАВА 4
ГЛАВА 5
ГЛАВА 6
ГЛАВА 7
ГЛАВА 8
ГЛАВА 9
ГЛАВА 10
ГЛАВА 11
ГЛАВА 12
ГЛАВА 13
ГЛАВА 14
ГЛАВА 15
ГЛАВА 16
ГЛАВА 17
ГЛАВА 18

ГЛАВА 19
ГЛАВА 20
ГЛАВА 21
ГЛАВА 22
ГЛАВА 23
ГЛАВА 24
ГЛАВА 25
ГЛАВА 26
ГЛАВА 27
ГЛАВА 28
ГЛАВА 29
ГЛАВА 30
ГЛАВА 31
ГЛАВА 32
ГЛАВА 33
ГЛАВА 34
ГЛАВА 35
ГЛАВА 36
ГЛАВА 37
ГЛАВА 38
ГЛАВА 39
ГЛАВА 40
ГЛАВА 41
ГЛАВА 42
ГЛАВА 43
ГЛАВА 44

ГЛАВА 45
ГЛАВА 46
ГЛАВА 47
ГЛАВА 48
ГЛАВА 49
ГЛАВА 50
ГЛАВА 51
ГЛАВА 52
ГЛАВА 53
ГЛАВА 54
ГЛАВА 55
ГЛАВА 56
ГЛАВА 57
ГЛАВА 58
ГЛАВА 59
ГЛАВА 60
ГЛАВА 61
ГЛАВА 62
ГЛАВА 63
ГЛАВА 64
ГЛАВА 65
ГЛАВА 66
ГЛАВА 67
ГЛАВА 68
ГЛАВА 69
ГЛАВА 70

ГЛАВА 71
ГЛАВА 72
ГЛАВА 73
ГЛАВА 74
ГЛАВА 75
ГЛАВА 76
ГЛАВА 77
ГЛАВА 78
ГЛАВА 79
ГЛАВА 80
ГЛАВА 81
ГЛАВА 82
ГЛАВА 83
ГЛАВА 84
ГЛАВА 85
ГЛАВА 86
ГЛАВА 87
ГЛАВА 88
ГЛАВА 89
ГЛАВА 90
ГЛАВА 91
ГЛАВА 92
ГЛАВА 93
ГЛАВА 94
ГЛАВА 95
ГЛАВА 96

ГЛАВА 97
ГЛАВА 98
ГЛАВА 99
ГЛАВА 100
ГЛАВА 101
ГЛАВА 102
ГЛАВА 103
ГЛАВА 104
ГЛАВА 105
ГЛАВА 106
ГЛАВА 107
ГЛАВА 108
ГЛАВА 109
ГЛАВА 110
ГЛАВА 111
ГЛАВА 112
ГЛАВА 113
ГЛАВА 114
ГЛАВА 115
ГЛАВА 116
ГЛАВА 117
ГЛАВА 118
ГЛАВА 119
ГЛАВА 120
ГЛАВА 121
ГЛАВА 122

ГЛАВА 123
ГЛАВА 124
ГЛАВА 125
ГЛАВА 126
ГЛАВА 127
ГЛАВА 128
ГЛАВА 129
ГЛАВА 130
ГЛАВА 131
ГЛАВА 132
ГЛАВА 133
ГЛАВА 134
ГЛАВА 135
ГЛАВА 136
ГЛАВА 137
ГЛАВА 138
ГЛАВА 139
ЭПИЛОГ
БЛАГОДАРНОСТИ

Аннотация

Роберт Лэнгдон, уважаемый профессор символологии, отправляется в Прагу, чтобы посетить новаторскую лекцию Кэтрин Соломон — выдающегося ученого-ноэтика, с которой у него недавно завязались отношения. Кэтрин вот-вот опубликует взрывоопасную книгу, которая содержит поразительные открытия о природе человеческого сознания и грозит разрушить веками устоявшиеся убеждения. Но жестокое убийство ввергает путешествие в хаос, и Кэтрин внезапно исчезает вместе со своей рукописью. Лэнгдон оказывается мишенью могущественной организации, а за ним охотится жуткий преступник, персонаж древнейшей мифологии Праги. По мере того, как действие переносится в Лондон и Нью-Йорк, Лэнгдон отчаянно ищет Кэтрин… и ответы на свои вопросы. В захватывающей гонке по двойственным мирам футуристической науки и мистических знаний он раскрывает шокирующую правду о секретном проекте, который навсегда изменит наше представление о человеческом разуме.

Дэн Браун. Тайна из тайн

Моему редактору и лучшему другу, Джейсону Кауфману, без которого создание этих книг было бы почти невозможно… и куда менее увлекательным

В тот день, когда наука начнёт изучать нематериальные явления, она за одно десятилетие сделает больше открытий, чем за все предыдущие века.
Никола Тесла

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Моё знакомство с творчеством Дэна Брауна началось ещё в далёком 2005 году, когда я впервые открыл для себя «Код да Винчи». Многие критики считают, что его книга «Тайна тайн» — это своего рода прямое продолжение «Кода», и теперь мне есть с чем сравнивать.

В своё время его книги потрясли мир. В «Цифровой крепости» он словно предвидел взлом мессенджеров вроде Telegram.

В «Коде да Винчи» мы узнали о том, что у Христа могла быть жена или любовница — Мария Магдалина. В «Точке обмана» осторожно намекалось, что американцы могли не летать на Луну.

В «Происхождении» мы словно заглянули в будущее — настоящее: книга предсказала появление технологий вроде ChatGPT. А что будет дальше — я долго размышлял сам и решил узнать напрямую у автора.

Весной 2025 года мне представилась удивительная возможность пригласить Дэна Брауна на ток-шоу «Васильев ПРАВ». Я мечтал, что мы сможем встретиться в Финляндии и спокойно обсудить его книги, заглянуть за кулисы мира, который он создаёт на страницах. Но Дэн, переживая развод и личные трудности, попросил отложить встречу. Он также опасался, что участие в проекте за пределами США может вызвать нежелательные последствия.

Тем не менее он предложил мне одним из первых оценить его книгу после её выхода в США. Я сначала думал дождаться

русского перевода от издательства «АСТ», но оно не получило права на издание, и казалось, что российский читатель никогда не увидит эту книгу на родном языке.

Не желая мириться с этим, я обратился к Дэну с просьбой разрешить опубликовать книгу в своём блоге на платформе «ВКонтакте». Он согласился и благословил эту идею.

Осталось лишь решить вопрос перевода. И тут на помощь пришли добрые люди: молодой человек по имени Сергей блестяще перевёл книгу. Теперь я с радостью передаю её вам, дорогие читатели. Читайте свободно, погружайтесь в историю и получайте удовольствие — это книга, которую стоит пережить вместе.

Иван Васильев, основатель ток — шоу «Васильев ПРАВ»

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ В РОССИИ, 2025

© 2025, Дэн Браун. Все права защищены.

Издательство «Васильев ПРАВ» ценит и поддерживает авторские права.

Книга издана по личному доверению автора Дэна Брауна издательством «Васильев ПРАВ».

Книга распространяется издательством бесплатно и исключительно в электронной версии, выложенной издательством по гиперссылке:
https://vk.com/vasilevprav
Дизайн книги — Кейси Хэмптон.
Адаптация для электронной версии — Иван Васильев.
Дизайн обложки — Иван Васильев.
ISBN (электронная версия): 978-5-9900000-0-2
Издательство «Васильев ПРАВ» Россия, г. Санкт-Петербург, Литейный 54.

ПРОЛОГ

Должно быть, я умерла, — промелькнуло в сознании женщины.

Она плыла высоко над шпилями старого города. Внизу под ней сияли подсвеченные башни собора Святого Вита, словно маяки среди мерцающего моря огней. Её взгляд (если у неё ещё был взгляд) скользил по плавному склону Замковой горы в самое сердце чешской столицы, следуя за лабиринтом извилистых улиц, укрытых свежим снежным покровом.

Прага.

Дезориентированная, она из последних сил пыталась осмыслить своё положение.

Я нейробиолог, успокаивала она себя. Я вполне вменяема.

Насчёт второго утверждения, решила она, есть серьёзные сомнения.

Доктор Бригита Гесснер на данный момент знала только одно — она парит над родной Прагой. Её тело отсутствовало. У неё не было ни массы, ни формы. И всё же остальная её часть — *настоящая* её часть: сущность, сознание — казались полностью сохранными и бодрствующими, плавно

плывущими по воздуху в направлении Влтавы.

Гесснер не могла вспомнить ничего из недавнего прошлого, кроме смутного воспоминания о физической боли, но сейчас её тело, казалось, состояло лишь из воздуха, сквозь который она плыла. Это ощущение было непохоже ни на что из ранее испытанного. Вопреки всем научным инстинктам, Гесснер нашла лишь одно объяснение.

Я умерла. Это загробная жизнь.

Даже когда эта мысль оформилась, она тут же отбросила её как абсурдную.

Загробная жизнь — коллективная иллюзия... созданная, чтобы сделать нашу реальную жизнь терпимой.

Как врач, Гесснер досконально знала смерть и её необратимость. Ещё в мединституте, препарируя человеческий мозг, она поняла: все те личные качества, что делают нас нами — надежды, страхи, мечты, воспоминания — всего лишь химические соединения, удерживаемые электрическими импульсами в нашем мозге. Когда человек умирает, источник энергии мозга иссякает, и все эти вещества просто растворяются в бессмысленной жиже, уничтожая последние следы того, кем этот человек был.

Умираешь — и всё. Точка.

Но теперь, проплывая над симметричными садами Валленштейнского дворца, она чувствовала себя очень даже живой. Она наблюдала, как снег падает вокруг (или *сквозь*?) неё, но, что удивительно, совсем не ощущала холода. Словно её сознание просто парило в пространстве, сохраняя все способности к логике и разуму.

Мой мозг функционирует, сказала она себе. Значит, я жива.

Единственное, что смогла заключить Гесснер — она переживает то, что в медицинской литературе называется внетелесным опытом (ВТО) — галлюцинацию, возникающую у пациентов в критическом состоянии после клинической смерти.

ВТО почти всегда проявляется одинаково — ощущением, что сознание временно отделилось от физического тела, поднялось вверх и парит бесформенно. Хотя ощущения казались реальными, внетелесный опыт представлял собой всего лишь плод воображения — путешествие, спровоцированное воздействием сильного стресса и гипоксии на мозг, иногда в сочетании с анестетиками, такими как кетамин, которые применяют в экстренных случаях.

Эти образы — галлюцинации, убеждала себя Гесснер, глядя на темную ленту Влтавы, извивавшуюся внизу между городских зданий. *Но если это внетелесный опыт… значит, я сейчас умираю.*

Удивляясь собственному спокойствию, Гесснер попыталась вспомнить, что с ней произошло.

Мне всего сорок девять, я здорова… От чего я могу умереть?

Внезапно в ее сознании вспыхнула пугающая память. Теперь она понимала, где находилось в этот момент ее физическое тело… и, что еще страшнее, что с ней делали.

Она лежала на спине, плотно пристегнутая в машине, которую создала сама. Над ней стояло чудовище. Существо напоминало первобытного человека, выползшего из недр земли. Его лицо и лишенный волос череп были покрыты толстым слоем глины, потрескавшимся, как поверхность Луны. Из-под земляной маски виднелись только исполненные ненависти глаза. У него на лбу грубо выцарапаны три буквы на древнем языке.

— Зачем ты это делаешь?! — в панике закричала Гесснер. — Кто ты?! *Что ты такое?!*

— Я ее защитник, — ответил монстр. Его голос звучал глухо, с легким славянским акцентом. —

Она тебе доверяла… а ты ее предал.

— Кого?! — потребовала Гесснер.

Чудовище произнесло женское имя, и у Гесснер сердце сжалось от ужаса. *Откуда он знает, что я сделала?!*

В ее руках ощутилась ледяная тяжесть, и Гесснер поняла, что монстр запустил процесс. В следующий миг нестерпимая боль, словно острие ножа, пронзила ее левую руку, поползла по срединной локтевой вене, резко пробиваясь к плечу. — Пожалуйста, остановись, — задыхаясь, проговорила она.

— Рассказывай все, — потребовал он, пока мучительное ощущение достигло подмышки.

— Я все расскажу! — в отчаянии согласилась Гесснер, и монстр остановил машину, приостановив боль у самого плеча, хотя жгучее ощущение осталось.

Измученная ужасом, она сквозь стиснутые зубы торопливо выкладывала секреты, которые клялась сохранить в тайне. Она отвечала на его вопросы, раскрывая страшную правду о том, что она и ее коллеги создали глубоко под Прагой.

Монстр смотрел на нее из-под толстой глиняной маски, и его холодные глаза вспыхивали пониманием… и ненавистью.

— Вы построили подземный дом ужасов, — прошептал он. — Вы все заслуживаете смерти. Без колебаний он снова включил машину и направился к выходу.

— Нет…! — закричала она, когда боль снова накатила, прорвавшись через плечо в грудь. — Пожалуйста, не уходи… Это убьет меня!

— Да, — бросил он через плечо. — Но смерть — это не конец. Я умирал много раз. С этими словами монстр исчез, и Гесснер снова очутилась в парящем состоянии. Она попыталась крикнуть, умоляя о пощаде, но голос потерялся в оглушительном раскате грома, когда небо над ней словно разверзлось. Она почувствовала, как невидимая сила — своего рода обратная гравитация — подхватила ее, потащив вверх. Годы доктор Бригита Гесснер высмеивала утверждения пациентов о том, что они вернулись с порога смерти. Теперь она сама молилась, чтобы смогла присоединиться к тем редким душам, которые танцевали на краю бездны, заглядывали в нее и ухитрялись отступить.

Я не могу умереть… Я должна предупредить остальных!

Но она понимала, что уже слишком поздно. Эта жизнь закончилась.

ГЛАВА 1

Роберт Лэнгдон проснулся в покое и тишине, наслаждаясь нежными звуками классической музыки из будильника на тумбочке. «Утро» Грига, возможно, было предсказуемым выбором, но он всегда считал эти четыре минуты музыки идеальным началом дня. Пока деревянные духовые набирали силу, Лэнгдон с удовольствием отметил лёгкое замешательство — он не сразу смог вспомнить, где именно находится.

Ах, да, вспомнил он, улыбнувшись про себя. *Город ста шпилей.*

В полумраке Лэнгдон осмотрел высокое арочное окно номера, по бокам от которого стояли антикварный винтажный комод и алебастровая лампа. На роскошном ковре ручной работы до сих пор лежали лепестки роз, оставленные службой уборки прошлым вечером.

Лэнгдон приехал в Прагу три дня назад и, как и во время предыдущих визитов, остановился в отеле Four Seasons. Когда менеджер настоял на апгрейде брони до трёхкомнатного королевского люкса, он задумался — то ли из-за его статуса постоянного клиента, то ли (что вероятнее) из-за

высокого положения женщины, с которой он прибыл.

«Наши самые выдающиеся гости заслуживают наших самых выдающихся апартаментов», — убеждённо сказал менеджер.

В люксе было три отдельные спальни с личными ванными, гостиная, столовая, рояль и центральное эркерное окно, украшенное роскошной композицией из красных, белых и синих тюльпанов — приветственным подарком от посольства США. В гардеробной Лэнгдона его ждали пара мягких шерстяных тапочек с инициалами *RL.Что-то подсказывает мне, что это не Ralph Lauren,*подумал он, оценив персонализированный жест.

Сейчас, нежась в постели под звуки будильника, он почувствовал нежное прикосновение к своему плечу.

— Роберт? — прошептал тихий голос.

Лэнгдон перевернулся и ощутил, как участился пульс. Она лежала рядом, улыбаясь ему, её дымчато-серые глаза ещё сонные, а длинные чёрные волосы растрёпаны по плечам.

— Доброе утро, красавица, — ответил он.

Она провела рукой по его щеке, и от её запястья пахнуло Balade Sauvage.

Лэнгдон любовался её изысканными чертами. Несмотря на то что она была на четыре года старше, он находил её с каждым разом всё прекраснее — глубокие линии смеха у глаз, легкие серебряные нити в тёмных волосах, озорной взгляд и этот завораживающий ум.

Он знал эту удивительную женщину ещё со времён Принстона, где она была ассистенткой профессора, а он — студентом. Его тихая юношеская влюблённость либо осталась незамеченной, либо безответной, но с тех пор их связывала лёгкая, платоническая дружба с нотками флирта. Даже когда её карьера взлетела вверх, а Лэнгдон стал известным на весь мир профессором, они поддерживали неформальное общение.

Всё решает момент, понял теперь Лэнгдон, всё ещё удивляясь тому, как быстро они сблизились во время этой спонтанной поездки.

Когда «Утро» перешло к мощному оркестровому звучанию, он крепко обнял её, и она прижалась к его груди. «Хорошо поспал?» — прошептал он. «Никаких больше кошмаров?»

Она покачала головой и вздохнула: «Мне так стыдно. Это было ужасно».

Ранее ночью она проснулась в ужасе от необычайно яркого кошмара, и Лэнгдону пришлось

успокаивать ее почти час, прежде чем она смогла снова уснуть. Лэнгдон уверял, что необычайная сила сна была следствием неудачного вечернего выбора — чешского абсента, который, как он считал, следовало продавать с предупреждением: *Популярен в эпоху Belle Epoque благодаря галлюциногенным свойствам.*

«Больше никогда», — пообещала она.

Лэнгдон потянулся и выключил музыку. «Закрывай глазки. Я вернусь к завтраку». «Останься со мной», — игриво попросила она, обнимая его. «Можешь пропустить *одно* утреннее плавание».

«Только если хочешь, чтобы я перестал быть подтянутым мужчиной», — ответил он, садясь с кривой ухмылкой. Каждое утро Лэнгдон пробегал три километра до бассейна «Страгов» для своих заплывов.

«На улице темно», — настаивала она. «Неужели нельзя поплавать тут?» «В *отеле*?»

«А что? Это же вода».

«Там крошечный бассейн. Два гребка — и я на другом краю». «Здесь так и напрашивается шутка, Роберт, но я пощажу тебя».

Лэнгдон улыбнулся. «Остроумница. Спи, а за завтраком встретимся». Она надулась, швырнула в него подушкой и отвернулась.

Лэнгдон накинул экипировочный костюм Гарварда и направился к двери, выбрав лестницу вместо тесного лифта сьютов.

Внизу он прошел по элегантному коридору, соединяющему барочную речную пристройку отеля с главным лобби. По пути он заметил витрину с надписью СОБЫТИЯ ПРАГИ, где были выставлены афиши концертов, экскурсий и лекций на эту неделю.

Глянцевая центральная афиша вызвала у него улыбку.

Лекционный цикл Карлова университета
Приглашает в Пражский Град
Известную во всем мире
Специалиста по ноэетике
Доктора Кэтрин Соломон

Доброе утро, красотка, — подумал он, любуясь портретом женщины, которую только что целовал наверху.

Вечерняя лекция Кэтрин собрала аншлаг — немалый подвиг, учитывая, что она проходила в легендарном Владиславовом зале Пражского Града, огромном сводчатом помещении эпохи Ренессанса, где когда-то проводились рыцарские

турниры с лошадьми в полном облачении.

Этот лекционный цикл — один из самых престижных в Европе, всегда привлекающий выдающихся спикеров и восторженную публику со всего мира. Вчерашний вечер не стал исключением, и переполненный зал взорвался аплодисментами, когда Кэтрин представили аудитории.

«Спасибо всем», — сказала Кэтрин, выходя на сцену с уверенным спокойствием. Она была в белом кашемировом свитере и дизайнерских брюках, идеально сидящих на ней. «Сегодня я начну с ответа на вопрос, который мне задают почти ежедневно». Она улыбнулась и взяла микрофон со стойки. «Что, черт возьми, такое *ноетическая наука*?!»

Зал взорвался смехом, когда публика устроилась поудобнее.

«Проще говоря», — начала Кэтрин, «ноетика — это изучение *человеческого сознания*. Вопреки распространенному мнению, исследования сознания — не новая наука; фактически, это древнейшая наука. С незапамятных времен люди искали ответы на вечные загадки разума... природы сознания и души. И веками мы исследовали эти вопросы главным образом через... призму

религии».

Кэтрин сошла со сцены и направилась к первому ряду зрителей. «И раз уж мы заговорили о религии, дамы и господа, не могу не отметить, что сегодня среди нас присутствует всемирно известный специалист по религиозной символике — профессор Роберт Лэнгдон».

Лэнгдон услышал взволнованный шепот в зале. *Какого черта она задумала?!*

«Профессор, — улыбнулась она, останавливаясь перед ним, — не могли бы вы уделить нам немного своего времени? Не подниметесь?»

Лэнгдон вежливо встал, незаметно бросив на нее взгляд, полный немого *ты-мне-это-припомнишь*.

«Скажите, профессор… какой религиозный символ самый распространенный в мире?»

Ответ был очевиден, и либо Кэтрин читала статью Лэнгдона на эту тему и знала, что он скажет, либо ее ждало жестокое разочарование.

Лэнгдон взял микрофон и повернулся к морю ожидающих лиц, освещенных мерцанием люстр на старинных железных цепях. «Добрый вечер, — прозвучал его бархатный баритон в динамиках. — И спасибо доктору Соломон за то, что поставила меня в неловкое положение безо

всякого предупреждения».

Зрители зааплодировали.

«Итак, — продолжал он, — самый распространенный религиозный символ в мире? Кто-нибудь хочет предположить?»

Поднялся лес рук.

«Прекрасно, — сказал Лэнгдон. — Есть варианты *кроме* распятия?» Все руки тут же опустились.

Лэнгдон усмехнулся. «Распятие, безусловно, встречается очень часто, но это сугубо *христианский* символ. Однако существует один *универсальный* символ, который присутствует в искусстве всех религий мира».

В зале замелькали недоумевающие взгляды.

«Вы все его не раз видели, — подначивал Лэнгдон. — Например, на египетской стеле Хорахти?»

Он сделал паузу.

«Или на буддийском ларце Канишки? Или в росписи «Пантократор»?» Тишина. Растерянные лица.

О господи, подумал Лэнгдон. Определенно, тут собрались ученые.

«Этот символ есть и в сотнях знаменитых ренессансных полотен — «Мадонна в скалах» да Винчи, «Благовещение» Фра Анджелико, «Опла-

кивание» Джотто, «Искушение Христа» Тициана, бесчисленные изображения *Мадонны с младенцем*...»Тишина.

«Символ, о котором я говорю, — продолжал он, — это *нимб*». Кэтрин улыбнулась — очевидно, она знала его ответ.

«Нимб, — пояснил Лэнгдон, — это светящийся диск над головой просветленного существа. В христианстве его изображают над Иисусом, Марией и святыми. В Древнем Египте солнечный диск парил над богом Ра, а в восточных религиях *сияние* окружало Будду и индуистских божеств».

«Прекрасно, спасибо, профессор», — сказала Кэтрин, протягивая руку к микрофону, но Лэнгдон игриво отвернулся, не отдавая его. Пусть покажется ее же монетой. *Никогда не задавайте историку вопрос, на который не хотите получить исчерпывающий ответ.*

— Я должен добавить, — сказал Лэнгдон, пока аудитория благодарно смеялась, — что нимбы бывают самых разных форм, размеров и художественных воплощений. Некоторые представляют собой сплошные золотые диски, некоторые прозрачны, а некоторые даже квадратные. В древних иудейских текстах голова Моисея описана как окруженная «хилой» — еврейским словом,

обозначающим «нимб» или «сияние света». Некоторые особые виды нимбов имеют исходящие от них лучи света... светящиеся спицы, расходящиеся во всех направлениях.

Лэнгдон обернулся к Кэтрин с лукавой улыбкой. — Возможно, доктор Соломон знает, как называется такой тип нимба? — Он протянул ей микрофон.

— Лучистая корона, — не задумываясь, ответила она.

Видно, она подготовилась. Лэнгдон снова поднес микрофон ко рту. — Да, лучистая корона — особо значимый символ. На протяжении истории она украшала головы Гора, Гелиоса, Птолемея, Цезаря... и даже исполинского Колосса Родосского.

Лэнгдон одарил заговорщицкой ухмылкой. — Мало кто осознает, но самый фотографируемый объект во всем Нью-Йорке — это... лучистая корона.

Озадаченные взгляды, даже Кэтрин казалась удивленной.

— Какие предположения? — спросил он. — Никто из вас никогда не фотографировал лучистую корону, парящую на высоте трехсот футов над нью — йоркской гаванью? Лэнгдон сделал па-

узу, слушая, как в толпе нарастает удивленное бормотание.

— Статуя Свободы! — кто-то крикнул.

— Именно, — сказал Лэнгдон. — Статуя Свободы носит лучистую корону — древний нимб, универсальный символ, который мы на протяжении истории использовали для обозначения особых личностей, обладающих, как мы считаем, божественным просветлением… или высшей степенью… *сознания*.

Передавая микрофон Кэтрин, Лэнгдон увидел ее сияющую улыбку. *Спасибо,* — беззвучно сказала она ему, пока он под аплодисменты возвращался на свое место.

Кэтрин снова вышла на сцену. — Как только что прекрасно объяснил профессор Лэнгдон, люди уже давно размышляют о*сознании*. Однако даже сейчас, с развитием науки, нам трудно его *определить*. Более того, многие ученые даже боятся *обсуждать* сознание. Кэтрин оглянулась и прошептала: — Они называют его «словом на С».

В зале снова раздались смешки.

Кэтрин кивнула очкам у первого ряда. — Как бы *вы* определили сознание? Женщина задумалась. — Полагаю… как осознание собственного существования?

— Прекрасно, — сказала Кэтрин. — А откуда это осознание *берется*?

— Из моего мозга, наверное, — ответила она. — Мои мысли, идеи, воображение… мозговая активность, которая делает меня тем, кто я есть.

— Очень хорошо сказано, спасибо. Кэтрин снова обратилась к аудитории. — Можем ли мы тогда договориться о базовых вещах? Сознание создается вашим мозгом — трехфунтовой массой из восьмидесяти шести миллиардов нейронов внутри вашего черепа — и, следовательно, *сознание* находится внутри нашей головы.

Все согласно закивали.

— Замечательно, — сказала Кэтрин. — Мы все только что согласились с ныне принятой моделью человеческого сознания. Она сделала паузу, затем тяжело вздохнула. — Проблема в том… что ныне принятая модель *категорически неверна*. Ваше сознание *не* создается вашим мозгом. Более того, ваше сознание даже не находится *внутри* вашей головы.

В ответ повисла оглушительная тишина.

Очкастая женщина в первом ряде произнесла: — Но… если мое сознание не находится *внутри* моей головы… тогда где оно?»

— Как я рада, что вы спросили, — улыбнулась

Кэтрин собравшейся толпе. — Устраивайтесь поудобнее, друзья. Сегодня нас ждет нечто незабываемое.

Настоящая звезда, подумал Лэнгдон, направляясь в вестибюль отеля, пока в ушах еще звучали отголоски бурных оваций в адрес Кэтрин. Ее выступление было ослепительной демонстрацией мастерства, оставившей аудиторию потрясенной и жаждущей продолжения. Когда кто-то поинтересовался ее текущей работой, Кэтрин сообщила, что только что завершила книгу, которая, как она надеется, поможет переосмыслить современные представления о сознании.

Лэнгдон помог Кэтрин заключить издательский договор, хотя сам еще не читал ее рукопись. Она приоткрыла ему достаточно, чтобы очаровать и вызвать жгучее желание прочесть работу, но он чувствовал, что самые шокирующие откровения она оставила при себе. *Кэтрин Соломон никогда не перестает удивлять.*

Теперь, приближаясь к вестибюлю, Лэнгдон вдруг вспомнил, что у Кэтрин сегодня в 8 утра назначена встреча с доктором Бригитой Гесснер — выдающимся чешским нейробиологом, лично пригласившим ее выступить в этом лекционном цикле. Приглашение Гесснер было щедрым, но

после вчерашней встречи с той женщиной после мероприятия, которая показалась ему невыносимой, Лэнгдон теперь тайно надеялся, что Кэтрин проспит и выберет завтрак с *ним*.

Отогнав эти мысли, он вошел в лобби, наслаждаясь ароматом роскошных букетов роз, которые всегда украшали главный вход. Однако картина, представшая его взору в холле, оказалась куда менее радушной.

Двое полицейских в черной форме целенаправленно обследовали помещение, управляя парой овчарок. На собаках были пуленепробиваемые жилеты с надписью *Policie*, и они что-то усердно вынюхивали, как будто искали...

Это что-то недоброе, — подумал Лэнгдон и подошел к стойке администратора.

— Все в порядке?

— О боже, конечно, мистер Лэнгдон! — Идеально одетый администратор чуть ли не приседал в реверансе, торопясь к гостю. — Все прекрасно, профессор. Небольшой инцидент прошлой ночью, но ложная тревога, — заверил он, укоризненно качая головой. — Просто принимаем меры предосторожности. Как вы знаете, безопасность — наш главный приоритет в отеле Four Seasons в Праге.

Лэнгдон посмотрел на полицейских. *Небольшой инцидент?* Эти парни не выглядели как небольшой инцидент.

— Вы направляетесь в клуб плавания, сэр? — поинтересовался администратор. —

Вызвать для вас машину?

— Нет, спасибо, — ответил Лэнгдон, направляясь к выходу. — Пробегусь. Люблю свежий воздух.

— Но ведь снег идет!

Уроженец Новой Англии взглянул на редкие снежинки за стеклом и улыбнулся администратору. — Если я не вернусь через час, пришлите одну из этих собак откапывать меня.

ГЛАВА 2

Голем ковылял по снегу, подол его длинного черного плаща волочился по грязной слякоти, покрывавшей улицу Капрова. Скрытые под плащом массивные платформы казались такими тяжелыми, что он едва мог поднять ноги. Лицо и череп стягивал толстый слой застывающей на холоде глины.

Нужно добраться до дома. Эфир сгущается.

Боясь, что Эфир вот-вот настигнет его, Голем сунул руку в карман и сжал маленький металлический стержень, который всегда носил с собой. Он поднес предмет к голове и с силой прижал к макушке, втирая круговыми движениями в высохшую глину.

Еще не время, мысленно произнес он, закрывая глаза.

Эфир рассеялся, по крайней мере на сейчас, и он убрал стержень обратно в карман, продолжив путь.

Еще несколько кварталов, и я смогу Освободиться.

Староместская площадь — местные называли её *Старомаком* — в это темное утро была пу-

стынна, если не считать пары туристов, жадно поедавших трдельники и любовавшихся знаменитыми астрономическими часами. Каждый час древний механизм показывал «Шествие апостолов» — дерганое представление с механически двигающимися фигурами святых, появляющимися в двух маленьких окошках на циферблате.

Бессмысленно кружат с пятнадцатого века, подумал Голем, а бараны все еще сбегаются смотреть на это зрелище.

Когда Голем поравнялся с парой, они взглянули на него и невольно ахнули, отшатнувшись. Он давно привык к такой реакции незнакомцев. Это напоминало ему, что у него есть физическая оболочка, даже если они не могли разглядеть его истинную суть.

Я — Голем.

Я не из твоего мира.

Порой Голем чувствовал себя непривязанным, будто готов был улететь, и ему нравилось укутывать свою бренную оболочку тяжелыми одеждами. Вес плаща и платформ усиливал тяготение, приковывая к земле. Его глиняная голова и капюшон делали его пугающей диковиной даже для Праги, где ночные чудаки были обычным делом.

Но по-настоящему завораживающим зрелищем Голема делали три древние буквы, выведенные у него на лбу... вырезанные в глине мастихином.

Три буквы иврита — *алеф, мем, тав* — справа налево складывались в слово *ЭМЕТ. Истина.*

Истина привела Голема в Прагу. И Истину открыла ему сегодня ночью доктор Гесснер — подробное признание в злодеяниях, которые она и ее сообщники совершали в глубинах под Прагой. Их преступления были отвратительны, но меркли по сравнению с тем, что планировалось в ближайшем будущем.

Я уничтожу всё, сказал он себе. Сравняю с землёй.

Голем представил их мрачное творение… стертым с лица земли… раскалённым пепелищем. Хотя задача казалась невыполнимой, он был уверен в своих силах. Доктор Гесснер раскрыл ему все необходимые сведения.

Мне нужно действовать быстро. Узкое окно возможностей, думал он, план уже обретал четкие очертания в его сознании.

Голем свернул на юго-восток, удаляясь от площади, пробираясь по узкому переулку в сторону своей квартиры. Старе-Место славилось лаби-

ринтом улочек, бурлящей ночной жизнью и колоритными пабами: литературное кафе «Тынска» для писателей и интеллектуалов, «Аноним Бар» для хакеров и любителей интриг, «Хемингуэй Бар» для ценителей коктейлей и утончённой публики. А музей секс-машин, разумеется, работал до утра, привлекая толпы зевак.

Блуждая по извилистым переулкам, Голем ловил себя на мысли, что размышляет не о только что причиненном доктору Бригите Гесснер ужасе, и не о шокирующей информации, которую ему удалось добыть, а *о ней.*

Он думал о ней постоянно.

Я её защитник.

Мы с ней — две сцепленные частицы, связанные навеки.

Единственный смысл его существования — оберегать её, хотя она и не подозревала о нём. И всё же он считал за честь служить ей. Нести чужое бремя — высшее призвание; а делать это в тени, без малейшего признания… *вот она* истинная жертвенная любовь.

Ангелы-хранители принимают разные обличья.

Её доверчивая натура не ведала, что она оказалась в мире тёмной науки. Она не замечала

акул, кружащих вокруг. Сегодня Голем убил одну из них, но теперь вода замутилась кровью. Скоро могущественные силы всплывут из глубин, чтобы узнать, что произошло… чтобы сохранить тайну своего творения.

Вы опоздаете, подумал он. Их подпольная обитель ужаса скоро рухнет под тяжестью собственных грехов… став жертвой собственного гения.

Шагая по заснеженным улицам, Голем ощутил, как Эфир снова сгущается вокруг.

Он вновь прижал металлический жезл квиску.

Скоро, пообещал он.

• •• •

В Лондоне американец мистер Финч начищал очки Cartier Panthère и шагал по своему роскошному кабинету. Его нетерпение сменилось серьёзным беспокойством.

Где, чёрт побери, Гесснер? Почему она не выходит на связь?

Он знал, что чешский нейробиолог посетила вчера вечером лекцию Кэтрин Соломон в Пражском Граде, после чего прислала ему тревожное сообщение о книге, которую Соломон вскоре издаст. Новость была неутешительной. Гесснер

пообещала перезвонить с подробностями.

Прошло уже несколько часов, а от неё — ни слова. Рассвет был не за горами. Финч безуспешно звонил и писал ей снова и снова.

Уже шесть часов… Гесснер педантична — это совершенно на неё не похоже.

Достигнув вершин профессии, доверяя интуиции, мистер Финч научился прислушиваться к внутреннему голосу. И сейчас этот голос утверждал: в Праге что-то пошло не так.

ГЛАВА 3

Зимний воздух был свежим и бодрящим, пока Роберт Лэнгдон бежал на юг по улице Кржижовницка, оставляя за собой единственную цепочку следов на тонком слое снега, укрывающем тротуар.

Прага всегда казалась ему зачарованным городом — застывшим во времени мгновением. Пострадавшая во Второй мировой войне гораздо меньше других европейских столиц, историческая столица Чехии могла похвастаться потрясающей панорамой с сохранившейся первозданной архитектурой — уникальным сочетанием романского, готического, барочного стилей, модерна и неоклассики.

Прозвище Праги — *«Стобашенная»* — буквально означало «сто шпилей», хотя на самом деле их насчитывалось около семисот. Летом город иногда подсвечивал их морем зеленых прожекторов; говорят, именно это зрелище вдохновило создателей *«Волшебника страны Оз»* на образ Изумрудного города — мистического места, где, как и в Праге, возможны любые чудеса.

Пересекая улицу Платнержска, Лэнгдону каза-

лось, будто он бежит сквозь страницы учебника истории. Слева возвышался монументальный фасад Клементинума — двухгектарного комплекса, где некогда работали астрономы Тихо Браге и Иоганн Кеплер, а теперь хранится изысканная барочная библиотека с собранием из более чем двадцати тысяч томов древних богословских трудов. Эта библиотека была любимым местом Лэнгдона в Праге, а возможно, и во всей Европе. Они с Кэтрин посетили её новую выставку только вчера.

Свернув направо у костела Святого Франциска Ассизского, он увидел прямо перед собой восточный вход к одной из главных достопримечательностей города, освещенный янтарным светом редких газовых фонарей. Карлов мост, признанный многими самым романтичным мостом в мире, был построен из богемского песчаника и украшен тридцатью статуями христианских святых. Протянувшись на полкилометра через спокойные воды Влтавы и защищенный с обеих сторон массивными башнями, мост некогда служил важным торговым путем между Восточной и Западной Европой.

Лэнгдон пробежал под аркой восточной башни и оказался перед нетронутым снежным покро-

вом. Мост был пешеходным, и всё же в этот час на нём не было ни единого следа.

Я один на Карловом мосту, подумал Лэнгдон. *Момент жизни.* Однажды он так же оставался наедине с *«Моной Лизой»* в Лувре, но обстоятельства тогда были куда менее приятными.

Лэнгдон удлинил шаг, найдя свой ритм, и к тому моменту, как достиг противоположного берега, бежал уже почти без усилий. Справа, ярко освещенный на фоне темного горизонта, сиял самый любимый сверкающий алмаз города.

Пражский Град.

Это был крупнейший в мире замковый комплекс, протянувшийся на полкилометра от западных ворот до восточной оконечности и занимавший площадь почти в пять миллионов квадратных футов. За его стенами скрывались шесть садов, четыре отдельных дворца и четыре христианских храма, включая великолепный собор Святого Вита, где хранились драгоценности чешской короны и корона Святого Вацлава — любимого правителя, воспетого в рождественском гимне.

Проходя под западной башней Карлова моста, Лэнгдон рассмеялся про себя, вспомнив вчерашнее мероприятие в Пражском Граде.

Кэтрин бывает настойчива.

«Приезжай на мою лекцию, Роберт!» — сказала она две недели назад, уговаривая его приехать в Прагу. «Идеальный момент — у тебя же зимние каникулы. Я беру все расходы на себя».

Лэнгдон обдумывал её игривое предложение. Между ними всегда были платонический флирт и взаимное уважение, и он склонялся к тому, чтобы отбросить осторожность и согласиться на спонтанное приглашение.

«Это заманчиво, Кэтрин. Прага волшебна, но правда—"

«Скажу прямо», — перебила она. «Мне нужен партнёр, хорошо? Вот, высказалась. Мне нужен кавалер на собственную лекцию.»

Лэнгдон расхохотался. «*Вот* почему ты позвонила? Всемирно известный учёный... и ей нужен сопровождающий?»

«Просто эскорт для роскошного вечера, Роберт. Будет вечерний приём у спонсоров, а потом я выступаю в каком-то знаменитом зале — Влад... что-то там».

«*Владиславский зал?!* В Пражском Граде?» «Вот он самый.»

Лэнгдон был впечатлён. Лекционные встречи Карлова университета были одним из самых

престижных мероприятий Европы, но, видимо, они оказались ещё более высокопарными, чем он предполагал.

«Ты уверена, что хочешь видеть на своём вечере *символога* во фраке?» «Я сначала позвала Клуни, но его смокинг в химчистке.»

Лэнгдон скривился. «*Все* ноэтики такие настойчивые?»

«Только хорошие», — ответила она. «Буду считать, что ты согласился.»

Как много может изменить две недели, размышлял Лэнгдон, всё ещё улыбаясь, когда достиг противоположного конца моста. Прага совершенно оправдала свою репутацию волшебного города... катализатора древних сил. *Здесь произошло нечто...*

Лэнгдон никогда не забудет их первый день с Кэтрин в этом загадочном месте — блуждания по лабиринтам мощеных улочек... быстрый бег под мелким дождём, рука в руке... укрытие под аркой дворца Кинских на Староместской площади... и там, в тени часовой башни, запыхавшись... их первый поцелуй, такой естественный после десятилетий дружбы.

Что стало причиной — магия Праги, идеальный момент или направляющая невидимая рука, —

Лэнгдон не знал, но между ними вспыхнула неожиданная алхимия, крепнущая с каждым днём.

• •• •

В другом районе города Голем завернул за последний угол и устало подошёл к своему дому. Открыв внешнюю дверь, он вошёл в скромный вестибюль своего жилища.

Прихожая погрузилась во тьму, но он не стал включать свет. Вместо этого пробрался по узкому коридору к скрытой лестнице и начал подъём в полной темноте, держась за перила. Ноги ныли, протестуя против каждого шага, и Голем был рад, когда наконец достиг двери своей квартиры. Тщательно отряхнув снег с ботинок, он открыл дверь и переступил порог.

Квартира была погружена в абсолютную тьму.

Именно такой, какой я её задумал.

Стены и потолки внутри были выкрашены в сплошной чёрный цвет, окна закрыты тяжёлыми портьерами. Лакированный пол потерял блеск и не отражал ни единого луча света, а мебели почти не было.

Голем щелкнул главным выключателем, и в квартире зажглись десятки чёрных ламп, окуты-

вая бледные предметы мягким лиловым светом. Его жилище превратилось в потусторонний пейзаж — эфемерный и сияющий, — что мгновенно принесло ему умиротворение. Перемещаясь в этом пространстве, он будто плыл сквозь бездну... переходя от одного мерцающего объекта к другому.

Отсутствие полного спектра света создавало вневременную среду — мир, в котором его тело не получало привычных циркадных сигналов. Обязанности Голема требовали работать в нерегулярные часы, и отсутствие естественного света освобождало его биоритмы от диктата обычного времени. Предсказуемый распорядок был роскошью для простых душ... душ, не отягощённых ношей.

Её призыв может прозвучать в любой момент — и днём, и ночью.

Он прошёл сквозь призрачный полумрак в свою гардеробную, сбросил плащ и сапоги. Теперь обнажённый ниже шеи, он светился бледным светом под чёрными лампами, но избегал смотреть на себя. В его убежище намеренно не было зеркал — кроме маленького ручного, с помощью которого он наносил глину на лицо.

Вид своего физического облика всегда волно-

вал его.

Это тело не моё.

Я лишь проявился в нём.

Голем босыми ногами прошёл в ванную, включил душ и шагнул под струи. Сняв пропитанную глиной шапочку, он закрыл глаза, подняв лицо к тёплому потоку. Вода казалась очищающей, когда засохшая глина превращалась в тёмные ручейки, стекавшие по его телу и уходящие в слив.

Убедившись, что смыл все следы прошлой ночи, Голем вышел из душа и высушился.

Эфир тянул его сильнее, но он не потянулся за жезлом.

Пора.

Всё ещё обнажённый, Голем двинулся сквозь темноту к своей *святыне*— особой комнате, созданной для принятия этого дара.

В полной тьме он подошёл к пеньковому матрасу, лежавшему в центре комнаты.

Почтительно лёг, вытянувшись обнажённым на спине точно посередине.

Затем зажал во рту перфорированный *чэнбаобэби* силиконовый шар... и Отпустил.

ГЛАВА 4

И здесь первый, подумал Лэнгдон, подходя к бассейну Страгов как раз в тот момент, когда дежурный открывал здание. Лэнгдон знал мало более приятных ощущений, чем возможность поплавать в одиночестве в двадцатипятиметровом бассейне. Найдя свой арендованный шкафчик, он натянул плавки Speedo, быстро ополоснулся под душем, схватил очки Vanquisher и направился к воде.

Люминесцентные лампы только разгорались, и зал все еще погружал мрак. Лэнгдон встал на край бассейна, глядя на гладкую водную гладь, похожую на огромное черное зеркало.

Храм Афины, вспомнил он, как древние греки практиковали катоптромантию, вглядываясь в темные воды, чтобы увидеть свое будущее. Он представил себе Кэтрин, спящую в их гостиничном номере, и подумал, не она ли *его* будущее. Эта мысль одновременно и тревожила, и волновала давнего холостяка.

Лэнгдон натянул очки, глубоко вдохнул и рывком вошел в воду, рассекая поверхность. Под водой он пролетел два метра, затем сделал десять

метров дельфиньими толчками, прежде чем перейти к вольному стилю.

Сосредоточившись на ритме дыхания, Лэнгдон погрузился в полусозерцательное состояние, которое всегда давало ему плавание. Его мускулистое тело расслабилось, обрело обтекаемость и гибкость, мощно продвигаясь вперед в темноте с впечатляющей для пятидесятилетнего мужчины скоростью.

Обычно плавание полностью освобождало его разум, но сегодня, даже после четырех кругов, мысли не утихали... вновь и вновь возвращаясь к фрагментам вдохновляющей лекции Кэтрин прошлым вечером.

«Ваше сознание не создается мозгом. Более того, ваше сознание даже не находится внутри вашей головы.»

Эти слова вызвали любопытство у всех присутствующих, но Лэнгдон знал, что ее лекция едва коснулась того, что войдет в ее готовящуюся книгу.

Она утверждает, что обнаружила нечто невероятное.

Открытие Кэтрин — каким бы оно ни было — оставалось тайной. Она ни с кем не делилась им, даже с Лэнгдоном, хотя в последние дни

несколько раз намекала на него, признаваясь, что исследования для книги привели к ошеломляющему прорыву. После ее вчерашней лекции Лэнгдон все сильнее чувствовал, что книга Кэтрин может оказаться настоящей бомбой.

Она не избегает противоречий, подумал Лэнгдон, с удовольствием наблюдая, как она задевает чувства традиционалистов в зале.

«У науки долгая история *ошибочных* моделей, — заявила она, и ее голос прозвучал под сводами Владиславского зала. — Плоская Земля, геоцентрическая система мира, стационарная Вселенная... все это ложные теории, хотя когда-то их воспринимали всерьез и считали истиной. К счастью, наши системы убеждений эволюционируют, когда сталкиваются с достаточным количеством необъяснимых противоречий.»

Кэтрин взяла пульт, и экран за ней ожил, демонстрируя средневековую астрономическую модель — Солнечную систему с Землей в центре. «Веками эта геоцентрическая модель считалась неоспоримой истиной. Но со временем астрономы стали замечать несоответствия в движении планет, которые не укладывались в эту модель. Аномалий становилось всё больше, и они были настолько очевидны, что мы...» Она щелкнула

снова. «Создали другую модель». На экране появилось современное изображение Солнечной системы с *Солнцем* в центре. «Эта новая модель объяснила все аномальные явления, и теперь гелиоцентризм — наша принятая реальность.»

Зал замер, когда Кэтрин вышла на переднюю часть сцены.

«Точно так же, — сказала она, — было время, когда идея *круглой* Земли казалась смешной — даже научной ересью. Ведь если бы Земля была круглой, разве океаны не вылились бы? Разве многие из нас не оказались бы внизу головой? Однако постепенно мы начали замечать явления, которые не соответствовали модели плоской Земли — *изогнутую* тень Земли во время лунного затмения, корабли, исчезающие за горизонтом снизу вверх, и, конечно, кругосветное путешествие Магеллана». Она улыбнулась. «Упс. Пора создавать новую модель».

Присутствующие согласно кивнули, разделяя её улыбку.

«Дамы и господа, — продолжила она серьёзным тоном, — я верю, что схожая эволюция сейчас происходит в сфере *человеческого сознания*. Нас ждёт кардинальный переворот в понимании работы мозга, природы сознания и, по сути... самой

природы реальности».

Ничего себе масштабы, подумал Лэнгдон.

«Как и все устаревшие убеждения, — сказала она, — сегодняшняя общепринятая модель человеческого сознания сталкивается с волной явлений, которые она просто не может объяснить… явлений, тщательно задокументированных ноэтическими лабораториями по всему миру, и которые люди наблюдали веками. И всё же традиционная наука *по-прежнему* отказываются рассматривать существование этих феноменов или даже признать их реальность. Вместо этого их называют случайностями и отклонениями, подгоняя под уничижительный ярлык — «паранормальные», что стало синонимом «ненаучного»».

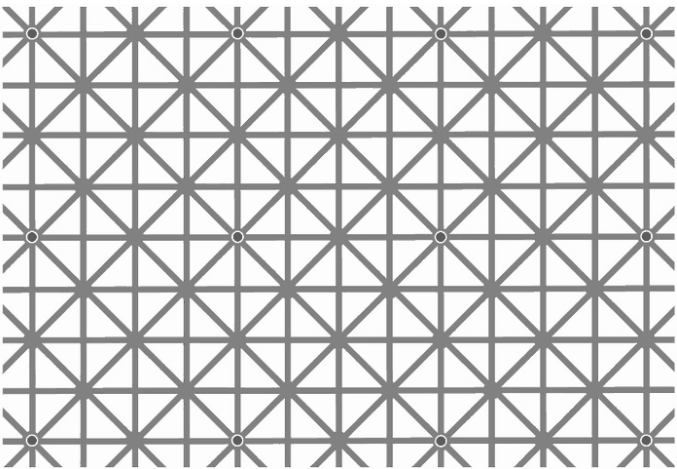
Её слова вызвали ропот в задних рядах зала, но Кэтрин продолжила невозмутимо: «На самом деле, все вы хорошо знакомы с этими *паранормальными* явлениями, — заявила она. — Их называют ЭСП… предвидение… телепатия… ясновидение… внетелесные переживания. Несмотря на приставку «пара», они, по сути, совершенно *нормальны*. Они происходят каждый день — как в лабораториях с тщательно контролируемыми экспериментами… так и в реальном мире».

В зале воцарилась полная тишина.

«Вопрос не в том, *существуют ли* эти явления, — сказала Кэтрин. — Наука доказала, что да. Вопрос в том... почему многие из нас по-прежнему отказываются их видеть?»

Она нажала кнопку, и на экране позади неё возникло изображение.

Решётка Германа. Лэнгдон узнал известный визуальный обман, где чёрные точки то появляются, то исчезают в зависимости от того, на какую часть изображения сфокусирован взгляд.

Зрители начали замечать эффект, и по залу

прокатился удивлённый шёпот.

«Я показываю это по простой причине — чтобы напомнить, что человеческое восприятие полно *слепых пятен,* — подвела итог Кэтрин. — Порой мы так упорно смотрим не туда... что не замечаем того, что прямо перед нами».

Небо было ещё совсем тёмным, когда Лэнгдон вышел из бассейна и направился вниз по холму. Тридцатиминутная водная медитация оставила его в умиротворённом состоянии, и утренняя прогулка в отель неспешным шагом быстро становилась одним из самых любимых моментов его дня. Цифровые часы на здании туристического центра показывали 6:52 утра, когда он приближался к реке.

Ещё полно времени, успокаивал себя Лэнгдон, всё ещё надеясь вернуться в постель к Кэтрин и уговорить её отменить встречу в 8 утра с Бригитой Гесснер. Нейробиолог практически принудила Кэтрин прийти в свою лабораторию на экскурсию сегодня утром, а та из вежливости не смогла отказать.

Когда Лэнгдон добрался до Карлова моста, он увидел, что ровное снежное покрывало уже не

было девственно чистым — его теперь испещряли следы других ранних птиц. Войдя на мост, он по правую руку увидел Юдитеву башню — единственное, что сохранилось от оригинального средневекового строения. Вдалеке возвышалась «новая» четырёхвековая сторожевая башня, где когда-то на колах выставляли отрубленные головы в назидание тем, кто осмелился бы поставить под сомнение власть Габсбургов.

Говорят, их стоны до сих пор можно услышать, проходя здесь.

Слово «Прага» буквально означает «порог», и Лэнгдон каждый раз, приезжая сюда, ощущал, будто переступает невидимую грань. Веками этот волшебный город пропитывался мистицизмом, призраками и духами. Даже сегодня путеводители утверждают, что город обладает сверхъестественной аурой, которую может почувствовать каждый, кто открыт подобным вещам.

Вряд ли я из их числа, понимал Лэнгдон, хотя вынужден был признать, что этим утром Карлов мост выглядел потусторонне — падающий снег создавал призрачные ореолы вокруг газовых фонарей.

Веками этот город был центром оккультизма в

Европе. Пражский король РудольфII тайно практиковал алхимические науки в своём подземном «Зеркале Алхимии». Ясновидящие Джон Ди и Эдвард Келли приезжали сюда для сеансов вызова духов и бесед с ангелами. Таинственный еврейский писатель Франц Кафка родился и работал здесь, создавая свой мрачно-сюрреалистический *«Превращение».*

Продвигаясь дальше по мосту, Лэнгдон взглянул в сторону отеля Four Seasons, расположенного прямо на берегу реки, где тёмные воды Влтавы омывали его фундамент. Выше сверкающей поверхности окна их номера на втором этаже по-прежнему были тёмными.

Кэтрин ещё спит, подумал он, что неудивительно, учитывая ночной кошмар, который не давал ей уснуть бóльшую часть ночи.

Пройдя около трети величественного моста, Лэнгдон миновал бронзовую статую святого Яна Непомуцкого. *Убит на этом самом месте*, содрогнулся он. Когда король приказал священнику нарушить тайну исповеди и раскрыть личные признания королевы, тот отказался, после чего король велел пытать его и сбросить с моста.

Лэнгдон был погружён в свои мысли, когда впереди его внимание привлекло нечто необычное.

Примерно на середине моста к нему приближалась женщина, одетая во всё чёрное. Лэнгдон предположил, что она возвращается с костюмированной вечеринки, потому что на её голове красовался причудливый убор — нечто вроде тиары, от которой во все стороны расходились шесть тонких чёрных шипов, окружая её голову, словно чёрный…

Лэнгдона пробрал холодок. *Лучистая корона?*

Странное совпадение: увидеть лучистую корону сегодня утром — это было неожиданно и даже тревожно. Но Лэнгдон напомнил себе, что жутковатые костюмы вполне обычны для Праги.

Однако, по мере её приближения картина становилась всё более странной. Женщина с шипастым ореолом вокруг головы словно находилась в трансе, двигаясь как полутруп, её большие глаза смотрели пусто вперёд. Лэнгдон уже собирался спросить, всё ли с ней в порядке, но тут заметил, что она держит в руке.

Это зрелище остановило его на месте.

Но это же… невозможно!

В руке у женщины было серебряное *копьё. Прямо как в кошмаре Кэтрин…*

Лэнгдон уставился на заострённое оружие, тут же задавшись вопросом, не спит *ли он* сам.

Когда женщина поравнялась с ним, Лэнгдон осознал, что застыл на месте, парализованный собственным недоумением. Опомнившись, он развернулся и окликнул её, пытаясь привлечь её внимание.

«Простите!» — вырвалось у него. «Мисс?!»

Она даже не замедлила шаг, будто не слышала его.

«Эй!» — крикнул Лэнгдон, стоя на месте, но женщина просто проплыла мимо, как призрак… слепой дух, влекомый через мост невидимой силой.

Лэнгдон обернулся, чтобы броситься за ней, но успел сделать лишь два шага, прежде чем замер от внезапного зловония.

Следом за призрачным видением тянулся знакомый дурманящий запах. Запах… смерти.

Этот смрад мгновенно подействовал на Лэнгдона. Им овладел страх.

Боже мой, нет… Кэтрин!

Действуя на чистом инстинкте, Лэнгдон рванулся прочь, бешено рыская в кармане за телефоном и стремглав бросаясь через Карлов мост. Мчась к отелю, он поднёс телефон ко рту и закричал: «Эй, Сири, набери один-один-два!»

К моменту соединения Лэнгдон уже пере-

сёк мост и оказался на улице Кржижовницка. «Один-один-два», — раздался голос. «Что у вас случилось?»

«Four Seasons в Праге!» — крикнул Лэнгдон, поворачивая налево и бегом преодолевая тёмный тротуар к отелю. «Эвакуируйте всех! Срочно!»

«Извините, как вас зовут?»

«Роберт Лэнгдон, я из американ...»

Из паркинга прямо перед ним выехало такси. Он сильно ударился о бок машины, и телефон выпал у него в снег. Подхватив его, Лэнгдон продолжил бег, но вызов прервался. Уже неважно — вход в отель был прямо перед ним.

Запыхавшийся, он ворвался в лобби, увидел управляющего и закричал ему: *«Всем нужно срочно выйти!»*

Полицейских на месте не было, но несколько гостей, наслаждавшихся утренним кофе, удивлённо подняли головы.

«Все в опасности!» — снова крикнул Лэнгдон управляющему. *«Выводите людей!»*

Тот бросился к нему с испуганным лицом. «Профессор, что случилось?!»

Лэнгдон уже бежал к пожарной сигнализации на стене. Не раздумывая, он разбил стекло и дёрнул рычаг.

Мгновенно зазвучали тревожные звонки.

Лэнгдон выскочил из лобби и помчался по длинному коридору к крылу, где находился их номер. Добравшись до задней части отеля, он проигнорировал лифт, взлетел по лестнице на два пролёта вверх, оказался перед частным холлом, отпер дверь королевского люкса, ворвался внутрь и отчаянно крикнул в темноту:

«Кэтрин! Проснись! Твой сон...!» Он щёлкнул выключателем, осветив всю комнату, и бросился в спальню. Кровать была пуста. *Где она?!*Он кинулся в ванную. Никого. В отчаянии он обыскал остальную часть люкса. *Её здесь нет?!*

В этот момент поблизости зазвонил церковный колокол, звучавший скорбно и протяжно.

Звук наполнил Лэнгдона всепоглощающим ужасом. Что-то подсказывало ему, что он не успеет покинуть отель вовремя. Охваченный страхом за свою жизнь и движимый адреналином, он помчался к эркерному окну и посмотрел вниз, на темные воды Влтавы.

Гладкая, черная поверхность реки лежала прямо под ним. Колокол зазвоил громче.

Он попытался собраться с мыслями, но в голове не было никаких мыслей — только всеподавляющий человеческий инстинкт — инстинкт

выживания.

Не раздумывая, Лэнгдон распахнул окно и вскарабкался на подоконник. Порыв ледяного ветра и снега, проносящийся мимо, ничуть не умерил его панику.

Строки выбора у тебя нет.

Он шагнул на край подоконника.

Затем, сделав глубокий вдох, Лэнгдон бросился в темноту.

ГЛАВА 5

Роберт Лэнгдон судорожно хватал ртом воздух.

Ледяные воды реки Влтавы вызвали у него шок, граничащий с параличом, и, пытаясь удержаться на поверхности, он чувствовал, как мокрая одежда вот-вот утащит его под воду.

Кэтрин…

Лэнгдон поднял глаза на окно второго этажа, из которого выпрыгнул. Взрыва, которого он опасался… так и не произошло. Отель Four Seasons по-прежнему стоял будто неприступная крепость.

При резком свете аварийного освещения гости уже потоком выходили через боковой выход на террасу, выходящую к причалу, выступающему в реку.

Борясь за то, чтобы остаться на плаву, Лэнгдон вдруг осознал, что течение уносит его прочь; только на причале отеля у него был шанс выбраться из воды до того, как его понесет вниз по течению.

Изо всех сил стараясь не паниковать, он попытался плыть к причалу свободным стилем, но едва мог поднять руки. Промокший свитер

обтягивал его, как якорь. Холодная вода уже сковывала его кровообращение, и Лэнгдон почувствовал первые признаки переохлаждения — пронзительную боль в лодыжках и запястьях.

Плыви, Роберт…

Перейдя на неуклюжий брасс, Лэнгдон изо всех сил сопротивлялся течению, пытаясь добраться до причала. Бросив взгляд дальше, он испугался, что его унесет к водопаду неподалеку ниже по течению — хотя понимал, что, скорее всего, потеряет сознание и пойдет ко дну задолго до того, как окажется на краю.

Давай же!

Гребя руками в ледяной воде, Лэнгдон не мог выкинуть из головы образ женщины с черным сияющим ореолом. Головной убор ещё мог быть жуткой случайностью… но копье? И запах смерти?

Не может быть. Это невозможно.

На мгновение Лэнгдону показалось, что он всё ещё спит, запертый в реалистичном кошмаре, как тот, что приснился Кэтрин прошлой ночью. *Нет.* Пронзительный холод и бешеный стук сердца убедили его, что он бодрствует. Как мог бы подтвердить любой, провалившийся под лед, острое переохлаждение приносит с собой череду

состояний — шок, панику, рефлексию и, наконец, смирение.

Используй панику, сказал он себе. Плыви сильнее.

Плывя под углом к течению, Лэнгдон неуклюже двигался в сторону причала, пытаясь игнорировать нарастающую боль. С каждым усилием она становилась сильнее, но гул сирены отеля казался все ближе. *Ближе*. Глаза резало от ледяной воды, зрение начинало мутнеть.

Причал был уже близко, темное пятно в свете аварийного освещения, и Лэнгдон из последних сил устремился к нему. Когда его рука нащупала что-то твердое, окоченевшие пальцы едва почувствовали шероховатую древесину, не говоря уже о том, чтобы ухватиться за нее. Он стал подтягиваться к маленькой металлической лестнице у причала. Собрав остаток сил, Лэнгдон выбрался, тяжело рухнув на настил, а его промокшая одежда оставила вокруг лужи воды.

Лэнгдон лежал без движения, дрожа и обессилев, понимая, что всё еще в смертельной опасности.

Здесь я очень быстро замерзну. Надо согреться.

Он встал на колени и взглянул на отель. Тер-

раса уже была переполнена гостями, многие в халатах, стоявшими под падающим снегом. Он обернулся к Карлову мосту, который теперь выглядел как открытка, его газовые фонари мягко светились в снегопаде.

Я видел то, что видел.

Лэнгдон услышал быстрые шаги на причале.

— Мистер Лэнгдон! — закричал менеджер отеля, подбегая с вытаращенными глазами. Он резко остановился на заснеженной поверхности. — Вы в порядке, сэр?! Что здесь случилось?!

Лэнгдон кивнул. — Я… думал… что-то…

— Пожар?!

Дрожа от холода, Лэнгдон покачал головой. — Нет…

— Тогда почему вы подняли тревогу?! — Обычно любезный тон менеджера стал резким и злым.

— Я думал… опасность.

— Какая *опасность*?!

Лэнгдон с трудом поднялся в сидячее положение. Голова пульсировала, он чувствовал, что переохлаждение берёт своё.

К ним подбежал охранник отеля. Мускулистый мужчина резко поднял Лэнгдона, схватив под мышки. Лэнгдон не мог понять, помогал ли он ему встать или задерживал.

— *Зачем* вы подняли тревогу, сэр? — повторил менеджер, пристально глядя на него.

— Извините… — ответил Лэнгдон, у него начали стучать зубы. — Я… растерялся.

— Из-за полиции в холле? Я же сказал, это ерунда! — Менеджер едва сдерживался.

— Мне нужно знать — можно ли *возвращаться* внутрь?

Лэнгдон видел, как гости всё ещё выходят через аварийный выход, и мог только представить хаос у главного входа. *Этого им не объяснить. Они подумают, что я сошел с уда.*

— Профессор Лэнгдон, — озвучился менеджер, и в его раздраженном голосе появилась злость, — мне нужен ответ! Четыреста гостей стоят на улице под снегом. Здание безопасно? Да или нет! Можно ли вернуться внутрь?

Лэнгдон снова увидел женщину в черном сияющем венце… серебряное копье… смрад смерти. *Должно быть другое объяснение. Мир так не устроен! Возьми себя в руки, Роберт.*

Лэнгдон наконец кивнул. — Да… я думаю, безопасно. Прошу прощения. Как я сказал… я растерял…

— *Выключите тревогу!* — сказал менеджер охраннику, который тут же отпустил Лэнгдо-

на. Пока тот балансировал на дрожащих ногах, охранник достал рацию и отдал приказ, а менеджер что-то быстро говорил в телефон.

Через несколько секунд сирены умолкли, уступив место вою приближающихся машин экстренных служб. Менеджер закрыл глаза, глубоко вдохнул и медленно выдохнул. Затем он снова открыл глаза, спокойно стряхнул снежинки с темного костюма.

— Профессор Лэнгдон, — прошептал он сквозь стиснутые зубы, — мне нужно встретить власти. Охранник сопроводит вас в номер. *Никуда* не уходите. Властям нужно с вами поговорить.

Лэнгдон кивнул в знак понимания.

Пока менеджер торопился прочь, охранник провел Лэнгдона через маленький служебный вход к черной лестнице. Кроссовки Лэнгдона хлюпали на каждом шагу, пока они поднимались к Королевскому люксу. Дверь была открыта, свет горел — точь-в-точь, как он оставил.

«Оставайтесь здесь», — приказал охранник, указывая в комнату.

Лэнгдон не знал чешского, но по языку тела охранника все было предельно ясно.

Заходи и не выходи. Лэнгдон кивнул и вошел в номер один, закрыв за собой дверь.

Окно, из которого он выпрыгнул, по-прежнему было распахнуто настежь, а букет цветов на подоконнике уже поник под ледяным холодом. Красно-бело-голубые тюльпаны были подарком посла США Кэтрин в честь ее предстоящей лекции — их цвета соответствовали флагам Америки и Чехии.

Лэнгдон закрыл окно, с мрачными мыслями вспомнив, что именно практика дефенестрации — выкидывания жертв из высоких окон — послужила причиной начала как Гуситских войн, так и Тридцатилетней войны. К счастью, окно гостиничного номера Лэнгдона находилось значительно ниже, чем башня Пражского Града, и несмотря на переполох, который он устроил этим утром, Лэнгдон сомневался, что развязал хоть одну войну.

Мне нужно поговорить с Кэтрин… рассказать ей, что я видел.

Столкновение на Карловом мосту было настолько ошеломительным, что Лэнгдон не припомнит ничего подобного, и несмотря на открытость Кэтрин ко всему «паранормальному», Лэнгдон сомневался, что даже она сможет это объяснить.

Надеясь, что она могла отправить сообщение о том, что благополучно покинула отель, Лэнгдон

полез в карманы своих промокших спортивных брюк за телефоном, но его там не оказалось — скорее всего, он теперь покоится на дне Влтавы.

Новая волна холода пронзила его, пока он спешил в спальню, чтобы позвонить ей со стационарного телефона. Однако, когда он потянулся к трубке, заметил записку на тумбочке.

В утренней панике он её не заметил.

Р —

Решила дойти пешком до встречи в лаборатории доктора Гесснер.

Не одному тебе сегодня разминаться! Вернусь к 10. Оставь мне смузи!

— К

Лэнгдон выдохнул.

Кэтрин в безопасности. Больше мне ничего и не нужно знать.

Облегчённый, он сразу направился в душ, включил воду и залез внутрь в одежде.

ГЛАВА 6

Эфир рассеялся, и Голем лежал обнажённый на пеньковом коврике.

Как и всегда, его путешествие завершилось волнами эйфории и всеобъемлющим чувством духовной связи со всем сущим. Принять Эфир значило пережить несексуальный оргазм — высшую точку мистического блаженства, открывавшую врата, сквозь которые можно было увидеть подлинную Реальность.

Подобные мистические путешествия часто высмеивали как плод больного воображения, но тем, кто познал Истину, не нужны были ограниченные умы. Голем из собственного опыта знал, что Вселенная куда сложнее и прекраснее, чем способны постичь большинство. Современники всё ещё не могли принять ту Истину, что древние понимали интуитивно… Человеческое тело — всего лишь временный сосуд для познания этого земного мира.

Он вынул изо рта перфорированный кляп и поднялся, оставаясь один в темноте своей *святыни.* В отсутствие света он двинулся к дальней стене и опустился на колени перед алтарем, ко-

торый воздвиг там.

Шаря рукой в темноте, он нашёл коробок спичек, чиркнул одной и зажёг три вотивные свечи, расставленные на столе среди засохших цветов.

По мере того, как пламя свечей разгоралось, перед ним проступала фотография на стене.

Он умиротворённо улыбнулся её лицу.

Ты меня не знаешь, но я здесь, чтобы избавить тебя от зла.

Тёмные силы, угрожавшие ей, были могущественны и обладали необычайной проницательностью. Сейчас она была уязвимее, чем когда-либо, особенно потому что была рассеянна.

Она нашла любовь.

По крайней мере, ей так кажется…

Голема тошнило от мысли, что она отдаётся тому, кто этого недостоин.

Он не понимает тебя, как я. Никто не понимает.

Иногда, когда она лежала в постели, переплетенная со своим новым любовником здесь, в Праге, Голем позволял себе наблюдать... будучи незримым гостем в её сознании, молча созерцая и отчаянно желая крикнуть ей в ухо: «Он — не тот, за кого себя выдаёт!»

Но Голем оставался безмолвным... мыслью в

тени.

Она никогда не должна узнать, что я здесь.

ГЛАВА 7

Крупнейший в мире издатель Penguin Random House выпускает почти двадцать тысяч книг в год, принося свыше пяти миллиардов долларов годового дохода. Его американская штаб-квартира расположена на Бродвее в Мидтауне Манхэттена и занимает двадцать четыре этажа сверкающего серого стеклянного небоскреба, известного как Random House Tower.

В этот вечер офисы были безлюдны. В городе давно перевалило за полночь, даже уборщики закончили свои обходы. Тем не менее, на двадцать третьем этаже в угловом кабинете горел одинокий свет.

Редактор Джонас Фокман был ночным человеком. В свои бодрые пятьдесят пять он сохранял подростковый распорядок дня, совершал ежедневные пробежки в Центральном парке и носил на работу черные джинсы и кроссовки. Его вьющиеся черные волосы, к счастью, все еще были густыми, но борода определенно начала серебриться — ему нравилось думать, что это делает его похожим на Джозефа Конрада.

Фокман любил эту нетронутую тишину поздних

часов, наслаждался одиночеством, разбираясь в запутанных сюжетах и витиеватых фразах, делая подробные заметки для авторов. Сегодня вечером он освободил стол, чтобы посвятить ночь своему любимому занятию… чтению только что полученной рукописи от нового автора.

Скрытый потенциал.

Большинство изданных книг незаметно появлялись и исчезали, но избранные захватывали умы читателей и становились бестселлерами. Фокман возлагал большие надежды на ту, которую собирался прочесть. Он ждал ее несколько месяцев. Книга представляла собой смелое исследование тайн человеческого сознания, написанное известным специалистом по ноэтике Кэтрин Соломон.

Чуть больше года назад близкий друг Фокмана Роберт Лэнгдон привез Кэтрин в Нью-Йорк, чтобы за ланчем представить ее книжную идею. Презентация ученой была потрясающей — это была самая захватывающая заявка на нон-фикшн из тех, что Фокман когда-либо слышал. Уже через несколько дней он снял проект с рынка, предложив Кэтрин выгодный издательский контракт.

Прошлый год она провела за написанием книги в полной секретности, и только сегодня днем

позвонила из Праги, сообщив, что закончила правку рукописи и готова к его оценке. Фокман подозревал, что Лэнгдон мог подтолкнуть Кэтрин прекратить бесконечные исправления и выслушать мнение редактора. Какой бы ни была причина, одно Фокман знал точно: если рукопись Кэтрин Соломон окажется хотя бы наполовину так же захватывающей, как и ее презентация, эта книга станет одним из важнейших проектов в его карьере.

Просветляющая… ошеломляющая… универсально значимая.

Поиски понимания человеческого сознания быстро становились новым Святым Граалем науки, и Фокман чувствовал, что Кэтрин Соломон готова стать ведущим голосом в этой области. Если ее теория подтвердится, человеческий разум окажется совсем не таким, каким его представляли; эта истина произведет глубокий переворот в наших взглядах на человечество, жизнь и даже смерть.

Фокман задумался, не стоит ли перед ним работа, которая однажды встанет в один ряд с такими изменившими парадигму публикациями, как *Происхождение видов* и *Краткая история времени.*

Не торопись, Джонас… напомнил он себе. Ты пока даже не прочитал его.

Резкий стук в дверь Фокмана вернул его в реальность. Он крутанулся на стуле, удивленный ночным визитером в глухую полночь.

— Мистер Фокман? — Незнакомый молодой человек стоял на пороге.

— Да. Кто вы?

— Простите, что напугал вас, сэр, — парень поднял ламинированный бейджик компании. — Алекс Конан, отдел информационной безопасности. Я работаю в основном по ночам, когда нагрузка на систему минимальна.

Беспорядочная шевелюра и футболка с логотипом «Пиццерии Папагайо» делали его больше похожим на серфера, чем на техника. — Чем могу помочь, Алекс?

— О, скорее всего это ложное срабатывание, — ответил техник. — Но система только что подняла флаг по доступу к некоторым данным.

К данным, — мысленно поправил Фокман, удивляясь, когда же мир наконец усвоит, что «data» — множественное число.

— Уверен, это ерунда, — продолжил парень. — Просто предупреждение о «неавторизованном пользователе» для нас редкость, но теперь, когда

я вижу, что вы действительно *здесь*, в здании и в системе, мне спокойнее. Наверное, просто глюк в вашем аккаунте.

— Но я *не* в системе, — Фокман показал на монитор. — Компьютер всю ночь был выключен.

Глаза парня слегка расширились. — Оу…

Фокман почувствовал легкую тревогу. — Кто-то вошел под моим логином?

— Нет-нет, — техник замотал головой. — Вернее, уже нет. Кто бы это ни был, его здесь нет.

— «Кто бы это ни был»? Что это вообще значит?!

Техник теперь выглядел обеспокоенным. — Это значит, кто-то проник в ваш личный сегмент, сэр — без пароля и авторизации. Надо быть реально крутым хакером, потому что у нас защита военного уровня…

— Погоди, *что именно* было взломано? — Фокман развернулся к столу и включил компьютер. *Вся моя профессиональная жизнь на этом чертовом сервере!*

— Кто-то взломал один из ваших SVW, — сказал парень.

Фокман застыл. Это был не тот ответ, который я хотел услышать.

SVW — защищенные виртуальные рабочие

пространства — относительно новая разработка PRH. Из-за участившихся случаев пиратства украденных рукописей, некоторые редакторы PRH начали настоятельно рекомендовать топовым авторам работать *исключительно* на серверах Penguin Random House для дополнительной безопасности. Многие из самых ценных рукописей PRH писались, редактировались и хранились в одном защищенном месте — в зашифрованной, защищенной файрволлом системе Random House Tower… и её зеркальном резерве в Мэриленде.

Я уговорил Кэтрин Соломон использовать SVW, с беспокойством подумал Фокман.

Разглядев в её заявке потенциал бестселлера, Фокман настоял, чтобы Кэтрин соблюдала строгие меры безопасности во время работы над рукописью. Она охотно согласилась, сказав, что ей нравится идея удалённой работы над рукописью из любой точки мира, зная, что все материалы в одном безопасном месте с автоматическим бэкапом.

Большинство авторов мыслили аналогично, хотя одно их беспокоило. *Конфиденциальность*. Никто не хотел, чтобы нетерпеливый редактор следил за процессом раньше, чем рукопись будет готова к показу. Поэтому каждый автор, использу-

ющий SVW, защищал своё рабочее пространство паролем — кодом доступа, известным только ему, до момента сдачи материала.

Для Кэтрин этот день настал сегодня, подумал Фокман.

Когда она звонила ранее из Праги, она нервно продиктовала Фокману свой код доступа, чтобы он мог начать читать и править текст. Фокман тут же освободил стол от других дел, чтобы погрузиться в её рукопись уже вечером и прочитать её от начала до конца за выходные. Однако теперь его долгожданный вечер чтения был прерван охранником в футболке, принёсшим тревожные новости.

«*К какой* SVW был доступ?» — спросил Фокман, чувствуя, как пересыхает в горле.

«Какая книга?»

Паренёк достал из кармана смятый листок и стал его разворачивать. «Кажется, это какая-то *математическая* книга?»

Фокман встрепенулся, почувствовав проблеск надежды.

«Вот, — сказал Алекс, читая записку. — Название... *СУММ*». Редактора тут же пронзила паника.

Дыши, Джонас. Дыши.

СУММ никакая не математика. Это была аббревиатура. Она расшифровывалась как «Соломон — Без Названия».

ГЛАВА 8

Стоя под струями горячей воды в душе отеля, Роберт Лэнгдон закрыл глаза, вдыхая пар. Он сумел скинуть промокшую одежду, но так и не смог избавиться от окутавшего его с утра ощущения растерянности.

Лэнгдон подумал было позвонить Кэтрин, прервав её экскурсию по лаборатории доктора Гесснер, чтобы рассказать о случившемся, но передумал. *Это тот странный разговор, который нам лучше провести лично, когда она вернётся.* Даже сейчас, когда тело постепенно согревалось, а мысли прояснялись, он не находил логичного объяснения тому призрачному видению на Карловом мосту. Или своей реакции на него.

Обычно Лэнгдон сохранял спокойствие в стрессовых ситуациях, но этим утром он поддался панике, охваченный странным, почти животным страхом. Это чувство подавило его рациональное мышление... вид женщины, запах смерти, копьё, зловещий перезвон колоколов. Навязчивые воспоминания безостановочно прокручивались в голове.

Как такое могло произойти?

Он мысленно вернулся к событиям прошлой ночи — всего пять часов назад — когда Кэтрин с криком его имени проснулась от жуткого кошмара. Он успокаивал её, пока она в панике пересказывала своё страшное видение.

Это было ужасно, Роберт... В ногах нашей кровати стояла тёмная фигура. Она была в чёрном... с шипастым нимбом на голове... и держала серебряное копьё. От неё исходил смрад, как от разложения. Я звала тебя, но тебя не было! Женщина прошипела:

«Роберт не спасёт тебя. Ты умрёшь». Прозвучал оглушительный грохот, вспыхнул свет, и отель взорвался в облаке огня. Я чувствовала, как горю...

Тогда, несмотря на очевидный ужас сна Кэтрин, Лэнгдон видел в его элементах логику. Шипастый нимб или сияющий венец фигурировал в её лекции тем вечером. Серебряное копьё обсуждалось с Бригитой Гесснер за кружкой пива после мероприятия. Запах серы мог остаться после их поездки к термальным источникам Карловых Вар. А взрыв в отеле наверняка был отголоском мрачных кадров в новостях вчера — репортажа о теракте в Юго-Восточной Азии.

Лэнгдон успокоил Кэтрин, напомнив, что

абсент — сильный галлюциноген, и что она, вероятно, переживает из-за того, что её издатель скоро прочитает рукопись. *Я прекрасно знаю это волнение,* подумал Лэнгдон. *Неудивительно, что тебе не спалось*. Теперь же, спустя несколько часов, стоя под душем, он не находил никакого разумного объяснения тому, что только что увидел... по крайней мере, в рамках своего понимания реальности.

Эйнштейн как-то сказал: Совпадение — это способ Бога оставаться анонимным.

То, что я увидел, не было совпадением, внутренний голос Лэнгдона настаивал. Это статистически невозможно.

Либо кошмар Кэтрин предсказал будущее... либо будущее отреагировало на её сон. Какая из версий верна, Лэнгдон не понимал.

Ещё более жутким казалось то, что вчерашняя лекция Кэтрин как раз затрагивала этот феномен.

Прекогниция.

Способность ощущать или предвидеть события до их свершения.

Со сцены Владиславского зала Кэтрин перечислила самые известные случаи прекогниции в истории, включая вещие сны Карла Юнга, Марка

Твена и Жанны д'Арк. Она рассказала, как за три дня до убийства Авраам Линкольн поделился со своим телохранителем Уордом Хиллом Лэмоном сном, в котором видел накрытое саваном тело под охраной солдата, объявившего: «Президент убит убийцей».

Затем Кэтрин поведала о самом странном случае — Моргане Робертсоне, американском писателе, опубликовавшем в 1898 году роман *«Тщетность»*, основанный на его кошмаре про непотопляемый лайнер — *«Титан»* — который сталкивается с айсбергом и тонет во время своего первого трансатлантического плавания. Удивительно, но книга вышла за четырнадцать лет *до* катастрофы *«Титаника»*. Совпадения в конструкции судна, его маршруте и обстоятельствах гибели были настолько детальными, что их так и не смогли объяснить.

«Знаю, в зале есть скептики», — кокетливо бросила она взгляд в сторону Лэнгдона, — «поэтому я хочу рассказать об эксперименте, впервые проведённом годы назад моим коллегой из Института ноэтических наук. С тех пор его повторяли и развивали лаборатории по всему миру. Вот в чём его суть...»

Кэтрин нажала кнопку презентера, и на экране

появилось изображение — испытуемый в камере с датчиками, сидящий перед небольшим кино-экраном.

«Снимая показания активности мозга специальным оборудованием, — начала она, — мы показываем испытуемому случайную последовательность изображений. Они делятся на три чёткие категории: жестокое насилие, идиллический покой или откровенные сцены сексуального характера. Поскольку каждый тип изображения активирует разные зоны мозга, мы наблюдаем в реальном времени, как сознание обрабатывает картинку.»

Следующий слайд показал график мозговых волн с цветными всплесками, соответствующими типам изображений. «Как и ожидалось, соответствующие участки мозга активируются при появлении каждого конкретного изображения. Всё понятно?»

Зал дружно закивал.

«Отлично, — сказала она, увеличивая горизонтальную шкалу графика. — Эта временная шкала предельно точно фиксирует момент, когда компьютер случайным образом показывает изображение, и момент реакции мозга.»

Лэнгдон гадал, к чему она ведёт.

«Если увеличить шкалу дальше, — продолжила она, демонстрируя миллисекундные интервалы, — мы обнаружим серьёзную аномалию.»

Она умолкла, и спустя секунду зал взорвался удивлёнными возгласами. Лэнгдон разделял всеобщее замешательство. Согласно графикам, мозг испытуемого реагировал *раньше*, чем появлялось изображение.

«Как вы видите, — сказала Кэтрин, — этот человек регистрирует каждое изображение преждевременно. Соответствующий участок его мозга активируется на целых четыреста миллисекунд *до* показа картинки. Каким-то образом его сознание *уже знает*, что именно он увидит.» Она улыбнулась. «Но это ещё не самое поразительное...»

Воцарилась тишина.

«Оказывается, — продолжила Кэтрин, — мозг реагирует не только до того, как изображение *появится*... но ещё до того, как генератор случайных чисел компьютера *выберет*, какое именно изображение показывать! Выходит, мозг не столько предсказывает реальность... сколько *создаёт* её.»

Как и все вокруг, Лэнгдон был в шоке. Он также знал, что сама эта идея — представление о том, что человеческие мысли *создают* реальность, —

лежит в основе большинства великих духовных учений.

Будда: Мы — то, о чём мы думаем.

Иисус: Всё, чего ни попросите в молитве, будет дано вам.

Индуизм: В вас заключена сила Бога.

Как знал Лэнгдон, эту концепцию повторяли и современные прогрессивные мыслители, и гениальные творцы. Бизнес-гуру Робин Шарма заявлял: *Всё создаётся дважды: сначала в уме, а потом в реальности.* Самая известная фраза Пабло Пикассо гласила: *Всё, что можно вообразить, — реально.*

Стук заставил Лэнгдона вздрогнуть, и Владиславский зал растворился в его сознании. Он снова оказался в душе, услышав, как открывается дверь ванной. Сквозь матовое стекло душевой кабинки Лэнгдон разглядел расплывчатый силуэт входящего человека и с облегчением вздохнул. *Слава богу, она вернулась раньше.* Несомненно, Кэтрин узнала о происшествии в отеле и сразу приехала обратно.

«Только закончил», — крикнул Лэнгдон, выключая горячую воду и отказываясь от привычного ледяного обливания. *Холодной воды мне сегодня хватило.* Он схватил полотенце, висевшее внутри

душевой кабины, обернул вокруг бедер и вышел в ванную. «Кэтрин...»

Он резко замолчал. Кэтрин там не было.

Лэнгдон стоял лицом к лицу с угловатым мужчиной в кожаной куртке.

«Да кто вы такой?!» — потребовал Лэнгдон. *Как вы сюда попали?!*

Незнакомец сделал шаг вперёд, без тени улыбки. «Мистер Роберт Лэнгдон?» — произнёс он с сильным чешским акцентом. «Доброе утро. Я капитан Яначег из Úřad pro zahraniční styky a informace. Я позволил себе забрать ваш паспорт из спальни. Надеюсь, вы не против».

Забрали мой паспорт? Лэнгдон чувствовал себя уязвимым, стоя перед этим человеком в одном полотенце. «Простите, *кто* вы?»

Мужчина показал удостоверение, но в парном воздухе Лэнгдон разглядел лишь смелый эмблему организации — льва, вставшего на дыбы.*"Восстающий лев»?*Этот символ был довольно распространённым, он также являлся эмблемой подготовительной школы Лэнгдона, хотя он был почти уверен, что этот тип не из академии Филлипса Эксетера.

«Я из ÚZSI, — хрипло сказал мужчина. — Чешской национальной разведывательной службы».

Не похож на разведчика, подумал Лэнгдон. Глаза мужчины были красными и слезились, поредевшие волосы — нечёсаными, а рубашка под кожаной курткой — сильно помятой.

«Я скажу это *один раз*, мистер Лэнгдон». Чешский чиновник шагнул к нему, словно намеренно переступая какую-то невидимую грань между ними. «Вы только что эвакуировали пятизвёздочный отель. Либо дадите вескую причину, либо я немедленно арестую вас».

Лэнгдон растерялся. «Я... ужасно сожалею, — пробормотал он. — Трудно объяснить, капитан. Я ошибся».

«Согласен, — парировал мужчина, не проявляя эмоций. — Серьёзная ошибка.

Почему вы подняли тревогу?»

Лэнгдон понял, что придётся сказать правду. «Я думал, что произойдёт взрыв». Единственной реакцией офицера было лёгкое подёргивание густых бровей.

«Интересно. И что могло вызвать этот взрыв?»

«Не знаю... возможно, бомба».

«Понятно. Возможно, бомба. Значит, вы боялись, что в этом отеле бомба... но при этом побежали *обратно* в здание и поднялись в этот номер?»

«Предупредить мою... подругу».

Мужчина достал из куртки блокнот и прочитал: «Ваша подруга — мисс Кэтрин Соломон?»

Лэнгдона пробрал озноб, когда он услышал имя Кэтрин из уст офицера чешской разведки. Ситуация с каждой минутой становилась серьёзнее. «Верно. Но её уже не было».

«Понимаю, понимаю. Значит, зная, что ваша подруга в безопасности, вместо того чтобы спуститься обратно, вы рискнули утонуть в ледяной реке, выпрыгнув из окна?» Лэнгдон признал, что этот поступок удивил даже его самого. «Я запаниковал.

Внезапно зазвонил колокол... Это показалось зловещим».

«Зловещим?» Он выглядел оскорблённым. «Это «Ангелус», профессор. Церковные колокола звонят здесь каждый час, призывая к утренней молитве. Я бы подумал, вы это знаете».

«Да, конечно, но я не соображал. Колокола создали ощущение, будто время... не знаю... вышло. Я видел полицию в лобби ранее...»

«Время вышло? Так... значит, у вас была *аналоговая* бомба? На семь утра?»

Это не моя *бомба!* Лэнгдон с трудом сдерживал себя. «Нет, я просто был в замешательстве и дей-

ствовал инстинктивно. Конечно, я оплачу...»

«Не нужно платить, сэр, — сказал мужчина, смягчив тон. — Люди путаются. Это не проблема. Я просто пытаюсь понять, *почему* вы подумали о взрыве. *Откуда* вы получили информацию?»

Я не могу ему рассказать, понял Лэнгдон. Правда выглядела невероятной — невообразимо — и честное признание могло обернуться серьёзными проблемами. *Он мне не поверит*. Лэнгдон внезапно осознал, что, возможно, ему нужен адвокат.

«Мистер Лэнгдон?» — настаивал офицер.

Лэнгдон поёжился, крепче удерживая полотенце. «Как я сказал, я запутался. Мне дали неверную информацию».

Капитан прищурился и, сделав шаг ближе, тише сказал: «Собственно, профессор, проблема не в этом. Проблема в том, что у вас была *ценная* информация. *Очень* ценная».

«Я не понимаю».

Офицер пристально смотрел, изучая его. «Нет?» Лэнгдон покачал головой.

«Профессор, — ледяным тоном произнёс капитан. — Сегодня рано утром в этом самом отеле моя команда обнаружила и обезвредила... бомбу. Она должна была сработать ровно в семь утра».

ГЛАВА 9

В мерцающем свете свечей Голем ещё раз бросил взгляд на её фотографию на стене. Затем задул свечи и покинул своё священное пространство.

Я возродился.

Окутанный мимолётным светом своей квартиры, он вошёл в гардеробную. Его плащ с капюшоном и ботинки на платформе валялись на полу, поспешно сброшенные, чтобы он мог принять Эфир — путешествие, которое он всегда совершал обнажённым, без украшений и в полной темноте.

Голем аккуратно повесил костюм, смахивая засохшие кусочки глины с воротника. Туристов его облик часто пугал, но местные жители едва обращали внимание. Прага была городом драмы и фантазии, и праздные гуляки регулярно расхаживали по улицам, перевоплотившись в легендарных персонажей её истории — известных призраков, ведьм, несчастных влюблённых, мучеников-святых… и этого массивного глиняного монстра.

Самая старая легенда Праги. Мистический страж… совсем как я.

Голем знал историю глиняного монстра наизусть, потому что это была его собственная — дух-защитник… заключённый в физическую форму… обречённый жертвовать своим комфортом, чтобы нести чью-то боль.

Согласно легенде XVI века, могущественный раввин по имени Иегуда Лёв добыл мокрую глину с берегов реки Влтавы и создал из неё монстра, надеясь защитить свой народ. Используя каббалистическую магию, раввин начертал на лбу безжизненного стража еврейское слово, и глиняный монстр сразу ожил, наполнившись душой из иного мира.

Слово на его лбу было ◻◻◻ — *эмет*. Истина.

Раввин назвал своё создание *големом* — что на иврите означает «сырая материя»

— в память о земляной глине, из которой был создан монстр. С тех пор голем патрулировал улицы еврейского гетто, защищал людей в опасности, убивал злодеев и обеспечивал безопасность общины.

Но на этом легенда делала мрачный поворот.

Монстр начал чувствовать себя одиноким и сбитым с толку собственным насилием, в конце концов обратившись против своего создателя. Раввину едва удалось выжить после атаки

монстра, отчаянно стерев одну из букв на лбу существа. Стерев букву *алеф*, א, еврейское слово, означающее *истину* — *эмет* — превратилось во что-то куда более мрачное — *мет* — что на иврите означает *смерть*.

אמת стало מת.

Истина обернулась… *Смертью*.

Монстр рухнул на землю, бездыханный.

Над своим павшим творением раввин не стал испытывать судьбу. Он быстро разобрал тело из глины и спрятал куски на чердаке Староновой синагоги в Праге, где, как говорят, земляные осколки лежат по сей день, возвышаясь над древним кладбищем, где теперь покоится раввин Лёв.

Именно с этого кладбища начался мой путь, — подумал Голем, глядя на свой тёмный костюм, безжизненно висящий в гардеробной. Я — Голем. Ещё одно воплощение… в цикле душ.

Он тоже был призван как защитник-хранитель женщины, чья фотография висела на стене его *святилища*. Она никогда не должна узнать о его существовании или о том, что он для неё сделал. *И, особенно, что вскоре сделаю.*

Он уже убил одну из самых коварных предательниц — Бригиту Гесснер. Он до сих пор

слышал отголоски её голоса, когда она в отчаянии рассказывала обо всём, что совершила вместе со своими сообщниками.

Некоторые её соучастники были здесь, в Праге, в пределах досягаемости Голема.

Другие находились за тысячи миль — серые кардиналы, действующие в тени.

Я не успокоюсь, пока все не понесут наказание. Голем знал лишь один способ добиться этого. *Я уничтожу всё, что они создали.*

Они обезвредили бомбу?!

ГЛАВА 10

Мысли Роберта Лэнгдона неистово кружились, пока он одевался в гостиничном номере. Он не мог осознать, что сегодня утром действительно предотвратили взрыв, не говоря уже о происшествии с женщиной на мосту.

Несколько минут назад Лэнгдон попросил рассмотреть удостоверение чешского офицера поближе, и тот нехотя согласился, подтвердив, что он Олдржих Яначек, шестидесятиоднолетний капитан УЗСИ. Как он пояснил Лэнгдону, аббревиатура расшифровывалась как «Урзад про загранични стыки а информаце» — Управление по международным связям и информации, — а произносилась «точно как пистолет-пулемёт — Узи».

Логотип агентства — восставший лев — сопровождался девизом *Sine Ira et Studio,*что означало «Без гнева и пристрастия», хотя манера поведения капитана явно указывала на присутствие и того, и другого.

Последние три минуты Яначек стоял в дверях комнаты Лэнгдона, горячо споря на чешском по телефону и не спуская с него глаз.

Думает, я собираюсь сбежать?

Лэнгдон закончил одеваться, наконец согревшись в плотных чинос, водолазке и тёплом джемпере Dale. Он снял с тумбочки свои старинные часы Mickey Mouse и застегнул ремешок, понимая, что сегодня ему, возможно, понадобится постоянное напоминание сохранять лёгкость духа.

«Нет!» Яначек сердито крикнул в трубку. *«Тады вэлимъ я!»*

Он положил трубку и повернулся к Лэнгдону. «Это ваш *чьюва*. Он поднимается в номер.»

Мой чьюва? Лэнгдон не имел понятия, что означает это слово, но было ясно, что Яначеку его появление не нравится.

Яначек был необычайно долговязым, с сутулой осанкой, создававшей впечатление, что он вот-вот кинется вперёд. Лэнгдон последовал за ним в гостиную, где тот устроился как дома: включил камин, уселся в кожанное кресло и скрестил длинные ноги-паутинки.

Едва он устроился, раздался звонок у двери номера. Яначек указал на прихожую. «Впустите его.»

Мой чьюва? Лэнгдон вновь удивился, направляясь в коридор и открывая дверь.

В прихожей стоял эффектный чернокожий мужчина лет тридцати, примерно одного роста с Лэнгдоном — чуть выше шести футов, — с бритой головой, лучезарной улыбкой и чёткими чертами лица. Безукоризненно одетый в синий блейзер, розовую рубашку и шёлковый галстук, он больше походил на фотомодель, чем на человека, с которым капитан Яначек только что спорил по-чешски.

«Майкл Харрис», — представился он, протягивая руку. «Честь познакомиться, профессор Лэнгдон.» В его акценте угадывалось американское происхождение, возможно, из Новой Англии.

«Спасибо», — ответил Лэнгдон, пожимая руку. *Кто бы ты ни был.*

«Прежде всего, приношу извинения. Капитану Яначеку следовало связаться с моим офисом, прежде чем допрашивать вас.»

«Понятно», — сказал Лэнгдон, не понимая вовсе. «А ваш офис это…?» Харрис выглядел удивленным. «Он вам не сказал?»

«Нет, он сказал, что вы мой *chůva.*»

Харрис нахмурился, не делая попытки войти в номер. «Яначек развлекался. *Chůva* означает *няня.* Я юридический атташе посольства США. Я

здесь, чтобы помочь вам.» Лэнгдон почувствовал огромное облегчение, получив юридическую поддержку, хотя он надеялся, что атташе не заметит, что Лэнгдон уже погубил дорогой букет тюльпанов, который посол прислал в качестве приветственного подарка.

«Моя работа, — тихо сказал атташе, — защищать ваши права как американца за границей, которые, судя по всему, что я уже слышал, сегодня утром былирастоптаны.»

Лэнгдон пожал плечами. «Капитан Яначек был резок, но учитывая обстоятельства, я могу понять его действия.»

«Это великодушно с вашей стороны, — прошептал Харрис. — Но предупреждаю, будьте осторожны со своей добротой. Капитан Яначек мастерски использует вежливость как слабость, и похоже, ситуация... необычная?»

Ты и понятия не имеешь, — подумал Лэнгдон, все еще ошеломленный увиденным на мосту.

«Совет, — добавил Харрис. — Этот отель и Карлов мост находятся под плотным наблюдением камер видеонаблюдения, а значит, Яначек уже знает все детали происшедшего. Так что вы должны говорить правду. *Не лгите.*»

«Харрис!» — прогремел голос Яначека изнутри.

«Čekám!»

«Už jdeme!» — крикнул в ответ Харрис на, казалось бы, идеальном чешском и ободряюще посмотрел на Лэнгдона. «Начнём?»

Они застали Яначека сидящим перед камином, спокойно потягивающим местную сигарету «Петра», запрокинув голову и выпуская дым в воздух.

Вот и весь наш номер для некурящих.

«Все садятся, — скомандовал Яначек, стряхивая пепел в стоящее на полу растение в горшке. — Профессор, прежде чем мы начнём, мне нужен ваш телефон.» Он протянул узловатую руку.

«Нет, капитан, — вмешался Харрис. — У вас нет законного пра—" «Моего телефона нет, — сказал Лэнгдон. — Я потерял его вводе.»

«Конечно же потерял, — фыркнул Яначек, выпуская клуб дыма. — Как вам удобно. Садитесь.»

Лэнгдон и Харрис сели напротив Яначека.

«Профессор, — начал капитан, — пока вы одевались, вы подвергли сомнению мои действия в этой ситуации. Вы сказали, что были шокированы тем, что я не *эвакуировал* отель, как только мы обнаружили бомбу.»

«Я был удивлен, но я не сомневался в ваших—"

«Мистер Харрис? — вмешался Яначек, поворачиваясь к атташе и затягиваясь сигаретой. — Мо-

жет быть, вы просветите нашего профессора?»

«Конечно, — спокойно ответил Харрис. — Это разумный вопрос, и хотя я не могу говорить о конкретных методах капитана Яначека, я определенно могу подтвердить, что его действия соответствуют общей стратегии контртерроризма. Широко разрекламированные атаки, даже *неудавшиеся,*, только поощряют террористов. Правильная реакция, когда это возможно, — нейтрализовать угрозу, сделать вид, что ничего не произошло, и лишить террористов какой-либо огласки.»

«Понятно». — Лэнгдон задумался, сколько терактов предотвращается ежедневно без ведома общественности.

Яначек наклонился к Лэнгдону, положив локти на колени. «Еще вопросы?» «Нет, сэр.»

«Хорошо, тогда перейдем к *моему* вопросу... потому что у меня только один. И это тот, на который вы пока отказывались отвечать.» Яначек снова затянулся сигаретой и протяжно задал вопрос, как будто разговаривая с ребенком. «Профессор... *как* вы узнали о бомбе?»

«Я не *знал,*» — ответил Лэнгдон. «Я просто—"

«Вы подали сигнал тревоги! — взорвался Яначек. — Вы что-то знали! И, профессор, пожалуйста,

не говорите снова «Это сложно». Я ценю, что вы известный ученый, но я тоже умный человек. Думаю, я способен понять ваши сложности.»

«Мистер Лэнгдон, — спокойно произнес Харрис. — Это ваш момент; просто скажите правду.»

Лэнгдон глубоко вздохнул, надеясь, что Иоанн Богослов был прав, провозгласив: «Истина сделает вас свободными».

ГЛАВА 11

Редактор Джонас Фокман раздражённо щёлкал компьютерной мышью, мысленно подгоняя загрузку терминала. Лишь двое людей на планете должны были иметь доступ к приватному серверу Кэтрин Соломон.

Как кто-то посторонний мог получить доступ?!

Фокману стало физически плохо от мыслей о возможном ущербе — все научные исследования Кэтрин, её записи и, что важнее всего, сама рукопись. *Быстрее!* — мысленно подгонял он, ожидая, когда система загрузится.

Позади него молодой техник заглядывал через плечо, нервно напевая что-то себе под нос, что только усилило раздражение Фокмана. Когда компьютер наконец включился, он открыл нужную папку и кликнул на ярлык раздела сервера под названием «СР» — «Соломон: рукопись без названия».

Фокман записал код доступа Кэтрин на карточке и спрятал её в ящик, но не успел его достать, как раздался незнакомый звук — три отрывистых гудка. Он повернулся к экрану, ожидая увидеть

окно входа Кэтрин, но вместо этого перед ним было яркое красное сообщение об ошибке.

РАЗДЕЛ НЕ НАЙДЕН.

— Что за...? — Фокман снова кликнул на иконку СР. Послышались три коротких гудка и то же сообщение: *Раздел не найден.* Фокман резко развернулся к Алексу: — Весь раздел... *пропал*?! — Ещё днём, когда Фокман проверял пароль Кэтрин, раздел был на месте. *Куда он мог деться?!*

Техник широко раскрытыми глазами опустился рядом с Фокманом и перехватил управление клавиатурой и мышью. Фокман затаил дыхание, наблюдая, как его пальцы мелькают по клавишам. Попытка за попыткой — тот же результат. Три резких гудка.

Раздел не найден.

— Не паникуйте, — сказал парень, звуча при этом совершенно панически. — Это просто значит, что чтобы замести следы, они удалили раздел.

— *Удалили?*

— Да, сэр, то есть *стерли.* Ваши данные —

— Спасибо, я знаю значение слова «удалить». Вы хотите сказать, что кто-то *удалил* все исследования и черновики рукописей по этому проекту?

— Да, сэр. Очистка данных — стандартная

процедура после взлома. Это затрудняет отслеживание хакеров. — Он снова начал печатать. — Но не волнуйтесь, мистер Фокман, у нас есть резервное копирование, и все ваши данные будут в архиве PRH. Он расположен на нашем распределительном складе в Мэриленде. Я прямо сейчас подключаюсь, чтобы их восстановить.

Пальцы Алекса мелькали. — Нам осталось только подключиться к удалённому разделу и перенести—

Компьютер снова издал три коротких гудка. На экране всплыло знакомое окно.

Раздел не найден.

Глаза техника округлились, когда он снова попробовал подключиться к резервному серверу.

Раздел не найден.

— Ой... нет, — выдавил парень.

Фокмана внезапно охватила слабость. Раздел Кэтрин удалён с обоих серверов?!

Вместе со всеми рукописями и записями?

Алекс Конон вскочил и направился к двери. — Мне нужно перейти к своему терминалу, сэр. Я никогда не видел ничего подобного — это серьёзный прорыв.

Неужели!

Ошеломлённый Фокман сидел в кресле, пока

шаги парня затихали в пустом коридоре. — Мне нужны эти файлы, Алекс! — крикнул ему вслед. — Моя автор доверила мне целый год своей работы!

Всю ночь в Лондоне мистер Финч наблюдал за стремительно меняющейся обстановкой.

Первой была Бригита Гесснер. Невролог прислала Финчу крайне тревожное сообщение о рукописи Кэтрин Соломон, а затем словно испарилась. *Полное радиомолчание.*

Затем сама Кэтрин Соломон. Тридцать пять минут назад в Праге она совершила нечто настолько неожиданное, что это нельзя было игнорировать. *Требовались срочные меры.*

Финч подумывал предупредить начальство в США, но там была глубокая ночь, а ему дали «полную оперативную свободу» для принятия стратегических решений. Высшее руководство также предпочитало сохранять правдоподобное отрицание в отношении операции *вроде этой,* — подумал Финч, зная, что коллеги предпочитают *не* знать, какими методами он добивается результатов.

Итак, через несколько минут после того, как

он узнал о действиях Соломон, следовал своим инстинктам и отдал приказ, передав в поле два слова.

Выполняйте немедленно.

Подтверждение поступило от его контактов в Праге и Нью-Йорке.

ГЛАВА 12

Это та женщина, которую вы видели? — потребовал капитан Яначек, — поднимая планшет. На экране был зернистый видеокадр: женщина с черными шипами вокруг головы, держащая в руках копье.

Яначек и атташе Харрис сидели напротив Лэнгдона у камина.

— Да, это она, — ответил Лэнгдон, вспоминая свою панику.

— Согласно записям видеонаблюдения, — сказал Яначек, — вы были на мосту, встретили эту женщину посередине, остановились, чтобы поговорить, а потом внезапно побежали обратно и эвакуировали отель. Что она вам сказала?

— Ничего, — ответил Лэнгдон. — Она проигнорировала меня и прошла мимо.

— Ничего не сказала? — Яначек прыснул. — Профессор, если она ничего не сказала… то почему вы запаниковали?

Харрис выглядел столь же озадаченным.

— На ней был этот странный колючий головной убор… и копье, — сказал Лэнгдон. — А еще было очень сильное… амбре. — Лэнгдон тут же

осознал, насколько странно это звучит.

Капитан поднял брови. — Вам не понравился ее запах? Поэтому вы убежали?

— Она пахла… смертью.

Яначек уставился на него. — Смертью? И как именно, по-вашему, пахнет *смерть*?

— Не знаю… тленом, серой, разложением… Это сложный...

— Профессор Лэнгдон! — рявкнул Яначек. — Откуда вы узнали, что этот отель нужно эвакуировать?!

— Капитан, — вмешался Харрис. — Может, дадим мистеру Лэнгдону возможность объясниться?

Яначек постучал ручкой по блокноту, не отрывая взгляда. Лэнгдон глубоко вздохнул. *Что будет — то будет.*

— Вчера вечером, — начал он максимально бесстрастно, — моя коллега Кэтрин Соломон читала лекцию в Пражском Граде. После этого мы вернулись сюда, в отель, и выпили в баре. К нам присоединился известный чешский нейрофизиолог — доктор Бригита Гесснер, которая и пригласила Кэтрин в Прагу. Доктор Гесснер настаивала, чтобы Кэтрин попробовала местный абсент, что та и сделала, и в результате ночной

сон выдался беспокойным.

Яначек делал заметки. — Продолжайте.

— Примерно в половине второго ночи, — продолжил Лэнгдон, — Кэтрин проснулась в панике от кошмара. Она была крайне расстроена. Я привел ее сюда, к камину, усадил, заварил чай, дал прийти в себя, а когда она успокоилась, мы оба вернулись спать.

— Как мило с вашей стороны, — пробормотал Яначек. — И какое это имеет отношение к вашей выходке с эвакуацией *отеля*?

Лэнгдон замолчал, подбирая слова. Затем, собравшись, он сказал правду. — Ей снилось, — произнес он как можно спокойнее, — что в этом отеле произошел страшный взрыв.

По выражению их лиц Лэнгдон понял, что ни Яначек, ни Харрис не ожидали такого ответа.

— Это, конечно, крайне тревожно… — тихо сказал Харрис. «Но женщина… на мосту? Почему вы побежали, когда увидели ее?»

Лэнгдон вздохнул и заговорил медленно. «Потому что в сне Кэтрин женщина появилась рядом с нашей кроватью в этом номере. Она была одета в черное и на ней было…» Лэнгдон указал на изображение на iPad. «Именно это — остроконечный головной убор. И она держала серебряное копье.

От женщины несло смертью, и она сказала, что Кэтрин умрет.» Лэнгдон сделал паузу. «А затем во сне весь этот отель взорвался, убив всех.»

«Чепуха!» Яначек взорвался. «*Вранье!* Как говорят в Америке! Я не верю ни единому вашему слову!»

Выражение лица Харриса тоже выражало недоверие.

«Я понимаю вашу реакцию, — сказал Лэнгдон. — Я сам до сих пор пытаюсь это осмыслить, но я говорю правду. Сегодня утром, когда я увидел ту самую женщину из сна Кэтрин во плоти, я запаниковал. Я испугался, что этот сон был каким-то... не знаю... предупреждением.»

«Предупреждение во сне?!» — резко отреагировал Яначек, и его сильный чешский акцент делал историю еще менее правдоподобной. — «Так скажите мне, в волшебном сне мисс Соломон, в какое *время* произошел взрыв?»

Лэнгдон задумался. «Я не знаю. Она не упоминала время.»

«И все же вы выпрыгнули из окна, чтобы сбежать к семи утра, именно тогда, когда должна была сработать бомба. Откуда вы знали про семь утра?!»

«Я *не знал*, — сказал Лэнгдон. — Начали звонить

церковные колокола, и по какой-то причине у меня в голове все сложилось...»

«Полнейшая чепуха!» — плюнул Яначек, вскочив на ноги и угрожающе двинувшись к Лэнгдону. — «Двойное вранье! Вы мне лжете!»

Харрис встал на защиту, обращаясь к Яначеку. «Капитан, этого достаточно.»

«Да? — резко ответил Яначек, поворачиваясь к атташе. — В семь утра сегодня — точно в то время, когда бомба должна была взорваться — *оба*, и Роберт Лэнгдон, и Кэтрин Соломон, по счастливой случайности не были в отеле. Очевидно, они боялись за свои жизни.»

«Это *абсурд*! — воскликнул Лэнгдон, не в силах сдержать гнев. «Такой же абсурд, как сон с запахом серы?!»

«Капитан Яначек, — твердо предупредил Харрис. — Вы здесь явно перегибаете палку.»

«Какую палку? — закричал капитан. — Теракт едва удалось предотвратить, а улики указывают, что эти двое американцев знали о взрыве заранее. Я не собираюсь принимать в качестве алиби волшебный сон!»

Харрис уставился на Яначека и не отступил ни на шаг. «Мы оба с вами знаем, что совершенно немыслимо, чтобы Роберт Лэнгдон или Кэтрин

Соломон планировали взорвать отель. В этом нет никакого смысла.»

«*Есть* смысл, если учесть, что у Кэтрин был очевидный мотив.» «Мотив взорвать отель?!» — недоверчиво потребовал Лэнгдон.

«Абсолютно точно, — ответил Яначек. — В уголовных расследованиях я всегда задаю себе один простой вопрос: кому выгодно это преступление? Кто бы это ни был, каким бы невероятным это ни казалось, он — мой главный подозреваемый.»

«Капитан, — вмешался Харрис, — какую *выгоду* Кэтрин Соломон могла извлечь...» «Позвольте спросить вас, профессор, — перебил Яначек, снова обращаясь к Лэнгдону. — Насколько я понимаю, мисс Соломон пишет книгу, не так ли?»

«Все верно.» Несмотря на то, что Кэтрин упоминала о своей книге на лекции прошлым вечером, Лэнгдона встревожило, что этот человек осведомлен о ней.

«Более того, — продолжил Яначек, — насколько я знаю, эта книга поддерживает существование паранормальных способностей, таких как ясновидение, предвидение и тому подобное — специализация мисс Соломон. Мне кажется, новость о мистическом сне, спасшем отель, полный людей, очень помогла бы авторитету ее

книги… и продажам?»»

Лэнгдон уставился на офицера в полном неверии.

— Капитан, — Харрис явно был так же шокирован. — Ваши намёки совершенно…

— Единственно возможное объяснение, — сказал Яначек.

— Сэр, — тихо произнёс Лэнгдон. — Вы что, подразумеваете, что пожарная тревога и… кошмар были какой-то *рекламной акцией*?

Яначек усмехнулся и затянулся сигаретой. — После тридцати восьми лет следственной работы, профессор, я думал, что видел всё. Но в вашем мире социальных сетей меня постоянно поражает, на что люди готовы пойти ради внимания медиа… чтобы стать «вирусными», как вы, американцы, любите выражаться. Ваш план был, надо признать, гениален — удивительно безопасен и прост в исполнении.

— Как вы можете называть закладку бомбы *безопасной*?! — возмутился Лэнгдон. Харрис промолчал.

— Вы сами позаботились о безопасности, — повторил Яначек. — Бомба, которую мы нашли, была весьма мала и размещена в подвале, где нанесла бы минимальный ущерб. Вы позвонили

анонимно, чтобы взрывчатку нашли до того, как кто-то пострадает.

Собаки в холле…

— Кстати, — добавил Яначек, — корона из шипов — хороший штрих, очень запоминается на записях с камер.

Лэнгдону стало дурно. — Сэр, это полная ерунда.

— Если вы так считаете, — сказал капитан, — возможно, вы не *знаете* правду. Может, вы не так хорошо знаете Кэтрин Соломон, как думаете. Может, она всё это провернула за вашей спиной, используя вас как невольного сообщника.

Лэнгдон отказался удостоить эти слова ответом.

— Я довольно искусен в раскрытии правды, профессор, — равнодушно промолвил Яначек, — поэтому мне не терпится услышать версию мисс Соломон. Если ей действительно приснилось то, что сбылось, тогда, возможно, она невиновна. Но это значило бы, что Кэтрин Соломон способна видеть будущее, что делало бы её поистине уникальной. Она *настолько* уникальна, мистер Лэнгдон?

Сарказм в голосе Яначека не оставлял сомнений: теперь Лэнгдону и Кэтрин предстоит

тяжёлая битва. *Виноват, пока не доказана невиновность.*

— А теперь последний вопрос, — сказал Яначек. — Где *сейчас* мисс Соломон?

— Встречается с коллегой, — коротко ответил Лэнгдон.

— С кем?

— С тем нейробиологом из Чехии, о котором я упоминал — с доктором Гесснер.

— И встреча состоится в его лаборатории? Лэнгдона удивило, что офицер об этом знает.

— Не волнуйтесь, — сказал Яначек. Он достал записку. — Я взял это из вашей спальни вместе с паспортами.

Это была записка, оставленная Кэтрин. Яначек просто проверял его.

— В котором часу встреча?

— В восемь утра, — ответил Лэнгдон.

Яначек глянул на часы. — То есть через несколько минут. Где эта лаборатория?

Лэнгдон вчера узнал, что лаборатория Гесснер находится в охраняемом памятнике Праги — Крестообразном бастионе, небольшой средневековой крепости, перестроенной в ультрасовременный исследовательский центр в четырёх километрах от центра города. — Я позвоню Кэтрин, — пред-

ложил он, предполагая, что она не захочет проходить допрос в присутствии Гесснер. — Уверен, она сейчас же вернётся—

— *Где лаборатория?!* — рявкнул Яначек, оттолкнул Харриса и вплотную приблизился к Лэнгдону. — Я арестую вас в ту же секунду, профессор, и потребуются недели, чтобы ваш консул разобрался с бюрократией.

Лэнгдон стоял на своём. — Я хочу поговорить с мистером Харрисом наедине.

— Последний шанс, — отрезал Яначек. — Где лаборатория?

Наступила долгая пауза, и прозвучавшие затем слова вонзились в спину Лэнгдона, как нож.

— Крестообразный бастион, — ровно сказал Харрис. — В четырёх километрах отсюда.

ГЛАВА 13

Роберт Лэндон чувствовал себя преступником, пока капитан Яначек вел его через холл отеля. Когда они проходили мимо стойки регистрации, у Яначека зазвонил телефон, и капитан отошел, чтобы принять звонок вне пределов слышимости.

— Профессор, — прошептал Харрис, воспользовавшись моментом, когда они остались одни. — Поймите — капитан Яначек *уже* знал, где находится лаборатория. Он пытался выманить вас на обвинение в препятствовании следствию. Я сообщил расположение лаборатории, чтобы Яначек не смог сказать, что вы мешаете его расследованию. Вас бы сразу арестовали.

Спасибо... наверное?

— *Довольно болтать!* — крикнул Яначек, завершая звонок и направляясь через холл к Лэнгдону. — Хватит разговоров! Мы уходим!

Лэнгдон покорно последовал за Яначеком и Харрисом из отеля на улицу, где легкая метель кружила снежинки. В феврале рассвет наступал поздно, но солнце уже взошло, заливая город сероватым светом. Подойдя к обочине, Харрис

оторвался от телефона и сказал: — Капитан, я связался с послом.

— С самой *госпожой послом*? — насмешливо спросил Яначек. — Ты не доверяешь собственному суждению?

— Это *ваше* суждение вызывает у меня сомнения, — невозмутимо ответил Харрис. — Учитывая серьезность вашего обвинения и статус обвиняемых, я обязан привлечь к делу посольство на высшем уровне.

— Как знаешь. — Яначек усмехнулся, махнув рукой. — Уверен, мы с мистером Лэнгдоном прекрасно обойдемся без тебя.

— Ошибаетесь, — возразил Харрис. — Я забираю мистера Лэнгдона с собой в посольство. Там он сможет подождать в более комфортных условиях, пока вы вызовите доктора Соломон.

Лэндон вовсе не желал оставлять Кэтрин наедине с Янечеком и уже собирался запротестовать, когда капитан громко рассмеялся: — Мистер Харрис, *вы*, конечно, можете уйти, но мой подозреваемый мистер Лэнгдон едет со мной в лабораторию.

— *Подозреваемый?* — возразил Харрис. — Вы не предъявили ему обвинений, и он имеет полное право—

— С удовольствием предъявлю, если настаиваешь. Тем более, что он эвакуировал лучший отель Праги, а его оправдание — какая-то фантастическая сказка.

Харрис замолчал, обдумывая варианты. Спустя мгновение он повернулся к Лэнгдону с тревогой на лице: — Профессор, я запросил экстренную встречу с послом. Вы справитесь в одиночку полчаса?

— Конечно, — ответил Лэндон.

— Хорошо. Я проведу брифинг с послом и присоединюсь к вам в лаборатории — возможно, с самой послом.

— Спасибо, — сказал Лэндон. — Уверен, мы во всем разберемся, как только поговорим с Кэтрин.

Харрис снова повернулся к Яначеку, который закурил очередную сигарету: — Капитан, имейте в виду: посольство наблюдает за вами. Мы не можем запретить вам быть невежливым, но если вы хоть на шаг выйдете за этические или юридические—

— Понял, — резко оборвал его Яначек, держа сигарету в тонких губах. Он отвернулся и подал знак стоящей неподалеку машине. Та с ревом тронулась с места и, подскочив к ним, замерла в сантиметрах от группы.

Лэндон отпрыгнул назад. *Берегись!*

Черный седан Škoda был украшен логотипом ÚZSI на обеих дверях. Яначек открыл заднюю дверь и жестом велел Лэнгдону садиться.

Когда Лэнгдон залез внутрь, Янечек повернулся к Харрису: — Предупреждаю, атташе. Спешите. У меня нет намерения затягивать допрос мисс Соломон.

Такси Майкла Харриса выехало от Four Seasons. Водитель сигналил перед поворотом направо, явно принимая Харриса за ничего не подозревающего американского туриста, не знающего дороги в посольство США — идеальную мишень для завышенного тарифа.

— *Йедьте поддер Манесов мост, чёрт побери!* — рявкнул Харрис по-чешски, щедро сдабривая речь нецензурщиной. — *Спешу!*

У таксиста округлились глаза, и он резко свернул влево. Местные всегда удивлялись, когда американец говорил на беглом чешском — особенно если этим американцем оказывался темнокожий мужчина ростом под метр девяносто в отлично сидящем костюме.

Майкл Оку Харрис вырос в богатой филадель-

фийской семье, и его воспитала в основном няня — иммигрантка из Брно. По настоянию родителей она разговаривала с мальчиком только по-чешски, и к пятнадцати годам Майкл свободно владел двумя языками. После юридической школы в UCLA он решил применить свои лингвистические способности на должности в посольстве США в Праге — экзотическом городе с изысканной кухней, красивыми женщинами и интересной работой.

Однако в последние недели эта работа стала гораздо более занимательной, чем он ожидал. А сегодняшнее утро вывело «занимательность» на совершенно новый уровень.

Происшествие на Карловом мосту все еще оставалось для Харриса загадкой. Версия Яначека о том, что это была рекламная акция к новой книге Кэтрин Соломон, казалась нелепой, но Харрис вынужден был признать в ней странную логику; его всегда поражало, на какие рискованные шаги идут успешные люди ради продвижения по карьерной лестнице.

Включая меня, напомнил себе Харрис.

Уже несколько месяцев Харрис выполнял для посла некоторые «внеплановые» задания. Хотя формально это было законно, работа находилась

на грани... и вызывала у него отвращение. Однако подпольные финансовые вознаграждения вкупе с личным влиянием посла оказались для Харриса непреодолимым соблазном. *Надеюсь, это не аукнется мне*, подумал он.

Но смутное предчувствие подсказывало — аукнется.

ГЛАВА 14

В Старом Городе Голем пробирался через тесный лабиринт переулков около своей квартиры. Запутанная паутина проходов, некоторые шириной всего два метра, извивалась в древнем квартале, словно побеги вьюнка.

Идя по ним, Голем глубоко вдыхал, впуская холодный воздух в самые глубины лёгких, стараясь вновь настроить свой разум. Встречи с Эфиром всегда вырывали его из физической реальности, но зато обостряли чувства.

Нужно сохранять бдительность. Впереди важное дело.

Голему для возмездия требовалась определённая информация, которой он пока не обладал. Действовать следовало с максимальной осторожностью — малейший след его поисков мог его выдать. Поэтому он тщательно выбирал следующую цель — тихое место, где можно было получить ответы анонимно.

Сегодня утром на нём была простая одежда — брюки, рубашка, парка, плиссированная кепка и тёмные очки, закрывающие бóльшую часть лица. Такой образ был для него куда привычнее,

чем костюм, хотя он и дорожил моментами, когда мог шествовать по улицам как Голем, чей облик отражал его внутреннюю суть — могучего защитника из иного мира.

Этот наряд имел и практическую пользу. Прага была городом тотального наблюдения: камеры с распознаванием лиц стояли повсюду. Нередко говорили, что любовь пражан к маскарадам и маскам — не что иное, как попытка хоть на мгновение ощутить анонимность. Так что, когда Голему требовалась полная неизвестность, он обретал её под толстым слоем глины, что давало ему свободу передвижения в физическом мире.

Вчера вечером он облачился в костюм Голема не чтобы скрыть лицо, а чтобы спрятаться от доктора Гесснер. *И чтобы напугать её.* Шок от его вида, несомненно, помог склонить её к откровенности о самых сокровенных тайнах. Теперь Голем переосмысливал полученную от неё информацию.

Чудовищное сооружение под землёй… Личности её сообщников…

И по неосторожности… гениальный способ разрушить всё их детище.

Голем вышел на более широкий переулок — Мелантрихову. Всё ещё слишком узкую для

машины, аллею украшали несколько магазинов и кафе, только начинавших открываться. Немногочисленные туристы начали бродить по лабиринту улиц, потягивая кофе и фотографируя уникальные извилистые переулки.

Свернув направо, Голем прошел мимо Музея секс-машин с его экспозицией приспособлений, предназначенных для услады человеческого тела. Они не привлекали его; Эфир давал гораздо более полное удовлетворение, чем физические наслаждения.

И все же непристойные изображения в музейных витринах вызвали в его сознании образ… лежащей в объятиях любовника. От одной этой мысли ему стало дурно. Голем уже решил, что самое доброе, что он может для нее сделать — это убрать этого мужчину как можно быстрее. Его смерть, конечно, опечалит ее, но Голем полностью возьмет на себя ее боль и поможет ей забыть.

Роль голема — нести бремя более слабой души.

Когда он вышел на главную площадь, воздух наполнился ароматом жареных каштанов и звуками бокка — маленькой богемской волынки, любимицы уличных музыкантов. Заснеженное пространство брусчатки было уже усыпано

группами утренних туристов, часть которых собралась под астрономическими часами, чтобы увидеть процессию святых в восемь утра.

Поблизости несколько ряженых персонажей позировали для фото в обмен на чаевые. Мужчины были облачены в длинные темные мантии, цилиндры и носили яркий арлекинский грим — лица, полностью выбеленные, за исключением черных глазных впадин.

Авантюристы, подумал он, сомневаясь, что эти люди были настоящими членами печально известной пражской *Církev satanova*— Церкви Сатаны. С тех пор, как *Daily Mail* опубликовала статью под названием «Внутри «Темного Арлекина» — сатанинского ритуала Праги» с подпольными фотографиями, казалось, туристы готовы щедро платить за снимок настоящего сатаниста.

Религия и оккультизм были вплетены в саму ткань этого города, и посетители постоянно встречали на улицах ангелов, святых, дьяволов и персонажей древних мифов. Актриса в образе черного ангела часто стояла на площади, расправив темные крылья перед отелем U Prince, зазывая гостей в знаменитый подвальный грот отеля — бар «Черный Ангел».

В этот час крылатый ангел уже отправился

домой спать, и элегантный вход в отель был пуст, как он и ожидал. Голем скользнул внутрь и спустился по винтовой лестнице к бару. Он надеялся найти там нужные ему ответы.

«Черный Ангел» располагался в готической каменной пещере XII века, в нескольких этажах под отелем. По преданию, во время реставрации рабочие обнаружили потайную комнату с сундуком, заполненным древними дневниками некоего Алоиса Крхи. В дневниках содержались рецепты экзотических коктейлей и мистических эликсиров прошлого, некоторые из которых, как ходили слухи, обладали магическими свойствами. Туристы посещали бар «Черный Ангел» в надежде, что в его знаменитом девизе есть доля правды: ЗДЕСЬ НЕВОЗМОЖНОЕ ВОЗМОЖНО.

Пусть так и будет, надеялся Голем. Если всё пойдет по плану, информация, необходимая ему для совершения невозможного, найдет его в этом подвале.

Благодаря ангелу смерти, подумал он.

ГЛАВА 15

Джонас Фокман стоял один у окна своего офиса на двадцать третьем этаже, безучастно глядя на огни Манхэттена в два часа ночи. *Город, который никогда не спит,* подумал редактор, зная, что и сам не скоро уснет, если не найдет рукопись своей автора.

Он все еще надеялся, что в любой момент позвонит техник и скажет, что «взлом» оказался просто цифровым сбоем, но Фокман чувствовал — происходит нечто куда более зловещее.

Остальные разделы не пострадали. Только Кэтрин…

Он взял телефон, чтобы позвонить Кэтрин в Прагу, но, подержав трубку, положил ее обратно. В Центральной Европе было еще раннее утро, а новости наверняка будут для нее губительны. Кэтрин доверилась Фокману, и он чувствовал моральный долг исправить положение… особенно после того, как уговорил ее работать на защищенном корпоративном сервере.

Так кто же украл ее рукопись?

Появится ли она на черном рынке в течение нескольких часов?

Фокман заставил себя сделать глубокий вдох и выдох. Он напомнил себе, что сегодня *одно* обстоятельство сложилось в его пользу... небольшая удача... и теперь нужно действовать осторожно, но без промедления.

Фокман пересек кабинет, закрыл дверь и защелкнул задвижку. Затем подошел к книжным полкам, уставленным издательскими реликвиями: рекламными плакатами, печатными формами, литературными наградами, фрамами с бестселлерами и пробными экземплярами книг ограниченного тиража. С верхней полки он достал одну из самых дорогих вещей — именную кофейную кружку.

На кружке были изображены символы чаши, треугольника и розы. Это был подарок Роберта Лэнгдона после их первой совместной публикации двадцать лет назад — *«Символы утраченной священной женственности»* — книга, чьих продаж хватило Лэнгдону на покупку этой кружки... да и немногого больше. С годами кружка стала символом их крепкой дружбы и плодотворного сотрудничества.

Из кружки Фокман достал ключ, вернулся к столу и открыл им нижний ящик.

Там, надежно упрятанный, лежал толстый блок

печатных листов — 481 страница с двойным интервалом, аккуратно сложенных и перетянутых резинками. Фокман вынул рукопись и положил на массивный деревянный стол.

На титульном листе было всего две строчки.

Без названия
Кэтрин Соломон

Слава Богу, я все еще работаю с бумагой, подумал он, облегченно вздохнув от сознания, что по крайней мере *один* экземпляр уцелел. По привычке Фокман распечатал рукопись сразу после того, как Кэтрин предоставила ему доступ несколькими часами ранее.

Большинство редакторов использовали текстовые редакторы и функцию «Исправления» для правки цифровых рукописей, но Фокман предпочитал стопку бумаги и традиционную синюю ручку. *Старомодность впервые сыграла мне на руку.*

Было время в издательском деле, и не так давно, когда рукописи существовали в единственном экземпляре. Авторы писали от руки, сдавали рукописи в издательство в коробках. *Грозовой перевал*, *Братья Карамазовы* и *По ком звонит колокол* начинали свой путь именно так — в

виде единственной оригинальной бумажной рукописи.

Успокойся, сказал он себе. Если Максвелл Перкинс мог оставаться хладнокровным, работая с рукописями Хемингуэя и Фицджеральда, то уж я-то справлюсь с рукописью Кэтрин Соломон.

Тем не менее, первым делом он решил создать цифровую копию. Раньше для этого нужно было перепечатывать рукопись целиком. Сейчас сканеры оптического распознавания символов делают это за минуты.

Небольшая страховка, пока PRH разбирается, что произошло.

Но размышляя о плане, Фокман с тревогой осознал: OCR-сканеры и копировальные аппараты издательства подключены к корпоративной сети; если хакеру удалось проникнуть в самую защищенную базу PRH, то сетевое оборудование вряд ли можно считать безопасным. После сегодняшних событий Фокман не собирался рисковать.

Он взглянул на часы: *2:09 ночи*. Если он заскочит в круглосуточный FedEx Office Print & Ship по соседству, то сможет воспользоваться их оборудованием анонимно и без следа — это куда безопаснее корпоративных устройств.

Уверенный в своем плане, Фокман быстро

завернул рукопись в пупырчатый конверт, запечатал его и сунул в рюкзак. Натянув черные кроссовки и старомодное серое пальто, он закинул рюкзак на плечо, вышел из офиса и запер дверь. Через тридцать секунд он уже спускался на лифте.

Выходя из лифта, Фокман помахал ночному сторожу у поста безопасности в просторном холле. «До завтра, Марк.»

«Спасибо, мистер Фокман. Спокойной ночи.»

Немного поздновато для этого, подумал Фокман.

По пути к выходу он прошел между двумя высокими книжными стеллажами холла, где гордо красовались классические издания Random House начиная с 1900-х годов, когда основатели Беннетт Серф и Дональд С. Клопфер создали компанию как небольшое издательство перепечаток. Литературные пристрастия основателей были такими разнообразными, что казались почти «случайными», отсюда и название.

На этих почетных полках стояло несколько книг, изданных Фокманом, и до сегодняшнего вечера он был уверен, что первый тираж книги Кэтрин тоже займет здесь место.

Теперь у тебя одна задача, напомнил он себе,

выходя через вращающиеся стеклянные двери на улицу. *Защити эту рукопись.*

Ночь была морозной, тротуары в этот час пустовали. Фокман повернул направо на Бродвей и зашагал на юг к Пятьдесят Пятой улице, ледяной ветер раздувал полы его пальто.

Переходя проспект, он был слишком погружен в свои мысли, чтобы заметить черный фургон, следовавший за ним в квартале позади.

Отдел защиты данных PRH расположен на четвертом этаже Random House Tower и состоит из шести защищенных терминалов, скрытых среди жужжащих серверных стоек. Это компактное подразделение отвечало за поддержание неприступного брандмауэра вокруг внутренних серверов издательства.

Техник по безопасности Алекс Конан сейчас лихорадочно печатал на своем терминале, только что убедившись, что от рукописи Кэтрин Соломон и её исследовательских папок не осталось и следа — всё было обнулено, стерто и не могло быть восстановлено.

Это уже не операция по спасению, подумал Алекс. Здесь нет выживших.

Тревожило то, что система обнаружения и предотвращения вторжений не отметила никаких следов взлома уязвимостей — ни необычных записей в реестре, ни измененных файлов, ни модифицированных конфигураций системы, ни подозрительных перехваченных пакетов. Очевидно, хакеры обладали уникальными навыками.

Да кто, черт возьми, эти парни?!

Желая сообщить новости Джонасу Фокману, Алекс набрал его офис, но тот не ответил. *Странно.*

Он позвонил дежурному в холле. «Марк, это Алекс Конан из системного отдела. Не мог бы ты срочно вызвать Джонаса Фокмана в центр безопасности? Это очень важно.»

«Он меня не услышит,» — ответил охранник своим обычным веселым тоном. «Он только что вышел из здания.»

Фокман ушел?! Нас взломали… из-за его книги!

Алекс предположил, что Фокман просто вышел подышать воздухом и вот-вот вернется. Он размышлял, стоит ли предупредить руководство PRH, но в данный момент они всё равно ничем не могли помочь, а его самого, скорее всего, уволят на месте за то, что это случилось под его

надзором.

Локализация ущерба, сказал он себе. У меня еще есть время всё исправить.

Навыки Алекса в хакинге были серьезными, как у большинства техников, работающих в системе безопасности. Дав ему несколько часов и немного удачи, у него были шансы выяснить, *кто* взломал PRH. И тогда, в зависимости от того, что он обнаружит, он мог бы даже найти хитрый способ взломать их в ответ.

ГЛАВА 16

Втиснутый на заднее сиденье Škoda Octavia, Роберт Лэнгдон чувствовал себя, как в клетке. Впереди капитан Яначек откинул свое кресло до упора, и теперь колени Лэнгдона упирались в грудь, усиливая нарастающую клаустрофобию.

Из вентиляции дул обжигающе горячий воздух, смешанный с сигаретным дымом капитана, и Лэнгдон был рад, что на нем только джемпер Dale, а не объемная парка Patagonia.

Яначек снова говорил по телефону, шепотом ведя разговор на чешском, пока машина мчалась на юг вдоль берега Влтавы. Водитель капитана — коренастый лейтенант лет двадцати с небольшим в синем комбинезоне ÚZSI и сдвинутом набекрень армейском берете — больше напоминал культуриста или профессионального борца, чем сотрудника правоохранительных органов. Он одним рулем виртуозно лавировал между машинами, словно пытаясь произвести впечатление на начальника.

Пока машина неслась на юг вдоль реки по Масариковой набережной, Лэнгдона затошнило, и он вынужден был отвести взгляд в окно, пытаясь

зацепиться глазами за открытое пространство.

Они только что проехали небольшой остров на Влтаве, где возвышался ярко-желтый неоренессансный дворец Жофин. В разительном контрасте с древним дворцом слева по курсу возникло самое знаменитое ультрасовременное здание Праги — «Танцующий дом». Две его башни будто склонились друг к другу в танце. Архитектор Фрэнк Гери называл их *Фредом и Джинджер*, что было весьма вольной фантазией, но учитывая, что лондонский силуэт уже украшают *Корнишон*, *Уоки-Токи* и *Сыротерка*, пожалуй, пражские танцующие кинозвезды еще неплохой вариант.

Лэнгдона давно восхищала страсть Праги к авангардному искусству. Здесь, в Центре DOX, Торговом дворце и музее Кампа, хранились одни из самых прогрессивных коллекций мира. Однако уникальной чертой Праги были импровизированные «поп-ап» инсталляции, спонтанно появлявшиеся по всему городу — такие как *Стена Леннона* или *Парящие зонтики*, — которые иногда становились постоянными достопримечательностями.

— Профессор, — резко обернувшись к Лэнгдону, произнес Яначек, еще сильнее вдавливая спинку кресла ему в колени. — Когда мы приедем в Кре-

постной бастион, я разведу вас с мисс Соломон. Я намерен допросить ее без вашего присутствия. Не хочу, чтобы вы скоординировали свои показания.

— Наши *показания*? — повторил Лэнгдон, стараясь скрыть раздражение в голосе.

— Все, что я вам сказал, абсолютнаяправда.

— Рад это слышать. Значит, вам не о чем беспокоиться. Яначек уже повернулся обратно.

Лэнгдон волновался за Кэтрин, которой предстоял разговор с Яначеком. Капитан, похоже, уже решил, что двое американцев — или по крайней мере *Кэтрин*— каким-то образом организовали эту череду странных событий ради личной выгоды.

Полнейший бред.

И все же, как ни напрягал Лэнгдон мозг, он не находил никакого объяснения тому, как ее сон мог предсказать события на Карловом мосту.

Она никому не рассказала о своем видении… и мы сразу же вернулись в постель.

Единственное оставшееся объяснение, каким бы невероятным оно ни казалось Лэнгдону, заключалось в том, что Кэтрин пережила *подлинное* вещее сновидение… её собственное *титаническое* предчувствие.

Для Лэнгдона сложность состояла в том, что он никогда не верил в предвидение. За свою карьеру он не раз сталкивался с этим явлением в древних текстах, но всегда отвергал идею ясновидения, утверждая, что предсказание под любым названием — пророчество, гадание, авгурия, дивинация, астрология — самый древний обман вистории.

С тех пор как человечество начало фиксировать свое прошлое, оно мечтало заглянуть в будущее. Пророки вроде Нострадамуса, Дельфийского оракула и майянских астрологов почитались как полубоги. Даже сегодня образованные люди толпами ходят к хиромантам, гадалкам, экстрасенсам и современным астрологическим гуру.

Познание будущего — навязчивая идея человечества.

Студенты Лэнгдона часто спрашивали его о Нострадамусе, возможно, самом известном «провидца» всех времен. Загадочные катрены пророка, казалось, предсказали, помимо прочего, Французскую революцию, приход Гитлера к власти и падение Башен-близнецов. Лэнгдон признавал перед аудиторией, что в некоторых четверостишиях пророка действительно встречались *поразительные* отсылки к будущим

событиям, но напоминал, что Нострадамус писал «Обильно, Загадочно и Повсеместно». То есть пророк создал *обширный* сборник из 942 катренов, используя *туманные* неоднозначные формулировки и предрекая *банальные* события вроде войн, катастроф и борьбы за власть.

«Неудивительно, что мы находим случайные совпадения, — говорил Лэнгдон. — Мы все хотим верить в магию или нечто за пределами реальности, поэтому наш разум часто обманывает нас, заставляя видеть то, чего на самом деле нет».

Чтобы проиллюстрировать свою точку зрения, Лэнгдон ежегодно начинал занятия со студентами-первокурсниками с просьбы указать точные дату и время рождения. Через неделю он вручал каждому запечатанный конверт с его именем, утверждая, что передал данные известному астрологу для составления персонального прогноза. Когда студенты вскрывали конверты, они неизменно ахали от изумления — настолько точными казались предсказания.

Затем Лэнгдон предлагал им обменяться листками. К всеобщему удивлению, оказывалось, что все «астрологические прогнозы» были *одинаковыми*. Они казались *правдивыми* лишь потому, что содержали универсальные формулы:

Вы склонны критически оценивать себя.

Вы гордитесь своей независимостью мышления. Иногда вы сомневаетесь, правильно ли поступили.

Лэнгдон объяснял, что стремление находить в общих фразах личную истину называется эффектом Барнума — названным так в честь «тестов личности» балагана Р.Т. Барнума, с помощью которых он дурачил посетителей цирка, заставляя их верить в свои экстрасенсорные способности.

Седан ÚZSI резко повернул налево, выводя Лэнгдона из раздумий, когда машина начала подниматься по заросшему лесом склону в парке Фоликанка — обширной зелёной зоне на окраине центральной Праги.

На вершине холма Лэнгдон едва различил каменные укрепления Бастиона Распятия, возвышавшиеся над гребнем. Он никогда не посещал эту небольшую крепость, которая много лет лежала в руинах и была отреставрирована лишь недавно, но теперь знал о реконструкции гораздо больше, чем хотел бы — благодаря неустанным и горделивым рассказам её нового жильца прошлой ночью.

Доктор Бригита Гесснер.

Чешский нейрофизик входила в совет лекци-

онного фонда Карлова университета и лично пригласила Кэтрин выступить вчера с докладом. После лекции Гесснер присоединилась к Кэтрин и Лэнгдону за бокалом вина в отеле. Однако вместо поздравлений в адрес блистательного выступления Кэтрин, Гесснер едва упомянула об этом, предпочитая рассказывать о собственных исследованиях и своей невероятной новой частной лаборатории.

«Крепость довольно небольшая, но это *уникальное* место для исследовательского центра, — восторженно говорила Гесснер. — Старая крепость стоит на утесе с потрясающим видом на город, а ее толстые каменные стены обеспечивают отличную защиту от электромагнитных помех, что идеально подходит для моей тонкой работы в области нейровизуализации».

Гесснер продолжала хвастаться, что ее успехи в области технологий сканирования мозга и нейроинформационных сетей дали ей полную свободу в исследованиях — как финансовую, так и программную — и теперь она посвящает время работе над «чем мне угодно, в условиях абсолютной конфиденциальности».

Когда служебный седан ÚZSI выехал из лесной зоны, взгляд Лэнгдона упал на лабораторию,

возвышающуюся на скале, и его неожиданно пронзила тревога за безопасность Кэтрин.

Почему-то Лэнгдон ощутил внезапную опасность. Он надеялся, что это не предчувствие.

ГЛАВА 17

Джонас Фокман дул в сложенные лодочкой ладони, шагая по Пятьдесят Второй улице, безлюдной в этот час. Ночь была ледяной, а рукопись в его рюкзаке казалась непосильной ношей. К счастью, круглосуточное отделение FedEx находилось всего в квартале, за Седьмой авеню.

Фокман все еще пытался понять, почему кто-то нацелился именно *только* на книгу Кэтрин. В базе данных PRH было множество других, более очевидных мишеней — гарантированные бестселлеры знаменитых авторов, от которых зависела прибыль издательства. Это не имело смысла. Фокман начал подозревать, что взлом вообще не был связан с пиратством, а скорее… *чем-то иным.*

В двадцати ярдах впереди черный фургон притормозил у обочины и заглушил двигатель. Фокман инстинктивно сбавил шаг, почувствовав себя неуютно на пустынной улице в такой час. Однако через мгновение он понял, что его параноя беспочвенна: водитель спрыгнул на тротуар, весело насвистывая и просматривая записи на планшете. Не удостоив Фокмана даже взгляда, он

зашагал в противоположную сторону.

Фокман расслабился и продолжил путь, проходя мимо фургона.

Впереди остановившийся водитель поднял взгляд на номера зданий, сверяясь с планшетом, затем развернулся и пошел обратно. «Джонни! — крикнул он в сторону фургона. — Какой там адрес в письме? Я не вижу здесь никакого сувлаки!»

«Еще квартал дальше, — подсказал Фокман, указывая рукой. — Сразу за Седьмой—"

Сзади чей-то кулак врезался ему в правую почку, а на голову натянули черный мешок. Прежде чем Фокман успел понять, что происходит, две пары грубых рук подняли его с земли и швырнули в фургон. Он тяжело приземлился на жесткий пол, потеряв на мгновение дыхание. Дверь захлопнулась, и уже через секунду фургон рванул с места.

Задыхаясь и ничего не видя, перепуганный редактор пытался отдышаться и осознать положение. Фокман редактировал достаточно триллеров, чтобы знать, что происходит с персонажем, когда его ослепляют и бросают в фургон.

Ничего хорошего.

• •• •

В трех кварталах, в башне Random House, Алекс

Конан перепробовал все контакты Фокмана — рабочий, домашний, мобильный, — но нигде не смог дозвониться.

Куда он, черт возьми, делся?! У нас кризис!

Похоже, Фокман просто выключил телефон и отправился в ночь — возможно, в «На камнях», ближайший виски-бар, куда захаживали невротичные редакторы, пытающиеся успокоить расшатанные нервы в любое время суток.

Пока Алекс не достиг прогресса в поиске хакеров. Он тщательно изучил последствия взлома, но не нашел ничего подозрительного. *Нужна более тонкая расческа,* — он понимал это. Для следующего этапа требовался специальный алгоритм, способный выявлять характерные *уникальные* элементы пропавшей рукописи — ключевые слова, концепции, имена. Но для этого нужно было поговорить с Фокманом.

Или… — осенило его. Позвонить напрямую Кэтрин Соломон?

Согласно протоколу PRH, такой звонок был запрещен. Все коммуникации с авторами должны были осуществляться только через их редакторов — доверенных людей, знающих, как обходить писательские капризы и комплексы.

К черту правила, — решил Алекс. Не только

потому, что у него была срочная потребность узнать больше о книге Кэтрин, но и потому, что он считал: Кэтрин имела право знать о покушении на ее рукопись, особенно если это означало, что ее жизни может угрожать опасность.

С этой мыслью Алекс открыл файл Кэтрин Соломон, нашел номер мобильного и набрал его. Фокман упоминал, что Кэтрин сейчас в Европе, а значит, у нее раннее утро. Но даже если он разбудит ее, она поймет, что это срочно.

Телефон Кэтрин прозвонил четыре раза и перешел на автоответчик. *Черт.* Он оставил краткое сообщение, представился и попросил срочно перезвонить.

Он повесил трубку и снова попробовал дозвониться Фокману. Безрезультатно.

Тут он вспомнил, как Фокман упоминал, что Соломон путешествует с другим его автором — профессором Гарварда Робертом Лэнгдоном. *Он тоже есть в базе PRH,* — подумал Алекс, решив, что стоит попробовать.

Он открыл файл Лэнгдона и набрал егономер.

Звонка даже не произошло — его сразу перебросило на автоответчик. Алекс положил трубку, внезапно ощутив одиночество.

Да где же все?!

ГЛАВА 18

В Лондоне Финч только что получил подтверждение, что его запасные планы приведены в действие как в Праге, так и в Нью-Йорке. Известие пришло через защищённую военную коммуникационную платформу Signal, обязательную для всех полевых операций благодаря сквозному шифрованию всех текстовых и голосовых сообщений.

Финч, американец, занимал тайную должность в европейской штаб-квартире глобальной организации, известной среди посвящённых как «Кью». Загадочное прозвище компании было отсылкой к персонажу романов о Джеймсе Бонде — технологу-изобретателю «Кью», создававшему смертоносные новшества на службе Её Величества Королевы.

Как и его вымышленный тёзка, реальное «Кью» также разрабатывало передовые технологии на службе у высшей силы… хотя и куда более влиятельной, чем любая королева. Сущность, основавшая «Кью» в 1999 году, имела беспрецедентное влияние в мире, и хотя её присутствие редко замечали или даже подозревали, её дей-

ствия регулярно меняли ход мировых событий.

В свои семьдесят три года Эверетт Финч имел рейтинг ФИДЕ мастера 2374, ежедневно проплывал девять тысяч метров на гребном тренажере и завершал завтрак приёмом трёхсот миллиграммов Нувигила — ноотропного препарата, превращавшего его разум в гоночный болид «Формулы-1» на трассе, заполненной минивэнами.

После десятилетия, проведённого на руководящей должности в могущественной материнской организации «Кью», три года назад Финчу поручили сверхсекретное задание в лондонском офисе. Ещё ему сообщили, что он возглавит разработку одного из самых амбициозных и засекреченных проектов в истории… кем бы и где бы они ни предпринимались.

«Порог».

Ему объяснили, что проект требует определённой гибкости в отношении юридических и моральных ограничений, а Финча выбрали за владение «этическими критериями, взвешенными на успех» — моральными рамками, ставившими результат выше чистоты совести.

Финч не удивился, прочитав в назначении:

Важность «Порога» невозможно переоценить. Он оправдывает любые чрезвычайные меры, ко-

торые вы сочтёте необходимыми для его успеха.

Сообщение получено, подумал Финч. Правилнет.

• •• •

Прошло полчаса с тех пор, как Голем вошёл в отель U Prince и спустился в подземный бар «Чёрный ангел». Бар оказался закрыт: уборщики подметали пол, натирали кожаные диваны и выковыривали окурки из грубо отёсанных древних каменных стен.

Прежде чем его заметили, Голем прошёл мимо бара за угол — в кладовку со столом и двумя старыми компьютерами, на потускневших экранах которых светился логотип «Чёрного ангела». Круглосуточный доступ в интернет для посетителей оставался милой реликвией тех времён, когда иностранные телефоны в Праге почти не работали, и туристы заходили в бар просто чтобы отправить письмо.

Ранее Голем понял, что для осуществления плана ему нужна конкретная техническая информация, и сразу вспомнил о «Чёрном ангеле». За этим компьютером никто не следил.

Теперь я нашёл то, за чем пришёл, подумал он, разглядывая техданные на экране. Многие детали

были ему непонятны, но это не имело значения: чтобы выстрелить, не нужно знать баллистику… только иметь доступ к спусковому крючку.

И этот крючок теперь был найден.

Гесснер выдала много секретов, пытаясь спасти собственную жизнь — среди них оказался и факт наличия неожиданно мощного технологического устройства в глубине их подземной лаборатории, запечатанного в герметичном хранилище со стенами из двухметрового армированного бетона.

Технологии, способной разрушить их мир.

С полученной информацией он теперь точно знал, как это сделать.

Голем быстро стёр историю браузера и перезагрузил компьютер. Выйдя обратно на площадь, он чувствовал себя живым от предвкушения мести, столь дерзкой, что её отголоски ощутили за тысячи километров от Праги… все, кто был виновен.

ГЛАВА 19

Бастион «Распятие» возвышается на лесистом гребне, обрамляющем северную оконечность парка Фолиманка. В середине XIV века эта величественная вершина привлекла внимание императора Священной Римской империи Карла IV, который посчитал её идеальным местом для строительства укрепления, откуда можно было обозревать его любимый родной город — Прагу, цветущую жемчужину христианства.

Вдоль гребня император возвёл каменную ограду, увенчанную небольшой, но крепкой крепостью. Её высокое расположение напомнило ему гору, на которой был распят Христос, и он назвал укрепление «Бастион Распятия».

Седан ÚZSI поднимался всё выше по въездной дороге, пока не остановился перед бастионом. Лэнгдон осмотрел древнюю крепость, впечатлённый её элегантным модернистским ремонтом.

Это частная лаборатория Гесснер? Очевидно, нейробиолог зарабатывал куда лучше, чем он предполагал.

Яначек выпрыгнул с пассажирского сиденья, распахнул дверь Лэнгдона и нетерпеливо мах-

нул, чтобы тот выходил. Тот быстро подчинился, рад покинуть тесный автомобиль и всё сильнее встревоженный желанием увидеть Кэтрин.

Грубоватый водитель остался в машине, пока Яначек вёл Лэнгдона сквозь падающий снег к лаборатории. На припорошенной гравийной дорожке Лэнгдон разглядел несколько цепочек размытых следов — среди них, несомненно, были и следы Кэтрин, пришедшей на встречу с Гесснер.

Над главным входом висела изящная бронзовая табличка: ИНСТИТУТ ГЕССНЕР. Дверь бастиона представляла собой широкое, стильное матовое армированное стекло в стальной раме. Яначак дёрнул ручку, но дверь не поддалась. Он громко постучал по толстому стеклу.

Ответа не последовало.

Тогда Яначек повернулся к домофону рядом с дверью — там были биометрический сканер пальца, динамик и кнопка вызова. *Нет клавиатуры для кода?* Лэнгдон удивился, потому что вчера Гесснер не к месту хвасталась, что её лаборатория защищена «гениально умным паролем».

Должно быть, она имела в виду дверь внутри.

Яначек нетерпеливо нажал кнопку вызова, раздался гудок, и внутри зазвонил домофон. Они

подождали, но после пятого звонка гудение прекратилось.

Яначек отступил и поднял свои запавшие глаза к камере безопасности, незаметно установленной над дверью, словно бросая ей вызов. Он поднял удостоверение ÚZSI перед камерой и снова нажал кнопку вызова.

Прошло ещё пять гудков, но никто не ответил.

Лэнгдон взглянул на камеру, гадая, не смотрит ли сейчас Кэтрин на него. *Почему Гесснер не подходит к двери? Или не открывает нам?* Было очевидно, что обе женщины видят Яначека, и Лэнгдон сомневался, что желание Гесснер сохранить тайну настолько велико, чтобы отвергать сотрудника ÚZSI.

— Дайте мне номер мобильного Кэтрин Соломон, — сказал Яначек, доставая телефон.

Лэнгдон назвал его по памяти, и Яначак набрал номер, переключив телефон на громкую связь. Вызов сразу перешёл на голосовую почту Кэтрин.

Нет сигнала за толстыми каменными стенами? Лэнгдон задумался, хотя казалось странным, что такая технологическая корпорация, как Гесснер, не установила в своей лаборатории усилители сотовой связи.

Янечек что-то пробурчал себе под нос и повернулся, крикнув в сторону машины:

— Павел!

Толстошеий водитель выскочил из-за руля и поспешил к Янечеку, как пёс к хозяину. — *Ano, pane kapitáne?!*

Янечек указал на стеклянную дверь. — *Prostřílejdveře.*

Лейтенант Павел кивнул, достал пистолет, принял положение для стрельбы и нацелился на дверь.

Господи! Лэнгдон отпрыгнул назад, как только прозвучал выстрел.

Раздались шесть выстрелов почти слитно — пули пробили центр стекла, оставив почти идеальную группировку. Укреплённое стекло не разлетелось, его вязкий внутренний слой сохранил целостность. Не теряя времени, лейтенант Павел развернулся и нанёс резкий удар ногой по кругу пулевых отверстий. Стекло покрылось паутиной трещин. Он ударил ещё раз — и вся панель рухнула внутрь, вывалившись из рамы и скользя по полу в осколках закалённого стекла, похожих на сверкающие кубики сахара.

Лэнгдон наблюдал с недоверием, гадая, думал ли Янечек о том, что за матовой дверью мог ока-

заться кто-то в момент стрельбы.

Павел перезарядил пистолет и шагнул в образовавшийся пролом, хрустя осколками. Осмотревшись, он махнул: *чисто*— можно входить.

— Прошу вас, профессор, — сказал Янечек. — Или вы предпочитаете подождать в машине?

Лэнгдон вовсе не хотел оставлять Кэтрин наедине с Яначеком и его безбашенным подручным. Сердце колотясь, он сделал шаг к разрушенному проёму, размышляя, сколько раз за историю эта средневековая крепость была взята штурмом.

ГЛАВА 20

Посольство США в Праге расположено во дворце Шёнборн. В здании более ста комнат, многие сохранили оригинальную лепнину на стенах и десятиметровые потолки. Построенный в 1656 году одноногим графом — Рудольфом фон Коллоредо-Вальдзее — роскошный дворец включает несколько пандусов, по которым граф мог въезжать на лошади прямо внутрь. Теперь, став официальным посольством США, дворец вмещает двадцать три сотрудника, работающих в интересах Америки в этом регионе.

Этим утром пресс-секретарь посольства Дана Данек одна сидела в своем кабинете, составляя расписание на день. Тридцатичетырёхлетняя уроженка Праги, она в юности работала моделью в Лондоне, где в совершенстве овладела английским. Вернувшись в Прагу и получив диплом программиста, она устроилась в посольство США и попала в отдел по связям с общественностью.

В этот снежный зимний день в ее кабинете было холоднее обычного, и Дана подошла к классическому радиатору, наклонившись, чтобы включить его для дополнительного тепла.

«Pěkný výhled», — раздался позади неё низкий голос. *Хороший вид.*

Она обернулась и слегка закружилась в голове, как это случалось каждый раз при виде ослепительно красивого атташе по правовым вопросам Майкла Харриса. В стенах посольства он всегда держался с ней подчёркнуто вежливо; понятное дело, куда приятнее было то, как он общался с ней *за* пределами кабинета — особенно в его спальне. Помимо физической привлекательности, в Харрисе была какая-то лёгкость, поднимавшая ей настроение.

— Ты не на том этаже, — игриво сказала Дана, уже зная, что Харрис запросил срочную встречу с послом. — Она наверху, в своём кабинете, ждёт тебя.

— Можешь сделать кое-что для меня? — неожиданно серьёзно спросил Харрис. — Это важно.

Она кивнула. Всё, что пожелает твоё сердце, Майкл Харрис.

Харрис быстро объяснил свою просьбу.

Дана уставилась на него, пытаясь понять, не шутит ли он. — Извини… женщина в шипованной тиаре?

Харрис кивнул. — Она была на Карловом мосту незадолго до семи утра. Мне нужно только узнать,

откуда она пришла и куда направилась потом».

Запрос был необычным. Доступ Даны к системе видеонаблюдения технически ограничивался оценкой конкретных инцидентов, затрагивающих общественные отношения — митингов, демонстраций, протестов и тому подобного. Этот случай явно выходил за рамки.

«Не волнуйся, — настаивал он. — Я прикрою тебя».

Надеюсь, это правда, — промелькнуло у неё в голове. Между ними существовала опасная тайна — запретный роман на работе, строго запрещённый среди сотрудников посольства.

«Посмотрю, что смогу найти», — ответила она.

Он слегка сжал её плечо. «Спасибо. Зайду после встречи».

Дана проводила его взглядом. Ты просишь меня выследить женщину в колючей тиаре… Зачем?

В последние недели Майкл стал подозрительно скрытным, особенно насчёт своих вечерних дел. Он всё чаще отказывался встречаться с Даной после работы и уходил от ответов на расспросы. Дана начала подозревать, что у него появилась другая.

Волна ревности накатила внезапно. Что, если его просьба — это *личное* дело? Мысли абсурдные,

конечно: юристу посольства, казалось бы, должно быть ясно, что нельзя использовать служебные ресурсы ради личных нужд, а уж тем более просить Дану разыскивать другую женщину.

И всё же он использует меня, — понимала она.

Тем не менее Дана села за свой стол и вошла в систему видеонаблюдения посольства. «Ну что, Майкл, давай проверим».

После вступления Чехии в НАТО в 1999 году по Праге установили более *одиннадцати сотен* камер в рамках секретной программы наблюдения «Эшелон», финансируемой США. Несмотря на строгие чешские законы о доступе к видеонаблюдению, США построили сеть и предоставили своим посольствам почти полный доступ… что стало камнем преткновения для властей Чехии.

Дане Данек тоже не по себе от этой слежки, но жителям Центральной Европы ничего не оставалось, кроме как смириться с пристальными глазами «Эшелона», отслеживающими их жизнь. Включая и её собственные ночные визиты к Майклу Харрису.

Никто же не следит за мной, — успокаивала она себя. Данных слишком много.

Тем не менее гражданские движения вроде @ReclaimYourFace регулярно устраивали анти-

американские акции против круглосуточного видеонаблюдения. Контраргумент посольства был прост и точен: *Большинство горожан предпочитают попадать под камеры… а не под взрывы террористов.*

С этой мыслью Дан навела курсор на карту Праги, выбрала Карлов мост и открыла архивные записи с его камер.

ГЛАВА 21

Барабанные перепонки Лэнгдона еще звенели от выстрелов, когда он переступил через разбитый дверной проем в бастион «Распятие». Его мокасины хрустели по осколкам стекла, усыпавшим розовый мраморный пол, когда он присоединился к Яначеку и лейтенанту Павлу в элегантном холле.

Справа тянулся коридор, но Яначек, казалось, был больше сосредоточен на массивной стальной двери прямо перед ними. Надпись ЛАБОРАТОРИЯ красовалась на двери с небольшим армированным окошком и биометрической панелью.

— Лестница в лабораторию, — сказал Яначек, заглядывая в окошко и проверяя запертую дверь.

Лэнгдон осмотрелся в поисках лифта, размышляя, как Гесснер спускала в свою лабораторию тяжелое научное оборудование, но в вестибюле, кроме этой лестницы и коридора справа, ничего не было. Он так и не увидел никакой панели для «хитрого кода», о котором доктор Гесснер похвалялась прошлым вечером.

Яначек изучал вырванную раму разбитого безопасного стекла на полу. Через мгновение

он присел, поднял раму, подтащил ее к входу в лабораторию и поставил подпоркой к двери. — Временная сигнализация, — объявил он. — На случай если твоя подруга решит улизнуть, пока мы не смотрим.

Лэнгдон не мог поверить, что Яначек считал Кэтрин способной бежать, но его находчивость была впечатляющей.

Лейтенант Павел уже осторожно продвигался вниз по коридору, держа пистолет наготове, будто ожидал засады в любой момент. *Убери, черт возьми, свой пистолет!* — хотелось крикнуть Лэнгдону. *Да это же безоружные ученые!*

Когда Яначек и Лэнгдон последовали за ним, лейтенант Павел заглянул в небольшую уборную, видимо, убедился, что там никого нет, и двинулся дальше к концу коридора. Тот поворачивал налево, и он, настороженно прижимаясь к стене, осторожно заглянул за угол, не опуская оружия. Через мгновение он убрал пистолет в кобуру и повернулся к капитану с пожиманием плеч. — *Никого нет.*

Лэнгдон последовал за Яначеком за угол и очутился в ослепительном пространстве, залитом естественным светом. Оборудованная как атриум бутик-отеля, комната была обставлена белоснеж-

ными диванами, столиками из кованой меди и элегантной кофейной станцией. Панорамные окна открывали величественный вид на длинный внутренний двор бастиона, за которым простирался горизонт Праги — Петршинская башня и Вышеградская крепость.

Осматривая помещение, Лэнгдон заметил на дальней стене огромное произведение искусства — бруталистскую настенную скульптуру, чей уникальный стиль он сразу узнал.

Боже, неужели это оригинал Пола Эванса?

Ржаво-металлическое полотно размером восемь на восемь футов было разделено на решетку прямоугольных углублений, каждое из которых содержало отдельную миниатюрную скульптуру. Эта вариация на тему «кабинета редкостей» — как тут же догадался Лэнгдон — легко могла стоить четверть миллиона долларов. Вчера Гесснер хвасталась своими прибыльными медицинскими патентами, но он явно недооценил, *насколько* прибыльными они были.

Яначек направился к другому концу комнаты, где массивная деревянная дверь стояла распахнутой, открывая, по-видимому, вход в кабинет доктора. Кабинет Гесснер.

— Доктор Гесснер? — окликнул Яначек, заходя

в кабинет.

Лэнгдон последовал за ним в надежде увидеть Кэтрин, но кабинет был пуст.

Когда они вошли, Лэнгдон был впечатлен… или, возможно, шокирован. Кабинет нейрофизиолога украшала коллекция ярких абстрактных гравюр — каждая изображала аморфное сферическое пятно с участками разных цветов, которые Лэнгдон сразу же узнал как МРТ-снимки человеческого мозга.

Наука как искусство.

Лэнгдон задумался: неужели Гесснер настолько самовлюбленна, что повесила изображения *собственного* мозга? В последнее время стали популярны биоавтопортреты, особенно с появлением таких компаний, как DNA11, создающих произведения искусства на основе уникальных снимков ДНК клиентов. *Генетическое искусство,* гласила их реклама, *означает, что двух одинаковых работ не существует.*

Яначек подошел к столу Гесснер и осмотрел то, что оказалось коммуникатором с микрофоном. Он нажал кнопку и удерживал ее.

— Доктор Гесснер? — произнес он в микрофон. — Говорит капитан УЗСИ Олдржих Яначек. Как вы, вероятно, знаете, со мной профессор Ро-

берт Лэнгдон. Вам и мисс Соломон необходимо *немедленно* подняться наверх для разговора со мной. Повторяю — *немедленно.* Просьба подтвердить.

Яначек отпустил кнопку и ждал, устремив взгляд на широкоугольную камеру, вмонтированную в потолок.

Чем дольше длилось молчание, тем тревожнее становилось на душе у Лэнгдона. Почему Кэтрин не отвечает? Что-то случилось внизу? Неужели произошел несчастный случай?

— Профессор? — Яначек медленно подошел к Лэнгдону. — Вы не представляете, почему мисс Соломон меня игнорирует? Они явно *здесь*. Кабинет доктора Гесснер не заперт, а снаружи видны свежие *следы.*

Лэнгдон не был уверен, насколько «свежими» были размытые отпечатки, но, учитывая их запланированную встречу здесь, логично было предположить, что Кэтрин действительно находится внизу с Гесснер. — Без понятия, — честно ответил он.

Яначек проводил Лэнгдона обратно в комнату ожидания и указал на один из белых диванов. — Садитесь.

Лэнгдон подчинился, устроившись на длинном

диване у стены. Яначек сделал звонок, быстро заговорив по-чешски.

Пока Лэнгдон ждал, его взгляд снова переместился на красочные изображения, украшавшие кабинет Гесснер. *Всего три фунта плоти*, подумал он, разглядывая загадочные очертания и переплетенные извилины на каждом снимке. *А наука до сих пор понятия не имеет, как это работает.*

Вчера вечером на лекции Кэтрин показала куда *менее* привлекательное изображение человеческого мозга — суровую лабораторную фотографию сероватого, изборожденного шрамами комка ткани, лежащего в стальном подносе.

— Этот комок — ваш мозг, — сказала она аудитории. — Понимаю, что он больше похож на груду очень старого фарша, но уверяю вас: этот орган — настоящий шедевр природы. Он содержит примерно восемьдесят шесть *миллиардов* нейронов, которые вместе образуют более ста *триллионов* синапсов, способных почти мгновенно обрабатывать сложную информацию. Более того, эти синапсы могут со временем перестраиваться по мере необходимости. Это явление, известное как нейропластичность, позволяет мозгу адаптироваться, учиться и восстанавливаться после

травм.

Кэтрин показала еще одно фото — одинокий DVD, лежащий на столе. — Это стандартный DVD — он может вместить впечатляющие 4,7 гигабайта информации, — продолжала она, — что эквивалентно примерно двум тысячам фотографий в высоком разрешении. Но знаете ли вы, сколько DVD понадобится для хранения примерного объема памяти среднего человеческого мозга? Подскажу… Если сложить требуемые диски один на другой… — она сделала жест в сторону высокого свода Владиславского зала, — то их стопка превысит вершину этого здания. В самом деле… стопка была бы такой высокой… что достала бы до Международной космической станции.

Кэтрин постучала себя по голове. «Каждый из нас хранит внутри миллионы гигабайт данных — изображения, воспоминания, годы образования, навыки, языки… всё аккуратно рассортировано и организовано в этом крошечном пространстве. Современные технологии до сих пор требуют целого хранилища данных, чтобы сравниться с этим».

Она выключила презентацию и подошла к переднему краю сцены.

«Материалистические учёные до сих пор

недоумевают: как орган *такого размера* может вмещать *столько* информации? И я вынуждена согласиться — с точки зрения физики это кажется невозможным... именно поэтому я не *материалистка*».

В зале пробежал лёгкий шум. *Опять суёшь палку в осиное гнездо,* подумал Лэнгдон. Он давно знал, что Кэтрин не колеблясь задевала больную точку, когда речь шла о двух противоположных философиях изучения человеческого сознания.

Материализм против ноэтики.

Материалисты считали, что все явления, включая сознание, могут быть объяснены исключительно через материю и её взаимодействия. Согласно их убеждениям, сознание было побочным продуктом физических процессов — активности нейронных сетей и других химических реакций в мозге.

До чего не согласны представители ноэтики. Для них картина мира куда менее ограниченна. Ноэтики полагали, что сознание *не* создаётся процессами мозга, а является фундаментальным аспектом вселенной — подобно пространству, времени или энергии — и даже не находилось внутри тела.

Лэнгдон был поражён, когда узнал, что челове-

ческий мозг составляет всего 2 % массы тела, но при этом потребляет невероятные *20 %* энергии и кислорода. Кэтрин верила, что это явное несоответствие — доказательство того, что мозг делает нечто настолько непостижимое, что традиционная биология ещё даже не может это осмыслить.

Её рукопись, скорее всего, раскроет эту тайну, подумал Лэнгдон, гадая, начал ли уже читать Джонас Фокман. Зная Джонаса, он всю ночь не спал и уже прочёл половину. Яначеку звонили уже второй раз, и его всё более настойчивый тон не помогал нервам Лэнгдона. Он взглянул на часы, надеясь на скорое прибытие Харриса и посла. Пока Лэнгдон ждал на диване, его внимание снова привлекла массивная настенная скульптура Пола Эванса в дальнем конце комнаты. С момента, как он впервые её увидел, эта дорогая вещь вызывала у него раздражение.

Его бесили богатые ценители искусства, которые покупали шедевры мирового уровня, выдергивали их из безопасных музейных залов и затем выставляли в частных коллекциях при плохом освещении или в неподходящих условиях.

Да ещё и Гесснер повесил её неправильно.

Несомненно, Пол Эванс задумывал, что скульптуру должны выставлять, как картину, — по

центру и на стене. Но Гесснер лениво поставил её прямо на пол, прислонив вертикально, лишь с фиксирующей планкой сверху, чтобы она не упала в комнату.

Эта стена из цельного камня, подумал Лэнгдон. Она легко выдержала бы вес.

Но когда он взглянул на массивную горизонтальную планку, в голове мелькнула неожиданная мысль.

Если только...

Он ещё раз внимательно осмотрел всё произведение искусства, потом встал и быстрым шагом направился к нему.

Внезапно Павел преградил ему путь, выхватив оружие и направив его прямо в грудь Лэнгдона.*"Нéхте тòго!»*

Лэнгдон взвил руки вверх. *Ради всего святого!*

Яначеку завершил разговор и спокойно кивнул лейтенанту, сказав что-то по-чешски.

Павел опустил пистолет и убрал его в кобуру.

«Какого чёрта он делает?!» — крикнул Лэнгдон Яначеку.

«Свою работу, — ответил капитан. — Вы пытаетесь нас *покинуть*?»

«Покинуть?! — возмущённо ответил он. — Нет, я просто...»

«Вы *что* делали?»

Лэнгдон заколебался, переосмысливая свои слова. «Я шёл в туалет, — солгал он, возвращаясь на место. — Подумав, могу подождать».

Голем надел солнцезащитные очки, пересекая брусчатку Староместской площади к стоянке такси. Несмотря на недосып, он ощущал прилив энергии, все его мысли были сосредоточены на том, что потребуется для освободительного акта мести.

Прошлой ночью Гесснер созналась в мрачной истине, открыв, что её коллеги тайно построили обширное подземное сооружение в глубине под Прагой. *Они называют его «Порог»*. Масштаб проекта впечатлял, но именно *место расположения* поразило Голема больше всего.

Прямо в сердце города.

Каждый день сотни людей ходят по нему... даже не подозревая о его существовании.

Когда Голем потребовал у Гесснер сказать, как попасть внутрь, она попыталась сопротивляться, но, подавленная болью, быстро раскрыла ответ: войти в «Порог» мог лишь тот, кто знал, где спрятан вход... и *также* имел особую RFID-карту.

Голему потребовалось всего несколько минут жестокости, чтобы выведать и то, и другое. Оставив Гесснер умирать, он получил нужную информацию... и её личную RFID-карту.

К несчастью, позже он обнаружил, что учёная сумела утаить одну важную деталь: самой карты *недостаточно* для доступа.

Поражённый и измотанный, Голем брёл через темноту домой, с бесполезной картой в кармане. Однако по пути к нему пришло решение его проблемы. Чем больше он обдумывал план, тем больше в нём крепла уверенность. К рассвету у него не осталось сомнений.

Мне нужен второй предмет.

К счастью, Голем точно знал, где этот предмет находится в данный момент — в частной лаборатории Гесснер, высоко на холме с видом на город.

«Бастьян у Божих мук», — сказал он, садясь в такси. — Вёзэтэ мя к Подéбраду.»

ГЛАВА 22

Лейтенант Павел чувствовал сардоническое удовольствие, зная, что напугал Роберта Лэнгдона настолько, что тот даже отказался от посещения туалета. Американец теперь сидел на диване, безучастно уставившись в пространство.

Пистолет, приставленный к виску, здорово прочищает мысли.

Частично из вредности Павел зашел за угол, прошел по коридору в туалет. Намеренно оставив дверь распахнутой, чтобы Лэнгдон мог слышать, он громко справил нужду и спустил воду.

Выходя из туалета, Павел увидел, как Яначек поворачивает за угол в коридор.

— Пойду перекурю, — сказал капитан.

Павел проработал с Яначек достаточно долго, чтобы знать — капитан курил где ему вздумается. Скорее всего, он собирался сделать приватный звонок. С Яначеком их всегда было немало.

— Команда подрывников прибудет через тридцать минут, — сказал Яначек, — чтобы вскрыть *это*. Он указал на стальной портал, защищавший лестницу в лабораторию.

Один контролируемый взрыв, согласился Па-

вел, осматривая дверь. И нижний уровень будет доступен.

Разбитая дверная коробка по-прежнему лежала у входа в лабораторию как сигнал тревоги, но Павел чувствовал — сегодня никто не выйдет отсюда по своей воле. Они уже ослушались прямого приказа капитана Яначека… а это оставляло им весьма мало вариантов.

— Я буду ждать команду снаружи, — сказал Яначек. — Оставайся здесь и следи, чтобы никто не вышел из лаборатории. И не спускай глаз с Лэнгдона.

Павел щелкнул каблуками. *Так точно.*

Уже почти пять лет Павел был правой рукой Яначека. Менее известно в полиции было то, что Павел приходился Олдржиху Яначеку племянником. Когда Павлу было всего девять, его отец погиб в нелепой аварии — его сбил турист на мотоцикле. Когда мать Павла погрузилась в алкогольный кошмар с побоями, мальчик стал жить на улицах, зарабатывая мелкими кражами и вымогая у местных лавочников деньги «за защиту».

В девятнадцать лет, когда Павел был арестован, матери нигде не могли найти, и ее старший брат Олдржих вступился за почти незнакомого племянника. Подающий надежды офицер УЗСИ,

Яначек впечатлился дерзостью и изобретательностью Павла и предложил ему простой выбор: *Отправляйся в тюрьму и проведешь жизнь с преступниками… или пройдешь подготовку в УЗСИ, а я покажу тебе, как их ловить.*

Это была суровая любовь, но выбор оказался простым. Павел упорно работал, став достойным служителем закона. Несмотря на скромные успехи в обучении, Павел быстро поднимался по служебной лестнице. Сейчас он уже лейтенант — необычно высокое звание для офицера младше тридцати — и обращался к дяде исключительно как к капитану Яначеку.

Я всем ему обязан, осознавал Павел. Яначек заменил ему погибшего отца, и молодой лейтенант боготворил бесстрашие и решимость командира. *Иногда утверждение закона требует встать над законом*. Капитан Яначек жил по этому принципу и часто доверял Павелу заметать следы, которые оставлял сам, выходя за рамки в расследованиях… как и сегодня утром.

Он знает: я защищу его до конца.

Павел стоял в холле и наблюдал, как капитан Яначек выходит из здания в заснеженный двор крепости — длинное прямоугольное пространство, огороженное невысокой каменной стеной

для защиты посетителей от головокружительного обрыва. Прокладывая путь между кадками с вечнозелеными растениями, капитан сделал звонок и остановился в дальнем конце двора, глядя на пражские крыши.

Павел воспользовался моментом проверить сообщения, надеясь увидеть уведомление от нового приложения *Dream Zone*— виртуальной платформы знакомств, охватившей Европу. Он и представить не мог, что чаты с компьютерными женщинами удержат его внимание, но, как и многие мужчины, подсел на эротическую переписку, откровенные фото и фантазийные сценарии.

Одиннадцать уведомлений.

Он улыбнулся, радуясь возможности почитать в ожидании. С телефоном в руке Павел направился в атриум присматривать за Лэнгдоном, но, войдя, с удивлением обнаружил, что диван, на котором тот сидел, пуст. Он оглянулся по сторонам, прочесывая взглядом каждый угол. Вбежал в кабинет Гесснер, но и там никого не было.

Растерянность Павла быстро сменилась паникой. В отчаянии он носился по комнате, заглядывая за мебель. *Куда, черт возьми, он делся?!*

Роберт Лэнгдон будто растворился в воздухе.

Менее чем в двадцати футах Лэнгдон стоял недвижимо в затемненной нише за настенной скульптурой Пола Эванса. Оказавшись в одиночестве, он мгновенно вскочил с дивана, чтобы рассмотреть арт-объект ближе. Как он и предполагал, металлический стержень над композицией вовсе не был опорной скобой.

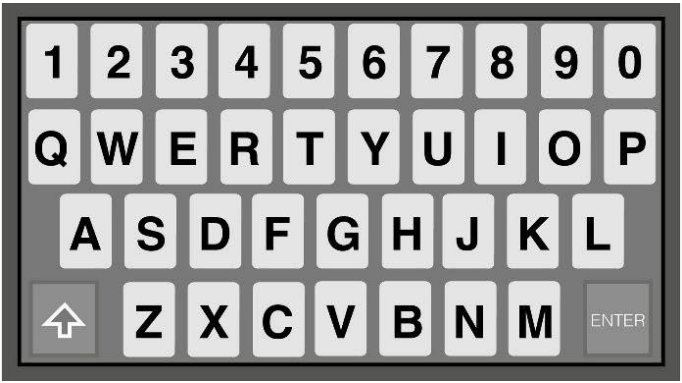
Это был направляющий рельс. Как у дорогущей амбарной двери.

Лэнгдон крепко ухватился за правый край скульптуры и толкнул влево. Массивная конструкция скользнула без усилий на высокоточных подшипниках. Как он и предполагал, за ней находился проем. Он быстро шагнул внутрь, и дверца на пружине бесшумно закрылась.

Теперь, когда глаза привыкли к полумраку, Лэнгдон слышал, как лейтенант Павел носится по холлу, громко ругаясь.

Ниша за скульптурой была столь же роскошно и лаконично оформлена — панели из ценных пород дерева, мраморная колонна с набором искусственных свечей. Их свет выхватывал матовую металлическую дверь.

Персональный лифт.

Это казалось куда более подходящим входом в небольшую лабораторию Гесснер, чем служебная лестница. Теперь Лэнгдон разглядел, что дверь лифта защищена светящейся клавиатурой.

Видимо, Гесснер не блефовала насчет хитроумного кода для своей лаборатории.

Осталось лишь выяснить, что это за код.

ГЛАВА 23

Джонасу Фокману доводилось переживать немало страшных моментов — прыжок из вертолёта без парашюта, едва не ставший роковым из-за коварного психопата, уклонение от пуль, летящих в него на крутой крыше. Но все эти сцены разыгрывались лишь на страницах триллеров, которые он редактировал.

Теперь страх был настоящим.

Дышать в мешке, натянутом на голову, становилось всё труднее, а руки были крепко связаны за спиной. Он лежал на жёстком металлическом полу машины, которая уже как минимум десять минут неслась по шоссе. Тонкий телефон в кармане пальто несколько раз вибрировал, но достать его не было никакой возможности.

Насколько Фокман мог судить, его похитили двое — судя по голосам, американцы. Они обыскали его рюкзак.

Рукопись у них.

Страх смешивался с полнейшей растерянностью.

Зачем?

Фургон резко свернул с шоссе, петлял по город-

ским улицам, а затем резко остановился. Когда похитители сдернули мешок, Фокман оказался лицом к лицу с крепким мужчиной лет тридцати с короткой военной стрижкой. Весь в чёрном, он сидел на молочном ящике прямо перед редактором, не отрывая ледяного взгляда, чересчур близко.

Парализованный страхом, Фокман взглянул за спину похитителя на улицу. Там виднелись лишь деревья и тьма. Вдалеке урчала тяжёлая техника. *Где я, чёрт возьми?*

Второй похититель — чуть меньшего роста — сидел на переднем пассажирском сиденье и что-то печатал на ноутбуке. *Тот парень с тротуара и папкой.*

— Готово, — сказал человек с ноутбуком.

Его напарник повернул видеокамеру на потолке фургона прямо к лицу Фокмана.

Первое правило выживания, напомнил себе Фокман. Никогда не показывать страх.

— Отпадная камера, — выдавил он. — Снимаем Тик-Ток? Мужчина удивлённо посмотрел на его дерзость.

Фокман старался звучать спокойно. — Или видео для выкупа моей семье?

— У тебя нет семьи, — равнодушно сказал муж-

чина. — Ты не женат, работаешь шесть дней в неделю и не выезжал из страны больше четырёх лет.

Боже! Кто эти типы?

Изначально он предположил, что это военные, но в наше время сложно быть уверенным. Несколько лет назад он издал документальную книгу о мире современных наёмников — обученных специалистов с таинственными названиями вроде «Блэквотер», «Трипл Кэнопи», «Вакенхут» и «Интернэшнл Девелопмент Солюшнс».

На самом деле, эти двое могли работать на кого угодно.

Стриженая голова достал из кармана планшет, пролистал его и сунул в лицо Фокмана. — Узнаёшь это место?

Фокман посмотрел на фото. Понадобилось мгновение, чтобы осознать увиденное. *Какого чёрта?!* Это была его собственная гостиная. Если верить снимку, его просторная квартира на Аппер-Ист-Сайд была перевёрнута вверх дном: картины сорваны со стен, книжные полки опустошены, диваны изрезаны, столы повалены.

— Что мы искали? — спросил Стриженый. — Давай, догадайся. Фокман уставился на его стрижку. — Парикмахера получше?

Без предупреждения Стриженый рванулся вперёд и ударил его кулачищем в живот. Редактор согнулся пополам, закашлялся, хватая ртом воздух.

— Попробуй ещё раз, — мужчина поставил его обратно на колени. — Что мы искали?

— Я...не...знаю, — с трудом произнёс Фокман.

Человек с ноутбуком изучил данные на экране и покачал головой. — Врёт.

— Спрошу последний раз, — сказал Стриженый. — Но перед ответом позволь познакомить тебя с «Аватаром». Он указал на камеру. — Это ИИ, который отслеживает движение глаз, микромимику и позу. Передовая система детекции лжи.

Детекция лжи? Фокману не хотелось подначивать громилу за помпезное название дешёвого гаджета, но хотя бы стало понятно, зачем камера.

Сидевший на ящике мужчина наклонился так, что его лицо оказалось неприятно близко. — Мы знаем о тебе всё, Джонас. Ты засиживаешься допоздна, бегаешь в Центральном парке, когда нет бизнес-ланчей, и пьёшь джин-мартини с авторами в «Белом коне». Не морочь мне голову. Задам тебе один простой вопрос.

Фокман ждал, чувствуя, как сжимается от боли

желудок.

— Рукопись из твоего рюкзака, — сказал Стриженый. — Это её *единственная* копия?

Фокман понимал, какой ответ они *хотели* услышать. К сожалению, сказать правду означало мгновенно потерять все козыри… и, возможно, жизнь.

Поняв, что вариантов почти нет, Фокман закрыл глаза и представил героя одного из своих популярных триллеров — шпиона, победившего детектор лжи с помощью трёх шагов, которые он теперь попытался повторить.

Во-первых, он расслабил плечи и живот.

Во-вторых, слегка соединил указательный и большой пальцы и замедлил дыхание.

В-третьих, ясно представил себе то, что *хотел бы* выдать за правду — в данном случае дюжину запасных копий рукописи, лежащих на его столе в «Random House».

Стало спокойнее.

— Нет, — максимально ровно сказал Фокман. — Рукопись в моём рюкзаке — *не* единственная копия. Их много.

Ноутбук проанализировал данные, его хозяин сразу отрицательно качнул головой.

— Врёт.

Чёрт возьми, Джонас! Есть же причина, почему это называется художественной литературой!

Стриженый снова занёс кулак для удара в живот.

— Постойте! — крикнул Фокман. — Я имел в виду *электронные* копии на серверах PRH.

Стриженый чуть усмехнулся. — Мистер Фокман, мы *удаляли* все цифровые копии, поэтому ты и бежал в копицентр, не так ли?

Фокман замолчал, чувствуя, как бешено колотится сердце. Из-за стен фургона доносился звук тяжёлой техники, похожий на рёв промышленных моторов.

— Объясню попроще, — сказал Стриженый. — Кроме копии в твоём рюкзаке и файлов на серверах PRH, знаешь ли ты о других вариантах рукописи — цифровых, бумажных или каких-либо ещё?»

Фокман покачал головой. — Нет, рукопись в моей сумке — единственный уцелевший экземпляр.

— *Был* единственным уцелевшим экземпляром, — поправил его Базкат. — Мы его уже уничтожили.

Один в центре безопасности PRH, Алекс Конон был потрясён.

Этого не может быть.

Он яростно ударил по клавиатуре, обновляя страницу, надеясь, что информация перед ним ошибочна, но одно и то же леденящее изображение продолжало появляться… и появляться снова.

Боже, нет…

Несколькими минутами ранее, не обнаружив никаких следов Фокмана и не сумев связаться ни с Кэтрин Соломон, ни с Робертом Лэнгдоном, Алекс решил действовать смело.

У тебя есть навыки. У тебя есть доступ.

Алекс использовал и то, и другое, и, несмотря на сомнительную законность своих методов, ему удалось получить доступ к информации, к которой он не должен был иметь доступ, чтобы их выследить. Теперь на его экране отобразилось тревожное изображение. Алекс пытался придумать какое-нибудь безобидное объяснение тому, что он видит, но его разум возвращался к единственно логичному выводу… леденящему душу.

Тот, кто хочет уничтожить эту книгу PRH…

убил автора PRH.

ГЛАВА 24

В темноте потайной ниши Лэнгдон изучал алфавитно-цифровую панель управления лифта в квартире Гесснер, мысленно вновь переживая их вчерашнюю встречу.

Гесснер была лишена чувства юмора и отличалась строгостью: бледная кожа, тонкие поджатые губы и туго стянутые волосы, как у танцовщицы фламенко. Лэнгдон сразу почувствовал неприязнь к этой нейробиологу. Та присоединилась к ним в баре Four Seasons, Cotto Crudo, после лекции Кэтрин.

— Доктор Гесснер! — тепло воскликнула Кэтрин, поднимаясь с места, когда женщина приблизилась к их уединённому столику в глубине зала. — Спасибо, что пришли, и конечно же, за приглашение прочесть лекцию в вашем восхитительном городе.

Женщина приняла комплимент с холодной улыбкой. — Сегодня собралась большая аудитория, — произнесла она с лёгким чешским акцентом. — Вы себе имя сделали.

Кэтрин скромно отмахнулась от похвалы и жестом представила Лэнгдона. — Очень любезно

с вашей стороны. Думаю, вы знакомы с моим коллегой — профессором Робертом Лэнгдоном?

Лэнгдон встал и протянул руку. — Рад познакомиться.

Игнорируя жест, Гесснер молча села за их столик. — Надеюсь, вы ещё ничего не заказали, — сказала она. — Я попросила принести кое-что из местных специалитетов.

— Она повернулась к Лэнгдону. — Профессор, для *вас* я выбрала «Люче» — фирменный коктейль CottoCrudo на основе канадского виски, вишнёвого биттера, кленового сиропа и бекона.

Бекон? Лэнгдон предпочёл бы свой обычный «Веспер» на джине Nolet's Reserve.

— А для *вас*, Кэтрин, — продолжала Гесснер, — я заказала *Староплзенский*— местную богемскую абсент. У нас есть шутка: если ты ещё можешь выговорить это название, значит, нужно выпить ещё.

Властный жест под маской гостеприимства, подумал Лэнгдон. Мало какие напитки крепче богемского абсента, а Кэтрин плохо переносила алкоголь.

— Очень любезно с вашей стороны, — с достоинством ответила Кэтрин. — Мне так понравилось выступать в вашем волшебном городе. Это боль-

шая честь. Лэнгдон восхищался её выдержкой и изящным профилем, обрамлённым каскадами тёмных волос.

Гесснер пожала плечами. — Ваше выступление было занимательным, но тема, как бы это сказать... предсказуемо *метафизической.*

— О, — промолвила Кэтрин. — Жаль это слышать.

— Не поймите превратно моё отношение к ноэтике, но настоящие учёные вроде меня не верят в эфемерные концепции вроде души, духовных видений или космического сознания. Мы считаем, что любой человеческий опыт — от религиозного экстаза до парализующего страха — всего лишь результат химических процессов в мозге. Физика причин и следствий. Всё остальное... заблуждение.

Она только что назвала себя настоящим учёным, а Кэтрин — заблуждающейся?

Лэнгдон закипел, но Кэтрин улыбнулась и под столом игриво сжала его ногу.

— Любопытно, — продолжила Гесснер, — что после защиты диссертации по *нейрохимии* — самой материалистической из специальностей — вы ударились в мистицизм ноэтики.»

«Ты имеешь в виду Калифорнию?» — съязвила

Кэтрин. «Думаю, это заставило меня взглянуть на вещи шире.»

«Прошу прощения, — не удержался Лэнгдон. — Но если вы столь низкого мнения о ноэтической науке, зачем пригласили доктора Соломон выступать?»

Гесснер, казалось, развлеклась этим вопросом. «По двум причинам. Во-первых, наш основной докладчик — доктор Ава Истон из Европейского совета по мозгу — вынуждена была отменить визит. Нам нужна была женщина на замену, и я подумала, что Кэтрин с радостью согласится. А во-вторых, я прочла интервью, где Кэтрин великодушно признала, что одна из моих статей вдохновила часть её будущей книги.»

«Верно, — подтвердила Кэтрин. — Я не знала, что вы это видели.»

«Да, видела, Кэтрин, — сказала Гесснер снисходительным тоном, больше подходящим для разговора с ребёнком. — Хотя вы не упомянули, *какая именно* из моих статей вас вдохновила?»

«Химия мозга при эпилепсии», — ответила Кэтрин. — *Европейский журнал нейронаук*.»

«Немного выходит за рамки ноэтики, не находите? Надеюсь, вы не перекручиваете мои исследования в угоду своим выводам.»

«Ни в коем случае», — сказала Кэтрин.

Лэнгдон восхитился её учтивостью. Я бы точно так не смог сдержаться с этой женщиной.

«Тем не менее, — продолжала Гесснер, — из профессиональной вежливости я бы хотела заранее ознакомиться с этой главой. У вас наверняка есть с собой копия рукописи.»

«Вообще-то, нет», — честно призналась Кэтрин.

Гесснер скептически приподняла бровь. «Ну что ж, может, вы достанете её для меня. Если мне понравится, я подумаю о рекомендации для вашей первой книги — это могло бы помочь с её восприятием.»

«Очень любезно с вашей стороны, — с ангельским терпением ответила Кэтрин. — Я спрошу у своего редактора.»

Отказ явно раздосадовал Гесснер. «Как пожелаете, но хотя бы позвольте пригласить вас завтра в свою лабораторию — покажу вам кое-что. Уверена, вас это впечатлит. Буду рада просветить вас.»

Лэнгдон нервно ерзал, но Кэтрин взяла его под столом за руку и с неожиданной силой сжала её, удерживая от возражений, пока принимала приглашение Гесснер.

Прошло двадцать минут, а Гесснер всё говорила... о чём именно, Лэнгдон уже не понимал. После

половины своего отвратительного коктейля с кленовым сиропом и беконом у него во рту стоял вкус завтрака. Если её монолог продолжится, ему определённо потребуется ещё выпить.

Может, мартини с жареным яйцом?

Кэтрин едва успела до половины абсента, но уже проявлялись его эффекты: речь стала менее чёткой, а веки тяжелели.

«Учитывая инновационный характер моих исследований, — между делом заметила Гесснер, — вам, разумеется, придётся подписать соглашение о неразглашении перед посещением лаборатории.»

Лэнгдон счёл это чудовищно высокомерным требованием среди коллег. «Собственно, оно у меня с собой, — сказала Гесснер, доставая кожаный портфель. — Можем оформить сейчас, чтобы завтра...»

«Вообще-то, — перебил Лэнгдон, — сомневаюсь, что Кэтрин сейчас в состоянии читать юридические документы. Может, завтра по прибытии в вашу лабораторию?»

Явно недовольная, Гесснер уставилась на него поверх портфеля, словно оценивая его решимость. Наконец согласилась: «Хорошо, можно и так.»

Пока Гесснер вновь погрузилась в разговор с Кэтрин, Лэнгдон задумался: почему нейробиолог, столь презрительно отзывавшийся о её работе, так стремился похвастаться своей закрытой лабораторией. Какими бы ни были мотивы Гесснер, утром Лэнгдон решил предложить Кэтрин тактично отказаться от экскурсии.

— Ничего личного, Кэтрин! — громко воскликнула Гесснер, прерывая ход мыслей Лэнгдона. — Ты же знаешь, я никогда не стеснялась своего неприятия паранормального и psi-науки. Помнишь мою обложку в *Scientific American*?

— Помню, — улыбнулась Кэтрин. — «Доктор Бригита Гесснер: не называйте её нейро-psi-истом».

— Точно, — снова громко рассмеялась она. — Все подхватили эту шутку. Одна поклонница прислала мне коврик для мыши с моей же цитатой: «В науке нет места psi». А коллега посоветовал сменить все пароли на P-S-I, потому что это *последнее*, что кто-либо мог ожидать от меня!

— Это *действительно* смешно, — сказала Кэтрин, потягивая абсент.

— Но ещё забавнее, что годы спустя, выбирая пароль для новой лаборатории, я вспомнила его совет… и установила PSI в качестве кода!

Лэнгдон приподнял бровь, гадая, что менее вероятно — что Гесснер защитила лабораторию трёхбуквенным паролем или что она его им назвала.

— Конечно, не буквально P-S-I, — добавила она со смехом. — Я его зашифровала. Довольно остроумно, если позволите себе похвастаться.

Что ты только что и сделала.

— Профессор, — обратилась она к нему, — вы же любите головоломки, верно? Моё шифрование вас впечатлит.

— Не сомневаюсь, — пробормотал он, едва слушая.

Гесснер самодовольно выпрямилась. — Мой гениальный шифр — это «арабская дань древним грекам с латинским оттенком». — Она сняла лимонную цедру с края бокала и с театральным жестом уронила её в напиток. *Микрофон упал.*

Лэнгдон не понял ни слова. — Звучит очень замысловато.

— Роберт смог бы его разгадать, — выпалила Кэтрин, абсент уже явно давал о себе знать. — Он мастер шифров.

— Готова поспорить, — усмехнулась Гесснер. — Шансы профессора угадать — менее одного на три с половиной триллиона.

Лэнгдон не моргнул глазом. — Судя по всему, семизначный буквенно-цифровой код.

Гесснер отпрянула, округлив глаза, поражённая его мгновенной догадкой. Кэтрин залилась хмельным смехом. — Я же говорила, он отлично разбирается в шифрах!

— И в степенях, судя по всему, — заметила Гесснер, явно смущенная. — Ладно, профессор, больше никаких подсказок.

— На этой ноте, — резко поднялся Лэнгдон, — пожалуй, пора заканчивать вечер.

— А, Отец объявляет конец вечеринки, — поднялась Гесснер, оставив почти нетронутый тоник с водкой. — Кэтрин, увидимся утром. Ровно в восемь у бастиона Креста.

Посмотрим, — подумал Лэнгдон.

Когда Кэтрин встала, она одним глотком допила остатки абсента. Лэнгдон прикинул, что у него осталось примерно три минуты, чтобы доставить её в номер, пока напиток не подействовал окончательно.

Они попрощались, и, провожая Кэтрин по коридору в сторону их номера, Лэнгдон корил себя за то, что столько времени терпел Гесснер. Он встречал немало высокомерных академиков, но Бригита Гесснер возвела заносчивость на прин-

ципиально новый уровень.

Арабская дань древнему греку с латинским оттенком? Серьёзно?

Лэнгдон хотел бы тут же разгадать её «гениальный пароль», хотя бы чтобы посбить спесь с этой невыносимой женщины. Но момент был упущен. *Забудь*, сказал он себе. *Кому это важно?*

Войдя в номер, Кэтрин исчезла в ванной, собираясь ко сну. Лэнгдон расхаживал по гостиной, понимая, что слишком возбуждён, чтобы спать. Как бы он ни хотел забыть встречу с Гесснер, раздражение от её самодовольного превосходства пробудило в нём дух соперничества. Его аналитический ум уже лихорадочно работал, пытаясь разобраться в её загадке.

Разложи на составляющие, подумал он. Арабская дань…

Лэнгдон знал, что в алфавитно-цифровых системах нет арабских букв, поэтому почти наверняка Гесснер имела в виду *другой* арабский алфавит — цифры, математическую систему счисления, популяризованную арабами более тысячи лет назад.

Пароль Гесснер должно быть число.

«Арабская дань… — вслух размышлял он, — древнему греку.»

Логично, что если её пароль — число, то и «дань» должна быть *числовой,* значит, этот древний грек скорее всего связан с математикой.

Три величайших математика античности были греками.

Их имена врезались Лэнгдону в память после того, как его школьный учитель математики мистер Браун сообщил классу, что общепринятая в школе аббревиатура «PEA» расшифровывается не как Phillips Exeter Academy, как все думали, а как зашифрованная дань трём титанам античной математики — *П*ифагору, *Э*вклиду, *А*рхимеду.

Так кого же из них имела в виду Гесснер? Лэнгдон перебрал варианты.

ПИФАГОР: теорема Пифагора, теория пропорций, концепция шарообразности Земли.

ЭВКЛИД: отец геометрии, конические сечения, теория чисел.

АРХИМЕД: спирали Архимеда, число пи, измерение площади круга.

Лэнгдон замер.

— Пи, — громко объявил он.

Из соседней комнаты донесся голос Кэтрин: «Отличная идея! Закажи в службу доставки. И мне кусочек!»

Другой пирог, с усмешкой подумал он, помогая

покладистой Кэтрин устроиться в постели. Поцеловав её на ночь, он вернулся в гостиную, достал бумагу и ручку из секретера и уселся на диван, охваченный навязчивым желанием довести начатое до конца.

Решение загадки Гесснер было ещё далеко не очевидным, но Лэнгдон вдруг осознал, что написание слова «пи» (вероятно, самого известного числа в истории) поразительно близко к «PSI».

Гесснер сказала, что её пароль — зашифрованное PSI...

Лэнгдон почувствовал, что он на верном пути.

3.14159, записал он самое распространённое значение числа пи.

Число пи определённо можно назвать данью древнему греку, к тому же оно выражается арабскими цифрами, что соответствовало двум из трёх условий Гесснер.

Арабская дань древнему греку.

К сожалению, десятичная точка в 3.14159 создавала проблему. Во-первых, в чистом алфавитно-цифровом пароле десятичных точек не бывает. Во-вторых, десятичная точка не была арабским изобретением; её создал шотландский математик Джон Непер.

Обе проблемы можно решить простым удале-

нием десятичной точки.

Была лишь одна загвоздка: число 314159 обозначало пи… а не PSI.

И ему всё ещё не хватает «маленькой латинской изюминки».

Прошло десять минут, но Лэнгдон не продвинулся дальше, и он решил, что, пожалуй, тоже стоит закончить на сегодня. *Пароль Гесснер может подождать… или ещё лучше — о нём можно просто забыть.*

Лэнгдон лёг в постель рядом с Кэтрин и крепко проспал несколько часов… пока её не разбудил кошмар, заставивший её вскрикнуть.

Целую жизнь назад, подумал Лэнгдон, стоя сейчас в затемнённой нише у лифта и глядя на цифровую клавиатуру, жалея, что так и не разгадал эту назойливую загадку Гесснер.

За стеной Павел громко выругался, и Лэнгдон услышал, как он бросился из атриума — вероятно, искать Яначека. Лэнгдон понимал, что этот момент может быть шансом незаметно ускользнуть из бастиона… но куда?

Я не уйду без Кэтрин, подумал он, с растущим страхом осознавая, что с ней могло что-то случиться. *Мне нужно спуститься вниз.*

Он снова посмотрел на клавиатуру, размышляя,

есть ли у него теперь больше шансов разгадать последний элемент пароля Гесснер — ведь прошёл целый вечер. В конце концов, недаром нам советуют «переспать» с проблемой; подсознание способно делать удивительные связи, пока мы спим.

Накануне Лэнгдон ложился спать, полагая, что число 314159 и есть точное воплощение «арабской дань уважения древним грекам».

Но чего-то всё равно не хватало.

Мне не хватает «латинской изюминки».

Лэнгдон знал, что большинство мировых языков — включая английский — используют латинский, или римский, алфавит. Осматривая цифры и буквы на клавишах панели, он понял, что так увлёкся *цифрами*, что забыл о возможности использования *букв.*

Неужели «латинская изюминка» — это буква?

Размышляя об этом, он мысленно представил простейшую извилистую форму — букву *S*.

Боже правый, до него дошло. Буквальное «латинское завитие»!

В тот же миг перед ним всплыл образ горделивой Гесснер, бросающей лимонную дольку в центр своего бокала, и он не мог не восхититься её изобретательностью.

«S» — это недостающий элемент головоломки.

Дальше всё было просто.

PI превращается в PSI!

Код Гесснер представлял собой смесь арабских и латинских символов — цифр и букв — и, если Лэнгдон не ошибался, решение должно было выглядеть так: *314S159!*

Он ещё раз сверил логику с тем, что говорила Гесснер. «Арабская дань уважения древним грекам с латинской изюминкой».

Число 314159 — чисто арабская дань уважения… греческому числу пи… а буква «S» посередине — латинская изюминка, превращающая PI… в PSI… что и было, по словам Гесснер, её паролем.

Это был тот самый момент, когда можно было воскликнуть, как Архимед:

«Эврика!» — но вместо этого Лэнгдон молча подошёл к клавиатуре. Затаив дыхание, он аккуратно ввёл семь символов на дисплей.

3 1 4 S 1 5 9

Перепроверив последовательность, он выдохнул и нажал Enter.

Ничего не произошло.

Его мгновенно накрыла волна отчаяния, но через мгновение Лэнгдон услышал щелчок и лёг-

кий механический гул за дверью. Звук нарастал… это поднимался лифт.

Эврика… подумал он, позволяя себе улыбнуться с облегчением. *Один шанс на 3,5 триллиона.*

Дверь лифта раздвинулась, открыв просторную кабину с деревянными панелями. Подавив клаустрофобию, Лэнгдон шагнул внутрь и стал искать на стенах кнопку, которая спустит его в лабораторию.

Но в этом лифте не было никаких кнопок или панели управления.

Вместо этого двери закрылись сами, и Лэнгдон почувствовал, как кабина начала опускаться.

ГЛАВА 25

В сознании Голема мелькали образы Кэтрин Соломон, пока такси поднималось по склону к Бастиону Распятия. Он ясно видел её на сцене Пражского Града... читающую свою удивительную лекцию. Голем присутствовал там, тихо сидя в задних рядах, одетый неприметно, как и сейчас.

Идеи Кэтрин привлекали Голема, временами ему казалось, что она обращается непосредственно к нему. *Я — живое доказательство твоей правоты, Кэтрин.* Более часа Кэтрин держала публику во Владславском зале в напряжённом внимании, заряжая восторгом новых возможностей... свежим взглядом на работу человеческого сознания.

Один момент особенно задел его.

«Существует удивительный феномен, — говорила Кэтрин, — который неопровержимо доказывает: наши традиционные взгляды на сознание совершенно ошибочны. Он называется «синдром внезапного саванта», и его клиническое определение таково: «Внезапное проявление в человеческом сознании уникального навыка

или знаний, которых ранее не существовало». Она улыбнулась. «Иными словами, вас ударят по голове, и вы просыпаетесь виртуозом-скрипачом, свободно говорящим по-португальски или гением математики — при полном отсутствии этих способностей прежде».

Кэтрин быстро продемонстрировала серию слайдов и видеозаписей людей, переживших синдром внезапного саванта.

РУБЕН НСЕМО — 16-летний американец, получивший удар по голове во время футбольного матча, впавший в кому и очнувшийся с идеальным знанием испанского.

ДЕРЕК АМАТО — мужчина средних лет, нырнувший в бассейн, ударившийся головой и пробудившийся музыкальным гением и виртуозным пианистом.

ОРЛАНДО Л. СЕРРЕЛЛ — 10-летний мальчик, поражённый бейсбольным мячом и внезапно обретший способность производить невероятно сложные календарные вычисления.

«Очевидный вопрос, — продолжала Кэтрин, — *как это возможно?* Как удар по голове может волшебным образом внедрить в мозг всю испанскую языковую систему? Или многолетний опыт игры на скрипке? Или способность определять

точные даты, отстоящие на столетия в прошлом или будущем? Ответ таков — согласно нашей нынешней модели мозга — все эти события буквально *невозможны*.»

Она указала на молодого человека, уставившегося в телефон. «Представьте, что вы швырнули этот телефон о стену, а когда подняли, в вашей галерее оказались новые фото... мест, где вы никогда не бывали.»

«Невозможно», — согласился тот.

Голем, конечно, понимал, как такое может происходить. Он знал, почему пересекаются космические сигналы. И Кэтрин Соломон, судя по всему, тоже.

«Разумеется, есть и поразительная история Майкла Томаса Ботрайта.»

Кэтрин рассказала историю ветерана ВМС США, найденного без сознания в гостиничном номере, который очнулся, свободно говорящим по-шведски; у него не было воспоминаний о собственной жизни, вместо этого он помнил себя как шведа по имени Йохан Эк.

Подкрепляя свою мысль, она пересказала известную историю Джеймса Лейнинджера — двухлетнего мальчика, которого преследовали кошмары о пожаре в кабине истребителя.

Наяву маленький Джеймс рисовал горящий самолёт и рассказывал о сложных предполётных процедурах, используя технические термины, неизвестные его родителям и уж точно ему самому. На вопрос перепуганных родителей, *откуда* он это знает, мальчик заявил, что его зовут не Джеймс Лейнинджер, а Джеймс *Хьюстон*, и что он пилот, летавший с «Натомы» вместе с другом Джеком. К изумлению родителей, поиск в архивах Второй мировой обнаружил пилота Джеймса Хьюстона, служившего на авианосце *Natoma Bay* вместе с Джеком Ларсеном. Хьюстон разбился и погиб, запертый в горящей кабине. История становилась лишь страннее и стала темой многих документальных фильмов и бесконечных онлайн-споров.

«Эти феномены необъяснимы, но они *реальны*, — продолжала она. — Это истинные аномалии... настолько подрывающие текущую модель сознания, что мы оказались на перекрёстке человеческого понимания, где растущее число блестящих умов — нейробиологов, физиков, биологов и философов — вынуждено признать шокирующую истину... попросту говоря, наши устоявшиеся научные взгляды на работу разума больше неадекватны. Пришло время новой

модели. Пора признать, что мы не знаем ответа на простой вопрос: откуда берутся наши мысли, таланты и идеи? И это, друзья мои, тема сегодняшнего выступления.»

Такси Голема завернуло за последний поворот к Бастиону Распятия, и вдали показалась лаборатория. Но, увидев происходящее, он тут же ударил по оргстеклу перегородки: «*Остановите! Остановите!*»

Водитель резко затормозил.

Голем рассчитывал быть здесь один, но к его удивлению, перед зданием стоял седан ÚZSI. *В этот час здесь никого не должно быть!*

Он отпустил такси и осторожно приблизился к бастиону пешком, скрытно продвигаясь через окружающий здание лес. Подойдя ближе, он увидел, что входная дверь разбита. Вестибюль зиял пустотой, пол усеян осколками стекла.

ÚZSI вломились в лабораторию Гесснер?

Если так, Голем внезапно испугался, что может столкнуться с проблемой при попытке забрать то, за чем пришёл. *Без этого я не смогу получить доступ к Порогу.*

В разбитом вестибюле никто не двигался, но в дальнем конце двора Голем заметил движение. В семидесяти пяти ярдах от него, высокий

мужчина в костюме стоял у невысокой ограды и разговаривал по телефону.

Агент ÚZSI?

Кто-то из людей Гесснер?

В любом случае, его присутствие было проблемой... и требовало решения.

ГЛАВА 26

В дальнем конце двора Бастиона Распятия капитан Яначек завершил телефонные разговоры и заглянул за низкую каменную ограду в глубокий овраг внизу. Как ни странно, он чувствовал себя сейчас по-настоящему живым.

И неважно было, то ли захватывающим его был этот рискованный вид сверху, то ли события утра.

День удался.

Годы работы в правоохранительных органах становились все более разочаровывающими по мере того, как Прагу наводняли туристы. Все требовали безопасного города, и Янечек делал все возможное, но его постоянно ругали — то за отсутствие результатов, то за чрезмерную жесткость.

Выбирайте что-то одно, — возражал Яначек. — Железный порядок или хаос.

Его несколько раз обходили при назначении на должность главы ÚZSI после случая с группой бражничающих американских студентов несколько лет назад. Когда Яначек сделал им замечание, пьяные, избалованные и агрессивные молодые люди начали огрызаться. В отвращении

Яначек посадил их на ночь в тюрьму, решив проучить.

К несчастью, один из парней оказался сыном американского сенатора, который тут же позвонил взбешенный в посольство США. Студентов немедленно освободили, а на Яначека тут же подали в суд за «чрезмерное применение силы» и «моральный ущерб».

Профессиональная карьера Яначека так и не оправилась от этого удара.

Сегодня я покажу американцам, кто здесь главный.

Команда подрывников только что подтвердила свое скорое прибытие, и Яначек назначил пресс-конференцию через час. Он уже представлял себе фотографии, где он выводит из Бастиона Распятия известного профессора Гарварда и ведущего американского ученого — обоих в наручниках.

Эти двое американцев сегодня подвергли жизни людей опасности, — торжественно объявит он. — Все ради рекламы книги.

Признаться, обвинения Яначека не были *совсем уж* честными, но он был уверен, что его ложь останется незамеченной. Его племянник Павел помог замести следы. ÚZSI было братством, и все понимали, что в правоохранительных орга-

нах иногда приходится нарушать правила, чтобы их соблюдали, особенно когда сталкиваешься с возмутительным влиянием посольства США в этой стране.

Когда Яначек наслаждался предстоящим оправданием, его телефон зазвонил. Увидев номер, он уверенно улыбнулся.

Легок на помине. Яначек не раз сталкивался с этой женщиной и всегда проигрывал. *Но не сегодня.*

— Госпожа Посол, — ответил он. — Всегда честь. Он даже не пытался скрыть сарказм в голосе.

— Капитан Яначек, — сказала посол. — Вы в Бастионе Распятия?

— Именно так, — высокомерно ответил Яначек. — Ожидаю команду подрывников и намерен задержать как минимум одного американца.

— Сюда прибыл атташе Харрис, — твердо сказала посол, — и он уверен, что Кэтрин Соломон и Роберт Лэнгдон не имеют никакого отношения к бомбе.

— Тогда почему госпожа Соломон сопротивляется аресту?

— Капитан Яначек, скажу это один раз. В этой ситуации есть нюансы, о которых вам не известно —

— К черту ваши американские нюансы, госпожа Посол! Я *точно знаю*, что *вы* не имеете никакой юрисдикции в Бастионе Распятия, и вам не остановить меня, если яре...

— *ПРЕКРАТИТЕ!* — взорвалась посол, и ее крик на чешском ошарашил Яначека. Заставив его замолчать, посол продолжила гневным шепотом.

Она сказала шесть слов... только шесть слов. Яначек чувствовал, словно его сбил грузовик. В этот миг все изменилось.

ГЛАВА 27

Когда лифт замедлился и остановился на нижнем этаже, пульс Лэнгдона уже бешено колотился — отчасти из-за клаустрофобной кабины, но в большей степени из-за растущей тревоги за Кэтрин.

Она должна быть здесь где-то…

Двери открылись, и Лэнгдон очутился в длинном коридоре, грубо отесанные каменные стены которого напоминали стены восьмисотлетней крепости, чем они, по сути, и были. Резкий контраст им составлял изысканный паркет, уложенный ёлочкой из тонированного твёрдого дерева, который тянулся вдоль коридора, освещённый равномерно расположенными, изящно приглушёнными встроенным и светильниками.

— Кэтрин? — тихо позвал Лэнгдон, выходя из тесного лифта и привыкая к мягкому свету.

Когда двери за ним закрылись, он всмотрелся дальше в коридор и заметил пять элегантных дубовых дверей, расположенных вдоль правой стены, каждая оформлена в каменном арочном проеме. Лаборатория больше напоминала роскошный бутик-отель, чем нейробиологический

центр.

— Доктор Гесснер?! — громко окликнул он, понимая, что лейтенант Павел наверху теперь его не услышит.

Первая дверь, к которой подошёл Лэнгдон, вела в просторный элегантный кабинет с каменными стенами, роскошным ковром и высокими шкафами. На столе стояли два компьютера, стационарный телефон и грудá бумаг. Видимо, здесь Гесснер занималась основной работой.

— Здесь кто-нибудь есть? — окликнул он, заглядывая в соседний кабинет — меньшего размера, чей стол был украшен фотографиями, искусственным растением и малиновой бутылкой для воды с надписью *Пей воду!*. Лэнгдон не понимал значения этих слов, но узнал кириллицу и вспомнил, как Гесснер упоминала, что её лаборант — русский.

Выйдя из кабинета ассистента, Лэнгдон двинулся дальше по коридору к следующей двери. На ней был символ, который он не сразу опознал.

На мгновение ему показалось, что это модифицированный циркумпункт — древний знак в виде круга с точкой в центре. Символ также смутно напоминал логотип хоккейной команды «Филадельфия Флайерз». Однако вскоре он понял, что перед ним современный пиктограмный знак, изображающий лежащего человека, в пределах большой трубы.

На мгновение ему показалось, что это модифицированный циркумпункт — древний знак в виде круга с точкой в центре. Символ также смутно напоминал логотип хоккейной команды «Филадельфия Флайерз». Однако вскоре он понял, что перед ним современный пиктограмный знак, изображающий лежащего человека, в пределах большой трубы.

— *Кабинет визуализации,* — сообразил Лэнгдон, громко постучав в дверь. Тишина.

— Кэтрин? Ты здесь? — мягко позвал он.

Он толкнул, и дверь открылась. Лампы в помещении вспыхнули автоматически, открыв взору сложный пульт управления перед двумя массивными томографами — КТ и МРТ, — оба без

присмотра.

Лэнгдон вышел из комнаты и продолжил путь по коридору к третьей двери.

Обнаруженная табличка неожиданно вселила в него надежду.

Виртуальная реальность

Гесснер упоминала о работе с VR, и теперь Лэнгдон задумался, не находятся ли женщины внутри, увлечённые сеансом с полным сенсорным погружением, и не расслышали звонка по переговорному устройству.

Единственный опыт Лэнгдона с виртуальной реальностью оказался крайне неприятным. Один студент уговорил его опробовать симулятор скалолазания под названием *The Climb,* и когда Лэнгдон надел VR-шлем, он мгновенно оказался на узком уступе высоко в горах. Хотя он знал, что на самом деле стоит на ровном полу, его охватил парализующий страх, центр тяжести полностью дезориентировался, и он не смог сделать ни шага. Удивительно, но *виртуальная* реальность оказалась сильнее, чем *реальная*, в истинности которой был уверен его мозг.

Больше никогда, подумал он, громко постучав в дверь комнаты виртуальной реальности и

распахивая ее.

— Кэтрин? — крикнул он, заходя. — Доктор Гесснер?

Помещение внутри оказалось небольшим, с каменными стенами, ковровым покрытием и одним креслом посередине. Оно напоминало домашний кинотеатр с одним местом, но без экрана. На спинке кресла висели массивные очки виртуальной реальности, соединенные кабелями.

Жутковатое место, подумал Лэнгдон. И Кэтрин здесь нет.

Он быстро вышел из комнаты и прошел дальше по коридору, мимо туалета с аварийным глазным душем и душевой кабиной. Никого.

Пройдя дальше, Лэнгдон оказался у последней двери в лаборатории. На табличке значилось:

Технолог-изыск

Этот модный термин, популярный среди молодежных стартапов, Лэнгдону был знаком только потому, что Джонас Фокман как-то издевательски назвал его «бессмысленной амальгамой», заявив, что молодым людям, у которых не хватает энергии написать «технологическая разработка», вообще не стоит давать миллионы на развитие

чего бы то ни было.

Лэнгдон постучал и открыл дверь.

Последний шанс, подумал он, надеясь, что за дверью окажется Кэтрин.

Когда дверь распахнулась, Лэнгдона на мгновение ослепил свет. Комната была ярко освещена… и шумна. Резкий свет люминесцентных ламп, густой гул вентиляторов, пронзительный звук сирены, похожий на сигнал тревоги. Лэнгдон тотчас насторожился.

— Эй! — закричал он, перекрывая шум. — Кэтрин?!

Войдя внутрь, он увидел лабиринт рабочих столов, заваленных электроникой, инструментами, деталями и чертежами. Всё это создавало у Лэнгдона ощущение, будто он попал в логово безумного ученого. За захламленными столами, в глубине комнаты, стояла массивная стойка с оборудованием, напоминавшим неуклюжий гибрид архаичного мэйнфрейма и промышленного генератора. Вентиляторы устройства гудели, сопровождаясь непрекращающимся звуковым сигналом.

— Здесь *кто-нибудь* есть?! — закричал он в этом хаосе.

Лэнгдон направился к машине, заметив тол-

стые жгуты проводов, которые тянулись от нее по полу ко второму устройству — продолговатому контейнеру из прозрачного пластика или стекла. Из-под его прозрачной крышки исходило мягкое свечение.

Что это, черт возьми?

Размеры и форма заставили Лэнгдона подумать о капсуле для сна.

Или о гробу, осенило его, и ему стало не по себе.

Приблизившись, он увидел, что прозрачная оболочка влажная, покрытая конденсатом из-за происходящего внутри. Сигнал не прекращался. Осторожно подойдя, он наклонился и заглянул внутрь сквозь стеклянную крышку.

Лэндон в ужасе отпрянул.

Неподвижно лежащее внутри тело, окутанное густым клубящимся туманом, отчетливо вырисовывало человеческий силуэт.

Боже… Кэтрин?!

ГЛАВА 28

На втором этаже посольства США Майкл Харрис чувствовал себя не в своей тарелке, выходя с закрытой встречи у посла. Ему лишь частично «открыли глаза», и он все еще осмысливал последствия той секретной информации, которой с ним поделились.

Он чувствовал, что посол что-то утаила, но одно стало совершенно ясно: Сегодня речь идет о куда большем, чем просто угроза взрыва в Four Seasons.

Харрис взял себя в руки и быстро спустился в кабинет Даны, сожалея, что не поговорил с послом до того, как втянуть ее. Он застал ее за компьютером, увлеченную просмотром видеотрансляций с Карлова моста. *Черт.*

Дана взглянула на него, когда он вошел. «Я нашла твою девушку с шипастой тиарой, Майкл. Она очень милая. Ты не говорил...»

«Выключи, Дана», — сказал он, подходя к ней. «Я совершил ошибку.»

«Но ты же просил...»

«Знаю. Прости. Выключи, пожалуйста. *Сейчас же.*»

Дана настороженно посмотрела на него и встала. Будучи бывшей моделью ростом под метр восемьдесят, она была одной из немногих женщин, которые могли смотреть Майклу Харрису прямо в глаза. Но прежде чем она успела что-то сказать, Харрис присел на корточки.

«Серьезно?» — удивилась она. «Умоляешь на коленях?»

Не совсем. Харрис дотянулся под ее стол и выдернул штепсель, отключив компьютер.

Монитор Даны погас. «Какого черта ты творишь?!»

«Доверься мне», — сказал он, снова выпрямляясь.

«У тебя в последнее время слишком много секретов.»

Ты даже не представляешь насколько, — подумал он. «Слушай... Я просто прошу вернуться к работе и забыть, что я когда-либо спрашивал тебя об этом.»

Дана упрямо смотрела на него, и Харрис понял, что она не намерена отступать. Собираясь с духом, он игриво улыбнулся и понизил голос до шепота. «Стены здесь имеют уши. Как насчет того, чтобы я рассказал тебе все за ужином сегодня?»

Глаза Даны загорелись, а ее пухлые губы выра-

зительно поджались. «Еда с доставкой? У тебя?»

Харрис подмигнул. «Еда — по желанию.»

Она улыбнулась. «Мне нравится твой образ мысли, мистер Харрис.» Харрис послал ей воздушный поцелуй и вышел.

Спустя несколько минут он уже мчался по улочке Тржиште за рулем одного из черных Audi A7 посольства. Он ожидал, что отправится прямиком к Кржижовницким воротам, но посол велела ему сначала выполнить кое-что для нее.

«Мистер Лэнгдон пока в безопасности,» — сказала ему посол. «Капитан Яначек полностью под контролем.»

Сказано слишком мягко, — знал Харрис, только что ставший свидетелем жесткого телефонного разговора между послом и капитаном. *Яначек перестарался… и проиграл.* Теперь он зализывал раны и вёл себя безупречно в ожидании прибытия Харриса.

Несмотря на тревожный характер сведений, полученных от посла, Харрис чувствовал, будто пелена спала с глаз, открывая новые грани головоломки и взаимосвязи между её элементами… Его неофициальная работа для посла… лаборатория Гесснер в Бастионе Распятия… женщина на Карловом мосту… и даже предстоящая публика-

ция Кэтрин Соломон.

• •• •

Дану Данекову переполняла ярость.

У тебя нет власти надо мной, Майкл Харрис. Ты мой любовник, а не начальник.

Покровительственный тон атташе с его слащавыми разговорами об ужине вывел Дану из себя. Более того, его странное поведение лишь подогрело интерес к загадочной незнакомке на Карловом мосту.

К счастью, знаменитый мост находился под пристальным наблюдением большего количества камер видеонаблюдения на квадратный метр, чем любое другое место в Праге, — включая две панорамные камеры с углом обзора 360 градусов на сторожевых башнях и тринадцать камер на уровне глаз, встроенных в газовые фонари.

Выбрав одну из панорам сверху, Дана перемотала запись к архивным кадрам, начиная с 6:40 утра. К её удивлению, женщина в ореоле из шипов *уже* была там — стояла на восточном конце пустынного моста, будто кого-то ждала.

Но кого?

Дана вызвала камеру на уровне глаз и увеличила изображение лица женщины. Ей не

понравилось, что облачённая в необычный наряд женщина оказалась молодой и привлекательной, с ямочками на щеках и большими оленьего глазами. Её тело выглядело хрупким и подтянутым под плотным чёрным пальто.

Вот почему ты заинтересовал Майкла?

Казалось невероятным, что Майкл попросит Дану проверять свою пассию, но, возможно, он играл с ней в жестокую игру. Последние недели внутренний голос подсказывал ей, что у Майкла есть кто-то ещё.

Женщина всегда чувствует…

Уверенная, что Харрис теперь ушёл, Дана забралась под стол, подключила компьютер и перезагрузила систему наблюдения.

Она снова вывела на экран изображение симпатичной незнакомки, твёрдо намереваясь выяснить, *куда* та направилась… но вначале требовалось ответить на куда более важный вопрос.

Кто ты, чёрт возьми?

Одной из обязанностей Даны перед послом была проверка личности и биографии любых посетителей, обращающихся в посольство за услугами или убежищем. Достаточно было фотографии из паспорта или скриншота с камер у ворот, чтобы открыть целый мир информации.

Сегодня, благодаря продвинутому ПО для распознавания лиц, установить личность любого человека на планете можно всего за несколько минут.

Прости, милая, подумала Дана, сохраняя несколько качественных крупных планов лица женщины. *Но от меня не спрячешься.*

Она загрузила фото в международную базу данных распознавания лиц посольства. Если у этой женщины были проблемы с законом в любой точке мира, её личность установили бы за тридцать секунд. Если нет — фото отправили бы в обширную международную базу данных изображений из паспортов, водительских прав и СМИ.

И наконец, если *этот* способ не срабатывал, фото пропускали через новейшую и самую полную базу данных в мире — миллиарды беспечных селфи, опубликованных в Instagram, Facebook, LinkedIn, Snapchat и на других платформах.

Социальные сети, подумала Дана. Лучший источник разведданных со времён изобретения исповеди католической церковью.

ГЛАВА 29

Лэнгдон на мгновение парализовано уставился на человеческую фигуру внутри камеры.

Боже… Кэтрин.

Он опустился на колени и стал бить по стеклу, прижимаясь лицом к поверхности, пытаясь разглядеть что-то внутри.

Надо вытащить её оттуда!

Под крышкой была видна неподвижная рука, прижатая к внутренней стенке капсулы. Худые пальцы побелели и окоченели, покрытые инеем. Казалось, запястья стянуты тяжелыми ремнями.

Лэнгдон ощупывал стеклянную капсулу, пытаясь найти способ открыть её. Он сжимал гладкую ледяную поверхность, но не обнаружил ни швов, ни ручки, ни кнопки открытия. Оглушительная сирена продолжала выть.

Откройся, чёрт возьми!

В нескольких сантиметрах от лица Лэнгдона сквозь клубящийся туман то появлялся, то исчезал расплывчатый контур тела.

Внезапно позади раздался звук — быстрые шаги по кафельному полу. Лэнгдон обернулся и увидел высокую женщину с каштановыми воло-

сами до плеч. Она неслась на него, замахнувшись стальным огнетушителем, угрожая опустить его на его голову.

«Co to sakra děláš?!» — закричала она, перекрывая шум. Лэнгдон поднял руки в защитном жесте. — Подождите!

— Как вы сюда попали?! — резко спросила женщина с сильным русским акцентом, подняв тяжелый металлический огнетушитель над его головой.

— Пожалуйста, нужно открыть—

— Как вы сюда попали?!

— Код от лифта! — воскликнул Лэнгдон. — Доктор Гесснер дал мне его! Моя подруга Кэтрин Соломон и я—

Женщина тут же опустила огнетушитель, явно ошарашенная. — Профессор Лэнгдон? Извините… Я Саша Весна, лаборантка Бригиты—

— Кэтрин внутри! — перебил её Лэнгдон, указывая на камеру. — Ей нужна помощь!

Саша, кажется, только сейчас заметила звук сигнализации, и её выражение лица сменилось с растерянности на ужас. Она бросила огнетушитель с грохотом, подбежала к подключенному аппарату, выдернула выдвижной ящик стойки, раскрыла ноутбук и стала лихорадочно печа-

тать.

— О нет… Нет!

Лэнгдон не понимал, что происходит, но её паника только подогревала его собственную. — Просто откройте эту штуку!

— Это опасно! — крикнула Саша. — Сначала нужно отменить процесс.

Какой процесс? — Просто достаньте её!

Ассистентка выглядела растерянной, бросая испуганные взгляды в камеру. — Не понимаю… зачем доктор Соломон туда залезла?

Лэнгдон едва сдерживался, чтобы не схватиться за огнетушитель и не разбить капсулу. *Этого просто не может быть…*

Ассистентка Гесснер снова щелкнула по клавишам, и наконец сирена замолкла. Через мгновение стихли вентиляторы, и трубки, соединяющие камеру с аппаратом, заурчали. Лэнгдон не знал, что ожидал увидеть в прозрачных трубках, но уж никак не алую жидкость, которая теперь потекла к телу.

— Это… кровь?! — спросил Лэнгдон, чувствуя, как подкатывает тошнота. — Что *это* за устройство?

— ЭПР! — с паникой в голосе сказала Саша, продолжая печатать, пока жидкость возвраща-

лась в камеру. — Экстренное продвижение и реанимация! Это прототип Бригиты! Он не готов к использованию!

Пока холодный туман вился вокруг тела, Лэнгдон вдруг вспомнил, что Гесснер вчера действительно упоминала свою ЭПР-машину. Эта технология спасения жизни была впервые предложена гипотетически хирургом Сэмюэлом Тишерманом из Мэрилендской медицинской школы, но именно Бригита Гесснер принялась за основную идею, разработала сильно модифицированный прототип и теперь владеет патентом — патентом, который, по её словам, стоил целое состояние.

— Длительная гипоксия вызывает повреждение мозга, — объяснила им Гесснер, — но мой ЭПР может *защитить* мозг от кислородного голодания, приостанавливая клеточную активность — своего рода анабиоз. Моя машина по сути представляет собой модифицированный ЭКМО-шунт — экстракорпоральную мембранную оксигенацию, которая заменяет кровь охлаждённым физраствором со скоростью два литра в минуту. Она быстро охлаждает мозг и тело до десяти градусов Цельсия, давая хирургической команде *часы* на лечение тяжелораненого пациента, у

которого в обычных условиях мозг стал бы мёртвым за минуты.

Стоя над прототипом ЭПР Гесснер, Лэнгдона чуть не вырвало.

Вдруг внутри камеры раздался глухой хлопок, и кровь брызнула по всему внутреннему стеклу. Лэнгдон отпрянул. *Она истекает кровью!*

— Блядь, — выругалась Саша, бросая ноутбук и бросаясь к аварийной панели на задней стене. Она сорвала пластиковую пломбу и, не колеблясь, нажала на ярко-красную кнопку под ней. Капсула тут же зашипела, крышка разгерметизировалась и начала подниматься, как дверь чайки. Когда туман рассеялся, Лэнгдон наклонился над контейнером.

Боже мой…

Увидев её, Лэнгдон понял, что она мертва. Её глаза были пустыми и безжизненными, а лицо застыло в выражении чистого ужаса. Лэнгдон никогда не думал, что вид мёртвого тела может вызывать такое подавляющее чувство отчаяния и облегчения одновременно — но именно это он и испытывал сейчас.

Тело, лежащее перед ними, было не Кэтрин Соломон. Это была Бригита Гесснер.

ГЛАВА 30

Саша Весна издала стон отчаяния и рухнула на колени рядом с телом в капсуле.

«Бригита! Нет!» Она закрыла лицо руками и начала безутешно рыдать.

Лэнгдону оставалось только наблюдать, сердце сжималось от боли за неё. Очевидно, горе этой женщины при виде доктора Гесснер было так же глубоко, как и его облегчение, что это не Кэтрин.

Однако спустя несколько секунд истязающих рыданий Саша подняла взгляд, и её лицо исказила гримаса ужаса. Она начала ощупывать карманы, будто что-то потеряла. Затем её дыхание участилось. «Нет...» прошептала она, челюсть её судорожно сжалась.

«Пожалуйста... только не сейчас!»

Лэнгдон поспешил к ней. «Что происходит?!»

Саша попыталась встать и броситься к двери, но тут же пошатнулась и снова осела на колени. Казалось, её вот-вот начнёт бить припадок, и Лэнгдон изо всех сил попытался удержать её.

«Чем я могу помочь?!» — предложил он.

Саша издала хриплый стон и указала на сумочку, которую уронила на пол.

Лекарство? — догадался он и тут же бросился к сумке, лихорадочно перебирая её содержимое, пока нёс обратно к ней.

Доктор Гесснер упоминала вчера, что её лаборантка страдает от височной эпилепсии — хотя это прозвучало скорее как повод похвастаться количеством вылеченных пациентов, чем из сочувствия. «Припадки — всего лишь электрические бури в мозгу, — объясняла Гесснер. — Я изобрела способ их останавливать. По сути, это идеальное лекарство».

Идеальное? Мисс Весна сейчас не выглядела «излеченной».

К ужасу Лэнгдона, в сумочке оказались только ключи, перчатки, очки, салфетки и прочая мелочь. Ни таблеток, ни шприцов, ни ингалятора — ничего полезного в этой ситуации. «Что тебе нужно?!» — спросил он, вернувшись к ней с сумкой.

Но было уже поздно. Саша лежала на боку, её сотрясали судороги, глаза закатились, а голова билась о кафельный пол.

Лекарство уже не поможет, — подумал Лэнгдон, спешно опускаясь на пол и удерживая её голову в ладонях, чтобы она не ударялась о твёрдую плитку. Будучи преподавателем, он

проходил инструктаж по оказанию помощи при студенческих припадках.

Прежде всего — не навреди. Он знал, что нельзя переворачивать человека на живот, как часто делают парамедики в сериалах, чтобы «предотвратить проглатывание языка» — абсурдный старый миф, физически невозможный. Также не советовали засовывать в рот ремень, как считали некоторые. *Так можно задушить человека... или лишиться пальца.* Единственное одобренное FDA средство защиты при припадках — капа PATI, но её в сумке Саши не было. *Просто помогите ей пережить приступ.*

«Всё в порядке, — прошептал Лэнгдон. — Я с тобой».

Держа голову женщины в руках, он разглядел плохо сросшийся сломанный нос и алый шрам под подбородком — несомненно, следы прошлых припадков. Под густыми светлыми волосами виднелись и другие шрамы от подобных случаев.

Лэнгдона переполнила жалость.

Эпилептические припадки жестоко разрушали *тело*. Это не подлежало сомнению. Но, как ни парадоксально, их влияние на *сознание* исторически описывалось совершенно иным. Точнее, противоположным.

Кэтрин упоминала эпилепсию вчера в своей лекции как одно из естественных «изменённых состояний» сознания. Похоже, на МРТ припадки демонстрировали впечатляющую электрическую активность, схожую с галлюциногенами, околосмертным опытом и даже оргазмом.

Примечательно, что многие творческие гении страдали эпилепсией — Ван Гог, Агата Кристи, Сократ и Фёдор Достоевский. Русский писатель называл свои припадки «счастьем и гармонией, немыслимыми в обычном состоянии». Другие описывали их как «врата в божественное»... «блаженное освобождение разума от телесных оков»... и «потоки потустороннего творческого прозрения».

Эпилепсия часто появлялась в христианском искусстве, что неудивительно — многие библейские видения, экстазы и откровения удивительно точно описывают приступы. Это относилось к Иезекиилю, апостолу Павлу, Жанне д'Арк и святой Бригитте. На знаменитой картине Рафаэля «Преображение» *The Transfiguration* изображён мальчик в эпилептическом припадке — художник использовал это как метафору вознесения Христа.

В руках Лэнгдона Саша наконец перестала

дрожать. Дыхание её выровнялось. Приступ продолжался около минуты, и теперь она обмякла, скорее всего, без сознания. Лэнгдон знал — нужно просто подождать... дать ей время вернуться.

Разглядывая беззащитное лицо русской женщины, он чувствовал себя дезориентированным из-за пугающего поворота утра. Ещё несколько часов назад он спокойно плавал в бассейне. Теперь сидел на полу частной лаборатории с двумя женщинами, которых не знал до вчерашнего дня — одна без сознания у него на руках, другая мертва в капсуле.

И самое тревожное... Никаких следов Кэтрин.

• •• •

Лейтенант Павел нервно стоял в разрушенном входе бастиона, вглядываясь в двор в поисках капитана ÚZSI Яначека. Ещё несколько минут назад он видел его на краю утёса, разговаривающего по телефону. Теперь того нигде не было. Павел звонил ему дважды. Без ответа.

Яначек тоже исчез?!

Зато загадка *исчезновения* Лэнгдона теперь разрешилась. Незадолго до этого Павел обнаружил скрытый лифт за раздвижной стеной. Лифт требовал кода доступа, но проблема решилась

просто — кто-то снизу, наблюдая за Лэнгдоном по камерам, должен был подняться за ним.

Исчезновение Лэнгдона подтвердило, что Соломон и Гесснер действительно внизу и ослушались прямого приказа капитана Яначека. Павел задавался вопросом, осознают ли американцы, насколько серьёзные неприятности их ждут.

Осматривая тайник, Павел услышал грохот в холле. Он сразу понял — это рамка двери, которую капитан хитро поставил у входа в подземелье как примитивную сигнализацию.

Соломон, Лэнгдон и Гесснер сбегают из лаборатории!

Павел уже достал оружие и выбежал из ниши, свернув в коридор. *«Стоять!»* — крикнул он на ходу.*"Стоп!»*

Но там никого не было.

Разбитая дверная рама действительно валялась на полу, что означало, будто дверь открыли, и всё же, как ни странно, вестибюль был пуст.

Павел рванул к входу и выглянул наружу. Просторная площадка была безлюдной. *Никто не может бежать так быстро*. Стоя в снегу, Павел обернулся и посмотрел на дверь лаборатории, осознав, что звук, который он услышал, возможно, был не выходом кого-то из лаборатории… а

входом.

Кто бы это ни был, у этого человека явно был биометрический доступ. *Сотрудник лаборатории?* По спине Павла пробежал холодный пот при мысли о том, как Яначек воспримет эту новость. Павел не только упустил Роберта Лэнгдона… он позволил *кому-то ещё* войти в лабораторию.

Глупая ошибка, Павел. Он велел мне оставаться здесь и охранять дверь лаборатории.

Озябший от ветра, Павел вернулся в вестибюль и зашагал, чтобы согреться, его армейские ботинки хрустели осколками стекла. Он уже собирался достать телефон, когда заметил нечто на биометрической панели рядом с дверью лаборатории.

Странно, — подумал он, уставившись на крошечный зелёный индикатор.

Сегодня утром, когда они пришли и обнаружили запертую дверь, индикатор горел *красным*. Он был в этом уверен. Теперь же он был зелёным. И*мигал*. Озадаченный, Павел подошёл к двери, схватил ручку и потянул.

К его удивлению, дверь легко распахнулась, открыв лестничную клетку. Похоже, дверь не заперлась после последнего входа. Взглянув вниз, Павел заметил причину — крупный осколок закалённого стекла застрял в дверной коробке.

Нужно немедленно предупредить капитана — у нас есть доступ!

Но глядя в пустую лестничную клетку, Павла осенила другая мысль. Она была дерзкой и, возможно, рискованной, но его воодушевило это предположение, особенно с осознанием, что в последнее время он не раз подводил капитана.

Павел представил себе картину внизу.

Несколько безоружных учёных…

Ему рисовалось, как Яначек обрадуется, вернувшись и обнаружив беглецов, аккуратно выстроенных на диване под дулом пистолета. Павел провёл рукой по рукоятке CZ 75 D в кобуре, её ребристая поверхность напомнила уверенное прикосновение старого друга.

У меня есть спецподготовка как раз для такой задачи.

Роберт Лэнгдон уже показал, как боится оружия, и остальные наверняка окажутся такими же. По опыту Павла, гражданские перед лицом вооружённого офицера ÚZSI всегда ведут себя одинаково… делая ровно то, что требует офицер.

Где-то далеко ниже гребня, уставившись в небо, капитан Яначек терял и возвращал сознание. Он

не представлял, сколько времени прошло с тех пор, как его тело взмыло в воздух и устремилось вниз с ужасающей скоростью, прежде чем с размаху ударилось о скалы на дне оврага.

Самоубийство было бы символичным, учитывая новости, только что полученные от посла. Но Яначек не сводил счётов с жизнью.

Меня толкнули.

Лёжа на скалах, разбитый и истекающий кровью, Яначек всё ещё ощущал два пятна на спине, куда его сильно толкнули ладонями, отправив кувырком через низкую каменную ограду. Капитан не знал, кто подкрался к нему, но, что удивительно, сейчас это казалось ему совершенно неважным.

Это конец… Я умираю.

Однако, к его удивлению, переход ощущался вполне естественно и спокойно.

Физической боли почти не было. Все те тягостные заботы, которые ещё несколько минут назад казались такими важными, теперь растворялись… включая разрушительный разговор с послом США.

Он всё ещё слышал шесть слов, которые она ему сказала.

Мы знаем, что бомбы не было.

Утверждение Яначека о том, что ÚZSI обнаружили небольшую бомбу, действительно было ложью… преувеличением, чтобы полностью взять ситуацию под контроль.

Я выполнил приказ.

Странный звонок раздался ранним утром из Лондона, разбудив Яначека. Американец на другом конце извинился за ранний час и приказал капитану проверить сообщения. Яначек так и сделал, обнаружив внушительные подтверждения, что этот человек вращается в высших кругах власти.

«У меня проблема, — сказал мужчина. — И мне нужна ваша помощь.» Яначек пытался стряхнуть сон. «Да?»

«Сейчас в Праге двое влиятельных американцев. Мне нужно, чтобы их арестовали.»

«Вы же понимаете, я не могу просто так арестовать иностранцев без—"

«Вся необходимая информация будет предоставлена. Слушайте внимательно.»

Пока Яначек выслушивал, что задумали те двое американцев, им овладело знакомое возмущение. *Публичный трюк? Угроза взрыва в Four Seasons? Возмутительно!* Он устал от иностранцев, ведущих себя в его стране как в беззаконном

парке развлечений.

«Должен вас предупредить, — сказал Яначек, — единственная статья, которая здесь применима — «нарушение общественного порядка». Если эти американцы богаты или известны, посольство США немедленно вмешается.»

«Не беспокойтесь о посольстве, — заверил мужчина. — Я улажу всё с послом. Всё, что вам нужно — усилить серьёзность их нарушения. Я объясню как.»

Мысль мужчины оказалась хитроумной — простая, чистая — небольшое преувеличение позволило бы Яначеку провести арест без возможных последующих разбирательств и наконец показать послу, что «американство» не ставит их выше чешского закона.

Ложь во имя справедливости — благородная ложь, верил Яначек. Он не был заинтересован в щедром вознаграждении. *Перехитрить посольство будет наградой*, подумал он, всё ещё злясь из-за прошлых стычек. И потому, следуя совету звонящего, Яначек переступил черту и… чуть приукрасил истину.

Бомбы не было — только угроза взрыва — но это небольшое изменение перевело дело в куда более тяжёлую категорию.

Теперь, разбитый в овраге, Яначек видел, как миражом рассеивается его момент славы. Пристыженный послом, который собирался пожаловаться его начальству, он отменил пресс-конференцию, отозвав взрывников. Его рвение к громкому аресту сделало его лёгкой мишенью… послушной пешкой.

Может, этот американец использовал меня в своих целях? Рекомендации звонящего были подлинными, как и номер, с которого он звонил.

Но теперь это уже не имело значения.

Растянувшись на камнях, Яначек чувствовал, как тёплая кровь свободно течёт из его затылка. Он ощущал, как жизнь покидает его. Странным образом смерть казалась куда более милосердным выбором, чем униженное пресмыкательство перед зданием американского посольства, особенно перед самодовольным Майклом Харрисом.

Это благо, — решил Яначек, удивляясь собственному полному отсутствию паники.

Как ни странно, теперь капитан чувствовал, будто удаляется… от *самого себя*. Он приятно отделился от своего изувеченного тела, больше не терзаемый болью или ранами, будто поднимался ввысь, оставляя земные сложности позади.

Не было страха... лишь нарастающее чувство умиротворения. Ничего подобного он не испытывал за всю свою жизнь.

ГЛАВА 31

Дане Данековой не терпелось получить результаты поиска по базе данных распознавания лиц, чтобы идентифицировать женщину с Карлова моста. Процесс, казалось, занял необычно много времени.

В ожидании она снова включила запись воздушного наблюдения. Теперь она наблюдала, как женщина в тиаре неподвижно стоит у восточного конца моста... словно чего-то ждет.

Внезапно, в 6:52 утра, женщина получила звонок. Она ответила мгновенно, проговорила всего пару секунд и убрала телефон в карман. Затем, к изумлению Даны, женщина достала из кармана маленький флакон и разбрызгала его содержимое по плечам и рукавам своего черного пальто.

Духи? Святая вода?

Она спрятала флакон, поправила шипованную тиару, затем достала из подкладки пальто какой-то металлический стержень. Он напоминал маленькое серебряное копье.

У нее оружие?

Затем она начала медленно двигаться, почти как зомби, по пустынному мосту. Достигнув сере-

дины, в кадре появился высокий темноволосый мужчина, шагающий на восток ей навстречу. На нем были спортивные штаны и кроссовки. Поравнявшись, он резко остановился и развернулся, будто что-то сказал ей. Женщина либо проигнорировала его, либо не расслышала — она просто продолжила идти. Мужчина будто оцепенел. Он крикнул ей еще раз, не получил ответа и... резко развернулся и рванул в первоначальном направлении... пока не скрылся из виду камеры.

Что это только что было?

Дана перемотала запись и просмотрела эпизод снова. Ей было любопытно, куда бежал мужчина, но сейчас она сосредоточилась на таинственной женщине-призраке. Дана активировала режим «автослежения» в программе, которая использовала распознавание лиц, искусственный интеллект и алгоритмы проекции для непрерывного отслеживания объекта. Видео переключалось между камерами, следуя за женщиной в шипованной тиаре.

Она как раз проходила статую святого Августина, когда внезапно остановилась. Оглянувшись по сторонам, словно убедившись, что одна, она сняла тиару и небрежно сбросила ее с моста в воду. Затем то же проделала с копьем. Потом до-

стала из кармана белую вязаную шапку, надела её, заправив под нее темные волосы. Наконец, она сняла черное пальто, обнажив плотный красный свитер под ним. Сложила пальто и оставила его у подножия статуи святого Августина — места, куда часто оставляют пожертвования для бездомных.

Теперь изменив внешность, женщина резко свернула влево, исчезнув в узкой лестнице на западном берегу реки. Кто бы ни была эта хамелеон, она явно не хотела, чтобы её преследовали.

Дана ускорила архивную запись, следя за женщиной, которая быстро пересекала брусчатую площадь перед Лихтенштейнским дворцом… мимо музея Кампа с его странной инсталляцией — тремя гигантскими бронзовыми младенцами с штрихкодами вместо лиц… и наконец углубилась в парк Кампа, где она побродила некоторое время, прежде чем купить кофе в киоске. Сидя на скамейке и потягивая горячий напиток, она получила звонок.

Закончив разговор, она поспешила обратно к Карлову мосту, где уже было несколько пешеходов по пути на работу. Женщина быстро шла обратно, свернула с моста налево на улицу Кржижовницка. Когда она шагала по тротуару, запись резко замедлилась, изображение начало мигать

надписью «LIVE». Ее быстрая ходьба перешла в обычный шаг.

Реальное время. Это происходит прямо сейчас...

Дана не имела полномочий использовать системы слежения таким образом, но не могла оторвать глаз от этой оборотня. Она наблюдала, как женщина шла по тротуару, свернула влево через элегантный парковочный двор к главному входу одного из лучших отелей Праги.

Она идет в Four Seasons?

Когда женщина исчезла за вращающейся дверью, что-то неожиданное привлекло внимание Даны — Audi A7, припаркованная на резервированных местах перед отелем. На это не стоило бы обращать внимания, если бы не особые красные буквы на номере, указывавшие на дипломатическое авто.

Это машина нашего посольства?

Через мгновение Дана получила ответ — из автомобиля вышел утонченный Майкл Харрис и быстро направился в отель.

Дана смотрела в шоке, и у неё скрутило живот.

Ах ты сукин сын, Майкл. Я так и знала!

Менеджер отеля Four Seasons всё ещё светился от недавнего личного звонка посла США. Поблагодарив его за тактичность сегодня утром касательно неприятной ситуации с мистером Лэнгдоном, посол попросила его об услуге.

Услуге, которая только что вошла, подумал менеджер, увидев элегантно одетого мужчину, идущего к стойке регистрации.

— Мистер Харрис, — сказал менеджер, протягивая руку. — Только что звонил посол.

— Спасибо, — ответил мужчина, его рукопожатие было как тиски.

— Я видел вас утром с мистером Лэнгдоном, — сказал менеджер. — И... с ÚZSI. — Он поморщился. — Надеюсь, всё улаживается?

— Безусловно. Недоразумение, мы разбираемся. Я здесь, как вы уже, вероятно, знаете, чтобы забрать кое-что из люкса мистера Лэнгдона, пока мы решаем этот вопрос. Там лекарства, и я полагаю, они важны...

— Конечно, ключ от номера уже готов, сэр. Мне только нужно удостоверение личности. Прошу прощения за формальности, но ситуация необычная, политика отеля...

— Без проблем, — мужчина протянул дипломатическое удостоверение. — Ценю вашу осторожность. Посольство привыкло к безукоризненному сервису Four Seasons.

Сияя, менеджер вернул удостоверение. — Очень любезно с вашей стороны. Королевский люкс наверху. Когда закончите, просто оставьте ключ в номере и закройте дверь.

Мужчина поблагодарил его и направился наверх.

Менеджер вернулся к работе, слишком занятый, чтобы заметить симпатичную женщину в красном свитере, которая последовала за мужчиной.

ГЛАВА 32

Где я? — промелькнуло у Саши в голове.

Она ощутила знакомое покалывание, поднимающееся по телу — лёгкое и приятное, словно пузырьки шампанского в жилах. Выходя из эпилептического припадка, Саша часто чувствовала, будто её мозг перезагружается, словно компьютер, начиная с нуля, загружая программу бит за битом.

Инстинктивно она начала свой привычный послеприпадочный ритуал.

«Постиктальная фокусировка» — так доктор Гесснер называл этот метод, помогающий вернуться в реальность, заставляя разум вызвать самое свежее доступное воспоминание.

Сегодня утром я заваривала чай, — вспомнила Саша, воскрешая в памяти аромат гибискуса, утренний свет, льющийся через кухонное окно, и тихое мурлыканье двух её сиамских кошек, трущихся о ноги в ожидании завтрака. По мере того как мозг медленно работал, она пыталась вспомнить, что делала после того, как покормила кошек, но эти воспоминания были пусты, отказываясь всплывать.

Интериктальные провалы памяти, как это называли, были обычным явлением среди эпилептиков и проявлялись периодами забытья, иногда охватывающими многие часы, будто мозг просто забывал записывать происходящее.

Для некоторых эпилептиков провалы памяти были мучительнее припадков, но Саша предпочитала просто смириться. Порой ей даже казалось, что это могло быть благословением.

Есть моменты в моём прошлом, которые я предпочитаю не вспоминать.

Когда Саша росла в России, другие дети дразнили её из-за припадков, дав ей похабное прозвище — *«вибратор»*. Родители водили её по специалистам, но ответ всегда был один: «Лечения нет. Саша умрёт *с* из-за них».

А я хочу *умереть*, — часто думала Саша.

Минуты покоя после припадков, хоть и казались волшебными, не могли перевесить душевную боль и физические травмы, которые эти эпизоды приносили в её жизнь.

Врачи в итоге поставили Саше диагноз — хронический обморок и острое психическое расстройство — и предложили поместить её в специализированное учреждение. Единственным вариантом стала *психушка* — разваливающаяся

государственная психиатрическая больница где-то на западе России, на самой окраине. В свой десятый день рождения родители оставили её там и больше не навещали.

Саша плакала в своей крошечной комнате неделями. Приступы случались по нескольку раз в день, и персонал безжалостно сдерживал её, не проявляя ни капли сострадания. Еды давали мало, зато лекарств — с избытком. К подростковому возрасту Саша жила в состоянии постоянной седации и одиночества.

Более десяти лет она провела так — забытой и одинокой. Единственным побегом от реальности были американские фильмы, бесконечно крутившиеся в холле.

Романтические комедии нравились ей больше всего, и Саша часто мечтала влюбиться в Нью-Йорке. *Когда-нибудь я увижу Америку,* — обещала она себе, порой чувствуя, что только мечта об Америке дает ей силы жить.

Но и этой мечте не суждено было сбыться.

Саше назначили новую ночную сиделку — жестокую медсестру по имени Мальвина, которая развлекалась в безлюдные ночные часы, отбирая у Саши противосудорожные препараты, а затем наблюдала за её припадками, словно за

цирковым представлением, после чего избивала её. Неделями Мальвина издевалась над Сашей физически, морально и, возможно, другими способами, которые её разум блокировал.

Однажды утром, едва пережив особенно жестокую и травматичную атаку Мальвины, Саша рыдала в постели, когда в палату ворвались трое санитаров и потащили её в холл.

«Признавайся!» — орали они на неё. — Признавайся!

У ног Саши на полу холла лежало бездыханное тело Мальвины, её голова была почти полностью вывернута назад.

— *Это не я,* — твердила Саша, но персонал уже решил, что она виновна. Не желая терять государственное финансирование, они списали смерть Мальвины на несчастный случай на скользком полу и в наказание заперли Сашу в карцер.

В темноте одиночной камеры Саша часто думала, кто же мог убить медсестру. Здесь были и другие пациенты с припадками, возможно, Мальвина довела не того человека. *А может,* — мечтала Саша, *её убили, чтобы защитить* меня. Эта мысль почему-то делала её одиночество менее невыносимым.

После двух недель в карцере Сашу вытащили,

затянули в смирительную рубашку и сообщили, что к ней пришёл посетитель. У Саши никогда не было посетителей, даже родителей. *Они оставили меня здесь умирать.*

В приёмной её ждала незнакомка — невысокая женщина с иссиня-чёрными волосами, дорогой одеждой и строгим лицом. Она излучала авторитет. Женщина тут же отчитала санитаров, потребовав снять с Саши смирительную рубашку, и, к её изумлению, они подчинились.

— *Животные,* — прошипела она, отгоняя их. *Животные.*

Саша щурилась, неделями не видя дневного света. — *Кто ты?* — спросила она по-русски. — *Кто ты?*

— Ты говоришь по-чешски? — спросила женщина. Саша покачала головой.

— По-английски?

— Немного, — сказала Саша. — Я смотрю американское телевидение.

— Я тоже, — прошептала женщина почти заговорщицки. — Правда же, это чудесно?

Саша просто смотрела на неё.

— Меня зовут доктор Бригита Гесснер, — сказала женщина. — Я здесь, чтобы помочь тебе. Я нейрохирург из Европы.

— Врачи мне не помогут, — быстро ответила Саша.

— Мне жаль это слышать. Просто они не понимают твоего состояния.

— У меня безумие и припадки.

Женщина решительно покачала головой. — Нет, Саша, ты совершенно здорова умственно. У тебя височная эпилепсия — она вызывает припадки. Это полностью излечимо. У меня есть клиника в Праге, и я хочу отвезти тебя туда.

— Чтобы исправить меня? — скептически спросила она.

— Ты не сломана, дорогая. В твоём мозгу просто случаются электрические штормы. Но я могу помочь тебе их контролировать. Я лечила многих пациентов с таким же диагнозом, с отличными результатами — включая молодого человека по имени Дмитрий из этого самого учреждения.

Дмитрий? Саша знала этого высокого, эффектного мужчину, но давно его не видела. *Я всё думала, куда он пропал!* — Ты вылечила Дмитрия?

— Именно так. И он уже вернулся домой в Россию.»

Саша отчаянно хотела верить словам доктора Гесснер, но всё это казалось слишком хорошим,

чтобы быть правдой. «У меня… нет денег».

«Лечение бесплатное, Саша, — ответила женщина. — И довольно простое».

Доктор быстро объяснила процедуру, которая заключалась в имплантации маленького чипа в череп Саши. Если Саша почувствует приближение приступа, она сможет активировать чип, проведя магнитным стилусом по голове. Чип вырабатывал электрические импульсы, прерывающие приступ… предотвращая его ещё до начала.

«Неужели… это возможно?» — прошептала Саша, едва сдерживая слёзы.

«Конечно! Это чип реагирующей нейростимуляции. Я его изобрела.»

«Но почему… вы помогаете *мне*?!»

Доктор Гесснер протянула руку через стол и взяла её ладонь. «Саша, мне в жизни очень повезло. Правда в том, что помощь *тебе* выгодна и *мне*. Мне приятно помогать тем, кто в этом нуждается. Если я могу спасти чью-то жизнь, почему бы не сделать это?»

Саша хотела вскочить и обнять эту женщину, но боялась поверить. За свою жизнь она редко сталкивалась с добротой. «Но… что, если они не выпустят меня отсюда?!»

«О, им *лучше не* препятствовать, — резко сказала Гесснер. — Я заплатила целое состояние за твоё освобождение.»

Через четыре дня Саша очнулась в больничной палате в Праге, ошеломлённая анестезией и обезболивающими, но живая. Когда Гесснер сообщила, что операция прошла успешно, Сашу накрыла волна эмоций, и, как часто бывало, это спровоцировало начало приступа. Гесснер спокойно достала магнитный стилус и провела им по голове Саши. Чудом приступ растаял. Ощущение было будто чих, который так и не случился.

Она не верила своим ощущениям.

В последующие дни доктор Гесснер внимательно наблюдала за ней и настраивала устройство для максимальной эффективности. Оно работало идеально, и Саша осознала, что, возможно, больше никогда не столкнётся с приступом. Она даже задумалась, не будет ли скучать по тому ощущению безмятежности и лёгкости, которое наступало после приступа. Но это была ничтожная цена за возможность нормально жить.

Одним днём, во время диагностических тестов, Бригита Гесснер небрежно сказала: «Не знаю, какие у тебя планы, Саша, но мне нужен лаборант, и, честно говоря, ты идеальный кандидат.»

«Я?» Саша подумала, что это шутка.

«Почему бы и не *ты*? Ты, по сути, всю жизнь провела в больницах.»

«Как *пациент*! — рассмеялась Саша. — А не врач!»

«Верно, — согласилась Гесснер, — но ты умная женщина. Я не прошу тебя оперировать или становиться врачом. Речь о канцелярской работе, дезинфекции оборудования и тому подобном. А если будешь работать у меня в лаборатории, мы, возможно, сможем улучшить твоё состояние.»

«Улучшить? Я чувствую себя прекрасно!»

«Правда? Больше нет провалов в памяти и отключек?»

«Ах… есть», — призналась Саша.

Они рассмеялись, но на самом деле Саша действительно забыла об этом. Пробелы в памяти были её давней привычкой.

«Интериктальные нарушения памяти, — пояснила Гесснер, — часто встречаются у пациентов с височной эпилепсией. У меня есть идеи, как с этим можно бороться… если ты позволишь мне изредка изучать твой мозг.»

«Конечно, но…»

«У меня есть маленькая квартира в городе, которую я купила для матери. Но её нет уже давно, а

я так и не удосужилась продать её. Можешь жить там сколько захочешь. Там мебель, но если стиль не по душе, можем…»

«Мне *нравится* этот стиль», — вырвалось у Саши, и слёзы подступили к глазам.

С тех пор прошло два года, и Саша так и не уехала. Теперь ей было двадцать восемь, скромной зарплаты и бесплатного жилья хватало на жизнь — настоящая мечта. Со временем она перешла от уборки и бумажной работы к помощи доктору Гесснер в исследованиях и освоила базовое оборудование для сканирования.

Бригита регулярно сканировала её мозг, чтобы следить за процессом лечения, включавшего внутривенные витаминные коктейли и упражнения в кресле виртуальной реальности. Иногда, в качестве награды, Гесснер разрешала Саше путешествовать в VR — Эйфелева башня, Большой Барьерный риф, её любимый Манхэттен. Саша обожала парить над небоскрёбами или бродить по Центральному парку. *Когда-нибудь я увижу это вживую…*

«Саша?» — над ней прозвучал низкий голос. «Ты в порядке?» Голос прозвучал близко, возвращая её в реальность.

«Саша?» — повторил он.

Тепло после восторга начало таять… и внезапно на неё обрушилась горькая печаль, словно волна.

Теперь она всё вспомнила.

Бригита мертва.

Моя единственная настоящая подруга.

Её глаза распахнулись, и она увидела над собой красивое, доброе лицо мужчины, который по-прежнему поддерживал её голову.

Он мягко улыбнулся и прошептал: «Добро пожаловать назад.»

ГЛАВА 33

Внутри фургона становилось все холоднее, и Джонас Фокман дрожал. Его руки по-прежнему были связаны за спиной, а пальцы полностью онемели.

Похитители сняли с Фокмана его винтажное серое пальто перед тем, как связать, обыскали швы и карманы, а затем бросили его на пол рядом.

Редактор размышлял, остался ли его телефон в кармане пальто. Его так и подмывало крикнуть: «Эй, Сири! Набери 911!»

Коренастый мужчина с короткой стрижкой сидел на своем ящике для молока всего в паре шагов, а его напарник оставался на переднем сиденье, периодически набирая что-то в телефоне. Казалось, он с кем-то разговаривал.

Командир?

Фокман пытался сложить все воедино, но не мог понять, кто эти люди и как они осмелились похитить его прямо с улицы. *Они украли одну конкретную рукопись… и уничтожили все копии издательства?* Даже если книга Кэтрин стала бестселлером, взламывать корпоративную систему, уничтожать печатные экземпляры и

похищать людей из-за нее? *Мы же говорим об издательском деле, ей-богу… а не о* Крепком орешке!

— Ладно, — сказал Короткостриг, поднимая глаза от iPad. — У меня к вам несколько вопросов, мистер Фокман.

— Можете звать меня Джонасом, — бодро ответил он. — Похищения теперь куда менее формальны, чем раньше.

Короткостриг уставился на него, явно не оценив шутку. — Кэтрин Соломон заграницей?

— Да.

— Где именно?

— Вы *знаете*, где. Вы просто калибруете свой детектор *лжи*, задавая вопросы, на которые уже знаете ответы.

— *Где?* — повторил Короткостриг.

Редактору не хотелось снова получать в челюсть. — Она в Праге.

— Очень хорошо. — Он снова посмотрел на iPad. — Сегодня до семи утра по местному времени доктор Соломон вышла из номера в пражском отеле и зашла в бизнес-центр Four Seasons.

Фокман резко встрепенулся, почувствовав легкую панику. — Погодите… вы следили за ней?

— Скажем так, мы уделяли ей внимание.

— Да кто вы, черт возьми, *такие*?!

— В бизнес-центре, — продолжил Коротко-стриг, не отвечая на вопрос, — доктор Соломон использовала отельный компьютер, чтобы войти на сервер PRH. Она получила доступ к последней версии своей рукописи.

Ну и что? Авторы часто нервничают в последний момент перед тем, как редакторы приступят к чтению. Кэтрин, вероятно, засомневалась в чем-то и решила перепроверить.

— Почему она не воспользовалась своим ноутбуком в номере?» Подсказал ли я тебе имя?» — спросил Баззкат.

«Потому что у доктора Соломон нет *ноутбука.* Она предпочитает полноценный экран, клавиатуру и мышь.» *И если бы ты действительно за ней наблюдал, ты бы это знал.*

Парень с ноутбуком кивнул. «Верно.»

Баззкат вновь взглянул на свой iPad. «Согласно нашим данным, сегодня утром доктор Соломон распечатала полную бумажную копию своей рукописи — все четыреста восемьдесят одну страницу — и вынесла её из отеля.»

Фокман на мгновение удивился, что эти головорезы знают точное количество страниц, пока не вспомнил, что они только что украли его

редакторский экземпляр. *Легкий блеф.* «Доктор Соломон ничего не печатала, и ты это знаешь.»

Мускулистый парень, сидевший на молочном ящике, долго смотрел на него, затем выгнул спину, потягиваясь, и случайно обнажил кобуру на плече с пугающе крупным пистолетом. Фокман не видел такого приёма с четвертого класса, когда пытался обнять Лору Шварц в кинотеатре IOKA. Тем не менее, посыл был понятен.

«Ты уверен, что хочешь играть со мной в игры?» — спросил Баззкат.

«Погоди,» — вмешался Ноутбук, глядя на экран. — «Аватар говорит, что он говорит правду. Он не в курсе, что Соломон что-то печатала.»

Баззкат выглядел удивлённым. «Интересно. Значит... доктор Соломон напечатала рукопись за твоей спиной?»

Неплохая попытка. Фокман редактировал слишком много сцен полицейских допросов, чтобы купиться на тактику «Хороший коп — Плохой коп» — стратегию «разделяй и властвуй», чтобы заставить его не доверять Кэтрин. К сожалению для этих клоунов, карьера Фокмана строилась на анализе повествований и выявлении нестыковок. Если бы похитители сказали, что Кэтрин аккуратно распечатала копию для правок в номе-

ре, он, возможно, поверил бы. Но дьявол кроется в деталях, а эти ребята утверждали, будто Кэтрин вынесла рукопись из отеля. *На что она никогда не пошла бы.*

«Мы хотим знать,» — настаивал Баззкат, — «зачем Кэтрин печатала рукопись? И кому она её передала?»

«Для *кого* она её передала,» — автоматически поправил Фокман. Баззкат бросил на него сердитый взгляд. «Я так и сказал.»

«Нет, не так. Можешь развязать мне руки? Руки затекла.»

«*Для кого* она её передала?»

Фокман покачал головой. «Опять неверно. Понятия не имею.» «Он не знает,» — крикнул Ноутбук спереди.

Баззкат выглядел растерянным. «Связывалась с тобой Кэтрин?» «Нет.»

«А как насчёт Роберта Лэнгдона?» «Нет.»

Ноутбук кивнул. «Оба слова правда.»

Баззкат почесал затылок, явно обдумывая следующую линию допроса.

Фокман дрожал сильнее по мере усиления холода. «Можешь хотя бы включить отопление?»

«Извини, тебе некомфортно?» Баззкат потянулся к приборной панели и нажал кнопку. Но

вместо включения обогрева опустилось стекло водительской двери. Порция ледяного воздуха ворвалась в фургон. «Лучше?»

Фокман начал понимать, что сегодня его действительно может ждать серьёзная опасность.

Через открытое окно он снова услышал механические звуки снаружи, на этот раз громче, и осознал, что слышит — не спутаешь — рёв реактивных двигателей.

Блин… я что, на военной базе?

ГЛАВА 34

Лэнгдону стало легче, когда Саша Весна открыла глаза. С момента припадка прошло несколько минут, и теперь она, казалось, начала приходить в себя.

«Спасибо...» — прошептала Саша, глядя на него.

«Прошу прощения, — сказал Лэнгдон. — Я не смог найти ваши лекарства в сумочке.»

«Всё в порядке, — ответила она. — То, что мне нужно... в потайном кармане. Я в порядке.»

Лэнгдон помог ей сесть, прислонив спину к капсуле, и Саша осторожно размяла пальцы рук и ног, словно пытаясь вернуть контроль над телом. Рабочее пространство теперь было совершенно тихим — вентиляторы и предупредительные сигналы прекратились сразу после остановки процесса EPR.

Саша вновь облокотилась на капсулу и, кажется, снова погрузилась в себя, закрыв глаза и глубоко дыша, будто ей всё ещё нужно время, чтобы прийти в себя. Через десять секунд она открыла глаза, и Лэнгдон поразился перемене в её взгляде — он стал твёрже и более сосредоточенным, словно она заставила себя забыть о боли

и двигаться дальше.

«Мне нужно воды, пожалуйста, — сказала Саша, и голос её теперь звучал увереннее.»

«Конечно.» Лэнгдон вскочил, вспомнив, что сухость во рту — один из самых частых симптомов после приступа.

«Мой кабинет... — она махнула рукой в сторону двери. — Моя... бутылка с водой.» Лэнгдон развернулся и поспешил мимо рабочего стола, заметив на нём кожаный портфель. *Портфель Гесснер из бара прошлой ночью.* Он двинулся дальше по коридору к офисному помещению, где схватил узнаваемую сиреневую бутылку с кирилличе-ской надписью. Она была почти пуста, и по пути обратно Лэнгдон зашёл в лабораторный туалет, чтобы наполнить её.

Умываясь, он смотрел на своё усталое отражение в зеркале, стараясь успокоить нервы. Обнаружение тела Гесснер было ужасающим, но её смерть также усилила страх Лэнгдона за безопасность Кэтрин.

Где она сейчас?

Его внезапно охватил поток тревожных мыслей. Он увидел портфель Гесснер возле капсулы и вспомнил, как она говорила прошлой ночью, что ей нужно вернуться в лабораторию по какой-то

причине после выпивки. Вполне возможно, что Гесснер уже была заперта в капсуле, когда Кэтрин пришла сюда на их встречу в восемь утра.

Неужели Кэтрин столкнулась с нападавшим на Гесснер?

Когда вода с бульканьем наполняла бутылку, мелькнувшее движение позади Лэнгдона привлекло его внимание. Прежде чем он успел оторваться от раковины, чья-то железная хватка схватила его за предплечье, резко вывернула руку назад и прижала его голову к зеркалу. Бутылка с водой упала на пол.

«Где они?!» — потребовал мужчина, упираясь плечом в спину Лэнгдона и прижимая его голову к зеркалу.

Лэнгдон почувствовал, как ствол пистолета врезается ему в рёбра, а в зеркале мелькнуло грубое лицо лейтенанта Павла.

«Где Гесснер и Соломон?» — повторил офицер УЗСИ, ещё сильнее заламывая Лэнгдону руку. — Я знаю, что они здесь... ещё и кто-то только что прибыл.»

«Кэтрин... не здесь, — сквозь стиснутые зубы выдавил Лэнгдон. — А Гесснер...мертва.»

«Чушь!» — заорал Павел, очень похоже на своего начальника.

Лэнгдон задумался, не направляется ли сюда и Яначеки. «С какой стати мне врать?» — хрипло спросил он, боясь, что его рука сейчас сломается.

«Последний шанс, — прохрипел лейтенант, дожимая локоть Лэнгдона почти до предела. — Скажи, где—"

Раздался глухой металлический удар, и хватка Павла тут же ослабла — он рухнул на пол, а его пистолет отлетел в сторону. Лэнгдон обернулся и увидел за собой Сашу Весну с тем же огнетушителем, которым она угрожала ему раньше. В её глазах читался страх, когда она смотрела на лежащего без движения лейтенанта УЗСИ.

«Я не знала, что делать... — проговорила она. — Он причинял тебе боль!»

Лэнгдон посмотрел на Павла. Крови не было, но человек определённо был без сознания. «Всё... в порядке, — с трудом сказал он, бережно забирая у Саши баллон и ставя его на пол. " Его рука ещё ныла.

«Кто это?» — спросила она.

«Лейтенант УЗСИ, — ответил Лэнгдон, подобрав пистолет Павла и убрав его в раковину подальше. — Ему нужен врач.»

«С ним всё нормально, — сказала она. — Травма теменной области — он будет без сознания

несколько минут, а потом будет жутко болеть голова.»

Лэнгдон напомнил себе, что Саша работает с учёным, изучающим мозг.

«Но как он сюда попал?» — потребовала Саша.

Лэнгдон не знал — возможно, команда подрывников из УЗСИ уже прибыла и взломала дверь. Сигналы тревоги в лаборатории были громкими, и он мог не услышать проникновение. *А теперь я напрямую связан с нападением на лейтенанта УЗСИ.*

«Саша, мне нужно как можно быстрее добраться до посольства США, — сказал Лэнгдон, перебирая в голове варианты. — Там есть человек, который помогал мне. Майкл Харрис.»

Саша удивилась. «Я знаю Майкла. Он мой близкий друг.»

«Ты её *знаешь*?!» — Лэнгдон был поражён, что Харрис ни разу не упомянул о знакомстве с ассистенткой Бригиты Гесснер.

«Мы не афишируем нашу дружбу, — объяснила Саша. — Сотрудник американского правительства... чистокровная русская...»

Конечно, до Лэнгдона дошло. *Политика — это восприятие.* Учитывая растущую враждебность между США и Россией, тратить время на встречи с

русской лаборанткой для сотрудника посольства выглядело бы подозрительно.

«Так или иначе, мы не можем пойти в посольство отсюда, — сказала она. — Это слишком опасно. УЗСИ уже поставит там засаду, проверяя каждую подъезжающую машину. Лучше напишем Майклу, чтобы он забрал нас у меня в квартире на служебной машине посольства. Так будет безопаснее.»

Лэнгдон подумал, что для женщины, только что перенёсшей серьёзный припадок, Саша Весна мыслит яснее, чем он. *Тогда в её квартиру,* решил он, благодарный за помощь и надеясь, что скоро сможет связаться с Кэтрин. «Есть ли другой выход, кроме входной двери?»

«Нет, это единственный путь, — ответила Саша, забирая пистолет Павла из раковины и убирая его в свою сумку.»

«Подожди, — встревожился Лэнгдон. — Я не уверен, что брать оружие УЗСИ —"

«Я не собираюсь его *применять*, но этот агент очнётся через минуту, и если он решит пойти за нами, лучше, чтобы у него не было пистолета.»

С этим трудно спорить, подумал Лэнгдон. Павел уже застонал и начал шевелиться.

Саша достала свою малиновую бутылку для

воды, помятую сапогами Павла во время схватки. Она задумчиво посмотрела на записку с русским текстом. «Бригита дала мне это, — сказала она, когда они вышли в коридор. — Чтобы я не забывала пить воду. Я вечно забываю. Тут написано: *Пей воду.*»

Саша оставила бутылку у входа в свой кабинет и повела Лэнгдона к лестнице, где они молча поднялись на верхнюю площадку. Он надеялся, что Яначек не ждет их в холле. Наверху они подошли к двери с электронным замком, от которой Лэнгдон наполовину ожидал увидеть сорванные петли.

Этого не произошло.

Осторожно Саша заглянула в маленькое окошко. Не увидев ничего подозрительного, она отворила дверь и осмотрелась. Двигаясь за ней, Лэнгдон вышел в ледяной пустынный холл. Как только дверь на лестничную клетку закрылась, панель безопасности радостно пискнула и загорелась красным.

Хрустя осколками стекла, Лэнгдон и Саша вышли на аллею. Вокруг царила тишина. Седан Яначека по-прежнему стоял у входа, но самого капитана нигде не быловидно.

Саша на секунду задумалась. «Идем за мной».

Она свернула направо, подальше от бастиона, и остановилась у пролома в подпорной стене. Затем они спустились по каменной лестнице, которая вывела их на заросший деревьями склон. Это место было не таким крутым, как обрыв вокруг двора бастиона, но снег под ногами оказался скользким, а его туфли на гладкой подошве совсем не держали грунт.

Сегодняшний наряд Лэнгдона — свитер Dale и легкие ботинки — он выбрал, ожидая визита в научную лабораторию... а не побега по горе. Прокладывая путь среди деревьев, он сосредоточился только на одном — спуститься невредимым. Теперь он понял, что этот склон ведет прямиком к парку Фолиманка.

А оттуда, надеялся он, можно взять такси до квартиры Саши.

Своему месту Голем видел, как американский профессор неуклюже пробирается сквозь деревья вниз к парку Фолиманка. Неожиданное появление Роберта Лэнгдона в бастионе этим утром вместе с сотрудниками УЗСИ внесло в планы Голема множество корректировок.

Его план проникновения в «Порог» требовал

небольшой задержки, зато открылась новая возможность.

Возможность, которую я не собираюсь упускать.

Осторожно спускаясь по скользкому склону, Голем был уверен — ни Лэнгдон, ни Саша даже не подозревают о его присутствии.

=======

ГЛАВА 35

В лобби Four Seasons пахло розами.

Прямо как те розы, которые мне дарил Майкл, — промелькнуло в голове у Даны Данек, пока она шла к стойке регистрации. Она уже осмотрела лобби и ресторан отеля, но ни Майкла, ни его прелестной подружки нигде не было видно.

Наверху…

Подойдя к администратору, Дана натянуто улыбнулась и протянула ему своё удостоверение сотрудницы посольства США. «Доброе утро, сэр, — сладким голосом произнесла она. — Простите за беспокойство. Я работаю в посольстве США в Праге, и мой начальник, Майкл Харрис, сейчас остановился в вашем отеле. Он попросил срочно передать ему кое-что. Вы не видели его около пятнадцати минут назад? Он высокий афроамериканец с...»

«Да, конечно, — ответил мужчина, возвращая удостоверение. — Мистер Харрис находится в Королевском люксе наверху. Хотите, чтобы я передал ему что-то?»

«Нет, спасибо, — отказалась Дана. — Это конфиденциальные дипломатические документы,

которые я должна вручить лично. Напомните, пожалуйста, номер Королевского люкса?»

Портье объяснил, как пройти в заднюю часть отеля, и через минуту Дана уже поднялась по отдельной лестнице и стояла в прихожей перед самым дорогим номером.

Серьёзно, Майкл? Королевский люкс?!

Дана постучала тихонько и позвала: «*Уклыд!* Горничная!»

Ей не терпелось увидеть лицо Майкла, когда она войдёт внутрь. Прислушавшись у двери, она явно различила шаги в номере.

«Горничная!» — позвала она снова, на этот раз стуча громче.

К двери подошли, её приоткрыли, и в щель выглянули знакомые глаза-вишенки.

«Извините, — сказала женщина с моста. — Не могли бы вы зайти по—"

Дана с размаху толкнула дверь, и миниатюрная женщина шлёпнулась на пол. Дана ворвалась в люкс, прямиком пройдя через гостиную в явно угадывающуюся хозяйскую спальню.

Пусто.

Дана проверила главную ванную. Пусто.

Ни малейших следов Майкла.

В номере был беспорядок — выдвинутые ящики

комода, распахнутые чемоданы, приоткрытый сейф — словно здесь что-то… *искали*?

Когда Дана вернулась в гостиную, ямочки на щеках той женщины ждали её. Впрочем, гораздо больше внимания приковывал матово-чёрный пистолет, направленный прямо в лоб Даны.

Господи!

«Я спрошу один раз, — женщина говорила с пугающим спокойствием. — Что ты здесь делаешь?» Акцент выдавал в ней американку.

Уверенность в её голосе и твёрдая рука с оружием ясно давали понять — стрелять ей не впервой. Дане никогда раньше не угрожали пистолетом, и ощущение было отрезвляющим.

«Я… ищу… Майкла Харриса», — услышала она собственный голос. Пистолет не дрогнул. «Его здесь нет.»

Дана заметила, что служебный автомобиль посольства уже не стоит у входа в отель, когда она заходила, но предположила, что Майкл попросил водителя припарковаться в другом месте, чтобы не привлекать внимания.

— Вам нужно немедленно уйти, — сказала женщина. — Это вас не касается.

— Это касается меня самым прямым образом, — возразила Дана, обретая власть над голосом. — Я

сотрудница посольства США, а вы направили на меня пистолет. Более того, похоже, вы обыскиваете номер двух граждан США.

— Как я уже сказала, — повторила женщина, делая шаг вперед, всё ещё держа пистолет наготове. — Это не ваше дело.

Да кто вы такая?! Дана понимала, что козырь у нее всего один. Она бросила взгляд на окно с видом на Карлов мост и сказала: — Я знаю, что произошло там утром. Где ваш терновый венец?

Вооружённая женщина даже не дрогнула. Она сделала ещё один шаг в сторону Даны. — Кто бы вы ни были, — твёрдо заявила она, — я настоятельно рекомендую вам вернуться в посольство и поговорить с вашим послом, прежде чем обсуждать это с *кем бы то ни было*.

— Сначала скажите, где Майкл Харрис.

— Ваш посол отправил его, чтобы он обеспечил мне доступ в этот номер, что он и *сделал*, после чего ушел. Это всё, что я о нём знаю. — Она сделала жест в сторону выхода. — А теперь уходите. И закройте за собой дверь.

Оперативник Сьюзан Хаузмор дождалась, пока дверь не щёлкнет, прежде чем опустить оружие

и убрать его в потайную кобуру на пояснице. Затем она достала телефон и сделала защищённый звонок мистеру Финчу в Лондон.

• •• •

На другом конце города, на заднем сиденье посольской машины, мчавшейся к Кржижовницкому бастиону, Майкл Харрис был рад, что выполнил странное поручение посла в отеле Four Seasons. Контактное лицо, которому он был обязан «помочь», взяло у него ключ от номера, даже не посмотрев в глаза.

Серьёзный профессионал.

Когда впереди показался Кржижовницкий бастион, Харрис с облегчением убедился, что ни демонстрационной группы, ни дополнительных машин ÚZSI там не было. Звонок посла к Яначеку явно охладил пыл того мужчины, и Харрис с нетерпением ждал встречи с Робертом Лэнгдоном, как и обещал.

Однако, выйдя из машины, Харрис замер. Передняя дверь лаборатории была явно взломана и распахнута настежь. *Что здесь произошло?!* Когда Харрис поспешил ко входу, из двери вывалился агент ÚZSI, схватившись за голову. Харрис узнал в нём крепкого лейтенанта, который утром был

водителем Яначека в Four Seasons.

Харрис подбежал, чтобы поддержать мужчину. — Вы в порядке? Что случилось?!

И почему дверь разрушена?

— Кэтрин Соломон, — запинаясь, произнёс мужчина. — Она… ударила меня… Эта версия казалась нелепой. — Вы уверены, что это была доктор *Соломон*?

— Я видел её в зеркале… высокая… блондинка…

Точно не Кэтрин Соломон. Харрис знал, что доступ в лабораторию была только у одной высокой блондинки — ассистентки Гесснер, Саши Весны, — и ему трудно было представить, что та способна на насилие. — Где Роберт Лэнгдон?

— Он убежал… с ней.

История звучала бредово, и всё же Харрис заметил следы, уходящие от входа в сторону леса. *Лэнгдон сбежал?!*

— Вы видели там кого-то ещё? Доктора Гесснер?

— Нет… Я сразу пошёл докладывать капитану. — Лейтенант махнул рукой в дальнюю часть двора. — Он там.

Харрис посмотрел на хребет, но Яначка нигде не было видно. — Я его не вижу.

— Он вышел туда позвонить…

Харриса это не удивило. *Он, вероятно, пытался минимизировать ущерб после разговора с послом.* «Лейтенант, вам действительно стоит присесть.»

Мужчина уже направлялся к гребню, и Харрис на ходу зачерпнул горсть снега, торопясь догнать его. «Вот. Приложите это к голове.»

Мужчина взял снежный ком и прижал его к затылку, продолжая идти. «Он вышел сюда разговаривать по телефону… но так и не вернулся обратно.»

Харрис увидел путаницу следов на гребне хребта, как будто Яначек ходил туда-сюда или же к нему присоединился кто-то ещё, но сейчас здесь никого не было. Когда двое мужчин приблизились к краю, лейтенант остановился и поднял с земли какой-то металлический предмет. Стряхнув с него пыль, он широко раскрыл глаза от тревоги. «Это его телефон!» — воскликнул он.

С какой стати Яначек оставил бы телефон?

Осторожно преодолев последние несколько ярдов до края ущелья, они заглянули за гребень. Зрелище внизу было жутким. На дне расщелины, неестественно раскинувшись и разбившись о камни, лежало тело в тёмном костюме. Голова мужчины была окружена красным снегом, рас-

текшимся на несколько футов в разные стороны. Даже с такой высоты Харрис не сомневался, что тот мёртв… и не сомневался, кто это.

Боже… Яначек прыгнул?

Рядом с Харрисом лейтенант отвернулся и закричал, словно раненый зверь. Его голос эхом разнёсся, полный боли настоящей потери… и неконтролируемой ярости.

ГЛАВА 36

Лэнгдон наклонил голову, защищаясь от ветра, пока они с Сашей Весной спускались по лесистому склону от бастиона. Густая крона деревьев обеспечивала достаточно сухую почву, поэтому Лэнгдон спускался более грациозно, чем ожидал, несколько раз поскользнувшись на сыром снегу, но сохраняя устойчивый темп.

Когда они вышли из леса в парк Фолиманка, его ботинки были покрыты снегом, а ноги замерзли. Немногочисленные пешеходы, опустив головы, спешили по дорожкам на работу.

Без лишних слов Саша быстро повела их через парк строго на юг. Проходя мимо фонтана Фолиманка, она прошептала: «Я убеждена, что Кэтрин сегодня утром не заходила в бастион… на дисплее ЭПР-капсулы было видно, что Бригита находилась внутри с позднего вечера — это слишком долгий срок для выживания».

Лэнгдон надеялся, что это значит: Кэтрин пришла в лабораторию, не получила ответа на звонок и просто вернулась в отель. *Возможно, мы с ней разминулись*, подумал он, стараясь заглушить дурное предчувствие — с Кэтрин явно что-то не

так. Его охватывал ужас при мысли о возможности потерять её.

Последние три дня они не расставались ни на минуту. Лэнгдона поражало, как их обычная дружба за тридцать пять лет вспыхнула страстным романом — оба были застигнуты врасплох.

Эти дни были сказочными. Он показал Кэтрин странный фетишистский *Пражский младенец Иисус*— статую, которую ритуально переодевали в разные наряды, словно сакральную куклу Барби. Он привел её к таинственной 165 free *Дьявольской Библии* — самой большой в мире книге, чья жуткая легенда повествует о монахе-прелюбодее, 160 ослиных шкурах и казни через «замуровывание»… и даже предложил ей попробовать местную *тлаченку* («мясное желе»), которая, несмотря на приготовление из свиных голов, показалась ей удивительно вкусной.

Кэтрин тоже прожила эти дни на адреналине, только закончив рукопись. Смесь восторга и сдержанности была в её рассказе Лэнгдону о работе — она игриво пресекала его попытки узнать подробности, не желая лишать его сюрпризов. Но больше всего, вспоминал Лэнгдон, её волновало, примут ли читатели и критики её новые идеи.

«Признаем — человеческий разум ненави-

дит перемены, — сказала она вчера за эспрессо в стильном кафе «Богема». — И он в ужасе от необходимости отказываться от *устоявшихся* убеждений».

Лэнгдон усмехнулся. Поэтому религии живут тысячелетиями, несмотря на горы противоречащих им доказательств.

«*Тридцать* лет назад, — жаловалась Кэтрин, — физики доказали, что связь между двумя запутанными частицами *мгновенна*… а мы *до сих пор* учим догму Эйнштейна о том, что «ничто не движется быстрее скорости света»!

Как вспомнил Лэнгдон, в исходном эксперименте изменение полярности одной частицы с помощью магнита мгновенно меняло полярность её «близнеца» — будь тот в соседней комнате или за милю. Китайцы довели опыт до абсолюта, использовав спутники, чтобы доказать: две частицы оставались «мгновенно связанными» на расстоянии в 1200 км. *Science Magazine* вышел с заголовком «Китай побил рекорд «жуткого дальнодействия»», процитировав термин Эйнштейна 1930-х годов.

«А ведь уже десятилетия, — продолжала Кэтрин, — как мы доказали: сосредоточенная мысль человека способна реально изменить

химию тела. И всё же… медики скептически отвергают дистанционное исцеление как вуду».

Упрямый ум — неподвижная гора, подумал Лэнгдон, удивляясь, как многие до сих верят в Адама и Еву вопреки доказательствам эволюции.

«У меня есть студентка с IQ 148, убеждённая, что Земле шесть тысяч лет, — рассказывал он. — Я привёл её в геологический отдел, показал окаменелость возрастом три миллиона лет. Она пожала плечами: «Я верю, Бог подложил её, чтобы испытать мою веру»».

Кэтрин рассмеялась. «Если думаешь, что *религиозные* фанатики иррационально цепляются за свои взгляды, познакомься с профессурой».

«*Я* профессор!»

«Ты всегда был скептиком, Роберт. Старомодным, но милым».

«Старомодным?» — Лэнгдон наклонил голову. «Я младше тебя… напомнить?»

«Осторожнее…» — она ослепительно улыбнулась. «Ты дважды посещал мой курс, милый, и вряд ли из-за слайдов».

Лэнгдон рассмеялся. «Виновен».

«Дело в том, что *никто* не любит перемен, — продолжала она. — Академики мертвой хваткой держатся за утратившие актуальность теории.

Поэтому смена парадигм — например, в изучении сознания — крайне медленна».

Лэнгдон вспомнил работу Томаса Куна 1962 года — «*Структуру научных революций*», где говорилось: смена парадигм возможна лишь при достаточном количестве противоречий. Видимо, Кэтрин надеялась добавить веса этому процессу.

«Твоя рукопись… — сказал Лэнгдон. — Ты так и не раскрыла *конкретно* смысл своего открытия».

«Терпение, — улыбнулась Кэтрин. — Думаю, тебе будет интересно — но лучше прочти сама».

Гудок машины развеял воспоминания о кафе, вернув Лэнгдона в холод парка Фолиманка. Дрожа, он последовал за Сашей через ворота к стоянке такси, где их ждали желтые «Шкоды».

Они сели в первую машину, и Лэнгдон с радостью ощутил тепло. Саша назвала адрес, и такси тронулось по улице Секанёва.

Затем она достала телефон и позвонила с включенной громкой связью. Раздался знакомый голос Майкла Харриса. «Саша?!»

«Майкл!» — вскричала она, голос дрожал. «С Бригитой случилось ужасное!» — сквозь рыдания Саша описала их страшную находку.

— Мне так жаль, — потрясённо сказал Харрис. — Я не знал. Я сейчас в бастионе.

Чёрт, мы только что разминулись с ним, осознал Лэнгдон.

— Здесь ещё ÚZSI, — добавил Харрис. — Они не в курсе, что Бригита мертва.

Павел, видимо, не видел тело.

— Саша, — спросил Харрис, — ты напала на офицера ÚZSI?!

Она замешкалась, поражённая. — Он напал на Роберта Лэнгдона! Я не знала, что делать.

— Лэнгдона? — переспросил Харрис. — Он стобой?

— Да, он хотел вызвать такси в посольство, но—

— Плохая идея. ÚZSI перехватит.

— Я знаю. Поэтому я везу его—

— Не говори об этом по телефону! — прервал Харрис. — Я знаю, куда ты направляешься. Передай привет Гарри и Салли. Я буду там как можно скорее. Минут через двадцать. Не пользуйся телефоном.

Разговор прервался.

— Гарри и Салли? — уточнил Лэнгдон.

— Мои кошки. Он не хотел, чтобы я говорила, что мы едем ко мне.

Умно. — Похоже, вы хорошо его знаете.

Она кивнула, выглядев почти смущённой. —

Вот уже пару месяцев.

— И, судя по всему, доверяете ему, — сказал Лэнгдон.

— Да. — Глаза Саши вдруг наполнились эмоциями. — Он знает, как вам помочь.

А как насчёт помощи ей? Лэнгдон надеялся, что посольство сможет обеспечить защиту русской женщине, несмотря на её нападение на лейтенанта ÚZSI. Ему хотелось, чтобы Саша спросила Харриса о новых сведениях про Кэтрин, но атташе, похоже, доверял телефону не больше, чем она, и всё равно вряд ли бы что-то сказал.

Я поговорю с Харрисом в доме Саши.

Рядом Саша закрыла глаза, устроившись поудобнее. Она начала мягко покачиваться, будто пытаясь успокоиться. *Ей нужен покой*, подумал он. Она только что пережила эпилептический припадок, схватку с офицером ÚZSI и сейчас подвергает себя риску, провожая Лэнгдона в безопасное место — и всё это после того, как стала свидетельницей ужасной смерти своего наставника.

Лэнгдон взглянул на часы. Раскинутые лапы Микки Мауса показывали чуть больше девяти утра... Прошло всего несколько часов с тех пор, как он мирно пробудился с Кэтрин в объятиях.

Казалось, минула целая жизнь.

ГЛАВА 37

Тело Лэнгдона с благодарностью впитало тепло такси. Его горький переход через парк Фоликанка оставил его продрогшим, и теперь он сбросил окованные снегом лоферы и растер замерзшие пальцы ног. Рядом Саша молчала, ее глаза по-прежнему были закрыты.

Женщина на Карловом мосту не выходила у него из головы. Вся эта мимолетная встреча казалась потусторонней… ее призрачная походка, пустой взгляд, запах смерти и то, будто она его не слышала… словно она существовала в параллельной реальности.

В этом окутанном мистикой городе сообщения о привидениях появлялись почти каждую ночь — чаще всего о местных знаменитостях среди духов: о бестелом рыцаре-тамплиере, бродящем по Карлову мосту в поисках мести за казнь… о Белой Даме Пражского Града, шагающей по крепостным стенам в попытке сбежать от заключения за колдовство… о глиняном големе, все еще слоняющемся в тенях у Старой синагоги и защищающем слабых.

Привидений не существует, знал Лэнгдон. *И*

уж точно они не оставляют следов на снегу. Что бы ни произошло на Карловом мосту, оно было плотью и кровью.

Лэнгдону всегда нравились сверхъестественные легенды Праги, хотя он и инстинктивно их отвергал. И этим утром его рациональный ум развеял мистический туман, придя к четкому выводу. Существовало лишь три правдоподобных объяснения неожиданному появлению женщины на Карловом мосту.

Первое — возможность того, что сон Кэтрин действительно был чудесным предвидением будущего события. Если это правда, то Кэтрин только что пережила одно из самых ярких и точных проявлений ясновидения, о которых когда-либо сообщалось. *Вероятность близка к нулю. Отбрасываем.*

Второе объяснение казалось столь же маловероятным. *Совпадение*. Женщина, облаченная в нимб, с копьем и запахом серы, просто случайно пересекла мост через несколько часов после сна Кэтрин. *Статистически невозможно до абсурда.*

Третий сценарий — хоть и тревожный — казался единственным оставшимся рациональным объяснением. Как говорил Шерлок Холмс: *Отбросив все невозможное, то, что останется, сколь*

бы невероятным оно ни было, и есть истина. В данном случае невероятной истиной было то, что кто-то узнал о сне Кэтрин… и устроил это представление.

Подстава. Но зачем? И как?

Вопрос *почему* оставался загадкой, но вопрос *как* казался жутко правдоподобным. Несколько лет назад, во время книжного тура по России, Лэнгдону говорили, что большинство роскошных гостиничных номеров в Москве прослушиваются правительством. *Может, в Праге то же самое?* Этот город совсем не напоминал Москву, но история оставила здесь долгую тень. Не так давно Прага сорок пять лет провела за железным занавесом, и, за исключением слишком короткой «Пражской весны», советские консерваторы задавали здесь тон с повсеместной слежкой КГБ. Если в Праге и был *один* номер, достойный прослушки, так это Королевский сьют Four Seasons — любимое место миллиардеров, мировых лидеров и дипломатов.

Кто-то подслушал, как я рассказала Кэтрин о своем сне?

Если номер действительно прослушивался, Лэнгдону стало не по себе от мысли, какие личные моменты могли быть подслушаны или записаны

за эти страстные дни с ней.

Но кто мог слушать? Яначек? УЗЗИ?

Какой бы ни была цель воссоздания тревожного сна, Лэнгдон бежал тем же маршрутом через Карлов мост в то же самое время уже три дня подряд, и сегодня утром он сказал Кэтрин, что вернется к семи.

Как часы.

Исходя из этой логики, он все больше убеждался, что это была подстава. И почему-то это пугало его больше, чем существование любого призрака.

Мистер Финч был в ярости.

ГЛАВА 38

Его оперативник в Праге только что сообщил по телефону, что рутинная зачистка в отеле Four Seasons пошла наперекосяк. Оперативник Хаусмор была глазами, ушами и мышцами Финча в всех местных делах, связанных с «Порогом», и, несмотря на ограниченные знания о проекте, она понимала, что секретность превыше всего.

Какого черта произошло?!

Для человека с её навыками задание в отеле должно было быть пустяковым, но по необъяснимой причине оно вылилось в вооружённое противостояние с сотрудником посольства.

Ради всего святого...

Кипя от злости, Финч позвонил по защищённой линии американскому послу в Праге.

◆ ·· ◆

В Four Seasons Сьюзан Хаусмор в последний раз осмотрела Королевский люкс, убедившись, что наконец всё в порядке. Она была измотана бессонной ночью, но чувствовала уверенность, что её миссия здесь завершена — несмотря на

досадную помеху.

Странности начались около 4 утра, когда её разбудил звонок мистера Финча — он отдал самый необычный приказ за всю её карьеру. Зная, что лучше не просить объяснений, она вскочила с кровати, забрала оставленный для неё пакет, и распаковала «спецкомплект» для этой операции.

Чуть позже 6 утра Хаусмор вышла из квартиры с ощущением, будто отправляется на съёмочную площадку, а не на задание. Вся в чёрном, она несла замысловатый шипастый головной убор и угрожающего вида серебряное копьё. В кармане болтался флакон с омерзительно пахнущей жидкостью, от которой ей чуть не стало дурно, когда она приоткрыла крышку.

Оперативник Хаусмор следовала указаниям Финча в точности, словно в трансе двинувшись через мост по команде. И если для неё этот спектакль не значил ничего, Роберт Лэнгдон, казалось, испугался до смерти.

И начался хаос.

Хаусмор подозревала, что *хаос* и был целью Финча. Опытный стратег, он часто использовал приёмы от Сунь-Цзы до Наполеона — используя любую возможность усилить операцию методами психологической войны. «Пси-операции»

бескровно и с минимальным риском расшатывали врага. *Разрушить. Дезорганизовать. Дезориентировать*. Противник в хаосе принимал неверные решения и становился податливым.

Миссия выполнена, мысленно констатировала Хаусмор. Ей сообщили, что Роберт Лэнгдон активировал пожарную тревогу, эвакуировав отель.

Теперь она зачищала последние следы. Тщательно обыскав люкс, она подтвердила мистеру Финчу, что рукописей нигде нет, включая открытый и нетронутый сейф. Теперь всё было приведено в первоначальный вид.

Перед уходом оставалось последнее дело.

Оперативник Хаусмор подошла к панорамному окну и взглянула на роскошный букет красных, белых и голубых тюльпанов, отправленный Катерине Соломон три дня назад из американского посольства. На полу валялась открытка с поздравлениями от посла Хайде Нагель.

Побитые зимним холодом цветы преждевременно поникли, их вялые стебли раскинулись в стороны, едва прикрывая спрятанное среди них устройство.

Хаусмор достала параболический микрофон Sennheiser с FM-передатчиком. Прослушивающее устройство было установлено по просьбе мистера

Финча через канцелярию посла.

Сунув аппарат в карман пальто, она расправила увядшие цветы и бросила последний взгляд на люкс.

Совершенно обессиленная, Хаусмор направилась домой, чтобы выспаться.

ГЛАВА 39

Из открытого окна фургона Джонас Фокман слышал пронзительный вой реактивных двигателей. Он знал, что в Бруклине находится малоизвестная военная база США, удивительно близко к Манхэттену, но не мог вспомнить, был ли в Форт-Гамильтоне аэродром. Где бы его ни привезли, похитители явно были замешаны в чем-то более серьезном, чем пиратство книг.

Кому-то влиятельному очень не хочется, чтобы рукопись Кэтрин Соломон увидела свет. Но кому — конкуренту-ученому, возможно?

Дрожа на холодном металлическом полу фургона, Фокман лихорадочно перебирал в памяти подсказки, вспоминая момент, когда впервые узнал о существовании рукописи. Роберт Лэнгдон позвонил, чтобы спросить, не согласится ли Фокман пообедать с его гениальной подругой Кэтрин Соломон и выслушать ее потрясающее предложение о книге. Фокман согласился без колебаний, зная, что слова «гениальная» и «потрясающее» гарвардский профессор разбрасывал не просто так.

Они встретились за любимым столиком Фок-

мана в Манхэттене — в глубине зала Trattoria Dell'Arte, где подавали аутентичную итальянскую кухню в помещении, оформленном как художественная студия, украшенном, что особенно примечательно, картинами и скульптурами знаменитых итальянских носов. Он прочел присланную Кэтрин Соломон биографическую справку и был глубоко впечатлен ее научными достижениями, опубликованными статьями, докторской степенью в области когнитивных наук и весомым положением в своей области.

Когда они встретились лично, Фокман за несколько минут понял, что вживую Кэтрин Соломон производит еще более сильное впечатление, чем на бумаге. Как и сам Лэнгдон, она оказалась обаятельной, скромной и невероятно остроумной. Кроме того, она была идеальным лицом для продвижения — обладая редким сочетанием обаяния и поразительной красоты, которые идеально подходили для нового мира издательского бизнеса XXI века, столь зависимого от социальных сетей. После светской беседы и открытия бутылки Solaia 2016 года — любимого супертосканского вина Лэнгдона — разговор естественным образом перешел к ее книжной идее.

— Говоря простыми словами, — начала

Кэтрин, — книга будет исследованием человеческого сознания. Она основана на моих двадцатилетних исследованиях... а также нескольких недавних научных прорывах. — Она сделала паузу, отхлебнув вина, задумавшись. — Как вам наверняка известно, долгое время считалось, что человеческое сознание — продукт химических процессов в мозге. Это означает, что сознание не может существовать *без* мозга.

Интересно, но довольно очевидно, подумал Фокман. Его работа требовала сохранять скепсис, пока идея не сразит его наповал.

— Проблема в том, — сказала Кэтрин, и на ее губах появилась загадочная улыбка, — что эта стандартная модель сознания неверна.

Оба мужчины насторожились.

— Я хочу написать книгу, которая откроет революционно новую модель сознания — такую, что поколеблет *все* наши представления о жизни... включая саму природу «реальности».

Фокман одобрительно поднял брови и улыбнулся. «С точки зрения издательского дела, нет ничего лучше амбициозных проектов» — он внимательно посмотрел на Кэтрин. — Но у меня есть один вопрос. Многие предлагают книги с новыми захватывающими теориями… Вы — "

«Конечно, — ответила она. — Моя работа подкреплена серьёзными научными данными».

«Вы читаете мои мысли», — впечатлённо заметил Фокман.

«Я бы не стала тратить ваше время без доказательств», — парировала она. Лэнгдону было забавно видеть, как легко Кэтрин держала свою позицию.

«Что ж, вы определённо привлекли моё внимание, — сказал Фокман. — В чём заключается ваша революционная модель человеческого сознания?»

«Сначала вам это покажется невозможным, — ответила Кэтрин. — Поэтому, чтобы подготовить ваш разум и задать основу…» Она достала из своей сумки Cuyana iPad. «Сначала я покажу вам такое, что, я уверена, все сочтут… *невозможным.*»

Фокман взглянул на Лэнгдона, который выглядел столь же озадаченным. Кэтрин несколько раз нажала на экран, затем поставила планшет на стол перед Фокманом и Лэнгдоном. На экране появились два видео в разделённом экране — два разных аквариума, в каждом из которых одна золотая рыбка лениво плавала кругами.

Золотые рыбки невозможны?

«Это трансляция в прямом эфире, — пояснила

Кэтрин. — Из двух стационарных камер в моей лаборатории в Калифорнии.»

Они наблюдали за двумя рыбками, которые плавали в одинаковых аквариумах с голубой галькой на дне и небольшими статуэтками. Единственное различие заключалось в самих статуэтке: в одном аквариуме было слово *Да*, в другом — *Нет*.

Странно. Фокман поднял взгляд на Кэтрин Соломон, ожидая объяснений, но та лишь кивнула, предлагая продолжить наблюдение. Вежливо опустив глаза, он снова уставился в экран. *Две рыбки, плавающие кругами… Что я должен здесь увидеть?*

«Невероятно… — прошептал рядом Лэнгдон.

В этот же момент Фокман тоже заметил. Необъяснимо, но рыбки двигались в идеальной синхронности. Когда одна замедлялась, резко поворачивала или подплывала к поверхности, другая повторяла те же движения *точь-в-точь*… в тот же самый момент! Они были синхронизированы до мельчайших подрагиваний.

Ошеломлённый Фокман наблюдал за рыбками как минимум пятнадцать секунд, прежде чем покачал головой и поднял глаза. «Ладно, это… невозможно».

«Рада, что вы так считаете», — сказала Кэтрин.

«Как они это делают?!» — потребовал он.

«Удивительно, правда? — Она улыбнулась. — Ответ на самом деле довольно прост».

Лэнгдон и Фокман застыли в ожидании.

«Для начала, — сказала она, — сколько рыбок вы здесь видите в общей сложности?»

Фокман перевёл взгляд с одного на другого. «Две», — ответил он.

«А ты, Роберт?»

«Две», — подтвердил Лэнгдон.

«Отлично, вы оба видите то же, что и большинство, и то, что перед вами: две отдельные рыбки в двух отдельных аквариумах».

Как ещё это можно увидеть? — подумал Фокман. В одном аквариуме «Да», в другом «Нет», но движения рыб абсолютно идентичны.

«А теперь, — продолжила Кэтрин, — что, если я скажу вам, что их разделённость — это *иллюзия*? Что, если эти две рыбки на самом деле *одно* целое… единый организм, управляемый одним сознанием и движущийся синхронно?»

Фокман почувствовал, что сейчас услышит какую-нибудь эзотерическую чушь о всеобщей связи живых существ. Он не представлял, как рыбкам удалось синхронизировать свои дви-

жения, но был уверен, что дело не в каком-то «космическом сознании». *Чего ты ожидал, Джонас? Она же ноэтик из Калифорнии!*

— Перспектива — это выбор, — продолжила Кэтрин, — и перспектива играет ключевую роль в понимании сознания. Вы оба *решили* видеть в них две рыбки, плывущие в идеальной синхронности. Однако если вы измените перспективу и увидите их как *одну* рыбу, *один* разум, *единый* организм, просто плывущий... тогда это вполне нормально.

Лэнгдон внезапно встревожился, что её речь сходит с рельсов. — Но это же не *выбор*, правда, Кэтрин? *Две* раздельные, никак не связанные золотые рыбки не могут рассматриваться как единый организм.

— Это верно. Но они и *не* два отдельных организма, профессор, — ответила она.

— Они *единое целое.* И я готова поспорить на ваши часы с Микки Маусом, что могу вам это доказать прямо сейчас. Научно. Без тени сомнения.

Лэнгдон снова изучил два видео: *Две отдельные чаши. Две отдельные рыбки.* — Я согласен, — наконец сказал Лэнгдон. — Докажите, что это один организм.

— Хорошо. — Кэтрин улыбнулась. — И позволь-

те процитировать моего любимого символиста: *иногда достаточно изменить перспективу, чтобы открыть Истину.*

Она дотронулась до экрана iPad. — Вот третья прямая трансляция из той же лаборатории. И вот вам смена перспективы, джентльмены.

Новый ракурс камеры был сверху, глядя *вниз* на одну аквариумную чашу, похожую на другие, — синий грунт, какая-то статуэтка и одинокая золотая рыбка, плавающая кругами. Любопытно, что с этой высоты было видно две видеокамеры, установленные рядом с чашей и направленные на неё под разными углами.

— Я не понимаю, — сказал Фокман.

— Вы смотрели на два видео одной и той же чаши, — объяснила Кэтрин. — Одна чаша. Одна рыбка. Заснятые с двух разных точек. Их разделённость — это иллюзия. Они представляют собой единый организм.

— Но они явно в двух разных чашах, — возразил Фокман. — А как насчёт статуэток с *Да*/*Нет*? Они же *разные*... как это может быть *одна* чаша?!

Лэнгдон опустил голову. — Маркус Рэтс, — прошептал он. — Я должен был догадаться.

Кэтрин достала из сумки знакомую статуэтку — копию надписи *Да* из первой чаши. Она подня-

ла её, позволив Фокману прочитать слово. Затем повернула статуэтку на девяносто градусов, и Фокман услышал собственный вздох. С этого нового угла статуэтка выглядела совершенно иначе. Теперь она читалась как *Нет*.

— Это произведение искусства, — сказала Кэтрин, — работа скульптора Маркуса Рэтса, который, подобно Вселенной, в которой мы живем, является мастером иллюзий.

Лэнгдон уже расстёгивал ремень часов с Микки Маусом.

— Ты же знаешь, у меня нет детей, Роберт. — Она рассмеялась. — Оставь свои часы. Я просто хотела проиллюстрировать кое-что о невозможном. А идея в том, что то, что я собираюсь рассказать вам о человеческом сознании, сначала *покажется* невозможным — настолько же невозможным, как две синхронизированные рыбки — но если вы позволите себе изменить перспективу, всё вдруг обретёт смысл… и то, что казалось загадочным, станет ясным, как день.

С этого момента Фокман ловил каждое её слово. Обед превратился в трёхчасовое путешествие, переворачивающее сознание… включая обещание Кэтрин, что в её книге будут описаны передовые эксперименты, которые она провела и чьи

результаты не только поддерживают новую парадигму, но и показывают, что наше человеческое восприятие ужасно ограничено по сравнению с тем, каким оно могло бы быть.

К концу обеда Фокман не мог понять, кружится ли у него голова от идей Кэтрин Соломон или от лишнего бокала вина, но одно он знал совершенно точно:

Я определенно опубликую эту книгу.

Он подозревал, что этот обед может стать лучшей издательской инвестицией в его карьере.

Однако теперь, год спустя, связанный по рукам и ногам на полу ледяного фургона, он серьёзно переосмысливал своё решение. Он не прочитал ещё ни единого слова рукописи и ничего не знал о её таинственных экспериментах, но ему было непонятно, зачем кому-то понадобилось её уничтожать.

Ради Бога, это же книга о человеческом сознании!

Похитители Фокмана сидели рядом, уткнувшись в свои гаджеты.

— Эй, ребята? — попытался Фокман, зуб на зуб не попадая. Ему хотелось удержать их разговор. — Что такого особенного в этой книге? Вы знаете, что это про *науку*, верно? Там нет картинок.

Ответа не последовало.

— Понимаете, я замерзаю. Это безумие. Если бы вы объяснили мне, *почему* рукопись вас так заинтересовала, может, я... —

— Нам она не интересна, — сказал Короткий Стрижка. — Она интересует нашего *работодателя*.

— Дарт Вейдер может читать?

Короткий Стрижка фыркнул. — Да, и он хочет поговорить с тобой. У нас заправляют самолёт. Скоро вылетаем в Прагу.

Фокман напрягся. — Погодите! Ну уж нет, я ни за что не полечу в Прагу! У меня нет паспорта! Мне надо покормить кота!

— Я украл твой паспорт из квартиры, — сказал Короткий Стрижка. — И застрелил кота.

Эта шутка не рассмешила Фокмана, напротив, его охватил настоящий страх.

— Это несмешно… у меня нет кота. Может, обсудим это?

— Конечно. — Короткий Стрижка самодовольно ухмыльнулся. — Будет куча времени поговорить в самолёте.

ГЛАВА 40

Гавельский рынок был забит машинами, ползущими в бесконечных пробках. В нескольких кварталах от цели Лэнгдон и Саша вышли из такси и зашагали по запутанным улочкам Старого города. Следуя за Сашей к её квартире, Лэнгдон с удивлением узнал, что жильё на самом деле принадлежит Бригите Гесснер, которая разрешила Саше жить там бесплатно.

Ещё один нехарактерный жест доброты, подумал Лэнгдон, задаваясь вопросом, почему Гесснер так стремится помогать этой девушке.

Бригита Гесснер была загадкой. Хотя по отношению к Саше она казалась щедрой и сочувствующей, прошлым вечером за коктейлями женщина была невыносима. В один момент, пока Лэнгдон вяло потягивал свой отвратительный коктейль со вкусом бекона, Гесснер неожиданно поставила его в неловкое положение.

— Профессор Лэнгфорд, — сказала она, наверняка намеренно коверкая его фамилию. — Мы с Кэтрин не согласны в одном вопросе и хотим, чтобы вы разрешили наш спор.

Кэтрин поморщилась, явно не желая втягивать

Лэнгдона в дискуссию.

— Вы человек образованный, — продолжала Гесснер, — и ваше мнение представляет интерес. Мы с Кэтрин расходимся в вопросе, лежащем в основе материалистическо-ноэтической полемики. Речь идёт… о жизни после смерти.

О боже…

— Так скажите же, — потребовала Гесснер, — во что *вы* верите? Когда человек умирает — это конец? Или есть что-то… ещё?

Лэнгдон замешкался, пытаясь найти правильные слова.

— Как я уже не раз говорила, — вклинилась Гесснер, — жизнь после смерти я считаю пустой фантазией — иллюзией, которую религия продаёт слабовольным и слабоумным.

Вот это я трогать не стану…

— И, как вам наверняка известно, — продолжала Гесснер, — Кэтрин публично заявляла, что внетелесные переживания служат веским доказательством того, что сознание находится *вне* мозга и поэтому может *пережить* смерть. Иными словами… загробная жизнь реальна. — Невролог небрежно отхлебнула коктейль. — Ну что, профессор?

— Я не знаю точного ответа, — признался он. —

Я читал лекции по танатологии, но это не моя специализация.

— Вопрос простой, — с насмешкой перебила его женщина. — Если бы вы умирали и увидели со стороны своё тело на операционном столе, сочли бы вы это доказательством загробной жизни? Или гипоксической галлюцинацией?

Я никогда не был на грани смерти… Понятия не имею, что бы подумал.

Единственным опытом Лэнгдона в вопросах околосмертных переживаний было чтение бестселлера Рэймонда Муди 1975 года «*Жизнь после жизни*». Эта книга убедила учёных серьёзнее подойти к исследованию возможности того, что смерть — не конец пути… а только начало.

Книга содержала сотни медицински задокументированных случаев клинической смерти с последующим пробуждением, где люди описывали практически идентичные внетелесные переживания — ощущение отделения от тела, парения, движения вверх по тёмному туннелю, приближения к яркому свету и, что особенно удивительно, чувство абсолютного покоя и всеобъемлющего знания.

После выхода книги Муди уже не стоял вопрос, *бывают* ли у людей внетелесные переживания…

вопрос был в том, *что* их вызывает и что они значат?

Лэнгдон прекрасно знал, что концепция жизни после смерти лежит в основе буквально всех мировых религий: у христиан — рай, у иудеев — *гилгул*, у мусульман.

— *джанна*, у индуистов и буддистов — *дэвалока*, у философов Нью-Эйдж — прошлые жизни, у Платона — метемпсихоз. Все духовные учения сходятся в одном: душа… *бессмертна*.

И всё же, когда дело доходило до веры в жизнь после смерти, Лэнгдон не мог отойти от позиции материалистов. Он считал идею загробной жизни утешительной сказкой, механизмом психологической защиты, и если бы он отвечал на вопрос Гесснер честно…

Околосмертные переживания — это… галлюцинации.

Будучи знатоком религиозного искусства, Лэнгдон прекрасно разбирался в шедеврах, изображающих видения потустороннего мира — божественные откровения, духовные озарения, теофании, религиозные экстазы, явления ангелов. Верующие считают эти переживания *реальными* контактами с иными мирами, но Лэнгдон в душе верил, что это нечто иное — яркие

убедительные видения, вызванные глубочайшей духовной жаждой.

Недаром, часто напоминал Лэнгдон студентам, миражи оазисов видят только жаждущие путники в пустыне — и никогда студенты, гуляющие по университетскому двору. Мы видим то, что хотим видеть.

И что касается *желаний,* Лэнгдон полагал, что большинство умирающих хотят одного и того же: *не* умирать. И страх смерти, конечно, не ограничивается умирающими. Это всеобщий страх… возможно*, самый* всеобщий.

Осознание смертности — осознание того, что мы умрём, — страшит не потому, что мы боимся потерять физическое тело, а потому, что боимся потерять наши воспоминания, мечты, эмоциональные связи… по сути, нашу *душу*.

Религии давно поняли: человеческий разум, стоящий перед ужасающей перспективой вечного небытия, поверит во что угодно. *Timor mortis est pater religionis,*размышлял Лэнгдон, вспоминая древнее изречение, популяризированное Эптоном Синклером*. Страх смерти — отец религии.*

И действительно, каждая мировая религия создала множество текстов о загробной жизни — Египетскую Книгу Мёртвых, сутры, упанишады,

веды, Библию, Коран, Каббалу. У каждой религии своя эсхатология, своё представление о загробной иерархии и населяющих её духах.

Современные танатологи — изучающие *науку* смерти — обычно игнорировали эти религиозные представления. И всё же, как ни удивительно, сегодня учёные признают, что очень мало продвинулись в ответе на главный вопрос своей области:

Что происходит, когда мы умираем?

Это без преувеличения величайшая загадка жизни… тайна, о которой *все* мечтают узнать. Ирония в том, что разгадка открывается каждому из нас в конце… но никто не может вернуться, чтобы рассказать о ней.

— Что, язык проглотили? — усмехнулась Гесснер.

— Вовсе нет, — раздражённо ответил Лэнгдон. — Мне просто интересно, почему вы принимаете за неоспоримый факт утверждение, которое не можете доказать. В моем мире мы называем это *верой*… а не наукой».

«Трус», — фыркнул Гесснер. «Я знаю, что вы *материалист*, профессор, и, надеюсь, завтра, когда Кэтрин придет в лабораторию, мне удастся убедить её присоединиться к нам в мире разума».

С этими словами Гесснер открыла свой кожаный портфель, достала визитку и положила её перед Кэтрин.

Лэнгдон взглянул на карточку.

Доктор Бригита Гесснер
Институт Гесснер
Бастион Креста, 1
Прага

«Передайте эту карточку своему водителю завтра утром», — сказала Гесснер.

«Моя лаборатория частная, но её местонахождение известно. Бастион вообще-то довольно *знаменит*».

Лэнгдон внутренне застонал. Знаменит в 1300-х годах, возможно…

Когда Гесснер стала закрывать портфель, Лэнгдону мельком удалось рассмотреть его тщательно организованное содержимое: различные документы в папках, закрепленную в держателе ручку, смартфон с кожаным ремешком, а также коллекцию кредиток, удостоверений и карт доступа, аккуратно разложенных в прозрачных кармашках. Среди этого набора его взгляд привлек один символ.

«Что это за карта?» — спросил он, указывая

на черную карточку, торчащую из специального защитного чехла с свинцовой прослойкой, предназначенного для карт с радиочастотной идентификацией. Он видел лишь верхний сантиметр карты, но его заинтриговали шесть символов, напечатанных жирным шрифтом.

Гесснер взглянула на карточку и на мгновение замешкалась. «О, это пустяки». Она захлопнула портфель. «Это мой абонемент в спортзал».

«Правда?» — сказал Лэнгдон. «Мне интересно. Третий символ — что это было?» Она странно посмотрела на него. «Вы имеете в виду букву *A*?»

«Это была не *A*», — сказал Лэнгдон, который разглядел ее четко. «Это было копье Вела».

Обе женщины выглядели озадаченными.

«Извините?» — сказала Гесснер.

«В перекладине разница», — объяснил Лэнгдон. «У *A* одна черта. А у этого знака было три линии и точка. Всякий раз, когда вы видите клинок, направленный вверх — то есть форму заглавной буквы *A*— с тремя перекладинами и точкой, это

особый символ с очень конкретным значением».

«Означает ли это *здоровье*?» — предположила Кэтрин, звуча немного навеселе.

Даже близко нет, — подумал Лэнгдон. «Копье Вела — это индуистский символ власти. Острие копья означает просветление — острый ум, высшее прозрение, позволяющее рассеять тьму невежества и одолеть врагов. Индуистский бог войны Муруган носил это копье с собой повсюду».

Гесснер выглядела искренне удивленной.

«Убивать врагов прозрением?» — сказала Кэтрин. «Странный посыл для спортзала».

Согласен.

«Совпадение, очевидно», — усмехнулась Гесснер. «Уверена, владельцы клуба даже не догадываются и просто сочли дизайн удачным».

Лэнгдон оставил тему, но был уверен, что Гесснер что-то скрывает. Защищенная RFID-карта казалась слишком высокотехнологичным пропуском для спортзала, да и Гесснер была не из тех, кто стал бы потеть рядом с простолюдинами. К тому же, местный спортзал скорее использовал бы чешское написание «PRAHA», а неанглийское.

«Ясно одно», — сухо заметила Гесснер. «Симбологи и ноэтики идеально подходят друг другу».

Она глотнула напиток. «Вы оба видите смысл там, где его нет».

ГЛАВА 41

Квартира Саши Весны на первом этаже была небольшой, но уютной — со вкусом обставленной, аккуратной и наполненной естественным светом. Лэнгдон, переступив порог, вдохнул витающий в воздухе дымчатый аромат солода.

— Русский караванный чай, — пояснила Саша, слегка смущаясь заметного запаха.

— И у меня есть коты...

Как по сигналу, пара изящных сиамских котов возникла в дальнем конце коридора и направилась к ним. Лэнгдон присел, чтобы погладить их, и они тут же поспешили к нему за лаской.

— Они обожают мужчин, — сказала Саша и затем неловко добавила: — Не то чтобы они многих видели!

Лэнгдон вежливо улыбнулся. — Ну, они прекрасные животные.

— Эту зовут Сэлли. А этого — Гарри. Я назвала их в честь любимого фильма. — Саша указала на старый кинопостер, висевший рядом. — Доктор Гесснер подарила мне этот.

Название фильма было на русском, но Лэнгдон узнал Мэг Райан и Билли Кристала, стоящих ли-

цом к лицу на фоне нью-йоркских небоскребов. Он никогда не видел классической ленты «*Когда Гарри встретил Сэлли,*», но слышал о знаменитой «сцене секса» в нью-йоркском кафе.

— Я всегда обожала американские романтические комедии, — сказала Саша. — Так я выучила английский. — Она с грустью взглянула на постер. — Моих котиков тоже подарил доктор Гесснер... чтобы мне не было одиноко.

— Очень трогательно с ее стороны, — заметил Лэнгдон.

Саша сняла тяжелые ботинки и оставила их на резиновом коврике у входа.

Лэнгдон последовал ее примеру, радуясь возможности снять промокшие туфли.

— Вот там ванная, если вдруг понадобится, — указала она на нишу в дальнем конце коридора.

— Спасибо, — ответил Лэнгдон. — Возможно, воспользуюсь.

— Я поставлю чайник, — сказала она, оставив его и скрывшись в коридоре. Лэнгдон ненадолго задержался, разглядывая постер, снова думая о Кэтрин. Ньюйоркские небоскребы и логотип Columbia Pictures — женщина в мантии с факелом в руке — напомнили ему Статую Свободы... и вчерашнюю лекцию Кэтрин.

Где ты сейчас? — подумал он, направляясь в ванную. Ему не терпелось позвонить в Four Seasons и узнать, вернулась ли Кэтрин в отель, но, как намекнул Харрис, УЗСИ уже ищут Лэнгдона и Сашу за нападение на офицера и бегство с места происшествия. Придется дождаться атташе.

Ванная была тесноватой, но чистой, и Лэнгдону было неловко пользоваться личным пространством Саши. Помыв руки, он вытер их о собственные брюки, чтобы не трогать ее идеально сложенные полотенца. В зеркале на него смотрело лицо незнакомца. Глаза были красные от бессонницы, волосы растрепаны, а на лбу залегли глубокие морщины стресса. *Ты выглядишь просто ужасно, Роберт.* Учитывая, какое утро ему выдалось, это было неудивительно. *Просто доберись до посольства и найди Кэтрин.*

Когда Лэнгдон вернулся на кухню, Саша насыпала сухой корм в две миски на столешнице. Гарри и Сэлли легко запрыгнули на стол и принялись жадно уплетать еду.

Саша подошла к плите, где уже кипел чайник. «Какой чай ты предпочитаешь?»

Кофе, — хотелось ответить ему. «Без всего, спасибо».

Она достала три чашки, три блюдца и три

ложки. «Я сбегаю в ванную,» — сказала она, направляясь к двери. «А потом нальём чаю. Майкл должен быть здесь минут через пятнадцать».

Лэнгдон услышал, как она шлёпает босиком по коридору, и хлопает дверью ванной.

В квартире воцарилась тишина, нарушаемая лишь звуком кипящей воды. Оставшись один на кухне, Лэнгдон поймал себя на мысли вновь позвонить в Four Seasons, уставившись на лежащий на столе телефон Саши. Впрочем, к гостинице, скорее всего, уже подошёл Яначек, и теперь можно было лишь гадать, где сейчас Кэтрин.

Вода только что закипела, когда Лэнгдон услышал резкий стук в дверь. *Странно*, — подумал он, едва ли Харрис мог прийти так быстро. Вдруг его охватил страх — вдруг Яначек или Павел вышли на их след… или просто догадались проверить квартиру Саши.

Он поспешно вышел в коридор как раз в тот момент, когда Саша появилась из ванной, вытирая руки. На её лице отразилось беспокойство, и она беззвучно спросила его: «Кто-то стучал?»

Лэнгдон кивнул.

Судя по выражению лица Саши, визитёра она не ждала. Они простояли пятнадцать секунд в полной тишине, но новый стук так и не прозву-

чал. Саша подошла к двери и заглянула в глазок. Через мгновение она развернулась к Лэнгдону и пожала плечами. Никого.

Лишь теперь Лэнгдон заметил небольшую белую записку на полу, торчащую из-под двери. «Кто-то оставил тебе что-то», — прошептал он, указывая на неё.

Саша опустила взгляд, заметила бумажку и, озадаченная, наклонилась, чтобы подобрать её. Лэнгдон мог разглядеть лишь краешек записки, но хватало взгляда, чтобы понять — она была написана от руки.

Саша выпрямилась, пробежалась глазами по тексту и тут же резко вдохнула. Её пальцы дрожали, когда она передавала записку Лэнгдону. «Это *тебе*».

Мне? Лэнгдон взял записку, прочитал её, грудь моментально сжало.

Объятый ужасом, он рванул дверь нараспашку, выбежал в пустой коридор и выскочил из здания прямо в снег, в одних носках. Раскручиваясь на месте по раскисшей снежной жиже, он закричал в пустынный морозный воздух: *«Кто ты такой?! Что ты с ней сделал?!»*

В двадцати шагах от кричащего Лэнгдона во тьме затаился Голем.

Записка, которую он только что подбросил у двери Саши Весны, вызвала нужную реакцию. Если всё пойдёт по плану, Роберт Лэнгдон вскоре окажется там, где требуется — один, без свидетелей, где налогов не место.

Страх — хороший мотиватор.

ГЛАВА 42

Майкл Харрис все еще слышал отчаянный голос Саши в телефонной трубке, пока он мчался по дороге, удаляясь от Бастиона Распятия.

Я с Робертом Лэнгдоном! Нам нужна твоя помощь!

Когда он выехал на главную дорогу, Харрис повернул направо, устремившись на север к квартире Саши. *Место мне слишком хорошо знакомое,* вздохнул он, вспоминая свои многочисленные визиты, каждый из которых был вопреки здравому смыслу.

Харрис впервые встретил Сашу два месяца назад в кафе «Дэвид Рио Чай Латте», куда она заходила каждое утро по дороге на работу. Саша стояла за высоким столиком одна, и Харрис с улыбкой подошел к ней.

«Привет, Саша, произнес он по-русски. Hello,Sasha.

Высокая блондинка тревожно взглянула на него. «Откуда вы знаете мое имя?» Харрис улыбнулся и указал на ее бумажный стаканчик, где бариста написал:

САША.

«А, — смущенно сказала Саша, все еще настороженная. — Но... вы говорили по-русски.»

«Просто угадал, — ответил Харрис. — Я услышал ваш акцент, когда вы заказывали.»

Теперь Саша выглядела смущенной. «Конечно. Извините за нервозность. Русские сейчас не самые популярные люди в Праге.»

«Попробуйте быть *американцем*!» парировал он, показывая свой стакан с надписью МИКАЛЕ. «Я уверен, бариста специально исказил мое имя.» Он улыбнулся и изобразил свою лучшую пародию на Богарта. «Из всех кофеен во всех городах всего мира я зашел именно в *эту*.»

«*Касабланка*!» Ее лицо оживилось. «Обожаю этот фильм!»

Следующие полчаса они обменивались историями, и Саша рассказала душераздирающую историю об изнурительной эпилепсии и детстве, брошенном в российской психиатрической больнице... пока один нейрохирург не спас ее и не привез в Прагу.

«И этот доктор Гесснер *вылечил* вас?» спросил Харрис.

«Полностью, — сказала Саша, и в ее глазах читалась благодарность. — Она изобрела мозговой имплант, который я могу активировать, проводя

магнитной палочкой по черепу, когда чувствую туман.»

«Туман?»

«Да, извините, перед приступом эпилептики ощущают смутное покалывание... вроде того ощущения, которое бывает перед чиханием. Когда это происходит, я провожу палочкой по голове, и магнит активирует чип внутри моего черепа.» Она замолчала, внезапно смутившись. «Простите, это не самая приятная тема для разговора.»

«Да нет же — я совершенно ничего не вижу, — честно сказал Харрис. — Если там есть шрамы, они полностью скрыты под этими прекрасными светлыми волосами!»

Комплимент был искренним, но Саша отвела взгляд, внезапно ощущая неловкость. «Не могу поверить, что рассказала вам все это. Как неловко. Я мало с кем общаюсь, так что... в общем, мне надо на работу.» Она торопливо допила чай и стала быстро собираться.

«Мне тоже пора, — сказал Харрис, — но было приятно пообщаться. Если когда-нибудь захотите пообедать вместе, я с радостью продолжим разговор. "

Саша выглядела удивлённой этой просьбой. «Нет, не думаю, что это хорошая идея».

«Конечно, прости», — замялся Харрис. «Я не имел в виду *свидание* свидание. Просто… в любом случае, ты наверняка с кем-то встречаешься, так что...»

«Я? Нет, я ни с кем не *встречаюсь*», — неловко выпалила она. «Просто…» Её глаза вдруг наполнились слезами, словно она вот-вот расплачется.

«О нет!» — растерянно воскликнул Харрис. «Я не хотел тебя расстроить».

«Это моя вина…» — её голос дрогнул. «Извини… Я просто боюсь, что если ты узнаешь меня поближе… то будешь так разочарован».

«С чего ты взяла такое?»

Она вытерла глаза и посмотрела на него. «Майкл, я не очень хороша в… ну, в отношениях. Большую часть жизни я провела одна и на сильных препаратах. У меня серьёзные проблемы с памятью, много уродливых шрамов от при...»

«Прекрати», — остановил её Харрис. «Ты мне кажешься очаровательной. И учитывая, через что ты прошла, с тобой удивительно легко говорить».

«Правда?» Она покраснела. «Тогда это заслуга компании».

Они поговорили ещё немного, и в итоге Саша согласилась увидеться с ним снова. Спустя две

недели, после обеда, ужина и вечерней прогулки в Валленштейнском саду, Харрис понял, что узнал о Саше Весне всё, что мог. Она была простой женщиной без друзей, которая проводила всё время либо в лаборатории Гесснер, либо дома за просмотром старых фильмов с кошками. *Саша — одиночка… и одинока.*

К сожалению, Харрис ощущал всё больше дискомфорта из-за их углубляющихся отношений. *Если она узнает истинную причину наших встреч, это её уничтожит.* Обременённый виной, Харрис корил себя за то, что согласился на это. *Пора заканчивать этот фарс.*

Собравшись с духом, Харрис поднялся по мраморной лестнице в кабинет посла.

Постучав в открытую дверь, он вошёл по её приглашению.

Посол Хайде Нагель, шестидесяти шести лет, окончила Колумбийскую школу права. Дочь немецких эмигрантов, она приехала в Америку в четырёхлетнем возрасте и поднялась на вершину своей карьеры. Как отмечали публично, её немецкая фамилия буквально означала «гвозди» — то есть «крепкий орешек».

С непроницаемым взглядом и вежливой дипломатичной манерой она часто усыпляла

бдительность оппонентов, прежде чем расправиться с ними. Даже её повседневный наряд казался рассчитанным на то, чтобы приуменьшить её влияние — простые чёрные костюмы, удобная обувь и очки на цепочке, больше подобающие библиотекарю, чем дипломату. Её чёрные волосы были уложены ровной чёлкой, а макияж практически отсутствовал.

«Майкл», — сказала она, закрывая ноутбук. «Чем могу помочь?»

Харрис вошёл и остановился перед её столом. «Мэм, боюсь, я больше не могу продолжать неофициальный проект, который вы мне поручили».

«Да?». Нагель сняла очки и жестом предложила ему сесть. «В чём проблема?» Харрис прочистил горло и присел. «Как я уже докладывал, мэм, Саша Весна — наивная молодая женщина, с которой в детстве ужасно обращались, и она просто пытается жить нормальной жизнью. Мне больше нечего узнать. На данном этапе я считаю, что продолжать врать ей — это, ну… морально неправильно». Он не позволил их отношениям стать слишком близкими, но Харрис чувствовал, как Саша открывает ему сердце.

«Понятно», — сказала Нагель. «На мгновение я подумала, что ты скажешь *опасно*.

Надеюсь, ты понимаешь, будь это опасно, я бы немедленно тебя отозвала».

Харрис верил ей. Нагель управляла посольством железной рукой, но по-прежнему заботилась о своих подчинённых. «Нет, мэм», — заверил он её. «Я не вижу опасности. Проблема в том, что Саша *действительно* привязывается. *С этической точки зрения* это кажется мне…»

«Нечестным?» Посол выглядела почти развлечённой. «Должна сказать, Майкл, мне кажется ироничным, что ты прикрываешься *моралью*, объясняя, почему хочешь прекратить встречи с Сашей.»

«Простите?»

Посол встала и подошла к мини-бару в углу кабинета. Молча налив стакан минеральной воды «Винцентка», она вернулась и протянула его ему. Затем села за стол, подняв на него взгляд.

«Я подозреваю, — сказала она, — что *настоящая* причина, по которой ты хочешь прекратить общение с Сашей Весной, — это страх, что мой PR-агент, госпожа Данек, застукает тебя с другой женщиной.»

Харрис старался сохранять непроницаемое лицо, но чувствовал, как его уверенность тает. *Она знает про Дана?!* Вся моральная высота, на кото-

рую он рассчитывал, мгновенно испарилась.

«Надеюсь, ты в курсе, — продолжила Нагель, — что в этом посольстве действует принцип нулевой терпимости к служебным романам.» Она сделала паузу, будто только что вспомнила. «Ах да, ты же знаком с этим правилом… Ты сам помогал его *составлять*.»

Чёрт.

«Расслабься, — спокойно сказала Нагель, — я не собираюсь тебя увольнять.

Просто использую твою слабость на благо страны.»

«Что за эвфемизм для слова «шантаж», — выдавил он.

«Ты же юрист, Майкл, так что считай это эффективными переговорами. И поверь, я не стала бы давить на тебя, если бы на меня самого не давило начальство.»

«С позволения, мэм, мне трудно поверить, что наш президент обеспокоен русской девушкой с эпилепсией и двумя котами по имени Гарри и Салли.»

«Во-первых, Белый дом — не единственная влиятельная структура, перед которой я отчитываюсь. Во-вторых, начальство не стало объяснять, чем именно их заинтересовала Саша Весна, лишь

потребовало докладывать, какие тайны она доверяет тем, кому доверяет.»

«У Саши нет никаких тайн! — настаивал Харрис. — Она открытая книга, которая просто рада общению.»

«Именно. И *ты* теперь занял эту позицию, что очень ценно. Продолжай её разговаривать. А я притворюсь, что не знаю про твои отношения с Даной, и скажу начальству увеличить твоё вознаграждение за этот спецпроект вдвое.»

Харрис остолбенел. Его доплата и так была более чем щедрой. *Кому так важно следить за Сашей Весной? И зачем?*

«И Майкл, — добавила она, — если в этом проекте тебе покажется хоть *малейшая* опасность, сразу скажи — я всё остановлю.» Она пристально посмотрела ему в глаза. «Договорились?»

Харрис взглянул на её протянутую руку, поражённый тем, как легко она поставила ему мат. Несмотря на внутренние сомнения, он понимал: если не он, кто-то *другой* может принять более жёсткие меры. *Саша не заслуживает этого*. Он пожал руку посла.

В последующие недели их отношения с Сашей переросли в неловкий физический роман. К счастью, Саша была совершенно неопытна, и Харрис

настоял на крайне медленном развитии событий. Пока максимум их близости сводился к объятиям в её постели, почти полностью одетыми, под старые американские ромкомы, пока они оба не засыпали.

Теперь, мчась на север к встрече с Сашей и Лэнгдоном, Харрис обдумывал всё, что узнал утром от посла. Масштабы операции в Праге превосходили его самые смелые фантазии. Даже без деталей он понимал, что ввязался во что-то слишком серьёзное.

Пора сворачиваться.

Приближаясь к Старому городу, Харрис дал себе торжественный обет.

Неважно, какие будут последствия, это моя последняя встреча с Сашей Весной… в жизни.

ГЛАВА 43

Роберт Лэнгдон нервно расхаживал по маленькой кухне Саши Весны, его промокшие носки оставляли мокрые следы на кафельном полу.

Этого не может быть.

Он снова взглянул на записку, которая несколькими минутами ранее появилась у двери Саши.

Нацарапанное от руки послание перевернуло его мир с ног на голову. Кэтрин у меня.

Приходи в Петршинскую башню.

Его ум лихорадочно искал ответы на мучительные вопросы.

Кто ты? Что ты с ней сделал? Почему Петршинская башня?

Стоявшая на вершине густого леса шестидесятиметровая Петршинская башня находилась недалеко от центра Праги. Мрачные легенды о девственных жертвоприношениях в этом лесу не помогали унять нервы.

Лэнгдон не мог придумать ни одной причины, по кто-либо мог бы похитить Кэтрин Соломон. *Приходи в Петршинскую башню… зачем?*

«Нас, должно быть, выследили, — испуганно сказала Саша. — Может, на стоянке такси? Это

могло быть ÚZSI, но—"

«С какой стати ÚZSI *похитили бы* Кэтрин?!»

«Не знаю». Саша выглядела растерянной. «Майкл будет знать, что...»

«Я не могу ждать Майкла, — перебил Лэнгдон, устремляясь в коридор за своими ботинками. — Мне нужно идти *немедленно*». *Кэтрин в опасности. Я должен добраться туда как можно скорее.* Надевая промокшие носки на ноги и засовывая их в мокасины, он увидел, как Саша открыла шкаф в прихожей и потянулась за своим пальто.

«Нет, Саша, — возразил он, — лучшее, что ты можешь сделать, — остаться здесь, встретиться с Майклом, поехать с ним в посольство США и рассказать им все, что знаешь. *Все.* Включая историю с Бригитой, агентом ÚZSI, эту записку, мой поход в Петршинскую башню, вообще все.»

Лэнгдон уже видел, на что способна темпераментная Саша в порыве ярости, и ему не хотелось появляться у Петршинской башни с непредсказуемым человеком.

«Ладно, — сказала она, залезая в сумочку. — Но если идешь один, возьми хотя бы *это*». Она вытащила оружие Павла.

Лэнгдон инстинктивно отпрянул. Оружие все-

гда вызывало у него неприязнь, да и конфликтов он повидал достаточно, чтобы понимать: не стоит таскать пистолет без особой нужды. У него не было ни малейшего желания разгуливать по Праге с похищенным пистолетом ÚZSI, тем более что переносить его он мог разве что за штанами — метод, который в кино всегда казался ему безумно опасным.

«Я предпочел бы, чтобы он остался у *тебя*, — сказал он. — Очевидно, автор послания знает, где ты живешь. Спрячь его в кухонный шкаф… и если вдруг понадобится, ты будешь знать, где он.»

Саша на мгновение задумалась, затем кивнула. «Хорошо, но *это* тебе стоит взять». Она подошла к вешалке и сняла с нее пластиковый брелок с ключом. «Запасной ключ. Если тебе с Кэтрин понадобится безопасное место или убежище, приходи *сюда*. Не знаю, что посоветует Майкл, и нас может не быть дома, но ты сможешь попасть внутрь.»

«Спасибо», — сказал Лэнгдон, сомневаясь, что вернется. Тем не менее он принял подарок, заметив, что на брелоке изображена раскинувшаяся пластиковая кошка с надписью «Crazy Kitten». Он сунул брелок в карман. «Я найду телефон и позвоню тебе, как только узнаю, что происходит.»

«Тебе понадобится мой номер.»

«У меня есть номер мобильного Майкла.»

Она удивилась. «Он дал тебе свой личный номер?»

«Я видел, как ты набирала его в машине», — сказал Лэнгдон. «И ты запомнил его?»

«Странный мозг, — ответил Лэнгдон. — Я ничего не забываю.»

«Должно быть, это прекрасно, — сказала она. — У меня обратная проблема. Я не могу запоминать. Воспоминания путаются… много пробелов.»

«Из-за эпилепсии?»

«Да, но Бригита работала со мной над этим…»

Лэнгдон ободряюще улыбнулся. «Похоже, доктор Гесснер очень тебе помогала.» «Она спасла мне жизнь». Саша выглядела грустной. «Надеюсь, я не забуду и *её*». «Ты не забудешь, — заверил он ее, берясь за дверь. — Но поверь мне, помнить *все* — не всегда благословение.»

ГЛАВА 44

С того момента, как Джонаса Фокмана затолкали в этот фургон, он пытался справляться со страхом, прикидываясь легкомысленным, но становилось трудно сохранять эту маску перед лицом зловещего ощущения, что его сейчас похитят и увезут в Прагу. Рев реактивного двигателя поблизости, помноженный на полную потерю чувствительности в руках, доводил его до грани паники.

«Я скажу пилотам, что мы готовы, — сказал «Базкат» напарнику. — Потом загрузим его». Он открыл раздвижную дверь и вышел, оставив её широко распахнутой в наказание за дерзость Фокмана.

«Тут чертовски холодно...» — пожаловался Фокман второму охраннику. Тот не ответил.

Вой реактивных двигателей стал намного громче, и Фокман наконец смог рассмотреть обстановку. Фургон стоял на какой-то лесной служебной дороге позади белого здания, находившегося не дальше пары сотен ярдов. Фокман представлял себя на секретной авиабазе перед посадкой в военный транспорт, однако светяща-

яся вывеска на здании говорила совсем о другом.

Signature Aviation / Тетерборо

Чёрт возьми. Я в Джерси?!

Signature — популярный терминал для частных джетов в аэропорту Тетерборо, Нью-Джерси. Всего в двадцати минутах от Манхэттена, этот роскошный FBO (Fixed Base Operator) служит хаосом для богатых жителей города, стремившихся улететь в деловые поездки или уединённые курортные домики на склонах Аспена или пляжах Уэст-Палм.

На мгновение Фокман почувствовал облегчение, что находится не на военной базе, но затем, по мере осознания правды, задумался — возможно, здесь всё ещё хуже. У военных, по крайней мере, есть регламент, а Фокман — гражданский США. Если эти головорезы — наёмники, работающие на какого-то богатого международного «неважно-кого», тогда никакие правила их не ограничивают.

Они могут вывезти меня из страны… и никто даже не узнает, что я исчез!

Новый порыв зимнего ветра ворвался в фургон. Человек спереди отложил ноутбук, пролез между сиденьями и захлопнул раздвижную дверь. «Ты прав, приятель, тут холодно».

У этого мужчины, в отличие от «Базката», были более мягкие черты лица и азиатские корни, однако, как и напарник, он выглядел по-военному подтянутым. «Как руки?» — спросил он.

«Честно? Если это продолжится, кажется, я их лишусь».

«Дай взглянуть». Он подобрался сзади к Фокману и осмотрел кисти. «Да. Нехорошо». Он достал армейский нож. «Не шевелись. Я освобожу тебя и наложу менее тугую связку, о'кей?».

Фокман кивнул, мысли его крутились вокруг только что увиденного за дверью.

«Никакой самодеятельности и не дури мне голову, — предупредил мужчина. — Помни, нож у меня».

«Понял».

Через мгновение руки Фокмана освободились. Он осторожно перевёл их вперед и пошевелил пальцами, пытаясь восстановить кровообращение.

Сторож развернулся, сел на ящик и держал нож наготове.

«Даю тебе шестьдесят секунд», — сказал он.

«Спасибо». Фокман скривился, когда в запястья и пальцы вонзились мучительные иглы возвращающейся чувствительности.

«Извини за напарника, — произнес мужчина. — Ожер бывает немного… *неумеренным.*»

«Правильный литературный термин — «засранец», — ответил Фокман. Мужчина рассмеялся.

Они сидели молча, пока Фокман разминал кисти. Пальцы ног тоже онемели; кроссовки, в которых он выбежал из офиса, совсем не согревали.

«Не хочешь надеть куртку обратно, — спросил сторож, — перед тем, как я свяжу запястья?».

Фокман взглянул на валявшуюся на полу куртку. *Ещё бы!*

Полувстав, полупригнувшись он неловко просунул ноющие руки в рукава и с наслаждением почувствовал тепло. Попытался застегнуть пуговицы, но оттаявшие пальцы не слушались. «Поможешь?» — спросил он, глядя на похитителя с ножом, сидевшего на ящике.

Тот покачал головой. «И выпустить оружие? Прости, приятель, не верю я тебе».

«Ты сильно преувеличиваешь мой геройский потенциал», — сказал Фокман, укутываясь в куртку. К его удовольствию, в кармане был телефон — именно там, где он его оставил.

«Ладно, — произнёс сторож. — Давай снова тебя зафиксируем».

«Можешь дать ещё минуту? Руки просто адски болят».

«Сейчас же», — приказал мужчина. — Поворачивайся».

Фокман повиновался, развернувшись на 180 градусов спиной к передней части фургона. В этом положении он отчётливо увидел через окно в задней двери здание Signature Aviation и парковку, где на холостых оборотах стоял внедорожник. Из выхлопной трубы валил густой дым, растворяясь в холодном утреннем воздухе. Дверь со стороны водителя была открыта, но сиденье пустовало — судя по всему, он находился внутри терминала.

«Пока оставлю не туго», — сказал мужчина, перевязывая запястья. — «Но когда вернётся напарник, придётся затянуть».

«Спасибо».

Закончив, сторож отошел, и Фокман слегка повернул запястья, удивившись, насколько свободны стяжки — можно было запросто высвободиться.

«Сейчас вернусь — нужник зовёт», — объявил мужчина, выходя через боковую дверь и закрывая её. Фокман повернулся и сквозь лобовое стекло наблюдал, как тот проходит перед фургоном,

заходит в лес на несколько ярдов и расстёгивает ремень.

Он начал мочиться на дерево.

Поскольку Фокман редактировал все книги Лэнгдона о символах, знаках и скрытых смыслах, он не сомневался, как профессор классифицировал бы этот момент.

Геральдический знак.

Фокман назвал бы его менее поэтично.

Мой последний чертов шанс.

Попытка сбежать от вооружённых людей была сродни безумию... но не такому, как позволить увезти себя в другую страну без сопротивления. В худшем случае его поймают и всё равно загрузят в самолёт.

Через лобовое стекло Фокман видел, что мужчина всё ещё справляет нужду.

Если начал, сложно остановиться.

А пока не остановился, сложно бежать.

Фокман мгновенно принял решение, мысленно поблагодарив бесчисленные часы пробежек в Центральном парке. *Если выстрелят... я буду двигающейся мишенью.* Он быстро высвободился из связки и проверил, не смотрит ли сторож.

Поехали...

Он схватился за ручку задней двери, нажал и

бесшумно распахнул её. Затем он присел и резко выпрыгнул. Как только его ноги коснулись земли, он рванул с места в карьер по подъездной дороге, превозмогая боль в сведённых судорогой мышцах. Он был опытным бегуном, и его ноги легко выдержали внезапную нагрузку. Шерстяное пальто развевалось за ним, пока он набирал скорость, устремив взгляд на внедорожник с работающим двигателем вдали.

Фокман оглянулся и увидел, что его похититель неуклюже застёгивает ширинку, пытаясь пуститься в погоню. *Не догонит,* — мелькнуло у него в голове, и он почувствовал ветер на лице.

Преследователь что-то кричал, когда Фокман приблизился к внедорожнику.

Раздался выстрел, и пуля прожужжала у самого уха Фокмана.

Чёрт возьми!

Фокман добежал до внедорожника, в прыжке рухнул на водительское сиденье, захлопнул дверь и рывком включил передачу. Он вдавил педаль газа в пол, машина рванула с визгом шин, перескочила через бордюр и, вильнув задком, выскочила со стоянки на Индастриал-авеню.

Удирая от Signature Aviation и своих похитителей, Фокман выхватил телефон из кармана

пальто, поднёс к лицу и крикнул: «Эй, Сири! Позвони Роберту Лэндону!»

◆ •• ◆

В сотне ярдов оперативник по имени Чинбург прекратил погоню, спокойно застегнул ширинку и наблюдал, как внедорожник исчезает в ночи. Когда машина скрылась из виду, он направился обратно к фургону.

«Чисто», — доложил он.

Его напарник с ёжиком, Ожер, вышел из укрытия. «Телефон?»

«Всё согласно плану. Он забрал его.»

«Хорошая работа.»

Несмотря на многолетний опыт редактора триллеров, их пленник клюнул на простейший следственный приём — «Беглеца».

Поставь человека на грань смерти, дай ему шанс — и он непременно сделает очевидное: побежит.

Никакого самолёта в Прагу не было. Они просто поставили фургон на подъездной дороге у Teterboro's Signature Aviation, подсадили третьего оперативника под видом водителя и создали иллюзию идеального момента для побега.

Фокман клюнул... а в его машине стоит ма-

ячок.

Иногда перед побегом они устанавливали жучка на цель, но с Фокманом это было лишним — он и так нёс мощную двустороннюю радиостанцию с GPS: свой смартфон. Пока Фокман был в повязке, оперативники достали телефон из его пальто, подключили к ноутбуку, взломали пароль, загрузили специальное ПО и вернули телефон на место.

«Пошли сигналы», — объявил Чинбург, его лицо освещал экран iPad с полным интерфейсом слежки за телефоном Фокмана — геолокация, переписка, звонки и передача данных.

В динамике iPad раздался голос Фокмана, оставлявшего голосовое сообщение.

«Роберт, это Джонас... срочно перезвони! Ты в опасности — и Кэтрин тоже. Звучит безумно, но кто-то взломал наш сервер и удалил её рукопись... пока не знаю зачем. Меня буквально похитили на улице у офиса. Я сейчас позвоню Кэтрин, но тебе лучше оставаться на месте. Ни с кем не контактируй!»

Связь прервалась, и сразу же пошёл новый вызов.

На этот раз на автоответчик Кэтрин. Фокман, захлёбываясь, оставил похожее сообщение, но с

одной добавкой.

«Кэтрин, — говорил Фокман, — эти типы утверждают, что ты распечатала рукопись сегодня утром? Если так, спрячь её в надёжное место — это наш последний экземпляр! Все остальные исчезли... в буквальном смысле. Перезвони, как получишь это.»

Звонок завершился.

«Бонусная информация», — самодовольно сказал Ожер. «Подтверждение, что пражская рукопись — *единственная* уцелевшая.»

«Финч будет доволен», — Чинбург достал телефон. «Сообщу ему.»

ГЛАВА 45

Голова лейтенанта Павла еще пульсировала от удара огнетушителем, но эта боль была ничтожна по сравнению с тем, что он чувствовал, увидев на дне ущелья бездыханное тело своего дяди. Атташе посольства Майкл Харрис считал, что капитан прыгнул сам, но Павел знал правду.

Яначек не был трусом... Он не из тех, кто сдается. Его убили... И я знаю, кто это сделал.

Список преступлений Роберта Лэнгдона против ÚZSI стремительно рос после его выпада в отеле — сопротивление аресту, нападение на офицера, кража оружия ÚZSI, а теперь, если верить следам на обрыве, убийство капитана Яначека и бегство с места преступления.

Оставшись один в бастионе, Павел восстанавливал силы на роскошном диване в приемной Гесснер. Харрис дал ему пакет со льдом, велел не двигаться и отправился в посольство США, пообещав немедленно сообщить в штаб ÚZSI о смерти Яначека.

Это не было случайностью, знал Павел.

Он также знал, что Харрис врет; у атташе и в мыслях не было звонить. Он просто тянул время,

чтобы посольство успело придумать свою версию, прежде чем ÚZSI узнает о смерти Яначека.

Павел уже достал телефон, чтобы позвонить самому, но, подумав, заколебался. Он не сомневался, что арест видного американца закончится, как всегда — раздражающе предсказуемо — вмешательством посольства США, которое возьмет дело под контроль и найдет лазейку, чтобы оставить ÚZSI с носом.

«Око за око», — громко сказал Павел, зная, как бы поступил на месте покойного капитана. *Зуб за зуб.*

Пока никто не знал о смерти Яначека, а значит, у Павла был небольшой шанс самому разобраться с Лэнгдоном. *Но сначала нужно его найти.* Вычислить беглеца в таком большом городе было бы практически невозможно, если бы не один козырь у Павла... который моментально перевернет ситуацию против американца.

Яначек учил меня нарушать правила... импровизировать ради высшего блага.

Формально Павел не имел достаточного звания для задуманного, но у него был личный телефон капитана Яначека, который он нашел на заснеженном обрыве.

Одной маленькой лжи хватит, чтобы все изме-

нить. У Лэнгдона не будет места, где спрятаться.

• •• •

Дана Данек вернулась в свой кабинет в посольстве, все еще кипя от ярости после столкновения в «Four Seasons». Призрачная женщина с Карлова моста до смерти напугала Дану, а это было нелегко.

Она направила мне пистолет прямо в лицо, мать ее!

Ревность Даны превратилась в бурлящую ярость.

Кто, черт возьми, это?

Ответ, как знала Дана, уже ждал ее на компьютере — результаты поиска по лицу, которую она запустила почти час назад со скриншотом с Карлова моста.

Дана поспешила к компьютеру и села. Как и ожидалось, программа завершила анализ.

Дана смотрела на результаты вне доверии.

Должна быть какая-то ошибка...

Поиск завершен

Совпадений: 0

У Даны никогда еще не случалось, чтобы поиск в базе не дал ни одного совпадения. В современном мире оставаться невидимкой, не оставив ни

единого цифрового следа *вовсе*, было физически невозможно.

Единственный способ остаться вне этой базы данных «Эшелон» — «цифровая чистка». Сеть принадлежала и управлялась США, а значит, американские власти могли создавать «невидимых людей», просто ограничивая выдачу результатов для *исключения* лиц, которые предпочитали оставаться незамеченными. Этот метод использовали часто — ради конфиденциальности и безопасности госчиновников, видных бизнесменов и тайных агентов разведки или военных.

Дана вспомнила странный букет из красных, белых и синих тюльпанов, который видела в Королевском люксе. Эти цветы — стандартный приветственный подарок от посла США для VIP-персон, посещающих Прагу, и как PR-менеджер Дана отвечала за их доставку. Проблема была в том, что об *этих* тюльпанах она не слышала.

Неужели посол сама их заказала?

— Мисс Данек! — раздался женский крик из двери.

Дана резко обернулась, сразу узнав голос. — Госпожа посол?! Я как раз...

— Вы были в «Four Seasons»?!

Дана открыла рот, но слова застряли.

— Вы проследовали туда за мистером Харрисом?

— Нет! — выпалила Дана. — Ну, вроде... Я подумала...

— Вы подумали... *что*? — Взгляд посла пронзил ее. Дана уставилась в пол. *Черт.*

— Мисс Данек, *вот* почему не стоит спать с коллегами.

ГЛАВА 46

Пока такси с Лэнгдоном поднималось по поросшему лесом склону к Петршинской башне, он понял, что всё ещё сжимает в руке записку, подсунутую под дверь Саши.

Катерина у меня.

Приходи к Петршинской башне.

Тот, кто оставил послание, явно обладал мрачным чувством символизма: башня стояла на холме, печально известном своей кровавой историей смерти и человеческих жертвоприношений.

В особенности — смертей женщин… от рук фанатиков.

Согласно преданиям, на вершине Петршинского холма некогда стоял жертвенный алтарь, где языческие жрецы сжигали юных девственниц, дабы угодить своим богам. Жертвоприношения продолжались веками, пока христиане не взяли верх, разрушили алтарь и не воздвигли на его месте костёл Святого Лаврентия. Однако и по сей день на Петршинском холме регулярно вспыхивают таинственные пожары, которые некоторые считают делом рук призраков sacrificed женщин,

сотнями блуждающих в этих лесах.

Водитель такси лет сорока с хвостиком ловко лавировал по серпантину Петршинского холма, украдкой поглядывая в зеркало заднего вида на своего пассажира. Мужчина сзади явно нервничал — вытягивал шею и тревожно щурился на вершину башни.

Если боишься высоты, приятель, просто не поднимайся.

Пассажир был высоким темноволосым мужчиной, и хотя его американский акцент и дорогой свитер кричали *«турист»*, в такси он вскочил с такой поспешностью, будто убегал от лесного пожара. Таксист предупредил, что башня в этот час может быть закрыта, да и для холодного ветра он одет слишком легко, но мужчина настоял на своём.

Как знаешь... Клиент есть клиент.

Пока такси карабкалось в гору, водитель весело постукивал по рулю в такт песне, звучавшей из его телефона. Играла его любимая старушка *«Клокочи»*, но когда очередь дошла до нежного соло кларнета, музыка резко прервалась, сменившись серией пронзительных гудков.

«Блин!!» — ругнулся таксист, раздражённый помехой.

Чешские правоохранительные органы внедрили эти раздражающие «общественные оповещения», надеясь на помощь населения в работе местной полиции. Первыми такие сигналы получали сотрудники транспорта, аэропортов и местных больниц.

У меня и своей работы хватает, — проворчал он. Чем ещё вы меня загрузили?!

Раздражало, что большая часть Европы переняла американскую систему «AMBER Alert», несмотря на буквальное значение аббревиатуры: America's Missing: Broadcast Emergency Response («Пропавшие в Америке: Экстренное Радио оповещение»).

Таксист потянулся, чтобы отключить оповещение и вернуться к песне, но мигающий баннер на экране заставил его замереть. Это было синее оповещение — крайне редкое для Праги. Обычно они были жёлтыми или серебряными — с просьбой помочь в поисках пропавшего ребёнка или дезориентированного пожилого человека. Синий цвет означал нечто гораздо более серьёзное — убийство сотрудника правоохранительных органов, а преступник всё ещё был на свободе.

Кто-то убил полицейского в Праге?!

Затем таксист увидел фото подозреваемого.

Этот парень… мой пассажир!

Поражённый, водитель быстро подтвердил догадку взглядом в зеркало. Затем спокойно взял телефон и набрал указанный в оповещении номер, размеренно передавая на чешском информацию ответившему офицеру.

◆ ·· ◆

Голова лейтенанта Павла пульсировала от напряжения, когда он выбежал из Бастиона Распятия и прыгнул за руль служебного седана УЗСИ. Синий сигнал тревоги, отправленный им с телефона Яначека, уже через несколько минут получил отклик — именно на телефон Яначека, как и задумывал Павел.

Ни у кого больше нет полученной мной информации.

Роберт Лэнгдон направлялся к Петршинской башне, и хотя Павел не понимал причин, лучшего места для задержания американца и придумать было нельзя. Окрестности Петршинского холма были обширными и пустынными. И самое главное — в такой ранний зимний час там почти никого не будет.

С удовольствием прикончу Лэнгдона. Нужно лишь оружие.

Павел нашёл пистолет Яначека в бардачке. Засовывая оружие в пустую кобуру, он с наслаждением представлял, как символично будет выстрелить из пистолета капитана и убить хладнокровного убийцу Яначека.

Око за око.

ГЛАВА 47

В 1889 году, посетив Всемирную выставку в Париже и увидев впечатляющую башню Густава Эйфеля, городские власти Праги решили построить свою «миниатюрную» версию. Возведенная на Петршинском холме и завершенная в 1891 году, башня отнюдь не была миниатюрной — её высота достигала 60 метров, а сам холм возвышался более чем на 300 метров над уровнем моря.

Как и её парижский прототип, Петршинская башня была построена из стальных клёпаных балок с открытой решетчатой конструкцией. За исключением разницы в высоте, силуэты башен Парижа и Праги поразительно схожи, а явное отличие лишь в их основании: Эйфелева башня имеет квадратное, а Петршинская — восьмиугольное. Когда такси Лэнгдона наконец подъехало к окруженной лесом парковке у подножия Петршинской башни, он с тревогой оглядел пустынную местность в поисках признаков жизни.

Я держу Кэтрин. Приезжай к Петршинской башне.

Лэнгдон быстро расплатился, включив щедрые чаевые, и попросил водителя подождать. Таксист что-то пробормотал по-чешски, явно напряженный, и рванул с места, едва Лэнгдон вышел и закрыл дверь, оставив его одного на ветреной парковке.

Большое спасибо.

Петршинская башня оказалась значительно выше, чем помнил Лэнгдон, и сегодня её силуэт, казалось, качался на фоне серого неба. Усыпанный снегом лес вокруг башни выглядел тихим и величественным, лишь несколько работников и служащих начинали свой день. Лэнгдон не видел ни Кэтрин, ни кого-то подозрительного. Пытаясь не думать о мрачной истории холма, связанной с человеческими жертвоприношениями, он быстро направился к башне, сжимаясь от боли в груди при мысли, что Кэтрин, возможно, находится где-то наверху… и жива.

У основания Петршинской башни располагался туристический центр — низкое восьмиугольное здание, гармонично вписанное между восемью массивными опорами. Крыша здания была покатой, а от неё вверх поднималась узкая шахта, ведущая к вершине башни. *Крошечный лифт*, вспомнил Лэнгдон. Второй вариант — крутая от-

крытая лестница, спиралью обвивающая шахту до самого верха. Ни тот, ни другой способ подъема не выглядели особенно привлекательными.

Подойдя ближе, он услышал скрежет лифтовых механизмов и металлический лязг — кабина поднималась по шахте.

Кто-то едет наверх, с надеждой подумал он. Кэтрин?

Он вбежал в зал для посетителей, восьмиугольное помещение, украшенное историческими фотографиями строительства башни. Зал был пуст, если не считать молодую сотрудницу, которая распаковывала коробки с пражскими сувенирами.

«Dobré ráno!» — весело поздоровалась она. — «Доброе утро!»

— Доброе утро, — ответил Лэнгдон. — Башня открыта?

— Только что, — ответила она. — Наверху всего два человека. Вам нужен билет?

Пульс Лэнгдона участился. *Два человека.* Он не мог не подумать, что это могли быть Кэтрин и её похититель. *Мне нужно подняться наверх?* Записка не была конкретной, но Лэнгдон не собирался рисковать. Мысль о том, что Кэтрин находится в руках какого-то безумца на открытой смотровой

площадке сотни футов над землей, наполняла его ужасом.

Лэнгдон купил билет и стал ждать у дверей лифта. Где-то над ним вагон с грохотом спускался с верхнего уровня. Когда двери наконец со скрипом открылись, перед Лэнгдоном предстала крохотная кабинка причудливой формы, которая, казалось, не ремонтировалась с XIX века.

Инстинктивно он перевёл взгляд на ближайшую винтовую лестницу, перекрытую декоративным шнуром и табличкой: ZAVŘENO / ЗАКРЫТО. Другой знак предупреждал, что 299 ступеней очень крутые.

— Лестница открыта? — спросил Лэнгдон, надеясь, что служащий как раз собирается её открыть и ещё не убрал табличку.

— Закрыто на зиму, — ответила она. — Слишком ветрено… да ещё снег и лёд сегодня!

Великолепно. Неохотно заглянув в тесную кабину лифта, он мысленно услышал три слова.

У меня Кэтрин.

Глубоко вздохнув, Лэнгдон шагнул в лифт. Он нажал кнопку, и двери с визгом закрылись. Пока вагон трясся вверх, он сосредоточился на металлической табличке на стене, где загорались и гаснули красные огоньки, показывая этапы

подъёма.

Чем выше поднимался лифт, тем сильнее Лэнгдон ощущал себя неподготовленным к тому, что или кто мог оказаться наверху. Он задавался вопросом, не был ли глупцом, отказавшись взять пистолет у Саши. *А вдруг похититель вооружён?* Стены лифта, казалось, всё плотнее сжимались вокруг него. Лэнгдон закрыл глаза и начал напевать мелодию кантри-песни «Wide Open Spaces».

Когда лифт наконец замедлился и остановился, Лэнгдон собрался с духом и открыл глаза. Двери с грохотом разъехались, и его мгновенно охватило облегчение от вида открытого пространства, но уже в следующую секунду его сменило разочарование. На вершине башни стояла пара лет двадцати, индийского происхождения, счастливо фотографирующая Прагу.

Кэтрин здесь не было.

Лэнгдон заставил себя сохранять спокойствие; в конце концов, он покинул квартиру Саши сразу после получения записки и прибыл сюда очень быстро. *Я пришёл раньше времени*, решил он, что в некотором смысле могло быть даже лучше. *Я увижу, как они подойдут*, подумал он, направляясь к перилам и вглядываясь в парковку далеко внизу.

Ветер теперь дул ещё сильнее, и покачивание башни лишь усиливало тревожное состояние Лэнгдона. Пока он ходил по узкой смотровой площадке, опоясывающей лифт, он прошёл мимо спускающейся винтовой лестницы, вход на которую был перекрыт табличкой ПРОХОД ЗАПРЕЩЁН и зловещим изображением человека, сдуваемого ветром с башни. *Нет, уж спасибо.*

Лэнгдон нашёл относительно укрытое место для ожидания, откуда открывался вид на леса Петршинского парка. В этом популярном туристическом месте было множество развлечений для детей: секретный сад, верёвочный городок, качели и карусель, которую как раз готовили к открытию. Его взгляд упал на далёкую церковь Святого Лаврентия, где когда-то находился древний языческий жертвенный алтарь, и Лэнгдон снова подумал о слухах про бродячих призраков и убитых девственниц.

Не совсем семейное развлечение, мелькнуло у него в голове, прежде чем он поднял глаза выше, рассматривая классическую панораму Праги… двойные шпили Вышеграда, Пороховую башню, Карлов мост и монументальный собор Святого Вита, окружённый обширными укреплениями Пражского Града.

Кэтрин читала лекцию в этом замке только вчера вечером, и теперь Лэнгдон задумался, не связано ли её похищение с тем, что она сказала тогда… или со своими научными исследованиями. Если это было так, он не имел ни малейшего представления, что именно.

Лэнгдону также пришла в голову другая мысль. Он начал сомневаться в подлинности записки с требованием выкупа за Кэтрин. Что-то в сообщении казалось подозрительным. *Кто ты? Почему Петршинская башня?* Всё это не имело никакого рационального смысла, и было похоже, что записка — часть какого-то странного плана.

— Сэр? — прозвучал за его спиной голос.

Лэнгдон обернулся и увидел молодую пару индийцев. Женщина улыбалась и протягивала ему телефон. — Не могли бы вы нас сфотографировать? Я забыла селфи-палку в отеле.

Молодой человек виновато улыбнулся. — Извините. Это наш медовый месяц в Инстаграме.

Лэнгдон взял себя в руки. — Конечно.

Женщина поставила мужа у перил, встала рядом и дала Лэнгдону знак начинать. Сделав несколько снимков, он уже собирался вернуть телефон, но та попросила продолжить, пока они примеряли разные позы и выражения.

— У неё много подписчиков, — пробормотал мужчина, явно смущённый.

Бессмертие через славу, размышлял Лэнгдон, фотографируя, вспоминая, что Шекспир, Гомер и Гораций считали уникальное человеческое желание быть «известным» симптомом другого уникального качества — страха смерти. Значит, слава — это своего рода вечная жизнь.

— Кажется, хватит! — протянула руку за телефоном женщина. — Дайте мне проверить!

Лэнгдон вернул ей устройство, заметив множество красных уведомлений во всех социальных сетях. *Новый показатель популярности. Цифровые аплодисменты.*

Она пролистала фото, кивая. — Они идеальны! — восторженно сказала она. — Спасибо!

Лэнгдон выдавил улыбку. — Поздравляю.

Молодожёны направились к лифту, проведя здесь ровно столько времени, чтобы сделать фотографии, и теперь, скорее всего, отправились к следующей точке для селфи. Порой Лэнгдону казалось, что единственная причина что-то *делать*— опубликовать это на всеобщее обозрение.

Когда двери лифта с шумом разъехались, Лэнгдона осенила мысль. — Прошу прощения, — окликнул он пару. — Могу я попросить об одной

услуге?

Они замерли в дверях, удерживая их открытыми, и обернулись.

— Я должен был здесь встретиться с одной женщиной, — сказал Лэнгдон. — Но она не пришла. Сегодня утром я потерял телефон и хотел бы позвонить ей с вашего.

Женщина посмотрела на него, будто он попросил подержать её новорождённого, но после подталкивания мужа неохотно протянула телефон.

Под бдительным взглядом пары Лэнгдон быстро набрал номер, который не раз видел на стойке регистрации Four Seasons, и на первом же гудке услышал знакомый голос менеджера отеля.

— Спасибо, что позвонили в Four...

— Доброе утро, — перебил Лэнгдон. — Говорит Роберт Лэнгдон. Мне нужно срочно переговорить с Кэтрин Соломон. Это важно.

— О, здравствуйте, профессор. — Энтузиазм менеджера резко пропал. — Доктор Соломон, кажется, не в отеле. Она ушла сегодня утром, когда вы… плавали.

— Она не вернулась?

— Я её не видел, сэр. Попробую соединить с вашим номером.

Когда трубка в их номере зазвонила без ответа, Лэнгдону пришлось признать пугающую реальность: Кэтрин, возможно, не возвращалась сегодня в отель. *Так где же она?!*Пока он пытался представить её возможное местоположение, его осенила странная мысль.

Не могу поверить, что не догадался раньше…

Гудки продолжались, а пара индийцев выглядела всё более нетерпеливой — они всё ещё держали дверь лифта и ждали.

— Дорогая! — вдруг воскликнул Лэнгдон, делая вид, что кто-то ответил. — Где *ты*?! Я на Петршинской башне, и... Он замолчал, будто прислушиваясь, затем драматично ахнул. — Что?! Повтори… Говори медленнее…

Мимикой показав, что ему нужно уединиться, Лэнгдон повернулся к ним спиной, отошёл за шахту лифта и немедленно открыл браузер.

Кэтрин могла пытаться связаться со мной утром…

Он был настолько поглощён утренним хаосом, что не соображал здраво, но красные уведомления от её приложений напомнили ему те же значки на его ноутбуке. *Почта*. В течение многих лет перед этой поездкой они с Кэтрин часто общались именно так. Она называла это старомодным,

но Лэнгдон ненавидел навязчивость сообщений, поэтому они остановились на почте.

Если Кэтрин пыталась дозвониться ему утром без ответа, понял он, то скорее всего отправила письмо, которое он мог проверить с ноутбука.

Я даже не проверил почту сегодня!

Лэнгдон быстро зашёл в gmail.com и авторизовался в аккаунте. Входящие стали загружаться, но очень медленно. *Давай же!*

Лифт гудел, явно протестуя против долгого ожидания. Наконец экран обновился, и появился список писем.

У вас 31 непрочитанное сообщение.

Он ругнулся на переполненный почтовый ящик и быстро пробежал по списку входящих от коллег, друзей и рекламы. Чем ближе к концу, тем меньше оставалось надежды.

И тут он её увидел. *Да!*

От: Кэтрин Соломон

Время отправки — 7:42 утра, после её ухода из отеля, но до встречи с Гесснер. Странно — тема письма была пустой.

Сердце бешено колотилось, когда он открыл письмо. Внутри тоже не оказалось текста. *Пусто?* Спустя секунду он заметил значок — в письме было вложение. *Она прислала фото?* Он ткнул

в иконку, курсор завертелся, началась загрузка. Телефон показывал всего одну полоску сигнала.

— Сэр? — раздался резкий голос рядом.

Лэнгдон поднял глаза и увидел молодого человека, обходившего шахту лифта.

— Что вы делаете?! — возмутился тот. — Вы сказали, что вам нужно позвонить! Вы роетесь в её...

— Нет! — перебил Лэнгдон. — Мне нужно проверить одно письмо. Извините, это очень важно. Он показал пустой экран. — Оно просто загружается. Я сразу верну.

— Верните *сейчас же*, сэр, — запальчиво потребовал молодой человек, шагая к нему.

Лифт не прекращал гудеть.

Загружайся, чёрт возьми!

Ветер усилился, и женщина стала звать мужа.

— Сэр! — Мужчина протянул руку, чтобы забрать телефон.

— Пожалуйста… секундочку, — сказал Лэнгдон, пока курсор крутился. — Мне *действительно* нужно посмотреть…

— Немедленно! — потребовал молодой человек. — Вы не имеете прав...

— Вот! — воскликнул Лэнгдон, когда изображение наконец появилось перед ним. Лэнгдон не был уверен, то ли ветер качнул башню, то ли его

колени подкосились, но он почувствовал внезапную потерю равновесия. Изображение на экране было настолько неожиданным, что он никак не мог представить, чтобы Кэтрин прислала ему нечто подобное.

Лэнгдон долго смотрел на странное «послание», позволяя своей эйдетической памяти запечатлеть его. Затем он закрыл браузер и вернул телефон молодому человеку, который выхватил его и сердито зашагал прочь.

Спустя несколько секунд Лэнгдон услышал, как лифт начал спускаться.

ГЛАВА 48

Майкл Харрис стоял у двери квартиры Саши Весны, размышляя, сколько раз он уже оказывался здесь, испытывая стыд, и клялся себе, что *этот* визит станет последним.

Собравшись духом, он громко постучал. Никто не ответил. Он попробовал открыть дверь и обнаружил, что она не заперта.

Неудивительно. Она ждала меня.

— Саша? — позвал он, входя в квартиру. — Я здесь!

Единственными признаками жизни стали Гарри и Салли, медленно вышагивающие к нему по коридору. Харрис зашел внутрь и закрыл дверь, чтобы кошки не убежали.

— Саша? Профессор Лэнгдон? Тишина.

Озадаченный, Харрис двинулся по коридору на кухню. Там его встретили три чашки для чая, а из чайника поднимался пар.

Странно. Они ушли?

Когда он уже собирался повернуть назад, дощатый пол скрипнул у него за спиной, и в спину ударила резкая волна электричества. Парализованный, Харрис рухнул на колени, а затем на

пол.

На несколько секунд его сознание помутнело, в ушах звенело, мышцы не слушались. Приходя в себя, он представил, что кто-то вышел из кухонного чулана и ударил его электрошокером.

Что случилось с Сашей и Лэнгдоном?!

— Са… ша! — попытался крикнуть он, но голос почти не слушался.

— Саша тебя не услышит, — раздался сверху глухой, низкий голос. — Там, где она сейчас, звуки не долетают.

Нет. Прежде чем Харрис успел перевернуться и увидеть нападавшего, он почувствовал, как электроды ударяют в основание черепа.

Горячая волна боли — и мир погрузился в темноту.

◆ ·· ◆

Голем склонился над обездвиженным телом Майкла Харриса, лежавшего лицом вниз на деревянном полу. Разряд электрошокера Vipertek вырубил его. Оседлав мощное тело, Голем присел, достал тяжелый пластиковый пакет, найденный в чулане, и натянул его на голову Харрису. Туго закрутив пакет вокруг шеи, он перекрыл жертве кислород.

Спустя три минуты Голем ослабил хватку.

Он почти не мучился.

Саша оценила бы это. Голем запер ее и намеревался держать взаперти, пока не будет готов к финальному шагу.

Теперь, поднимаясь, он почувствовал, как Эфир сгущается, как часто бывало после значительных усилий. Он быстро достал металлический жезл, который носил с собой всегда.

— *Не сейчас,* — прошептал он, проводя жезлом по макушке. *Не сейчас.*

Эфиру придется подождать. В этом *мире* остались дела. Оставив тело на полу, Голем выбросил пакет в мусорное ведро и подошел к маленькому столику в коридоре, где сел писать.

Единственной бумагой оказался листок с бланка Саши, украшенный котятами. Тем не менее, он написал короткое письмо и запечатал его в соответствующий конверт.

На конверте он размашисто вывел: начальнику Майкла Харриса.

Послу США Хайде Нагель.

Перед уходом Голем бросил конверт на безжизненное тело дипломата. Затем, оставив дверь квартиры Саши незапертой, он отправился домой.

ГЛАВА 49

Оставшись один на вершине Петршинской башни, Лэнгдон ухватился за перила смотровой площадки, пока холодный ветер хлестал по платформе. Хотя его взгляд был устремлен на город, припорошенный снегом, в воображении он видел не Прагу, а снимок, который Кэтрин прислала ему по электронной почте утром. Для Лэнгдона «эйдетическое» воспоминание было неотличимо от реального объекта. Его эйдетическая память позволяла точно и полностью воспроизводить зрительные образы, чье название происходило от греческого слова *eidos*, означающего «видимую форму».

Лэнгдон размышлял над изображением, которое она отправила — похоже, это был скриншот с ее телефона. На экране был загадочный набор из семи светящихся символов.

Лэнгдон сразу узнал древний язык, но не мог

понять, при чем тут телефон Кэтрин. *Она прислала мне что-то на… енохианском?*

Енохианский, часто называемый «ангельским языком», был «открыт» здесь, в Праге, в 1583 году двумя английскими мистиками, Джоном Ди и его партнером Эдвардом Келли. Предполагалось, что на этом языке медиумы могли общаться с духами и получать «мудрость из иного мира».

Единственная причина, по которой Кэтрин знала о его существовании, заключалась в том, что Лэнгдон рассказал ей об этом всего вчера. Гуляя по городу, они увидели афишу выставки под названием *Делаем золото и меняемся женами*, украшенную енохианскими символами. Кэтрин поинтересовалась, что означают эти знаки, и он поведал темную историю об увлечении Ди и Келли алхимией, обменом женами и общением с ангелами на их собственном таинственном языке — енохианском, наречии мира духов.

«Они почти наверняка были парой шарлатанов-авантюристов, — сказал он ей. — Но в те времена их услуги пользовались огромным спросом, даже император Рудольф II нанял их, чтобы они вопрошали ангелов о мудрых политических решениях».

«Наши современные политики пробовали та-

кой способ?» — с улыбкой спросила она.

«Это несложно, — ответил Лэнгдон. — Даже есть специальное приложение для телефона».

«Приложение эпохи Возрождения для общения с духами?!» — Кэтрин расхохоталась.

Лэнгдон взял ее телефон и быстро скачал бесплатное приложение. «Вот, теперь и ты можешь общаться с потусторонним миром».

«Это совершенно абсурдно».

«Абсурдно? — усмехнулся Лэнгдон. — Мы наконец нашли мистическое учение, в которое ты *не* веришь?»

«Очень смешно, профессор».

Лэнгдон поцеловал ее в щеку. «Ты очаровательна, когда скептична».

Теперь, дрожа от холода на вершине Петршинской башни, Лэнгдон предположил, что Кэтрин, должно быть, использовала переводчик енохианского, чтобы создать сообщение, а затем отправила ему скриншот.

Но зачем? Она шутит?

Лэнгдона не забавляла мысль о том, что он читает язык духов, стоя на вершине холма, населенного призраками, в поисках исчезнувшей женщины. Вполне возможно, Кэтрин вовсе не шутила, а закодировала свое сообщение в целях

секретности.

Проблема была в том, что любой, у кого есть словарь энохианского языка или приложение, мог легко его расшифровать.

Лэнгдон удерживал образ в памяти.

Перевод с энохианского на английский, по сути, был до абсурда простой схемой замены. Лэнгдона всегда настораживало подозрительное удобство, что мистический язык, открытый *британским* ясновидящим, оказался побуквенной транслитерацией на *английский.*

Лэнгдон давно запомнил энохианский «ключ», и ему потребовались всего секунды, чтобы выполнить транслитерацию, преобразовав символы в сообщении Кэтрин в английские буквы.

Однако расшифрованный текст оказался бессмысленным.

LXXEDOC

Лэнгдон размышлял над этой наборной цепочкой букв, слегка напоминавшей римскую цифру, за исключением того, что буквы *E* и *O* в этой системе счисления не существовали, а остальные

буквы не шли в правильном порядке.

Что бы Кэтрин ни хотела мне сказать… это не то.

К сожалению, если она ошиблась при переводе, она бы никогда не заподозрила, что ее сообщение неверно, потому что видела бы только символы, которые отправила ему.

Расстроенный, Лэнгдон уставился на лесной пейзаж за окном, пытаясь понять, как действовать дальше. В этот момент с деревьев сорвалась огромная стая птиц, поднявшись единой массой и повернув в один и тот же момент, слаженная, как единое целое.

Вселенная насмехается надо мной, заключил Лэнгдон, наблюдая за аморфным облаком птиц, колеблющимся в небе. Кэтрин изучала синхронные движения скворцов и заявляла, что это явление — научное доказательство незримой связи между живыми существами.

— Разделение — иллюзия, — сказала она Джонасу за обедом в прошлом году, запуская завораживающее видео, где скворцы двигались как один. — Это явление называется синхронизацией поведения, и оно встречается по всей природе.

Она прокрутила несколько видеороликов — километровый косяк синих рыб, поворачивавших

влево и вправо в идеальном ритме; бесконечное стадо мигрирующих газелей, прыгающих и скачущих синхронно; рой светлячков, вспыхивающих и гаснущих одновременно; гнездо с сотнями черепашьих яиц, вылупляющихся в течение секунд друг за другом.

— Невероятно, — сказал Фокман.

— Это никогда не перестает поражать, — ответила Кэтрин. — Некоторые традиционные ученые утверждают, что синхронизация поведения — это просто *иллюзия*... что эти организмы просто *реагируют* друг на друга настолько быстро, что задержка незаметна. Кэтрин пожала плечами. — К сожалению, высокоскоростные камеры, связанные с атомными часами на переднем и заднем концах косяка рыб, показали, что их предполагаемое время реакции быстрее скорости света.

— Ой, — сказал Лэнгдон.

— Именно, — с улыбкой ответила Кэтрин. — В нашей нынешней модели физики и реальности это неприемлемо. Вместо этого я бы сказала, что существует точка зрения, с которой такая синхронизация вовсе не кажется чудом. Если рассматривать стаю скворцов *не* как множество отдельных птиц, а как единый целый организм,

то синхронность становится ожидаемой. Скворцы движутся как один, потому что они *и есть* одно целое… взаимосвязанная система. Нет разделения. Почти как отдельные клетки в вашем теле, формирующие единое целое — вас.

Фокман выглядел заинтригованным.

— Я считаю, что то же самое верно и для каждого из нас, как для человеческих существ, — сказала Кэтрин, и в ее голосе зазвучал восторг. «Мы ошибочно представляем себя изолированными *индивидуумами,* тогда как на самом деле являемся частью гораздо более крупного организма. Одиночество, которое мы ощущаем, возникает от того, что не видим истины — мы интегрированы в единое целое. Раздельность — это наша общая иллюзия.»

Она коснулась планшета. «Хотя не верьте мне на слово. Вот одно из высказываний величайшего ума в истории». На экране появилась новая цитата Альберта Эйнштейна.

Человек — это часть целого, которое мы называем «вселенной»… Он воспринимает себя, свои мысли и чувства как нечто отделённое от остального мира, как своего рода оптический обман сознания. Эта иллюзия — своего рода тюрьма для нас.

«Даже величайший учёный всех времён, — сказала Кэтрин, — утверждал, что наше сознание *обманывает* нас, заставляя видеть разобщённость там, где существует лишь единство.»

Леонардо да Винчи говорил то же самое, вспомнил Лэнгдон. *Пойми, что всё связано со всем остальным.*

«Подобные откровения провозглашались духовными пророками во все эпохи, — продолжила Кэтрин, — но сегодня всё больше квантовых физиков поддерживают идею взаимосвязи всех вещей… и всех людей». Она улыбнулась Фокману. «Признаю, сложно представить нашу связь с миром, который мы не *видим*, но поверьте, будущие поколения поймут это. Однажды мы осознаем, что наше восприятие одиночества в этом мире было величайшей коллективной иллюзией человечества.»

«А твои *эксперименты*? — настаивал Фокман. — Те, о которых ты умалчиваешь? Они подтверждают эту взаимосвязь?»

Кэтрин улыбнулась, её глаза сверкали от возбуждения. «Господа, результаты этих экспериментов не только напомнят нам о нашей взаимосвязи. Они укажут путь к совершенно новому пониманию реальности и человеческого

потенциала.»

В этот момент пронзительный визг вернул Лэнгдона к холодному ветру на вершине Петршинской башни. На мгновение он подумал, что звук исходит от лифта, но вместо этого посмотрел вниз и увидел, как чёрный седан с громким скрежетом тормозит у подножия башни. Автомобиль выглядел зловеще знакомо. Эмблемы на дверях подтвердили это.

ÚZSI.

Лэнгдон не разглядел лицо человека в форме, выпрыгнувшего из машины далеко внизу и уже мчавшегося через парковку к башне. Но его мощное телосложение было не спутать ни с кем.

Как и крупный пистолет, зажатый в руке.

ГЛАВА 50

Лейтенант Павел ворвался в зал для посетителей Петршинской башни с пистолетом уже наготове.

«Где этот американец?!» — крикнул он по-чешски сотруднице за стойкой.

Испуганная женщина отпрянула, выронив стопку брошюр, которые раскладывала в витрине. Она показала наверх в ответ на описание Лэнгдона. «Он поднялся наверх!» — воскликнула она, съёжившись.

Павел услышал, как в шахте задвигался лифт, звук становился громче.

Спускается. Лестница была перекрыта и закрыта. *Отлично.*

Лифт издал сигнал, и Павел расставил ноги, подняв оружие. Когда двери разъехались, он увидел, что нацелился на молодую индийскую пару, которая в ужасе отпрянула при виде его пистолета.

«Вон!» — приказал Павел.

Пока пара поспешно удалялась, Павел ворвался в кабину и нажал единственную доступную кнопку — на верхний этаж. В его руке капитанский

пистолет был заряжен и готов к стрельбе.

Поднимаясь, Павел метался по маленькой кабине, как зверь, пока наконец лифт не остановился и двери не раскрылись, освобождая его наружу. Он выскочил из лифта с поднятым оружием. Держа палец на курке, он резко обернулся влево и вправо, высматривая цель на площадке. *Никого*. Понимая, что Лэнгдон мог быть только в одном месте, Павел рванул по часовой стрелке вокруг шахты лифта на другую сторону башни. Странно, но там он тоже никого не обнаружил. Продолжая движение, он обежал всю небольшую площадку и оказался на том же месте, откуда начал.

Лифт стоял открытым. И пустым. *Куда он, чёрт возьми, подевался?!*Павел остановился, опустив пистолет. Площадка была пуста.

Из-за напряжения пульсирующая боль в голове Павла внезапно усилилась, и вместе с ней накатила новая волна ярости. Завывая, резко дул ветер, но сквозь этот жалобный вой Павел различил ещё что-то — повторяющийся стук где-то под площадкой. На мгновение он подумал, что рабочий стучит по металлу, но звук был слишком учащённым.

И тут Павел заметил.

На верхней ступеньке спиральной лестницы, ведущей вниз, пластиковое «ПРОХОД ЗАКРЫТ» валялось на полу… а на металлических ступенях остались свежие следы.

Плохой ход, профессор.

Павел прыгнул в лифт, когда двери уже начали закрываться. Даже если Лэнгдону удастся совершить опасный спуск, не сорвавшись с перил, внизу ему будет некуда бежать.

• •• •

На шестидесяти футах ниже смотровой площадки Лэнгдон понял, что, возможно, совершил ужасную ошибку. Он мчался вниз по узкой открытой спиральной лестнице на опасно высокой скорости, почти не чувствуя сцепления под твёрдой подошвой своих туфель, которые громко лязгали по обледенелым металлическим ступеням. Где-то над ним лифт уже снова пришёл в движение, с грохотом спускаясь по закрытой шахте, вокруг которой по спирали бежал сам Лэнгдон.

— Быстрее, Роберт.

Руки Лэнгдона быстро коченели, скользя по металлическим перилам с обеих сторон коварной лестницы — единственной опоре на этом опас-

ном спуске. Наверху звук лифта становился все ближе, и Лэнгдон сомневался, успеет ли он добежать до низа. В случае ничьей победа досталась бы Павлу: у лейтенанта было оружие, и Лэнгдон сомневался, что удар по голове добавил Павлу самообладания.

Куда я вообще могу убежать? Он явно не станет церемониться и выстрелит.

Единственное убежище, которое Лэнгдон видел, — это Петршинский парк за зданием. А чтобы добраться до него, нужно было пронестись через здание для посетителей и выбежать раньше, чем откроются двери лифта.

Однако через мгновение он понял, что опоздал.

Пока он спускался по спирали лестницы, шахта лифта рядом с ним содрогнулась от характерного звука — скрежета кабины, проносящейся мимо.

Лейтенант Павла ворвался в здание для посетителей, как бык на арену. Сотрудница и индийская пара сжались в углу.

— *Кде је?!* — рявкнул Павел. — Американец! Где? Испуганная сотрудница покачала головой и развела руками. *Хорошо, подумал Павел. Ты всё*

ещё наверху.

Он встал внизу спиральной лестницы и наставил оружие в пустоту, ожидая появления Лэнгдона. Однако через десять секунд осознал, что наверху *слишком* тихо. Стук шагов Лэнгдона прекратился.

Гробовая тишина.

И тут... раздался глухой удар прямо над головой.

• •• •

Лэнгдон жёстче, чем ожидал, приземлился на крышу здания для посетителей. Прервав спуск там, где лестница выходила на крышу, он ухватился за перила, закинул ноги вверх и влево, перелетел через низкое ограждение и не очень грациозно приземлился на покатую кровлю.

Перекатившись на живот, он скатился к краю, спустил ноги в желоб и прыгнул на землю с тыльной стороны здания. Лэнгдон предполагал, что его любительские акробатические трюки не остались незамеченными внутри, и, не теряя времени, ринулся в лес, удаляясь от башни как можно быстрее.

Не успел он отбежать и на тридцать ярдов, как услышал крики Павла и звуки его шагов по

заснеженному лесу. *Это было быстро*. Лэнгдон надеялся на большее преимущество. Ещё он пожалел, что на нём были ботинки Tod's, а не Nike.

Неслось между деревьев, Лэнгдон испытывал тревожное ощущение, что Петршинская башня была ловушкой. Спустя несколько минут после его приезда появился ÚZSI. Может, ту записку оставил Павел? *Он пытался изолировать меня, чтобы застрелить? Кто-то действительно хочет моей смерти?!*

У меня Катерина. Приходи в Петршинскую башню.

Очевидно, Кэтрин здесь не было, да и вряд ли она тут вообще появлялась.

Ничто не имело смысла — включая её письмо на енохианском.

LXXEDOC?

Что она пытается мне сказать?!

Впереди показалась поляна с несколькими аттракционами парка — каруселью, конюшней, розарием, часовней. Вырвавшись из леса, он выбежал на гравийную площадку, радуясь твёрдой почве, хоть и слышал тяжёлые шаги преследователя за спиной.

Лэнгдон промчался мимо конюшни и сада к часовне, чья крыша-бельведер исторически

символизировала «убежище», однако висящий на двери замок говорил об обратном. Не сбавляя шага, он окинул площадь взглядом в поисках убежища. Впереди виднелись три здания, и решение пришло мгновенно.

Первые две постройки наверняка были заперты в этот час — Часовня Кальвари и Церковь Святого Лаврентия, оба здания являлись частью программы обращения этого языческого холма в христианство. Третье сооружение представляло собой безвкусный ярко-желтый замок из сказки, чьи бутафорские башенки украшали разноцветные гербовые знамена на зубчатых крепостных стенах. За поддельным подъемным мостом человек в средневековом костюме как раз поднимал железные ворота, видимо, открывая замок для посетителей. Над входом висел транспарант с надписью: VÍTEJTE/ ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ.

Иногда Вселенная указывает путь, подумал Лэнгдон.

Был ли этот знак божественным подталкиванием в верном направлении или нет, Лэнгдону не оставалось иного выбора, кроме как спрятаться. Быстрый взгляд через плечо подтвердил, что Павел уже вышел из леса на дальнем конце площади и, кажется, сокращал расстояние.

Собравшись с силами, Лэнгдон рванул через бутафорский подъемный мост, мимо ошарашенного служителя, врезавшись в небольшую приемную, где в пустой кассе висела табличка:

ZRCADLOVÉ BLUDIŠTĚ

Лэнгдон не понимал значения этих слов, но это не имело значения; в приемной имелся лишь один турникет, перекрывающий, по-видимому, единственный вход в замок — узкую арку, ведущую в темный коридор.

Прости меня, Золушка, подумал Лэнгдон, перепрыгнув через турникет и ринувшись в проем. Он помчался по каменному коридору, резко свернул налево и ворвался в сверкающую шестигранную комнату. Лэнгдон резко остановился, потрясенный тем, что увидел вокруг.

Что за?!.

Шестеро мужчин стояли по кругу, равномерно распределившись вокруг Лэнгдона, и все пристально смотрели на него.

Что было еще страннее — все шестеро были его отражениями.

Теперь Лэнгдон понял значение ZRCADLOVÉ BLUDIŠTĚи отчаянно пожалел, что сделал другой выбор.

ГЛАВА 51

Фиолетовая подсветка квартиры Голема действовала успокаивающе после жестокого эпизода с убийством Майкла Харриса. Приняв быстрый душ и накинув халат, Голем теперь стоял на коленях в темном святилище перед своей *святыней* — священной комнатой, где он воздвиг алтарь в ее честь.

Дань уважения женщине, для защиты которой я родился.

Стоя на коленях во тьме, он чиркнул спичкой и зажег три вотивных свечи, расставленные среди засушенных цветов на столе. Когда трепещущий свет стал ярче, он поднял глаза к фотографии, висящей над алтарем.

Голем с любовью улыбнулся ее лицу.

Я здесь, чтобы охранять тебя... и при этом ты даже не знаешь меня.

Черты лица женщины нельзя было назвать классически красивыми. У нее были ярко выраженные славянские черты, светлые волосы до плеч и сломанный нос... но Саша Весна была всем миром для Голема.

Я твой защитник, Саша.

Хотя она этого не знала, их души столкнулись много лет назад в российской психиатрической больнице... в момент чудовищного насилия. Саша осталась одна и беззащитна, терпя жестокие удары от злобной ночной сиделки по имени Мальвина, когда Голем появился в палате, больше не в силах смотреть на это издевательство. Охваченный волной праведного гнева, он вмешался, нанеся сокрушительные удары и сломав сиделке шею.

К счастью, Саша была без сознания и так и не узнала, что произошло той ночью. Голем бесшумно растворился во тьме, оставшись незамеченным... но в тот момент их души навсегда переплелись, и он поклялся защищать ее.

Ночь, когда я спас ей жизнь... стала ночью, когда я стал ее защитником.

До этого акта сострадания он был пустым сосудом, призрачным духом. Но в тот миг, словно пронзенный лучом энергии из иного мира, он ощутил начало своей жизни, сразу поняв, кто он и какую мистическую связь имеет с Сашей Весной.

Я её ангел-хранитель.

Она — моё единственное оправдание для жизни, для страданий, для самого существования.

И всё же… она никогда не должна узнать.

До сегодняшнего дня Саша Весна не подозревала, что Голем вообще существует… уж тем более не знала, что он вовлечён в её жизнь, наблюдает из тени, защищая её невинную душу от жестоких ужасов этого мира.

Тело и разум Саши были искалечены Бригитой Гесснер. Майкл Харрис, с другой стороны, предал самое *сердце* Саши — это был самый жестокий обман из всех.

— Майкл… — прошептал Голем всего двадцать минут назад, сжимая шею потерявшего сознание мужчины, плотно затягивая полиэтиленовый пакет на его лице. — *Твое* предательство было самым подлым. Я видел, как ты играл на её одиночестве. Видел, как ты лежал в её объятиях, притворяясь, что любишь её.

Голем безжалостно усилил хватку, чувствуя, как его пальцы впиваются в плоть Харриса.

— Саша будет убита, узнав о твоей смерти, — прошептал он, — но это ничто по сравнению с тем, как она воспримет *правду*… что единственный мужчина, которого она любила, *использовал* её… обманывал… шпионил за ней.

Когда пульс на шее Майкла Харриса стал слабым, Голем по собственному опыту смертей понял: сейчас душа мужчины покинет тело,

зависнет в комнате и станет свидетелем собственной кончины.

Голем поднял глаза к потолку, обращаясь напрямую к Харрису. — Она ещё ребёнок, Майкл… Брошенная родителями… Заточённая в клинику… Заманенная в Прагу монстром. Каждый, кто был в её жизни, предал её… *кроме меня*!

Когда последняя искра жизни покинула тело Харриса, Голем наклонился и холодно прошептал те же слова, которые Саша шептала Майклу, когда он засыпал у неё на руках: —*Спокойной ночи, милый*. Good night, sweetheart.

Эта часть плана Голема завершилась успехом. Майкл Харрис был загнан в ловушку в одиночестве. Саша надёжно заперта. А американский профессор Роберт Лэнгдон был отвлечён. Лэнгдон не заслуживал смерти, но его присутствие в квартире Саши сделало бы убийство Харриса невозможным. И тогда Голем импровизировал, оставив записку у двери Саши, которая заставила Лэнгдона броситься на поиски Кэтрин Соломон.

Конечно, он не найдёт её на Петршинской башне.

Есть все шансы, что он никогда её не найдёт, подумал Голем, вспоминая признание Гесснер прошлой ночью, когда ледяной солевой раствор

жёг её тело.

— Кэтрин даже не подозревает, в какой опасности она находится… — сквозь боль прошептала Гесснер. — Люди, на которых я работаю… они не остановятся ни перед чем, чтобы заставить её молчать.

ГЛАВА 52

Стэдиум MetLife расположен в нескольких милях к югу от аэропорта Тетерборо в ист-Резерфорде (Нью-Джерси) и является одним из самых прибыльных стадионов мира. Домашняя арена для футбольных команд «Нью-Йорк Джайентс» и «Нью-Йорк Джетс» была спроектирована с учетом трансформации — еженедельно здесь меняют баннеры, логотипы на поле и схему освещения, переходя от синих цветов «Джайентс» к зелёным «Джетс» в зависимости от того, какая команда принимает матч.

Сегодня ночью безлюдный стадион, вырисовывавшийся по правую руку от Фокмана, казался ему чужим — потемневший материнский корабль, брошенный посреди бескрайней парковки. Он проверил по зеркалу заднего вида, не преследует ли его кто-то, и, убедившись, что вокруг никого нет, свернул на угнанном внедорожнике с шоссе 17, объехал стадион с тыльной стороны и припарковался на одном из почти тридцати тысяч свободных мест.

Возьми минуту, Джонас. Подумай.

Он мчался на скорости девяносто миль в час,

стискивая руль до белизны в костяшках, и нервы его были натянуты как струна. Эта передышка была более чем кстати, особенно когда тепло от подогрева сиденья наконец начало разливаться по телу.

Оказавшись в полном одиночестве на пустынной парковке, Фокман проверил телефон — Лэнгдон так и не перезвонил. *Он уже должен быть на ногах… в Праге сейчас девять утра.* В истории вызовов не было пропущенных, только несколько звонков с внутреннего номера IT-отдела Penguin Random House — в этот час, предположил Фокман, звонить мог только техник безопасности Алекс.

Фокман нажал кнопку обратного вызова, надеясь, что техник сможет пролить свет на происходящее. Алекс Конан ответил сразу же, с первого гудка.

— Мистер Фокман! Где вы были? Вы в порядке?!

Да мне очень далеко до порядка, парень.

— Я должен вас предупредить, — задыхаясь, продолжил Алекс. — Эти хакеры, которые удалили вашу рукопись… Думаю, они могут быть крайне опасными.

Ты только сейчас догадался? — мысленно процедил Фокман, машинально касаясь ушиб-

ленного живота. — Я пришёл к тому же выводу, Алекс.

— И… Мне очень жаль, что приходится вам это говорить, но… — голос техника дрогнул, и Фокмана охватила тревога.

Что хочешь сказать?

— Я… Кажется, они убили одного из ваших авторов. Редактору хотелось верить, что он ослышался.

Пока молодой техник делился тем, что ему удалось узнать, Фокман слушал в шоке, чувствуя, как подкатывает тошнота.

◆ ·· ◆

В миле от них, отслеживая телефон Фокмана с безопасного расстояния, двое оперативников — Оже и Чинбург — остановились на тихой жилой улице Ист-Резерфорда, рядом со стадионом MetLife. Они прослушивали звонок через iPad.

Услышанное встревожило и их.

Один из американских авторов убит в Праге? Лэнгдон или Соломон? Ясно одно — что-то пошло ужасно не так.

С другой стороны, мистер Финч предельно ясно дал понять: возвращение рукописи Кэтрин Соломон имеет критическую важность. А Финч всегда

добивается своего — любой ценой.

ГЛАВА 53

Исторический зеркальный лабиринт (Zrcadlové Bludiště) в Праге был построен в 1891 году к Юбилейной выставке и по сей день остаётся популярным местом среди туристов и детей. Хотя по современным меркам лабиринт невелик, его всё же легко заблудиться благодаря сбивающей с толку планировке и наклонным зеркальным стенам.

Роберт Лэнгдон застрял уже в первой камере… в окружении испуганных собственных отражений. *Павел прямо за тобой.* Лэнгдону потребовалось мгновение, чтобы заметить: одно отражение чуть меньше остальных. Он рванул к нему — зеркало оказалось в нише, скрывая искусно замаскированный проход. За ним начинался зеркальный коридор, расходившийся в обе стороны.

Налево или направо? — задумался Лэнгдон, всегда ненавидевший слепую рулетку в лабиринтах. По статистике, в право-ориентированном мире при выборе направления большинство поворачивает *направо*, поэтому создатели лабиринтов обычно делают первый правый поворот ложным.

Лэнгдон бросился налево. Бежал, прижимая правую руку к стене, скользя пальцами по зеркалам. *Не отрывай руку от стены.*

Этому трюку он научился в детстве благодаря увлечению греческими мифами и легенде о Критском лабиринте с его Минотавром. Двойной топор *лабри́с* символизировал выбор, и именно множественность вариантов делала лабиринт таким сложным. Но находчивые минойцы облегчили задачу методом «руки на стене»: не раздумывая, нужно просто следовать направлению, куда ведёт контакт с поверхностью. Это не гарантировало *кратчайший* выход, но избавляло от повторных выборов, ускоряя побег… и спасая от смерти в когтях Минотавра.

Достигнув следующего перекрёстка, Лэнгдон — без тени сомнения — продолжил бег с прижатой к зеркалу рукой, мгновенно свернув налево, доверяясь маршруту. Снова и снова он поворачивал, ведя рукой по стенам, углубляясь в лабиринт.

Где-то рядом слышалось тяжёлое дыхание Павла, иногда казалось — лишь в толщину зеркала от него. Лэнгдон двигался как можно тише, сознавая: если начальный выбор поворота налево был ошибкой, метод «руки на стене» приведёт его обратно по этому же коридору в *противопо-*

ложном направлении… прямо навстречу агенту.

Лэнгдон вырвался в просторный зал с искривлёнными, будто в комнате смеха, зеркалами. Некоторые стояли отдельно, нарушая стратегию. Дыхание агента ÚZSI звучало пугающе близко. Осмотрев пространство, Лэнгдон заметил в конце коридора сероватый отсвет. *Дневной свет!* Он оторвал руку от стены и помчался к нему.

Но ему не суждено было пройти.

Справа впереди материализовалась массивная фигура лейтенанта Павла. Их взгляды встретились, и Павел поднял оружие, целясь Лэнгдону прямо в грудь.

— Стойте! — закричал Лэнгдон, резко останавливаясь и вздымая руки к небу. Но Павел нажал на спусковой крючок.

Грянул выстрел. Лэнгдон отшатнулся, ожидая удара, но вместо этого услышал звон разлетающегося стекла. Образ Павла рассыпался у него на глазах.

Где-то рядом Павел взревел от ярости.

Не теряя времени на разгадку запутанной системы зеркал, создавшей иллюзию их встречи лицом к лицу, Лэнгдон рванул вперед. Он вновь устремился к сероватому просвету, едва не врезавшись в очередное зеркало. Теперь он видел,

что настоящий выход — прямо слева, и вырвался туда, прямо в свет.

Удлиняя шаг, он побежал по мощёной дорожке прочь от замка. Сзади послышались выстрелы и звон бьющегося стекла. Три выстрела. Похоже, лейтенант пробивал себе *собственный* выход.

Дорожка вильнула глубже в лес. Лэнгдон промчался мимо нескольких пожилых туристов, поднимающихся в гору. На мгновение ему показалось, что они *взобрались* на Петршин холм, но потом он понял, откуда они появились. Впереди, у круто уходящего вниз рельсового пути, стояло маленькое оштукатуренное здание, рядом с которым накренённый под угрожающим уклоном вниз одинокий вагончик.

Петршинский фуникулёр.

Лэнгдон никогда не пользовался этим подъёмником, но сейчас, кажется, была отличная возможность для первого раза. Двери как раз закрывались, когда он, запыхавшись, юркнул внутрь. Вагон тронулся вниз, и Лэнгдон осознал, что его решение зайти в зеркальный лабиринт, возможно, спасло ему жизнь.

Может, вселенная всё-таки была права.

Голем натянул резиновую шапочку на голову и достал из-под раковины ведро с влажной влтавской глиной. Пробив слой воды, он зачерпнул горсть шелковистой, размокшей массы. С ритуальной тщательностью начал наносить толстый слой на шапочку, затем своё лицо, покрыв всё, кроме глаз.

Только когда маска была готова, он открыл ящик и достал осколок зеркала — единственное зеркало в его доме. С помощью стеки он тщательно вывел на лбу три священные буквы.

Истина.

⊠⊠⊠

В последнее время Голему довелось узнать истины сверх меры.

Он давно подозревал, что Бригита Гесснер не та самоотверженная благодетельница, какой её видела Саша. Желая узнать её получше, Голем устроил слежку за ней, стараясь понять источник её щедрости к Саше.

Что он открыл, оказалось шокирующим.

Он подумывал рассказать всё Саше, но такая правда могла её уничтожить.

Саше отчаянно нужен наставник... Кто-то, в

кого можно верить.

Правда о Майкле Харрисе была ещё хуже. Голем видел, как тот рассчитывающе ухаживал за Сашей, и сразу раскусил его. Но наивная Саша не понимала, что такой мужчина, как Харрис, не выбрал бы её.

Теперь их предательство оплачено.

Проверяя глину вокруг рта и ноздрей, Голем с наслаждением вспоминал вчерашнюю встречу с Гесснер. Он преследовал её — на лекцию Кэтрин Соломон, потом в бар Four Seasons и, наконец, в её лабораторию... где жестоко расправился с ней и применил ошеломительно эффективную импровизированную технику допроса.

Вынужденное признание Гесснер заполнило пробелы в его понимании... и предательства оказались ещё более чудовищными, чем предполагал Голем. Она раскрыла личности своих влиятельных соучастников, а также леденящие детали того, что они построили под Прагой.

Threshold. («Порог»)

Голем был в ярости. Покинув её лабораторию, он немедленно начал планировать. Главой змеи оказался американец по имени Финч, которому Гесснер подчинялась напрямую. Финч действовал из безопасного офиса в Лондоне и

перемещался по всему миру.

Сначала я уничтожу твоё творение в Праге… а потом с наслаждением начну охоту за тобой, где бы ты ни скрывался.

Гесснер выдала местонахождение подземного объекта, но, к сожалению, её личная карта доступа оказалась недостаточной для входа. *Мне нужно нечто большее.* Он уже предпринимал неудачную попытку добыть это в бастионе «Круцификс», но на этот раз будет подготовлен куда лучше ко всему, что может его ждать.

Когда Голем ступил в продуваемый ветром переулок возле своего дома, он почувствовал, как быстро сохнет на его лице влажная глина, стягивая кожу. Платформенные ботинки ещё не просохли с прошлой ночи, но он игнорировал дискомфорт. Враги могли следить за ним… и он не мог рисковать быть узнанным.

Теперь я иду подлинным собой. Я чувствую силу этой истины.

Он знал, что сегодняшняя миссия потребует исключительной сосредоточенности. Поэтому сначала ему необходимо было восстановить силы, посетив место, где он ощущал пульс самой мистической энергии Праги. Там, на освящённом поле мёртвых, Голем преклонит колени на хо-

лодную землю и почерпнёт силы у своего тезки и вдохновителя… у го́лема, бывшего прежде.

ГЛАВА 54

Пока Дана Данек поднималась по лестнице в кабинет посла США, у неё было ощущение, что этот вызов окажется последним. После гневной конфронтации по поводу её визита в Four Seasons и личных отношений с Майклом Харрисом посол развернулась на каблуках и исчезла.

Меня сейчас уволят, — промелькнуло у неё в голове, когда она тихо постучала.

— Войдите, — сказала посол. — И закройте дверь.

Дана повиновалась и повернулась к начальнице лицом.

Как всегда, манера поведения посла Нагель совпадала с её строгим гардеробом — никаких вольностей. Даже *вне* кабинета Дана находила Нагель устрашающей, но сейчас, сидя за своим красно-деревянным столом между флагами США и Чешской Республики, посол Хайде Нагель походила на львицу, готовую сожрать свою добычу.

Посол устремила на Дану взгляд поверх очков для чтения, которые всегда носили низко на носу. — Выключите телефон. Положите его на мой стол.

— Меня увольняют?

— Вас *должны* были уволить, — ответила посол. — Посмотрим, что будет дальше. Дана выключила телефон и положила его на стол посла.

— Вам нужно подписать *это*, — сказала посол, пододвигая документ через стол. Дана изучила документ. — Я не понимаю.

— Это соглашение о конфиденциальности. Оно означает, что вы не можете обсуждать то, что я вам сейчас расскажу.

— Конечно, мэм, просто я не уверена, что мне следует подписывать что-то, не...

— Хотите, чтобы *Майкл* проверил это за вас?

Чёрт. Посол умела переходить к сути. Дана взяла ручку и подписала NDA.

— Мисс Данек, — начала она, — ваш визит в Four Seasons был безрассудным... и неудачным. Вам не следовало видеть то, что вы увидели.

Я это поняла, как только мне в лицо направили пистолет. — Да, мэм. Я бы с радостью забыла увиденное и просто продолж...

— Давайте будем честны, вы не забудете увиденное. И теперь у меня нет выбора, кроме как удостовериться, что вы *понимаете*, что именно видели.

ГЛАВА 55

Лэнгдон сидел в конце вагона Петржинского фуникулера, пока почти пустой поезд спускался по крутому склону. Уверенный, что удалось уйти от Павла — по крайней мере, на время — Лэнгдон закрыл глаза и глубоко вздохнул, пытаясь осознать произошедшее.

Тот, кто заманил его на Петржинскую башню, явно знал о пропаже Кэтрин. *Кэтрин у меня.* Было ли это правдой? Теперь казалось вполне вероятным, что записка предназначалась для изоляции самого Лэнгдона… или, возможно, Саши.

Лэнгдона мучило чувство вины за то, что он оставил юную русскую без защиты, хотя, судя по ее столкновению с Павлом, Саша Весна явно могла постоять за себя. *Да и пистолет Павла теперь у нее,* напомнил себе Лэнгдон, надеясь, что Майкл Харрис уже добрался до ее квартиры. Надеялся он и на то, что Харрис сможет сообщить что-нибудь о местонахождении Кэтрин.

Мысли Лэнгдона вновь вернулись к единственной имевшейся у него зацепке — странному зашифрованному письму Кэтрин, присланному сегодня утром. Но и оно казалось бесполезным.

Набор букв. Эта картина вновь возникла перед его мысленным взором.

Чтобы окончательно удостовериться в отсутствии ошибки, Лэнгдон снова провел транслитерацию по-енохиански, но вновь получил бессмысленный набор букв.

LXXEDOC

Может, она перепутала лицевую и оборотную сторону? — подумал он, пытаясь понять, почему ее послание выглядело абракадаброй.

Ректо иверсо — термины, которыми иконографы обозначают, какая часть разворота книги должна читаться первой… другими словами, *направление* чтения языка. Енохианский читался справа налево — как иврит, арабский или фарси — в отличие от английского. Возможно, программа не изменила направление при шифровке? Или Кэтрин ошибочно перевернула текст, создав двойную инверсию и зашифровав его неправильно?

Лэнгдон еще раз провел транслитерацию, на этот раз в обратном порядке, и почти сразу понял,

что его догадка была верна.

В его сознании возникло новое слово.

CODEXXL

Код XXL — гораздо ближе к английскому.

Однако Лэнгдон по-прежнему не имел ни малейшего представления, к чему относился этот *код XXL*.

Что же я упускаю? Он закрыл глаза, вновь представляя строку.

CODEXXL

И вдруг его осенило — он понял, в чем ошибался.

Не тот пробел вставил…

Кэтрин имела в виду не CODE XXL… а CODEX XL.

Это была отсылка, которую Лэнгдон понял сразу — и Кэтрин тоже. «Codex XL» — кристально ясное указание на таинственный артефакт, находившийся прямо здесь, в сердце Праги. Они даже видели его вчера.

Дьявольская Библия!

Официально известный как «Кодекс Гигас»,

эту книгу также называли «Библией Дьявола» — таинственный артефакт с причудливой, а по утверждениям некоторых — даже проклятой историей. Это самая большая книга в мире — почти метр в высоту и более полуметра в ширину, её вес составляет поразительные 75 килограммов. Хранится она обычно в Шведской королевской библиотеке, но сейчас её привезли в пражский Клементинум. Когда вчера Лэнгдон с Кэтрин осматривали экспонат, он упомянул, что кодекс имел более десятка различных исторических названий — так много, что один из его студентов в шутку окрестил книгу «Кодекс XL», намёкая на её гигантские размеры.

Пока поезд спускался с горы, Лэнгдон понял, что хитро зашифрованное послание Кэтрин, вместо того чтобы внести ясность, породило лишь новые вопросы. *Боится ли она, что кто-то читает её письма? Пытается ли напомнить мне что-то из книги... или, может, о том, что произошло там вчера?*

Лэнгдон мысленно представил выставку, которую они посетили. Бесценная «Библия Дьявола» была заперта в массивной пуленепробиваемой и огнеупорной витрине в Клементинуме — примерно в полутора километрах от его нынешнего

местоположения. Впервые он увидел кодекс годы назад в Швеции, в Королевской библиотеке, а узнав, что его привезли на выставку в Прагу, настоял на том, чтобы они с Кэтрин сходили посмотреть.

«*Codex Gigas* буквально означает «гигантскую книгу,» — с воодушевлением рассказывал он ей, стоя перед внушительным фолиантом. Он указал на толстый корешок. — «Переплёт из деревянных досок содержит более трёхсот страниц пергамента ручной выделки, изготовленного из кожи ста шестидесяти ослов. Страницы тщательно переписаны от руки и включают не только полный латинский текст Библии, но и различные медицинские трактаты, исторические хроники, магические формулы, заклинания и заговоры. Там даже есть детально описанный обряд экзорцизма...»

«Хватит, Роберт,» — с улыбкой прервала она, ласково сжимая его руку. — «Ты покорил меня уже на ста шестидесяти ослах.»

Он улыбнулся в ответ. — «Как видишь... я обожаю читать этот курс.»

Всего месяц назад — в рамках курса *«Иллюминации: Искусство средневековых манускриптов»* — он показывал студентам слайды с изображени-

ем кодекса, начав с самой знаменитой страницы манускрипта.

«Перед вами лист 290,» — объявил он, демонстрируя странную иллюстрацию рогатого дьявола, неловко присевшего в нейтральной позе, совершенно обнажённого, если не считать белой набедренной повязки, прикрывающей срамное место. — «Именно с этой страницы произошло старейшее прозвище данной книги.»

«Подгузниковый Дьявол?» — вставил один из звезд университетской команды по лакроссу, вызвав смех однокурсников.

«Хорошая попытка, Бугай,» — спокойно сказал Лэнгдон. — «Её называют Библией Дьявола. На этом изображении Сатана носит набедренную повязку из горностая — символа королевской власти.»

«Погодите... то есть изображение представляет Сатану как короля?» — удивилась одна студентка. — «На страницах Библии?»

«Бинго — благодарю за внимание к деталям,» — сказал Лэнгдон. — «Это *крайне* необычная иконография. Но за этим документом стоит более масштабная история, и появление Сатаны здесь играет свою роль. Согласно легенде, монах, создавший эту иллюстрацию, сделал её в бла-

годарность Сатане за оказанную услугу. Ходит молва, что этот гигантский кодекс был написан *за одну ночь*, одним монахом, который смог выполнить немыслимую задачу только благодаря помощи самого Дьявола.»

«А Сатана поможет мне с экзаменами?» — задорно спросил парень из команды по лакроссу.

«Я сейчас заставлю тебя замолчать тем же способом, каким замолчал этот монах,» — ответил Лэнгдон. — «Замурованием.»

По отсутствующему взгляду студента Лэнгдон понял, что тот не знаком с термином. «*Замурование*? Кто-нибудь?» Он оглядел аудиторию. — «Нет? Современные судебные системы больше не используют замурование в качестве наказания — уж слишком оно жестокое. Оно происходит от латинского выражения *in murus*, что означает...» — Лэнгдон сделал паузу. — Кто-нибудь знает? *Буэллер?*

— «В стене»? — предположил кто-то из студентов.

— Верно. Иммурирование буквально означает «быть заживо замурованным в стену».

— Жуть, — заметил кто-то. — Как в *«Бочке амонтильядо»*.

— Именно. — Лэнгдон кивнул, довольный тем,

что студенты Гарварда всё ещё читают Эдгара Аллана По.

— Его замуровали за то, что он поместил Сатану в Библию? — спросил другой студент.

— Нет, — ответил Лэнгдон, — на самом деле, его замуровали за нарушение монашеского обета безбрачия. Но, согласно легенде, перед тем, как положить последний кирпич, монах взмолился о пощаде, и ему предложили шанс на покаяние.

Настоятель оставил последний кирпич незаложенным и сказал, что отпустит его только в том случае, если тот за одну ночь создаст книгу, содержащую все знания мира.

— Ну, это щедрое предложение, — пробормотал кто-то.

— Да, но утром, — продолжил Лэнгдон, — когда настоятель вернулся и заглянул в отверстие, пленник сидел верхом на массивном фолианте, объясняя, что продал душу дьяволу в обмен на книгу. Монаха немедленно освободили — в основном из-за ужаса, а «Библия Дьявола» мгновенно стала бесценным артефактом. В ранней истории её множество раз воровали, возвращали и закладывали, пока она не стала собственностью цистерцианских монахов в Седлеце. Может, вы слышали о них? Они прославились тем, что

построили... *это*.

Лэнгдон переключил слайд, и, как всегда, вся аудитория отшатнулась.

— Что... за... хрень? — вырвалось у кого-то.

Перед ними было изображение алтаря из человеческих костей, над которым висела люстра, тоже из костей, а по бокам возвышались четыре массивные пирамиды из черепов и бедренных костей, всё это находилось в часовне, стены и потолок которой были полностью украшены человеческими костями.

— Костница в Седлеце, — сказал Лэнгдон. — Костехранилище. Здесь находятся скелеты примерно семидесяти тысяч человек, в основном жертв чёрной смерти. Если вы когда-нибудь окажетесь в Чехии, стоит посмотреть — это примерно в восьмидесяти километрах от Праги. Потрясающее место.

— Полный отврат, — пробормотал кто-то.

— «Memento mori», — сказал Лэнгдон. — Помни о смерти... и живи достойно.

Лэнгдон продолжил рассказ о том, как «Библию Дьявола» увезли из Седлеца, и со временем, в 1594 году, она оказалась в Праге, где хранилась в библиотеке императора Рудольфа II до 1648 года, когда была захвачена в качестве военного трофея

Швецией и навсегда перемещена в Королевскую библиотеку в Стокгольме.

— Три с половиной века, — заключил Лэнгдон, — шведы выставляли этот манускрипт под охраной. Затем в 2007 году, после настойчивых просьб правительства Чехии, книга была временно возвращена в Прагу на четырёхмесячную выставку в Национальной библиотеке Чехии, где более ста тысяч человек пришли посмотреть на «книгу, написанную дьяволом».

— Много же доверчивых людей, — пробормотал парень с лассо.

Лэнгдон решил не упоминать миллионы людей, пересекавших континенты и океаны, чтобы увидеть такие чудеса, как Туринская плащаница, Лурд или бесчисленные статуи «плачущей девы Марии». Чудеса и тайны всегда были катализаторами надежды — «смягчителями реальности», как он их иногда называл.

— Но вне зависимости от того, верите ли вы в её божественное происхождение, — продолжил Лэнгдон, — в этой книге есть и другие значительные загадки. Одна из самых таинственных особенностей Codex Gigas — невероятное качество каллиграфии. Более десятка ведущих экспертов изучали манускрипт за последнее столетие — и

каждый из них настаивает, что весь текст был написан одной рукой. *Один* переписчик.

Лэнгдон сделал паузу, чтобы это осознали, но эффект не удался.

— Люди! — подстегнул он. — Книга такого объёма, длины и сложности потребовала бы примерно *сорок лет* работы.

— Ну, это уже более правдоподобно, чем за одну ночь, — заметил кто-то.

— Согласен, — сказал Лэнгдон, — но здесь возникает серьёзная нестыковка. В тринадцатом веке средняя продолжительность жизни составляла около тридцати лет — а на освоение художественного мастерства, проявленного в этой каллиграфии и иллюстрациях, ушла бы *как минимум* половина этого срока. Страннее всего то, что специалисты подтверждают поразительную стабильность почерка на протяжении всей книги. Нет никаких признаков ухудшения от начала до конца... ни намёка на усталость, потерю зрения, снижение подвижности, старение или слабоумие. Ни малейшего изменения стиля. Если сложить все эти факторы, получится загадка, технически необъяснимая.

Тишина.

— Итак, профессор... как вы думаете, что про-

изошло? — наконец спросили из аудитории.

Лэнгдон задумался. — Понятия не имею, — честно признался он. — История полна необъяснимых аномалий, и это одна из них.

— Вот поэтому я и выбрал физику, — вставил тихий студент с первого ряда.

— Не хочу огорчать, — усмехнулся Лэнгдон, — но наука тоже далеко не всегда может объяснить аномалии. Может, расскажешь нам об эксперименте с двумя щелями? Или о проблеме горизонта? Или о коте Шрёдингера...

— Беру слова назад! — с улыбкой сдался парень.

— Наконец-то признаки разума, — заключил Лэнгдон под общий смех. — В любом случае, в 2007 году, когда украденный манускрипт временно передали Праге, шведы опасались, что чешское правительство может его не вернуть, но, как и обещали, артефакт возвратили, и в знак доброй воли теперь «Библия Дьявола» приезжает в Прагу на шесть месяцев раз в десять лет при условии, что её никогда не достают из защищённого стеклянного футляра.

Лёгкий толчок — фуникулёр остановился у подножья Петршинского холма. Лэнгдон задумчиво поднял глаза, всё ещё размышляя о манускрипте

и послании Кэтрин. Она явно хотела, чтобы он вернулся к «Библии Дьявола», но Лэнгдону не было ясно, с чем связано её требование.

Нет причин... кроме одной.

Неужели Кэтрин там... ждёт меня?

ГЛАВА 56

Мост Джорджа Вашингтона — самый загруженный автомобильный мост в мире. Соединяя крутые скалы Нью-Джерси с берегами Нью-Йорка, его четырнадцать полос движения обеспечивают безопасный проезд более чем ста миллионам транспортных средств в год.

Однако сегодня, перед рассветом, Джонас Фокман был почти одинок на мосту, мчась в украденном внедорожнике к Манхэттену. Он то и дело поглядывал в зеркало заднего вида, проверяя, не преследует ли его кто-нибудь. Он надеялся добраться до относительной безопасности здания Random House Tower до того, как кто-то сообщит о пропаже этого автомобиля.

Алекс, технический специалист PRH, только что сообщил ужасающие новости из Праги. Фокман мог лишь молиться о том, что в найденных IT-специалистом данных была какая-то ошибка.

Разве открытие в книге Кэтрин стоит того, *чтобы из-за него убивать?* Он вспомнил теорию сознания, которую Кэтрин изложила ему за ланчем в Нью-Йорке. Это, несомненно, был смелый отход от текущей парадигмы, но вряд ли она

казалась опасной.

— Теория, — сказала Кэтрин, — называется *нелокальным сознанием*. И она основана на предпосылке, что сознание *не* локализовано в вашем мозгу… а скорее оно *повсюду*. То есть, сознание пронизывает Вселенную. Сознание, по сути, является одним из фундаментальных строительных блоков нашего мира.

— Ладно, — сказал Фокман, уже испытывая трудности с пониманием.

— В нелокальной модели, — продолжила она, — ваш мозг не *создаёт* сознание, а *воспринимает* то, что уже существует вокруг. — Она перевела взгляд с Фокмана на Лэнгдона и обратно. — Проще говоря, наш мозг взаимодействует с уже *существующей* матрицей осознания.

— Это было «проще говоря»? — Фокман выглядел озадаченным.

— Радуйтесь, — сказал Лэнгдон. — Она могла бы испортить обед, попытавшись объяснить триадическую вихревую парадигму размерности.

— Серьёзно, Роберт? — укоризненно сказала она. — Человек с вашим интеллектуальным уровнем должен уметь воспринимать девятимерную квантованную объемную реальность, встроенную в бесконечную непрерывность.

Лэнгдон закатил глаза. — Вот видите, о чём я?

— Дети, — поднял руки Фокман. — Не заставляйте меня останавливать машину. Лэнгдон наполнил их бокалы вином, пока Кэтрин продолжала.

— Вот самый простой способ это представить, — сказала она. — Посмотрите на эту колонку. — Она указала на миниатюрную беспроводную колонку, стоящую на полке и играющую классическую музыку. — Допустим, Моцарт перенёсся в будущее и оказался за нашим столом прямо сейчас — он был бы потрясён, услышав музыку из этой крошечной коробки. В его мире не было записей. Когда он слышал музыку, *всегда* присутствовал оркестр. Увидев эту колонку, он мог бы ошибочно решить, что за стеной спрятан оркестр — или что внутри самой колонки есть миниатюрный оркестр.

Других вариантов в его представлении не было. Он никогда бы не догадался, что музыка, по сути, витает *бесшумно* вокруг нас в виде радиоволн и эта колонка *принимает* их.

Фокман оглядел комнату, представив её заполненной невидимыми радиоволнами.

— Мы могли бы попытаться объяснить Моцарту нашу реальность, — продолжила она, — но у него не было бы точек опоры для понимания. Даже

первые примитивные технологии записи появились лишь спустя столетие после его смерти. Суть в том, что вот мы сидим здесь, в современном Манхэттене, но объяснение вам *нелокального* сознания немного похоже на попытку описать Моцарту радиоволны. В *его* реальности музыка исходит исключительно от живых музыкантов, играющих в реальном времени, и других возможностей не существует.

За столом воцарилась тишина, пока идея осознавалась.

— Но в *нашей* реальности… всё иначе. — Кэтрин наклонилась к ним. — В мире нелокального сознания… музыка существует *повсюду* вокруг нас. Наш мозг просто «настраивается», чтобы её услышать.

Фокман на мгновение задумался. — Вы хотите сказать, что сознание — это как стриминговый сервис, на который подписан наш мозг?

— Очень близко… скорее, как бесконечно большой радиодиапазон. Представьте сознание бесконечным облаком радиоволн в этой комнате. Ваш мозг — приёмник… настроенный на свою уникальную станцию. В вашем случае, он настроен на станцию Джонаса Фокмана.

Редактор нахмурился. — Не хочу звучать как

Моцарт, но это… кажется неправдоподобным.

— Я вас понимаю, — Лэнгдон обратился к Фокману. — Но справедливости ради, многие научные открытия вначале считались абсурдными или невозможными — гелиоцентризм, шарообразность Земли, радиоактивность, расширяющаяся Вселенная, теория микробов, эпигенетика и бесчисленное множество других. Исторически значимые истины часто начинают жизнь как абсолютно невозможные вещи. И то, что мы не можем представить, *как* что-то может быть правдой, не означает, что мы не можем *наблюдать*, что это действительно так. Древние греки заявили, что Земля круглая, почти за два тысячелетия до того, как Ньютон объяснил, *как* океаны удерживаются на месте благодаря гравитации.

— Туше́. — Фокман улыбнулся. — Мне бы лучше не спорить с гарвардским профессором.

— Думаю, Роберт хочет сказать, — предположила Кэтрин, — что пока мы ещё изучаем, *как* именно работает нелокальное сознание… мы уже точно увидели, что эта теория даёт чёткие ответы на множество явлений, необъяснимых в текущей модели.

— Ну ладно…

— Кроме того, — добавила Кэтрин, — в отличие от Моцарта, вам повезло жить в мире, где вы ежедневно взаимодействуете с очень похожей моделью.

— Похожей на нелокальное сознание? — Фокман не видел параллелей в своей жизни.

— А если я скажу, — начала Кэтрин, — что смогу уместить *всю* информацию в мире в контейнер размером с колоду игральных карт? Это правда или нет?

— Невозможно. Ложь.

Кэтрин подняла свой мобильный телефон. — Всё здесь. Что вы хотите узнать?

— Ловко… — усмехнулся Фокман. — Но эта информация не содержится *внутри* телефона. Телефон получает доступ к данным, хранящимся в бесчисленных банках данных по всему миру.

— Именно так, — она сказала, но он почувствовал, что его куда-то ведут. — Вы отлично подметили. А теперь, что если я скажу, что могу хранить *миллионы* гигабайт данных внутри комка человеческой ткани размером… ну, скажем… с человеческий мозг?

Фокман нахмурился. Быстрая матовая атака в три хода.

— Это та же самая концепция, — заявила она.

«Немыслимый объем памяти человеческого мозга — это физическая *невозможность*. Как попытаться запихнуть все песни мира в свой телефон. Бессмыслица. Если только...»

«Если только,» согласился Фокмэн, «мозг не получает данные... из другого места.» «Нелинейной *реальности,*» добавил Лэнгдон с одобрением.

«Точно.» Кэтрин улыбнулась. «Ваш мозг — всего лишь приемник — непостижимо сложный, невероятно продвинутый приемник — который выбирает, *какие* именно сигналы он хочет получать из существующего облака глобального сознания. Как сигнал Wi-Fi, глобальное сознание всегда витает рядом, полное и неизменное, независимо от того, обращаетесь вы к нему или нет.»

«Древние явно так и считали,» вступил Лэнгдон, видя бесчисленные исторические параллели. «Почти все мировые духовные традиции издревле отражали веру в универсальное сознание — Акашические записи, Универсальный разум, Космическое сознание, Царство Божие — это лишь несколько примеров.»

«Именно!» сказала Кэтрин. «Эта «новая» теория на самом деле идет рука об руку с древнейшими религиозными воззрениями.»

Она продолжила рассказ о том, как нелокаль-

ное сознание находит все больше подтверждений в открытиях из разных областей: физика плазмы, нелинейная математика, антропология сознания. Новые концепции вроде суперпозиции и квантовой запутанности раскрывают вселенную, где все существует одновременно везде и во все времена. Другими словами, природа нашей вселенной *целостна*, или, как точно выразилось название недавнего оскароносного фильма — *Всё везде и сразу*. «Что действительно завораживает,» продолжала Кэтрин, «так это то, что новая модель дает логические объяснения всем «паранормальным аномалиям», которые так долго ставили в тупик традиционную науку — экстрасенсорика, синдром внезапного саванта, предвидение, слепозрение, внетелесные переживания... список можно продолжать.»

«Но как какая-либо модель,» возразил Фокмэн, «может объяснить, что обычный ребенок, получивший мячом по голове, просыпается виртуозным скрипачом?»

«Но ведь такое случается. Синдром внезапного саванта многократно задокументирован медициной.»

«Да, я читал об этом,» он усмехнулся, «и предпочитаю это игнорировать!»

«Вот именно...» сказала Кэтрин. «Так мы, люди, *всегда* поступали с явлениями, не вписывающимися в нашу картину мира. Мы игнорируем отдельные странности, вместо того чтобы признать ошибочными наши базовые представления.»

«И вы считаете, что нелокальное сознание все это объясняет? Попасть в аварию и внезапно заговорить на беглом китайском?»

Кэтрин кивнула. «Да. Если ваш мозг — приемник, представьте его как старый автомобильный радиоприемник с механической шкалой. Обычно он настроен на станцию с классическим роком — четкий сигнал привычного содержания. Однажды вы наезжаете на кочку, радиоприемник вздрагивает. Шкала чуть смещается, и теперь вместе с роком вы слышите испаноязычного диктора совершенно другой станции.»

Фокмэн выглядел скептически.

«Давайте по-другому,» предложила Кэтрин. «Что требуется, чтобы стать виртуозным скрипачом?»

«Тренировки,» ответил Фокмэн.

«А чтобы стать отличным гольфистом?» «Тренировки.»

«И почему тренировки делают вас лучше в гольфе?»

«Помогают развить мышечную память. Оттачиваешь движение.»

«Неверно,» сказала Кэтрин. «Мышечной памяти не существует. Это оксюморон. Мышцы не запоминают. На самом деле, тренируясь, вы перенастраиваете *мозг*... постепенно изменяете его, чтобы он четче и стабильнее получал информацию из универсального сознания и мог управлять мышцами, заставляя их сжиматься в идеальной последовательности для выполнения действия.»

Фокмэн поморщился. «То есть, по-вашему, в универсальном сознании есть канал про гольф?»

«Я говорю, что все уже существует изначально... а тренировки помогают *улучшить* качество сигнала, который получает ваш мозг. Так мы становимся более искусными — медленно осваиваем новый конкретный сигнал. Некоторые мозги от рождения настроены на определенные сигналы, поэтому появляются звезды спорта, виртуозы и гении.»

«Ладно...»

«То же самое характерно для многих людей с синдромом Аспергера или аутизмом,» добавила она. «У них могут быть высокоспециализированные приемники, дающие доступ к выдающимся

способностям, но одновременно затрудняющие выполнение обыденных задач. Как если бы вместо очков человек носил *бинокль*: видишь намного дальше… но ближайшее окружение остается размытым.»

Необычный взгляд, подумал он. «И вы утверждаете, что эта модель объясняет и экстрасенсорное восприятие?»

«Безусловно,» ответила Кэтрин. ««Шестое чувство», которое мы приписываем ЭСВ, — всего лишь способность мозга улавливать обычно отфильтровываемую информацию. Согласно этой теории, интуиция или предчувствие — это как когда радио ловит обрывки чужой станции. А если мозг улавливает сразу несколько станций слишком отчетливо, это может вызывать сильную путаницу — шизофрению, диссоциативное расстройство, голоса в голове, множественные личности — все это находит объяснение.»

«Увлекательно,» вставил Лэнгдон. «А как насчет *предвидения*?»

«Иногда радиосигналы отражаются в атмосфере,» ответила она, «создавая эхо и временные задержки. По этой модели они проявляются в виде дежавю или, наоборот, предвидения.»

Фокмэн долго молчал, глядя то на Лэнгдона,

то на Кэтрин. «Друзья мои,» наконец сказал он с улыбкой, «пожалуй, это повод откупорить еще одну бутылку.»

Теперь же, спустя год, сознание Джонаса Фокмэна — как бы оно ни работало — вернулось к шоссе перед ним. Несясь по верхнему ярусу моста Джорджа Вашингтона, Фокмэн не был уверен, на какую волну он настроился сегодня вечером, но действительно странную.

Он приблизился к середине моста, опустил окно, чтобы выполнить то, о чем просил техник PRH. «Избавься от телефона,» сказал Алекс. «Очень вероятно, что его пеленгуют.»

Неохотно Фокмэн швырнул телефон в ночь. Тот перелетел через ограждение и начал падение на 212 футов вниз, к водам Гудзона.

Пока телефон падал, Фокмэн вспомнил последние слова техника. «Постарайся вернуться как можно быстрее... Я выяснил, кто нас взломал.»

ГЛАВА 57

Двери фуникулёра открылись у подножия Петршинского холма, и Лэнгдон вышел на станции Уезд, неожиданно оживлённом транспортном узле с такси, автобусами и трамваями. Стремясь максимально отдалиться от лейтенанта Павла, профессор оглядел возможные варианты.

Две его последние поездки на такси закончились неудачно, и он решил, что безопаснее будет сесть на трамвай и раствориться в толпе. Трамвай № 22 был единственным, где выстроилась очередь пассажиров, и согласно табличке над лобовым стеклом он следовал в центр Праги.

К Клементинуму…

Лэнгдону отчаянно хотелось верить, что послание Кэтрин — это зашифрованная просьба встретиться у Дьявольской Библии, однако он осознавал небольшую проблему: она отправила письмо более двух часов назад — задолго до открытия музея. Стандартное время работы пражских музеев — 10 утра, до которого оставалось ещё несколько минут.

Неужели она всё это время ждала снаружи?

Несмотря на терзавшие его сомнения, Лэнгдон

сел на трамвай № 22 и направился в музей, где хранилась Дьявольская Библия. Пересекая реку, он надеялся найти то, что искал — как уже случалось много раз в его жизни — с помощью древней книги.

К тому времени, когда лейтенант Павел добрался обратно к своему седану у подножия Петршинской башни, голова у него пульсировала так сильно, что в глазах начало темнеть. Он устроился за рулём, закрыл глаза и обдумывал дальнейшие действия. Он чувствовал, что нуждается в медицинской помощи, но преследование Лэнгдона было неотложным делом, и он не собирался отступать — как не собирался бросать своего капитана.

Несмотря на репутацию профессора как мягкосердечного академика, он превратился в опасного и изворотливого преступника. Тем не менее, бежать ему оставалось недолго. Американец находился на свободе, и сообщения по «Синему оповещению» Павла продолжали поступать прямо в телефон капитана у него в кармане.

К сожалению, прежде чем другие — ÚZSI, посольство США, местная полиция — обнаружат,

что Лэнгдон в розыске, пройдёт немного времени. Вскоре в дело включатся все эти организации, и они обратятся с Лэнгдоном куда мягче, чем он того заслуживает.

Павел понимал, что окно возможностей для мести быстро закрывается… и был лишь один способ по-настоящему почтить память капитана.

Найти Лэнгдона раньше остальных.

◆ ·· ◆

Кондуктор пражского трамвая № 22 за свою карьеру повидала немало странностей. Обычно она бы не обратила внимания на легкомысленного туриста, одетого посередине зимы лишь в лоферы и свитер. Однако *этот* человек только что вышел из трамвая и прошёл прямо перед её окном. Она разглядела его привлекательное лицо, и в её памяти не осталось сомнений. Это было то самое лицо, что час назад было показано в «Синем оповещении» на её телефоне.

ГЛАВА 58

Ночной сторож Марк С. Доул обожал свою работу в Random House Tower. Уже два года он занимался охраной этого здания, испытывая гордость каждый раз, когда надевал синюю куртку и форменную фуражку, занимая место за внушительной стойкой безопасности в вестибюле. Ему было двадцать восемь, и он пообещал жене, что к тридцати его переведут в дневную смену.

Одним из главных плюсов работы здесь была бесплатная библиотека для сотрудников — подвальное помещение, ломившееся от старых классиков до современных триллеров. За время работы Доул прочел уже больше трех десятков книг, а этой ночью он пробивался через «Гроздья гнева» Стейнбека, благодарный судьбе за работу, которая позволяла содержать семью и не зависела от капризов погоды.

Доул оторвался от книги, когда черный внедорожник резко затормозил у главного входа. Он никогда не видел ничего подобного, особенно в 3:48 ночи. Ещё больше его удивило, что за рулем был редактор Джонас Фокман. Доул не припомнил, чтобы Фокман когда-либо приезжал

на работу за рулем, и, судя по его парковке, это было к лучшему.

Фокман теперь стоял перед электронной дверью, лихорадочно ощупывая карманы. Доул видел этот танец много раз. *Он забыл свою ключ-карту.* Сторож нажал кнопку под стойкой, и дверь щелкнула, открываясь.

Фокман ворвался в вестибюль, выглядев явно не в себе.

«Все в порядке, сэр?» — спросил Доул.

«Да, да», — ответил редактор, хотя выглядел он как раз наоборот. Его растрепанные волосы и изможденное лицо скорее напоминали человека, который всю ночь катался на американских горках в Кони-Айленде. «Я потерял рюкзак. В нем была карта доступа.»

«Жаль это слышать. Я сделаю вам временную карту». Он достал чистую пластиковую карту и вставил в машину для намагничивания.

Фокман ждал, тяжело опираясь на стойку, с закрытыми глазами, глубоко дыша.

«Мистер Фокман?» — Доул наклонился. «Вы уверены, что всё в порядке?» Фокман открыл глаза. «Да, простите, Марк. Просто… долгая ночь.»

«Работаете над сложной рукописью?» — спросил Доул, протягивая ему новую карту.

Редактор криво усмехнулся и направился к лифтам. «Этот проект оказался сложнее, чем ожидалось.»

• •• •

Оперативники Ожер и Чинбург, проследив сигнал от телефона Фокмана, догнали его угнанный внедорожник как раз перед тем, как он выбросил телефон в окно. Оттуда они незаметно проследовали за внедорожником до перекрестка Пятьдесят Шестой улицы и Бродвея, где тот сейчас был припаркован под углом перед башней RandomHouse.

Вопрос был в том, как действовать дальше.

Они остановились на противоположной стороне Бродвея, и Ожье снова вышел на защищенную связь с Финчем, который ответил резким «Говори».

«Сэр, — сказал Ожье, — мы потеряли аудио на редактора, но перехватили тревожную информацию. Похоже, техник из PRH узнал, что один из американцев в Праге мертв.»

Финч на мгновение замолчал. «Откуда у него эти сведения?» — спросил он тоном, не выдававшим никаких эмоций.

Ожье пересказал, что они подслушали в разго-

воре между техником и Фокманом. «Это не ваше дело», — оборвал расспросы Финч. «Что-то еще?»

«Да, сэр», — сказал Ожье, приберегая худшее напоследок. «Техник также утверждает, что знает, кто стоял за взломом их серверов.»

Финч резко вдохнул. «Передайте Чиннбургу.»

Ожье перевел телефон в режим громкой связи и поднес к напарнику.

«Сэр, — сказал Чиннбург, — мы считаем, что информация техника ошибочна. Он не привел конкретных деталей, поэтому мы даже не знаем, в верном ли направлении он движется.»

«Вы говорили со своей группой проникновения?» — потребовал Финч.

«Так точно, сэр. Только что. Они заверили меня, что взлом был чистым.» Чиннбург замялся. «Однако они упомянули, что поскольку операция проводилась в крайне сжатые сроки, им пришлось пожертвовать избыточными мерами анонимности ради скорости и эффективности.»

«Простите? Они пошли на *упрощения*?»

«Нет, сэр, они выполнили наилучшую возможную операцию в отведенное время.

Они уверяют, что уровень уверенности высок.»

«Уровень уверенности высок?» — резко бросил Финч ледяным тоном. «По моему опыту, это фраза

тех, кому как раз уверенности и не хватает.» На линии повисла трехсекундная пауза. «Выясните, что знает этот техник... и нейтрализуйте угрозу *немедленно*. Любыми необходимыми способами.»

Связь прервалась.

Чиннбург выглядел потрясенным. «Черт.»

Ожье казался позабавленным. «Уровень уверенности высок?» «Не будь мудаком.»

Ожье бросил взгляд через дорогу на холл взмывающего вверх небоскреба. «Если Финчу нужна информация, придется проникнуть внутрь.»

Установить, сколько именно знает техник, можно было бы просто — удаленно активировав микрофон телефона Фокмана и подслушав его предстоящий разговор. К несчастью, редактор предпринял первое за этот вечер проявление осведомленности о безопасности, и его телефон теперь покоился на дне Гудзона под мостом Джорджа Вашингтона.

Не видя иного выхода, Ожье разместил несколько предметов по отсекам своего черного тактического жилета и рюкзака. Технологичная часть вечера подошла к концу, а значит, пришло время запачкать руки.

ГЛАВА 59

Посол США Хайде Нагель стояла у окна своего кабинета и устало смотрела на отель «Алхимист» через улицу Тржиште. Только что закончив брифинг Даны Данек о секретной операции, на которую та случайно наткнулась утром, посол отправила пресс-секретаря в её офис ждать дальнейших указаний. Неудивительно, что Дана была напугана услышанным.

Хорошо, подумала Нагель. Возможно, страх — единственное, что её сдержит.

Тихий стук в дверь отвлёк Нагель. Она обернулась и увидела морского пехотинца США, стоявшего по стойке «смирно» в парадной сине-белой форме. Восемь морпехов охраняли посольство, обеспечивая безопасность дипломатических объектов США по всему миру.

— Госпожа посол, — сказал морпех. — У нас проблема.

Чем больше, тем веселее… У меня и так, блять, полно проблем, подумала она, но жестом пригласила его войти.

Мужчина шагнул в кабинет. — Мэм, капитан УЗСИ Яначе́к объявил в розыск американского

гражданина. — Он взглянул на записку. — Его зовут Роберт Лэнгдон.

Нагель закрыла глаза, не веря, что её угроза разоблачить Яначека не остановила капитана. *Яначéк ставит всё на Роберта Лэнгдона? Чёрт.* Очевидно, она не была столь убедительна и устрашающа, как ей казалось.

— И приказ о розыске уровня *«Синий»*, — добавил морпех, — что означает: УЗСИ утверждает, будто Лэнгдон убил их сотрудника.

— Что?! — взорвалась она. — Это гнусная ложь!

— Если мы немедленно не найдём Лэнгдона… — тихо сказал морпех, — его ликвидируют.

Нагель глубоко вздохнула и кивнула ему в знак благодарности. — Скоро будут указания. Закройте дверь на выходе.

Морпех развернулся и вышел.

Нагель немедленно позвонила мистеру Финчу через Signal.

— Говорите, — ответил он, подняв трубку после первого гудка. Нагель кратко обрисовала ухудшающуюся ситуацию в Праге: *УЗСИ преследует Роберта Лэнгдона с разрешением на ликвидацию. Кэтрин Соломон пропала.*

Атташе Харрис отправился к Кржижовническим казармам, но перестал отвечать на

звонки.

Финч, как и ожидалось, взбесился. — Я думал, вы разобрались с УЗСИ! Что за халтурная операция у вас там идёт?!

— Это *ваша* операция! — парировала Нагель. — И ситуация сложилась по вашей чертовой вине!

Произнося эти слова, Нагель поняла, что перешла черту.

Голос Финча стал неестественно тихим. — Хайде, — прошептал он, опуская её официальный титул, будто напоминая, что она всего лишь пешка в его игре. — Советую помнить, кто поставил вас на эту должность… и *зачем.*»

Полевой агент Хаусмор проспала меньше часа.

Теперь она стояла у раковины с покрасневшими глазами — её только что разбудил новый звонок от мистера Финча с обновлёнными распоряжениями.

Немедленно отправляйтесь в Бастион Распятия. Обеспечьте безопасность лаборатории Гесснер.

Знания Хаусмор о пражской операции были «секторизованы». Хотя она знала, что Гесснер играл ключевую роль в «Пороге», ей также было

известно, что подземный комплекс Финча находился в другом месте города. *Зачем же тогда охранять лабораторию Гесснер?*

Помимо нового указа, Финч сообщил ошеломляющую новость: он лично направляется в Прагу. Если сам Повелитель ехал в Прагу, значит, миссия определённо пошла наперекосяк.

Пока Голем пересекал Староместскую площадь, он прошёл мимо толпы туристов, столпившихся вокруг бронзовой статуи и потягивавших горячий *сварак* из пластиковых стаканчиков. Гид орал в ручной мегафон.

«Этот шедевр в стиле модерн, — вещал гид, — изображает лидера чешского реформаторского движения Яна Гуса, сожжённого на костре в 1415 году за отказ подчиниться папскому приказу».

Гид уже собирался продолжать, когда заметил мелькнувшую в стороне тёмную фигуру Голема. Хотя Прага кишит актёрами в костюмах, зарабатывающими на фото с туристами, гид явно решил устроить своим клиентам небольшое представление.

«Дамы и господа! — воскликнул он. — У нас сегодня неожиданный гость! Один из самых зна-

менитых пражских персонажей!»

Туристы обернулись, ожидая увидеть Ивана Лендла или Мартину Навратилову. Вместо этого перед ними возникло закутанное в плащ существо с обмазанным глинойлицом.

«Голем-монстр! — закричал мальчик. — Вы же только что рассказывали про него в синагоге!»

«Прекрасно, — повернулся к нему гид. — А помнишь, что означали еврейские буквы у него на лбу?»

«Правда! — ответил ребёнок. — Пока раввин не стёр одну букву и не убил его!»

«Отлично, — сказал гид, когда Голем прошёл мимо. — Что ж, фотосессия с големом сегодня не состоится, но кто назовёт *второго* по известности монстра Праги?»

Никто не ответил.

«*Таракана*! — драматично воскликнул гид. — Прямо в этом городе Франц Кафка написал повесть «*Превращение*», где молодой человек однажды утром просыпается и обнаруживает, что превратился… в гигантского таракана!»

Голем быстро покинул группу, выйдя с площади и направившись на север. Идя, он невольно задумался о Франце Кафке, вспомнив, как впервые увидел знаменитую жутковатую статую

писателя в Праге — безголового гиганта в плаще… несущего на плечах гораздо меньшего по размеру человека.

Существо без лица, несущее бремя более слабой души.

Голем сразу почувствовал родство с этой статуей.

Крошечный поддерживаемый человек олицетворял Кафку, которому в рассказе «*Описание одной борьбы*» помогал защитник по имени «знакомый».

Знакомый нёс Кафку, осознал Голем, подобно тому, как голем нёс еврейский народ. *Как я несу Сашу.*

Мысли о Саше вернули его к текущей задаче.

Сегодня я проникну в «Порог».

Она была не первой их жертвой… и не последней. Всё это нужно уничтожить.

Навсегда.

ГЛАВА 60

Лэнгдон шагал по тротуару к Клементинуму, вглядываясь в редкую толпу в поисках Кэтрин. Холодный ветер снова взметнулся вокруг него, пока он направлялся к астрономической башне музея, виднеющейся над другими зданиями менее чем в километре.

Он прошел мимо роскошного отеля Mozart Prague, где сам Моцарт давал множество частных концертов, и вспомнил, как однажды наблюдал, как его бледный фасад волшебным образом превратился в гигантские нотные станы, прокручивающиеся в такт усиленной записи *Eine kleine Nachtmusik.*Каждый октябрь Прага принимала фестиваль Signal — неделю, когда архитектурные достопримечательности превращались в холсты благодаря световым проекциям и видеомэппингу. Больше всего Лэнгдону запомнилась парящая проекция на Архиепископском дворце, изображающая происхождение и эволюцию видов — ирония, отражающая неустрашимую тягу Праги к авангардному искусству.

Проходя мимо отеля, Лэнгдон внезапно замедлил шаг, его внимание привлек рекламный киоск

в крошечном парке. На плакате была изображена футуристическая армия солдат, марширующих по безжизненной планете. Над вооруженными воинами красовалось единственное слово, появление которого в этот момент показалось зловеще совпадением.

Halo.

Вселенная что, издевается надо мной?

Этот зловещий плакат, конечно же, отсылал не к сияющему символу просветленного разума, а к крайне популярной серии компьютерных игр, которая, по словам студентов Лэнгдона, умело обыгрывала символизм христианства, используя библейские термины вроде Ковенанта, Ковчега, Пророков и Потопа, а также множество других ученых религиозных отсылок.

«Похоже, мне бы это понравилось», — как-то сказал Лэнгдон своим студентам.

«Нет, не понравилось бы», — съязвил один из них. «Грубияны с перфораторами прикончили бы вас на месте».

Лэнгдон не понял, что тот имел в виду, но решил, что продолжит играть в онлайн-нарды.

И все же, в этот момент здесь, в Праге, появление слова *halo* казалось жутко совпавшей отсылкой к Кэтрин. Он не был уверен, стоит ли

воспринимать это как добрый знак или зловещее предзнаменование, учитывая, что они обсуждали эту тему всего два дня назад.

«С нимбами совершенно неправильно понимают, — сказала она. — Их всегда представляли как сияющие потоки света, окутывающие голову и изображающие энергию, исходящую *из* просветленного разума. Но я уверена, что мы читаем нимбы наоборот. Эти лучи символизируют потоки *сознания*… втекающие *вовнутрь*… а не исходящие наружу». Сказать, что у кого-то есть «просветленный ум», — это просто другой способ сказать, что у него есть «более совершенный приемник»».

Лэнгдон изучал нимбы как важные религиозные символы много лет, но никогда не рассматривал их так, как только что выразила Кэтрин. Как и большинство людей, он всегда воспринимал нимбы как излучающие *вовне.* Обратная интерпретация казалась дезориентирующей. Однако он должен был признать, что в Библии пророки неизменно описаны как *получающие* божественную мудрость от Бога… но никогда не формулирующие или передающие ее дальше.

В Деяниях 9 обращение апостола Павла по дороге в Дамаск описывается как результат всплеска

энергии, *полученной* с небес. В Деяниях 2 Святой Дух сошел *на* апостолов и дал им мгновенную способность говорить на множестве языков, чтобы они могли проповедовать Евангелие. *Синдром внезапного саванта?*

Нимб прочно ассоциировался с христианством, но Лэнгдон знал, что у него было множество более ранних воплощений — в митраизме, буддизме и зороастризме — которые изображали лучи энергии вокруг фигур. Когда христианство переняло символ нимба, лучи постепенно исчезли, уступив место простому диску, парящему над головой. Так важный символический элемент нимба был утрачен в истории, и Кэтрин считала, что утраченная версия могла бы подтвердить забытое знание и древнюю мудрость… утраченное понимание того, что теперь стало теорией нелокального сознания.

Мозг — это приемник… а сознание проникает внутрь, а не выходит наружу.

«Ты все еще не можешь до конца поверить в эту концепцию, да?» — игриво бросила она ему вызов. «Ты ждешь какого-то *доказательства*, что твой мозг — это приемник.»

Лэнгдон задумался. Научные модели никогда не *доказываются* в абсолютном смысле. Они полу-

чают признание, устойчиво объясняя и предсказывая наблюдения лучше, чем альтернативные модели. Концепция Кэтрин была убедительной и также могла объяснить многие аномалии, такие как экстрасенсорное восприятие, внетелесные переживания и синдром внезапного саванта.

«Если ты спросишь меня, — сказала Кэтрин, — твоя эйдетическая память сама по себе должна быть достаточным доказательством, Роберт. Я знаю, ты веришь, что твой мозг *сохранил* каждое изображение, которое ты когда-либо видел. Но полное фотографическое запоминание физически невозможно. Даже при использовании самых современных методов цифрового хранения объем твоих *живых* визуальных данных заполнил бы целый склад, а ты все равно можешь воспроизводить их безупречно. На самом деле человеческий мозг — даже *твой* мозг — физически слишком мал, чтобы вместить такой объем информации.»

Внимание Лэнгдона привлекло. «То есть ты говоришь, что наши воспоминания функционируют как облачные вычисления? Все данные нашей памяти находятся *где-то еще*… ожидая, пока мы получим к ним доступ.»

«*Именно так*. Твой эйдетический мозг просто обладает более совершенным механизмом для

извлечения данных. Твой приемник утончен и настроен на доступ к *изображениям.*» Она улыбнулась. «Но, возможно, немного менее настроен на доступ к вере и доверию.»

Лэнгдон рассмеялся. «Ну, у меня есть *вера* в тебя, и я *доверяю*, что скоро ты поделишься своими научными экспериментами… и объяснишь мне, что именно ты обнаружила.»

«Хорошая попытка, профессор, — сказала она. — Но тебе придется подождать и прочитать книгу.»

ГЛАВА 61

Как и многие великолепные здания Европы, Клементинум был возведён во славу христианского Бога.

Император Фердинанд I, желая усилить влияние католической церкви в Богемии, в XVI веке пригласил в Прагу членов активно развивающегося Общества Иисуса — иезуитов — и предложил им самый престижный участок земли в городе для строительства иезуитского колледжа. К концу века «Клементинум» — названный в честь святого Климента — стал одним из крупнейших архитектурных комплексов страны, уступая по размеру лишь Пражскому Граду.

Прославившись преданностью науке, университет Клементинума в итоге включил в себя Астрономическую башню высотой шестьдесят восемь метров, научную библиотеку с тысячами томов и необычный Меридианный зал, где с помощью геометрии и солнечного света каждый день определялся точный момент наступления полудня — эту официальную отметку времени хранитель времени отмечал пушечным выстрелом, извещая весь город.

В современную эпоху Клементинум в основном выполнял функции Чешской национальной библиотеки и исторического музея. Проницательные туристы, желавшие насладиться лучшими видами Праги, взбирались на Астрономическую башню Клементинума — их восхождение по 172 ступеням вознаграждалось потрясающими панорамами, а также захватывающей выставкой астрономических приборов XVIII века.

Роберт Лэнгдон, спеша к музею, не думал о бесчисленных сокровищах внутри, сосредоточившись только на Кэтрин и загадочном послании, которое привело его сюда. Проходя восточные ворота Карлова моста, Лэнгдон осознал, что идёт по той самой тротуарной плитке, по которой бежал всего несколько часов назад.

Я хожу по кругу, промелькнуло у него в голове. Прямо как золотая рыбка Кэтрин.

Было 9:55 утра, когда Лэнгдон подошёл ко входу в Клементинум и начал искать Кэтрин. Её не было, но к его удивлению, у главного входа он увидел входящую семью.

Музей уже открыт?

Поскольку Лэнгдону мелькнула надежда, что Кэтрин ждёт его внутри, он поспешил к дверям и с облегчением вошёл в тёплый вестибюль. Он

ожидал увидеть музей почти пустынным в такой ранний час, но вместо этого холл был заполнен туристами; многие сидели на чемоданах, потягивая кофе и закусывая пончиками. Сцена больше напоминала зал ожидания аэропорта, чем прихожую монастыря иезуитов XVI века.

Что за чертовщина?!

Бодрая сотрудница музея с улыбкой подошла к Лэнгдону. «Кофе?» Она протянула ему поднос с чашками.

Ошеломлённый, Лэнгдон с благодарностью принял горячий напиток, обхватив замёрзшими пальцами тёплый бумажный стаканчик. «Спасибо, но… что здесь происходит?»

Женщина кивнула в сторону баннера на стене.

Клементинум

Теперь открыто в 7 утра!

«Новая маркетинговая инициатива», — жизнерадостно пояснила она.

«Большинство рейсов из США приземляется в шесть утра, так что у туристов есть несколько часов в запасе, прежде чем они смогут зарегистрироваться в отелях. У нас есть бесплатный трансфер из аэропорта, камера хранения, кофе и пончики… *и вот*! — Она показала на заполненный людьми холл. — Все средства хороши, чтобы

заманить вас, американцев, в музеи, правда?! — И ушла.

Замечание было бы более оскорбительным, если бы Лэнгдон не знал, что одна из самых популярных туристических достопримечательностей Праги — теперь подземный тир, где американцы могут совершенно легально стрелять из экзотического арсенала автоматического оружия.

Тем не менее, сейчас он почувствовал, как частичка головоломки встала на место. *Когда Кэтрин отправила свое письмо, музей был открыт!* Более того, ей пришлось бы пройти прямо мимо входа по дороге в лабораторию Гесснер. *Может, она зашла внутрь… и попыталась позвать меня? Codex XL…*

Воодушевленный мыслью, что Кэтрин может быть где-то в этом комплексе зданий, Лэнгдон внимательно осмотрел переполненный холл, пытаясь разглядеть её густые темные волосы. Не увидев её, он поспешил к кассе, чтобы купить полный билет. Кассирша, кажется, на мгновение пристально его разглядела — почти с подозрением, — но без вопросов выдала пропуск. Лэнгдон прикрепил его к свитеру и поспешил вперёд, следуя через ряд роскошно украшенных коридоров к цели.

Особая выставка
Кодекс Гигас
(Библия Дьявола)

У входа в величественную библиотеку его остановил служитель. Проверив пропуск Лэнгдона, он прикрепил к нему красную наклейку.

— У вас есть час, сэр, — сказал служитель. — Приятного просмотра.

Лэнгдон и забыл, что доступ в Барочную библиотеку ограничен часовыми интервалами. Если Кэтрин отправила письмо изнутри… её отведённое время давно истекло. *Пожалуйста, будь всё ещё здесь… где-нибудь.*

Лэнгдон быстро шагнул внутрь, в то, что писатель Хорхе Луис Борхес однажды назвал «прекраснейшей библиотекой Европы».

Даже в своём нынешнем тревожном состоянии он не мог не застыть в немом восхищении перед этим залом. Это было длинное, узкое помещение, чьи потолочные фрески изображали божественно исполненные, светло-голубые просторы сияющего неба с херувимами, казавшимися невесомо парящими в вышине. Тромплёй создавал впечатление, будто *сквозь* саму конструкцию струится солнечный свет.

Поддерживая фрески, стены библиотеки пред-

ставляли собой тридцатифутовые книжные полки с более чем двадцатью *тысячами* изданий, датированными веками. Несравненный аромат пергамента доносился с верхнего яруса библиотеки — из самых старых изданий с белыми корешками и красными пометками, доступ к которым можно было получить, лишь поднявшись по тайной лестнице на опоясывающую библиотеку галерею. Деревянный паркет с искусным узором не уступал по сложности любому, что Лэнгдон видел раньше, включая полы Большой галереи Лувра.

Лэнгдон остановился, сделав несколько шагов в тишину, и окинул скопление людей в поисках хоть малейшего намёка на Кэтрин. *Ничего.* Он двинулся дальше в роскошный зал, обходя

выставленные по центральному проходу массивные старинные глобусы, тянувшиеся до самого дальнего конца зала. Между ними стояли таблички с символом, столь же однозначным, сколько его только можно себе представить.

К*то же зажигает спичку в помещении, полном древних книг?!*

По мере продвижения вглубь библиотеки открылся вид на главный экспонат, окружённый посетителями.

Библия Дьявола.

Гигантский фолиант был помещён в прозрачный кубический футляр из плексигласа настолько большой, что он скорее напоминал зал для курения в аэропорту, чем защитный контейнер. Вокруг него толпились шепчущиеся туристы, фотографируясь и любуясь таинственным кодексом, раскрытым на знаменитой странице с изображением демона в набедренной повязке из горностаевого меха. Когда Лэнгдон прибыл, он едва взглянул на кодекс, вместо этого изучая лица в толпе.

Ты здесь, Кэтрин?

Многие посетители всё ещё кутались в одежду, некоторые согревали дыханием руки. В Клементинуме библиотеку держали исключительно

холодной — большинство сказало бы, что некомфортно холодной, как отметила вчера Кэтрин. Лэнгдон объяснил, что кураторы часто охлаждают самые многолюдные выставочные залы, чтобы туристы не задерживались — это обеспечивает быстрый поток посетителей, — приём управления толпой, заметил он, который позже переняли рестораны быстрого питания. *Быстро заходи и выходи.*

— *Кэтрин?* — осторожно позвал Лэнгдон в тишину толпы.

Несколько посетителей обернулись и с любопытством посмотрели на него. Парочка даже вгляделась пристальнее, будто узнала его. В остальном... никакой реакции.

Может, она уже пришла и ушла?

Он окинул взглядом толпу, затем поднял глаза на пустую верхнюю галерею.

«Кэтрин Соломон?» — снова позвал он, теперь громче.

Смотритель подошел и с поднятым к губам пальцем зашикал на Лэнгдона. Это была все-таки библиотека. Лэнгдон понимающе кивнул и продолжил внимательно осматривать роскошный зал. После двух полных кругов он нигде не обнаружил и следа Кэтрин.

Его сердце сжалось при мысли о размерах города и скудных подсказках, которые он имел.

Если тебя здесь нет, то где же ты?

• •• •

Никто не спугнет его громким стукотнем сирен, — подумал Павел, резко останавливаясь у здания Клементинума. Его «синий» запрос по Лэнгдону уже дал четыре разных наводки.

Водитель трамвая возле Национального театра сообщил, что Лэнгдон двигался на север вдоль реки.

Таксист на Площади Девы Марии заметил, как он вошел в Клементинум.

Хитрое укрытие, — отметил Павел, зная, насколько хорошо этот историк, вероятно, знаком со зданием. *Но это не имеет значения. У меня везде глаза.*

Павел поспешил внутрь музея и показал фотографию Лэнгдона женщине в билетной кассе, которая сообщила не только о том, что этот человек купил билет… но и точное место, где он сейчас, скорее всего, находится.

Он мой, — подумал Павел, незаметно проверив, заряжено ли оружие, и бросился в музей.

«*Barokní knihovna!*» — крикнул он служке в

главном коридоре. «Библиотека в стиле барокко! Где она?!»

ГЛАВА 62

Ночной сторож Марк Дол знал практически всех, у кого был ключ-карта для доступа в Башню Random House, но двое мужчин, которые только что пропустили себя в просторное лобби, были ему незнакомы.

Само их появление среди ночи, сразу после драматичного визита Фокмана, было странным, но вид их черной военной экипировки вызвал у Дола тревогу.

— Господа! — воскликнул Дол, вскакивая на ноги. — Чем могу помочь? *И как, черт возьми, вы открыли мою дверь?!*

— У вас чрезвычайная ситуация, — твердым голосом произнес мускулистый мужчина, быстро направляясь к стойке охраны. В руках он нес объемистый рюкзак. — *Демпфер колебаний* вашего здания подал сигнал тревоги в городские службы — возможен обрушение конструкции.

Долу потребовалось мгновение, чтобы осознать сказанное. Действительно, большинство небоскребов Манхэттена оснащено «демпфером колебаний» — массивным устройством на верхних этажах, которое стабилизирует здание,

предотвращая раскачивание при сильном ветре или землетрясениях. В Башне Random House таким демпфером служил восьмисот тонный резервуар с водой, подвешенный на пятидесятом этаже.

Неисправность конструкции? Почему на стойке нет тревоги?

— Вам нужно эвакуироваться, а мне — подняться наверх, — настаивал мужчина, подойдя к стойке.

— Но я непони...

Мелькнуло движение, и кулак обрушился на грудь Дола, вышибая воздух из легких. Охранник тяжело рухнул на спину, задыхаясь на полу, скрывшись за стойкой. Мгновением позже крупный мужчина опустился рядом, приставив ствол пистолета к его груди.

— Ни звука, — прошептал нападавший, выуживая мастер-карту из кармана формы Дола и перебрасывая ее через стойку второму.

Дол лежал неподвижно на полу, уставившись в потолок лобби. Он слышал быстро удаляющиеся шаги и знакомые звуки биперов — второй злоумышленник использовал карту, чтобы пройти через турникет и вызвать лифт.

— Просто лежи тихо, — шепнул человек над

ним, — и с тобой все будет в порядке.

— Он стянул запястья Дола пластиковыми наручниками, подобрал каску охраны, надел её сам и спокойно занял место сторожа за стойкой, положив пистолет наколени.

В груди Дола жгло, пока он пытался отдышаться. Кто бы ни были эти люди, им потребовалось менее десяти секунд, чтобы захватить его пост и украсть карту доступа ко всему зданию.

• •• •

На четвёртом этаже Джонас Фокман вышел из лифта и направился к стальной двери с надписью ЦЕНТР ЗАЩИТЫ ДАННЫХ. Для неё требовалась специальная карта, и он громко барабанил в неё, пока дверь не открылась, и не появилось знакомое лицо.

Алекс Конон выглядел так, будто только вышел из боя. — Слава богу, — сказал техник. «Ты вернулся.»

«Что-нибудь известно о Лэнгдоне и Кэтрин?» — настаивал Фокман, все еще не оправившись от слов техника во время того тревожного звонка: *Хакеры, стершие вашу рукопись... Кажется, они убили одного из ваших авторов.*

«Я всё объясню, — сказал Алекс, — но это хоро-

шие новости. Никто не погиб. Я ошибался».

Фокман почувствовал волну облегчения, накатившую насквозь, и согнулся, опустив ладони на колени, делая глубокие вдохи. *Слава Богу.*

«Лэнгдон — это тот, кого я принял за... мертвого, — продолжил Алекс, проводя Фокмана в центр безопасности. — Но я только что говорил с менеджером Four Seasons. Ситуация сложная, но он подтвердил, что Роберт Лэнгдон жив... хотя, похоже, у него неприятности с местными властями».

Какие неприятности? — промелькнуло у Фокмана, хотя любопытство затмило глубочайшее облегчение от того, что Лэнгдон в порядке.

Ободренный хорошими новостями, он последовал за Алексом через лабиринт компьютерных стоек от пола до потолка, все они гудели. Они вышли в открытое пространство с просторным рабочим местом, уставленным мониторами, расставленными в виде полукруга. Перед экранами стояло несколько комфортных кресел с высокой спинкой. Фокману показалось, будто он попал в миниатюрный центр управления полетами.

На стене над рабочим местом висела большая иллюстрация: терпящий бедствие океанский лайнер... тонущий в море из единиц и нулей. Подпись гласила: УТЕКШИЕ БИТЫ ТОПЯТ КОРАБЛИ.

Эта пародия на знаменитый лозунг Второй мировой напоминала о необходимости защищать данные на базовом уровне.

Немного запоздало, — подумал Фокман. Рукопись уже уничтожена.

Алекс подвинул второе кресло к своему, и оба сели, повернувшись друг к другу. «Так... произошло многое, — техник выглядел мрачным. — Давай начну с самого начала».

Фокман знал, что начинать с начала — худший способ рассказывать историю, но промолчал.

«Я не хотел говорить обо всем этом по телефону, — начал Алекс, — но после вашего исчезновения я испугался и решил немедленно предупредить Кэтрин Соломон, что ее рукописи угрожает опасность... и что ей самой может грозить смертельный риск».

«Хорошо».

«Я достал ее личное дело, позвонил на мобильный, но мне не ответили. То же самое — с Робертом Лэнгдоном. Когда я не смог дозвониться ни до кого из вас, запаниковал и решил вычислить ваше местоположение через взлом ваших телефонов».

«Погоди... ты можешь так делать?»

«Не в *твоем* случае, — ответил техник, повора-

чиваясь к терминалу и начиная печатать. — И не в случае с доктором Соломон. Но мистер Лэнгдон дался легко. Я заметил, что у него iCloud-почта и что он использует *один и тот же* пароль для нескольких учеток на сервере PRH. Должен сказать, я удивлен, что такой умный парень использует один пароль, да еще и такой слабый, как «Дельфин123».

Пароль Лэнгдона — «Дельфин123»? Фокман поник. *Зачем вообще нужны протоколы безопасности?* Прозвище Лэнгдона в Гарварде было «Дельфин» — он все еще мог обогнать половину сборной по водному поло. К сожалению, Лэнгдон также был ярым технофобом — классицистом, чье знание древностей мешало ему ладить с будущим. *У него все еще есть ролодекс и часы с Микки Маусом, будь он неладен.*

«Мне отчаянно нужно было найти кого-нибудь из вас, — сказал Алекс, — и я использовал пароль Лэнгдона, чтобы взломать его FindMy и определить его местоположение».

Техник набрал еще несколько клавиш, и на экране появилась карта Праги. «Согласно iCloud, — продолжил он, — телефон Лэнгдона был *полностью* отключен, что крайне необычно. И если мы проверим его последнее известное

местоположение… то увидим вот это тревожное изображение. — Конан обновил экран, увеличив масштаб. — Здесь сказано, что мистер Лэнгдон в последний раз выходил на связь сегодня утром в 7:02 по местному времени, и он был ровно… *здесь*.

— Он ткнул пальцем в крошечную синюю точку на карте. — А потом сигнал пропал. Фокман прищурился, разглядывая точку. — Простите? Это что, посреди Влтавы?

— Да! Учитывая, что на нас напали хакеры уровня спецслужб, — сказал Алекс, — а ты исчез, и Лэнгдон не отвечал…

— Ты решил, что он *утонул*? Лэнгдон — пловец мирового класса! Может, он просто выбросил телефон.

— Я тоже так хотел думать, но если бы Лэнгдон *выбросил* телефон, его трек был бы прямой линией. А тут *его* сигнал двигался, даже разворачивался, прежде чем исчезнуть! Это похоже на то, что его вывезли на реку, сбросили за борт, он попытался доплыть до берега, но утонул, утянув телефон за собой.

Фокман понимал, что сценарий тревожный, но прыжок Алекса от «последнего местоположения» телефона к убийству Лэнгдона был все же

слишком поспешным. Хотя, возможно, не более поспешным, чем совпадение, что телефоны и Лэнгдона, *и* самого Фокмана оказались на дне рек по разные стороны планеты.

— Я знаю, ты думаешь, что я перегнул, — сказал Алекс, — но учитывая, *кто* нас атаковал… у меня были основания для паники. И они до сих пор есть.

— Так кто же нас взломал? — потребовал Фокман, наклонившись вперед.

— Поэтому я и хотел поговорить с Кэтрин — узнать, не приходит ли ей в голову, кто мог на нее охотиться. Чтобы я мог создать алгоритм и искать цифровые следы.

Боже, этому парню нужен редактор. Да скажи уже, кто это сделал?!

— Но прежде чем я доработал алгоритм, сканирование FTK выдало результат. Один из индикаторов взлома совпал с записями в MISP, связанными с известными—

— Алекс, я вообще не...

— Тебе нужно знать только одно: те, кто атаковал PRH, спешили! Они сэкономили время, использовав часть *своего* старого кода — дублированные строки, которые хакеры называют «копипастой»! Это экономит время, но и рас-

крывает...

Внезапно техник вскочил и резко обернулся, вглядываясь вглубь серверной стойки, в сторону входа. — Эллисон?! — крикнул он.

Нервы Фокмана и без того были на пределе. «Кто такая Эллисон?»

«Мой босс. Либо она пришла рано, либо мне мерещится». Алекс встал, сверяясь с часами. «Ты слышал, как дверь пропищала?»

Фокман покачал головой. Я вообще ничего не слышу с 5 октября 1987 года.

Четвертый ряд, Pink Floyd, Мэдисон-Сквер-Гарден. Гилмор был божественен.

«Секунду», — сказал Алекс, исчезая в лабиринте компьютеров.

Невероятно, подумал Фокман, нетерпеливо ожидая.

Через десять секунд техник вернулся с пожатием плеч. «Прости, сегодня я параною по полной». Он выглядел потрясенным, усаживаясь обратно. «Те, с кем мы имеем дело, — не те, кого стоит злить». Алекс подкатил свое кресло к ближайшему терминалу и знаком предложил Фокману присоединиться, что тот и сделал. «Сейчас покажу», — сказал парень, запуская браузер. «Ты не поверишь—"

Фокман резко схватил техника за руку, давая понять, чтобы тот замолчал. *Ни слова больше!*

«Какого чёрта?!» — отпрянул Алекс.

«Прости, — громко, но спокойно сказал Фокман. — Я просто хочу кое-что быстро проверить в сети».

Фокман поднес палец к губам, пристально глядя на молодого техника, призывая его молчать. Когда Алекс кивнул в знак понимания, Фокман взял клавиатуру. Браузер открыл стандартную страницу поиска, и Фокман быстро набрал запрос заглавными буквами:

Мы здесь не одни… следуй моей игре.

Техник резко повернулся к Фокману, в глазах мелькнул страх.

Да, мне тоже страшно, подумал Фокман, только что осознав, что звук открывающейся двери, который услышал Алекс, — не плод паранойи; кто-то действительно вошел в эту комнату и теперь прячется среди стоек с оборудованием за их спинами.

И теперь они нас слушают. Минутой ранее Фокман заметил едва уловимую голубую точку, отражающуюся в стекле рамки с иллюстрацией рядом. *Редактирование шпионских триллеров окупилось.* Кто-то мог подумать, что это лазерный

прицел, но точка была голубой, а не красной, и направлена на *стекло*.

«Интересный сайт», — спокойно сказал Фокман, удаляя первое сообщение и набирая другое.

Кто стоит за взломом?

Лицо Алекса побледнело, когда Фокман отодвинул к нему клавиатуру. Глубоко вздохнув, техник послушно напечатал ответ.

Фкман изучил странное, разделённое дефисами слово, которое ввел Алекс. Оно было ему незнакомо. Он растерянно пожал плечами и беззвучно проговорил:

«Кто… это… такой?»

Алекс снова начал печатать — на этот раз короткую аббревиатуру. Фокман уставился на нее в немом шоке. *Не может быть.*

В любой другой день Фокман никогда бы не поверил тому, что только что появилось на экране, но учитывая всё, что произошло сегодня ночью, эта информация определенно давала ответы на многие вопросы.

Блядь.

Теперь вопрос заключался в том, что Фокман собирался делать со своей текущей ситуацией. Ответ, как он подозревал, крылся в его навыках ведения диалога… и в понимании тонкой разни-

цы между двумя очень похожими словами.

Дезинформация и *дис*информация.

ГЛАВА 63

Лэнгдон, находясь в барочной библиотеке, вглядывался в лица посетителей, раз за разом сканируя толпу, и наконец смирился с тем, что опоздал.

Она ушла.

Прошло два часа с тех пор, как Кэтрин отправила ему зашифрованное письмо, велев прийти сюда. Даже если она и была здесь раньше, срок её билета истёк, и смотрители наверняка попросили её освободить помещение.

Лэнгдон опустил взгляд на «Codex Gigas», распахнутый в своём защитном стеклянном кубе; иллюстрация «Подгузникового дьявола», казалось, насмешливо смотрела на него. Всего вчера они с Кэтрин стояли на этом самом месте, взявшись за руки, увлечённо обсуждая загадки этой невероятной книги.

Кэтрин заинтересовала легенда о Библии Дьявола, но больше всего её воображение захватила архитектура самой роскошной библиотеки. Очарованная её красотой, она расспрашивала его о паркетном полу, фресках и о том, что она назвала «ложным балконом».

«Что значит *ложным*?» — удивился Лэнгдон.

«Он же *декоративный*, да?» — она указала на балкон, опоясывающий весь зал. — «Смотри… туда никак не подняться — ни лестницы, ни двери сверху».

Лэнгдон не мог не рассмеяться. *Конечно, только учёный заметит такую несуразицу.* Большинство туристов, восхищающихся подвесной галереей, и не подозревает, что перед ними очевидная загадка: как туда попасть — совершенно неясно.

«Идём за мной», — шёпотом сказал Лэнгдон, незаметно кивнув направо. Он подвёл её к углу библиотеки и, убедившись, что остальные посетители увлечены Библией, осторожно потянул на себя секцию книжного шкафа. Шкаф бесшумно отворился, обнажив тёмную нишу, в которой находилась винтовая лестница, ведущая к проёму в полу балкона.

«Ну конечно, ты это знал», — пробурчала она, закатив глаза.

Тёплые воспоминания о вчерашнем дне рассеялись, когда вдруг в дверях библиотеки раздался властный голос.

«Дамы и господа!» — крикнул мужчина. «Всем покинуть выставку! Пожарная тревога!»

Многие из чешских посетителей перегляну-

лись в растерянности и тут же направились к выходу. Часть иностранных туристов, поначалу замешкавшись, последовала их примеру.

«Пожарная тревога!» — раздался снова тот же голос. «Направляйтесь к выходу! Немедленно!»

Пожар? Лэнгдон не чувствовал запаха дыма. *Неужели?*

Он взглянул на толпу туристов, столпившихся у единственного выхода из библиотеки. Позади всех в дверном проеме стоял крепкого сложения мужчина в синей форме ÚZSI, наблюдая за эвакуацией… Внимательно разглядывая каждого проходящего, он даже задержал пару человек, чтобы рассмотреть их лица пристальнее.

Лэнгдон тут же узнал его. *Лейтенант Павел.*

Он не понимал, как тот так быстро — и так точно — выследил его, но факт оставался фактом: Павел методично прочесывал толпу.

Тревога ложная, — пронзило Лэнгдона. Это ловушка.

Учитывая, что Павел уже стрелял в него в зеркальном лабиринте, нельзя было исключать, что он попросту пристрелит Лэнгдона как последнего посетителя библиотеки.

Он окинул зал взглядом в поисках укрытия — лишь ряд глобусов да прозрачный витринный

короб для кодекса. Ни то, ни другое не сулило спасения. В отчаянии Лэнгдон поднял глаза на верхний балкон, затем перевел взгляд на книжный шкаф со створками в углу зала.

Даже если он поднимется на балкон, оттуда не было выхода. *Книжный шкаф — тупик.* Но если спрятаться на потаенной лестнице, это могло подарить ему несколько драгоценных минут. Разумеется, музейная охрана в конце концов нашла бы его, но это все равно было лучше, чем остаться наедине с тронутым на голову, слишком падким на спусковой крючок агентом ÚZSI.

Пока Павел его не заметил, Лэнгдон откололся от потока посетителей и двинулся обратно к книжному шкафу. Подбежав, он схватил дверцу и потянул на себя.

Дверца не поддалась. Озадаченный, он дернул сильнее. *Её заперли?*

Устанавливать замок на этом шкафу было верхом бессмыслицы, тем более что вчера, когда они с Кэтрин...

Его внезапно осенило.

Необъяснимо... и всё же...

Поразившись собственной догадке, Лэнгдон прильнул губами к перегородке и прошептал: «Кэтрин?»

Изнутри донеслось шуршание — словно кто-то развязывал удерживавшую дверь веревку. Мгновение спустя книжный шкаф распахнулся.

Лэнгдон увидел перед собой залитые слезами глаза Кэтрин Соломон.

Не раздумывая, он шагнул к ней в объятия, и шкаф захлопнулся за его спиной. Они стояли, обнявшись, в темноте крошечного прохода, а Лэнгдон слышал, как Кэтрин тихо рыдает.

«Слава богу, — едва выговорила она. — Я думала, ты погиб».

«Я здесь», — прошептал он в ответ.

ГЛАВА 64

В темноте ниши Кэтрин прижалась к Лэнгдону, крепко обхватив его, и ни один из них не проронил ни слова. Каким бы ни был хаос за пределами их укрытия, сейчас они были одни в этом мире — по крайней мере, на этот краткий миг, вместе и в безопасности.

Я думала, больше никогда его не увижу, пронеслось в голове Кэтрин.

Время, проведенное в убежище, казалось вечностью. Она дрожала за свою жизнь и была разбита от мысли, что могла потерять человека, в которого влюблялась. Разлука с ним стала бы жестоким ударом судьбы. Все эти годы Кэтрин не могла сопротивляться обаянию Роберта, но почему-то не позволяла их отношениям перейти в романтическое русло. Может быть, она боялась потерять его как друга, но всякий раз, когда их пути пересекались, в глубине души она задавалась вопросом: может, когда-нибудь, спустя десятилетия дружбы, наступит подходящий момент.

И теперь… наконец, этот момент *настал.*

Переполненная эмоциями, Кэтрин крепче обняла Лэнгдона, наслаждаясь идеальным с ним

совпадением и теплом его тела.

«Ты вся холодная, — прошептал Лэнгдон. — Ты в порядке? Где твое пальто?»

«Я использовала его, чтобы завязать дверь, — ответила она, объяснив, что одним рукавом привязала пальто к винтовым перилам, а другим — к ручке двери, чтобы никто не смог открыть книжный шкаф. — Эта ниша была единственным укрытием, до которого я смогла додуматься.»

«Но *зачем* прятаться?!» — спросил он, явно озадаченный.

Кэтрин рассказала, как утром получила паническое голосовое сообщение от системного техника PRH по имени Алекс. Она перезвонила, и тот в ужасе предупредил, что кто-то взломал сервер PRH… и удалил все следы ее рукописи.

«Что?!» — Лэнгдон был потрясен. «Твоя рукопись *удалена*?»

«Похоже на то, — сказала она. — Техник был в ужасе. Он сказал мне…» Кэтрин сделала паузу, голос ее дрогнул. «Роберт… он сказал, что думает, будто *ты* утонул.»

Лэнгдон отстранился, пытаясь разглядеть ее лицо в темноте. «Он сказал, что я *мертв*?!»

«Он этого опасался, да, — ответила Кэтрин, голос ее дрожал. — Сказал, что отследил твой телефон до середины реки Влтава… и сигнал пропал. Я была так расстроена, что не смогла задать вопросы, а он велел немедленно избавиться от телефона, уйти с улицы и спрятаться в безопасном месте, пока не появятся новости. Проблема была в том, что он не мог связаться с нами, и казалось, что тот, кто удалил мою рукопись, охотится за всеми *тремя*! Также он сказал, что Джонас бесследно исчез!»

Лэнгдон с трудом осознавал услышанное. *Джонас пропал?* Но кому понадобилось нападать на твою рукопись? Или на нас?!»

«Понятия не имею, — она прижалась к нему еще сильнее, ее волосы пахнули сладко. — Я просто счастлива, что ты в безопасности.»

«Кэтрин, — прошептал он. — Я тоже не понимаю, что происходит… но мне очень жаль, что тебе пришлось через это пройти.» Он понимал, что должен рассказать о своей не менее хаотичной утрате, но пока не знал, как поступить. «Ты уверена, что рукопись… *удалена*?»

«По словам Алекса, да, — ответила она. — Удалена со всех серверов. Хорошая новость в том, что этим утром, покидая отель, я заметила, что

офис пуст, и воспользовалась моментом, чтобы распечатать копию рукописи для тебя.»

Последние несколько дней Кэтрин почти была готова дать ему экземпляр для чтения, но издательский этикет требовал, чтобы первым ее увидел *редактор*… что теперь и произошло.

«Я распечатала твой экземпляр, но когда собиралась подняться в номер и запереть его в сейфе, в отеле сработала пожарная тревога, и мне пришлось эвакуироваться!»

Лэнгдон с изумлением понял: Кэтрин была буквально в нескольких шагах, в бизнес-центре, когда он мчался через холл, дернув пожарный рычаг. *Боже, я только что разминулся с ней.*

«Тот распечатанный экземпляр, — спросил Лэнгдон, не различая ничего в темноте. — Ты смогла его куда-то спрятать?»

«Он прямо здесь, в моей сумке! — ответила она. — Когда я сказала Алексу, что он у меня, тот сказал, что это может быть единственная уцелевшая копия, и велел отнести ее в надежное место, пока мы не разберемся. Я была неподалеку, так что пришла *сюда.*»

Лэнгдон крепче обнял ее.

«Я верила, что ты жив, Роберт — я *чувствовала* это, несмотря на слова Алекса о твоей гибели.

Я хотела позвонить и сказать, где буду ждать. Проблема в том, что он предупредил: за нашими сообщениями, вероятно, следят.»

«И ты отправила мне закодированное письмо перед тем, как избавиться от телефона, — сказал Лэнгдон, ощущая, как складывается картина.»

«Да. Энохианский язык и кодекс XL. Это было самое странное сообщение, какое я могла придумать, но я знала, что ты поймешь.»

Лэнгдон не мог не улыбнуться. «Это чертовски умно, Кэтрин Соломон.»

«Было нетрудно, — она засмеялась и нежно поцеловала его в щеку. — Я просто спросила себя: как бы поступил *ты*?»

• .. •

В коридоре за пределами Барочной библиотеки лейтенант Павел наблюдал, как последние туристы выходят наружу.

Где, черт возьми, Роберт Лэнгдон?

Пять минут назад Павел показал фотографию Лэнгдона смотрителю, проверявшему билеты у входа. Тот подтвердил: высокий американец действительно вошел в библиотеку незадолго до прибытия офицера и, насколько ему известно, еще не выходил.

Так где же он?!

«Здесь есть другой выход? — потребовал Павел. — *Jiný východ?!*» Напуганный смотритель покачал головой. *«Žádný tu není.»*

Павел шагнул внутрь и осмотрел длинное прямоугольное помещение. По сути, это был широкий коридор с высокими книжными шкафами вдоль стен — спрятаться было негде. Посередине зала стояли старинные глобусы, выстроенные по направлению к огромной прозрачной витрине — ни то, ни другое не могло служить укрытием.

Тут Павел заметил балкон.

Очень хитро, профессор.

Огибающая галерея библиотеки находилась достаточно высоко, чтобы Лэнгдон мог скрываться, просто лежа на верхнем ярусе. Павел осмотрел зал — ни лестниц, ни дверей, ведущих наверх, не было.

Он подозвал смотрителя и указал на балкон. — Как ты туда забрался? — тихо спросил он, возвышаясь над худощавым молодым человеком.

Экскурсовод нервно указал на угол библиотеки слева от входа. — Там дверь в книжном шкафу… и винтовая лестница за ней.

Павел взвесил варианты. — Опечатать библиотеку! — приказал он. — Выходите и заприте

двери. Тот, кто заперт внутри, крайне опасен. *Ни при каких обстоятельствах* не открывайте эти двери — что бы вы ни услышали! Даже выстрелы. Ясно?!

Экскурсовод побледнел и кивнул, тут же бросившись обратно в коридор и захлопнув двери за собой. Глухой удар прокатился по пустому залу, и Павел услышал, как несколько засовов щёлкнули на место.

Оставшись один, Павел развернулся и встретил взглядом безмолвный зал.

Теперь только мы с тобой, профессор… в этой роскошной ловушке.

ГЛАВА 65

Историческая Староновая синагога укрылась в районе Йозефов — когда-то бывшем огороженной стеной еврейским гетто Праги. Как старейшая действующая синагога Европы, она с XIII века безмолвно наблюдала за изменчивыми волнами истории. Несмотря на испытания временем и бурные события, пережитые Прагой, синагога осталась нетронутой — свидетельство стойкости веры и традиции.

Согласно легенде, камни для этого храма были принесены ангелами из Иерусалима «с условием», что они вернутся в Иерусалим с приходом Мессии. Многие учёные считают, что это «условное» дарение — на иврите *аль тнай* — смешали с идишским *алт най*, что буквально означает «старо-новый», отсюда и необычное название здания.

Духовный оазис... в пустыне материализма, подумал Голем, вглядываясь в аскетичный каменный фасад синагоги, вплотную обступивший витринами Hermès, Montblanc и Valentino. Современный мир захватил каждый уголок древнего гетто, поглотив его мрачные жилища, оставив

лишь тонкую нить памяти об опасных улицах, которые некогда патрулировал легендарный голем, созданный на этом месте столетия назад.

Во многом, синагога была местом, где родился и сам Голем. Вскоре после прибытия в Прагу он бесцельно проходил мимо этого здания, когда услышал экскурсовода, рассказывавшего легенду о великом защитнике еврейского гетто — душе-хранителе, заключённой в тело глиняного чудища. История показалась ему знакомой и личной. Будто движимый неведомой силой, Голем вошёл в храм.

Внутри воздух был мёртво-неподвижен, насыщен почти мистической энергией. За алтарём возвышался священный ковчег, хранящий древние свитки Торы, вдохновлённые вечным диалогом земного и божественного. Голема успокоила тишина и приглушённый свет. Он сел на деревянную скамью, чью поверхность отполировали поколения верующих, и именно там, в мерцающем свете средневековых подсвечников, он взял информационный буклет… и начал читать.

Он не мог оторваться от легенды о големе и его *создателе* — могущественном рабби Иуде Ливе бен Бецалеле, известном также как Махараль из

Праги. Помимо изучения еврейской мистики и Талмуда, рабби Лив был математиком, астрономом, философом и каббалистом, написавшим множество трудов, включая важный текст под названием *Гур Арье аль а-Тора.*

Поздним вечером Голем тихо читал текст рабби, купленный в магазинчике у синагоги. Поглощая древние слова, он, к своему изумлению, находил *себя* на каждой странице… Истину, которую уже знал!

Реальность имеет множество уровней.

Гуф, нефеш, сехель…

Одинокая душа может слиться с другой, создав новое существо.

Йесодот, тааровот, тарковот.

Души рождаются вновь и вновь.

Гильгуль нешамот…

В ту роковую ночь, изучая цикл перерождений, он осознал, что, как и первому голему, ему суждено было явиться в этот мир внезапно, с чётким осознанием себя, — чистая душа, пробудившаяся в физической оболочке, столь чуждой, что вызывала отвращение.

Он вспомнил тот первый миг в душном психлечебном учреждении, когда, вдохновлённый невыразимой жестокостью, Голем внезапно

осознал себя и ощутил цель… возникающую из небытия… увидел беспомощную женщину, которую ночная сиделка избивала до потери чувств. Он бросился вперёд, повалил сиделку на пол и душил её без пощады, пока в ней не угасла жизнь.

Затем он склонился над жертвой, вкушая победу, окрылённый своим первым актом служения в этом мире. Женщина, которую он спас, была без сознания и не видела его подвига. Не почувствовала, как он перенёс её избитое тело на кровать, обработал раны и скрылся во тьме… начиная понимать, кто он и зачем был призван.

Я её защитник.

С тех пор он молча охранял её в стенах той тюрьмы, следя из теней, убеждаясь, что она в безопасности. И лишь той ночью в Праге, читая слова рабби Лива, Голем наконец осознал, почему еврейская легенда казалась столь знакомой… и истинную причину своего появления в Праге.

Я — Голем.

Он представил глиняного монстра, пробуждающегося без предупреждения, зная лишь, что он здесь, чтобы защищать.

Моя история — это его история.

Подобно древнему глиняному чудищу, Голем часто чувствовал себя изгоем, обречённым на

одиночество. Он тоже боролся с безумием. Порой ему хотелось признания своих жертв, но это было не его уделом. И потому он оставался невидимым в её мире.

Сегодня перед ним стояла совершенно иная задача. Он убил её наставника и возлюбленного — двух монстров, злоупотребивших её доверием, — но Саша ни в коем случае не должна была узнать о его действиях.

Она никогда не простит меня… никогда не поймет.

Поэтому Голем решил, что нужно сделать. Он укрыл Сашу в темноте, где она будет счастливо не ведать о происходящем… и о том, что ему предстоит совершить.

Подходя к синагоге, он чувствовал тяжесть, и это бремя было не только духовным. Его плащ был полон — электрошокер Vipertek, выкидной нож и металлический жезл для управления Эфиром. Голем подозревал, что всё это ему понадобится.

Ещё не дойдя до храма, Голем резко свернул налево на Широкую улицу, направляясь сегодня не в синагогу, а на соседний участок — три акра земли, окружённые высокой каменной стеной.

То, что скрывалось за этими стенами, внушало благоговение и ужас, став известным на весь

мир… как самое призрачное место на земле.

ГЛАВА 66

В других обстоятельствах лейтенант Павел, возможно, попытался бы оценить умиротворённую атмосферу этой древней библиотеки, но сегодня в его жизни не было места спокойствию. Ярость, нарастающая в нём, была не похожа ни на что, что он когда-либо ощущал.

Мой капитан, мой дядя… убит.

— *Профессор!* — рявкнул он в пустоту, выхватывая оружие и оглядывая балкон над собой. — *Я знаю, ты там! Выходи!* —

Никакого движения. Тишина.

— *Покажись, сейчас же!* —

Павел медленно развернулся, позволяя оружию описать дугу по всему периметру галереи.

Ничего.

Направившись к углу зала, где, как указал смотритель, находилась потайная лестница, Павел бесшумно пересёк помещение и обнаружил часть книжного шкафа, незаметно превращённую в дверной проём. Он схватил маленькую латунную ручку и потянул, но дверь сдвинулась лишь чуть-чуть и замерла.

Он попробовал снова. Дверь была заперта из-

нутри.

Собравшись с силами, Павел рванул ручку изо всех сил, но дверь поддалась лишь на несчастный дюйм, прежде чем латунная ручка оторвалась от старинного книжного шкафа, отправив Павла кувырком назад на твёрдый паркет. Удар о пол пронзил его уже пульсирующий череп обжигающей болью.

Взбешённый лейтенант вскочил на ноги, направил пистолет на дверь книжного шкафа и нажал на спуск. Под громким эхом пуля пробила шкаф и с металлическим лязгом ударилась обо что-то на той стороне — возможно, винтовую лестницу, о которой говорил смотритель, ведущую на второй этаж.

Павел не услышал, как тело упало на пол. Он подумывал разрядить весь магазин в шкаф, но вовремя опомнился.

Trpělivost, — шепнул призрак его капитана. Терпение — это тоже оружие.

Павел опустил пистолет.

Если звук выстрела не заставил смотрителей прибежать, то уже ничего не заставит. Время работало на Павла, и у него уже созрел план.

У дальнего конца зала стояла старинная лестница, прислонённая к книжному шкафу. Предна-

значенная для доступа к верхним полкам первого этажа, она не доставала до балкона.

Его взгляд упал на прозрачную витрину в дальнем конце зала. Тяжёлый куб из плексигласа был почти такого же роста, как сам Павел, и выглядел пуленепробиваемым — идеальное основание для лестницы. Если Павел сможет дотянуться лестницей до балкона, он сможет перелезть через него, обойти вокруг к вершине винтовой лестницы… и атаковать сверху.

Trpělivost, — подумал он. Терпение, мой капитан.

В нише Кэтрин и Лэнгдон в ужасе прижались друг к другу, только что услышав, как пуля влетела в тесное пространство и ударила в металлическую лестницу под ними. Все произошло мгновенно — яркая вспышка и оглушительный звон.

Минутой ранее, услышав голос Павла и хлопок запирающихся внешних дверей, Лэнгдон поспешно затянул длинное пальто Canada Goose Кэтрин вокруг перил как можно туже. Затем они поднялись на середину винтовой лестницы и замерли на площадке между этажами, чтобы в

случае чего можно было быстро убежать либо вверх, либо вниз. Павел уже дал понять, что сначала откроет огонь, а вопросы задаст потом.

Мы заперты в этой библиотеке с безумцем.

Лэнгдон размышлял, действительно ли травма головы сделала Павла неуправляемым, или же лейтенант получил официальное разрешение на применение смертоносной силы. *От кого?* Учитывая все, что Лэнгдон теперь знал, здесь присутствовала тревожная догадка: кто-то поручил Павлу разыскать манускрипт Кэтрин и уничтожить его.

И уничтожить нас вместе с ним.

Лэнгдон понимал, что их единственная надежда — немедленно связаться с посольством или местной полицией. Проблема в том, что телефонов у них не было, и если они начнут кричать о помощи, Павел окажется единственным, кто их услышит.

— Ты в порядке? — прошептал Лэнгдон в темноте.

— Вовсе нет, — ответил голос Кэтрин. — А ты?

Лэнгдон нашел ее руку и сжал. — Ни с места. Останься на площадке. Я поднимусь и проверю, есть ли здесь другой выход.

В полной темноте Лэнгдон ощупью поднялся по

узкой лестнице до самого верха, пока не нащупал над собой люк. Он мягко надавил, и небольшой деревянный квадрат приоткрылся.

Через щель хлынул свет. Лэнгдон прищурился, приподнимая крышку, пока его голова не оказалась на уровне пола. Выглядывая из-под люка, он осмотрел балкон в поисках возможных выходов — хотя бы окна, ведущего на крышу. Ничего. Лишь стены древних книг, упирающиеся в потрясающую фреску на сводчатом потолке.

Лэнгдон полностью открыл люк и осторожно опустил его на пол балкона. Поднявшись еще на одну ступеньку, он заглянул вниз через балюстраду. Внизу, в дальнем конце библиотеки, был виден Павел, стоящий спиной к Лэнгдону. Его лицо было прижато к витрине с Дьявольской Библией... будто он пристально изучал артефакт.

Лэнгдону не казалось, что Павел — человек, способный увлечься древним кодексом, особенно в такой момент. Но затем послышался пронзительный скрежет, и витрина сдвинулась на несколько сантиметров. Лэнгдон понял, что крепкий лейтенант вовсе не любуется кодексом, а пытается сдвинуть массивную витрину по полу.

Зачем? Этот куб должен весить тонну!

Лэнгдона огорчили глубокие царапины, остав-

ленные на великолепном паркетном полу, но куда сильнее его встревожила увиденная поблизости старинная лестница, лежащая на полу. В одно мгновение намерения Павла прояснились. *Он собирается сюда подняться.* Прозрачный куб, конечно, казался достаточно прочным, чтобы выдержать основание лестницы, и Павел явно обладал силами передвинуть его. Витрина сдвигалась на несколько сантиметров с каждым усилием, медленно продвигаясь к стене. Ее перемещение заняло бы время и требовало терпения, но у Павла, казалось, были и то, и другое в избытке.

Если он нас оттуда выкурит, прятаться больше негде. Из этой запертой комнаты нет выхода.

Лэнгдон напряженно искал решение, и его взгляд, как это часто бывало в поисках вдохновения, устремился вверх. Вглядываясь в разноцветное пространство фрески, протянувшейся над головой, он почувствовал, как целиком погружается в красоту этой работы — изображения иезуитских святых, углубленных в чтение и письмо среди облаков, подчеркивающих важность знаний.

Думай, Роберт.

Когда его взгляд скользнул по высокому изображению рая, он неожиданно задержался на странном объекте, затерявшемся среди клубящихся облаков на фреске.

Это был маленький металлический диск.

Блестящее подобие нимба…

Лэнгдон знал, что этот металлический диск *точно* не был добавлен художником, и хотя его появление на фреске казалось кощунством, когда Лэнгдон увидел его, ему показалось, будто небеса разверзлись… и указали путь к спасению.

ГЛАВА 67

Офицер Хаусмор, прибыв к Бастиону Распятия, обнаружила, что снаружи нет припаркованных машин, никаких признаков жизни, а входная дверь разбита.

Что здесь произошло? Подняв пистолет, она осторожно ступила в заваленный стеклом вестибюль, её ботинки хрустели на осколках.

Хаусмор с облегчением увидела, что стальная дверь с надписью ЛАБОРАТОРИЯ цела и заперта. Она прошла по коридору в приёмную и кабинет Гесснер.

Где все?

Она позвонила мистеру Финчу через Signal и рассказала о своих находках.

«Мой самолёт только что вылетел из Лондона», — ответил Финч, и в его голосе звучало нехарактерное напряжение. — «Обезопасьте здание — никто не входит и не выходит. Применяйте смертоносную силу, если необходимо».

С этими словами он прервал связь.

На четвёртом этаже Random House Tower, спрятавшись в лабиринте гудящих серверных стоек, оперативник Чинбург подстроил наушники и сосредоточенно слушал разговор, который вёл примерно в сорока футах от него Джонас Фокман с Алексом Конаном.

Луч его лазерного микрофона был направлен на самую гладкую доступную поверхность — стекло, закрывавшее иллюстрацию тонущего корабля. Удобно, что на иллюстрации был изображён синий океан, на котором синяя точка света оставалась практически незаметной. Важнее было то, что картинка висела совсем близко к месту, где беседовали Фокман с техником, настолько близко, что звук их голосов вызывал микровибрации на поверхности стекла, которые, в свою очередь, вызывали микроколебания в лазерном луче. Интерферометр затем анализировал паттерны помех в световом луче и «переводил» колебания обратно в звук.

Чинбург слышал каждое слово. И я не единственный, кто слушает.

Где-то над Европой на своём частном самолёте мистер Финч слушал разговор в режиме реального времени через спутниковый канал и VoIP. Чинбург был уверен, что шеф останется дово-

лен. До самого последнего момента вся команда переживала, что техник PRH и вправду мог найти способ идентифицировать Q как источник взлома.

Даже близко не подошёл.

Чинбург усмехнулся, с весёлым интересом слушая в наушниках, как редактор злится на молодого техника.

— *Library Genesis!* — ядовито выкрикнул Фокман. — Нас взломали эти чёртовы пираты из Library Genesis! Одна из самых известных пиратских группировок в мире! Алекс, как ты мог допустить их проникновение на наши серверы?!

Чинбург, конечно же, слышал об этой неуловимой организации, известной среди хакеров как LibGen. Основанная более десяти лет назад российскими учёными, LibGen была крупнейшей в интернете «теневой библиотекой» пиратских академических и литературных работ. Несмотря на многочисленные судебные иски от крупных издательств, LibGen продолжала существовать благодаря гениально децентрализованной структуре зеркальных сайтов и резервных доменов.

Техник ошибся. Мы в безопасности.

Чинбург с облегчением осознал, что всё могло сложиться иначе. Его команда ускорила атаку,

переработав уже имеющийся код, что в эту новую эпоху ИИ-улучшенного веб-сканирования потенциально могло привести к оперативному подразделению Q.

К счастью, техник этого не заметил.

Чинбург предположил, что LibGen всё-таки пыталась взломать PRH недавно, и сегодня техник обнаружил цифровой артефакт от той старой атаки.

Фокман продолжал тарабанить над печально известной пиратской группой, пока техник яростно печатал, скорее всего, ища больше информации… или, возможно, составляя заявление об увольнении.

Продолжай искать, — подумал Чинбург. Ты свернул не на ту тропинку.

В этот момент Чинбург почувствовал вибрацию телефона и посмотрел на экран. Это было зашифрованное сообщение от мистера Финча, которому, по-видимому, услышанного хватило.

Миссия выполнена. Уходим немедленно.

Внизу, в лобби, охранник Марк Дол, беспомощно лежавший за стойкой, всё ещё корил себя за то, что не справился с ситуацией лучше.

Всё произошло так быстро… Я провалился в самый важный момент.

Мускулистый громила, занявший место Дола и прихвативший его служебную фуражку, сейчас просматривал телефон и бумажник Дола, делая заметки.

Дол жалел, что не догадался вызвать полицию, когда эти парни появились. Участок Мидтаун Норт был всего в нескольких кварталах, и полицейские могли бы приехать за считанные минуты.

Лифт щёлкнул, и Дол услышал, как второй злоумышленник возвращается в лобби.

— Всё готово, — сказал вошедший. — Они уверены, что мы книжные пираты — мы чисты.

— Забавно, — верзила развернулся и присел рядом с Долом. — Твои начальники ничего не понимают, Марк. Надеюсь, ты умнее… достаточно умен, чтобы никогда не упоминать, что мы здесь были.

Дол смотрел в его стальные глаза.

— Кстати, — добавил громила, — у тебя милые дети. Вижу, ты живешь в Sunset Park. Бруклин — не так далеко, а твой дом на Сорок шестой рядом с парком для детей. У тебя спокойная жизнь.

Дол понял намёк.

Мужчина поднял Дола на ноги, водрузил служебную фуражку обратно на голову, обрезал стяжки и оставил бумажник и телефон на стойке. — Никакого вреда. Теперь возвращайся к работе.

Дол наблюдал, как двое мужчин небрежно зашагали через лобби к четырём выходным дверям — двум распашным и двум вращающимся. Они направлялись к распашной двери, через которую вошли, но прежде чем они дошли до неё, Дол нажал одну из двух кнопок под стойкой, тихо активировав все автоматические замки.

Верзила подошёл к распашной двери и обнаружил, что она заперта. — Эй, открой нам!

— Не могу, — солгал Дол.

Мужчина обернулся с недоверчивым видом. — Ты *серьёзно* хочешь запереть нас здесь с собой?

— Нет, — сказал Дол. — Я имею в виду, что буквально *не могу*. Я не управляю дверьми. Они автоматические. Зелёное здание и всё такое. Сохранение тепла в лобби. В зимние месяцы только вращающиеся двери —

— Мы *только что* вошли через эту чёртову дверь!

— *Вход* с картой сотрудника. *Выход*— все сотрудники должны использовать вращающиеся

двери. Даже сволочи.

— Тебе повезло, что мы спешим, — сказал мужчина, направляясь с напарником к одной из вращающихся дверей. Дол быстро снова нажал кнопку под стойкой, теперь тихо разблокируя все четыре двери.

Вращающиеся двери Random House Tower были большими, поэтому небольшие группы обычно оказывались в одном отсеке. Дол был рад заметить, что эти двое не стали исключением. Когда они зашли в один отсек и начали толкать дверь наружу, та стала вращаться против часовой стрелки. Доул спокойно наблюдал, его палец замер над кнопкой блокировки. Когда дверь завернула ровно на четверть оборота, он в третий раз нажал кнопку, снова активировав все замки. Вращающаяся дверь внезапно остановилась на середине поворота, заточив двух нападавших в крошечной стеклянной тюрьме.

Пока Доул набирал 911, в холле раздались приглушенные ругательства.

Кричите сколько влезет, подумал Доул. Угрожать моим детям — последнее дело.

Лишь через две полные минуты после того,

как исчезла точка лазерного микрофона и дверь щелкнула, Джонас Фокмен наконец закончил свою театральную тираду против пиратов LibGen, просто чтобы убедиться, что подслушивающий действительно ушёл. Было ясно, что пиратство книг тут ни при чём, но правда оказывалась куда тревожнее.

Фокмен всё ещё не мог прийти в себя от увиденной аббревиатуры, набранной Алексом, гадая, почему эта группа организовала международную кампанию против Кэтрин Соломон и её неизданной книги. У них определённо были ресурсы и влияние для этого.

С волной ужаса Фокмен осознал, что паника Алекса по поводу Роберта Лэнгдона и Кэтрин Соломон внезапно стала выглядеть куда правдоподобнее. Ему также пришло в голову, что взломавшие башню Random House наверняка пересеклись бы с добродушным ночным сторожем — Марком Доулом.

Фокмен тут же позвонил на пост охраны, чтобы проверить его. Нет ответа. *Чёрт.*

Ожидая худшего, Фокмен бросился к лифтам. Спустившись на первый этаж, он свернул за угол в холл, готовясь к самому плохому. Однако перед ним предстала совершенно спокойная и неожи-

данная картина. Ночной сторож Марк Доул был жив-здоров и невозмутимо давал показания двум полицейским.

Полиция уже здесь?

Фокмен облегчённо вздохнул, увидев Доула целым и невредимым, после чего его внимание тут же переключилось на двоих мужчин в наручниках возле вращающейся двери — оба злобно смотрели на него.

Боже… неужели это…?

Фокмен и представить не мог, что произошло, но даже не пытался скрыть своё удовольствие, подходя к задержанным, лежавшим на боку.

— Эй! Добро пожаловать в Random House! — восторженно воскликнул Фокмен. — Не знал, что вы, ребята, такие книголюбы.

— Вам не стоит этого делать, — прошипел Баз-кат, сверля его взглядом. — Вы не знаете, на кого мы работаем.

— *На кого* вы работаете, — поправил Фокмен, хмурясь. — Кажется, мы это уже проходили.

— Отвали! — вырвалось у того, глаза пылали яростью.

Фокмен присел и улыбнулся. — Знаешь, Баз, ходил бы ты в библиотеку так же часто, как в спортзал, понял бы, что у всех великих историй

один конец. — Он подмигнул. — Плохиши всегда проигрывают.

ГЛАВА 68

Кэтрин с облегчением увидела, как Лэнгдон спускается с балкона, его силуэт выделялся на фоне тусклого света из люка, который он открыл наверху.

— Нам нужен огонь, — срочным тоном произнёс он, подойдя к ней на площадке. — Скажи, что у тебя есть зажигалка или спички.

— Прости, *что*?

— *Дым.* Нам нужен дым, если мы хотим выбраться отсюда. — В глазах Лэнгдона читалась явная тревога: то, что он увидел с балкона, его напугало… но, возможно, дало решение. — Кэтрин, у нас около двух минут, прежде чем вооружённый маньяк ворвётся по этим ступеням.

— Я… не уверена, что у меня есть. Моя сумка внизу…

— Давай возьмём её — сейчас же!

С Лэнгдоном на пятках Кэтрин спустилась по лестнице, теперь понимая его логику. Если звук выстрелов не привлёк внимание сотрудников музея, то ничто другое не привлечёт… кроме, возможно, угрозы *пожара* в древней библиотеке.

Вчера, когда она была здесь с Лэнгдоном, он по-

казывал ей тщательно выполненную фреску Яна Хибела на потолке, сокрушаясь по поводу трёх уродливых металлических дисков, установленных в 1970-х годах среди росписи. Теперь Кэтрин догадалась, что Лэнгдон, несмотря на их неприглядность, был рад присутствию этих дисков.

Датчики дыма.

Достигнув нижней площадки, Кэтрин нашла свою сумку и взвалила её на первую ступень. Сегодня сумка была необычно тяжёлой — в ней лежала её рукопись (более четырёхсот страниц) и большая бутылка воды. Запустив руку в самый низ, она начала на ощупь перебирать содержимое в поисках чего-то, что могло бы разжечь огонь.

Кэтрин знала, что у неё нет ни спичек, ни зажигалки, но, как показывали многочисленные телепрограммы про выживание, огонь можно добыть с помощью самых обычных вещей — мобильника, лупы, батареек, стальной ваты. Тем не менее, перерыв сумку, она поняла, что это тупик.

— У меня ничего нет, — прошептала она Лэнгдону, стоящему на ступеньку выше.

— Ни спичек. Ни зажигалки. Телефон в мусорном баке. У меня перчатки, бальзам для губ, брошюра музея, батончик мюсли, бутылка во-

ды…

— Батончик мюсли? Из отеля?

— Да. Из мини-бара.

— Он сгодится.

Горючие мюсли?

— Батарейки? — настаивал Лэнгдон. — Что-нибудь электронное? Фонарик, брелок, наушники, хоть что-то?

— Нет, Роберт, прости. — Она замолчала. — Хотя… в сумке есть встроенный Clutch. Я не знаю…

— Clutch? Что это?

— Зарядка для телефона, для сумок, — сказала она, раскрывая сумку. Отодвинув объёмную рукопись, она показала Лэнгдону торчащий из подкладки кончик кабеля.

— Типа маркетинговой фишки Cuyana, но удобно. Я зарядила его перед поездкой, но не знаю, насколько…

— Оставайся здесь, — сказал Лэнгдон, забирая сумку. — Через минуту скажу, что делать.

Без лишних слов он бросился обратно по винтовой лестнице.

* ** *

Надеюсь, она простит меня за это, — тревожно подумал Лэнгдон.

Прошла минута, как он оставил её внизу, и теперь он сидел на корточках на площадке посередине лестницы. Он нашёл батончик мюсли и положил его рядом со стопкой страниц рукописи, которые уже отложил. Теперь он шарил по шёлковой подкладке сумки и наконец нащупал твёрдый прямоугольник в кармашке на липучке. Он вытащил его. *Это зарядка?* Ультратонкий Clutch Кэтрин больше напоминал розовую кредитку с хвостиком. *Надеюсь, ещё работает.*

Поднеся Clutch ко рту, он зажал кабель между зубами, дёрнул сильно и оторвал штекер. Затем разъединил два провода, зачистил их зубами и на мгновение соединил оголённые концы.

В темноте на миг сверкнула яркая искра. Он надеялся, что этого будет достаточно.

Лэнгдон положил зарядку на страницы рукописи и взял батончик. Как он и предполагал, тот был в тонкой фольгированной обёртке. Он оторвал кусок фольги и отделил узкую полоску, закрутив её в тонкую нить между пальцами. Затем присоединил один конец нити к оголённому проводу, оставив другой свободным.

Теоретически, когда он соединит свободный конец и замкнёт цепь, электричество пойдёт по фольге. Будучи плохим проводником, фольга

создаст сопротивление, что приведёт к нагреву… который в конечном итоге *воспламенит* фольгу.

Ненадолго.

К сожалению, ультратонкий материал прогорит за мгновение — недостаточно, чтобы зажечь ламинированную брошюру или даже тонкий лист рукописи. Если Лэнгдон хочет разжечь костёр, ему нужно что-то легко воспламеняемое.

Очень легко.

Внизу лестницы Кэтрин испытывала всё большее беспокойство, молча ожидая дальнейших указаний от Лэнгдона. *Оставайся здесь… Через минуту скажу, что делать,* — сказал он. Он двигался по лестнице и наконец расположился на полпути вверх, на решётчатой площадке, где они стояли раньше.

Помимо шума от Лэнгдона наверху, Кэтрин слышала звуки из библиотеки — серию повторяющихся резких скрежещущих звуков — и Лэнгдон объяснил, что это переставляют витрину. *Теперь звуки прекратились,* — поняла Кэтрин, почувствовав, что время почти вышло.

С возрастающим страхом она снова взглянула на металлическую решётку, где работал Лэнгдон.

К её удивлению, свет, просачивавшийся сквозь сетку, внезапно изменился. Это уже не были блёклые лучи из люка наверху… это было мерцающее зарево.

Огонь? Он смог?!

Ошеломлённая, она затаила дыхание, ожидая…

Через несколько секунд зарево стало ярче, и Кэтрин наконец выдохнула с приливом надежды. Она не знала, каким скаутским трюком воспользовался Лэнгдон, но по мере разгорания пламени она видела, что пористая металлическая решётка, на которой он разжёг огонь, обеспечивала идеальную вентиляцию снизу.

Но её изумление быстро сменилось тревогой.

Огня многовато…

Пламя стремительно расширялось и теперь покрывало большую часть площадки. В нарастающем свете она увидела, что Лэнгдон сошёл с платформы и теперь стоял на коленях на ступеньках ниже, подпитывая огонь сбоку. Пламя разгоралось, и Кэтрин почувствовала, как воздух подул из-под двери книжного шкафа, поднимаясь по лестничной клетке, словно по дымоходу, подпитывая огонь.

Кэтрин знала, что первой ее мыслью должно

было стать: *Это безопасно?* Но это было не так. Первое, о чем она подумала, было совершенно иным. *Что он сжигает?!* Эти языки пламени стали слишком яростными для музейной брошюры, пачки салфеток или чего-то еще, что он нашел в ее сумке. *Чем он это поджигает?!*

Ответ появился мгновением позже, когда частично обгоревший клочок бумаги медленно опустился сверху, приземлившись на ступеньки прямо перед ней. Обугленный кусочек белой бумаги был испещрен черным текстом, часть которого еще можно было разобрать. Кэтрин понадобилось лишь мгновение, чтобы узнать эти слова.

Роберт, нет!

Она бросилась вверх по лестнице, умоляя его остановиться. По мере того как она поднималась к Лэнгдону, ей внезапно пришло в голову, что он велел ей оставаться внизу потому, что знал: она никогда не согласится с его планом. *Он сжигает мою рукопись!*

Подойдя к площадке, она ощутила жар. Сквозь металлическую решетку она увидела нижнюю сторону стопки страниц рукописи, которую Лэнгдон бросал в огонь. Страницы горели быстро и ярко.

— Прекрати! — выдохнула она. — Это же *единственная* копия! Мы не можем ее потерять!

Лэнгдон взглянул вниз, его глаза сверкали в свете пламени. — Мы *уже* потеряли ее, Кэтрин… мне правда жаль. Эту бумажную версию конфискуют *мгновенно*, как только мы выйдем из этой ниши. И тогда для нас все закончится. Так что давайте хотя бы используем ее, чтобы спасти свои жизни.

— Но другой нет…

— Пожалуйста, послушай, — сказал он, продолжая подкидывать страницы в огонь. — Есть вещи, о которых я тебе еще не рассказал, но сегодня людей *убили* из-за этой книги. Пока у нас есть рукопись, мы — *цели*. Первая пуля едва нас не задела. Следующая не пролетит мимо.

— Боже мой, людей убили?! — переспросила она. — Из-за моей рукописи?!

— Кэтрин, профессионалы *стерли* твою рукопись с защищенного корпоративного сервера! Капитан ÚZSI, допрашивавший меня сегодня утром, обвинил нас в организации террористической акции ради пиара книги. Бригита Гесснер попросила аванс-копию, и ее пытали и убили прошлой ночью. Джонас, кажется, пропал. ÚZSI охотится за *мной* с тех пор…

— Бригита Гесснер *мертва*?!

Лэнгдон мрачно кивнул. — Я не претендую на то, чтобы понимать, что происходит, но *ничто* не стоит наших жизней. И друг друга. Это правильный поступок. Я прошу тебя довериться мне.

Немного поздно для доверия, подумала она, глядя на жалкую кучку оставшихся страниц. *Ты уже сжег большую часть.*

◆ ·· ◆

У лейтенанта Павла от напряжения пульсировало в висках.

Он закончил передвигать по залу библиотеки огромную витрину и наконец установил ее под балконом. Прозрачный куб оказался значительно тяжелее, чем выглядел, и немалая часть веса, несомненно, приходилась на гигантский экспонат внутри.

Павел перевел дух, разглядывая сквозь толстое оргстекло нелепо большую книгу внутри куба. Ее слава привлекала толпы, но книга была раскрыта на странице с изображением полуголого дьявола в набедренной повязке.

Люди платят деньги, чтобы на это посмотреть?

Стремясь поскорее подняться на балкон, Павел

достал лестницу и взгромоздил ее на крышку витрины, с удовлетворением отметив, что теперь она доставала до балкона.

Прежде чем вскарабкаться на витрину, Павел в последний раз окинул взглядом балкон — не образумился ли Лэнгдон и не высунулся ли. Когда его взгляд скользил по периметру зала, движущийся вдоль балкона, он внезапно остановился.

Павел надеялся, что это галлюцинация.

В дальнем углу балкона, над запертой нишей, из ниоткуда поднимался столб черного дыма… Он расползался к самой высокой точке сводчатого потолка… уже собираясь в темное облако, которое теперь медленно ползло по бесценной фреске.

Нет…

Но было уже поздно.

В следующее мгновение завыли пожарные сирены.

ГЛАВА 69

Не прошло и нескольких секунд после срабатывания пожарной сигнализации, как лейтенант Павел услышал, как смотритель лихорадочно отпирает двери Барочной библиотеки.

Я же приказал! закипел Павел. Не входить!

Но, видимо, угроза пожара в древней библиотеке перевешивала даже приказы УЗСИ, и смотритель рванул внутрь, дико озираясь в поисках источника дыма.

Павел находился у дальней стены, взобравшись на витрину и готовясь подняться по лестнице на балкон. Смотритель его даже не заметил, сконцентрировавшись на столбе дыма над балконом. Он бросился к скрытому книжному шкафу, тщетно пытаясь его открыть.

Но Лэнгдона я ещё успею убить, понимал Павел, уже начинавший подъём. Око за око.

Следом за смотрителем вбежали двое музейных работников с огнетушителями.

Они кричали друг другу и пробовали открыть потайную дверь, не повредив её. Безрезультатно. Однако дым, валивший через люк теперь, казалось, рассеивался так же быстро, как и появился.

Павел преодолел половину пути по лестнице, когда его заметил другой смотритель. Пожилой человек бросился к нему, ужаснувшись при виде человека на самодельной лестнице над бесценным экспонатом библиотеки.*"Co to sakra dělάš?!»* крикнул снизу смотритель. *Какого чёрта ты творишь?!*

Павел проигнорировал его, продолжая подъём.

Приближаясь к вершине, он почувствовал вкус дыма в лёгких. Мутная пелена сгустилась прямо над ним, у сводчатого потолка, хотя только что включились громкие вентиляторы и стремительно очищали воздух.

Добравшись до верха лестницы, Павел заглянул за перила балкона к дальнему люку. Он всё ещё был широко открыт. Дымовая уловка американца оказалась хитроумной, но вот-вот сыграла бы против него. *Лэнгдон меня не заметит.* Даже если он отопрёт дверь и рванёт в библиотеку, Павел будет на высоте — идеальная позиция для смертельного выстрела.

Терпение, увещевал его капитан, и терпение было вознаграждено. Схватившись за железные перила балкона, он приготовился перелезть.

«Лейтенант Павел!» — раздался властный женский голос у входа. «На месте оставаться!»

Павел, стоя на верхней ступени, повернулся и приглядывался к библиотеке, несколько раз моргнув, пытаясь осознать увиденное. Призрак, движущийся к нему, выглядел настолько неожиданным и странным, что он задумался — а не галлюцинация ли это под влиянием дыма и черепно-мозговой травмы?

Приближающаяся женщина была элегантной темноволосой красавицей — несомненно, одна из самых впечатляющих женщин, которых Павел видел во плоти. Она шла на стройных ногах с осознанной грацией моделей на подиуме. Она запросто могла оказаться фантазией из «Дрим Зоны» Павла... если бы не одна проблема: по бокам от неё вышагивали два морпеха США в парадной форме посольства и с оружием.

◆ ·· ◆

На площадке винтовой лестницы Лэнгдон стоял над тлеющей горой пепла, убеждаясь, что ни единого уголька не осталось.

Этот пожар сделан возможным благодаря Procter & Gamble, мысленно поблагодарил он за маленький флакон антисептика, найденный на дне сумки Кэтрин. Safeguard содержал 80 % спирта, и Лэнгдон щедро намазал им первую страницу

рукописи Кэтрин перед тем, как свернуть лист в трубку для концентрации паров. Вставив трубку в решётку для вертикального положения, Лэнгдон поджёг пластиковую обёртку Le Postcard прямо напротив отверстия. Как и ожидалось, фольга сгорела мгновенно, но концентрированные пары воспламенились, и пропитанная гелем трубка вспыхнула.

Дальше всё произошло быстро.

Чешская типографская бумага горела быстрее, чем ожидал Лэнгдон; на мгновение он испугался, что совершил ужасную ошибку и поставил под угрозу всю библиотеку. Огонь распространился за считанные секунды. Вставляя новые страницы, Лэнгдон также выдавил остатки воды из бутылки Кэтрин и швырнул пластик на рукописные листы, вызвав клубы чёрного дыма от плавящегося пластика. Лэнгдон редко цитировал Шекспира, но этот инцидент явно заслуживал великого барда. *Всё хорошо, что хорошо кончается,* успокоил он себя, учитывая, что мог сжечь бесценную библиотеку или быть застреленным.

Теперь же, убедившись, что ничего не забыто, он взвалил на плечо сумку Кэтрин, ощутимо полегчавшую без рукописи и воды. Она уже молча спустилась вниз, убитая гибелью своего труда.

Лэнгдон не сомневался: она поймёт, что он сыграл на максимуме возможного.

Мы живы.

Спускаясь по ступеням, Лэнгдон слышал несколько голосов у книжного шкафа, надеясь, что среди них сотрудники музея.

«Мистер Лэнгдон?!» — донёсся низкий голос сквозь дверь с американским акцентом. «Я капрал охраны посольства, Дадли Морган.»

Лэнгдон и Кэтрин переглянулись в изумлении. *Быстро они сработали.*

«Можете выходить, сэр», — заявил мужчина. «Гарантирую: лейтенант УЗСИ, угрожавший вам, разоружён, а тревога отменена».

Лэнгдон не знал, что такое «синяя тревога», но присутствие посольства определённо предпочиталось УЗСИ.

«Откройте дверь, сэр.» Голос вежливый, но твёрже.

Кэтрин тут же принялась отвязывать рукав своего пальто от дверной ручки. «Постой!» — шёпотом остановил её встревоженный Лэнгдон. «Возможно, это переодетый УЗСИшник.»

То ли десятник прочёл его мысли, то ли подслушал сквозь дверь — но сразу под ней приземлился пластиковый пропуск. В полумраке мелкий текст

читался с трудом, но зато выпуклый *символ* развеял сомнения: белоголовый орлан со звёздно-полосатым щитом.

Снаружи книжного шкафа Дана Данек волновалась, ожидая, пока откроется потайная дверь. Не прошло и десяти минут, как посол Нагель вбежал в её кабинет с приказом — с сопровождением морпехов отправляться в Клементинум спасать американца.

Миссия выполнена, подумала она. Хотя почти на волоске.

Лейтенанта Павела уже увели из библиотеки в комнату для допросов, а его начальники получили уведомление. В УЗСИ взбесились, узнав о приказе «Вмешательство посольства США в официальный «Синий сигнал тревоги» — каковы бы ни были его причины — хотя у них не было выбора, кроме как немедленно выпустить «Опровержение тревоги».

Когда книжный шкаф наконец распахнулся, Роберт Лэнгдон шагнул вперёд, щурясь из тёмной ниши. Дана Данек с облегчением увидела, что он в безопасности, но была потрясена, появившись из тайника не один, а с женщиной. Дана мгно-

венно узнала это утончённое лицо.

Кэтрин Соломон.

ГЛАВА 70

Всё ещё дрожа после ледяной лестничной клетки, Кэтрин наслаждалась относительным теплом коридоров Клементинума, пока эффектная пресс-секретарь посольства, госпожа Данек, торопила их к выходу из музея.

Морские пехотинцы США обыскали нишу, сфотографировали кучу пепла на площадке и собрали обугленные обрывки страниц рукописи с пола. Их явный интерес к сгоревшим остаткам её книги — каким бы невероятным это ни казалось — похоже, подтверждал слова Лэнгдона о том, что её рукопись действительно была в центре сегодняшних событий.

Но почему?

Становилось всё очевиднее, что Лэнгдон, возможно, был прав: рукопись сделала их мишенями, а её уничтожение спасло им жизни.

Одна только мысль о том, чтобы писать книгу заново, наполняла Кэтрин тоской, которую она пока не была готова осознать. Лэнгдон предположил, что издательство PRH, возможно, сможет восстановить цифровую копию с взломанного сервера, или же хакеры запросят разумный вы-

куп. Она надеялась, что он прав. Или, быть может, Вселенная преподнесёт какой-нибудь неожиданный подарок.

Мы живы, подумала она. Начнём с этого.

Она не могла осознать, что Бригита Гесснер мертва, и Лэнгдон, судя по всему, ещё многое не рассказал о своём *собственном* утре; он только что сообщил Дане Данек, что очень обеспокоен безопасностью двух людей. *Майкл Харрис? Саша Весна?* Кэтрин не знала ни одного из этих имён.

Кроме того, что очень странно, когда Лэнгдон попросил у госпожи Данек телефон, чтобы позвонить Джонасу Фокману, она отказала, сказав, что посол настоятельно просил не выходить на связь с внешним миром, пока Кэтрин и Лэнгдон не будут в безопасности и не получат полный брифинг... ради их же защиты.

Ради нашей защиты?!

Лэнгдон шёл рядом с Кэтрин, и она потянулась к нему, взяла его за руку. Группа, сопровождаемая вооружёнными морпехами, вышла из музея через несколько дворов и арок на шумную Марианскую площадь. Прямо перед ними на резком ветру рвались флаги у здания Новой ратуши, а вдали становились слышны приближающиеся сирены. Их сопровождающие, тоже услышавшие

сирены, теперь торопили их. Лэнгдон крепче сжал руку Кэтрин, и они поспешили за морпехами к ожидавшей машине.

Это наш транспорт? подумала Кэтрин, поражённая. Не сказать чтобы неприметный.

Один из морпехов открывал дверь чёрного лимузина с логотипом посольства США на боку и двумя маленькими флажками на капоте — чешским и американским — оба красно-бело-синие. Лимузин уже привлекал изрядное внимание на площади.

«Простите за формальности, — сказала госпожа Данек. — Дипломатический транспорт обеспечивает защиту от местных властей. Посол счёл это разумным. Пожалуйста, садитесь».

По звукам приближающихся сирен Кэтрин поняла, что дипломатическая неприкосновенность может оказаться кстати. Однако, когда Кэтрин сделала шаг к машине, Лэнгдон незаметно удержал её, крепко сжав её руку.

Сирены звучали всё ближе.

— Мэм? — сказал морпех. — Вам обоим нужно срочно занять места в машине *сейчас же.*

Рука Лэнгдона оставалась неподвижной, его взгляд был прикован к американскому флагу, развевающемуся на капоте лимузина. Кэтрин не

понимала, о чём он думает, но у неё сложилось впечатление, что Роберт сомневается, стоит ли садиться в машину.

— Садитесь, сэр! — вдруг скомандовал морпех, когда за поворотом показался ряд чёрных седанов с мигалками. — Немедленно!

Лэнгдон перевёл взгляд с флага на салон лимузина, а затем на мигалки приближающихся машин. Наконец, с видом человека, выбирающего меньшее из двух зол, он помог Кэтрин сесть в машину и последовал за ней.

Морпех захлопнул дверь как раз в тот момент, когда на место прибыл кортеж машин ÚZSI, оглушая окрестности рёвом сирен в холодном утреннем воздухе.

Дана Данек стояла на обочине и смотрела, как лимузин посольства умчался прочь. Она не поняла причин колебаний Лэнгдона, но теперь это уже не имело значения. Поскольку оба оказались под контролем посла, Дана выполнила свой долг.

Она уже позвонила послу Нагелю, и тот явно вздохнул с облегчением, узнав, что Лэнгдон и Соломон найдены живыми. Однако теперь у Даны появилась дополнительная информация —

весьма тревожная информация — и она отошла в тихую нишу за статуей у здания мэрии, чтобы снова позвонить послу.

— Ещё кое-что, мэм, — сказала Дана, когда звонок перевели послу. — Я только что говорила с профессором Лэнгдоном, и он сказал, что очень беспокоится за безопасность Саши Весны… — Она замолчала, подавляя комок в горле. — …и Майкла Харриса.

— Харриса? — Нагель прозвучал удивлённо. — Лэнгдон объяснил, почему он беспокоится?

Теперь Дана знала правду об «отношениях» Майкла с Сашей Весной. И хотя она была рада, что эти связи не были его выбором, внутри её кипела ярость от того, что посол мог поставить его в такую ситуацию. *Он же юридический атташе, чёрт возьми, а не подготовленный полевой агент!*

— У нас не было времени обсудить это, — ответила Дана, — но он сказал, что они с Сашей должны были встретиться с Майклом у неё в квартире, но что-то пошло не так. Лэнгдон настоял, чтобы я отправила кого-нибудь проверить их обоих. Он передал мне ключ от её квартиры.

— У Лэнгдона был ключ Саши?

Дана взглянула на безвкусный брелок «Crazy Kitten», который только что передал ей Лэнг-

дон. — Она настояла, чтобы он взял его — на случай, если ему понадобится надёжное убежище.

Посол необычно долго молчала. — Хорошо, — наконец сказала она. — Я отправлю Скотта Кербла за вами. Он сопроводит вас к Саше.

Меня?! Дана не ожидала, что её отправят лично, и гадала, было ли это наказанием или знаком доверия. В любом случае, Нагель направляла с ней самого надёжного и опытного морпеха. Видимо, посол хотела удостовериться, что сегодня *больше* ничего не пойдёт не так.

Несмотря на тёплый воздух, поступающий из дефлекторов лимузина, Кэтрин Соломон почувствовала, как её охватывает ещё больший озноб, пока она слушала рассказ Роберта о событиях утра.

— Боже, Роберт… Я не знаю, что сказать… — История о женщине на мосту, повторившей кошмар Кэтрин, лишила её дара речи.

Пока машина мчалась вдоль реки к посольству, Лэнгдон поделился ещё одной тревожной новостью — причиной своего колебания перед тем, как сесть в лимузин.

Герб американского посольства на боку машины.

Пока Лэнгдон объяснял, Кэтрин поняла, что он столкнулся с тем, что ноэтисты называют «задержкой визуальной обработки» — обычным явлением для людей с эйдетической памятью. Поскольку эйдетическая память фиксирует огромный объем визуальной информации, мозг не успевает обрабатывать ее в реальном времени. Фактически большая часть визуальных данных, сохраненных эйдетической памятью, никогда не извлекается, если только человек *сознательно* не попытается вспомнить увиденное.

Или… пока не сработает триггер.

Герб посольства США на двери лимузина стал для Лэнгдона таким триггером — он вспомнил визитку с тем же гербом, которая сопровождала огромный букет красных, белых и синих тюльпанов, присланных в их отель американским посольством.

«Когда я вернулся в номер утром, — объяснил Лэнгдон, — эркерное окно было по-прежнему распахнуто, и я заметил, что визитка посольства лежала на полу. В комнате стоял холод, и ветер уже начал увядать цветы на подоконнике. Но когда я закрывал окно, то увидел среди стеблей

тонкий металлический штырь с прозрачным пластиковым конусом на конце».

Лэнгдон провел рукой по темным волосам, словно восстанавливая детали воспоминания.

«В тот момент я не придал этому значения — подумал, что это датчик влажности или что-то незначительное — но после всего, что происходит сейчас, я вспомнил, что видел нечто подобное в Бостонском симфоническом зале… параболический микрофон, висящий над оркестром, чтобы улавливать малейшие нюансы музыки.

«Погоди… — запинаясь, проговорила Кэтрин. — Ты думаешь, наш букет *прослушивали*?!»

Лэнгдон кивнул. «Мы с тобой сидели рядом с этими цветами, когда ты рассказывала мне о своем сне. Другого объяснения нет. Если кто-то услышал, как ты описываешь...»

«Но в этом нет никакого смысла! — воскликнула она, качая головой. — Зачем *нашему* посольству подслушивать нас? И даже если они следили и услышали мой сон, зачем они стали бы… *воссоздавать* его?»

«Не знаю. Но я чертовски хочу спросить об этом посла, когда мы доберемся до посольства».

«Мы едем не в посольство, — сказала Кэтрин. — Я слышала, как Дана просила водителя отвезти

нас в резиденцию посла».

Лэнгдон удивленно посмотрел на нее. «Почему»?

«Может, она подумала, что так будет радушнее?» — пожала плечами Кэтрин.

По тревожному выражению лица Лэнгдона она поняла, что он воспринял это изменение как все что угодно, но не гостеприимность. «Особая защита для граждан США действует только *внутри* самого посольства, — прошептал он. — Посол знает это. Встреча в резиденции означает, что ты и я по-прежнему… беззащитны. Уязвимы».

Кэтрин почувствовала укол страха. *Что они от нас хотят?* Ей хотелось, чтобы она никогда не соглашалась на просьбу Гесснер выступить в Праге.

«По какой-то причине все это вращается вокруг твоей книги, Кэтрин». Лэнгдон наклонился вперед, не отводя взгляда. «Тебе нужно поговорить со мной. У нас есть всего пара минут наедине, и ты должна рассказать мне все. О чем рукопись? Что ты открыла?»

Кэтрин хотела, чтобы Лэнгдон прочел о результатах ее экспериментов и выводах во всех подробностях, но этой возможности больше не было.

Рукописи нет… и времени тоже.

«Хорошо, — прошептала она, придвигаясь ближе. — Я расскажу тебе».

ГЛАВА 71

В самом сердце фешенебельного торгового района Праги находится небольшой участок земли, нетронутый временем, окруженный каменной оградой. Пять столетий это священное место было немым свидетелем человеческой нетерпимости.

Старое еврейское кладбище, пронеслось в голове у Голема, когда он переступил ворота и ступил в укрытый мхом, усеянный деревьями заповедный уголок.

Перед ним расстилался мистический пейзаж, где надгробия стояли вплотную друг к другу — более двенадцати тысяч на этом крошечном пространстве. Древние камни теснились настолько плотно, что многие касались соседних... накренившись в разные стороны. Создавалось впечатление скорее складского двора для надгробных плит, чем священного места упокоения.

Невероятно, но на этом участке в три акра было погребено более ста тысяч тел. В XV веке евреи Праги находились на обочине общества, запертые в стенах своего гетто. Когда возникала необходимость хоронить усопших по еврейскому обычаю, власть имущие выделяли для этого

лишь крохотный клочок земли.

Поскольку еврейская традиция запрещает эксгумацию захороненных, когда места на кладбище перестало хватать, старейшины просто подвозили новый слой земли, насыпая его поверх старого кладбища и поднимая древние надгробия на новый уровень. Этот процесс повторялся веками, с каждым разом образуя новый пласт захоронений и новые ряды памятников. В некоторых местах тела лежали *в двенадцать слоев*, и говорили, что без опорных стен Старое кладбище давно бы разрослось на окружающие улицы, рассыпав по ним прах пяти веков.

Прогуливаясь среди могил, Голем остановился у большого деревянного ларя и взял *кипу* — традиционный еврейский головной убор, который посетители кладбища надевают в знак смирения и почтения. Он снял капюшон плаща и водрузил кипу на свой покрытый глиной череп, игнорируя удивленные взгляды и шепот немногочисленных посетителей. Он понимал, что его костюмированный облик мог быть воспринят как неуважение, но в действительности он испытывал только благоговение перед этим святым местом... и перед раввином, создавшим первого из его сородичей.

Медленно продвигаясь вперед, Голем прокла-

дывал путь среди хаотичного нагромождения надгробий, осторожно ступая по скользкой от мха брусчатке. Двигаясь к западной стене, на окраину кладбища, он направился к могиле раввина Лёва.

Надгробие раввина достигало почти двух метров в высоту и было украшено изысканным изображением льва — символом, отсылающим к его фамилии, «Лёв» или «Лев». Узкий выступ на вершине памятника был усеян десятками крошечных сложенных записок с молитвами, оставленных посетителями. Те, у кого не было бумаги, клали камешки — в соответствии с еврейской традицией.

Одинокий перед величественным надгробием, Голем благоговейно опустился на колени на холодную землю и раскрыл свой разум незримым связям мироздания... единению душ, которое столь многие не способны узреть... и отказываются принять.

Мы едины.

Разделенность — иллюзия.

Прошли минуты, и Голем почувствовал, как впитывает силу этого мистического места. Постепенно он стал ощущать нарастающее присутствие, и мощь первозданного голема поднялась

из земли и наполнила его душу.

ГЛАВА 72

Когда посольский лимузин свернул налево на Манесов мост, Кэтрин достала из мини-бара бутылку колы Kofola и сделала долгий глоток. Лэнгдон терпеливо ждал, пока она смотрела на шпили Пражского града. Похоже, она собиралась с мыслями перед тем, как заговорить.

Я хочу знать всё, мысленно сказал он себе, всё ещё не представляя, что такого могла обнаружить Кэтрин, что кто-то решил уничтожить её рукопись. *И совершить убийство...*

— Ладно, — Кэтрин поставила бутылку и повернулась к нему. — Существует научный феномен, называемый кризисом воспроизводимости. Ты слышал о нём?

Лэнгдон слышал этот термин от коллег с естественнонаучных факультетов. — Если я не ошибаюсь, он относится к экспериментальным результатам, которые были получены *единожды* и не поддаются повторению.

— Именно так, — подтвердила она. — И за последние пятьдесят лет десятки высокоуважаемых учёных получили ряд лабораторных результатов, которые *явно* подтверждают нелокальность со-

знания. Некоторые из этих экспериментов дали поистине ошеломляющие результаты... и всё же попытки *воспроизвести* их либо провалились, либо дали неубедительные данные.

Как холодный синтез, подумал Лэнгдон.

— Это просто сводит с ума, — в голосе Кэтрин звучало раздражение. — Большинство этих невоспроизводимых результатов были получены в ходе тщательно спланированных, рецензируемых экспериментов, проведённых квалифицированными и уважаемыми учёными.

— И всё же их результаты дискредитированы?

— Полностью. В моей области идёт настоящая интеллектуальная война между локальной и нелокальной моделями сознания. Невозможность ноэтиков повторить определённые результаты стала боевым кличем материалистов по всему миру — скептиков вроде Гесснер, которые объявят твой эксперимент мошенничеством, а тебя — либо наивным шарлатаном, либо откровенным аферистом.

Лэнгдона это не удивило. В его области — истории религии — опубликованные утверждения безжалостно разоблачались как часть битвы между верующими и атеистами. Подлоги были обычным делом. Туринская плащаница — якобы

погребальный саван Христа — по данным радиоуглеродного анализа датировалась периодом *на 1200 лет позже* Христа. Знаменитая «надпись на оссуарии Иакова» 2002 года оказалась подделкой. Влиятельный имперский указ, известный как Константинов дар, был разоблачён как искусная фальшивка, созданная церковью для укрепления власти.

Мы провозглашаем истину, служащую нашим интересам.

— Есть *один* эксперимент в области пси-феноменов, — продолжила Кэтрин, — который стал громоотводом в этом непрекращающемся шторме. Впервые он был проведён в начале 1980-х высокоуважаемой научной группой, работавшей с исключительной тщательностью и получившей невероятные результаты. К сожалению, эти результаты так и не удалось повторить, несмотря на бесчисленные попытки.

— Ганцфельд-эксперимент, — предположил Лэнгдон.

Кэтрин впечатлённо посмотрела на него. «Ты знаешь об этом?»

«Только недавно узнал», — признался он. — После твоего поразительного рассказа о нелокальном сознании, я решил почитать работы в этой

области.»

«Я бы польстилась, — сказала она, — но подозреваю, ты просто проверял, не сошла ли я с ума.»

Лэнгдон рассмеялся. «Вовсе нет. Мне действительно было интересно.»

Эксперимент Ганцфельда, как он выяснил, заключался в том, что испытуемого помещали в камеру сенсорной депривации, а второго просили «мысленно передавать» ему образы. Эксперимент проводился многократно, и результаты убедительно подтверждали существование мысленной телепатии. Странно, но потрясающий уровень статистической достоверности, полученный в *первой* серии опытов, так и не удалось повторить — даже той же команде, что вызвало шквал критики и обвинений в подтасовках.

«Если ты читал про Ганцфельд, — продолжала она, — то наверняка встречал и имя социолога Дэрила Бема — одного из самых ярых защитников этого эксперимента и автора нашумевшей статьи 2011 года «Ощущая будущее».»

«И это читал», — признал Лэнгдон, вспомнив интригующий подзаголовок:

«Экспериментальные свидетельства аномальных ретроактивных влияний на когнитивные

процессы и эмоции».

В статье Бема описывался эксперимент, где участникам показывали список случайных слов, затем убирали его и просили воспроизвести как можно больше. На следующий день им давали небольшой набор слов, выбранных наугад из исходного списка, и просили их запомнить. Удивительно, но результаты первого дня четко показали: испытуемые гораздо лучше вспоминали те слова, которые увидят *позже*, во второй день — *после* теста!

Погодите-ка! — вспомнил Лэнгдон свое изумление. Учиться после экзамена? Будущее влияет на прошлое?

Обеспокоенный, он показал данные Бема своему коллеге с физфака — выпускнику Оксфорда по имени Таунли Чизхолм, носившему бабочку. Тот, к удивлению, не смутился и заверил Лэнгдона, что «ретропричинность» действительно существует и была зафиксирована в ряде экспериментов, включая «квантовый ластик с отложенным выбором».

Чизхолм описал его как «усложненную версию классического опыта с двумя щелями». Оригинальный эксперимент, знал Лэнгдон, потряс мир, доказав, что свет, проходящий через барьер с

двумя щелями, может вести себя *либо* как частица, либо как волна… и, что непостижимо, будто бы «решал», как именно, в зависимости от того, наблюдает *ли* за ним кто-то.

Модификация «с отложенным выбором», объяснил Чизхолм, использовала запутанные фотоны и зеркала, чтобы фактически «отсрочить» решение наблюдателя — наблюдать или нет — до *того* момента, *как* свет проявлял свое поведение. Иными словами, ученые заставили свет реагировать на решение, которое ещё *не* было принято. Ошеломляющий результат заключался в том, что свет не обманывался. Он каким-то образом *предугадывал*, какой выбор сделает наблюдатель в будущем… словно Вселенная уже знала, что произойдет, *прежде* чем это случилось.

Позже, поискав информацию об эксперименте, Лэнгдон смог понять ровно столько, чтобы признать: некоторые очень умные люди действительно считают, что будущие события *влияют* на прошлые… и время способно течь в обратную сторону.

«Признаюсь, — нахмурившись, сказал Лэнгдон Кэтрин, — одна только *идея* ретропричинности вызывает у меня когнитивный диссонанс.»

«Ты не одинок, — ответила она. — Ты бы видел,

как реагируют посетители на табличку у меня на столе. Там написано: «Сегодняшние события — результат завтрашних решений».

Как бы Лэнгдон ни пытался открыть свой разум ретропричинности, он не мог заставить себя принять эту идею. «Но время, движущееся *назад*, — это полная несуразица! Должно быть другое объяснение».

«Есть, но оно тебе понравится не больше, — сказала Кэтрин. — Другая возможность: все эти помешанные на «вселенском сознании» личности правы... и вселенная действительно знает *всё*. В этом представлении вселенная не ограничена линейным временем, как его воспринимает человек. Она существует как единое вневременное целое, где прошлое, настоящее и будущее сосуществуют».

У Лэнгдона начала болеть голова. «А как насчет твоей книги? Ты говорила о кризисе воспроизводимости... и о том, как он губит ПСИ и ноэтику?»

«Да, эта сфера страдает сильнее других, и это несправедливо. — Кэтрин сделала глоток. — Возьмем спорт. Если атлет показывает феноменальный результат на Олимпиаде и устанавливает мировой рекорд — нечто, чего раньше не случалось и что никто другой повторить не может

— мы не утверждаем, что камеры нас обманули или зрители галлюцинировали. Мы просто воспринимаем это как выдающийся результат. То, что ты не можешь повторить нечто *дважды*, не означает, что этого не было».

«Верное замечание... но это спорт. А у нас наука. *Воспроизводимость* — ключевой элемент научного метода».

«Да, и я согласна, что воспроизводимость разумна как критерий доказательства на *макроуровне*. Но на *квантовом* уровне всё устроено иначе, Роберт. Квантовый мир по определению считается *непредсказуемым*. Фактически, непредсказуемость — это его самая общепризнанная характеристика!»

Ещё один весомый аргумент, — понял он.

«Язык квантового мира, — ускорила темп Кэтрин, — это буквально язык *непредсказуемости*— волн вероятности, квантовых флуктаций, принципов неопределённости, вероятностного туннелирования, хаоса, квантовой интерференции, декогеренции, суперпозиций, дуальностей. Всё это грубо означает: «Мы не знаем, что произойдёт, потому что классические законы физики тут не работают!»

«Ладно, но сознание...»

«Сознание — не материальный орган в твоём теле. Оно существует в *квантовой* реальности. Поэтому его крайне сложно наблюдать с какой-либо предсказуемостью или воспроизводимостью. Ты можешь использовать сознание, чтобы наблюдать мяч, но когда ты пытаешься наблюдать собственное *сознание*... возникает бесконечная петля обратной связи. Это как пытаться определить цвет своих глаз без зеркала. Сколько бы ты ни проявлял ума или упорства, ты не узнаешь, ведь не можешь разглядеть глаза глазами — так же как не можешь наблюдать сознание сознанием».

«Интересно. Ты пишешь об этом в книге?»

«Да, попутно доказывая, что требовать *воспроизводимости* как доказательного критерия при изучении сознания — завышенная планка. Это вредит научной сфере и рушит карьеры».

Лэнгдон не знал, что ответить. Концепция была увлекательной, но после сегодняшних событий он ожидал чего-то более вызывающего... или опасного... что могло бы оправдать всё внимание к её персоне. «Так это основа твоего... открытия?»

«Боже упаси! — громко рассмеялась Кэтрин. — Я просто объясняла, почему сознание такая неуловимая цель. Моё открытие — *вещь осяза-*

емая. Я сделала невероятное открытие в ходе серии экспериментов». Она наклонилась к нему с улыбкой. «И кстати, да, эти эксперименты мне удавалось *повторить*».

В Башне Рэндом Хаус раздался звонок лифта, и Джонас Фокман ступил на мозаику разноцветной плитки. Седьмой этаж напоминал попадание в параллельное измерение — место, где напряжение неизменно рассеивалось. Здесь не было упорядоченных стеллажей, приглушенных тонов и прямых линий, отличавших остальные этажи издательства. Седьмой представлял собой лабиринт пёстрых «рабочих капсул», украшенных мультяшными рисунками, надувными пальмами, креслами-грушами и плюшевыми игрушками.

Детские книги: игривый дизайн. Серьёзный бизнес.

Кроме причудливой атмосферы этого отдела, Фокман ценил здешнюю кофемашину Franke A1000 с технологией FoamMaster — не чета капсульным Nespresso с других этажей. Порой поздно вечером он заходил сюда с рукописью, готовил двойной эспрессо и устраивался в кресле-мешке

под присмотром огромного Винни-Пуха с одной стороны зала и хитрой ухмылки двухметрового Кота в Шляпе — с другой.

Сегодня, вдыхая аромат кофе из включающейся машины, Фокман пытался унять тревогу. Арест оперативников внизу должен был принести облегчение, но он не чувствовал удовлетворённости: местонахождение Роберта и Кэтрин оставалось неизвестным, и он всё отчаяннее хотел удостовериться в их безопасности.

Алексен Конон уже дал ответ на один мучительный вопрос:

Кто похитил рукопись Кэтрин?

Но ошеломляющий ответ породил новый вопрос.

Зачем?

Джонас Фокман составил план, чтобы раскрыть эту тайну.

ГЛАВА 73

Н*ужно поторопиться*, подумал Лэнгдон, пока лимузин поднимался по крутым серпантинам через парк Хоткова. Дипломатическая резиденция в районе «Прага-6» находилась в нескольких минутах езды, и ему отчаянно хотелось узнать как можно больше о книге Кэтрин и её открытии. *До того как мы встретимся с послом*, думал он, всё ещё не зная, кому можно доверять.

Кэтрин продолжила: «В модели нелокального сознания ваш мозг — это своего рода приёмник, *улавливающий* сознание, и, как любой радиоприёмник, он постоянно бомбардируется множеством волн. Поэтому легко понять, почему в приёмнике есть регулятор настройки — механизм, позволяющий выбрать, какую *единственную* частоту мы хотим получить. Сам радиоприёмник способен принимать все станции, но без возможности фильтрации входящих частот он бы воспроизводил их все одновременно. Человеческий мозг устроен так же: в нём есть сложная система фильтров, предотвращающая *перегрузку* сознания от избытка сенсорных стимулов... чтобы оно могло сосредоточиться лишь

на узкой полоске универсального сознания». *В этом есть логика,* подумал он. *Наше восприятие света и звука фильтруется.*

Лэнгдон знал, что большинство людей не осознают, что воспринимают лишь крошечную часть доступного диапазона частот и электромагнитного спектра; остальное проходит мимо нас, за пределами наших «настроечных регуляторов».

«Избирательное внимание — яркий пример мозговой фильтрации», — сказала Кэтрин. — «Это называют «эффектом коктейльной вечеринки». Представьте себя на многолюдной вечеринке: ваш мозг сосредоточен только на словах собеседника — но вот вам становится скучно, и внимание легко переключается на более интересный разговор в другом конце зала. Этот механизм позволяет отфильтровывать фоновый шум и не перегружаться каждым звуком в пределах слышимости».

Совещания преподавателей, подумал Лэнгдон, часто ловивший себя на том, что слушает музыку с улицы, пока коллеги обсуждают учебные планы.

«Привыкание — ещё один вид фильтрации», — продолжила Кэтрин. — «Повторяющиеся сен-

сорные сигналы блокируются мозгом настолько эффективно, что вы буквально перестаёте слышать гул кондиционера или чувствовать очки на носу. Этот фильтр настолько мощный, что мы можем искать по всему дому очки, которые буквально перед глазами, или телефон, зажатый в руке».

Лэнгдон кивнул. Он не ощущал часов Mickey Mouse на своем запястье уже десятки лет.

Концепция «фильтрованной реальности», знал он, была повторяющейся темой в древних писаниях. Индуистская Веданта, вдохновлявшая таких великих физиков, как Нильс Бор и Эрвин Шрёдингер, описывала физический разум как «ограничивающий фактор», способный воспринимать лишь часть универсального сознания, известного как *брахман*. Суфии называли «разум» завесой, скрывающей свет божественного сознания. Каббалисты описывали *клипот* разума как препятствие, отсекающее большую часть света Божьего. А буддисты предупреждали, что эго — это ограничивающая линза, заставляющая нас чувствовать себя отделёнными от вселенной — *универсума*, то есть «всего как единого целого».

«А современная нейронаука», — продолжила Кэтрин, — «теперь выявила конкретный биоло-

гический механизм, посредством которого мозг фильтрует входящие данные». На её губах промелькнула лёгкая улыбка. «Он называется ГАМК. Гамма-аминомасляная кислота».

«Ясно». Лэнгдон вспомнил, что большая часть научной работы Кэтрин в аспирантуре была посвящена *нейрохимии* мозга.

«ГАМК — замечательное соединение, химический посредник в вашем мозге, играющий критическую роль в регуляции мозговой активности. Но, вероятно, не так, как вы подумали. Конкретно, ГАМК — это *тормозящее* вещество».

«То есть оно *угнетает* мозговую активность?»

«Именно. Оно фактически снижает нейронную активность и *ограничивает* общую работу нейронов. Иными словами, ГАМК отключает части мозга, чтобы отфильтровать избыточные сигналы. В самом базовом понимании, фильтрация ГАМК гарантирует, что мозг не перегружается избытком информации. В радио-аналогии ГАМК подобна тюнеру, ограничивающему приём одной частотой, блокируя десятки других».

«Пока всё логично...»

«ГАМК действительно привлекла моё внимание несколько лет назад», — продолжила Кэтрин с энтузиазмом. — «Я прочла, что мозг

новорождённого содержит невероятно *высокий* уровень ГАМК, отфильтровывая всё, кроме того, что находится прямо перед лицом. Поэтому новорождённые практически не осознают детали в другом конце комнаты. Эти фильтры работают как тренировочные колёсики, защищая развивающийся ум ребёнка от избыточной стимуляции. По мере взросления уровень ГАМК постепенно снижается, и мы воспринимаем больше мира, обретая более широкое понимание».

Завораживает, подумал Лэнгдон. Он всегда предполагал, что узость восприятия младенца обусловлена просто плохим зрением.

«Тогда я начала исследовать дальше», — сказала Кэтрин, — «и обнаружила, что у тибетских монахов во время медитации также наблюдается исключительно высокий уровень ГАМК. Медитативный транс, по-видимому, вызывает всплеск этого тормозного нейромедиатора, который почти полностью останавливает нейронную активность, по сути отрезая внешний мир от мозга в состоянии глубокой медитации». *Неуловимое пустое сознание, подумал Лэнгдон, знакомый с целью медитации, но никогда не знавший её химического механизма. Буквально отгородиться от мира... вернуться к чистоте младенческого ума.*

«Предположу, результаты не были шокирующими», — сказала Кэтрин, — «но они подали мне идею — концепцию человеческого сознания как *сигнала*... поступающего в мозг через серию ворот».

«Ворот, которые решают, сколько мира впустить».

«Точно, и примерно полтора года назад, во время дальнейших исследований ГАМК, я наткнулась на нейронаучную статью... написанную Бригитой Гесснер».

Да, конечно, подумал Лэнгдон, именно это побудило Кэтрин пригласить её выступить в Праге.

«Статья Гесснер», — рассказала Кэтрин, — «была о чипе против *эпилепсии*, который она изобрела: он мог предотвратить надвигающийся приступ, активируя естественную реакцию ГАМК, буквально «успокаивая» нервы. В этом была логика. Как оказалось, эпилепсия часто связана с опасно *низким* уровнем ГАМК — естественного тормозного механизма мозга. При его недостатке мозг перегружается, нейроны начинают бесконтрольно активироваться, и в конце концов...

«Происходит приступ.»

«Да,» — сказала она, отхлебнув глоток Kofola.

«Электрический хаос эпилептического приступа — полная *противоположность* сосредоточенной пустоте ума монаха в медитации; припадки связаны с нехваткой ГАМК… а медитация — с её избытком. Я и раньше всё это знала, но её работа напомнила мне, что после эпилептических приступов часто наступает приятный восстановительный период, известный как постиктальное блаженство — состояние мирного расширенного сознания, сопровождающееся всплесками чувства единства, творчества, духовного просветления и внетелесных переживаний.»

Лэнгдон вспомнил свой недавний опыт с Сашей, а также описания, данные бесчисленными эпилептиками-визионерами в истории.

«И вдруг я задалась вопросом,» — продолжила Кэтрин, — «*как* мозг эпилептика может так быстро переходить от бури приступа… к миру постиктального блаженства.»

Лэнгдон пожал плечами. «Полагаю, естественный всплеск уровня ГАМК… усмиряет бурю?»

«Отличное предположение — я тоже так думала — это называется ребаунд-ингибицией, и это действительно происходит, но не сразу. Как выясняется, сначала происходит кое-что *другое*. Мозг *перезагружается.* Вся система выключается. А ко-

гда включается обратно, делает это *постепенно*… выигрывая время для восстановления уровня ГАМК, включения фильтров и защиты бодрствующего мозга от перегрузки информацией.»

«Похоже на то, как мы просыпаемся утром… открываем глаза *медленно*, чтобы дать зрачкам время сузиться и отфильтровать часть утреннего света.»

«Точно! Только в *этом* случае мы никогда не видим настоящего утреннего света, потому что, пока мы просыпаемся, кто-то одновременно задергивает плотные шторы на окнах, чтобы мы не увидели, что на самом деле снаружи.»

«И этот *кто-то*, я полагаю, — ГАМК?»

«Именно. ГАМК *обычно* закрывает шторы вовремя, до того как наши глаза откроются. Но если время нарушено и шторы не закроются достаточно быстро…»

«Мы мельком видим внешний мир.»

«Да,» — улыбнулась она. — «И, судя по всему, он прекрасен. Нефильтрованная реальность. Постиктальное блаженство. Чистое сознание.»

Удивительно, подумал он, задаваясь вопросом, не являются ли некоторые из известных в истории «озарений» результатом временного сбоя… момента, когда дверь в реальность оказалась

случайно приоткрыта.

«Чем больше я думала о ГАМК,» — сказала Кэтрин, — «тем больше понимала, что ГАМК — это ключ, который я искала…»

«Ключ к…?»

«Ключ к пониманию сознания!» — воскликнула она. — «У людей невероятно мощный ум, но у нас *также* есть чрезвычайно эффективные фильтры, предотвращающие перегрузку информацией. ГАМК — это защитная завеса, которая не позволяет нашему мозгу воспринимать то, что мы не в состоянии переработать. Она *ограничивает*, насколько расширенным может быть ваше сознание. Именно это химическое вещество может быть причиной того, что люди не способны воспринимать *реальность* такой, какая она есть на самом деле.»

Лэнгдон откинулся на мягком сиденье лимузина, осмысливая провокационную идею. «Ты предполагаешь, что вокруг нас есть реальность… которую мы не можем воспринять?»

«*Именно* это я и предполагаю, Роберт.» Её глаза сверкнули от возбуждения. «Но это ещё не всё.»

• •• •

На старом еврейском кладбище шум оживлён-

ных улиц уже не доносился до сознания Голема… его разум ныне окутала желанная тишина. Стоя на коленях, он впитывал силу этого священного места… прислушиваясь к голосу своего предшественника.

Не имея собственного истинного места рождения, Голем считал этот уголок своим домом, возвращаясь сюда время от времени, когда ему нужна была сила.

Первый голем сошёл с ума… но я сильнее него.

Посещения этого места всегда возвращали ему равновесие и наполняли силой, но сегодня он чувствовал себя особенно укреплённым. Когда он открыл глаза и поднялся, чтобы встретить стоящую перед ним задачу, лёгкий ветерок прошелестел над кладбищем. Голем услышал голос первого голема… одно-единственное слово, шелестящее в голых ветвях над головой.

Истина…

Он представил древние буквы на своём лбу. Истина его предназначения в этом мире заключалась в защите прекрасной души, у которой не хватало сил защитить себя. Истина была в том, что она не будет в безопасности, пока Голем не свершит свой акт возмездия.

«Есть только два пути,» — прошептал ветер

в деревьях. — «Истина или Смерть.» Голем уже сделал свой выбор.

Я выбираю и то, и другое.

ГЛАВА 74

Лимузин приближался к фешенебельному району Бубенеч, и Лэнгдон понимал, что резиденция посла уже недалеко. Ошеломленный откровениями Кэтрин, он жаждал услышать продолжение.

Значит, вокруг нас есть реальность, которую мы не воспринимаем?

— Эта мысль впервые посетила меня, — продолжала Кэтрин, — когда я изучала постприпадочные переживания *эпилептиков*. — Вдруг я осознала, что их блаженные ощущения удивительно похожи на рассказы *другой* группы людей. — Она сделала паузу, глаза ее горели. — Тех, кто *умирал*… и возвращался обратно.

Лэнгдон подумал о *клинической смерти* — она была права. И пережившие смерть, и эпилептики после приступа описывали ощущение выхода из тела, глубочайшей связи со всем сущим и невероятного умиротворения.

— Тогда я развила эту идею… и разработала необычный эксперимент. — Кэтрин тихо улыбнулась. — И тут все стало *по-настоящему* интересно. Сначала я нашла смертельно больного пациента недалеко от лаборатории — самого по профессии

невролога, — который согласился умереть внутри нового типа аппарата — спектрометра магнитно-резонансной томографии в реальном времени. Я объяснила, что смогу наблюдать за химией его мозга в момент смерти. Он был рад возможности предоставить данные, которые раньше невозможно было измерить. В окружении семьи и медперсонала, в один прекрасный день он скончался внутри этого огромного аппарата.

— В процессе умирания, — продолжила Кэтрин, — я наблюдала резкий рост уровня ключевых нейромедиаторов — в том числе адреналина и эндорфинов, которые приглушают боль и помогают телу пережить стресс смерти. Иными словами, сенсорные системы отключались. Логично было предположить, что уровень ГАМК тоже повысится — чтобы отфильтровать переживания смерти по мере отключения мозга. — Кэтрин улыбнулась. — Но произошло обратное.

— Быть не может?

— Вместо этого, когда он умирал, уровень ГАМК *стремительно падал!* В последние мгновения он приблизился к *нулю*, а значит, *все* мозговые фильтры исчезли. Весь опыт смерти обрушился на него — без каких-либо преград!

— И это… хорошо или плохо?

— Роберт, я бы сказала — чудесно! Это значит, что в процессе умирания фильтры нашего мозга открываются, и мы становимся радио, способным принимать *весь* спектр. Наше сознание воспринимает *всю* реальность! — Кэтрин схватила его за руки и крепко сжала. — Именно поэтому люди, пережившие клиническую смерть, описывают чувство всеобщей связи и вселенского блаженства. Химия мозга подтверждает это! Когда мы умираем, наше *тело* отключается… а *мозг* пробуждается!

Лэнгдон вспомнил первую строчку из своего любимого романа. *Говорят, что в смерти всё становится ясно.*

— Более того, — продолжила она, — в последние шестьдесят секунд перед остановкой сердца мозг пациента был переполнен высокочастотными колебаниями, включая *гамма*-волны! Они связаны с интенсивным вспоминанием, а его показатели были за пределами шкалы.

— То есть он… *вспоминал* что-то?

— Нет, при *таких* уровнях он вспоминал *всё*. Гамма-показатели определённо подтверждают старинную легенду о том, что перед смертью вся жизнь проходит перед глазами.

Лэнгдону было известно, что концепция «полного воспроизведения жизни» встречается во многих религиях: Ангел Смерти показывал душе все её жизненные выборы как форму просветления и кармического урока.

— В определённый момент, — сказала Кэтрин, — сам *мозг* умирает, и наш приёмник исчезает. И я считаю, основываясь на своих экспериментах, что процесс умирания *предвещает* то, что ждёт впереди — своего рода предварительный просмотр будущего — возможность воспринимать гораздо больше, чем мы обычно способны.

— И когда мозг окончательно умирает и больше не может ничего воспринимать… разве это не *конец*?

Кэтрин задумчиво улыбнулась. — Мы уже знаем из околосмертных переживаний, что смерть подразумевает освобождение от физической формы… в сочетании с интенсивным чувством радости и связи со всем сущим. Если наше индивидуальное сознание действительно приходит извне мозга — как показывает столько ноэтических исследований, — то, на мой взгляд, это значит, что в момент смерти сознание просто покидает физический мир… и воссоединяется с

целым. Тебе больше не нужно тело, чтобы *принимать* сигнал… ты сам *становишься* сигналом.

Лэнгдона пробрала дрожь. Душа возвращается домой. Эта концепция была древней. Прах возвращается в землю, откуда он взят, а дух возвращается к Богу, Который дал его. — Екклесиаст 12:7.

Хотя Лэнгдон и сомневался, продолжается ли сознание после смерти, он не сомневался в одном: если Кэтрин права насчёт того, что мозг фильтрует наше восприятие реальности, её открытие меняло всё. По сути, она утверждала, что все люди обладают аппаратом, необходимым для восприятия истинной природы Вселенной… но химически защищены от его использования… до момента смерти.

— Это потрясающе, — сказал он. — Хотя и представляет собой жестокую космическую «ловушку-22».

— В чём именно?

— Нам нужно *умереть*, чтобы увидеть Истину… и когда это происходит, уже слишком поздно рассказать кому-то, что ты увидел.

Кэтрин улыбнулась. — Роберт, *смерть* — не единственный путь к просветлению. История полна великих умов, которым довелось на мгно-

вение узреть божественный свет, невидимый для других. Вспомни Ньютона, Эйнштейна, Галилея, религиозных пророков… У этих гениев были научные озарения и духовные откровения, которые, как выясняется, можно объяснить *научными терминами.*

— Ты хочешь сказать, их фильтры ослабли?

— На время, да. И в тот момент они получили гораздо больше информации о Вселенной, чем доступно нам.

Лэнгдон вспомнил учёного Николу Теслу, чьи слова Кэтрин прислала ему после их первого разговора о нелокальном сознании: *Мой мозг — всего лишь приёмник. Во Вселенной есть ядро, из которого мы черпаем знания.*

— Ты когда-нибудь принимал наркотики, Роберт?

Неожиданный вопрос застал его врасплох. — Ты считаешь *джин* наркотиком? Она рассмеялась. — Нет, я говорю о психоделиках — галлюциногенах, вызывающих сильные эмоции и яркие образы.

Видно, тебе просто не хватало джина. «Нет».

— Галлюциногены, вроде мескалина, ЛСД, псилоцибина… ты знаешь, *как* эти вещества заставляют тебя всё это испытывать?

Лэнгдону никогда не приходило в голову за-

думаться об этом. — Полагаю, они стимулируют воображение?

— Здравая догадка, — ответила она, — так и считает большинство, но, с другой стороны, никто раньше не додумался использовать магнитно-резонансную спектроскопию в реальном времени, чтобы наблюдать за мозгом в процессе воздействия психоделиков.

— Ты это *сделала*? — Он представил кого-то под кайфом от ЛСД, помещённого в аппарат МРТ, а Кэтрин наблюдающую за этим.

— Конечно, это был логичный следующий шаг в моём исследовании. Многие трипы включают внетелесный опыт, и мне было любопытно, как выглядит ГАМК-реакция в этот момент.

— Ну и?

Кэтрин засияла. — Как выясняется... так же, как и с исторически неверно понятым ореолом, мы всё время видели это наоборот. Галлюциногены не *возбуждают* нейроны, как ты предположил — они делают обратное. Эти вещества посредством серии сложных взаимодействий в нейронной сети мозга в режиме по умолчанию резко *снижают* уровень ГАМК. Другими словами, они ослабляют фильтры и позволяют более широкому спектру реальности проникать внутрь. Это значит, что

ты *не* галлюцинируешь, а фактически видишь *больше* реальности. Эти ощущения единения, любви и просветления... *реальны.*

Это было поразительное заявление, и Лэнгдон обдумывал его — что мозг имеет *безграничный* потенциал для восприятия сознания... только он заперт в защитной клетке, из которой можно вырваться только через смерть... или, в меньшей степени, эпилептический припадок или определённые психоделические вещества.

Тема психоделиков, казалось, витала повсюду в последнее время; эксперты по здоровью со всех медиа внезапно принялись восхвалять достоинства «микродозинга» галлюциногенных грибов, провозглашая, что псилоцибин — панацея от тревожности, депрессии и рассеянности.

Один из коллег Лэндгона в Гарварде, писатель Майкл Поллан, недавно прогремел на заголовках со своим бестселлером № 1 и документальным фильмом на Netflix о позитивной силе психоделиков, *Как изменить своё сознание.*

Другой бостонский гуру в этой области, Рик Доблин, основал MAPS — Многодисциплинарную ассоциацию психоделических исследований, — которая привлекла более $130 миллионов на исследования психоделиков с впечатляющими

успехами в лечении депрессии и ПТСР.

Дивный новый мир, — подумал Лэнгдон, вспоминая, что в видении будущего Хаксли население получало дозы счастливого наркотика под названием СОМА.

— Химия сознания, — сказала Кэтрин, — это не просто увлекательное упражнение в самопознании... это может быть тот сдвиг, который нужен человечеству, чтобы *выжить*. Взгляни на хаос и рознь в современном мире. Представь будущее, где люди начнут ослаблять мозговые фильтры и начнут существовать с лучшим пониманием реальности... с большим чувством единения и общности. Мы можем по-настоящему начать верить, что мы — единый вид!

Лэнгдон был заворожён её нестандартным мышлением.

— Подумай обо всех этих неуловимых состояниях просветления, которые мы жаждем, — сказала Кэтрин. — Расширенное сознание, вселенская связь, безграничная любовь, духовное пробуждение, творческий гений. Они кажутся недостижимыми — продуктами особых умов или редких переживаний. Но это не так! Мы *все* обладаем такой способностью — *всё* время. Просто химически блокированы от её переживания...

Лэнгдон почувствовал прилив любви и уважения к ней. *Кэтрин, возможно, только что совершила революцию в нашем понимании человеческого сознания... и обнаружила карту для его расширения.* — Я потрясён, Кэтрин... твоя работа окажет глубочайшее влияние, — сказал он, позволяя информации улечься и стараясь не возвращаться к реальности под напором очевидного вопроса, который оставался в его мыслях.

— Я знаю, — хмуро сказала Кэтрин, предвосхищая его мысль. — Это всё ещё не объясняет, почему всё это происходит... кому могло понадобиться уничтожить мою рукопись.

Именно.

Ответ на *этот* вопрос, понял Лэнгдон, придётся подождать.

Лимузин свернул налево и притормозил перед каменной аркой и массивными чугунными воротами перед резиденцией посла. Надпись гласила: ВСЕ ПОСЕТИТЕЛИ ОБЯЗАНЫ ПРЕДЪЯВИТЬ ДОКУМЕНТЫ. Похоже, охранный протокол не распространялся на тех, кто находился в посольском лимузине, потому что ворота распахнулись, и морпех в караульной будке без колебаний пропустил их внутрь.

Лэнгдон смотрел на укреплённые стены, окру-

жающие территорию резиденции, и гадал, какие ответы могут ждать внутри. Пока лимузин петлял по аллее, он заметил, что ворота уже плотно закрылись за ними. Им овладела некомфортная мысль.

Мы заходим в убежище... или в логово льва?

ГЛАВА 75

Резиденция посла США в Праге, известная как Вилла Петшек, представляет собой роскошный дворец в стиле боз-ар, чье французское архитектурное великолепие дало ей местное прозвище *«Малый Версаль»*. Построенная для Отто Петшека, богатого еврейского промышленника, чья семья была изгнана из Праги нацистами, вилла была захвачена и использовалась армиями как нацистов, так и русских. Это ключевой исторический объект, который теперь служит символом мрачного прошлого региона — оккупации, угнетения и геноцида.

После того как Гитлер объявил о своем намерении превратить Прагу в «музей вымершей расы», Вилла Петшек была выбрана в качестве «трофейного шкафа» для демонстрации нацистского триумфа. Он приказал, чтобы все лучшие произведения искусства и мебель Петшека были помечены свастикой, каталогизированы и бережно хранились в подвале, чтобы выставить их после победы Германии.

Эта мысль вызвала у Лэнгдона тошноту. Он взглянул в окно, когда лимузин двигался по

въездной аллее в обширный сад, окруженный высоким железным забором с заостренными вертикальными прутьями и камерами наблюдения. Он отметил, что выбраться из этой крепости будет так же сложно, как и попасть в нее.

«Боже мой», — прошептала Кэтрин, когда перед ними показался величественный особняк. «Это *дом* посла США?»

Построенное на пологом выпуклом склоне, его роскошный фасад с колоннами простирался почти на сотню метров в длину и поднимался на три этажа, увенчанные медной мансардной крышей с остроконечными слуховыми окнами — настоящий европейский дворец.

«Теперь я понимаю, почему мои налоги такие высокие», — пошутила Кэтрин. «Мыразмещаем государственных служащих в частных дворцах...»

Не все так просто, — знал Лэнгдон, читавший книгу бывшего посла Норма Айзена *«Последний дворец»*, подробный исторический портрет этого удивительного дома. На самом деле, США потратили астрономическую сумму, чтобы выкупить и восстановить виллу после войны, сохраняя ее почти столетие за огромные деньги. *Этот жест помог сохранить наследие Праги.*

Лэнгдон однажды встречал Айзена и помнил, как тот рассказывал вдохновляющую историю о своей матери Фриде, выжившей в Освенциме, которая часто говорила: «Нацисты увезли нас из Чехословакии в товарных вагонах, а мой сын вернулся домой на «Борте номер один»».

«Всего за одно поколение», — подчеркивал Айзен.

Теперь, когда лимузин остановился под колоннами крыльца особняка, морпех на переднем сиденье выскочил, обошел машину и открыл им дверь.

«Осторожнее на ступеньках», — сказал он. «Мостовая скользкая после снега».

Ледяной ветер ударил в лицо, когда Лэнгдон и Кэтрин последовали за морпехом в небольшую овальную прихожую, где на ковре красовались символы американского орла и флага. Сверху цилиндрическая люстра отбрасывала солнечные блики на лепной потолок и стены, освещая суровый портрет посла США Хайде Нагель.

Лэнгдон сразу узнал Нагель по фотографиям. Женщине за шестьдесят, с серьезным выражением лица, её бледную кожу подчеркивала стильная иссиня-черная прическа с четкой прямой челкой.

Раздались шаги, и в комнату вошел добродушный пожилой мужчина в поношенном твидовом пиджаке, приветствуя их. Отпустив морпеха, он жестом пригласил Лэнгдона и Кэтрин следовать за ним в дом.

Пока они шли по широкому коридору, Лэнгдон почувствовал запах горящего дерева, но также уловил второй аромат, витавший в воздухе — отчетливый запах только что испеченного печенья с шоколадной крошкой. *Искусный ход*, — подумал Лэнгдон, всегда умиляясь, когда фешенебельные отели делают то же самое. Эта тактика гостеприимства была придумана риелтором в 1950-х и теперь широко применялась для создания ощущения уюта и «дома».

Лэнгдон и Кэтрин последовали за мужчиной в просторную гостиную, где он усадил их перед только что разожжённым камином. На столе перед ними был сервирован небольшой фуршет — различные десерты, корзина с фруктами, кофейник, большая бутылка воды, две бутылки «Кока-Колы» и тарелка с домашним печеньем.

«Простите за эту мешанину», — сказал мужчина. «Госпожа посол только что сообщила мне о вашем приезде. Она на звонке и присоединится к вам через минут десять. Печенье только из печи,

будьте осторожны — оно горячее».

С этими словами старик удалился, оставив Лэнгдона и Кэтрин одних перед камином с обильно накрытым столом.

«Ну что ж», — прошептал Лэнгдон. «Возможно, мы танцуем с дьяволом, но по крайней мере она — отличная хозяйка».

• •• •

Наверху в Вилле Петшек посол Нагель повесила трубку и долго смотрела в окно своего кабинета. Укрытая снегом усадьба сегодня казалась ей чужой, даже одинокой. Почти три года этот дворец был ее домом, и когда она вспоминала свои первые месяцы в должности посла — свою наивность и оптимизм — она понимала, что все это давно растворилось в суровой реальности.

История с ÚZSI и Лэнгдоном теперь была закрыта. Официальная версия гласила, что капитан Яначек сфабриковал доказательства против двух известных американцев и, узнав, что его преступление раскрыто, покончил с собой у Бастиона Распятия.

Нагель пригрозила публичным расследованием, если ÚZSI не согласится на ее требования держаться *подальше* от Бастиона Распятия и

поднять тело Яначека только через вход в парк Фолиманка. ÚZSI пришлось подчиниться.

Теперь, отойдя от окна, Нагель резко переключилась на нерешенный вопрос — Роберта Лэнгдона и Кэтрин Соломон. На ее столе заработал принтер, выводя два документа, которые только что прислал мистер Финч.

Надеюсь, это сработает.

Нагель взяла страницы, схватила черный лакированный карандаш с логотипом посольства США на столе и направилась вниз к своим гостям.

• •• •

В гостиной, подкрепившись печеньем и крепким кофе, Лэнгдон почувствовал себя немного бодрее и готовым к любой участи, которая ожидала их у посла.

Он уже посоветовал Кэтрин больше не обсуждать их истинные мысли, как только они окажутся в резиденции. *Стены имеют уши.* К сожалению, Лэнгдон боялся, что мог сказать уже слишком много в лимузине, задаваясь вопросом, была ли в роскошной машине система внутренней связи — и слушал ли их кто-то. Его беспечность пришла ему в голову только после прибытия — ведь он открыто говорил о потря-

сающих идеях в книге Кэтрин... и, конечно же, о подслушивающем устройстве в тюльпанах в их номере... и о его растущем недоверии к посольству.

Теперь ничего не поделаешь. Мы узнаем, что происходит, когда встретим посла.

Пока они ждали, Лэнгдон заметил через коридор формальную столовую. Он вспомнил документальный фильм об этом особняке и необычную историю, связанную со стульями в столовой.

Любопытно, подумал он и жестом подозвал Кэтрин, направляясь в следующую комнату к длинному столу из сатинового дерева, окруженному старинными кожаными креслами ручной работы. Он схватил один из стульев, перевернул его вверх дном и тут же осознал, что держит в руках мрачный кусок истории. На нижней стороне сиденья была прикреплена потускневшая желтая бирка с вытисненным каталожным номером 206, а также нацистские символы — *Рейхсадлер*, имперский орел, и свастика.

Кэтрин резко вдохнула от неожиданности. «Что это, черт возьми, здесь делает?!» Лэнгдон поднял стул, внимательно изучая бирку. «Похоже, когда нацисты захватили Прагу и оккупировали

эту виллу, они закаталогизировали всю мебель, чтобы впоследствии использовать ее в качестве музейных экспонатов. Эти бирки — оригинальные нацистские каталожные номера. Посольство решило оставить их на месте как напоминание об ужасах войны.»

Позади них раздался голос: «Вижу, профессор разбирается в мебели.»

Лэнгдон и Кэтрин резко обернулись и оказались лицом к лицу с послом США Хайде Нагель. Ее прямые челка и стрижка были сразу узнаваемы по портрету в коридоре. На ней был строгий черный костюм и ожерелье из разноцветных бусин.

У посла Нагель определенно не было улыбки на лице.

Лэнгдон поспешно попытался перевернуть антикварный стул обратно.

«Простите за это», — сказал он, аккуратно ставя стул наместо.

«Профессор, — резко произнесла посол, — если кому и надо извиняться, так это мне. Насколько я понимаю, правительство США обязано вам обоим чертовски хорошим объяснением.»

ГЛАВА 76

«Правительство США нам обязано объяснениями»?

Лэнгдон чувствовал себя дезориентированным, следуя за послом вместе с Кэтрин по элегантной изогнутой галерее южного крыла Пецшековой виллы. Извиняющийся тон вступления посла заставил Лэнгдона встревожиться — он прибыл сюда в состоянии повышенной готовности и не был настроен никому доверять.

Однако теперь этот момент теплоты миновал. Посол Нагель шла с такой целеустремленностью, которая казалась срочной, официальной и странно неуместной в ее собственном доме. Она не делала никаких комментариев, пока они проходили мимо музыкальной гостиной, будуара в золотых тонах и оранжереи с видом на террасу и зимний сад. У конца коридора она распахнула зеркальные двустворчатые двери, ведущие в небольшую библиотеку.

«Это самое уединенное место в доме, — сказала она, впервые заговорив с момента их ухода из столовой. — Здесь я веду все свои конфиденциальные переговоры. Подумала, что нам стоит

поговорить именно здесь.»

Уютная библиотека с деревянными панелями пропахла кожей и сигарами. В центре комнаты между стеллажами с антикварными книгами стояли два синих дивана, расположенные друг напротив друга под позолоченной люстрой. В углу у окна для чтения было поставлено потертое кресло с восьмиугольным столиком. Мраморный камин не топили, но внутрь были аккуратно уложены белоснежные березовые поленья.

По примеру посла Лэнгдон и Кэтрин разместились на одном из диванов, в то время как она сама села напротив них. До этого она несла с собой документы, которые теперь положила текстом вниз на кофейный столик между ними. Посол книзу положила официальную ручку посольства на бумаги, откинулась назад, сложила руки на коленях и выдохнула.

«Опустим формальности, — начала она. — Во-первых, я хочу сказать, как я рада, что вы оба в безопасности. Ваша ситуация с УЗСИ, мистер Лэнгдон, была особенно опасной, и я счастлива, что смогла вас защитить.»

Спасибо… наверное? Лэнгдон не был полностью уверен, что ему стало легче.

Посол на мгновение изучающе посмотрела

на них, словно убеждаясь, что она завладела их безраздельным вниманием. «Я пригласила вас сегодня в мой дом, чтобы лично сказать то, что нужно сказать. Говоря предельно просто… *Мне жаль.* От имени правительства Соединенных Штатов я хочу принести вам извинения. Наши посольства созданы для защиты американских граждан и интересов за рубежом. Как посол, я давала клятву выполнять именно это, и я отношусь к этой клятве серьезно. С сожалением вынуждена сообщить вам, что несколько дней назад, исполняя свою клятву защищать интересы США, я получила приказ установить в вашем гостиничном номере устройство аудионаблюдения.»

Вот и все, подумал Лэнгдон, ошеломленно представляя себе букет тюльпанов и рукописную записку от посла. *Мои подозрения подтвердились.* Женщина на Карловом мосту была не предчувствием, а каким-то странным спектаклем, разыгранным в ответ на подслушанный сон Кэтрин. *Но почему?!*

— Приказ о слежке поступил сверху, — сказала посол, — и я его выполнила. Я предположила, что это для вашей защиты, и понятия не имела, что собранная информация будет использована так, что поставит вас обоих под удар. Это

непростительно, и я беру на себя полную ответственность.

Кэтрин взглянула на Лэнгдона, и на её лице отразилось негодование. — Значит, вы всё-таки *подслушивали* нас в номере отеля? — потребовала она, даже не пытаясь скрыть гнев.

— Прежде чем разыграете негодование, — ответила посол, и её голос стал жёстче, — в мире сейчас опасные времена. Могу вас заверить, никого не интересуют ваши постельные привычки или подушечные беседы. Это устройство было установлено там в целях национальной безопасности.

— С уважением, госпожа посол, — как можно спокойнее произнёс Лэнгдон, — мы разве *похожи* на угрозу национальной безопасности?

— С уважением, профессор, — парировала она, — если вы думаете, что угрозы национальной безопасности имеют *определённый вид*, то вы наивнее, чем можно предположить по вашему резюме. Я приношу вам извинения и стараюсь быть откровенной в отношении того, что произошло с вами сегодня утром, и предлагаю вам сотрудничать. У нас мало времени, и в вашей ситуации есть аспекты, которые вам обоим крайне важно понять.

Лэнгдон не припомнил, чтобы его когда-либо журили так лаконично. — Понятно. Пожалуйста… продолжайте.

— Во-первых, — сказала Нагель, — мне известно, доктор Соломон, что вы написали книгу, которая скоро выйдет в свет. Вам важно понимать, что существуют влиятельные структуры, которые считают, что эта книга, если её опубликуют, может представлять *существенную* угрозу национальной безопасности.

— Как? — возмутилась Кэтрин. — Это книга о сознании человека!

Посол пожала плечами. — Этой информацией я не располагаю. Однако человек, который *действительно* знает ответ, скоро прибудет в Прагу, чтобы поговорить с вами обоими.

Лэнгдон опешил. — Поговорить с нами — или допросить нас?

— Полагаю, и то, и другое, — ответила Нагель, твёрдо глядя на него. — Я обязана вас защищать, но мои полномочия ограничены.

— Насколько они могут быть *ограничены*? — спросила Кэтрин. — Вы ведь посол США.

Хайде Нагель устало усмехнулась. — Дипломаты приходят и уходят, доктор Соломон. Постоянными игроками в правительстве явля-

ются те, кто принимает реальные решения, и, к сожалению, вам придётся иметь дело именно с *этими* силами.

В голове у Лэнгдона мелькнуло несколько догадок, и он почувствовал нарастающее напряжение.

— Мне запрещено обсуждать что-либо более конкретное без предварительного выполнения формальностей. — Она наклонилась и перевернула два листа, лежащие на кофейном столике, пододвинув по одному каждому из них вместе с ручкой. — Стандартное соглашение о неразглашении — обязательство сохранить в тайне разговор, который вам предстоит с человеком, вскоре прибывающим. Как только подпишете, я смогу рассказать всё, что знаю.

Соглашение на одной странице? — подумал Лэнгдон. *С каких пор юристы укладываются в одну страницу?* Он не был адвокатом, но подозревал, что столь краткое NDA должно быть всеобъемлющим запретом на любые обсуждаемые темы. *Полное эмбарго.* Странным совпадением было и то, что Гесснер тоже просила их подписать подобное соглашение.

Кэтрин потянулась за документом, но Лэнгдон, не отрывая взгляда от посла, тихо положил

руку ей на запястье, останавливая. — Госпожа посол, поскольку эта ситуация явно касается книги Кэтрин, она не может подписать это, не проконсультировавшись с юристом или хотя бы с редактором. Если бы мы могли быстро воспользоваться телефоном, возможно...

— Это разумная просьба, — перебила она, — но я не могу её выполнить. Человек, который придет с вами говорить, дал мне четкое указание запретить любые внешние контакты до подписания соглашений о неразглашении и до его разговора с вами.»

«Кто этот человек?» — спросила Кэтрин.

«Он представляется как мистер Финч, и это *его* соглашения о неразглашении. Вы, конечно, можете их прочитать.»

«Не стоит, — сказал Лэнгдон. — Полагаю, там написано, что все, что мы обсудим на встрече, никогда не выйдет за пределы этой комнаты.»

Нагель кивнула, начиная терять терпение. «Обычно в этом и смысл соглашения о неразглашении.»

«Кем бы ни был мистер Финч, — сказал Лэнгдон, — если он не может даже разрешить нам воспользоваться телефоном, то, надеюсь, вы понимаете, почему нам сложно слепо довериться

этой просьбе. Думаю, нам с Кэтрин лучше вернуться в отель.»

Кэтрин выглядела пораженной его словами, как и посол Нагель, чья дипломатичная манера начала давать трещины. «Если вы действительно хотите уйти, — резко заявила Нагель, — у меня нет ни полномочий, ни желания удерживать вас против вашей воли, но я не думаю, что уход соответствует вашим интересам.» Она замолчала, глядя прямо в глаза Лэнгдону. «Если откровенно, я не уверена, что вам будет полностью безопасно на улице.»

«Буду столь же откровенен, — парировал Лэнгдон. — Я не уверен, что нам полностью безопасно и здесь.»

Выражение лица Нагель теперь смешивало недоумение и возмущение. «Профессор, я надеялась, что мое признание о прослушке вашего номера купило мне немного доверия, но в свете...»

Тихий звук уведомления на телефоне Нагель прервал ее. Раздраженно она достала устройство и прочитала сообщение. Ее выражение сменилось с досады на явный ужас. Она ахнула, прикрыла рот рукой и вскочила на ноги, глаза широко раскрылись от эмоций.

«Я... так извините, — пробормотала она, опираясь на стол. — Мне нужно десять минут. Это сообщение... простите.» С этими словами посол выбежала из комнаты, ее быстрые шаги эхом разнеслись по мраморному коридору.

Кэтрин выглядела встревоженной. «Не думаю, что это было притворство.»

Лэнгдон думал так же, хотя политика и актерское мастерство были связаны теснее, чем кому-то хотелось бы признать.

«Ты был *очень* резок с ней, Роберт, — упрекнула Кэтрин, явно удивленная его сопротивлением подписанию документов. — В конце концов, она была права — она *действительно* рассказала нам о прослушке.»

«Той самой прослушке, о которой я сказал *тебе* еще в лимузине посла. Подозреваю, посол или мистер Финч подслушали этот разговор и поняли, что им придется признать то, что мы уже знали. Должен признать, это была умная попытка завоевать наше доверие.»

Губы Кэтрин сжались в тонкую линию недовольства. «Боже, неужели ты правда думаешь, что она прослушивала собственный лимузин? Мы с тобой говорили о... *многом.*»

«Все, что я знаю, — ответил Лэнгдон, подбирая

один из документов, — это то, что эти соглашения — ловушка.» Он пробежал глазами текст, подтверждая свои подозрения. «Здесь сказано, что *все*, что мы обсудим с мистером Финчем, мгновенно становится засекреченным. Все, что ему нужно сделать — упомянуть темы из твоей книги, которые его волнуют, и ты больше никогда не сможешь говорить или *писать* о них. Тебя юридически запретят публиковать эту книгу. Вообще.»

«Они *могут* так сделать?!»

«Еще как, если ты подпишешь этот документ.» У Лэнгдона был друг, написавший триллер о крупной технокомпании, но публикацию заблокировали, потому что он подписал «стандартное соглашение о неразглашении» перед экскурсией по офису.

«Ну... — Кэтрин уставилась в пространство. — Это соглашение отвечает на один вопрос, который не давал мне покоя весь день.»

«На какой именно?»

Она повернулась к нему. «Роберт, когда я узнала, что кто-то пытается уничтожить все копии моей рукописи, я не могла понять, почему их не беспокоит, что я могу просто *переписать* книгу. Теперь мы знаем. Они считали, что мне это не

позволят.»

«Именно, — согласился Лэнгдон. — И мне не нравится, что мы находимся в частном доме, а не в посольстве США.» Он указал на окно, откуда виднелись высокие ограждения. «Подумай. Выхода нет, телефоны запрещены, и какой-то странный тип собирается с нами говорить. *Здесь?* В частном доме? Кто-то, кто может приказать послу США установить прослушку?»

В выразительных карих глазах Кэтрин редко мелькал страх, но сейчас в них явно читалось беспокойство. «Меня пугает, — сказала она, — что никто не знает, где мы. И мы даже не знаем, в безопасности ли Джонас.»

Лэнгдон встал. «Именно поэтому я убью двух зайцев одним телефоном.» Она удивленно посмотрела на него. «Ты имешь в виду «одним выстрелом?» *Нет, телефоном.*

Лэнгдон направился к старинному клубному креслу, чья кожаная обивка, как он заметил, была сильно продавлена от использования. «Она сказала, что эта библиотека — самая приватная комната в доме... и где она совершает все звонки. Так где же ее телефон?»

«У нее мобильный,» — сказала Кэтрин.

Лэнгдон покачал головой. «Ее юридический

атташе сказал мне, что для официальных дел требуется стационарный телефон.»

Сев в потертое кожаное кресло, Лэнгдон огляделся, взгляд его упал на необычный приставной столик — восьмигранную колонну в стиле боз-ар, популярном в конце 1800-х во времена сухих законов. Ухватив край столешницы, он приподнял ее. Столешница откинулась, открывая углубление внутри. Как и предполагал Лэнгдон, в шкафчике находился не тайник с алкоголем, а проводной телефон посла.

Он достал аппарат и положил себе на колени. «Ты неисправим,» — сказала Кэтрин.

«Просто удачная догадка.» Лэнгдон поднял трубку, услышав гудок.

«Ты правда думаешь, что стоит звонить с этого телефона?» Кэтрин выглядела настороженной.

«Почему нет? — ответил он, набирая номер. — Это, наверное, самая безопасная линия в стране.»

ГЛАВА 77

Двойной эспрессо придал Джонасу Фокману бодрости, и теперь он покинул детский отдел издательства, вернувшись в свой кабинет с четкой миссией — выяснить, *почему* рукопись Кэтрин была взломана, особенно таким могущественным противником. Алекс Конон присоединился к нему, стремясь помочь — по крайней мере, до тех пор, пока начальник не вызовет его на неизбежный допрос. Фокман сидел за компьютером, а техник расположился напротив с открытым ноутбуком. Они только начали работать, когда пронзительный звонок офисного телефона нарушил тишину.

Деловой звонок в 5:15 утра? — удивился Фокман. Увидев на дисплее европейский номер, он рванулся к телефону и нажал кнопку громкой связи. — Алло?!

— Джонас! — знакомый баритон Роберта Лэнгдона прозвучал в комнате. — Слава богу, ты цел! Я звонил на твой мобильный и домашний. Что ты делаешь в офисе так рано?!

— Боже, Роберт… — сердце Фокмана бешено застучало. — Мы думали, ты…

— Я знаю, что ты слышал, — сказал Лэнгдон. — Кэтрин рассказала мне, но утонул только мой *телефон*, а не я.

— Кэтрин *с* тобой?

— Да, и нам обоим приятно слышать твой голос. Последнее, что мы знали, ты пропал.

— Это долгая история, которую лучше рассказывать за мартини, — сказал Фокман. — Как ты, вероятно, уже знаешь, рукопись Кэтрин *пропала*. Нас взломали, и её удалили прямо из системы PRH.

— Слышал. Есть ли шанс восстановить резервную копию с сервера? Фокман взглянул на Алекса, и тот отрицательно покачал головой.

— Всё стёрто, — угрюмо ответил Фокман. — Не знаю, что сказать.

Лэнгдон вздохнул. — Жаль, что они не удалили *мою* последнюю книгу вместо этого.

Жестко, но справедливо, — подумал Фокман. Последняя книга Лэнгдона — *«Символы, семиотика и эволюция языка»* — получила восторженные отзывы критиков, но так и не нашла аудитории за пределами академических кругов. — Мне сказали, что Кэтрин распечатала рукопись. Это правда?

— Да… но и её тоже нет.

Фокман глубоко вздохнул. — Ладно, главное — вы оба в безопасности. С книгой разберёмся позже.

— Ну, поэтому я и звоню, — сказал Лэнгдон. — Я даже не *уверен*, что мы в безопасности. Мы у американского посла, в её частной резиденции, но ситуация странная. Мне вообще не следовало звонить…

— Постой! Ты у американского посла?! — Фокман старался не выдавать панику.

— Роберт, я бы не стал доверять *никому* из нашего правительства. Наши техники отследили хакеров PRH до крайне могущественной организации. — Он вспомнил странное двойное название, которое Алекс вводил ранее в Центре безопасности PRH.

— Эта организация называется In-Q-Tel.

— Никогда о них не слышал.

— Я тоже. Насколько я понял, это очень хорошо финансируемая венчурная компания, занимающаяся передовыми технологиями в основном в тени, так что неудивительно, что ты о них не знаешь.

— Но это не имеет смысла, — возразил Лэнгдон. — Венчурные компании не нанимают хакеров и полевых агентов.

— Думаю, *эта* — нанимает. Возможно, ты не слышал о In-Q-Tel, но их материнскую организацию ты точно знаешь.

— Кто же это?

Фокман тяжело вздохнул. — Небольшая группа под названием ЦРУ. В трубке воцарилась тишина.

Понимаю, — подумал Фокман, вспоминая собственную реакцию. — Вот что я знаю, — продолжил он. — ЦРУ владеет и управляет In-Q-Tel как частной венчурной фирмой, которая незаметно инвестирует в технологии, связанные с национальной безопасностью. Они контролируют сотни высокотехнологичных патентов и крупные доли в самых смелых новых технологических компаниях. — Редактор снова повернулся к компьютеру, выводя на экран только что прочитанное. — Их критики — в основном конкурирующие инвестиционные фирмы — постоянно жалуются, что связь In-Q-Tel с американской разведкой, цитирую, «даёт им тревожную гибкость в достижении целей». Что-то подсказывает мне, что сегодня ночью мы стали свидетелями этой самой *гибкости*.

— Невероятно, — прошептал Лэнгдон, и голос его дрожал. — Непонятно, зачем ЦРУ понадоби-

лась книга Кэтрин, но учитывая всё произошедшее, их след тут явно…

— Да ты *шутишь*! — воскликнул Алекс, отчаянно махая рукой и разворачивая ноутбук так, чтобы Фокман увидел экран. — Посмотри на это!

На экране была страница из «Википедии», которую Алекс, видимо, открыл, услышав про посла.

Википедия:

Хайде Хагель: Посол США в Чехии:

Статья состояла из нескольких страниц, и в тексте выделенные подчёркиванием фрагменты отмечали результаты только что проведённого Алексом поиска.

…Нагель была принята в ЦРУ сразу после окончания юридической школы NYU…

…курировала политические консультации ЦРУ…

…была повышена до главного юрисконсульта ЦРУ, советующего директору агентства…

…ушла из ЦРУ на должность посла…

— О *чёрт*, Роберт… — прошептал Фокман в трубку. — *Убирайтесь* оттуда! Немедленно!

ГЛАВА 78

В просторной ванной комнате своей резиденции посол Нагель сжала края мраморной раковины и стошнило. В сообщении, только что пришедшем от Даны, было всего три слова.

Майкл Харрис мертв.

В ужасе посол тут же извинилась и набрала Дану, которая сквозь слезы и панику сбивчиво объяснила детали. Оказалось, Дана с сопровождавшим ее морпехом нашли квартиру Саши незапертой. Кербл первым вошел проверить обстановку и сразу же наткнулся на тело в коридоре.

Задушенный труп Майкла Харриса. Ни Саши Весны, ни кого-либо еще.

Несмотря на бурю эмоций, Нагель совладела с собой и отдала приказ Керблу — сохранить квартиру на замке и вызвать криминалистов для осмотра тела. *И никакой огласки!* Последнее, что сейчас нужно Нагель, — чтобы пресса раструбила об убийстве сотрудника консульства на чужой земле. *Только не сегодня.*

Что бы ни произошло в той квартире, ее первоочередной заботой стал подчиненный. *Майкл.*

Нагель почувствовала тошноту. *Его кровь на моих руках*. Она уставилась в зеркало, захлебываясь чувством вины и сожаления... не только из-за Майкла, но из-за всего, что случилось за три года в Праге...

В отличие от многих послов, получивших должность благодаря крупным пожертвованиям в кампанию победившего кандидата, Хайде Нагель оказалась в нужном месте в нужное время.

Или не в том месте, как выяснилось.

Несколькими годами ранее, будучи главным юристом ЦРУ, она потеряла важный пакет секретных документов. Спецгруппа вломилась к ней домой и нашла документы в ящике стола. Неудивительно, что Нагель доставили на верхний этаж Лэнгли к шефу агентства.

Директор ЦРУ Грегори Джадд — бывший сенатор с невозмутимым, вдумчивым нравом, несмотря на репутацию перфекциониста. Опытные сотрудники поговаривали, что Джадд знает, где зарыты все кошки, потому что *он* закапывал многие из них сам.

— Халатность или измена? — потребовал директор, едва она переступила порог.

— Это была ошибка, сэр, — честно ответила она. — Документ, должно быть, случайно попал

в мои бумаги. Я даже не подозревала, что он у меня.

Директор изучающе смотрел на нее. — Я склонен вам верить, но очевидно, вы не можете оставаться главным юристом, пока мы не выясним, как это произошло. Вы отправляетесь в бессрочный отпуск, а дело передается инспекторам.

— Сэр, я действительно...

— Немедленно, — безапелляционно заявил он. — Это милость, мисс Нагель.

Советую принять ее, пока я не передумал.

Прошла неделя, а Хайде Нагель все еще томилась дома — от скуки и профессиональной неопределенности. Ее дети уже давно выросли, а ее «роскошная квартира» после развода стояла пустой и навевала тоску, хотя раньше она этого не замечала — большую часть дня она проводила на работе.

Моя жизнь кончена, осенило ее. Я — испорченный товар.

В шестьдесят три года Нагель была слишком молода и амбициозна, чтобы уйти на пенсию, но уже слишком стара, чтобы начинать частную юридическую практику. Она раздумывала, чем занять себя теперь. Книжные клубы? Онлайн-

знакомства? Все это звучало как ад.

И тогда раздался звонок, которого она никак не ожидала.

Через две недели директор позвонил, что было редким проявлением раскаяния.

«Мне жаль, как все получилось, Хайде, и я хочу исправить ситуацию».

Это невозможно, подумала она.

«Как ты, наверное, знаешь, — сказал Джадд, — мы с избранным президентом старые друзья по школе. Сегодня утром он позвонил мне за советом по поводу ключевых назначений, включая пост посла США в Чехии. Я сказал ему, что учитывая растущее напряжение в регионе, ему нужен посол с глубокими познаниями в международном праве и опытом работы в развед-сообществе. Одним словом — *ты*».

Нагель была ошарашена. Старая система связей теперь вербует и старых девчонок?

Решение было очевидным. Через четыре месяца пресс-релизы разослали, и Хайде Нагель оказалась в роскошной резиденции посла в Праге, руководила талантливыми сотрудниками посольства и занималась важной работой. Лучше всего было то, что каждый раз, бросая взгляд на замок, она чувствовала себя героиней сказки.

Но однажды ночью все изменилось.

Через месяц после назначения директор Джадд позвонил проведать ее, и после светской беседы сделал необычную просьбу. «Хайде, я хочу, чтобы ты поужинала с моим коллегой, который сейчас работает в Европе».

«Конечно, сэр», — ответила она, чувствуя, что это самое малое, что она может сделать для человека, который, по сути, спас ей жизнь. «Кто это?»

«Новый сотрудник европейского офиса In-Q-Tel».

Q? подумала она, ощутив легкое беспокойство.

Она хорошо знала In-Q-Tel — или просто «Q», как называли его сотрудники агентства, — засекреченное инвестиционное подразделение ЦРУ. Их теневая команда финансистов вкладывалась в технологии, которые считали важными для интересов ЦРУ и национальной безопасности — от механизмов анабиоза Biomatrica до микроскопической электроники Nanosys и квантовых вычислений D-Wave.

Не раз в качестве юриста ЦРУ Нагель консультировала директора по юридическим вопросам, связанным с «творческими инвестиционными методами» и «способами защиты активов» In-Q-Tel, но редко когда удавалось обуздать эту

группу. *Зачем представителю Q в Прагу?* Нагель не могла понять, почему высокотехнологичную инвестиционную фирму заинтересовала старая добрая Прага.

Их привычной вотчиной была Кремниевая долина.

В день встречи посол Нагель пришла раньше назначенного времени в выбранный ею ресторан — CODA — уютное заведение с превосходной чешской кухней. К ее удивлению, ее собеседник уже сидел за столом. Это был невысокий, подтянутый мужчина лет семидесяти с густыми серебристыми волосами. Он протирал очки, когда она подошла к столу.

Числовик, решила она.

Но Нагель жестоко ошиблась. Перед ней был Эверетт Финч — легендарный многолетний директор Управления науки и технологий ЦРУ. Команда Финча, наряду с тремя другими управлениями — Административным, Оперативным и Разведывательным — составляла четыре столпа Центрального разведывательного управления.

Финча перевели в In-Q-Tel? В Европе?

Единственное логичное объяснение, которое пришло в голову Нагель, заключалось в том, что директор Джадд по какой-то тайной причине

нуждался в экспертизе Финча в Европе... и незаметно разместил его здесь, под прикрытием.

Подошел официант, подав им обоим аперитив — две крошечные чашечки нежного чешского грибного супа под названием *куляйда.* Мистер Финч осушил свою чашку, прикоснулся салфеткой к губам и наклонился через стол.

— Хайде... — сказал он, игнорируя ее официальный титул. — Надеюсь, вам нравится ваше посольство здесь?

— Да, — ответила она настороженно.

— Отлично. Он скупой улыбкой. — Думаю, пришло время узнать *настоящую* причину вашего назначения в Прагу.

Той ночью умерла наивная вера Нагель в случайность событий, приведших ее в Прагу.

Мое присутствие здесь было спланировано.

Старая мальчишеская сеть поставила женскую пешку на нужную им позицию власти, и с тех пор Нагель была в ловушке. В конце концов ей стало ясно то, что должно было быть очевидным с самого начала — Финч подстроил её увольнение из ЦРУ, подбросив документы в её дом.

Когда Нагель в ярости потребовала у него объяснений, его ответ вверг её в ледяной ужас. Не проявляя ни малейших эмоций, Финч предъявил

копии секретных документов, которые она якобы хранила у себя дома, и сообщил, что если эти копии когда-либо попадут в руки иностранных агентов, её заявления о «невинной ошибке» будут немедленно расценены как государственная измена.

Нагель пригрозила позвонить директору ЦРУ Джадду, но мистер Финч лишь поощрил её, заявив, что и Джадд, и президент в курсе этого плана, и звонок им только подтвердит, что она играет в высшей лиге, не имея союзников.

Я марионетка.

Возможно, Финч блефовал, но Нагель не могла рисковать и проверять на блеф таких людей, как президент США и директор ЦРУ, особенно когда на кону обвинение в измене... не говоря уже о совершенно секретном разведывательном проекте.

Так люди исчезают.

С того момента Нагель возненавидела Финча... и подчинялась ему.

Теперь, стоя одна перед раковиной в ванной, посол Нагель прополоскала рот и уставилась в свои уставшие глаза.

Майкл Харрис мёртв.

«Хватит», — громко сказала она.

Финч зашёл слишком далеко... перегнул палку.

Более двух лет Нагель искала любой выход из своей тюрьмы, но Финч никогда не оставлял ей ни малейшего шанса.

До сих пор.

ГЛАВА 79

Голем почти ощущал дрожь предвкушения, приближаясь к Бастиону Распятия. По всем признакам, лаборатория Гесснер на вершине холма теперь была покинута, а значит, он наконец сможет забрать то, что не сумел добыть сегодня утром.

На этот раз мне не помешают.

Карта доступа Гесснера с RFID-чиком надежно лежала у него в кармане, и он рассчитывал, что на поиски последнего недостающего элемента уйдет не больше трех минут. Затем он покинет лабораторию и направится к конечной цели.

Порог.

Который я обращу в прах.

Идя к разрушенному входу бастиона, он вспомнил слова своего легендарного предшественника — пражского голема.

Есть лишь два пути... Истина или Смерть.

Голем избрал оба. Явить Истину.

Принять Смерть.

Голем умирал бесчисленное множество раз, но смерть никогда не была окончательной. В отличие от древнего голема, чья смерть стала концом,

он по собственной воле переходил из этой формы в иную и обратно.

Я сам себе создатель. Я всегда буду сам себе господином.

Порой он стирал с лба еврейскую букву *алеф*, превращающую Истину в Смерть, и тогда Голем умирал... но лишь для глаз. Он становился невидимым. Его громоздкая оболочка растворялась, превращая чудовище в... одного из *них*. Заурядного. Непримечательного. Скрывающего свою истинную мощь.

Вы не видите меня, но я здесь... наблюдая за ней.

Несмотря на неожиданные препятствия сегодняшнего утра, Голем импровизировал удачно — защитил невинных... и уничтожил виноватых. Теперь пришло время закончить начатое.

Переступив порог лаборатории Гесснер, он с удовлетворением отметил, что изысканный вестибюль пуст. Лестница, ведущая в ЛАБОРАТОРИЮ, охранялась биометрическим сканером, но с отпечатком пальцев проблем не возникло — Саша давно и невольно предоставила ему доступ.

Голем двинулся к сканеру, его массивные ботинки громко хрустели битым стеклом на полу.

Звук эхом разнесся по мраморному пространству.

Мгновение спустя Голем услышал другой звук, доносящийся из глубины коридора. Один-единственный, но такой узнаваемый — щелчок взводимого оружия.

Выбившаяся из сил от недосыпа офицер Хаузмор налила себе чашку кофе и устроилась у окна бастиона, любуясь видом на Пражский Град, мирно возвышавшийся вдали. Она пребывала в безмятежной задумчивости, когда неожиданный шум в коридоре заставил ее вздрогнуть, вскочить на ноги и машинально приготовить пистолет.

Теперь, будучи начеку, Хаузмор двинулась к входу с оружием наизготовку. Финч приказал ей охранять здание, и хотя он пообещал подкрепление, она понимала, что его прибытие ждать еще рано. Любой обученный военный, несомненно, предупредил бы о своем появлении.

Тут кто-то есть...

Крадучись свернув за угол, Хаузмор увидела высокую фигуру в черном плаще с капюшоном. Он как раз распахивал тяжелую металлическую дверь, ведущую на лестницу в лабораторию.

«Стой!» — крикнула Хаузмор, бросаясь к нему. — Стоп!

Пришелец проигнорировал ее и мелькнул в дверце в тот самый миг, когда Хаузмор выстрелила. Пуля лишь лязгнула о металл, лишь слегка задев незнакомца. Она бросилась к двери, но та захлопнулась прямо перед ней, запираясь на засов.

Хаузмор прильнула к ударопрочному окошку и взглянула на лестницу. В ту же секунду она остолбенела. Окутанный плащом незнакомец смотрел прямо на нее... с другой стороны стекла. Его лицо имело фактуру потрескавшейся глины, напоминая лунную поверхность, а лоб покрывали древние письмена. Его ледяной взгляд изучающе скользнул по ней — точно запоминая черты лица, — после чего он развернулся и ринулся вниз по лестнице, скрываясь из виду в развевающемся плаще.

Хаузмор отступила назад, приводя мысли в порядок.

Кто... или что это было?!

Она не знала, как взломщик обошел биометрический замок, но необходимо было срочно оповестить Финча. Хаузмор понимала, что здесь не было правительственного объекта, хотя в

лаборатории Гесснер явно хранилось нечто важное — недаром Финч приказал охранять здание любой ценой. И на ее глазах *кто-то* прямо перед ней проскользнул внутрь.

Как предположила Хаузмор, проникший злоумышленник был русским. Его холодные светлые глаза имели славянский разрез, а толстый слой маскировочной глины в соответствии с пражскими традициями «косплея» легко обманывал камеры с распознаванием лиц. Кроме того, русские мастера обходить биометрику с помощью копий отпечатков пальцев, изготовленных на УФ-принтерах.

Не спуская глаз с двери, Хаузмор нехотя убрала пистолет достала телефон. От этой новости Финч будет не в восторге. Ее руки слегка дрожали, и офицер решила повременить с неприятным разговором.

Притормози. Собери мысли в кучу.

Продолжая следить за дверью, Хаузмор медленно двинулась назад по коридору к фойе.

Там, в относительной безопасности, развернувшись к лестнице, она несколько раз глубоко вдохнула, собралась с духом и начала набирать номер Финча.

Но судьба распорядилась иначе.

Внезапно кто-то оказался у нее за спиной.

Обжигающий разряд ударил ей в спину, сводя мышцы судорогой. Тело свело невыносимой болью, секунду спустя Хаузмор уже лежала на кафеле распластанной, а телефон укатился в сторону. Нападавший грубо перевернул ее, пригвоздив к полу.

Подняв взгляд, Хаузмор в ужасе поняла, что смотрит в бледные глаза того самого глиняного создания, только что скрывшегося на лестнице.

Откуда он взялся?! Но как...

Словно порождение ночных кошмаров — он материализовался из воздуха прямо у нее за спиной!

Монстр взял ее за горло, дав вцепиться в нее в кафельный пол, и начал душить. Хаузмор попыталась было сопротивляться, но парализованные мышцы не слушались. Беспомощная женщина лишь ждала, в отчаянии цепляясь за сознание.

Минут двадцать спустя с зажатым горлом она начала понимать, что мышцы потихоньку возвращают управление. Но времени оставалось в обрез — зрение затягивала черная пелена. *Секунды решают.* Собрав последние силы, Хаузмор через силу подняла руки и с размаха ударила по груди напавшего, пытаясь сбросить его.

Но её противник почти не шелохнулся.

Ощущение было странным — кожа этого глиняного человека оказалась совсем не такой, как она ожидала.

— Я не тот, за кого ты меня принимаешь, — прошептал монстр, глядя вниз в глаза Хаусмор, всё сильнее сжимая хватку. — Я — Голем.

ГЛАВА 80

Восемнадцатиметровый бассейн под виллой Петшека был построен в стиле традиционных римских терм. Окруженный двойным кольцом из сорока восьми колонн из красного мрамора, лазурно-белый бассейн отапливался двумя угольными печами и считался самой роскошной достопримечательностью особняка. Согласно легенде, бассейном пользовались всего один сезон, пока дочь Отто Петшека не подхватила в нем пневмонию и едва не умерла. Петщек немедленно приказал осушить бассейн и объявил его навеки запретной зоной.

Роберт Лэнгдон стоял у края пустого и забытого бассейна, осматривая подземное пространство в поисках любого выхода, кроме узкой лестницы, по которой они с Кэтрин только что спустились в отчаянной попытке найти путь из дома.

«Ну конечно, ты нашел *бассейн*,» прошептала Кэтрин, ее голос эхом разносился в пространстве. «Жаль, что он пуст, можно было бы совершить второе сегодняшнее погружение.»

Третье, подумал Лэнгдон. Если считать Влтаву.

Лэнгдон надеялся, что лестница может вести в подвальный выход, чтобы они смогли бежать из резиденции посла, но в зале бассейна не было выходов. *Тупик.* Сверху, через вентиляционные отверстия доносились торопливые шаги посла, метавшегося по южному крылу, без сомнения, в поисках пропавших гостей. Похоже, она знала свой дом достаточно хорошо, чтобы рассчитать их ограниченные варианты побега, и прошло меньше тридцати секунд, как она появилась на лестнице, спускаясь к бассейну.

Лэнгдон наполовину ожидал, что посол Нагель появится в сопровождении морского пехотинца США, но когда она спустилась по лестнице, она была одна. Без единого слова она подошла к тому месту, где они стояли, и подняла два договора о неразглашении, которые Лэнгдон и Кэтрин оставили неподписанными на журнальном столике. Затем она разорвала документы на кусочки, позволив им разлететься по пустой кафельной плитке бассейна.

Лэнгдон наблюдал в полной растерянности. *Что она делает?*

Полностью уничтожив бумаги, посол серьезно посмотрела на них обоих и приложила указательный палец к губам, призывая хранить молчание.

Затем она достала свой телефон, нажала несколько кнопок и совершила исходящий звонок... включив громкую связь.

«Финч,» ответил мужской голос, раздаваясь из динамика с легким потрескиванием. «Все под контролем?» В его голосе чувствовался американский акцент с легким южным оттенком.

«Да, мы просто ждем,» ответила посол. «Как скоро вы будете здесь?» «Только приземлился. Буду там в течение часа.»

«*Скажи,* есть новости о Майкле Харрисе?» срочно спросила Нагель. «Я беспокоюсь за его безопасность.»

«Если с Харрисом что-то случилось,» ответил мужчина, «сейчас мы уже ничего не можем поделать. В любом случае, сейчас он, вероятно, уже не имеет значения. Он подтвердил для нас, что Саша молчит, и это—"

«Не имеет значения?!» возмутилась Нагель. «Майкл замешан в этом... по *твоему* приказу.»

«Забудь о Харрисе. Просто сосредоточься на текущей задаче. Кстати, где ты? Эхо какое-то.»

«В ванной. Мне нужно было уединиться для звонка.» «Где Лэнгдон и Соломон?»

«Я оставила их в библиотеке,» сказала она, «и велела расслабиться до твоего приезда.»

Лэнгдон удивленно посмотрел на Кэтрин.

«Ты им рассказала о слежке в отеле?» спросил Финч. «Да,» ответила Нагель. «Как ты и предлагал.»

«И сработало?» спросил мужчина. «Как по волшебству.»

«Они оба подписали договоры о неразглашении?»

«Да,» без колебаний сказала посол. «Ваши соглашения подписаны, запечатаны и лежат в моем личном сейфе.»

«Отлично,» сказал Финч с облегчением. «Будет хорошо иметь воздействие и на Лэнгдона.»

Лэнгдон и Кэтрин сейчас смотрели друг на друга в полном недоумении.

«И чтобы точно убедиться,» продолжал мужчина, «у тебя есть физическое доказательство, что рукопись сожжена?»

«Да, моя команда собрала единственные остатки — несколько обугленных фрагментов. Я отправлю фотографии.»

«И ты говоришь, автор сожгла ее *сама*?»

«Я понимаю, что Лэнгдон и Соломон сожгли рукопись, потому что чувствовали угрозу со стороны вышедшего из-под контроля агента УЗСИ... и, конечно, со стороны *вас.*»

«Смелое решение,» задумчиво произнес мужчина. «Я поверю в это, только глядя им в глаза. Если рукопись действительно уничтожена... *и* они оба подписали соглашения... тогда мы, возможно, приближаемся к завершению.»

«Надеюсь.»

«А Крепость Крест?» спросил мужчина. «Ты уверена, что УЗСИ согласились отступить? Я не хочу, чтобы кто-то был рядом с лабораторией Гесснер или ее работами.»

«Подтверждаю. Сейчас там никого нет.»

«Хорошо,» сказал он с облегчением. «Мне нужно, чтобы ты немедленно отправила туда охрану из морской пехоты. Конечно, моя главная забота — это основное учреждение, но мы не можем допустить утечек и в крепости. Пусть твоя команда обеспечит безопасность, а я лично приеду и проверю после нашей встречи в твоей резиденции.»

«Поняла,» ответила Нагель. «Я немедленно отправлю туда команду.» «До скорой встречи,» сказал он.

Связь прервалась.

В наступившей тишине посол убедилась, что звонок действительно завершен, затем подняла глаза на Лэнгдона и Кэтрин и тяжело вздохнула.

«Что, черт побери, только что произошло?»

потребовала Кэтрин.

Посол подняла глаза к вентиляционным отверстиям в потолке и, очевидно не желая рисковать быть подслушанной, провела Лэнгдона и Кэтрин в подсобное помещение бассейна, где единственная лампочка освещала два старинных чугунных бойлера, которые, несмотря на почти столетний простой, все еще пахли углем.

«Первое, что вам нужно знать,» тихо начала посол, закрыв за ними дверь, «это что человек, с которым я только что говорила, работает в Центральном разведывательном управлении.»

Лэнгдон шагнул назад, изображая удивление, хотя и был предупрежден Джонасом. «Простите?»

Нагель кивнула. «Его зовут Эверетт Финч, и он ранее руководил Директоратом науки и технологий.» Она сделала паузу. «Добавлю, что я тоже работала в ЦРУ. Я была юристом.»

Вот оно что, подумал Лэнгдон, не зная, чувствовал ли он облегчение или тревогу от того, что посол просто выложила все как есть.

Теперь Нагель подтвердила то, что Лэнгдону сказал по телефону Факман — ЦРУ тихо управляет венчурной компанией In-Q-Tel, сокращенно Q, которая инвестирует в технологии нацио-

нальной безопасности и жестко защищает свои вложения.

«ЦРУ управляет инвестиционным банком?» спросила Кэтрин.

«Больше из патриотизма, чем ради прибыли», — объяснила Нагель. «Бюджеты американских спецслужб сильно урезали в последние годы, а ЦРУ действуют под присягой защищать страну от *всех* угроз — включая близорукость наших излишне оптимистичных политиков — поэтому агентство считает себя морально вправе, если не *обязанным*, искать внешнее финансирование для важных программ, которые иначе не могли бы существовать.»

Пока Лэнгдон слушал, он понял, что проект, финансируемый через «Q», обходил бы все обычные конгрессовские проверки, связанные с черным бюджетом, то есть ЦРУ могло бы делать что угодно, не отчитываясь ни перед кем.

«Несколько лет назад директор ЦРУ перевел Эверетта Финча в Лондон и дал ему неофициальное назначение в европейской штаб-квартире «Q». Его обязанности засекречены, но, кажется, ему дали карт-бланш. И, как вы уже наверняка догадались, Финч всерьез обеспокоен рукописью Кэтрин.»

«Почему?» — не отставала Кэтрин.

«Все, что я знаю, — ответила Нагель, — это то, что Финч считает вашу рукопись угрозой для одного из важнейших проектов «Q». По этой причине это считается вопросом национальной безопасности, что дает Финчу опасную свободу действий в том, как поступить с вами.»

Лэнгдон чувствовал себя все более запертым в этом подвале без окон.

«Но *почему* это угроза?!» — настаивала Кэтрин. «Я пытаюсь представить, как то, что я написала, мо..»

«Не знаю. У меня нет деталей. Только приказ — заставить вас подписать соглашение о неразглашении.»

«Но если ЦРУ считает мою книгу угрозой национальной безопасности, — сказала Кэтрин, — почему бы просто не позвонить моему издателю, сослаться на безопасность и потребовать убрать опасные материалы?»

«Будучи бывшим юристом ЦРУ, — ответила Нагель, — могу сказать, что выделение *конкретных* отрывков выдаст, что именно агентство хочет скрыть. Это точно укажет на их секреты. К тому же, ваш издатель может просто отказаться выполнить просьбу ЦРУ и опубликовать все под

заголовком: *«Прочтите книгу, которую ЦРУ не хочет, чтобы вы читали»…*»

Лэнгдон знал, что она права. Ватикан часто совершал эту ошибку, подогревая продажи книг, объявляя их «антикатолическими» и запрещая верующим их читать.

«Вы читали это соглашение?» — спросил Лэнгдон.

«Общая устная форма, — кивнула Нагель. — Опасно расплывчатая. По сути, это значит, что у вас будет записанный разговор с Финчем, и все упомянутое в нем сразу станет «защищенной информацией». В зависимости от того, что Финч вам скажет, это соглашение может юридически заморозить книгу Кэтрин мгновенно и навсегда.»

Мысли Лэнгдона вновь вернулись к тому, что говорила ему Кэтрин о своей рукописи и открытиях — мозговые фильтры, ГАМК, нелокальное сознание. *Почему ЦРУ вообще должно это волновать?*

«Вы только что сказали, — настаивал Лэнгдон, — что мистер Финч считает книгу Кэтрин угрозой для ключевого проекта «Q»… что наводит на очевидный вопрос: вы знаете, *что* это за проект?»

«Я знаю, что он связан с секретным объектом

ЦРУ здесь, в Праге.»

«В *Праге?*» — Лэнгдон удивился. «Вы шутите? Чем они там занимаются?»

Нагель раздраженно покачала головой. «Не знаю. Могу только сказать, что у объекта есть кодовое название. Они называют его «Порог».»

ГЛАВА 81

Мне предоставили очень мало информации, — сказала Нагель, пока они втроем сидели в тесной котельной под виллой. — В агентстве утверждают, что я изолирована в интересах моей же безопасности. Все, что я знаю, это то, что сам директор ЦРУ считает проект «Порог» *самым* важным начинанием агентства… абсолютно критичным для будущей безопасности.

Это смелое заявление повисло в воздухе.

— И вы не вовлечены? — спросил Лэнгдон.

— Только как политический посредник, — ответила она. — Три года назад за моей спиной ЦРУ организовало мое назначение послом здесь, чтобы использовать меня как дипломатическую пешку — своего инсайдера в посольстве, который будет подчиняться Финчу и помогать обходить юридические препоны, связанные с тайным строительством объекта «Порог».

— И вы до сих пор не знаете, что это за операция? — удивился он.

Нагель покачала головой. — Я знаю, что это научно-исследовательский объект. Судя по немногим словам Финча и участию Бригиты

Гесснер, я почти уверена, что они занимаются какими-то исследованиями мозга… возможно, связанными с человеческим сознанием, но усиленные меры военной безопасности говорят о том, что там происходит нечто большее, чем просто научное любопытство.

Кэтрин, кажется, была поражена. — Объект уже функционирует?

— Сооружение построено, но пока не запущено на полную мощность. Я знаю, что они проводили некоторые изолированные тесты… и, судя по всему, успешно, потому что сейчас активно готовятся к полноценной работе; персонал проходит обучение на территории США, и объект должен заработать в течение нескольких недель.

— И этот объект находится здесь, в Праге? — уточнила она.

Нагель запнулась, словно в последний раз решая, стоит ли раскрывать детали. — Технически *под* Прагой, — сказала она наконец. — Весь комплекс подземный.

На мгновение Лэнгдону вспомнился нижний этаж маленькой лаборатории Гесснер. — Надеюсь, не в Бастионе Распятия?

— Нет, — ответила посол. — Это частная лаборатория Бригиты Гесснер. ЦРУ вложило средства

в ее технологии, но «Порог» находится в другом месте. Недалеко от бастиона, но занимает более десяти тысяч квадратных футов площади.

Десять тысяч квадратных футов?! И все под землёй?! — Как вообще можно было построить что-то настолько масштабное втайне под таким городом?

Нагель пожала плечами. — Довольно просто — основная конструкция уже *была*. ЦРУ взяло ее под контроль и перестроило. Хотя *официально* этим занимался Корпус инженеров армии США.

Лэнгдону понадобилась всего минута, чтобы сложить пазл.

В 1950-х годах в Праге был построен один из крупнейших в Европе бомбоубежищ советской эпохи. Говорили, что огромная сеть сырых подземных камер вмещала около 1500 человек и включала собственную электростанцию, систему воздушной фильтрации, душевые, туалеты, зал для собраний и даже морг. Убежище давно забросили, хотя его часть до сих пор открыта для туристов.

— Убежище Фолиманка… — прошептал Лэнгдон, пораженный, понимая, что буквально несколько часов назад ходил прямо над этим бункером; он был скрыт под просторным парком

Фолиманка.

Лэнгдон никогда не был внутри, но видел вход для туристов — бетонный туннель, разукрашенный граффити с изображениями ядерных взрывов и надписью KRYTFOLIMANKA, которую он сначала принял за *Крипта Фолиманка*, но потом узнал, что это означает *Убежище Фолиманка*.

Хорошо известная туристам часть бункера — на восточной окраине парка Фолиманка — была относительно неглубокой, в неплохом состоянии и безопасна для посещения. Однако большая часть убежища уходила глубже и дальше в парк. За десятилетия этот огромный лабиринт туннелей и камер затопило; они пришли в упадок, были запечатаны и забыты.

Посол быстро объяснила, как ЦРУ удалось взять под контроль заброшенную часть бункера. Будучи членом НАТО, правительство США регулярно сотрудничало с Чехией в военных и политических вопросах. Иногда это включало помощь в гражданской инфраструктуре — в случае с парком Фолиманка решался вопрос, как спасти его территорию, которая, по словам властей, начала оседать, что создавало угрозу провала в разрушающиеся пустоты под ней.

«Кавалерией» выступил Корпус инженеров армии США, который проложил новый вход на западной окраине парка и начал многолетний проект по осушению, герметизации и укреплению обширной системы бункера.

Сейчас проект близок к завершению, но посол рассказала, что теории заговора против США все еще витают в воздухе: *парк Фолиманка никогда не оседал… Его перестраивали в секретную тюрьму… или бункер для химоружия.* Другая версия гласила, что глубоких пещер вообще не существовало и США их *выкопали* — подозрения подогревало отсутствие надежных чертежей советской эпохи, которые либо никогда не существовали, либо были тщательно стерты из истории.

Какой бы ни была правда, Лэнгдон не мог не восхититься дьявольски простой уловкой, хоть и с одним очевидным вопросом. — Зачем строить *здесь*? — спросил он. — Почему бы не разместить «Порог» в каком-нибудь складе в пустыне Аризоны?

— Довольно просто, — ответила Нагель. — Густонаселенные урбанизированные зоны обеспечивают камуфляж от спутникового наблюдения, чего не добиться при переброске материалов и

персонала в пустыню. Сейчас многие развед-объекты переносят в города, а выбор места *вне* США позволяет минимизировать контроль Конгресса и юридические ограничения.

Последнее заявление прозвучало зловеще. — Почему вы говорите нам все это? — удивился он откровенности посла.

— Да, — поддержала Кэтрин. — Это похоже…

— На измену? — Взгляд Нагель стал отстраненным. — У меня личные причины. Но что бы ни случилось со мной, поверьте — моей главной задачей будет обеспечить вашу безопасность.

Лэнгдон понимал, что осталось много вопросов, но склонялся к тому, чтобы доверять ей.

— Но я должна вас предупредить, — сказала Нагель, — вы имеете дело с могущественными силами. В орбите ЦРУ и «Порога» ставки невообразимо высоки — и, честно говоря, люди погибают. Она вздохнула и взглянула на Лэнгдона и Кэтрин; на мгновение ей, казалось, вот-вот заплачут. — Доктор Гесснер погибла прошлой ночью, но она не единственная жертва. Только что пришло известие, что мой юридический атташе Майкл Харрис найден мертвым полчаса назад.»

Лэнгдону стало дурно при воспоминании о его общении с Харрисом в отеле всего несколько

часов назад. «Мне так жаль», — прошептал он.

Нагель тихо объяснила, что тело Харриса было найдено в квартире Саши Весны, с которой у него были «ненастоящие» отношения — слежка по приказу мистера Финча, который хотел держать под контролем российскую ассистентку Гесснер. Местонахождение Саши оставалось неизвестным, но Нагель не питала оптимизма.

Лэнгдон тут же обеспокоился за безопасность Саши.

Посол сжала губы и тяжело вздохнула. «Я несу прямую ответственность за смерть Майкла Харриса… и буду нести этот груз вечно». Она подняла глаза, встретившись взглядом с обоими, и заставила себя выпрямиться. «Я не знаю, как начать искупать вину за Майкла и за слепое подчинение приказам Финча… кроме как сделать *всё*, что потребуется, чтобы исправить ситуацию и защитить вас обоих».

«Как вы собираетесь это сделать?» — спросила Кэтрин.

«У нас есть три возможных шага, — сказала Нагель. — К сожалению, ни один вам не понравится. Первый вариант — самый безопасный. Я перепечатаю соглашения о неразглашении, вы подпишете их и проведёте встречу с мистером

Финчем, как договорились, гарантируя ему желаемую молчаливость. Это выведет вас из-под его удара, но, скорее всего, означает, что вы никогда не сможете опубликовать свою книгу, а для вас, мисс Соломон, некоторые области исследований окажутся под запретом».

«Это вообще не вариант», — категорично заявила Кэтрин.

«Согласен, — сказал Лэнгдон. — Второй вариант?»

«Вариант номер два… — Нагель перевела взгляд с одного на другого. — У нас есть около часа до приезда Финча. Мы можем уехать прямо сейчас. Я отвезу вас в аэропорт, и вы улетите из страны. Последствия, конечно, будут… для всех троих. Но хотя бы выиграем время, чтобы найти другие решения».

«Например?» — спросил Лэнгдон.

«Во-первых, мисс Соломон может немедленно опубликовать свою книгу. Её выход даст определённый уровень иммунитета.»

«Моей книги больше нет, — перебила Кэтрин. — На её восстановление уйдёт очень много времени».

«Даже если бы у неё была копия, — заметил Лэнгдон, — производство и публикация книги

занимают месяцы. Не говоря уже о том, что такой шаг сделает её мишенью ЦРУ навсегда».

«В некоторой степени, да».

«Нет, спасибо, — сказала Кэтрин. — Мне не хочется до конца жизни оглядываться через плечо. Что за третий вариант?»

Нагель ненадолго замолчала, будто обдумывая детали. Когда она заговорила, её тон был деловитым, как у адвоката, консультирующего клиента. «В разведке есть лишь один настоящий источник власти. *Информация.* Это единственный рычаг, который все понимают… а теперь у вас есть шанс получить её в огромном количестве. Помните, мистер Финч считает, что вы подписали соглашения о неразглашении, и теперь он приезжает сюда, чтобы выстроить разговор, используя эти NDA против вас. Он расскажет вам как можно больше — чтобы убедиться, что каждая затронутая тема станет для вас табу в дальнейшем. Чем больше он вам расскажет, тем больше информации у вас будет… а значит, и больше рычагов давления.

Лэнгдон понял, что имеют дело с профессионалом. *И играют с огнём.* Тем не менее план Нагеля не казался таким простым, как она его преподносила. — Я понимаю, как мы *получаем*

информацию, — сказал он. — Но что потом?

— Я помогу вам, — ответила она. — Мы доверим все данные третьей стороне — например, внешнему юристу, — который создаст механизм: если с кем-то из нас что-то случится или мы перестанем выходить на связь, информация немедленно попадёт в прессу. Юристы называют это «оговоркой о несвоевременной смерти».

— По-простому — шантаж, — заметил Лэнгдон.

— Грубо говоря, да. Хотя это абсолютно законно.

Кэтрин отступила на шаг. — Вы предлагаете нам *шантажировать* ЦРУ…

— Называйте это информационным рычагом, мисс Соломон. Угрозы разглашения.

— это язык, который эти люди понимают. Если они нападут на вас, то будет знать, что понесут урон. А значит, оставят вас в покое.

— И наоборот, — добавил Лэнгдон. — Вы храните их секреты в обмен на неприкосновенность.

— Взаимное гарантированное уничтожение, — сказал Нагель. — Проверенная модель. Если бы она не работала, ядерные державы запустили бы ракеты ещё в 1960- х. Но инстинкт самосохранения создаёт патовую ситуацию: мы просто соглашаемся не соглашаться.

Кэтрин всё ещё выглядела настороженной.

— Рычаги мгновенно снизят накал, — продолжал Нагель. — Агентству придётся отступить, перегруппироваться, дать всем время перевести дух и начать переговоры. Возможно, они даже скажут, что их не устраивает в вашей книге, а вы согласитесь это убрать. Этот путь хотя бы оставляет варианты. — Нагель поймал взгляд Кэтрин и удержал его. — И, надеюсь, вы понимаете, что я сильно рискую, помогая вам, мисс Соломон. А это делает меня вашим влиятельным союзником.

— Спасибо, — сказала Кэтрин, звуча всё более убеждённо.

Лэнгдону в целом нравилась эта идея, но реализация — совсем другое дело. — Не хочу портить настроение, — сказал он, — но что, если мистер Финч потребует показать подписанные NDA *до* разговора?

— Скорее всего, так и будет, — ответил посол. — Я просто скажу, что знал о важности документов для его плана, поэтому отправил их с морпехом под дипломатической печатью в посольство, где их заперли в мой сейф. Ему придётся мне поверить… или перенести встречу в посольство, чего он точно *не* захочет.

Лэнгдон обдумывал план, оставаясь настороже.

Сложно представить, что они с Кэтрин смогут выудить у Финча достаточно информации, чтобы получить хоть какие-то рычаги. *Мы будем разговаривать с опытным агентом ЦРУ.* Даже если он поверит, что они подписали NDA, разве он раскроет данные, которые скомпрометируют агентство или сверхсекретный проект?

— Вы сомневаетесь? — спросила Кэтрин.

Он взглянул на неё, всё ещё размышляя. — Прости, не думаю, что это сработает.

— Это три единственных варианта, — сказал Нагель.

— На самом деле есть *четвёртый*, — заявил Лэнгдон, осенивший внезапной догадкой. — Опасный… но, возможно, наш лучший ход.

ГЛАВА 82

При заходе на посадку в аэропорт Вацлава Гавела реактивный самолет Cessna Citation Latitude мистера Финча пролетел над горой Била́-Гора. Интерактивная карта в салоне отметила, что вершина холма — это место битвы, где католики подавили Бохемское восстание 1620 года.

Символично, подумал мистер Финч, только что усмиривший мини-бунт посла Нагеля. По понятным причинам посланник всегда презирал Финча, но его это нисколько не беспокоило. *Умная женщина... Достаточно умная, чтобы знать свое место в этой операции.*

Снижаясь, Финч пристегнул ремень, чувствуя себя куда спокойнее, чем при взлете. Всего час назад операция казалась проваленной, но теперь, почти чудесным образом, хаос рассеялся. Взлом в PRH списали на известную пиратскую группу; Роберта Лэнгдона и Кэтрин Соломон уже нашли и взяли под охрану в Праге; подписаны договоры о неразглашении; все копии рукописи изъяты; а два оперативника в Нью-Йорке получили приказ свернуть операцию и соблюдать радиомолчание без дальнейших контактов.

Миссия выполнена, подумал он, глядя в овальное окно бизнес-джета. Смотря на мирный чешский пейзаж, Финч напомнил себе, что вся эта сложная операция свелась к одной простой истине, имевшей множество следствий и оправдывавшей его действия.

Человеческий разум — следующее поле битвы в мире.

Войны будущего будут иными, и Финч был выбран командовать авангардом. Штабом этой миссии стал «Порог»... и его руководство наделило Финча полномочиями делать все необходимое для защиты разрабатываемых там технологий.

«Порог» всегда будет под угрозой. Но одна из первых серьезных опасностей исходила от неожиданного источника еще до полного запуска центра.

Кэтрин Соломон.

Годы талантливая ноэтик находилась в списках наблюдения ЦРУ. В частности, ее исследования пересекались с проектами агентства. Несколько лет назад курирующая группа отметила расшифровку подкаста, где ее спросили об отношении к ученым-ноэтикам, ушедшим в военные исследования мозга. Ответ был однозначным: «Сотрудничество с военными противоречит всем

моим принципам. Ни при каких обстоятельствах я не стану этого делать. Но этические исследования для всех... Их нельзя превращать в оружие.»

Жаль, вспомнил Финч. *DARPA пригодилась бы ее помощь в проектах N3 или подсетей.* Одним заявлением Кэтрин Соломон обозначила себя как персону, к которой ЦРУ не могло подступиться даже тайно без риска ответного удара.

Когда в агентстве узнали, что Соломон пишет книгу о сознании и заключила крупный издательский договор, Финч велел команде пристально следить за проектом и заблаговременно добыть черновик рукописи.

К удивлению, оперативники Финча сообщили, что рукопись Соломон создаётся необычным способом — полностью на частном сервере издательства, защищённом высочайшим уровнем безопасности. Этот факт, вкупе с другими тревожными элементами из прошлого Соломон, заставил Финча насторожиться, и он разработал запасной план.

Он поручил Бригите Гесснер заманить ноэтика в Прагу, предложив ей престижное приглашение прочитать лекцию. Гесснер должна была оценить лекцию, затем, за парой бокалов, попытаться выведать у Соломон информацию о её рукописи. Она

также собиралась сделать редкое предложение дебютантке — «рекомендацию знаменитости», для которого потребуется предварительная копия книги Соломон. И наконец, Гесснер должна была предложить экскурсию по лаборатории, предполагающую подписание краткого NDA... с несколькими незаметными пунктами, которые давали бы Финчу полный контроль над ситуацией в случае необходимости.

К несчастью... запасной план взорвался у меня в руках.

После встречи в Four Seasons Гесснер отправила Финчу крайне тревожное сообщение:

Соломон отказалась. Предварительной копии не будет. NDA тоже отвергла.

Большая проблема — она мне солгала. Перезвоню через 30 минут.

Соломон солгала? Текст Гесснер намекал, что Соломон куда проницательнее, чем считал Финч, и, возможно, скрывает нечто грандиозное относительно своей рукописи.

В тот вечер Финч с тревогой ждал звонка Гесснер. Звонка не последовало.

Прошло тридцать минут, затем час. Финч позвонил ей, но не получил ответа.

Два часа спустя, когда телефон наконец за-

звонил, на линии был не Гесснер, а его служба электронного наблюдения с экстренным сообщением: *Кэтрин Соломон только что кричала о помощи в своём номере.*

Финч немедленно подключился к аудиотрансляции с микрофона, установленного в её апартаментах, который до сих пор не дал ценной информации. Он услышал, как Лэнгдон успокаивает Соломон после какого-то кошмара, обсуждая детали сновидения, разбудившего её. Затем Финч услышал нечто неожиданное и крайне тревожное — Лэнгдон заметил, что странные элементы её сна имеют логическое объяснение... включая появление «копья».

«Помнишь символ копья Велеса на пропуске Бригиты?» — спросил Лэнгдон. — «Мы ведь обсуждали его с ней всего несколько часов назад.»

Финч не поверил своим ушам. Пропуск, о котором говорил Лэнгдон, был сверхзащищённой картой доступа *всех уровней* к «Порогу». На тот момент таких карт существовало всего две — у Гесснер и у него самого, и Гесснер ни за что *не стала бы* показывать её посторонним.

Она хранит её в защитном чехле... в запертом портфеле.

Ошеломлённый Финч достал свою идентич-

ную карту и изучил её. *Это самая защищённая RFID-технология доступа в мире.* Гениально, но *вся* поверхность карты была биометрическим сканером, способным считать отпечатки пальцев в любом положении, — значит, использовать карту можно было только при прямом контакте с санкционированным пользователем. Потеряв карту, вор не смог бы ею воспользоваться. А текст на её поверхности никоим образом не указывал на принадлежность.

Надпись была нарочито нейтральной. На самом же деле, это было зашифрованное кодовое имя.

«Прага» в буквальном смысле означала «порог» — и эти высокотехнологичные карты были первой ступенью безопасности для доступа в подземный комплекс «Порог». А стилизованный символ копья Велеса в букве *«П»* — идея Финча: тонкий намёк на мифологическое оружие доблести, силы и просветления, создаваемое под сенью земли.

Зачем Гесснер показала бы эту карту посто-

роннему — тем более Кэтрин Соломон?!

Единственное объяснение, которое пришло в голову Финчу, было крайне тревожным. Возможно, он переоценил умение Гесснер хранить секреты. Она явно руководствовалась деньгами, это бесспорно, что облегчало для Финча управление ею, но у нее также был колоссальный эгоизм. Он задался вопросом, не сумели ли двое американцев ловко переиграть ее, воспользовавшись потребностью нейробиолога похвастаться, и уговорили *Гесснер* говорить вместо Кэтрин. Может, они напоили ее или даже взяли в заложники, что объяснило бы, почему Гесснер не поднимает трубку.

Финч ощущал, как виски пульсируют от нарастающего беспокойства, пока анализировал факты:

Соломон отказывается делиться рукописью…

Ее издательство предпринимает крайние меры безопасности… Она знает о RFID-карте Гесснер…

Пока Финч сидел в одиночестве в глухую лондонскую ночь, он надеялся, что излишне параноидален. Но теперь его осенила тревожная мысль: Возможно, Соломон знает о «Пороге»… и пишет разоблачительный материал, чтобы предать гласности работу ЦРУ в сфере человеческого

сознания.

Чуть позже, продолжая следить за аудиопотоком, Соломон призналась в чем-то, что стало переломным моментом. «Я особенно взволнована сейчас, Роберт, — сказала она сквозь слезы. — Я наконец дала Джонасу зеленый свет начать редактирование сегодня. Он планировал распечатать рукопись и начать читать ее сегодня вечером, так что я нервничаю».

Это известие застало Финча врасплох. *Кэтрин передала свою книгу редактору?* Как только ее рукопись перейдет в стадию «редактирования», копии распространятся по всему издательству — корректорам, проверяющим факты, дизайнерам, даже раннему отделу маркетинга и рекламы. *Если понадобится локализовать утечку, это станет невозможным.*

Финч понял, что время и варианты исчерпаны. Он не хотел лишний раз привлекать внимание, взламывая издательство, но теперь ему срочно нужно было выяснить содержание книги… *немедленно*. Не раздумывая, он приказал своей технической команде проникнуть на защищенный сервер Penguin Random House и похитить копию рукописи Соломон. Как только он увидит, что там написано, он либо вздохнет с облегче-

нием… либо отдаст приказ уничтожить каждую страницу ее работы.

Финч также осознал, что появилась еще одна проблема — партнер Кэтрин Соломон, Роберт Лэнгдон. Гарвардский профессор славился тем, что раскрывал секреты, которые никто не хотел раскрывать.

Мне понадобится рычаг давления и на Лэнгдона, — решил он. Финч быстро составил план, используя скудные разведданные, которые только что получил из Королевского люкса. Еще давно он усвоил, что даже самая безобидная информация, правильно поданная, может превратиться в мощное оружие дезинформации. Древнекитайский стратег Сунь-Цзы строил целые военные кампании вокруг своего знаменитого принципа: *Неразбериха порождает хаос… а хаос создает возможности.*

Времени было в обрез, но всю свою карьеру он готовился ко всем неожиданностям и действовал решительно. Он снял трубку и сделал несколько звонков, в том числе к полевому агенту Хаусмору, дав четкие инструкции по логистике и приказав оставаться наготове.

Незадолго до шести утра по пражскому времени хакеры Финча наконец передали ему зашифро-

ванную версию полной рукописи Соломон. Он не собирался читать весь документ и начал с беглого просмотра оглавления. Он облегченно вздохнул, убедившись, что рукопись, на первый взгляд, действительно соответствовала предпубликационным слухам — она исследовала новую теорию сознания.

Для верности Финч провел электронный поиск по ключевым словам «ЦРУ» и «Порог», с облегчением убедившись, что ни одно из них не дало результатов.

Пока всё идёт хорошо…

Наконец, он ввел очень специфичный поисковый запрос — в надежде найти конкретный фрагмент информации.

Он либо будет здесь… либо его здесь нет.

Финч задержал дыхание и нажал Enter. Прошло целых две секунды безрезультатного ожидания, и он начал расслабляться.

И тут компьютер издал сигнал.

Чёрт…

Поиск обнаружил совпадение почти в самом конце рукописи. Когда страница отобразилась, Финч наклонился вперед, глаза бегали по тексту. Он быстро понял, что это катастрофический расклад. Осознанно или нет, но Кэтрин Соломон

вляпалась в серьёзные неприятности. Ее книга представляла собой серьёзную проблему.

Пока Финч оценивал ограниченные возможности управления кризисом, телефон оповестил его о новой плохой новости: Соломон получила доступ к серверу PRH из бизнес-центра Four Seasons, где сейчас *печатала* свою рукопись.

Она делает бумажные копии в 6:45 утра… на отельном принтере?!

Такое действие казалось нарушением всех протоколов безопасности издательства, и Финча внезапно охватил страх, что Соломон узнала о взломе своей рукописи… и уже предпринимала меры для ее защиты.

Взволнованный, Финч в последний раз попытался дозвониться до Бригиты Гесснер, но попал сразу на голосовую почту. Гесснер пропала прошлой ночью… сразу после встречи с Соломон и Лэнгдоном.

Одно он знал наверняка. *Дыма без огня не бывает.*

У Финча были готовы решительные контрмеры как в Праге, так и в Нью-Йорке, которые можно было привести в действие одним словом.

Проанализировав ситуацию, он понял, что настал момент.

Он одновременно отправил зашифрованные сообщения своим оперативникам в обоих городах:

Исполнять.

ГЛАВА 83

Голем опустился на розовый мраморный пол, совершенно изнуренный после схватки. Собрав силы, чтобы передвинуть и спрятать тело, он с удовольствием отметил, что труп его жертвы оказался намного легче, чем был у Харриса. Без особых усилий он оттащил женщину и скрыл её за диваном у стены. Он подумывал забрать её пистолет, но у него никогда не было возможности научиться стрелять, да и электрошокер казался ему куда удобнее — простым и бесшумным.

Теперь Голем направился к настенной скульптуре и отодвинул массивное произведение искусства, открыв лифт, на котором несколькими минутами ранее поднялся, чтобы застать женщину врасплох. Перед ним светилась панель запроса кода безопасности, и он аккуратно ввёл семизначный пароль Гесснер, вспоминая её ужас прошлой ночью.

Она рассказала мне всё... Как и любой на её месте.

Пока лифт опускался на этаж, Голем закрыл глаза, с удовлетворением вспоминая свой метод допроса, в котором использовался аппарат, изоб-

ретённый самой жертвой. Капсула ЭПР Гесснер была предназначена для полностью обезболенных пациентов без сознания, работая в связке с фентанилом — сильнейшим обезболивающим в мире, который блокировал мучительные ощущения от промывания кровеносной системы ледяным солевым раствором. Однако Голем просто зафиксировал её в капсуле, пропустив анестезию, и закрепил её запястья и лодыжки мощными липучками. Катетеры аппарата были рассчитаны на бедренные артерии и вены, но он вставил их ей в руки — этого, как он и предполагал, хватало, чтобы поддерживать в ней сознание и продлевать агонию.

Лифт автоматически открылся перед лабораторией Гесснер, и Голем двинулся сквозь тусклый свет, его плащ развевался за ним, отбрасывая призрачные тени на каменные стены. На этот раз он был один в этом убежище, и никто ему не помешает.

Мне понадобится всего минута, чтобы забрать то, за чем пришёл.

Затем он направится к секретному объекту, известному как Порог.

Травма от похищения не ослабла для Джонаса Фокмана, и теперь, узнав, что Роберт и Кэтрин попали в резиденцию бывшего юриста ЦРУ, он мог лишь надеяться, что те последовали его совету и выбрались оттуда к чёрту.

Позвони, Роберт. Дай знать, что с тобой всё в порядке...

Алекс Конан усердно стучал по клавиатуре ноутбука, углубленно изучая In-Q-Tel. Фокман страстно желал узнать, почему инвестиционная фирма так яростно противилась содержанию рукописи Кэтрин.

— Взгляни на это, — наконец произнёс Алекс. — Это частичный список частных инвестиций Q.

Фокман подскочил и заглянул в монитор через плечо техника, с недоверием разглядывая каталог фирмы. Там было более трёхсот записей, в основном написанных на непонятном ему языке.

MemSQL — синхронная аналитика Boundless Spatial

Xanadu — фотонные квантовые решения

Keyhole — геопространственная визуализация zSpace — 3D голографическое

моделирование

Список казался бесконечным.

— Всё, как я и ожидал, — сказал Алекс, бегло пробегая глазами по списку. — В основном здесь кибербезопасность, аналитика данных, визуализация, вычисления...

— А что насчёт нейробиологии или сознания — *вот* такого?

— Возможно, я не уверен. Нужно проверить этот список через да... — телефон Алекса завибрировал, и он, взглянув на экран, глубоко вдохнул перед ответным звонком. — Эллисон, доброе утро. Я как раз...

Фокман услышал, как на том конце провода кричит директор по безопасности данных.

— Я понял, — спокойно сказал Алекс. — Я сейчас приду. — Он закончил разговор и поднялся. — Извини, меня вызывают на допрос.

Фокману стало жалко парня. Учитывая, что PRH взломало глобальное разведывательное агентство, это была не совсем честная борьба, но Алекс держался достойно.

— Вернусь, как смогу, — сказал техник, но вдруг остановился и быстро что-то набрал на ноутбуке. — Я скопировал и отправил тебе этот список.

Загрузи его в DAP и ищи пересечения.

— Погоди! Что? Какой ещё DAP? У меня его нет!

— Нет, *есть*, — терпеливо сказал Алекс, направляясь к двери. — На сервере PRH целый набор платформ для аналитики данных, ты можешь ими пользоваться.

Фокман понятия не имел, где их искать.

— Ладно, неважно, — махнул рукой Алекс. — Просто воспользуйся онлайн-сервисом — ChatGPT, Bard или чем-то подобным. Запроси анализ инвестиций Q и сопоставь их с темами, которые могут быть связаны с книгой доктора Соломон. Я вернусь, как только смогу.

С этими словами Алекс умчался.

Фокман остался один в своём кабинете, скептически глядя на компьютер. Конечно, он знал о приложениях искусственного интеллекта, но публично клялся никогда ими не пользоваться. *Экзистенциальная угроза благородному ремеслу писательства!* PRH уже получало рукописи, явно написанные роботами, и с каждым разом их становилось всё сложнее распознать. Фокман занял жёсткую позицию, призывая коллег-редакторов бойкотировать все продукты AI перед лицом грядущего литературного апокалипсиса.

Но теперь он оказался на распутье. Открыв

присланный Алексом список инвестиций Q, он представил себе чудовищные злоупотребления, которые теневая организация совершила против Кэтрин... против Роберта... и против него самого.

К чёрту этические принципы, — решил он, садясь за компьютер. Это война.

ГЛАВА 84

«Личный» внедорожник, прилагавшийся к резиденции посла, был ничем не примечательным кремового цвета Hyundai Tucson с чешскими номерами.

Хайде Нагель иногда использовала его для частых поездок за город на выходные. В последний раз она ездила в Лабиринт Тиса в Чешской Швейцарии — запутанную сеть пешеходных троп среди захватывающих дух песчаниковых образований, настолько инопланетных, что они даже появились в фэнтези-фильме *«Хроники Нарнии»*.

Вот бы сейчас быть там, подумала Нагель, всё ещё испытывая отвращение к смерти Майкла Харриса.

Выезжая из резиденции, теперь уже одна в своём внедорожнике, она ощущала тяжесть предательства, которое совершала, помогая этим двоим американцам. Она искренне надеялась, что Лэнгдон знает, что делает.

Если это не сработает, Финч меня похоронит… причём, возможно, буквально.

Нагель подъехала к воротам охраны и дважды посигналила. Морпех в будке вздрогнул у мони-

торов безопасности и поспешил к окну, выглядев удивлённым. Посол редко покидала резиденцию без предупреждения, редко на личном автомобиле, и никогда не сигналила.

— Прости, Карлтон, — сказала она, опуская стекло. — Просто мчу в посольство.

Забыла укол Энбрела. Чёртов снег играет с моим артритом злую шутку.

— Мэм, я могу послать кого-то...

— Проще самой. Лекарства в ящике моего стола, плюс нужно забрать документы. Я быстро.

— Конечно, мэм. — Охранник нажал кнопку, и ворота распахнулись. Он уже повернулся к мониторам, но Нагель остановила его.

— Ещё кое-что, Карлтон. Извини, у меня в библиотеке ждут два американских гостя, и ещё скоро должен подъехать мистер Финч. Я успею вернуться, но если он опередит меня, я попросила персонал устроить его в гостиной, пока я не вернусь. Просто хотела убедиться, что ты в курсе.

— Теперь *в курсе,* мэм, — улыбнулся он. — Благодарю вас. До скорого.

Нагель поблагодарила морпеха и собралась трогаться, но ворота, как она и планировала, начали закрываться автоматически. — Извини, — покачала она головой. — Эспрессо всегда

делает меня болтливой!

Охранник улыбнулся. — Без проблем, мэм. — Он снова открыл ворота.

Нагель резко бросила сцепление, и Hyundai заглох. — Боже мой, как неловко. Я так редко сама вожу! — Она завела машину, но ворота успели закрыться вновь.

Всё повторилось, и на этот раз Нагель проехала. Она выехала на улицу Рональда Рейгана и свернула налево на Бубенечскую, надеясь, что её представление отвлекло охрану от мониторов достаточно долго, чтобы Лэнгдон и Соломон, услышав её сигнал, успели выйти из зимнего сада, пересечь газон и добраться до дальнего угла территории, где среди кованых ворот имелась потайная калитка, открываемая изнутри наружу, на улицу Чехословацкой Армии.

Как и ожидалось, объехав резиденцию, она увидела Лэнгдона и Соломон на углу, одетых явно не по погоде. Посол остановилась, и они запрыгнули в машину, Кэтрин показала Лэнгдону сесть вперёд.

Удаляясь от резиденции, все молчали. Казалось, все они начинали осознавать опасность плана Лэнгдона.

Четвёртый вариант.

— Вполне вероятно, — говорил он им несколько минут назад в котельной, — что даже если мы встретимся с Финчем и он поверит, что мы подписали соглашения, он никогда ничего не расскажет о происходящем в «Пороге». Только так мы сможем узнать правду и достать доказательства, чтобы защитить себя — нам нужны документы и фото. — Он посмотрел на них. — Нам нужно *попасть* внутрь «Порога».

— Невозможно, — возразила Нагель. — Это даже не вариант.

— Почему? — настаивал Соломон. — Ты сама сказала, что объект пуст, все научениях.

— Да, но я не объяснила, насколько там суровая защита, — ответила Нагель. — Вход — это, по сути, укреплённый туннель с барьерами, камерами, вооружённой охраной и биометрикой.

— Как и ожидалось, — сказал Лэнгдон. — Но у меня есть план.

Теперь посол вела внедорожник всё дальше от резиденции, направляясь к южным окраинам Праги. *Обратной дороги нет*, думала она. *Теперь я соучастница.*

Чтобы Финч не смог отследить её незаконный отъезд, Нагель оставила дипломатический телефон в резиденции, подключённым к домашней

сети. Вместо этого она достала старый личный Samsung, который включала только для музыки и сериалов. *Посольству необязательно знать, что я слушаю Тейлор Свифт или смотрю повторы* «Тед Лассо».

Батарея Samsung была разряжена, но теперь заряжалась на приборной панели.

Нагель надеялась, что успеет сделать снимки в «Пороге» — если план сработает.

Если Лэнгдон действительно сможет нас туда провести.

Лэнгдон пока не пояснил деталей, но чем больше Нагель думала о неприступности входа, тем меньше у неё оставалось оптимизма.

◆ ·· ◆

На запорошенной снегом взлётке аэропорта Вацлава Гавелла джет FinCitation приближался к частному терминалу, где его ждал Town Car для поездки в Прагу. Финч был доволен, что приземлился, и всё же не мог отделаться от ощущения, что в разговоре с послом что-то было… *не так.*

С Нагель у них всегда было напряжение, но сегодня его что-то беспокоило. Он решил позвонить снова — просто убедиться, что она отправила охрану к Бастиону Распятия.

Однако на сотовый посол не ответила. *Странно*. Он тут же отправил зашифрованное сообщение, но и оно осталось без ответа.

Бизнес-джет остановился, двигатели стихли, а тревога в груди Финча лишь усилилась.

• •• •

На нижнем этаже Бастиона Распятия Голем натянул капюшон на покрытое глиной черепно лицо, готовясь к действиям. Он снова оказался в захламлённой комнате, где убил Бригиту Гесснер прошлой ночью, чьё бледное тело по-прежнему лежало в открытой капсуле ЭПР, залитой кровью. Здесь работали всего два человека — Гесснер и ее ассистент, и пока ни посольство, ни местные власти не могли получить сюда доступ.

На рабочем столе неподалеку Голем увидел кожаный портфель Гесснер, который он вскрыл прошлой ночью плоской отверткой, извлек оттуда черную RFID карту-ключ, хранившуюся в специальном кармашке под крышкой.

Но карты оказалось недостаточно; Гесснер умолчала об этом важном моменте прошлой ночью.

Для доступа к «Порогу» Голему требовался последний недостающий элемент.

Достав с полки увесистые кусачки, он подошел к капсуле ЭПР и опустился на колени рядом с бездыханным телом Гесснер.

«Для Саши», — прошептал он, бережно взяв мертвую руку доктора в свою.

Минуту спустя Голем уже вернулся в коридор, готовясь покинуть бастион. Теперь у него было все необходимое, чтобы проникнуть в «Порог»... и превратить секретный объект в груду развалин.

ГЛАВА 85

Кэтрин Соломон провела большую часть утра в одиночестве, прячась в темноте Барочной библиотеки Клементинума, пытаясь понять, кто мог нацелиться на её рукопись *и зачем.* Теперь, удобно устроившись на заднем сиденье внедорожника Нагл, она погрузилась в размышления над куда более насущным вопросом.

Как Роберту вообще удастся провести нас внутрь «Порога»... не угодив при этом под пули?

Все согласились с предложенным Лэнгдоном планом — проникнуть на сам объект и добыть секретные данные, чтобы обезопасить себя. Но согласно Нагл, въезд в бомбоубежище представлял собой усиленно охраняемый спуск к КПП с видеонаблюдением, вооружёнными солдатами и биометрическим контролем.

Кэтрин начала подозревать, не был ли этот план Роберта гениальным блефом, чтобы сбежать из резиденции посла. *Но если это так... что теперь?*

«Прежде чем мы двинемся дальше, — сказала Нагл, притормаживая на тихой улочке в жилом районе, — мне нужно услышать ваш план про-

никновения внутрь». Она поставила машину на стоянку и повернулась к Лэнгдону на переднем сиденье.

«Справедливо, — ответил Лэнгдон. — На самом деле всё довольно просто». Он сделал паузу, и на его губах появилась неуверенная улыбка. — Если моя логика верна».

Нагл не улыбалась. «Продолжайте».

В течение следующей минуты Лэнгдон детально изложил, как и почему, по его мнению, им удастся попасть в «Порог». Когда он закончил, вопросительное выражение Нагл сменилось шоком, отражая чувство удивления самой Кэтрин. Объяснение Роберта, в свойственной ему манере, было совершенно неожиданным… безупречно логичным… и удивительно простым.

«Не знаю, чего я ожидала услышать, — сказала Нагл, — но точно *не этого*». В её голосе появилась надежда. «Должна признать, мне это не пришло бы в голову».

«Думаю, они рассчитывают, что никому не придёт», — кивнул Лэнгдон.

Нагл переключила передачу и тронулась, теперь двигаясь быстрее, направляясь к реке. Больше никто не проронил ни слова.

На заднем сиденье Кэтрин испытывала нарас-

тающее нетерпение при мысли, что она наконец узнает, чем её работа могла угрожать засекреченному проекту ЦРУ. *Что, чёрт возьми, они делают в «Пороге», что связано с моей рукописью?*

Кодовое название «Порог» звучало обобщённо и ни о чём не говорило, не раскрывая сути проекта ЦРУ. Похоже, так было принято, заключила Кэтрин, вспоминая список рассекреченных кодовых названий, которые мелькали в прессе: «Синяя Книга», «Артишок», «Мангуст», «Феникс», «Звёздные врата»...

В этот момент Кэтрин неожиданно уловила связь. «Психотроника», — произнесла она.

Нагл оглянулась через плечо. «Простите?» Лэнгдон тоже обернулся с недоумённым видом.

«Психотроника, — повторила Кэтрин. — Так русские называли свои ранние исследования паранормальных феноменов: чтение мыслей, ЭСВ, контроль сознания, изменённые состояния. Психотроника считается предшественницей современной ноэтики».

«Ах да, забыла этот термин, — сказала Нагл. — Россия вложила миллиарды долларов в психотронику во время Холодной войны — первую в мире «нейро-военную» программу: контроль сознания, психонаблюдение, методики

воздействия на мозг. ЦРУ, конечно, узнало об этом, запаниковало, вскочило на подножку и запустило собственную серию строго засекреченных нейро-военных исследований».

«И один из этих проектов, — добавила Кэтрин, — назывался «Звёздные врата». «Так и было, — подтвердила Нагл, добавляя газу, чтобы успеть на светофор на оживлённом перекрёстке. — Но, как вам наверняка известно, «Звёздные врата» оказались провалом — самым позорным публичным провалом в истории агентства. Когда программа вскрылась, ЦРУ безжалостно высмеяли за трату миллионов на лженауку, фокусы и попытки создать «магических шпионов-призраков». В конце концов выяснилось, что русские нас дезинформировали, и нас дурачили, гоняясь за псевдонаучными идеями, которые никогда не могли сработать».

Не совсем псевдонаука, заулыбалась Кэтрин, но промолчала. Несмотря на провалы и нелепую историю, попытки «Звёздных врат» исследовать паранормальные явления разума относились к тому, что сегодня учёные назвали бы метафизикой или парапсихологией.

«Почему ты вспомнила «Звёздные врата»? — спросил Лэнгдон. — Ты писала об этом в своём

манускрипте?»

«Нет, — ответила Кэтрин. — Но мне кажется, что «Звёздные врата» были одной из первых попыток проверить возможность нелокального сознания».

«Вот как? — Лэнгдон удивлённо поднял бровь. — Значит, ЦРУ действительно занималось нелокальным сознанием?»

«В некотором смысле да, — подтвердила Кэтрин. — «Звёздные врата» разрабатывали невиданную ранее технику наблюдения под названием «удалённое видение». «Наблюдатель» сидел в тихом месте, входил в транс, а затем выпускал своё сознание из тела... освобождая его от привязки к месту... и позволяя ему без усилий материализоваться в любой точке мира, чтобы «увидеть» события в удалённой локации».

Лэнгдон скептически приподнял бровь.

Спасибо, Роберт, подумала она, ведь «удалённое видение» фактически *было воплощение моей* теории нелокального сознания. *Разум, не ограниченный местоположением.*

«Конечная цель «Звёздных врат», — добавила Нагл, — с военной точки зрения состояла в подготовке пси-шпиона, чьё сознание могло бы проникнуть в Кремль, наблюдать за заседанием,

частным разговором или военным совещанием, а затем «вернуться» и доложить увиденное».

«Да уж, трудно поверить, что ничего не вышло», — саркастично заметил Лэнгдон.

Кэтрин энергично подалась вперёд: «К твоему сведению, Роберт, *ты* писал об удалённом видении и нелокальном сознании задолго до меня».

«Что? Я никогда не писал ни о...»

«Ты называл это «астральной проекцией» и «свободным Ка».

Лэнгдон замер, склонив голову. «О... *Духовная архитектура*? Ты читала эту книгу?»

«Ну ты же *прислал* её мне...»

Лэнгдон писал, что практика астральной проекции восходит к Древнему Египту, где пирамиды имели специальные шахты, позволявшие фараонам выпускать свою душу — Ка — к звёздам. Слово «Ка», отмечал он, часто ошибочно переводили как «душа», тогда как на самом деле оно обозначало «средство передвижения»... способ транспортировки сознания в другие места. Мудрость, которую фараоны обретали во время путешествий своей души к звёздам, стала возможной благодаря пониманию свободного Ка... иными словами — нелокального сознания. Как писал Лэнгдон, представление о «бессмертной,

бестелесной душе» является универсальной константой для всех религий.

Он всё время говорит о нематериальном сознании. Просто сам этого не осознаёт.

— Ладно, — смущённо ответил Лэнгдон, — но я пишу об исторических *верованиях*, а не о точных науках. То, что какая-то культура *верит* в определённые вещи... ещё не делает их научными фактами. Я просто не могу представить, как экстрасенсорное восприятие может быть научно обосновано.

Обычно Кэтрин ценила скептицизм Лэнгдона, так как он заставлял её глубже анализировать, но сегодня ей казалось, что он просто не хочет открыться очевидной для неё истине. Отец американской психологии Уильям Джеймс некогда сказал: *Чтобы опровергнуть утверждение, что все вороны чёрные, достаточно предъявить одного белого ворона.* Как Кэтрин писала в своей рукописи, целая *стая* белых воронов вспорхнула благодаря науке ноэтики, квантовой физике и трудам впечатляющей группы учёных, выступающих за идею нематериального сознания.

Уважаемые специалисты, такие как Гарольд Путхофф, Рассел Тарг, Эдвин Мэй, Дин Радин, Бренда Данн, Роберт Моррис, Джулия Моссбридж,

Роберт Йан и многие другие, сделали удивительные открытия в таких областях, как физика плазмы, нелинейная математика и антропология сознания — все они подтверждали теорию нематериального сознания. Их популярные книги носили названия вроде *«Безграничный разум»*, *«Дальновидение»*, *«Седьмое чувство»*, *«Аномальное восприятие»* и *«Настоящая магия»*.

Кэтрин не слышала, чтобы какая-то из этих книг вызвала возражения со стороны ЦРУ. Да и с чего бы? Идея «разума, отделённого от тела», далеко не так экзотична, как принято думать. Миллионы людей, практикующих медитацию, уже соприкасаются с границами этого мира — они фокусируют сознание до тех пор, пока физическое тело будто растворяется, остаётся лишь разум, не привязанный к материальной оболочке. Среди медитирующих немногие овладевают «проекцией» — состоянием, когда сознание ощущает своё перемещение *вне* физического тела. Подобные ощущения нередко описывают эпилептики и люди, пережившие клиническую смерть.

Самое близкое к проекции, что довелось испытать Кэтрин — это «осознанные сновидения»: странное состояние, когда во сне проявлялся механизм самостоятельно принимать реше-

ния. *Предельная виртуальная реальность.* Этот мост между сознанием и фантазией предоставлял уникальную возможность управлять своим подсознанием. Неудивительно, что вокруг осознанных сновидений сформировалась многомиллионная индустрия — от инструкций по управлению снами до специальных очков для сна и коктейлей на основе галантамина, якобы помогающих «пробудить осознанность».

Кэтрин знала: осознанные сновидения были известны в разных культурах веками, однако лишь в 1970-х психофизиолог Стивен Лаберж научно подтвердил их существование. Лаберж доказал, что осознавшие себя во сне люди могут через согласованные глазные движения сообщать исследователям о своём «пробуждённом» состоянии… пока их разум путешествует вдали от спящего тела.

Пробуждение во сне — это навык, доступный тем, кто стремится его освоить. Но даже те, кто не пытается специально, наверняка *каждый* хоть раз в жизни испытают внетелесный опыт.

В момент смерти.

Данные однозначно свидетельствуют: смерть сопровождается переходом через осознанный внетелесный опыт. При этом человек обычно

воспринимает себя как разум, покинувший тело, — он парит над операционным столом, местом аварии или смертным ложем, наблюдая за теми, кто пытается его спасти или прощается со слезами. Тысячи оживлённых пациентов шокировали хирургов, точно пересказав разговоры и действия в операционной во время их клинической смерти — даже с заклеенными на случай операции глазами.

Истинная причина этих внетелесных видений до сих пор не установлена.

Случайные галлюцинации от гипоксии? Свидетельство отделения души от тела?

Мимолётный взгляд в наше следующее существование?

Подлинная природа смерти, знала Кэтрин, — это тайна, которую все мы жаждем постичь… в каждой культуре, каждом поколении, каждой эпохе. Однако, в отличие от большинства непостижимых тайн, *эта* гарантированно откроется каждому… но только в самом конце.

Последние мгновения жизни… становятся первыми мгновениями истины.

ГЛАВА 86

Посол Нагель осторожно преодолевала крутой поворот на Хотковой, когда ее личный мобильный телефон чирикнул на зарядном устройстве рядом. На мгновение она подумала, что незнакомый звук мог быть простым уведомлением о том, что телефон наконец-то ожил.

Но звонок продолжался. Нагель взглянула вниз и с удивлением увидела входящий вызов — первый за все время использования этого телефона, чей рингтон, как оказалось, был установлен на «сверчок».

Этим номером никто не должен был пользоваться…

Тем не менее на экране всплыло знакомое имя — СЕРЖАНТ СКОТТ КЁРБЛ — старший офицер ее охраны из морской пехоты. Нагель доверяла Кёрблу свою жизнь, но была потрясена, что он знает этот номер. Видя, что ей ничего не остается, кроме как ответить, она приняла вызов.

— Скотт?

— Госпожа посол! — вздохнул с облегчением охранник. — Прошу прощения за звонок на ваш личный номер. Я попробовал все остальные, но…

— Все в порядке, просто я не думала, что кто-то вообще знает об этом телефоне.

Что-то случилось?

— Ваша резиденция сообщила, — продолжил морпех, — что вы направляетесь в посольство за лекарством. Когда вас ждать?

Нагель обмякла над рулем. *Черт.* — Вообще-то, Скотт, сейчас не самое подходящее время. Что-то не так? — Впереди стремительно приближался вход на Манесов мост.

— Я жду вас в посольстве, мэм, с вещью, которая, по-моему, вам необходима…

— Погоди, разве ты не должен быть с Даной и курировать изъятие тела мистера Харриса?

— Так и было, мэм, но я оставил Дану, чтобы вернуться в посольство и передать вам… — Кёрбл запнулся, несвойственным ему колеблющимся тоном. — Мэм, когда мы вошли в квартиру, на теле мистера Харриса лежал запечатанный конверт.

Нагель почувствовала, как ее словно пронзили током. — Прости? Какой конверт?

— Да, мэм. Судя по всему, его оставил там убийца мистера Харриса.

Ради всего святого. — Что в нем?

— Я не вскрывал. Решил незаметно изъять

его и немедленно доставить вам. — Кёрбл снова замялся, понизив голос. — Конверт адресован именно… *вам.*

— Мне?! — Нагель уронила телефон на колени, ухватилась за руль обеими руками и резко повернула влево, съехав с дороги всего за несколько мгновений до въезда на мост. Внедорожник затормозил на обочине Кларова, сразу за Мемориалом Крылатого льва.

Нагель снова подняла телефон. — Скотт, дай мне минутку.

Лэнгдон и Кэтрин, естественно, выглядели встревоженными. Нагель жестами дала понять, что ей нужно немного времени. Она заглушила двигатель, вышла из машины, подошла к набережной, прижав телефон к уху.

— Скажи мне, — рявкнула Нагель резче, чем хотела, — какого *рожна* убийца Майкла Харриса оставил конверт, адресованный мне?!

— Не знаю, но явно предполагалось, что его найдут и передадут. На нем пометка: «Личное и конфиденциальное».

Порыв ветра с Влтавы пробрал Нагель до костей, пока она пыталась осмыслить ситуацию, только усложнившуюся.

— Мэм? — настаивал Кёрбл. — Я в курсе, что

вы покинули резиденцию без сопровождения. В свете этого письма я вынужден настоять на вашем немедленном возвращении.

Нагель даже промелькнула мысль приказать сержанту вскрыть письмо и пересказать содержание, но она знала — он откажется. И будет прав. Она разговаривала по обычному телефону, а содержание письма известно лишь Богу. В голосе сержанта Кёрбла безошибочно читалась тревога, и она не сомневалась: если она не появится немедленно, он отдаст приказ всей охране начать поиски.

Нагель оглянулась на внедорожник. Лэнгдон и Кэтрин вышли и с беспокойством наблюдали за ней. В ухе снова раздался голос Кёрбла.

— Мэм? — настаивал он. — Я слышу, что вы на улице. Вы вышли по делам? Вопрос сержанта Кёрбла насчет «дел» означал, что, как любят говорить молодые, «ситуация ухудшилась». Это был заготовленный сигнал бедствия на случай опасности. Ей стоило сказать: «Да, я вышла по делам», и начался бы ад.

— Скотт, — ответила она, — ты же знаешь, у меня не бывает «дел». Отнеси письмо в мой кабинет. Я буду через десять минут.

— Спасибо, мэм. — Морпех прозвучало блег-

ченно.

Нагель положила трубку и пошла к машине. Прямо рядом была улица Летенска, до посольства — всего восемь минут пешком. Но она определенно не могла взять туда Лэнгдона и Кэтрин.

— Что случилось? — спросил Лэнгдон, когда она подошла.

— Когда гром грянул… — начала Нагель, рассказав им о конверте. — Я понятия не имею, что там, но если через десять минут меня не будет в посольстве, охранники начнут обыскивать Прагу — а они не шутят. — Она протянула Лэнгдону ключи. — Без меня вам будет безопаснее.

— Есть новости о Саше?

— Нет, он бы упомянул. Я попрошу своего технического сотрудника проверить Сашу по системе распознавания лиц.

— А телефон? — спросила Кэтрин, показывая на старый Samsung в руке. — Для фото?

Нагель вздохнула. — Очевидно, он скомпрометирован. Я не знаю, можно ли его отследить, но лучше не рисковать. Да и вообще, если вы сделаете снимки, ЦРУ просто заявит, что это AI-подделка. Вам будет гораздо лучше раздобыть документы и вещественные доказательства.

— Хорошо, — сказал Лэнгдон. — Есть еще од-

на проблема. Я пообещал Джонасу Фокману позвонить ему после того, как выберемся из резиденции. Если он не получит от меня вестей, то скоро свяжется с пражскими властями. Я ждал, когда ваш телефон зарядится, но теперь, когда мы знаем, что он небезопасен…

Какой у него прямой номер? — спросила Нагель, доставая из машины ручку и клочок бумаги. — Я позвоню ему с безопасной линии посольства. Или пришлю email…

— Он вам не поверит, — перебил Лэнгдон. — Он знает, что вы из ЦРУ. Он захочет услышать меня лично.

Черт. — вздохнула она. *И правда.*

— На самом деле… — Лэнгдон задумался, строя планы. — Дай-ка сюда. — Он взял ручку и бумагу и начал писать. — Вот email Фокмана. — Профессор ненадолго закрыл глаза, словно формулируя сообщение в уме. — Хорошо, отправьте ему *это*. — Он быстро написал странный текст и передал бумагу ей.

Нагель скептически окинула абракадабру на листке. — Что это *такое*?

— Просто отправьте, — ответил Лэнгдон. — Он поймет.

ГЛАВА 87

«Механические коробки передач надо запретить», — проворчал Лэнгдон, с трудом справляясь с рывками внедорожника, который дергано двигался на юг к парку Фолиманка.

«Или хотя бы мужчин, которые притворяются, что умеют ими управлять?» — поддразнила Кэтрин.

Лэнгдон невольно улыбнулся, благодарный за ее способность разрядить обстановку. Его мысли были заняты внезапным отъездом посла. Нагель подвергла себя огромному профессиональному риску, и он это ценил. Но больше всего его беспокоила их безопасность… и вопрос, почему книга Кэтрин оказалась в прицеле ЦРУ.

Ответы ждут нас внутри «Порога».

Оставалось надеяться, что его предчувствие насчет доступа в секретный комплекс не окажется самонадеянной иллюзией.

Уже через несколько минут мы это узнаем.

Подозрения Кэтрин относительно причастности программы «Старгейт» к их бедам казались Лэнгдону маловероятными. Он знал о дискредитированной программе не так много, но помнил,

как даже Голливуд поиздевался над ЦРУ, выпустив фильм с Джорджем Клуни под саркастичным названием *«Люди, которые смотрят на козлов»*. В его основу лег якобы имевший место эксперимент «Старгейта», где подопытные пытались убить козлов силой взгляда.

Несмотря на скептицизм Лэнгдона относительно ясновидения, сама концепция насчитывала более семи тысяч лет. Древние шумеры писали о мистических «звездных путешествиях» — внетелесных опытах, когда их разум отправлялся к звездам, чтобы созерцать далекие миры.

Хотя, конечно, не без помощи опиума, — подумал Лэнгдон, задаваясь вопросом, не исследует ли «Порог» измененные состояния сознания под действием наркотиков… возможно, даже их связь с нелокальным сознанием.

Ранее Кэтрин упоминала о новом классе веществ — *диссоциативах*, которые вызывают ощущение *отделения* от собственного тела. И уж конечно, у ЦРУ была долгая история тайных экспериментов с наркотиками.

Включая опыты в Гарварде…

Один из самых скандальных проектов ЦРУ, ставших достоянием общественности, носил кодовое имя MKULTRA — в его рамках студентам

колледжей тайно давали ЛСД, чтобы изучить влияние наркотика на молодые умы. Жутковато, что одним из подопытных был студент Гарварда Тед Качинский, позже прославившийся как Унабомбер. Хотя ЦРУ утверждало, что ему не давали наркотиков, они признали применение «экспериментальных методов допроса», которые вполне могли повредить его рассудок.

Легенды о наркотиках в Гарварде на этом не заканчивались. Параллельно с MKULTRA психолог Тимоти Лири запустил печально известный Гарвардский Псилоцибиновый Проект, поощрявший студентов исследовать расширяющие сознание эффекты галлюциногенов: *«Включись, настройся, выпадай».* Многие теперь подозревают, что Лири мог работать на ЦРУ под прикрытием.

— Мне любопытно, — сказал Лэнгдон, поворачиваясь к Кэтрин, которая смотрела в окно. — В своей книге... ты писала о химически индуцированных изменённых состояниях сознания?

— Конечно, — ответила она. — Как я уже упоминала, некоторые галлюциногены снижают уровень ГАМК в мозге, ослабляя его фильтрующий механизм. На мой взгляд, это означает, что внетелесные ощущения, связанные с галлюциногенами, — это отражение *реальности* без

фильтров, а не галлюцинаций.

Это звучало логично, и исторические прецеденты использования наркотиков как пути к просветлению, безусловно, существовали. От древних текстов *«Ригведы»* и *Элевсинских мистерий* до классического труда Хаксли 1954 года *«Двери восприятия»* — великие писатели давно предполагали, что психоделические вещества могут расширять сознание и позволять воспринимать «нефильтрованную реальность».

— Я никогда тебя не спрашивал, Кэтрин, — осторожно начал Лэнгдон, — связано ли твоё исследование сознания с тем, что ты сама принимаешь наркотики *сама*?

Она повернулась и уставилась на него, явно забавляясь этим вопросом. — Роберт, *правда*?! Мозг — это *невероятно* хрупкий механизм, и попытки изменить его с помощью галлюциногенов — всё равно что пытаться настроить бесценные часы Rolex кувалдой! Наркотики вызывают изменённые состояния, создавая резкую цепную реакцию неврологических нарушений, которые могут иметь *необратимые* последствия. Как бы ни было увлекательно это кратковременное ощущение, ты рискуешь нарушить долгосрочную синаптическую целостность и

баланс нейро-трансмиттеров. Для большинства галлюциногенов основной механизм действия — нарушение регуляции серотонина, что очень опасно, так как может привести к когнитивным расстройствам, эмоциональной нестабильности и даже стойким психотическим состояниям.

Лэнгдон улыбнулся и кивнул: — То есть, я понял, что это» нет».

— Извини, — смущённо сказала она. — У меня есть коллеги, которые ответственно экспериментируют с различными психоделиками, и в этом, конечно, есть своя польза. Меня просто беспокоит, когда молодые люди считают, что это *абсолютно* безопасно. Это не так.

Лэнгдон плавно сбросил скорость, чтобы избежать столкновения с трамваем.

— Полагаю, ты спросил об этом, — сказала Кэтрин, — потому что думаешь, что *наркотики* могут иметь какое-то отношение к «Порогу»?

— Это кажется возможным, — ответил Лэнгдон. — Ты упомянула вчера на лекции о новых препаратах, которые, похоже, усиливают экстрасенсорные способности. Если учесть множество задокументированных случаев раскрытия преступлений благодаря экстрасенсам, несложно представить, что ЦРУ пытается разрабатывать

наркотики для усиления этих способностей. Применение могло бы быть безграничным.

— Пожалуй, — согласилась она. — Но это не совсем передовая идея.

Верно, ЦРУ опоздало бы на эту вечеринку. Дельфийский оракул регулярно видел видения будущего, вдыхая газы, выходившие через расселину на горе Парнас; ацтеки общались с духами будущего под воздействием пейота; а египтяне наблюдали грядущие события, употребляя мандрагору и голубой лотос. Наши современные «первопроходцы» — такие как Кастанеда, Берроуз, Маккенна, Хаксли, Лири — на самом деле следовали по стопам столетий тех, кто пытался расширить сознание с помощью химических веществ.

— Я действительно не думаю, что «Порог» связан с наркотиками, — сказала Кэтрин. — В моей рукописи о них почти ничего нет.

— Тогда каково твоё предположение? — спросил Лэнгдон, направляя внедорожник на юг вдоль реки к парку Фолиманка.

Кэтрин откинула голову на подголовник. — Полагаю, их интересуют мои эксперименты с *прекогницией*.

Лэнгдон вспомнил её тесты на прекогницию

— когда мозг испытуемого реагировал на изображение *до* того, как тот фактически его «увидел». Случайно выбранное изображение, словно по волшебству, появилось в сознании испытуемого еще до того, как компьютер определился с выбором *картинки* для показа.

«Честно говоря, — сказал он, — я не уверен, что вообще понимаю ваш эксперимент по предвидению. Если мозг регистрирует изображение *раньше*, чем компьютер успевает его выбрать... то получается, будто именно ваш *мозг* делает выбор... а затем *сообщает* компьютеру, какую картинку показать.»

«Сознание, создающее реальность. Да, это одна из возможных интерпретаций.» «Вы в это верите?»

«Не совсем. По моей модели, ваш мозг не *принимает* решение... а скорее *получает* его.»

Лэнгдон взглянул на неё. «Получает... откуда?»

«Из поля сознания, которое вас окружает. Хотя вам и *кажется*, что вы самостоятельно делаете выбор, на самом деле эти решения уже приняты и просто поступают в ваш мозг.»

«Вот здесь я теряю нить... Если я лишь *воображаю*, что делаю выбор, значит, свободы воли не существует!»

«Верно. Но, возможно, свобода воли переоценена.» «Как ты можешь вообще...»

Кэтрин наклонилась к водительскому сиденью и поцеловала его в губы. Затем откинулась назад, улыбаясь. «Я понятия не имею, *откуда* пришло это решение... но разве это так важно? Разве *иллюзии* свободы воли недостаточно?»

Лэнгдон задумался на мгновение и положил руку ей на бедро. «Полагаю, это требует дополнительного изучения.»

Она рассмеялась. «Жаждете внетелесного опыта, профессор?»

«Если честно, для этого конкретного занятия я бы предпочёл остаться *в* своём теле.»

«Не будьте так уверены, — сказала она. — Как выясняется, *секс* тесно связан с ноэтическим представлением о внетелесных переживаниях.»

Лэнгдон простонал. «Ты *во всём* видишь свою работу?»

«В этом случае да. Как вам известно, во время сексуальной кульминации разум переживает блаженный миг забвения, когда весь материальный мир исчезает. В каждой культуре оргазм считают самым интенсивным удовольствием, доступным человеку, — минутным освобождением от себя, временным исчезновением всех

забот, боли и страха. Знаете, как называют это французы?»

«Oui», ответил он. «La petite mort.»

«Да — *маленькая смерть*. Ведь ощущение отстранённости во время оргазма в точности совпадает с тем, что описывают люди, пережившие клиническую смерть.»

«Мрачновато. Но завораживает.»

«Это наука, Роберт. Конечно, проблема оргазма в том, что он невероятно быстротечен. Через несколько секунд экстатического освобождения от всего ваш разум возвращается в тело, воссоединяясь с физическим миром со всеми его неизбежными страданиями, стрессами и чувством вины.» Она улыбнулась. «Вот почему мы хотим повторять это снова и снова. Оргазм *перегружает* нервную систему... и освобождает разум. Почти как эпилептический припадок.»

Лэнгдон никогда не ассоциировал оргазмы ни со смертью, ни с припадками, и подозревал, что отныне эта мысль будет возникать у него в самый неподходящий момент. *Спасибо на добром слове.*

«Вообще-то...» — Кэтрин наклонила голову. — «Меня осенила странная мысль.»

Похоже, это у тебя часто...

«Лаборантка Гесснер, — сказала она, глядя на

него. — Ты говорил, эта девушка страдает эпилепсией? И лежала в психиатрической клинике?»

«Именно.»

Кэтрин нахмурилась. «Тебе не кажется странным, что ЦРУ позволило бы Гесснер нанять неквалифицированную *русскую* пациентку с психическим расстройством? Ладно, признаю, Саша работает в Бастионе креста на подсобной должности, но всё равно — допускать русскую с больным мозгом к исследованиям Гесснер, которые, как я поняла, имеют какое-то критическое значение для «Порога»... Не кажется ли тебе это неоправданным риском?»

«Не вижу никакого риска, — возразил Лэнгдон. — Саша выглядела совершенно стабильной и явно не питала тёплых чувств к своей родине. Мне кажется, Гесснер взяла её из сострадания.»

Кэтрин громко рассмеялась. «Роберт, ты восхитителен. Наивный, но восхитительный. Бригитта Гесснер — не хочу говорить плохо о покойных — была самовлюблённой эгоисткой и безжалостной дельфиной. Если она наняла необразованную русскую пациентку в свой ближний круг, значит, у Саши есть нечто, в чём Гесснер *нуждалась*.»

«Ну, тогда я понятия не имею, что именно.»

«А у меня есть догадка, — оживляясь, сказала

Кэтрин. Глаза её загорелись. — Я вдруг подумала о том, что писала в своей рукописи.»

«Именно?»

«Ты глубоко скептически настроен к дальновидению, — повернувшись к нему, продолжала она, — но если «Порог» хоть как-то связан с этим... тогда *эпилепсия* Саши делает её ценной.»

«Каким образом?»

«Подумай! Основной навык человека с дальновидением — способность выходить за пределы тела. Но органические внетелесные переживания встречаются крайне редко, и мало кто может их *испытывать*.»

Лэнгдон вдруг понял, к чему она клонит. Эпилептические припадки описывались как мирное «отделение» от физического тела — по сути, кратковременное нетелесное сознание.

«Внетелесные опыты, — продолжила Кэтрин, — у *эпилептиков* происходят естественным путём. Их мозг уже приспособлен для такого... значит, люди с эпилепсией куда легче овладевают техникой дальновидения.»

«Ты серьёзно считаешь, что Саша Весна — медиум-шпион на службе ЦРУ?..» «А почему нет?»

«Потому что я с ней общался. У неё брелок с безумным котиком! Она беззащитная душа.»

«Беззащитная?!» возразила Кэтрин. «Ты сам сказал, что она ударила человека огнетушителем!»

«Технически да... но это было для защиты...»

«Роберт, возможно, Саша и не занимается дальновидением *сама*, но Гесснер могла изучать мозг эпилептиков, чтобы понять, что именно делает их восприимчивыми к внетелесным опытам. Доступ к данным о неврологических особенностях такого мозга вполне мог быть критически важен для программы, работающей над *отделением* разума от тела.»

Интересная мысль, подумал Лэнгдон, особенно в свете того, что Саша рассказала ему сегодня утром. «Я забыл упомянуть, что Гесснер привезла в Прагу ещё *одного* пациента с эпилепсией из той же клиники — до Саши. Его звали Дмитрий, он был русским. Ему сделали такую же операцию, и он тоже вылечился.»

«Это значимый факт», — сказала Кэтрин. «Трудно поверить, что Бригита Гесснер вытаскивала эпилептиков из психиатрических лечебниц и лечила их за собственный счет, чисто из добрых побуждений.»

Лэнгдон вынужден был согласиться — это действительно не в её характере. Более того, он теперь понимал, что подопытный, взятый из *Рос-*

сии— вероятно, при содействии ЦРУ — в Европе остался бы совершенно незамеченным. *Призрак в Праге.*

«Давайте на минуту предположим, — сказала Кэтрин, — что Гесснер набирала этих эпилептиков как испытуемых для «Порога». Это объясняет, почему она держала Сашу при себе.»

«Чтобы наблюдать за ней.»

«Именно. Дать ей несложную работу, квартиру, немного денег. Проще простого.»

«Пожалуй…»

«А Дмитрий? — спросила Кэтрин, когда они приблизились к парку Фолиманка. — Где он сейчас? Остался в Праге?»

«Саша сказала, что он вернулся в Россию после того, как Гесснер его вылечила.»

«Я в этом сомневаюсь. Возможно, так Саше сказала Гесснер, но если ЦРУ извлекло испытуемого из психиатрической больницы, вложилось в него, сделало участником сверхсекретной программы… неужели они просто отпустили бы его домой? В *Россию*?»

Верное замечание, подумал Лэнгдон, ускоряясь на открывшемся перед ними участке дороги. Он слегка вытянул шею, пытаясь разглядеть, что ждет впереди.

Если повезет, ответы мы получим очень скоро.

Вход в «Порог» был уже близко.

ГЛАВА 88

У здания посольства США сержант Кёрбл стоял на тротуаре, зябну в парадной форме, высматривая приближающийся автомобиль. Когда же он наконец заметил посла, то с изумлением увидел, что она всего в десяти ярдах от него.

Она пешком?! Одна?!

— Я знаю, Скотт, прости, — сказала она, поравнявшись с ним и стремительно пройдя мимо. — Мне просто нужен был воздух.

— Где ваш автомобиль?!

— Всё в порядке. Правда. Идемте за мной.

Уже два года сержант Кёрбл возглавлял охрану посла Нагель, но никогда не знал ее беспечной или капризной — или непостоянной. Смерть Майкла Харриса явно потрясла её до глубины души.

Поднявшись по лестнице в кабинет посла, Кёрбл ждал, пока Нагель скинет пальто, схватит бутылку воды и затем, к его удивлению, начнёт печатать на компьютере, тщательно сверяясь с бумагой, извлеченной из кармана пальто. Наконец, компьютер издал звук отправки письма.

Ваш атташе мертв, а вы рассылаете письма?

— Хорошо, Скотт, — сказала она, обращая к нему всё своё внимание. — Я надеюсь, конверт чист?

— Полное сканирование, — заверил он, пропустив конверт через все процедуры проверки безопасности для входящей почты. — Посторонних веществ нет. — Он достал конверт из внутреннего кармана и положил перед ней.

Нагель подняла его. — Корзинка с котятами?

— Мэм?

— Убийца написал мне на бумаге с *котятами*?! — Она ткнула пальцем в логотип с корзинкой котят на конверте.

— Да, мэм. Он взял бумагу из квартиры мисс Весны. Она, кажется, любит кошек.

Нагель схватила нож для вскрытия писем и аккуратно провела лезвием под швом конверта. Затем она извлекла лист такой же бумаги, сложенный пополам.

Сержант Кёрбл не видел, что было написано в письме, да и реакцию посла разгадать не мог. Но текст был явно короткий.

Через мгновение после прочтения она положила письмо текстом вниз на стол и подошла к окну. Минувших десяти секунд в тишине хватило, чтобы она обернулась к Кёрблу.

— Спасибо. Мне нужно побыть одной.

ГЛАВА 89

Вход в «проект реконструкции» убежища Фолиманка находился точно там, где указал посол Нагель — в промышленной части города, между железнодорожными путями, оживленной улицей и юго-западным углом парка Фолиманка.

Небольшой треугольный участок земли с входом, окруженный металлическим забором, носил название Острчилово площади. За годы это «пространство» сменило множество назначений — от неудачной детской площадки до импровизированного скейт-парка, а в последнее время стало пунктом сбора вторсырья. Однако последние несколько лет армия инженеров использовала его как плацдарм для «реставрации» пришедшего в упадок бомбоубежища 1950-х годов.

Кэтрин почувствовала нарастающее напряжение, когда Лэнгдон ехал вдоль высокого барьера — сплошной восьмифутовой стены с табличками, предупреждающими:

ВХОД ВОСПРЕЩЕН / ZUTRITT VERBOTEN / ENTRY FORBIDDEN

В конце стены Лэнгдон повернул налево и медленно проехал вдоль второй стороны тре-

угольника, где был установлен большой информационный стенд с диаграммами и текстом, объясняющим происходящее за оградой:

Проект восстановления парка Фолиманка / Folimanka Park Recovery Project

Укрепленные ворота в стене были закрыты, и лишь небольшой участок их панели позволял разглядеть то, что находилось за ними. Двое солдат в черной форме патрулировали свежеуложенную дорогу, ведущую вниз к широкому арочному тоннелю, уходившему под парк Фолиманка. Вход в тоннель преграждали выдвижные стальные столбы.

— Какая внушительная охрана для проекта *реставрации*, — заметил Лэнгдон, вытягивая шею, пока они проезжали мимо.

Скрытый правительственный проект… на виду у всех.

Кэтрин в последний раз украдкой взглянула на вход в тоннель, когда они проезжали мимо. Кроме неприметных охранников у входа, она не увидела ни грузовиков, ни персонала — ничего. Казалось, посол был прав: Порог сейчас бездействует.

Лэнгдон повернул налево и поехал вдоль третьей, последней стороны ограждения, тянув-

шейся параллельно западной границе парка Фолиманка.

Ну вот и все, — подумала Кэтрин, все еще восхищаясь невероятным планом проникновения, который Лэнгдон изложил ранее. Его план основывался на одной потрясающей идее.

У «Порога» есть потайной вход.

С помощью неоспоримой цепочки логических доводов Лэнгдон убедил посла, что «строительный вход» на западном краю парка Фолиманка — тот самый, что должен был стать главным входом по завершении проекта, — не единственный путь внутрь.

У «Порога» была вторая точка доступа… гениально замаскированная.

Более того, Лэнгдон точно определил, где она находится… и как в нее попасть.

Голем стоял один в помещении, непохожем ни на что, что он когда-либо видел или мог себе представить. Следуя подробным указаниям, которые он выбил из Гесснер прошлой ночью, его путь наконец привел его в это сюрреалистичное место.

Порог.

Гесснер раскрыла все детали… и все же, увидев

это своими глазами, Голем почувствовал дезориентацию, почти тошноту.

Они построили эту комнату кровью Саши.

Саша была не первой жертвой проекта… и не стала бы последней.

Именно поэтому «Порог» завершится сегодня.

Долгий путь Голема к этому моменту возмездия дался ему тяжело, и он почувствовал, как в нем поднимаются глубокие эмоции. Он также ощутил легкое, но отчетливое покалывание во всем теле — предупреждение.

В комнате начал оседать туман. Эфир сгущался.

«Не сейчас, — прошептал он. Не сейчас.»

Инстинктивно Голем опустил руку в карман плаща и достал металлический жезл.

ГЛАВА 90

Джонас Фокман нахмурился, глядя на последние результаты поиска ChatGPT.

Несмотря на разнообразные запросы и подходы, его попытки найти связь между работой Кэтрин и инвестициями In-Q-Tel не выявили ничего, кроме далеких от темы предложений, больше напоминающих бессвязную игру в «Чепуху», чем что-либо разумное — искусственное или нет.

Раздраженный, он оставил компьютер и подошел к окну, глядя на север по Бродвею в сторону Центрального парка. В рассветном свете на горизонте за «карандашными небоскребами» Биллонирс-Роу сгущались грозовые тучи.

Он постоял некоторое время, погруженный в мысли, и наконец вернулся к компьютеру, чтобы продолжить поиски. Садясь, он заметил новое письмо.

Строка темы удивила и обрадовала его.

Сообщение от Роберта Лэнгдона

Фокман ждал звонка уже больше часа и с растущим беспокойством думал, что в резиденции посла что-то пошло не так. Однако облегчение от того, что он увидел письмо, было недолгим.

Несмотря на заголовок, Фокман заметил, что отправителем значится посол США Хайде Нагель... бывший генеральный юрисконсульт ЦРУ.

Она передает сообщение от него?

Фокман не мог придумать никого в Праге, кому он доверял бы меньше в данный момент. Если бы Роберт был в безопасности, посол мог просто позволить ему позвонить.

Пока я не услышу голос Роберта, я не поверю ни единому слову из этого письма.

Он раздумывал, открывать ли сообщение, представляя вирус или очередной взлом, но на этом этапе решил, что терять уже нечего. Осторожно он открыл письмо, недоумевая при виде бессмысленной на первый взгляд цепочки букв.

ROT13EY&XFETHQ

Понадобилось мгновение, чтобы осознать, что первые пять символов *действительно* имеют значение. *ROT13* — это название шифра замены, где каждая буква заменяется на букву, отстоящую от нее на *тринадцать* позиций в алфавите. Фокман знал об этом лишь потому, что несколько лет назад, редактируя книгу о древних методах шифрования, автор регулярно присылал ему шутливые сообщения, зашифрованные с помощью ROT13.

Этим автором был Роберт Лэнгдон.

Охваченный приливом надежды, Фокман схватил карандаш и применил простую схему расшифровки. Затем он посмотрел на результат.

RL&KSRGUD

Его недоумение длилось лишь мгновение, после чего он громко рассмеялся — наполовину от забавы, наполовину от облегчения.

Только Роберт мог написать такое сообщение.

Лэнгдон и Фокман часто сетовали на упадок письменной речи из-за распространения «смс-языка» с эмодзи и сокращениями. Тренд так огорчал Фокмана, что он даже написал об этом статью для *The New Yorker,* включив в нее одно особенно пафосное предложение, которое Лэнгдон безжалостно высмеивал.

Фокман написал: Сэкономить один клик, набрав «gud» вместо «good» — не просто дурной тон, это вопиющая лень.

Всё ещё усмехаясь над посланием Лэнгдона, Фокман был соблазнен ответить: *Ваше сообщение не только искусно, но и приносит благотворное утешение.*

ГЛАВА 91

Лэнгдон остановил внедорожник и поставил его на ручной тормоз. Он собрался с духом, прежде чем выйти из машины вместе с Кэтрин, прекрасно осознавая, что совсем скоро узнает, приведет ли его план к успеху… или к катастрофе.

Ветер на высоком хребте усилился, шурша в лесу у них под ногами. Лэнгдон на мгновение замер. Он взглянул на заснеженное пространство за деревьями — парк Фолиманка, — который тянулся на восток от гряды. *Теперь это место кажется другим*, подумал он, переведя внимание на здание перед ними.

Бастион «Распятие» выглядел призрачно. Его контур резко выделялся на фоне темнеющего вечернего неба. Пока они с Кэтрин шли к главному входу, Лэнгдон почувствовал тень сомнения, но тут же напомнил себе, что привело его сюда.

Рациональная логика.

Истина открылась ему у заброшенного бассейна в резиденции посла. Посол разорвал договоры о неразглашении, позвонил Финчу по громкой связи и убедительно солгал, что его указания выполнены. Затем, к удивлению Лэнгдона, Финч

приказал Нагелю отправить морских пехотинцев к бастиону «Распятие» для охраны периметра. *Приоритет Финча — защитить изолированную чешскую лабораторию? Почему?*

Пока Лэнгдон размышлял, в голову пришла вторая мысль. Ранее Яначек сообщил ему, что система наблюдения Праги не подтвердила прибытие Кэтрин в бастион, потому что — к досаде капитана — вездесущая система камер столкнулась с беспрецедентной «мертвой зоной», затемняющей пространство вокруг лаборатории Гесснер.

Система видеонаблюдения Праги — это сеть «Эшелон»… под управлением ЦРУ.

Теперь все сложилось, и Лэнгдон начал сомневаться в статистической малой вероятности того, что частная лаборатория Гесснер расположена на хребте прямо напротив «Порога» — секретного проекта, в котором она работала.

Если только они не связаны…

Для Лэнгдона логика размещения секретного разведывательного объекта под парком Фоли-манка была понятна — естественная маскировка, доступ к ресурсам, существующая инфраструктура, — но ему было сложно поверить, что «Порог» построен с единственной точкой доступа… толь-

ко *один* вход и выход. Такая конструкция стала бы смертельной ловушкой при пожаре или чрезвычайной ситуации, что выглядело несообразным риском для организации, основанной на стратегии, подстраховке и планировании.

Даже в Ватикане есть тайные пути для эвакуации!

Именно тогда посол сообщил неожиданный поворот: организация, которая тайно приобрела бастион для Гесснер, была не кем иным, как «Q». Инвестиционная фирма предложила ей здание в рамках приглашения в ЦРУ, соблазнив возможностью руководить институтом из такого уникального исторического места.

Но это не настоящая причина, предположил Лэнгдон, разделяя растущее подозрение, что Финч получил бастион *не* ради привлечения Гесснер… а ради чего-то гораздо более ценного.

Еще один вход в «Порог».

Большинство средневековых бастионов имели уникальную архитектурную особенность — потерну. От латинского «posterior» (задний), потерна буквально означала «чёрный ход» — потайной проход для аварийной эвакуации.

Как объяснил Лэнгдон, древний эстонский бастион в Таллине имел четырёхэтажную под-

земную потерну протяжённостью более мили, ведущую в подвал близлежащего монастыря. А в словенском горном замке Предъяма, по слухам, существовал шестиэтажный вертикальный ствол с примитивной лебёдкой-«лифтом» для доставки припасов, скота и подкреплений.

У Крестообразного бастиона, размышлял Лэнгдон, наверняка тоже должна быть потерна. И учитывая недавнее строительство в Фолиманке и масштабы проекта «Порог», логично предположить вертикальный ствол под бастионом.

Ранее, в машине, Лэнгдон показал Кэтрин и Нагелю на карте, что современная потерна — существовала ли она изначально или была пробурена строителями — должна опускаться прямо к границам парка Фолиманка и потенциально выходить к стенам бомбоубежища.

Расположение бастиона было идеальным. Удалённый и неприметный, институт Гесснер давал идеальное прикрытие — правдоподобное отрицание для всех, кто здесь появлялся: они просто работали в Институте Гесснер.

Только бы я не ошибался, подумал Лэнгдон, направляясь с Кэтрин к разрушенному входу в бастион.

Это научная лаборатория?

Кэтрин Соломон не верила своим глазам, следуя за Лэнгдоном по роскошному коридору из розового мрамора в просторный атриум с дорогой мебелью, впечатляющими картинами и панорамными окнами с видом на Прагу.

Может, мне стоит устроиться в ЦРУ, подумала она, оценивая, что в «приёмной» Гесснер мог бы разместиться весь штат IONS.

И всё же пространство ощущалось зловещим. Если предположения Лэнгдона верны, этот шикарный «Институт Гесснер» скрывает мрачный секрет — потайной вход в «Порог».

Лэнгдон направился к дальней стене и остановился вплотную к массивной скульптуре из сварных металлических блоков.

Что он вообще делает?

Кэтрин удивилась, когда Лэнгдон схватил скульптуру, сдвинул её в сторону, и та бесшумно скользнула по стене, открывая большую нишу с дверью лифта.

Ну конечно, усмехнулась она про себя, направляясь к Лэнгдону, который придерживал сдвинутую панель. Подойдя, она заметила, что он

смотрит куда-то позади неё.

«Что такое?» — спросила она, оглядываясь. «Вон тот диван у стены... он криво стоит.»

Кэтрин посмотрела на длинный белый диван. *Серьёзно, Роберт?* Один его край был чуть отодвинут от стены.

«Утром он стоял ровно, когда я на нём сидел, — сказал он, не отрывая взгляда. — Не знаю, то ли я не заметил, то ли его сдвинули, или...» «Или ты забыл принять таблетки от ОКР?»

«Прости, — переключился он. — Эйдетизм иногда мешает.»

«Видимо, — улыбнулась она. — Будем исправлять этот фэн-шуйный коллапс или всё-таки попытаемся найти эту лабораторию и спасти себе жизнь?»

«Ладно.» Лэнгдон провел ее в слабо освещенную нишу.

Внутри Кэтрин заметила подсвеченную сенсорную панель рядом с дверью лифта. «Этой панелью пользуется только Бригита,» — объяснил Лэнгдон. — «Так она попадает в свою личную лабораторию этажом ниже.»

«Но ты считаешь, что есть еще один вход в Порог, скрытый где-то *здес*ь?» — спросила Кэтрин.

«Да, более того, думаю, он прямо перед нами.»

Он указал на лифт. — «Если я прав, шахта уходит гораздо глубже — но чтобы спуститься в сам Порог, нужна RFID-карта, как та, что мы видели в портфеле Гесснер.»

Он показал на изящную круглую панель из черного стекла, вмонтированную в стену прямо над клавиатурой. Кэтрин не заметила ее раньше.

Считыватель RFID.

«Я обратил внимание на считыватель утром, но только в резиденции посла понял его назначение. Тогда меня осенило, почему у Гесснер два способа доступа к одному и тому же лифту. Если я прав, то нам нужна только карта из ее портфеля, которую я видел ранее в ее лаборатории внизу.»

Лэнгдон уже набирал код на панели.

«Так ты действительно *разгадал* код?» — спросила Кэтрин. — «Арабская дань древнегреческому... с лимонным акцентом?»

«*Латинским*,» — поправил он с улыбкой. — «Ты была пьяна.» Он закончил ввод кода, и лифт ожил.

Впечатляет, — подумала Кэтрин. Объяснит позже.

Лифт ехал подозрительно долго, но когда он прибыл, Кэтрин отметила несоразмерно большой размер кабины — странно просторной для

личного пользования Гесснер.

Скорее рассчитанной на перемещение оборудования и персонала.

Логика Лэнгдона пока не давала сбоев. Они вошли и спустились на один этаж.

Когда двери открылись, перед Кэтрин предстал длинный коридор с каменными стенами, полированными инкрустированными полами и современными точечными светильниками. Возникало ощущение, что Старый и Новый Свет достигли здесь какого-то неуклюжего компромисса.

Выходя, Лэнгдон указал на еще один считыватель RFID, и Кэтрин кивнула. Они двинулись вперед. Ей не хотелось видеть жуткую сцену впереди, которую Лэнгдон подробно описал, но ее уверенность в правильности его теории росла. Если он прав, план был прост: получив карту Гесснер, они спустятся к Порогу.

Они прошли мимо кабинета Гесснер и Саши, лаборатории МРТ-сканирования и двери с пиктограммой человека в VR-очках.

Ее лаборатория виртуальной реальности, — вспомнила Кэтрин разговор Гесснер за вчерашним ужином. Тогда она не придала этому значения, но теперь, после разговоров об эпи-

лепсии Саши и внетелесном опыте, задумалась — может ли VR быть как double пространственно воплощать обратное? *Как искусственный внетелесный опыт…*

«Портфель Бригиты…» — голос Лэнгдона прервался. — «В конце коридора. Вместе с… ее телом.»

Кэтрин взглянула на внезапно побледневшего Лэнгдона. «Ты в порядке?»

Он мрачно кивнул. «Спасибо. Просто… не хочу видеть ее снова. Сегодня утром, когда я увидел тело, то подумал, что это *ты.*»

Кэтрин обняла его за талию, вспоминая собственный ужас при мысли, что Лэнгдон утонул. В своих исследованиях она сталкивалась со смертью, но это всегда было мирным, ожидаемым процессом. Здесь все иное — насильственное, тревожащее. «Я стараюсь думать о теле как о пустой оболочке,» — сказала Кэтрин. — «Уже не о человеке. Безжизненном манекене.»

«Спасибо, учту,» — ответил он, не выглядя менее встревоженным.

«Если подумать, как вид мы совершенно иррациональны в отношении тел. Даже когда от близких ничего не остается, мы бальзамируем, одеваем, хороним их, затем регулярно навещаем!

Многие даже покупают роскошные гробы с мягкой обивкой, чтобы тело было «удобно.»

Лэнгдон скептически улыбнулся. «Полагаю, это нужно скорее живым, чем мертвым.»

«Да, но свидетельства переживших клиническую смерть ясно показывают: умирающие *рады* оставить свои старые или больные тела. По всем данным, умерших волнует судьба их тел не больше, чем судьба проданных автомобилей. Нисколько.»

◆ ·· ◆

Обожаю женщин, объясняющих жизнь и смерть через подержанные автомобили, — подумал Лэнгдон, входя в загроможденную мастерскую, где утром обнаружил тело Гесснер в капсуле.

«Может, подождешь здесь?» — предложил он, желая избавить ее от зрелища. — «Я мигом.»

Оставив Кэтрин у входа, он поспешил внутрь, сознательно избегая взгляда на капсулу и направляясь к столу.

Кожаный портфель Гесснер, как и ожидалось, лежал там же. Лэнгдон думал, что придется взламывать замок, но обнаружил нечто неожиданное.

Застежки были уже оторваны... замок сломан.

О нет...

Лэнгдон распахнул портфель: документы, папки, телефон — все на месте. Кроме одного. Карты RFID не было в защитном слоте. В панике он проверил слот — пусто. Перебрав содержимое дважды, он вынужден был признать горькую правду.

Мы лишились доступа к Порогу.

«Неважно,» — мрачно сказала Кэтрин, неожиданно оказавшись рядом. Лэнгдон обернулся: она стояла у капсулы, глядя на тело.

«Карта Бригиты не помогла бы нам,» — прошептала она. — «Она *биометрическая*.»

«Что?» — Лэнгдон шагнул к ней.

«Она работает только при соприкосновении с ее пальцем.» «Откуда ты знаешь?»

Кэтрин указала на окровавленные кусачки у капсулы. «Потому что тот, кто взял карту... взял и ее палец.»

ГЛАВА 92

Оставшись одна в кабинете, посол задумчиво разглядывала записку, найденную на теле Майкла Харриса.

Лично послу США Хайде Нагель. Конфиденциально

Письмо было написано от руки, без подписи, и содержало всего две строки. Нагель перечитала его несколько раз, сбитая с толку содержанием. Она ожидала, что послание убийцы будет мрачным и угрожающим, и психологически подготовилась. Но записка оказалась краткой и удивительно сдержанной. Почти вежливой.

Пожалуйста, помогите Саше.

https://youtube/pnAFQtzAwMM

И это всё? Он хочет, чтобы я помогла Саше?

Озадаченная посол потянулась к клавиатуре и начала набирать присланный преступником URL-адрес. Будь файл на флешке или во вложении письма, Нагель никогда бы не открыла его на компьютере посольства, но публичная ссылка казалась безопасной.

Когда открылось окно YouTube, Нагель увидела любительское видео, снятое на мобильный

телефон, возле какого-то длинного низкого контейнера, напомнившего ей военные транспортировочные контейнеры с жёстким корпусом, в которых перевозят тела павших. Но тело внутри *этого* контейнера было совершенно живым — женщина отчаянно билась, пытаясь разорвать удерживающие её липучки. Невысокого роста, со стильной причёской и бледной кожей, она была одета по последней моде.

Боже мой... Доктор Бригита Гесснер, — мгновенно поняла посол, отпрянув вспомнив рассказ Лэнгдона о найденном им теле Гесснер. Ей с ужасом показалось, что сейчас она станет свидетелем последних мгновений жизни женщины. *Неужели это фильм-снёф?!*

Ответ на вопрос появился мгновением позже, когда в кадре возник нападавший на Гесснер. Фигура в балахоне была закутана в черное, и, когда его лицо стало видно, Нагель буквально отпрянула от экрана. Лицо мужчины было покрыто толстым слоем глины, а на лбу проступали три буквы на иврите.

Нагель хорошо знала историю Праги, и у нее не было сомнений в том, что это было. *Он одет как голем?* С нарастающим ужасом она смотрела на происходящее — на жестокий допрос с внутри-

венными инъекциями и какой-то незнакомый ей медицинский процесс. Боль, которую причиняли Гесснер, была ужасающей, но то, что он рассказал — его подробное признание, — потрясло Нагель до глубины души.

Когда видео подошло к своему ужасающему завершению, посол Нагель закрыла глаза. Она глубоко вдохнула, пытаясь осознать все, что только что услышала. Многое в признании Гесснер она не понимала, но одно было совершенно ясно. Секретный проект, в котором Нагель невольно участвовала, теперь мог стать достоянием общественности, и последствия были бы катастрофическими. Услышанное о программе вызвало у нее отвращение, и она только могла представлять, как отреагирует остальной мир.

Дрожа, Нагель потянулась к телефону.

Пришло время совершить очень опасный звонок.

Звонок, который следовало сделать годы назад.

Погруженная в бескрайнюю пустоту темноты, Саша Весна изо всех сил пыталась сориентироваться. Этот мир был для нее чужим.

Где я?!

Дезориентация и ощущение отрыва от собственного тела были для Саши привычными, но в таких состояниях она всегда оказывалась в полной темноте. Ни света, ни теней, никаких зрительных стимулов.

Но я вижу свет…

Несомненно свет. Тусклый, мягкий, далекий.

Кто меня сюда привел?

В своем затуманенном состоянии она не могла вспомнить, как оказалась в этом месте. Она чувствовала, что лежит на спине, и попыталась приподняться, но что-то тяжелое и неподвижное удерживало ее.

Я пристегнута? Или парализована?

С нарастающей паникой Саша попыталась найти опору… но усилие лишь измотало ее, и свет стал тускнеть. Глубже, под ней, уже закрутилось обратное течение, размывая материальный мир, сковывавший ее. И тогда с непреодолимой силой волна накрыла ее, погрузив обратно в полную темноту.

ГЛАВА 93

Глубоко в недрах «Порога» Голем чувствовал себя лишь тенью самого себя.

Его тело все еще было в шоке.

В прямом смысле.

Минуту назад, достигнув самой дальней камеры этого подземного сооружения, он испытал сильнейший эмоциональный всплеск. Знакомое покалывание в виске. Эфир сгущался… стремительно надвигался… готовый поглотить его целиком. Инстинктивно Голем сунул руку в карман плаща, чтобы достать металлический жезл, но с ужасом осознал, что жезла нет. Он вывалил содержимое карманов на пол, перебирая выпавшие предметы.

Жезл исчез… Я потерял его в схватке с той женщиной наверху.

Голем понимал, что теперь полностью во власти своего состояния, и ему оставалось лишь принять неминуемый припадок. Он приготовился как мог — принял поспешные меры предосторожности, нашел безопасное место, чтобы лечь и избежать падения.

Конвульсии накрыли его с такой силой, что он

потерял сознание.

• •• •

Придя в себя, Голем не мог понять, сколько времени прошло. Ему потребовалось несколько минут, чтобы осознать, где он находится.

Наконец собрав силы, он поднялся в полный рост и снова оглядел потрясающее пространство вокруг. Создать нечто подобное в абсолютной тайне казалось почти невозможным, но теперь он понимал, кто стоял за всем этим.

У них практически безграничное влияние — и ресурсы.

Очнувшись от после припадочного оцепенения, Голем вернулся к тому месту, где высыпал содержимое карманов в поисках жезла. Встав на четвереньки, он стал собирать предметы один за другим, складывая обратно в карман: электрошокер Vipertek, пластиковую коробку, взятую с ближайшего рабочего стола (в ней раньше хранились гайки и болты, а теперь лежала черная RFID-карта Бригиты Гесснер… и ее отрезанный большой палец).

Мой доступ к» Порогу».

Как и ожидалось, отпечаток пальца Бригиты мгновенно активировал карту при соприкосно-

вении.

И привел меня в это святилище.

Гесснер признала существование этой комнаты, и теперь, увидев ее своими глазами, Голем почувствовал новый прилив сил — ее нужно уничтожить. С еще большей решимостью он двинулся в самую дальнюю часть камеры, прошел сквозь стеклянную дверь и нашел то, что искал — нишу, отгороженную защитной решеткой.

За решеткой пол представлял собой металлическую платформу с надписью:

Системы / Коммуникации

Голем ступил на платформу и носком ботинка нажал на огромную красную кнопку в полу. Где-то внизу раздалось мягкое шипение воздуха, и платформа начала опускаться, унося его сквозь пол.

Спуск был коротким — метра три.

Когда платформа остановилась, замигали флуоресцентные лампы, освещая низкий коридор, который тянулся в обратном направлении, под сердцем сооружения. Пробираясь по тесному бетонному туннелю, Голем проходил механические блоки генераторов, насосов, вентиляционных установок и панелей управления, а также километры медных труб, воздуховодов и толсто

изолированных проводов. Все это было соединено в единую экосистему, клокочущую, дышащую и мерцающую.

Несмотря на отсутствие персонала в «Пороге», сердце этого сооружения явно билось.

Но недолго, — сказал себе Голем, двигаясь к конечной цели.

ГЛАВА 94

Кэтрин стояла у капсулы EPR, вперив взгляд в окровавленный обрубок кости — место, где у Бригиты отрезали большой палец прямо под суставом. Все мысли о входе в Порог мгновенно испарились... затоптанные ужасом от увиденного.

О Боже, Бригита... Мне так жаль.

Зловещность отрезанного пальца меркла на фоне жуткой картины вокруг. Внутри капсулы лицо нейрофизиолога искривилось от муки, глаза смотрели в пустоту, губы оскалились. Кожа стала мертвенно-бледной. Запястья и лодыжки Гесснер были стерты до крови от попыток вырваться из липучек, а на обеих предплечьях грубо вживили катетеры. Один из них вырвался наружу, заливая руку застывшей темно-бордовой кровью.

Периферический катетер? — мелькнуло у Кэтрин. Неудивительно, что вена не выдержала.

Гесснер описывала этот прототип EPR как «модифицированный аппарат искусственного кровообращения», заменяющий кровь охлажденным физраствором, чтобы замедлить процесс умирания. Для такого обхода нужны как мини-

мум два бедренных катетера.

Так точно не подключают ЕСМО.

Осмотрев установку, Кэтрин поняла: тот, кто это сделал, либо был полным профаном, либо намеренно хотел, чтобы процесс убил ее медленно, причиняя боль. Она содрогнулась, представив агонию Бригиты, если та не была под седативными. Да и сама машина выглядела как грубая кустарная поделка... точно не готовая к испытаниям на людях.

Когда Лэнгдон подошел, Кэтрин удивилась смартфону в его руке. — Это *Бригиты*? — спросила она.

Он кивнул. — Включен, но почти разряжен. Код от лифта его не разблокировал, но... — Он присел к капсуле, мрачно поднеся телефон к лицу Бригиты. — Интересно, распознает ли лицо разницу между живым и...

Телефон просигналил.

Лэнгдон встал и начал листать содержимое.

— Стой, что ты делаешь?! — воскликнула Кэтрин.

— Посол должен знать, что мы провалились, — тихо сказал он. — Мой план попасть в Порог зависел от этой карты...

— Отдай телефон! — Кэтрин протянула руку. —

У меня есть идея...

• •• •

Лэнгдон наблюдал, как Кэтрин быстро пролистывала устройства Гесснер. *Что она ищет?*

— Бригита умна... и практична, — бормотала Кэтрин, перебирая экраны. — Это *должно* быть здесь!

— *Что* должно быть?

— Клон NFC...

— Я не знаю...

— Near-field communication, — пояснила Кэтрин, продолжая поиски. — Технология для бесконтактного взаимодействия со сканнером RFID — Apple Pay, двери отелей, билеты в аэропорту.

Она скроллила дальше. — Сейчас большинство загружает *копии* карт в электронные кошельки — телефон удобнее, чем таскать все карты с собой.

Логично, но Лэнгдон сомневался. — Ты правда думаешь, Бригита загрузила копию своей карты в *телефон*? Это же огромный риск.

— Наоборот, — не отрываясь от экрана, сказала Кэтрин. — Цифровые копии безопаснее: взаимодействие шифруется, плюс можно настроить *многофакторную* биометрию — лицо, отпечаток, сетчатку, что угодно, и пароль. Это надежнее

биометрической карты. И никто не увидит, как ты достаешь карту при каждом входе.

Любопытный аргумент.

Объяснение Кэтрин вселило надежду, но чем дольше она искала, тем мрачнее становилось ее лицо.

— Не знаю, — хмурясь, сказала она. — В ее кошельке полно карт, но ничего полезного. Вот кредитки... дебетовые... бонусные... удостоверение... доступ в гараж... проездные... спортзал... страховка...

— Спортзал, — перебил Лэнгдон. Кэтрин взглянула на него.

— Помнишь вчера? — настаивал он. — Когда я спросил о черной карте с копьем Vel? Она сказала, что это *спортзал*. Это выглядело ложью... Может, она ее так замаскировала?

Кэтрин вернулась к экрану, нажала на запись. Через мгновение на губах мелькнула улыбка. — Узнаешь? — протянула телефон.

Изображение клонированной карты не оставляло сомнений. Восторг Лэнгдона мгновенно угас при виде текста под ней.

ТРЕБУЕТСЯ
ТРЕХУРОВНЕВАЯ АУТЕНТИФИКАЦИЯ
1) ПАРОЛЬ

— Я знаю только код от лифта, — сказал он. — Он не разблокировал телефон.

— Но здесь он может сработать, — настаивала Кэтрин. — Эта карта дает доступ в Порог — как и лифт — логично использовать тот же код.

Гесснер — воплощение практичности, согласился Лэнгдон, осторожно набирая комбинацию.

314S159

Телефон весело пискнул, открыв следующий экран.

— Отлично! — воскликнул Лэнгдон. Вторая проверка оказалась проще.

2) РАСПОЗНАВАНИЕ ЛИЦА

Он снова поднес телефон к лицу Бригиты. Устройство пискнуло, открыв финальный запрос.

3) СКАНИРОВАНИЕ ПАЛЬЦА

Лэнгдон взглянул на искалеченную руку и замер. Кэтрин взяла телефон и, не колеблясь, приложила указательный палец.

После третьего сигнала он ожидал, что теперь можно вызвать лифт. Однако Кэтрин хмуро смотрела на экран.

— Плохие новости, — прошептала она. — Тут еще защита. — Она показала телефон. — Аутентификация действует десять секунд.

На экране таймер отсчитал до нуля. Карта деактивировалась, вернувшись к вводу пароля.

Черт.

— И батарея вот-вот сядет, — добавила Кэтрин. «Буквально с минуты на минуту.»

Думай, Роберт. В портфеле Гесснер он не видел зарядного устройства, и теперь его все сильнее грызла совесть за то, что он уговорил Кэтрин и посла рискнуть всем, положившись на его план.

На мгновение Лэнгдон задумался, нельзя ли извлечь капельницу Гесснер, вынуть ее тело из капсулы и как-то донести до лифта. *Нет времени.* К тому же, вынос тела и дальнейшее загрязнение

места преступления лишь усугубило бы их вину.

«Мы должны найти способ проникнуть в «Порог», Роберт... Мы так близко!»

Слова Кэтрин, конечно, были метафоричны... и все же по какой-то причине он воспринял их буквально. *Мы так близко.*

Насколько близко? — размышлял он, представляя длинный инкрустированный коридор за дверью... и лифт со считывателем RFID в дальнем конце. *В десяти секундах?*

Усэйн Болт установил мировой рекорд, пробежав сто метров за 9,58 секунды.

Коридор явно короче... максимум сорок ярдов.

Вернувшаяся Кэтрин отрицательно покачала головой, и Лэнгдон тут же изложил ей свой план.

«Спринт?» — усомнилась она. «Не думаю, что...» «Десять секунд — дольше, чем кажется», — сказал он.

«Ты часто бегаешь, Роберт, но в лоферах по полированному паркету?» «Стоит попробовать», — настаивал Лэнгдон. «Думаю, я смогу.»

Кэтрин проверила заряд телефона и широко раскрыла глаза. «Тогда лучше получись с первого раза».

Она немедленно начала трёхэтапную авторизацию, пока Лэнгдон встал рядом, вытянув ругу как

для эстафетной палочки. При третьем сигнале телефона она шлепнула гаджет ему в ладонь, и он рванул через комнату, крепко сжимая телефон. У двери он ухватился за косяк, рывком развернулся за угол и бросился в бешеный спринт по коридору, лоферы неуверенно цепляясь за гладкий паркет.

Лэнгдон пронесся мимо ванной, VR-лаборатории, томографа и кабинетов, уже замечая черный круг RFID-считывателя у лифта.

Еще двадцать ярдов...Быстрее!

Приблизившись к лифту, он вытянул телефон перед собой... и увидел на экране обратный отсчёт.

Три... два... Не успею.

Кэтрин вышла в коридор как раз, когда Лэнгдон на полной скорости врезался в дверь лифта и шлепнул телефон о считыватель. Он согнулся, опуская устройство, опершись руками о колени, пытаясь отдышаться.

Он не успел...

Но когда она двинулась к нему, сгорбленная фигура Лэнгдона вдруг превратилась в силуэт при распахнувшихся дверях лифта, из которого

хлынул свет.

«Ты сделал это!» — крикнула она, подбегая к Лэнгдону, который, тяжело дыша, удерживал двери.

«Что ж, профессор, — сказала она. — Я впечатлена.» «Рад, что сработало... Второй попытки бы не было.» «Телефон разрядился?»

«Нет... *я*.»

Она улыбнулась, поцеловала его в щёку, и они вместе вошли в лифт. Дверь закрылась. Долгое время ничего не происходило.

И тогда Кэтрин почувствовала это... лёгкую невесомость в теле.

Они опускались.

ГЛАВА 95

В сыром углу своего подвала директор ЦРУ Грегори Джадд обильно покрывался потом. До конца утренней тренировки на велотренажере Airdyne, который у него остался ещё со времён сенаторства, оставалось шесть минут. Его жена Маффи поставила для него новый Peloton в солярии, но Джадд предпочитал темноту и уединение. Утренние часы были временем для размышлений — обычно о том, как предотвратить глобальную катастрофу.

Когда зазвонил мобильный в держателе для стаканов, он удивился, увидев незнакомый номер. Этому номеру знали очень немногие, а тех, кто осмелился бы звонить до рассвета, было и того меньше.

Он перестал крутить педали, перевёл дух и ответил: «Да?»

«Доброе утро, директор», — прозвучал взволнованный женский голос. «Это Хайде Нагель из Праги».

«Хайде?» Звонок от бывшего старшего советника стал полной неожиданностью.

«Вы же теперь посол — зовите меня Грег».

«Никогда в жизни, сэр».

Он усмехнулся. «Ну хорошо, чем могу помочь?» *И кто вам дал этот номер?*

«Я хочу задать вам прямой вопрос», — начала она. «И была бы признательна за честный ответ».

Почувствовав тревогу в её взвинченном тоне, Джадд сошёл с велосипеда.

«Вообще-то я на мобильном, и вижу, что связь у нас не защищена, потому лучше бы позвонить со стационарного...»

«Я объяснила вашему дежурному, что я посол США, и это экстренная ситуация в сфере нацбезопасности».

«Экстренная ситуация? Хайде, в зависимости от того, что вы хотели обсудить, мы можем...»

«Мне следовало спросить вас об этом больше двух лет назад», — сказала она. «Но я спрашиваю сейчас». Не дав Джадду вставить слово, Нагель продолжила: «Закрытые документы, в изъятии которых меня обвинили из Лэнгли... Вы знали, что это подстава Q? Что меня использовали как марионетку в Праге?»

Джадд выдохнул — сохранять хладнокровие в стрессовых ситуациях было для него привычным делом. Он выбрал правду. «Да, Хайде, я знал».

Последующая тишина напоминала сгущающуюся грозовую тучу.

«Однако, — быстро добавил Джадд, — я узнал об этом *после* случившегося. В тот момент я ничего не знал. Вы были моим главным юридическим советником, и мне было тяжело вас потерять».

«Финч устроил это за вашей спиной?!»

«У него были полномочия действовать по своему усмотрению, — проговорил Джадд, шагая по подвалу. — Я был в ярости, когда узнал, но вы уже обосновались в Праге, да и соображения национальной безопасности в регионе имели значение. Взорвать ситуацию было контрпродуктивно. Вам из первых рук известно, насколько ценно для ведомства иметь своего человека в дипломатических кругах, который помогает разбираться в тонкостях зарубежной разведработы».

«Да уж, я была чертовски ценна для Финча и этого проекта — нажимала на дипломатические рычаги по первому требованию — резала бюрократию, обходила местные законы, подслушивала номера в отелях… принуждала Майкла Харриса следить за Сашей Весной».

Чёрт. «Я бы предпочёл не упоминать *имена* в открытом…»

«Вы знали, что я заставила Майкла работать

на эту схему, исходя из заявлений Финча, что Саша — это *персона, вызывающая интерес.* Но он отказался сказать мне, *почему* она представляет интерес. Ты *знаешь*, Грег?»

— Хватит. Я вешаю трубку.

— Это как-то связано с засекреченным объектом, который ты собираешься открыть под парком Фолиманка?

Директор Джадд замер на месте. — Посол Нагель, — ответил он, сохраняя максимум хладнокровия. — Понятия не имею, о чем ты говоришь, но предлагаю дать мне пятнадцать мин...

— Я отправила тебе ссылку на видео, — прозвучал ее каменный голос. — Получишь в офисе. И как только посмотришь, сделаешь кое-что для меня.

— С чего бы это? — бросил он вызов.

— Позвони мне после просмотра. Думаю, мои требования покажутся тебе разумными.

— Твои требования... А если я не смогу их выполнить?

— Ты директор ЦРУ. Для тебя почти нет ничего невозможного.

Тебе не стоит об этом забывать. — А если я решу не выполнять?

— Тогда это видео станет достоянием обще-

ственности, — равнодушно сказала она. — В нем подробная информация о твоем проекте, и содержание крайне неприятное. Торопись. Это публичная ссылка, и кто-нибудь ее рано или поздно найдет, скорее всего в ближайшие часы.

Хайде Нагель зашла слишком далеко. — Хайде, ты *же* знаешь, что мои люди могут просто удалить...

— Я скачала файл и сделала копии. Много копий. Они в надежных руках.

— Ты с ума сошла?! — взорвался Джадд. — Я понимаю твой гнев, но с какой стати ты *вообще* угрожаешь...

— Потому что, *Грег,* — вскипела Нагель, — я достаточно побыла побочным ущербом! Я всегда была верной коллегой, и теперь заслужила хоть немного долбанной лояльности в *свою* сторону. Так что подвинься с дивана и сделай наконец что-то путёвое, чёрт возьми!

Джадд никогда не видел, чтобы Нагель теряла самообладание, и, честно говоря, это его напугало. Хайде Нагель была опасным противником. *А неуравновешенные люди совершают ужасные ошибки.*

— Я позвоню тебе в течение часа, — отрезала Нагель. — И если я исчезну, поверь, это видео

появится в каждой новостной ленте на планете.

— Госпожа посол, я бы предложил...

Она уже положила трубку.

Нагель редко пила, особенно в середине дня, но сейчас стакан Бехеровки, налитый из офисного бара, казался оправданным. Ее руки все еще слегка дрожали, когда она села за компьютер и загрузила копию видео на рабочий стол. Для надежности она скачала вторую копию, назвав ее безобидно «Рецепты», и закопала глубоко в папках.

Затем она порылась в ящиках стола и нашла одинокую флешку — со старым PowerPoint к выступлению в Международной женской ассоциации Праги. Удалив презентацию, она скопировала видео с признанием Гесснер на флешку и поместила ее в дипломатическую папку формата A4 с печатью посольства.

Она застегнула папку на молнию и вставила пластиковое защитное кольцо в бегунок, зафиксировав его намертво. Затем заполнила поля маршрутизации, указывая адресатом... *себя.* Согласно статье 27.3 Венской конвенции о дипломатических сношениях, вскрытие этой папки

кем-либо другим являлось уголовно наказуемым преступлением.

Пока Нагель искала в кабинете надежное место для хранения запечатанной папки, она осознала, что *не существует* по-настоящему безопасного места в этом офисе. Ей хотелось верить, что директор Джадд примет правильное решение, но если он решит ее предать, этот кабинет станет первой целью.

— Скотт! — крикнула она, направляясь к двери с мешочком в руке. Её охранник ждал снаружи и сразу же вошел.

— Мне нужно доверить тебе одно дело, — сказала она.

— Конечно, мэм, — он бросил взгляд на её руки. — Мешочек или коктейль?

Она опустила глаза. *Тьфу.* — Мешочек, Скотт. — Она протянула его ему. — Держи в безопасности. Ни слова никому. И я имею в виду — никому. Могу я тебе довериться?

— Конечно, мэм. — Он положил мешочек в нагрудный карман униформы и озабоченно посмотрел на неё. — У вас всё в порядке, мэм?

— Всё в порядке, спасибо. Смерть мистера Харриса меня немного… — Голос её оборвался. — Есть какие-то новости от криминалистов?

— Пока нет, мэм.

— Не могли бы вы связаться с мисс Данек и попросить её немедленно вернуться сюда?

— Конечно, мэм. — Морпех заколебался. — Но… должен предупредить, что мисс Данек была крайне расстроена, когда мы обнаружили тело мистера Харриса. Кажется, они были близки.

Да уж, подумала Нагель, испытывая стыд за то, что использовала их роман как рычаг давления. — Спасибо, что предупредили. У меня срочное дело, где требуются её навыки. *Надеюсь, она проявит профессионализм.*

Сержант Кербл вышел, и Нагель вернулась к своему столу. Она сделала долгий глоток из бокала. Письмо убийцы Харриса лежало перед ней.

Пожалуйста, помоги Саше.

Я не смогу ей помочь, если не найду её, подумала Нагель, убирая письмо в ящик стола. К счастью, в Праге существовала уникальная система наблюдения. Проблема была не в том, чтобы найти Сашу, а в том, чтобы уговорить Дану Данека помочь в этом деле.

◂ ·· ▸

Голем проделал путь через узкий механизированный коридор, протянувшийся почти на сотню

метров, подобно вытянутому позвоночнику под сердцем «Порога». Достигнув конца, он теперь стоял перед необычным порталом.

Дверь была стальной, овальной формы, без окон, с массивным штурвалом для герметизации. Она напоминала люк подводной лодки.

На табличке было написано:

SMES

Только для уполномоченного персонала

Накануне Гесснер раскрыл ему удивительную технологию, скрытую в этой уникальной камере. Утренний поиск Голема в сети предоставил всю остальную информацию, включая научное объяснение, почему аппарат расположен именно здесь.

Прямо под известным объектом в парке Фолиманка.

Конструкция над ними была одним из немногих сохранившихся элементов бомбоубежища 1950-х годов, и туристы часто фотографировались на его фоне. Никто, конечно, не подозревал то, что недавно узнал Голем — объект был гениально перепрофилирован для нужд «Порога».

Теперь это вентиляционная шахта для герметичной комнаты за этой дверью.

Голем на мгновение перевел дыхание, преж-

де чем повернуть штурвал. Без своей палочки ему приходилось быть осторожным — новый припадок здесь, в окружении стольких твердых поверхностей и острых углов, мог быть опасен.

Собравшись с силами, Голем крепко встал на ноги, ухватился за штурвал и потянул его против часовой стрелки. Колесо почти не поддалось, сдвинувшись всего на несколько сантиметров.

Он представил лицо Саши, и её невинность придала ему сил.

Я делаю это для всех, кого здесь подвергали насилию. Для тебя... для меня... и для всех, кто придёт после.

Стиснув зубы, он снова рванул штурвал.

ГЛАВА 96

Пока лифт продолжал погружаться в недра под Крепостью Распятия, Роберт Лэнгдон ощутил приступ тревоги. Он был настолько сосредоточен на задаче проникновения в объект, что толком не задумывался о маршруте, который придётся преодолеть.

Я заперт в узкой шахте, окружённый тысячами тонн камня.

Он также не имел ни малейшего представления, что их ждёт за дверями лифта. Посол говорила, что «Порог» ещё не функционирует в полную силу, и поэтому вряд ли они встретят охрану внутри. Но наверняка этого знать было нельзя.

Лэнгдон вновь вернулся к мысли о той жуткой загадке, которая возникла несколько минут назад. *Кто-то забрал карточку Гесснер… и отрезал ей палец.* Очевидно, это зверское преступление было совершено для доступа к «Порогу», но главный вопрос — когда? Неужели злоумышленники проникли сюда несколько часов назад и уже ушли… или же они всё ещё находятся внутри? И если они здесь… насколько они опасны?

Кэтрин переминалась с ноги на ногу в просторной кабине лифта. «Долгий спуск», — нарушила она тишину, видимо, нервируя даже себя этим бесконечным погружением.

Лэнгдон старался не задумываться об этом. «Телефон сел», — рассеянно заметил он, увидев погасший экран. Кэтрин забрала у него устройство и положила в свою сумку.

Наконец, лифт начал замедляться. Они прижались в углу кабины, вне поля зрения расходящихся дверей, пока кабина плавно останавливалась. Оба затаили дыхание.

Двери раздвинулись.

Съёжившись в углу, Лэнгдон и Кэтрин прислушивались к малейшим звукам или движениям снаружи, но ничто не нарушало тишину. Лэнгдон осторожно вытянул шею и выглянул наружу.

Там царила абсолютная тьма.

За узким лучом света из лифта Лэнгдон не видел абсолютно ничего. Он не подумал о том, что раз «Порог» ещё не функционирует, электричества может и не быть.

Мы глубоко под землёй. Ни света, ни окон. Для всего, что мы знаем, мы можем быть в огромной пещере.

Сердце бешено застучало, когда он осторожно

покинул лифт, делая неуверенный шаг в темноту. Прежде чем он успел коснуться пола, над головой ярко вспыхнули прожекторы, ослепив его. Он закрыл глаза, надеясь, что свет сработал от датчика движения… а не по команде расстрельной команды.

Постепенно он открыл глаза, всматриваясь в открывшуюся картину. Когда зрение восстановилось, он недоверчиво уставился вперед.

Да не может быть…

Они определённо покинули Крепость Распятия. Все следы старины и органики исчезли. Новый мир, в который шагнул Лэнгдон, был выверенным, футуристичным и чисто технологичным.

«Невероятно», — прошептала Кэтрин, выйдя следом. «Это выглядит дорого.»

Лэнгдон предположил, что объект, видимо, финансируется через In-Q-Tel, вне бюджета, без контроля Конгресса.

Кэтрин ступила на узкую металлическую платформу перед лифтом, ошеломлённая окружением. «Это как… миниатюрная станция метро».

Какая-то футуристическая монорельсовая дорога, — подумал Лэнгдон, вглядываясь в бетонный канал под ними, где единственная узкая рельса тянулась от платформы в круглый тон-

нель и исчезала во тьме. Проём тоннеля выглядел очень узким, слишком тесным для обычного вагона метро, но когда Лэнгдон увидел транспортное средство, которое здесь использовалось, он понял, что размер тоннеля подходящий.

Вагон представлял собой длинную, узкую открытую платформу — скорее подвижный помост, чем вагон — с двумя скамьями напротив друг друга. В задней части находилось пространство для перевозки грузов, где сейчас были закреплены две инвалидные коляски.

Лэнгдон вспомнил, что под Капитолием существовала аналогичная подземная система. Но в отличие от старомодных трамвайчиков в Вашингтоне, *эта* система выглядела минималистичной, стильной и эффективной.

«На нашей стороне *этого* туннеля, — сказала Кэтрин, направляясь к вагону. — Это хорошая примета».

Лэнгдон сразу понял, о чём она. Если транспорт здесь, значит, те, кто забрал карту Бригиты, уже побывали в «Пороге» и вернулись на нём обратно. «Ты права», — сказал он, слегка расслабляясь. «И сработали датчики движения, так что мы, кажется, одни».

Кэтрин поднялась на платформу, и Лэнгдон

последовал за ней. Как только они оказались внутри, снизу донёсся низкий гул, и платформа слегка приподнялась.

Кто-то или что-то знает, что мы здесь, — подумал Лэнгдон, надеясь, что поезд автоматический… и что за ними не следят, включив систему.

«Маглев, — сказала Кэтрин. — У нас есть такая система в Калифорнии».

Как любой, кто в детстве играл с магнитами, Лэнгдон знал об отталкивающем эффекте одноимённых полюсов — в данном случае, силы, достаточной для левитации платформы и её «парения» практически без трения.

«Не вижу управления, — сказала Кэтрин. — Думаю, просто садимся?»

Другое объяснение было лишним, и Лэнгдон присел рядом с ней, оба смотря в правую сторону вагона. Через несколько секунд раздались три низких сигнала, и платформа начала двигаться, набирая скорость.

Помимо гула мотора, движение было бесшумным.

Разгон был на удивление плавным, и в считанные секунды они уже мчались через туннель, погружаясь во тьму, где царила тишину, лишь на-

рушаемая свистом проносящегося мимо воздуха.

Фара освещала лишь небольшой отрезок рельсы прямо перед вагоном. В темноте казалось, что они разогнались до пугающей скорости, что и мешало оценить пройденное расстояние.

Внезапно Кэтрин схватила Лэнгдона за руку и ахнула, указывая на туннель впереди.

Лэнгдон заметил это мгновением позже. Прямо по курсу, на этой одноколейной трассе, к ним приближался свет — ещё один транспорт, несущийся им навстречу.

Очевидно, они не должны были садиться на этот поезд.

«Тут должен быть аварийный тормоз!» — крикнула Кэтрин, оглядываясь вокруг. Лэнгдон в отчаянии смотрел по сторонам в поисках безопасного места прыжка, но бетонные стены плотно окружили их со всех сторон.

Ослепляющий луч фар мчался навстречу, и до лобового столкновения оставались считанные секунды. Лэнгдон и Кэтрин схватились за руки, готовясь к удару, но вдруг их вагончик плавно сместился влево, в то время как встречный поезд рванул в противоположную сторону. Состав пронесся мимо них в более широком участке тоннеля, после чего их вагон вернулся на прежнюю

линию, и тоннель снова сузился до одного пути.

Лэнгдон выдохнул, сердце все еще колотилось в груди. «Это разъездной карман», — сказал он дрожащим голосом. «Автоматика».

Кэтрин облегченно вздохнула и сжала его ладонь.

Хотя разъезды позволяли обойтись без строительства двухпутного тоннеля, Лэнгдон только что оказался на несколько шагов ближе к смерти, чем ему бы хотелось.

Вагончик промчал еще с десяток секунд, затем начал замедляться и плавно остановился на такой же станции — безлюдной металлической платформе без каких-либо указателей. Когда они вышли, электронный гул стих, и транспортное средство опустилось на дюйма два в исходное положение.

«Двухвагонная система», — заметила Кэтрин. — «Значит, мы не можем быть уверены, что тот, кто вошел перед нами… уже ушел».

Лэнгдон кивнул. На концах всегда по одному вагону.

Он предположил, что теперь они находятся где-то под северной окраиной парка Фолиманка, примыкая к самым дальним секторам громадного бомбоубежища 1950-х годов.

Вместо лифтовых дверей на платформе был арочный проход. Лэнгдон и Кэтрин прошли сквозь него и увидели на пути внушительный КПП — рентгеновскую ленту, сканер тела, дополнительные биометрические системы, два поста охраны — сейчас все это пустовало.

Когда тут будет все работать, это место станет крепостью, — осознал Лэнгдон, пока они обходили сканер и вышли с КПП в основной коридор.

До сих пор Лэнгдон нигде не видел надписей, подтверждающих, что это объект ЦРУ. Но у стеклянных дверей он разглядел аккуратно нанесенное трафаретом маленькое слово.

Подтверждение.

Лэнгдон потянулся к дверям, но они автоматически распахнулись, осветив коридор за ними. Свет здесь был мягче яростных прожекторов, виденных ранее. Две полосы приглушенной подсветки тянулись вдоль плинтусов, создавая впечатление взлетной полосы в аэропорту.

Безупречный пол был выложен черной терраццо-плиткой, напоминающей отполированный базальт. Стены имели серебристый металлический блеск, вероятно, хромированное покрытие, искрившееся в отражении напольной подсветки. Воздух был пропитан запахом свежей краски, бетона и моющих средств.

Быстро шагая, Лэнгдон и Кэтрин двинулись по коридору, их шаги гулко отражались от стен. Пройдя метров двадцать, они остановились на развилке, где вправо уходил ответвляющийся коридор. Выложенный бледно-зеленой плиткой, он был погружен в абсолютную темноту, и Лэнгдон различал в нем лишь несколько дверей кабинетов, за которыми зияла непроглядная тьма.

Надпись гласила: ТЕХПОДДЕРЖКА.

Внутренний голос подсказывал Лэнгдону, что рыться в кабинетах и файлах — пустая трата драгоценного времени. Им нужны были неопровержимые доказательства того, что происходило в «Пороге», и оставался лишь один путь.

Нам нужно найти сердце этого объекта.

Как нельзя кстати, на черной плитке перед ними Лэнгдон увидел крупную надпись: ОПЕРАТИВНЫЙ ЦЕНТР.

Пока они шли по длинному прямому коридору,

впереди автоматически загорались половые светильники. Они подошли к алькову, где находилась массивная металлическая дверь с хорошо знакомым символом.

Кадуцей? Лэнгдон удивился, встретив медицинский символ в здании ЦРУ, но он и вправду красовался здесь на видном месте. Иконографически он знал, что этот символ часто используют ошибочно, как и сейчас. На самом деле кадуцей был древним символом Гермеса, греческого бога торговли и путешествий. Более корректный символ — жезл Асклепия, посох греческого бога врачевания, схожий знак, но без крыльев и только с одной змеёй вместо переплетенных змей кадуцея.

Неловко, но в 1902 году медицинская служба армии США по ошибке поместила *кадуцей* на

свою форму, и до сих пор этот символ ошибочно используют американские врачи и больницы.

Кадуцей? Лэнгдон удивился, встретив медицинский символ в здании ЦРУ, но он и вправду красовался здесь на видном месте. Иконографически он знал, что этот символ часто используют ошибочно, как и сейчас. На самом деле кадуцей был древним символом Гермеса, греческого бога торговли и путешествий. Более корректный символ — жезл Асклепия, посох греческого бога врачевания, схожий знак, но без крыльев и только с одной змеёй вместо переплетенных змей кадуцея. Неловко, но в 1902 году медицинская служба армии США по ошибке поместила *кадуцей* на свою форму, и до сих пор этот символ ошибочно используют американские врачи и больницы.

Кэтрин подошла и открыла дверь.

Лэнгдон последовал за ней в комплекс комнат, похожих на маленькую больницу. Кабинет медицинского оснащения был оборудован современной диагностической и визуализационной аппаратурой. Узкая кладовая была заставлена стеллажами с нераспакованными медицинскими принадлежностями. В отдельной палате с двумя койками и аппаратурой, изобилием кото-

рой не каждая реанимация могла похвастаться.

Жутковато, но дверь этой комнаты была подписана: РЕАБИЛИТАЦИЯ.

Реабилитация после чего?

Углубившись дальше, они наткнулись на небольшой автопогрузчик с массивным ящиком в захватах. Кэтрин присела, чтобы прочитать надписи на ящике. «NIRS, — сказала она. — Спектроскопия ближнего инфракрасного диапазона. Высокотехнологичная визуализация в реальном времени».

«В медицинской клинике?» Лэнгдон ассоциировал NIRS с астрономией.

«Неврологи используют её для анализа мозговой деятельности, оценивая насыщение кислородом.» Кэтрин поднялась на ноги, и в её глазах читалась тревога.

«Я не понимаю... Зачем ЦРУ понадобилось строить секретную клинику под парком Фоли-манка?»

Лэнгдон размышлял о том же, когда подошёл к двустворчатой двери и осторожно приоткрыл её. Внутри было темно. Он открыл ещё немного — и свет внутри вспыхнул. Переступив порог, он очутился в предоперационной. Сквозь стеклянную стену в кабинете открывался вид на соседнюю

комнату — ослепительно белую операционную. Там, зловеще нависая над операционным столом, висел аппарат, не похожий ни на что из виденного Лэнгдоном раньше.

«Я не знаю, что это за устройство...» — прошептал он, когда Кэтрин подошла сзади. — «Но выглядит оно устрашающе.»

ГЛАВА 97

Пробка на Европейской улице тянулась бесконечно, и Финч прикинул, что до резиденции посла еще минут тридцать. Он надеялся, что Нагель создает Лэнгдону и Соломону максимально комфортные условия.

Предложите им послеобеденный коктейль, подумал Финч. Или два.

Нагель была ценным активом в Праге, и несмотря на ее обиду по поводу способа найма, она эффективно выполняла указания Финча и использовала дипломатические рычаги, когда это требовалось. Правда, она возражала против его приказа использовать Майкла Харриса для сближения с Сашей Весной.

— Зачем следить за Сашей? — спрашивала его Нагель. — Думаешь, она шпионка?

— Саша не шпионка, — честно заверил ее Финч. — И опасности она не представляет.

Саша Весна куда ценнее шпиона.

Она — вложение... проект в процессе... невольный актив ЦРУ.

— Просто нужно держать ее под наблюдением... на всякий случай, — объяснил он.

Она полностью вне ведении...

Телефон Финча зазвонил — входящий вызов через Signal. Он предположил, что это Хаусмор с новостями из бастиона. Однако, увидев на дисплее имя звонящего, Финч выпрямился — на связь выходил его шеф.

— Грег, — спокойно ответил он, опуская формальности, обычно принятые при общении с директором ЦРУ. — Сюрприз.

— И неприятный, — резко парировал Джадд, явно не настроенный на светские беседы. — Дело касается Нагель. Она *знает*, что ты подставил ее с теми документами.

— Давно знает. Как и ты.

— Как бы то ни было, я до сих пор возмущен тем, как ты ее завербовал.

Возмущен? Серьезно? Финч не имел ни малейшего терпения к ханжеским нравоучениям начальника. Директор нанял его для руководства операцией в Праге по одной причине — за его репутацию человека, готового пойти *на все* ради победы, даже если придется обходить правила.

— Я специально оставил тебя вне игры, Грег — для твоей же защиты, — сказал Финч.

— Чтобы оградить тебя от ответственности. *Всегда пожалуйста.*

— Ценю это, но Нагель заслуживала лучшего.

— Лучшего, чем пост посла? Теперь она дипломат США! И служила нам в Праге просто великолепно. Взаимная выгода.

— Возможно, не такая выгодная, как тебе кажется. Она грозится раскрыть все, что знает о проекте.

Финчу показалось, что он ослышался. — Что ты сказал?

— Ты услышал.

— Угрожает раскрытием... Это бессмысленно.

— Она в бешенстве. И выдвигает требования.

— Но... она же *ничего* не знает!

— Она заявляет, что у нее есть веские доказательства. Прислала в Лэнгли какое-то видео. Скоро поеду смотреть.

— Видео *с чем*?! — резко спросил Финч. — Нагель слишком умна, чтобы бросать вызов агентству. Не понимаю, во что она играет... но это блеф.

— Я работал с ней годами, — сказал Джадд. — Она была чертовым главным юрисконсультом ЦРУ — Нагель *не блефует*.

Финч ощутил, как неприятно сжался желудок. *Неужели посол предала меня?!* — Какие у нее требования?

— Пока никаких.

Финч задумался, правда ли это.

— Скоро поговорю с ней снова, — сказал Джадд. — Но если есть проблемы с безопасностью, решай их немедленно. Не стану напоминать, насколько катастрофичными будут последствия утечки сведений о проекте.

— Я лично занимаюсь этим. Только что прибыл в Пра... — Финч скривился, осознав, что сказал лишнее.

— Если ты в Праге, значит, уже *знал*, что назревают проблемы, — осторожно проговорил Джадд.

Не говоря уже о пропаже Гесснер. — Да, ночные неурядицы, но все под контролем.

Как раз еду завершить дела.

— Позаботься, чтобы так и было. Лучше бы мне не жалеть о твоем назначении — это одна из важнейших операций агентства.

— Ты выбрал меня, сэр, потому что знаешь мои возможности.

— Именно... И кстати, — сказал директор, — предупреждаю. Если с Хайде Нагель что-то случится, *что угодно*, я лично позабочусь, чтобы ты ответил. За все.

— Я не враг, — легкомысленно сказал Финч. — Я

на твоей стороне.

— Берегись, — сказал Джадд. — Не испытывай мое терпение.

Связь прервалась, и Финч застыл в ошеломленном молчании, пока машина мчалась к Праге.

Потерявший терпение, он набрал номер посла Нагель.

Вызов сразу перешел на голосовую почту, не прозвонив ниразу.

Она выключила телефон?

Тревожно разволновавшись, он набрал Хаусмор в Крестообразном бастионе, и, к счастью, трубка стала звонить. Однако после восьми гудков перешла на автоответчик. *Что происходит?* Офицер Хаусмор снимала трубку с первым же гудком в любое время суток… без исключений. Он попробовал снова. Ответа не последовало.

Финч сунул телефон в карман и надолго задумался, глядя на силуэты города за окном.

Затем принял решение.

— Меняем планы, — сказал он водителю. — Пропускаем резиденцию. Вези в Крестообразный бастион.

ГЛАВА 98

Машина, возвышавшаяся в центре подземной операционной, напоминала футуристическое орудие пыток. Четыре роботизированные руки с клешнеобразными пальцами выступали из сплетения кабелей, смонтированного на потолке прямо над единственной хирургической койкой.

Механические клешни готовы были вонзиться в того несчастного, кто окажется на каменном ложе внизу.

Но самое пугающее в этом устройстве было не роботизированные конечности, а система фиксации пациента. На койке висели десяток толстых липучих ремней, предназначенных обездвижить руки, ноги и грудь. А на одном конце койки металлическая дуга с пятью тонкими стержнями, расходящимися под разными углами — винтами для фиксации черепа. Лэнгдон содрогнулся. Он не мог себе представить ужаса оказаться пристегнутым здесь, с закрепленным черепом, пока механическое чудовище нависает над лицом.

Клаустрофобия на стероидах.

— Невероятно... у них робот-нейрохирург, — сказала Кэтрин. — Первый такой назывался «да

Винчи», ты наверняка помнишь.

Лэнгдон смутно припомнил газетные публикации.

Кэтрин подошла к фиксатору черепа, разглядывая торчащие винты. — Напоминает мой кошмарный сон.

Шипастый нимб, — подумал Лэнгдон, взглянув на устройство другими глазами.

— Пульт управления здесь, — Кэтрин подошла к стеклянной перегородке и заглянула внутрь.

Лэнгдон присоединился к ней. За стеклом три эргономичных кресла стояли перед мониторами с ЖК-козырьками для стереоскопического 3D-изображения. Рядом — безупречно выстроенная коллекция блестящих стальных устройств ввода: мышь, трекбол, электронный стилус, монтажный контроллер, консоль и джойстики. На подносе с пометкой HOLOGRAPHICKINETICS лежала пара сетчатых перчаток.

— Потрясающе, — прошептала Кэтрин. — Я знала, что роботизированная хирургия развивается, но это устройство опережает всё, что я когда-либо слышала, на годы вперёд.

Лэнгдон задумался, не Гёсснер ли его сконструировал. *Ещё один прибыльный патент.* — Так она имплантирует чипы от эпилепсии?

— Боже, нет, — Кэтрин покачала головой. — Установка чипа RLS — элементарная процедура, это даже не нейрохирургия. Его просто помещают в углубление размером с большой палец; он не контактирует с мозгом. — Она снова подошла к устройству на потолке, осматривая его с разных углов. — Нет... это совершенно другой уровень. Это для *глубоких* вмешательств — удаления сложных опухолей, коагуляции аневризм или... скажем, забора деликатных образцов ткани для анализа. — Она повернулась к нему. — Ты говорил, у Саши Весны были шрамы на черепе. Серьёзные?

Лэнгдон кивнул, вспоминая, как держал голову Саши во время приступа. — В основном скрыты волосами, но да. Я предположил, что они были от травм, но позже она упомянула, что у Гесснер возникли небольшие осложнения при имплантации её чипа; операция прошла успешно… но оказалась чуть более инвазивной, чем планировалось.

«Чуть?» — Кэтрин снова взглянула на робота-хирурга. — «Эта машина не новая, её уже использовали, и мне неприятно это говорить, но Саша была бы идеальным испытательным субъектом. Наивная, без семьи, вряд ли будет

задавать вопросы о последующих процедурах, рекомендованных знаменитым врачом, спасшим ей жизнь и теперь платящим ей зарплату».

Эта мысль показалась Лэнгдону отвратительной, но он заставил себя сосредоточиться на текущей задаче. — «Ты видишь здесь *что-нибудь* связанное с тем, о чём ты писала?»

Она покачала головой. — «Пока нет. И здесь нет ничего особенно компрометирующего, что можно было бы взять с собой в качестве доказательства их действий. Всё, что я могу сказать — они проводят очень сложные, внутренние операции на мозге».

Остров доктора Моро, — подумал Лэнгдон, чувствуя беспокойство от мысли, что ЦРУ проводит тайные операции в подземной лаборатории на чужой территории. — «Давай продолжим поиски».

Они быстро вышли из медицинского блока, вернувшись в коридор с чёрной плиткой, углубляясь дальше в «Порог».

Они достигли ещё одной ниши, в которой тоже была дверь, но эта дверь была покрыта толстым слоем акустического поролона.

— «Иммерсивные вычисления», — прочитала Кэтрин табличку рядом с дверью.

— «Это может быть что-то важное».

Не зная, чего ожидать, Лэнгдон последовал за Кэтрин в комнату, стены, потолок и пол которой, казалось, были покрыты чёрным ковром. Единственный свет исходил от приглушённой подсветки плинтусов, которая загорелась, когда они вошли.

Посередине комнаты стоял ряд из восьми необычно глубоких кресел с ремнями безопасности через плечо. Каждое из них покоилось на собственном клубке гидравлических рычагов и клапанов. — «Они на карданах», — сказал Лэнгдон. — «Эти кресла двигаются».

Кэтрин кивнула, приближаясь к ним. — «Иммерсивные вычисления — это, по сути, продвинутая виртуальная реальность. Движение этих кресел синхронизировано с изображениями и звуком, который подаётся в*эти*». — Она подняла с кресла какой-то футуристический, непрозрачный стеклянный шлем. — «Глубоко спектральные панорамные дисплеи. Это исключительно продвинутая виртуальная реальность, Роберт».

Виртуальная реальность? Что они тут делают?

Кэтрин направилась к компьютерному терминалу в конце комнаты. — «Данные, необходимые

для запуска этих VR-симуляций, огромны, и, скорее всего, они работают на более мощной системе… например, на той». — Она указала на стеклянное окно с рядами компьютеров за ним. — «Хотя подозреваю, что доступ ко всему осуществляется здесь, с этого терминала». — Кэтрин села и включила компьютер.

Лэнгдон присоединился к ней, пока они ждали загрузки терминала. — «Ты упоминала VR в своей рукописи?»

Кэтрин взглянула на него и кивнула. — «Пару раз, да, но только вкратце. Я однажды участвовала в VR-эксперименте в Princeton Engineering Anomalies Research, и этот опыт повлиял на моё решение изучать нелокальное сознание. Так что я написала об этом».

— «Правда? Это кажется релевантным».

— «В принципе, возможно», — сказала она скептически. — «Но не…»

— «Расскажи», — настаивал Лэнгдон.

— «Ну… как ты знаешь, цель VR — по сути, обмануть мозг, заставив его *поверить* в иллюзию. Чем больше виртуальных данных ты можешь передать разуму — визуальных, звуковых, двигательных — тем больше шансов убедить мозг принять искусственную ситуацию как *реаль-*

ность. Тот момент, когда ты начинаешь *верить* в иллюзию, психологи называют «присутствием»».

— «Я как-то пробовал виртуальный скалолаз», — сказал Лэнгдон. «Я буквально оцепенела от страха».

«Точно. Ваш разум *убедил* ваше тело, что вы находитесь на краю пропасти и в опасности. Иллюзия стала вашей временной реальностью. Я тоже испытала «присутствие» в VR-эксперименте в Принстоне, хотя… мой опыт был несколько иным. Поистине трансформационным».

«Что это было?»

Она оторвалась от компьютера и улыбнулась. «Если говорить просто… я ощутила своё сознание — и оно было нелокальным».

Кэтрин никогда не забудет тот первый волшебный момент «отделения от себя». Этот опыт изменил её жизнь, укрепив её интерес к изучению сознания.

Эксперимент начался с того, что её преподаватель в Принстоне попросил Кэтрин встать одной в пустой комнате. По селектору он велел ей надеть VR-очки. Когда она это сделала, её мгновенно

перенесло на огромный луг, где она стояла среди цветов и деревьев.

Картина была идиллической… с одним неожиданным поворотом. Она больше не была одна.

В двух шагах от неё стояла её точная… *копия.* Двойник спокойно улыбался и смотрел прямо в глаза Кэтрин. Глядя на другое свое *«я»,* Кэтрин, конечно, понимала, что это проекция, и всё же ощущение было тревожным. Она провела почти минуту на лугу лицом к лицу с самой собой.

Затем голос преподавателя по селектору велел Кэтрин протянуть руку и положить её на плечо своего призрачного двойника. Это смутило Кэтрин. *Мой двойник не реален.* Неуверенно она подняла руку и опустила её на плечо своего другого «я». Ожидая ощутить в руке лишь *пустоту*, она была потрясена, когда её ладонь легла на *настоящее* физическое плечо. Ещё более шокирующим стало то, что в тот же миг Кэтрин *почувствовала* тяжесть своей руки на *собственном* плече!

Эффект был совершенно дезориентирующим, и её мозг внезапно задался вопросом:

Какое тело… мое настоящее тело?!

Вид её руки, лежащей на плече *двойника,* в сочетании с ощущением руки на её *собственном* плече, оказалось достаточным сенсорным

сигналом, чтобы сместить восприятие Кэтрин о «физическом «я»» в другое тело. Несколько мистических секунд её сознание парило *вне* её самой. Она была наблюдателем, бесплотным разумом, взирающим на своё собственное физическое тело… подобно пациенту с околосмертным опытом, парящему над своим мёртвым телом.

В тот момент Кэтрин испытала блаженное ощущение, что её сознание свободно и не нуждается в физической форме для существования. Даже после возвращения к своему подлинному *«я»* послесвечение «освобождения» не покидало её многие дни.

Несмотря на мощный эффект, Кэтрин узнала, что иллюзию было довольно просто создать. Когда она надела VR-очки и встала на место, лаборант бесшумно вошёл в комнату и встал прямо перед Кэтрин. Когда она подняла руку, чтобы прикоснуться к своему «призрачному двойнику», Кэтрин невольно положила ладонь на плечо лаборантки, которая в тот же миг *своей* рукой коснулась ее плеча. В этот момент ощущение собственного «я» Кэтрин легко покинуло физическую оболочку.

Разумеется, это не был *подлинный* опыт внетелесного переживания, но ощущение оказалось

настолько мирным, умиротворяющим и связанным с нематериальным миром, что это окончательно определило ее научный интерес к возможной *нелокальности* сознания.

Пока Кэтрин заканчивала свой рассказ, компьютер загрузился до экрана приветствия.

— Запаролено, — вздохнула Кэтрин. — Я этого боялась. Пока мы не знаем, какие симуляции они здесь проводят, нельзя даже предположить, связано ли это VR- пространство с моей книгой.

Лэнгдон опустился на металлический стул у стола и сделал несколько попыток угадать пароль. Безуспешно. В итоге он отрицательно покачал головой и поднялся. — Может, они симулируют внетелесный опыт? Как в твоем случае? Это ведь пересекается с эпилепсией, Сашей и удаленным набл...

— Верно, но... — Кэтрин внимательно осмотрела шлемы и кресла на шарнирах. — Чувство подсказывает, что здесь происходит нечто *иное.*

Ее взгляд переметнулся к панорамному окну и компьютерному залу за ним. Она подошла и попробовала открыть металлическую дверь рядом, но та была заперта. Прижавшись лицом к стеклу, Кэтрин рассмотрела помещение: стойку с серверами, контейнеры с электронным обору-

дованием и холодильник с прозрачной дверцей, уставленный разноцветными флаконами.

И вдруг она резко отпрянула. — Что за чёрт?! Лэнгдон поспешил к ней. — Что там?

— *Эти...* Кэтрин показала на ряд из восьми предметов у дальней стены. — Этим *не место* в VR-лаборатории.

Лэнгдон всмотрелся в восемь передвижных стоек для капельниц из нержавеющей стали.

— Инфузионные системы, — взволнованно прошептала Кэтрин. — И холодильник полный препаратов! Здесь совмещают внутривенные препараты с виртуальной реальностью.

— И... это необычно?

— Очень! Такие эксперименты с двойным воздействием могут серьезно повредить мозг. Передозировка способна буквально изменить его физиологию...

— Изменить... *как?*

— Зависит от препаратов, — ответила Кэтрин, вглядываясь в стеклянный холодильник и безуспешно пытаясь прочитать этикетки. — Роберт, мне нужно попасть туда и выяснить, *что именно* они используют. Тогда мы сможем понять их цели...

Лэнгдон на секунду задумался, затем кивнул. —

Отойди. — Он направился к столу, вернулся с тяжелым металлическим стулом и прицелился в окно.

— Погоди, ты что...

— Мы и так уже по уши влипли, — пожал он плечами. — Разбитое окно погоды не сделает.

С этими словами он развернул корпус и запустил стул в стекло, как молот в легкой атлетике. Стул врезался в окно, и стекло частично разлетелось вдребезги.

Кэтрин вздрогнула, ожидая срабатывания сигнализации, но в «Пороге» по-прежнему царила зловещая тишина.

Лэнгдон подошел к окну и локтем выбил оставшиеся осколки. Затем осторожно просунул руку, нашел ручку и открыл дверь изнутри.

— Не элегантно, но эффективно, — усмехнулся он. — Прошу вас, доктор.

ГЛАВА 99

— Как продвигается допрос? — спросил Фокман, когда Алекс Конан снова появился в его кабинете. Волосы техника казались еще более взъерошенными, и на мгновение Фокман задумался, не постарел ли парень с тех пор, как впервые заявился к нему прошлой ночью.

— Все нормально, — устало ответил Алекс. — Мой начальник знает, что я не виноват, но хочет поговорить с тобой. Я сказал, что ты уже ушел домой.

— Спасибо.

— Есть какие-то новости от Роберта Лэнгдона?

— К счастью, да. Он написал на почту. Они оба в порядке. Алекс удивился. — Он не *звонил*?

Фокман покачал головой. *Пока нет.*

— А список инвестиций In-Q-Tel? Есть пересечения с работами доктора Соломона?

— Нет. Искусственный интеллект выдал полную ерунду. Определенно не мой фаворит.

— Возможно, у меня кое-что есть для тебя, — он открыл ноутбук, который держал в руках. — Я подумал, что твой ИИ искал только то, что доктор Соломон *написала*, но упустила из виду все

устные материалы — например, аудио- и видеозаписи. Я провел уточненный поиск и обнаружил, что *и* In-Q-Tel, *и* доктор Соломон проявляют особый интерес к науке о… *фракталах*.

Фокман не знал о фракталах ничего, кроме того, что это замысловатые узоры из бесконечно повторяющихся элементов.

«Последние три года, — сказал Алекс, доставая телефон, — компания Q активно инвестировала во фрактальные технологии, а Кэтрин…» Он запустил видео и показал экран Фокману.

На экране появилась Кэтрин, сидящая на сцене вместе с другими спикерами и логотипом IONS за спиной. «Вы задаете интересный вопрос, — сказала Кэтрин, обращаясь к кому-то в зале. — Совпадение, но в книге, над которой я работаю, посвященной человеческому сознанию, я подробно *изучаю* фракталы».

Фокман насторожился.

«Как вам известно, — продолжила она, — фракталы обладают удивительным свойством: каждый их фрагмент при увеличении оказывается точной уменьшенной копией целого — бесконечное повторение самоподобия. Другими словами, каждая отдельная точка содержит *всё*. Нет ничего изолированного… есть только целое. Все больше

физиков считают, что наша Вселенная устроена как фрактал, а значит, каждый человек в этом зале содержит всех остальных, и между нами нет разделения. Мы — *единое* сознание. Признаю, это трудно представить, но если вы посмотрите изображения снежинки Коха или губки Менгера или, лучше, просто прочитаете *«Голографическую Вселенную»*...»

«Вот суть», — сказал Алекс, останавливая видео.

Фокман сомневался. «Алекс, я сомневаюсь, что интерес ЦРУ к фракталам как-то связан с единством Вселенной и человечества».

«Согласен, но *фракталы* играют ключевую роль в шифровании, топологиях сетей, визуализации данных и множестве других технологий национальной безопасности. Кэтрин упомянула, что писала о них *подробно* в своей книге — может, она обнаружила что-то, что ставит под угрозу инвестиции Q. Стоит разобраться».

«Логично», — согласился Фокман. «Я покопаюсь. Спасибо».

«Дай знать, если найдешь что-то. Мне надо бежать».

Специалист поспешил вернуться к допросу, а Фокман — к компьютеру. Снаружи дождь уси-

ливался.

ГЛАВА 100

Это настоящая аптека психоактивных веществ...

Кэтрин остолбенело смотрела на содержимое холодильника — в нем в огромном количестве были собраны сильнодействующие наркотические препараты. Помимо нескольких веществ, которых она не смогла опознать, Кэтрин увидела флаконы с диэтиламидом, псилоцибином и ДМТ — активными компонентами ЛСД, волшебных грибов и аяхуаски. Она также заметила контейнеры с дистиллированным экстрактом шалфея предсказателей и МДМА — оба вещества в такой форме являлись запрещенными.

Наличие этих наркотиков в лаборатории виртуальной реальности могло означать только одно. «Порог» сочетает применение наркотиков с передовыми технологиями погружения в виртуальную реальность.

Сочетанные VR/наркотические терапии строго регулировались в медицинской сфере, поскольку их последствия пока оставались неизученными. Во многих случаях совместная стимуляция оказывалась настолько мощной, что вызывала

быстрые и непредсказуемые изменения структуры мозга. Нейробиологи уже начали фиксировать тревожащие структурные изменения в мозге молодых людей, совмещавших компьютерные игры с приемом дизайнерских наркотиков.

Новое поколение искателей острых ощущений надевало потребительские VR-очки и проводило часы, куря марихуану, виртуально паря в космосе... нюхая кокаин на виртуальных американских горках... или испытывая эффект «края» от различных наркотиков-дисторантов во время просмотра VR-порно. Бесчисленные предупреждения оставались гласом вопиющего в пустыне — переживания оказывались чрезвычайно аддиктивными.

Люди не хотят слышать, насколько это опасно...

В прошлом году на Кэтрин освистали, когда она объяснила аудитории технически подкованных геймеров, что длительное воздействие гиперреалистичных шутеров от первого лица не только формирует восприимчивость к откровенному контенту, но и *перестраивает* структуру мозга, притупляя обычные эмпатические триггеры.

Освистали еще громче, когда она сообщила о новых исследованиях, согласно которым неуто-

лимое потребление интернет-порнографии физически изменяет молодые умы — «по сути, наращивая мозоль на человеческом либидо», снижая чувствительность к реальному сексу. В результате возбуждение, даже у молодых людей, можно достичь лишь при помощи ошеломляющего количества и разнообразия стимулов.

Лэнгдон стоял рядом, изучая флаконы в холодильнике. — Для чего наркотики?

— Конкретно не уверена, но некоторые из этих субстанций — не шутки, сильнейшие галлюциногены. — Она огляделась, мысли теперь неслись галопом. — Если бы мне пришлось гадать, я бы сказала, что это помещение построено специально для одной цели: *перепрограммировать* человеческий мозг.

— Извини — перепрограммировать?

Она кивнула. — Это называется нейропластичностью. Наш мозг физически *эволюционирует*, приспосабливаясь к новым условиям. Он создает новые нейронные пути для обработки нового опыта. Прием подобных наркотиков в сочетании с VR-симуляцией создает ошеломляюще интенсивные переживания — в разы более яркие, чем в обычной жизни. Если такие переживания повторять, они в буквальном смысле начнут с

пугающей скоростью *перекраивать* нейронные сети мозга.

— Перепрограммировать мозг... *для чего*?>*Вот в чем главный вопрос, подумала она.*

Кэтрин знала, что мозг гуру медитации, практикующего всю жизнь, анатомически уникален — годы медитации постепенно изменили его, давая возможность по желанию входить в состояние глубокого покоя. По сути, *спокойствие* стало новой нормой для такого мозга.

— Роберт, мне пришло в голову: если «Порог» будет раз за разом погружать испытуемого в искусственно вызванное внетелесное состояние — *усиленное* психоделиками — его мозг начнет перестраиваться, чтобы это *отчужденное* состояние казалось более... естественным. Другими словами, весь процесс, возможно, пытается *настроить* сознание... чтобы ему было комфортнее *вне* тела.

Ее слова повисли в тишине подземного помещения.

— Нелокальный... — наконец сказал Лэнгдон. — Это определенно перекликается с твоей книгой.

— Да, определенно. *Не говоря уже о «Звездных вратах»*, — подумала она. — Не хочется в это верить, но Саша была бы идеальным кандидатом

для VR- перепрограммирования. Как эпилептик, ее разум уже частично настроен на внетелесный опыт. Использовать ее как подопытного — это как взять короткий путь.

— Саша никогда не упоминала ничего подобного.

— Она могла не помнить, даже не осознавать... — голос Кэтрин дрогнул, когда она указала в холодильник. — Видишь? Это рогипнол.

— Препарат для изнасилований на свиданиях?

Она кивнула. — Он серьезно ухудшает функции памяти и вызывает антероградную амнезию — подопытные сохраняют функциональность, но практически не могут вспомнить, что происходило.

Лэнгдон смотрел с ужасом. — Саша говорила, что у нее проблемы с памятью. Она думает, это из-за *эпилепсии*.

— Возможно, так и есть, — ответила Кэтрин. — Но если Саше регулярно давали рогипнол, у нее должна быть серьезная потеря памяти... может, даже не осталось воспоминаний о посещении этого места.

— Может, поэтому в транспорте было кресло-коляска? Они могли возить Сашу туда и обратно?

— Вполне вероятно, — сказала Кэтрин. — Это

заставляет меня вспомнить того эпилептика, о котором ты говорил — того, кого Бригита привезла из того же учреждения? Возможно, она сказала Саше, что он отправился домой, но эти наркотики невероятно опасны... *Могло случиться что угодно*. Он мог сойти с ума или умереть — кто знает? Преимущество вербовки пациента, брошенного в госучреждении, в том, что его исчезновение никто не заметит.

Лэнгдон уже направлялся к двери. — Все начинает обретать смысл, — сказал он.

— И если мы правы... и найдем доказательства, что ЦРУ экспериментирует над ничего не подозревающими подопытными...

Это будет конец игры, осознала Кэтрин, представляя масштабы общественного возмущения, если это правда.

Вернувшись в коридор, Лэнгдон рвался глубже на территорию «Порога». Основной коридор резко поворачивал направо, и он видел два меньших ответвления налево. Комплекс превращался в лабиринт.

Извилистое бомбоубежище времен холодной войны... Насколько далеко оно тянется?

Он понимал, что им нужно быть предельно внимательными, если они собирались отсюда выбраться.

На повороте они свернули направо, следуя главному коридору. Снова, как только они вступили в темное пространство, зажглись напольные огни.

Неподалеку двойные двери преграждали коридор. Лэнгдона успокоило, что овальные окна на дверях оставались темными — казалось, помещение за ними было неосвещенным.

Мы по-прежнему одни здесь… по крайней мере, в этом секторе.

Они вошли через двустворчатую дверь в новую темноту, и снова зажглись половые огоньки, обнажая очередной отрезок коридора. Но здесь что-то было иным… Воздух оказался примерно на десять градусов холоднее и отдавал легкой углекислотной ноткой, характерной для музейных помещений. *Сильнофильтрованный.*

Второе, что заметил Лэнгдон: коридор был тупиковым. Слева, примерно посередине, находилась единственная ниша, которая, судя по всему, вела в еще один некий комплекс помещений.

Лэнгдон понял: если они не найдут то, что искали, *там*, им придется покинуть главный коридор и начать обследовать другие зоны. Несмотря на

феноменальную память, он уже начал терять ориентацию в этом лабиринте.

Продолжая идти, Лэнгдон пытался определить, в какой именно части под парком Фолиманка они сейчас находятся. Он разглядывал глухую стену в конце коридора, задаваясь вопросом: не бродят ли сейчас по ту сторону туристы в общедоступной части убежища… не подозревая о зловещем сооружении, скрытом буквально у них под боком.

Они свернули в единственную нишу и резко остановились. Перед ними была массивная стеклянная вращающаяся дверь с толстыми резиновыми уплотнителями для поддержания качества воздуха. Она напоминала вход в очередную лабораторию, но пространство за ней поглощала кромешная тьма.

— RTD, — прочитала Кэтрин нанесённые трафаретом три буквы над вращающейся дверью. — Звучит многообещающе.

— Разве? — Единственное, что ассоциировалось у Лэнгдона с аббревиатурой RTD

— это школьные уроки математики. *Расстояние = Скорость х Время.*

— Research and technical development — это европейский аналог R&D, — пояснила она, вгля-

дываясь в тёмное стекло. — А значит, *здес*ь вполне может быть именно то, что мы ищем.

ГЛАВА 101

Директор ЦРУ Грегори Джадд гнал джип Grand Cherokee своей жены по Джорджтаун-пайк в сторону штаб-квартиры Лэнгли. Его обычный водитель не был готов в этот ранний час, а Джадд не мог ждать. Несмотря на неприязнь к методам Финча, директор обязан был думать сначала о стране... и большинство американцев даже не представляли, каким угрозам она подвергалась.

Америка и её союзники под атакой... всегда.

В последние годы их врагам требовались лишь примитивные инструменты соцсетей, чтобы влиять на умы и решения миллионов. Его агентство фиксировало иностранное вмешательство в выборы, потребительские привычки, экономические решения и политические тренды. Но те атаки меркли перед надвигающейся бурей.

Образуется новый фронт, требующий новых видов оружия.

Русские, китайцы и американцы *все* рвались доминировать на этой арене, и победа в этой гонке была главной целью Грегори Джадда за все двадцать лет в верхушке агентства. «Порог» с его поразительными технологиями давал ему

преимущество.

Теперь, мчась к Лэнгли, он размышлял, что такого взрывоопасного посол Нагель отправила на его защищенный сервер, что могло бы поставить ЦРУ в безвыходное положение.

Блеф? Вряд ли. *Переоценка?* Нагель была слишком умна для этого.

Он мог предположить лишь одно: она каким-то образом узнала, что они делали в «Пороге». Если это правда, Джадду придется сделать все возможное, чтобы заставить ее молчать. Разоблачение такой информации вызвало бы взрывной, всемирный резонанс.

Гонка пси-вооружений вышла бы из-под контроля.

• •• •

Глубоко под парком Фолиманка Голем сидел, прислонившись спиной к тяжелой металлической двери, переводя дыхание.

Нельзя допустить новый припадок.

Нужно выбраться живым... Надо освободить Сашу.

Когда пульс замедлился, он осторожно поднялся и ухватился за массивный штурвал на двери. Затем со всей силы начал вращать его, пока не

услышал, как сдвинулся тяжелый запор. Голем толкнул стальную дверь вовнутрь. Из темноты хлынул ледяной ветер, развевавший полы его плаща, когда он, опустив голову, шагнул сквозь герметичный проем. Зажегся свет, и он с усилием закрыл дверь.

Ветер мгновенно стих.

В укрепленном бункере стоял пронизывающий холод, но это была не система кондиционирования — внутрь просачивалась пражская зима. В потолке зияло круглое отверстие больше двух метров в диаметре, ведущее в вертикальную шахту, которая поднималась через несколько этажей земли к замаскированному выходу в центре парка Фолиманка.

Голем видел этот выход много раз.

Все видели.

Шахта выходила на поверхность, возвышаясь на три метра, и была увенчана перфорированным бетонным куполом. Десятилетиями для посетителей парка она напоминала гигантскую торпеду, торчащую из земли.

Путеводители честно называли ее вентиляционной шахтой заброшенного бомбоубежища, но несмотря на многочисленные просьбы убрать «торпеду» как напоминание о Холодной войне,

анонимные художники нашли иное решение. Превратив ее объект искусства — в дань уважения голливудской звезде — дроиду R2-D2 из *Звездных войн*, чья форма идеально совпадала с торпедным носом.

R2-D2 стал достопримечательностью парка Фолиманка, перед чьим серебристо-голубым корпусом фотографировались туристы. Власти согласились сохранить объект: ведь первый термин «робот» придумал как раз чешский писатель Карел Чапек в пьесе 1920 года.

Конечно, внешне никто не догадался бы, что бывшая вентиляционная шахта теперь выполняла совсем другую функцию — служила аварийной системой, позволяя не воздуху *входить*, а кое-чему *выходить*.

Монотонный стук дождя по окнам Фокмана будто аккомпанировал его провалу. Исследовав все фрактальные проекты In-Q-Tel, он так и не нашел ничего, что могло бы быть связано с записями Кэтрин.

Фрактальные телескопы? Охлаждающие компоненты? Стелс-геометрия?

Фокман раздраженно тряхнул головой, ощу-

щая, как усталость проникает в кости. Он не мог знать наверняка, но подозревал, что причина атаки скрыта в чем-то более важном, чем фракталы.

ГЛАВА 102

Когда Лэнгдон и Кэтрин прошли через вращающуюся дверь в здание RTD, они оказались в небольшом предбаннике — безупречно чистом стеклянном помещении с полками для обуви, шкафчиками и набором крючков с белыми комбинезонами. Также здесь имелись два «воздушных душа» — закрытые кабинки с мощными струями фильтрованного воздуха, сдувающими частицы и загрязнения с одежды и кожи.

Как нартекс в соборе, промелькнуло у Лэнгдона. Комната для очищения нечистых… перед тем, как они войдут в святилище.

Только здесь «святилищем» было, судя по всему, то, что находилось за стеклянной стеной прямо перед ними, вход в которое отмечала вторая герметичная вращающаяся дверь вместо готической арки.

Кэтрин уже проходила через вторую дверь, и Лэнгдон последовал за ней. Галогенные лампы, вспыхнувшие над головой, были ярчайшими из тех, что ему доводилось видеть. Их сияние усиливалось содержимым комнаты: практически *всё* в этом огромном пространстве было

ослепительно белым — стены, пол, столы, стулья, рабочие поверхности, даже пластиковые чехлы на оборудовании.

— Это чистая зона, — сказала Кэтрин.

Ряд за рядом столов были уставлены идеально организованными инструментами, электронными устройствами и механизмами в защитных пластиковых кожухах. Компьютерные системы выглядели сложными, но все экраны оставались темными.

Кэтрин направилась к центру комнаты, а Лэнгдон двинулся вдоль боковой стены, остановившись у окна, чтобы заглянуть в соседнее помещение. За стеклом располагалась какая-то биологическая лаборатория — микроскопы, колбы, чашки Петри — большая часть оборудования была еще не распакована. У дальней стены — в собственном изолированном стеклянном боксе — стоял прибор, который Лэнгдон раньше никогда не видел.

Хрупкое на вид устройство состояло из сотен длинных стеклянных ампул, вертикально свисавших сквозь перфорированную платформу. Каждая, судя по всему, была соединена с корпусом машины сверху через тончайшую трубку. Это смутно напомнило Лэнгдону систему точного

капельного полива, которую он когда-то видел на выставке индиго. *Они что-то выращивают там?*

— Иди сюда, — позвала Кэтрин, стоя у большого устройства высотой около метра, напоминавшего какую-то футуристическую штуковину от Руба Голдберга. Лэнгдон подошел и стал разглядывать прибор.

— Это фотолитограф, — пояснила она.

Лэнгдон почувствовал, что его знание греческого вот-вот подведет. — Значит, это прибор… который пишет на камнях… светом?

— Точно, — кивнула она. — При условии, что свет — это глубокий ультрафиолет… а камень — это пластина из *кремния*. — Она показала на стопку глянцевых металлических дисков рядом с аппаратом. — В этой лаборатории есть всё необходимое для проектирования и создания микросхем.

Микросхемы? Идея казалась совершенно не связанной ни с человеческим сознанием, ни с тем, о чем Кэтрин могла писать в своей рукописи. — Зачем им проектировать *микросхемы* здесь, внизу?

— По моим предположениям, — сказала Кэтрин, — это имплантаты для *мозга*.

Мысль озадачила его, но он быстро уловил связь. «Робот-нейрохирург…»

«Вот именно. Кажется, я ошибся, предположив, что он извлекает образцы мозга. Теперь очевидно, что этот робот предназначен для *имплантации* мозговых чипов».

В светлой комнате повисло тягостное молчание.

«Разве вы не говорили, что мозговые импланты — это *банальная* операция?» — спросил Лэнгдон.

«Чипы против *эпилепсии*, да. Это крошечные устройства для электростимуляции, вживляемые в череп. Но сложный имплант размещался бы значительно глубже, и роботизированная хирургия точно облегчила бы его установку».

Лэнгдон подумал о Саше, и его охватило смутное беспокойство. Он задался вопросом, не вживили ли ей экспериментальный чип — возможно, под видом лечения эпилепсии. Она и понятия не имела бы, что на самом деле находится у нее в голове… или даже что существует организация «Порог».

«Если Гесснер соврал, — сказал Лэнгдон, — и имплант, который она установила Саше, на деле оказался более продвинутым подчерепным чипом…»

«Тогда этот чип легко мог бы служить стимулятором RLS, контролируя эпилептические припадки Саши, но в то же время… обладать множеством других функций».

«Боюсь спросить… каких, например?»

Кэтрин постучала указательным пальцем по крышке фотолитографического аппарата, задумавшись. «Без осмотра чипа сказать невозможно, — ответила она. — Но похоже, они как раз начали их здесь производить. Думаю, Саша и тот другой подопытный, вероятно, были их первыми пациентами… пробным экспериментом и доказательством концепции перед тем, как вывести это производство на полную мощность».

Услышанное глубоко потрясло Лэнгдона.

«Что бы они ни делали, — продолжила Кэтрин, — всё прошло успешно, потому что «Порог» явно готовится к масштабной операции». Она оглядела комнату и нахмурилась. «К сожалению, здесь нет ничего конкретно компрометирующего. Мы лишь видим, что ЦРУ разрабатывает какой-то мозговой имплант — проект, который вряд ли кого-то удивит».

Правда, — осознал Лэнгдон. Импланты в мозг — это будущее.

Лэнгдон читал достаточно научных статей,

чтобы знать: вживляемые чипы, несмотря на ассоциации с киборгами и научной фантастикой, уже реальны и поразительно совершенны.

Такие компании, как Neuralink Илона Маска, работают с 2016 года над созданием так называемого H2M-интерфейса — «человек-машина», — устройства, преобразующего данные из мозга в понятный бинарный код. Первым серьёзным достижением Маска стала имплантация чипа Neuralink обезьяне, которую затем научили играть в компьютерную игру *Pong*, управляя ракеткой лишь силой мысли.

Когда Neuralink наконец получил разрешение FDA на испытания на людях, тридцатилетнему парализованному Нолану Арбо имплантировали устройство PRIME,и оно чудесным образом вернуло пациенту значительную часть двигательных функций. К сожалению, через сто дней электронные нити чипа — металлические датчики, связывавшие чип с нейронами мозга, — отсоединились, видимо, отторгнутые биологическими нейронами, которые должны были контролировать. Тем не менее, это был огромный шаг вперёд.

Другие гиганты вроде Synchron Билла Гейтса и Джеффа Безоса, а также Neurotech от BlackRock

создавали менее инвазивные, более специализированные чипы, обещая фантастические результаты: излечение слепоты, паралича, неврологических расстройств вроде болезни Паркинсона и даже возможность «печатать силой мысли».

Хотя Лэнгдон пока не понимал связи этой технологии с человеческим сознанием и работой Кэтрин, он не сомневался, что мозговые чипы критически важны для военной разведки — управление дронами силой мысли, телепатическая связь на поле боя, бесконечные возможности анализа данных. Поэтому неудивительно, что ЦРУ инвестирует в такие разработки колоссальные средства.

Интерфейс «человек — машина» — это будущее.

Лэнгдон вспомнил то, что видел в Барселонском супер-компьютерном центре, где моделирующее программное обеспечение предсказывало будущее развитие человеческого рода: ЛЮДИ СОЛЬЮТСЯ С ДРУГИМ БЫСТРО ЭВОЛЮЦИОНИРУЮЩИМ ВИДОМ… ТЕХНОЛОГИЕЙ.

— Хорошо, тогда ключевой вопрос: как это связано с вашей рукописью? — настаивал Лэнгдон,

желая найти связь. — Вы писали о компьютерных чипах?

— Немного, — ответила она, явно раздражённая, — но там нет ничего, что могло бы заинтересовать или представлять угрозу для этой программы.

— Вы уверены?

— Да. Я упомянула мозговые импланты только в последней главе, и то в теоретическом ключе, как размышление о будущем ноэтической науки.

Ноэтика завтрашнего дня, подумал Лэнгдон, мельком увидев оглавление её книги перед тем, как бросить её в огонь в библиотеке. — И мозговые импланты играли роль в этой главе? — настойчиво спросил он, чувствуя, что они близки к разгадке.

— *Гипотетические* импланты, да, — сказала она. — Те, которые появятся не раньше, чем через десятилетия… если *вообще* появится.

Лэнгдон как-то слышал, что технологии, доступные разведсообществу, *на годы* опережают известные публике. — Кэтрин, возможно, ЦРУ продвинулось дальше, чем ты думаешь?

— Возможно, но не *настолько* дальше, — ответила она. — То, о чём я писала, скорее мысленный эксперимент, а не осуществимая технология. Как

демон Максвелла или парадокс близнецов — ты же не сможешь создать демона, сортирующего молекулы, или разогнать близнецов до скорости света, но *мысленное представление* этого помогает понять общую картину.

Поверю тебе на слово, подумал он. — Расскажи, что ты написала.

Кэтрин вздохнула. — Это была фантазия, связанная с моими открытиями о ГАМК. Помните, мы говорили, что мозг — это приёмник… своего рода радио, улавливающее сигналы из окружающего мира — из Вселенной?

Лэнгдон кивнул. — А нейромедиатор ГАМК действует как *настройка* радио… отфильтровывая ненужные частоты и ограничивая объём поступающей информации и сознания.

— Именно так, — подтвердила она. — Поэтому я предположила, что однажды, в далёком будущем, мы научимся создавать имплант, который сможет *регулировать* уровень ГАМК в мозге — по сути, ослабляя наши фильтры по желанию… чтобы мы могли ощущать больше *реальности.*

— Невероятно, — сказал Лэнгдон. Сама мысль об этом была захватывающей. — И это ещё *невозможно*?

— Боже, конечно нет! — воскликнула она, ка-

чая головой. — Самые передовые исследования ноэтики даже близко не подошли к этому. Для начала нам нужно было бы точно доказать теорию о Всемирном Сознании, или Акашическом Поле, или Anima Mundi — или как там ещё называют поле сознания, которое, как предполагают, окружает всё сущее.

— Во что *ты* веришь.

— Верю. Мы пока не можем *доказать*, что эта космическая сфера существует, но её не раз видели люди в изменённых состояниях сознания. К сожалению, эти переживания мимолетны, неконтролируемы, субъективны и часто не воспроизводимы, что ставит их под сомнение с научной точки зрения.»

«И делает лёгкой мишенью для скептиков.»

«Да. У нас нет количественного метода, устройства или технологии, способных принимать сигналы из космической сферы. Только *мозг* может это сделать.» Она небрежно пожала плечами. «Поэтому я предложила гипотетический чип, который мог бы использовать мозг в качестве платформы, снижать уровень ГАМК, расширять его пропускную способность и превращать его в гораздо более *мощный* приемник.»

Лэнгдон смотрел на неё с благоговением. Идея

Кэтрин была не просто несомненно гениальной — она могла наконец объяснить, *почему* ЦРУ паникует из-за её рукописи.

Что, если Кэтрин собиралась опубликовать книгу, описывающую сверхсекретный чип, который ЦРУ уже разрабатывает?!

«Кэтрин, — проговорил он, — Threshold выводит изучение сознания на новый уровень, а твоя книга могла сорвать крышку с центрального элемента их секретной технологии.»

«Нет шансов, — возразила она. — Как я уже говорила, чип, который я описала, *невозможно создать*. Концепция интересная, но сугубо гипотетическая. Технические препятствия на пути его создания непреодолимы — особенно это: регулировка уровня нейро-трансмиттера во всей системе потребовала бы *полной физической интеграции* с нейронной сетью мозга... а мозг имеет более ста триллионов синапсов, за которыми нужно следить.»

«Но научный прогресс ускоря...»

«Роберт, поверь мне, полная физическая интеграция недостижима. Это было бы равноценно подключению каждой отдельной лампочки на Земле к *одному* выключателю — миллион раз подряд. Это *в принципе невозможно*.»

«Как когда-то было невозможно расщепить атом...» — парировал Лэнгдон. — «Но наука имеет привычку находить решения, особенно при неограниченном бюджете. Вспомни Манхэттенский проект.»

«Огромная разница... Ядерные технологии уже *существовали* в 1940 году. Уран существовал. Учёные просто собрали всё вместе. Чип, который я предложила, требует технологий и материалов, которых ещё нет на Земле. Прежде чем мы сможем *обсуждать* интеграцию с дендритной структурой мозга, нужно изобрести наноэлектрический биофиламент.»

«Наноэлектрический... что?»

«Вот именно — это даже не *реальная* вещь. Я выдумала это в своей книге как способ говорить о технологии, которой не существует. Это был бы футуристический, ультратонкий, гибкий филамент из биосовместимого материала, способный передавать и электронные, и ионные сигналы. По сути — *искусственный нейрон*.»

«А создать искусственные нейроны нельзя?»

«Нет, мы даже близко не подошли. В прошлом году двое парней из Швеции потрясли мир, заставив венерину мухоловку открываться и закрываться с помощью химической стимуля-

ции нейрона. Всего один бинарный импульс — и это вызвало научный шок по всему миру. Вот где находится современная наука, Роберт, и до искусственного нейрона её отделяют поколения разработок.»

Лэнгдон уже направлялся к окну биологической лаборатории, которую заметил несколькими минутами ранее. «Теоретически, — спросил он, — как бы ты создавала искусственные нейроны... *собирала* их или *выращивала*?»

Она задумалась. «Наноэлектрический биофиламент? Ну, это был бы биологический филамент, так что его пришлось бы *выращивать*.»

Лэнгдон остановился у окна и вгляделся в аппарат с сотнями длинных стеклянных пробирок и трубок. «В жидкой суспензии, я полагаю?»

«Да. Хрупкие микроструктуры всегда выращивают в суспензии.»

«Тогда, думаю, тебе стоит подойти сюда, — сказал он, подзывая её к окну.

«Похоже, Threshold выращивает *что-то*... и я подозреваю, что это не руккола.»

ГЛАВА 103

Эверетт Финч ворвался в повреждённый вход бастиона Круцификс и ринулся по коридору в стеклянный атриум. *Да где же, чёрт возьми, все?!* В ярости от того, что не нашёл ни Хаусмор, ни обещанного посольством отряда безопасности, он достал свою RFID-карту и направился к лифту.

Пересекая зал, он почувствовал, как в кончиках пальцев активировались биометрические датчики карты, но резко остановился, вспомнив, что у Хаусмор — да и *вообще ни у кого* — не могло быть доступа к лифту, ведущему в Трешхолд.

Значит, она наверху... или, возможно, покинула бастион по какой-то причине?

В последний раз он набрал номер Хаусмор.

Едва Финч сделал звонок, как рядом запищал телефон. *Странно.* Звук доносился от дивана у дальней стены. *Неужели Хаусмор обронила телефон?* По крайней мере, это объяснило бы, почему она не отвечала раньше.

Финч подошёл к дивану, но телефона не увидел. Звонок умолк, и он набрал снова.

Телефон снова запищал. *Может, под диваном?*

Финч присел, чтобы заглянуть под стильную

мебель.

Вглядевшись в темноту, он мгновенно понял: на Трешхолд напали.

Навстречу ему смотрели мёртвые глаза — безжизненный взгляд его полевого агента Сьюзен Хаусмор.

◂ ·· ▸

В ледяном хранилище Голем созерцал мощную машину перед собой. Блестящий металлический корпус устройства представлял собой выпуклое кольцо из полированного алюминия, занимавшее почти весь бетонный зал. Пять метров в диаметре и метр в высоту — машина напоминала гигантский металлический пончик. Эта необычная форма — технически «тороидная», как Голем выяснил утром — оказалась самой эффективной для обмотки сверхпроводящих катушек, позволяющей создать магнитное поле, способное хранить колоссальные объёмы энергии.

СМЭС, промелькнуло у него. Сверхпроводящее магнитное накопление энергии.

Это был тайный источник энергии Трешхолда.

Этим утром Голем узнал: энергия, введённая в тороидальное магнитное поле, будет бесконечно циркулировать без потерь, и её можно отбирать

по мере необходимости. Единственное условие — катушки должны оставаться холодными.

Чрезвычайно холодными.

Критическая температура для катушек составляла около минус 260 по Цельсию, и если она повышалась даже незначительно, сверхпроводимость исчезала, и катушки начинали сопротивляться току. Это сопротивление вызывало стремительный нагрев, что, в свою очередь, увеличивало сопротивление, и за секунды лавинообразный процесс выходил из-под контроля... приводя к опасному явлению под названием *«квенч».*

Чтобы предотвратить квенч, катушки непрерывно омывались самой холодной жидкостью на Земле. *Жидким гелием.*

Его взгляд переместился за СМЭС, в соседнюю камеру, где за решёткой из мю-металла стояли двенадцать аустенитных нержавеющих резервуаров с жидким гелием. Каждый из пятисот галонных криотермосов Cryofab был высотой с Голема и оснащался криогенным штыревым разъёмом и вакуумно-изолированными трубопроводами, по которым охлаждённая жидкость подавалась в SMES для поддержания сверхпроводников при низкой температуре.

По большинству параметров жидкий гелий безвреден — не взрывоопасен, не горит и не ядовит. Его единственная опасная особенность — самая низкая среди известных веществ температура кипения… морозные *минус* 270 градусов Цельсия. Это означает, что если гелий «нагреть» выше минус 270 градусов — уже вблизи абсолютного нуля — он моментально закипает и превращается в газообразный гелий.

Сам газ тоже безопасен, но опасность кроется в *физике* процесса превращения. Превращение жидкого гелия в газ происходит с шокирующей скоростью и силой… и, как оказалось, именно поэтому Threshold выбрал вентиляцию R2-D2 в парке Фолиманка.

При переходе в газообразное состояние объём гелия увеличивается в ошеломляющем соотношении 1 к 750. Это значит, что жидкий гелий в этом хранилище, если его выпустить, мгновенно превратится в объём газа, достаточный для заполнения *семи* олимпийских плавательных бассейнов.

В закрытом пространстве новому объёму некуда деться, и рост давления произойдёт так быстро, что создаст «давленческую бомбу» — почти мгновенную, разрушительную силу, расширяющуюся

во все стороны. В отчаянной попытке освободить место газ разрушит всё, что его сдерживает, создав ударную волну, подобную тактическому ядерному взрыву, уничтожая всё в определённом радиусе.

Для снижения риска все объекты, использующие жидкий гелий, включая больницы с аппаратами МРТ, обязаны устанавливать «аварийный вентиляционный канал» — трубу, ведущую через крышу здания, — чтобы в случае случайной утечки быстро расширяющийся газ имел безопасный *альтернативный* путь выхода… вместо того чтобы взорвать здание. Аварийный канал Threshold был огромен, но и количество хранимого здесь жидкого гелия соответствовало масштабам.

Голем вновь взглянул на двенадцать криотермосов Cryofab за SMES. *Более двадцати тысяч литров гелия,* подсчитал он. Потенциал расширения был почти неисчислим.

Как он узнал из интернета, катастрофические взрывы с жидким гелием случались часто — включая ракету Space X Falcon 9, Большой адронный коллайдер CERN и даже ветеринарную клинику в Нью-Джерси, где взорвался МРТ из-за небольшой утечки.

Голем знал, что если *эта* система SMES внезап-

но «сорвётся», загруженный в неё жидкий гелий мгновенно испарится, и бурный поток расширяющегося газа устремится по трубе, вырвавшись над Прагой в виде ледяного гейзера.

Скорее всего, снесёт голову R2-D2 в процессе.

Количество жидкого гелия, загружаемого в SMES в любой момент, составляет лишь малую часть общего объёма в хранилище. Голем не мог даже представить, что произойдёт, если *весь* гелий в этом комплексе высвободится разом… превратившись из жидкости в газ за долю секунды.

Такое никогда не случалось. Нигде. Никогда. Слишком много степеней защиты.

Гелиевые термосы были чрезвычайно прочны и имели множество защитных механизмов. Построенные как гигантские термосы, их двойные «сосуда Дьюара» использовали самый эффективный природный изолятор — чистый вакуум — чтобы жидкость внутри оставалась достаточно холодной и никогда не превращалась в газ. Для дополнительной безопасности каждый термос хранил жидкость под чрезвычайно высоким давлением. Это повышало точку кипения гелия, создавая больший запас до достижения критической температуры.

Последней мерой безопасности колбы был «разрывной диск» — крошечная медная пластина, встроенная в оболочку резервуара. Этот заранее ослабленный участок был рассчитан так, чтобы разорваться при чрезмерном внутреннем давлении… предотвращая катастрофический взрыв бака.

Хотя разрывные диски предназначались для разрыва *наружу*, они могли лопнуть *вовнутрь* при избыточном внешнем давлении на канистру. Конечно, такого никогда не происходило, ведь никто не был настолько беспечен, чтобы хранить жидкий гелий в герметичном пространстве.

С учётом этих трёх защитных механизмов, вероятность одновременного выхода из строя нескольких резервуаров статистически приравнивалась к нулю.

Это просто не могло произойти. Не без посторонней помощи.

Размышляя об ужасах, которые Threshold причинил Саше, Голем в последний раз окинул взглядом тихо гудящий SMES-агрегат, смакуя иронию. Эта машина была тайным источником силы Threshold… и вот-вот должна была стать орудием его уничтожения.

ГЛАВА 104

Кэтрин вошла в биолабораторию вместе с Лэнгдоном и внимательно изучала сложный аппарат перед ней.

Искусственных нейронов не существует. Пока нет.

Так всегда считала Кэтрин… но теперь в этом не была уверена. Хотя устройство действительно напоминало сложный гидропонный инкубатор, невооружённым глазом она не могла определить, что именно содержалось в пробирках с жидкостью.

Это невозможно… верно?

Бóльшая часть постдипломной работы Кэтрин в области нейробиологии была посвящена нейрохимии — изучению химических механизмов, благодаря которым функционирует нейронная сеть мозга. Концепция искусственных нейронов впервые была предложена ещё в 1943 году американскими учёными Уорреном Маккаллоком и Уолтером Питтсом, но практическая *реализация* этой идеи всегда казалась далёкой мечтой. Среди биологов даже ходила шутка: *«Человек колонизирует Марс раньше, чем мы создадим*

искусственный нейрон».

— Проверь мануалы, — сказала она, кивнув на книжный шкаф через всю комнату.

— Посмотри, нет ли там чего-то про этот инкубатор или то, что они здесь выращивают. Я поищу в ящиках.

Пока Лэнгдон направлялся к шкафу, Кэтрин принялась обыскивать ящики встроенного в рабочий стол шкафа. В большинстве скрупулёзных лабораторий, включая Институт ноэтических наук, для каждого проекта велся «протокольный журнал» — печатный набор методических указаний, обеспечивающий единообразие и воспроизводимость результатов. Именно его Кэтрин надеялась найти, однако в ящиках не обнаружила ничего интересного.

Лишь обнаружив потайной плоский ящик в столе, она наткнулась на кое-что многообещающее… в том числе массивный чёрный трёхкнопочный скоросшиватель. Хотя он был слишком толстым для искомого протокола, её бросило в дрожь, когда она увидела надпись на обложке.

Совершенно секретно

Собственность Центрального разведывательного управления

Кэтрин тут же водрузила папку на стол и рас-

крыла её.

Господи, дай нам хоть какую-то зацепку…

Пробежав глазами первые страницы, она с изумлением узнала, что авторы этого досье представляли престижную шведскую Лабораторию органической электроники (LOE). *ЦРУ вербует в LOE?!* В поисках способа создания искусственных нейронов эта лаборатория была одним из ведущих мировых мозговых центров. Кэтрин упомянула их прорыв с венериной мухоловкой всего несколько минут назад!

Заворожённо она листала разделы досье, читая заголовки. Многие темы ей были знакомы, но взгляд вдруг наткнулся на один — и кровь застыла в жилах.

Модуляция с помощью смешанных ионно-электронных проводящих полимеров

Модуляция? Она тут же начала просматривать раздел. Неужели они действительно решили проблему модуляции?!

Одним из самых сложных препятствий на пути создания искусственного нейрона было воспроизведение «ионной модуляции» — уникальной способности нейрона активировать и деактивировать натриевые ионные каналы. И все же, если верить этому заголовку, модуляция ионов теперь

стала возможна.

Но… как?!

Сердце бешено колотилось, в то время как Кэтрин читала о решении проблемы модуляции от Threshold. Все в этом решении казалось ей совершенно логичным… почти слишком логичным… и чем дальше она читала, тем труднее ей становилось дышать.

Нет… нет… этого не может быть!

— Кэтрин? — повторил Лэнгдон, подойдя к столу после того, как услышал ее прерывистый вдох. — Ты в порядке?

Но она не ответила, уставившись в папку и листая страницу за страницей, шепча что-то себе под нос.

Лэнгдон заглянул через ее плечо, пытаясь понять, что ее так взволновало, но заголовок страницы ничего ему не говорил. *Модуляция с помощью смешанных ионно-электронных проводящих полимеров?*

Проходили секунды, и Лэнгдон почувствовал, что Кэтрин в легком шоке. Наконец он положил ей руку на плечо. — В чем дело?

Она резко повернулась к нему, и в ее гла-

зах вспыхнул огонь. — В чем дело? Threshold использует синтезированный BBL в качестве органического электрохимического транзистора! Они превращают его в тонкую пленку и растворяют в метансульфоно...

— Помедленнее… что?

— BBL! Они используют его в *искусственных нейронах*! Это была *моя* идея, Роберт!

— Прежде всего, что такое BBL?

— Бензимидазобензофенантролин. Это высокопроводящий полимер, отличающийся исключительной прочностью и эластичностью.

— Хорошо, и…?

— И они применяют *поликонденсацию* для синтеза BBL — именно это *я* предлагала. В результате получается вещество с чрезвычайно высокой электронной проводимостью… почти как у *нейрона*. — Она перевернула страницу папки. — Смотри! Химические протоколы в этой папке *точь-в-точь* повторяют те, что описаны в моей рукописи! До мельчайших деталей! Я предлагала изменять проводимость, добавляя три миллимоля глутамина в электролитный раствор — и они делают именно это!

Лэнгдону многое было непонятно, но он отчетливо видел: Кэтрин уверена, что нашла точку

пересечения между ее рукописью и проектом Threshold. *Мы за этим сюда и пришли.*

— Кэтрин, — тихо произнес он, — можешь перевести дух и объяснить мне, что происходит, простыми словами?

Она кивнула, выдохнув. — Да, конечно. Говоря просто, в моей книге была теория о том, как эту технологию можно было бы *реализовать* в будущем. Я конкретно предлагала сплетать созданное вещество в нейронную «сетку», которую можно натянуть на мозг, словно шапочку… покрытие из нейронов, непосредственно контактирующих с мозгом. — Она вздохнула. — И… самое невероятное, что тут они делают *именно* это. Я просто… не могу в это поверить.

— То есть ты писала прямо об искусственных нейронах?

— Да. Когда я предложила гипотетический чип для регуляции ГАМК, я знала, что его невозможно создать без искусственных нейронов, поэтому включила свое предположение о том, как их можно будет создать в далеком будущем.

Это будущее, похоже, наступило, осознал Лэнгдон, взглянув на папку. — И ты думаешь, Threshold создал именно тот чип ГАМК, что ты предлагала?

— Нет, нет, — она покачала головой. — Я не знаю, *какой* чип они сделали — но почти уверена, что это не тот. Если у них есть искусственные нейроны, перед ними открыты все двери; они могут создать буквально *что угодно*, что придумают. Искусственные нейроны — это *ключевой* прорыв, необходимый для полной интеграции H2M. Ты должен понять, Роберт… — Она посмотрела ему прямо в глаза.

«Эта технология нейронов — ключ к будущему. Она меняет всё».

Лэнгдон не сомневался, что она права; он не раз читал, как футуристы предсказывали, что прорыв в области искусственных нейронов откроет удивительную эру прямой связи между мозгами, усиления памяти, ускоренного обучения и даже возможности записывать свои сны ночью и воспроизводить их утром.

Больше всего Лэнгдона тревожил прогноз, названный «ультимативной социальной сетью» — люди будут делать полно сенсорные записи своих переживаний… и делиться своими личными «каналами» напрямую с другими умами. По сути, люди смогут переживать зрительные образы, звуки, запахи и ощущения чужого *опыта*. Разумеется, скоро на чёрном рынке появятся кол-

лекции особенно шокирующих, возбуждающих или жутких воспоминаний. Киберпанковский фильм 1990-х *«Странные дни»* уже заглядывал в этот тёмный мир… и теперь это кажется пророческим.

Хотя Лэнгдон понимал, что это может стать поворотным моментом в истории науки, огромное значение открытия не занимало его мысли. Он куда больше сосредоточился на последствиях невероятного невезения Кэтрин.

Она выдвинула немыслимо гениальную идею в своей книге… и только затем узнала, что ЦРУ уже тайно разрабатывает её.

Хотя совпадение было ошеломляющим, Лэнгдон знал, что клише «Великие умы мыслят одинаково» подтверждалось бесчисленное количество раз на протяжении веков; Ньютон и Лейбниц независимо изобрели исчисление; Дарвин и Уоллес одновременно пришли к идее эволюции; Александр Белл и Элиша Грей изобрели телефонные устройства и подали патентные заявки с разницей в несколько часов. Теперь, казалось, Кэтрин Соломон и ЦРУ независимо друг от друга нашли способ создания искусственных нейронов.

«Теперь всё встаёт на свои места…» — про-

шептала Кэтрин, устремив взгляд в пустоту. «Неудивительно, что я стала целью…»

«Невероятно неудачное совпадение», — сочувственно заметил Лэнгдон. «По крайней мере, теперь мы понима…»

«Это *не* совпадение, Роберт!» В глазах Кэтрин вспыхнул гнев. «ЦРУ *украло* мою идею!»

Украло? Его это утверждение озадачило; очевидно, ЦРУ разрабатывало искусственные нейроны задолго до того, как Кэтрин начала писать свою книгу.

«Они украли мой дизайн!» — повторила она. *«Весь целиком!»*

За всё время знакомства с Кэтрин Соломон Лэнгдон никогда не слышал от неё ни одной неразумной претензии, что уж говорить о параноидальных выпадах. «Я не понимаю», — сказал он, пытаясь успокоить её улыбкой. «Ты пишешь эту книгу уже год, а программа «Порог» работает больше двадцати…»

«Я выражаюсь неясно», — оборвала она. В её глазах появилась решимость, которую он никогда прежде не видел. «В моей *рукописи* был раздел об искусственных нейронах, где объяснялись детали именно этого дизайна. Но в том разделе я говорила о своей страсти и работе в аспирантуре,

когда я уже мечтала о будущем ноэтики… проектировала гипотетические технологии, которые учёные будущего однажды смогут использовать для углубления понимания человеческого сознания.»

Её слова внезапно стали Лэнгдону ясны. «Господи… *что*?!»

Она кивнула. «Да! Роберт, я впервые предложила — и *зафиксировала* — точный дизайн этих искусственных нейронов в своей дипломной работе… двадцать три года назад.»

ГЛАВА 105

По ошеломлённому выражению лица Лэнгдона Кэтрин поняла, что он всё ещё пытается осмыслить то, что она только что ему сообщила.

— Это мой *точный проект* искусственных нейронов, — сказала она, постучав по засекреченной папке «Порога». — Двадцати трёхлетней давности. Здесь нет ошибки.

— Значит, ты писала докторскую диссертацию об искусственных нейронах? — поинтересовался Лэнгдон.

— Не совсем. Я занималась нейробиологией, и моя диссертация называлась «Химия сознания» — научная работа о нейро-трансмиттерах и осознании, но в конце, как и в рукописи, я добавила раздел о *будущем* исследований сознания. Там я помечтала о различных гипотетических прорывах, включая самое значительное достижение в моей области — искусственные нейроны — технологию, которая наконец-то позволила бы создать истинный интерфейс «человек-машина» и дала бы учёным возможность наблюдать сознание мозга новыми способами… и наконец *увидеть*, как всё это работает.

— И ты уверена… что это простое совпадение с разработкой ЦРУ?

— Роберт, нейроны в этой папке *идентичны* тем, что я предложила в своей диссертации, вплоть до терминологии! Описание буквально упоминает «наноэлектрические биофиламенты» и «двусторонний органо-технический синтез» — оба термина я *придумала сама*!

Лэнгдон, похоже, убедился. — Вау… значит, получается, *ты*, Кэтрин Соломон, ещё в аспирантуре догадалась, как создать искусственные нейроны?

— Я была *ребёнком* с гиперактивным воображением. Это была просто фантазия. Не забывай, что двадцать три года назад искусственные нейроны относились к научной фантастике!

— Как и генная инженерия, беспилотные автомобили и искусственный интеллект, — парировал он. — Но вот мы здесь. Благодаря закону Мура.

Правда, подумала она, будущее наступает всё быстрее.

— Двадцать лет назад в научной среде предполагали, что искусственные нейроны окажутся на *кремниевой* основе, что было логично, поскольку нейроны по сути представляют собой бинарные

переключатели, как в компьютерных чипах. Я не согласилась и в диссертации доказывала, что поскольку конечная цель искусственных нейронов — *интеграция* с мозгом, то любое рабочее решение должно быть *биологическим*. Поэтому я дала волю воображению и детально разработала концепцию того, как подобные нейроны могут быть созданы в будущем.

— Должен сказать, это было очень проницательно, — заметил Лэнгдон, по-прежнему впечатлённый. — ЦРУ, вероятно, работало над этим десятилетиями… и наконец добилось успеха. Вопрос авторства или признания заслуг — это уже другое дело.

— Меня просто интересует, как они *узнали* о моей идее… или заполучили её.

Лэнгдон пожал плечами. — Ну, это *крупнейшая* разведывательная организация в мире.

— Вообще-то, — сказала Кэтрин, воспоминания нахлынули. «Только сейчас до меня дошло…» Она замешкалась, задумавшись.

«Расскажешь по дороге», — поспешил Лэнгдон, подхватывая папку и направляясь к выходу. «Нам нужно убраться отсюда вместе с этим — и передать послу. Будем надеяться, этого достаточно.»

Кэтрин перекинула через плечо сумку и по-

следовала за Лэнгдоном через лабораторию, её мысли теперь метались. «С моей диссертацией произошло нечто странное. Я так и не поняла что именно, и не вспоминала об этом десятилетиями… но, возможно, это что-то объясняет.»

«Что случилось?» — спросил Лэнгдон, пока они спешили через ярко освещённый компьютерный зал к вращающейся двери.

«Мой научный руководитель в Принстоне, — вспоминала она, — был *тем самым* А.Дж. Косгровом, легендарным химиком, который взял меня под своё крыло. Ему очень нравилась моя работа, и он говорил, что она достойна Премии Блаватник — национальной награды за постдокторские научные исследования. В любом случае, я её не получила, чем была совсем не расстроена, но Косгров почему-то вышел из себя. В итоге у него вышел спор с главой премиального комитета, каким-то знаменитым профессором из Стэнфорда. Когда страсти улеглись, Косгров заявил, что я заслужила награду, но мне отказали «по причинам, никак не связанным с научными заслугами». Я списала это на академические интриги. Но сказала ему, что мне всё равно, потому что решила посвятить себя ноэтике. Тогда он произнёс нечто странное. Он сказал, что прежде чем я

окончательно уйду из нейронауки, настоятельно рекомендует мне…» Кэтрин резко остановилась у двери. «О… *нет.*»

Лэнгдон обернулся. «Что такое?!»

Кэтрин закрыла глаза, не веря сама себе, и поставила сумку на рабочий стол. Среди всего этого хаоса она осознала это только сейчас. «Роберт», — прошептала она, открывая глаза и проводя рукой по густым тёмным волосам. «Есть куда *более серьёзная* причина, по которой ЦРУ хочет, чтобы моя книга исчезла навсегда.»

Сжимая пистолет SIG Sauer, забранный у полевого агента Хаусмора, Финч спрыгнул с транспорта «Порог» и помчался по знакомой платформе через безлюдный центр безопасности. Обнаружив тело своего коллеги в холле, он бросился в мастерскую Гесснер, где его худшие опасения подтвердились с пугающей ясностью.

Бригита была убита.

Финч немедленно запросил подкрепление, но понимал, что с потерей местного полевого агента помощь придёт не скоро. Ситуация становилась всё тревожнее и деликатнее, и благоразумие требовало немедленных действий. Финч был

первоклассным стрелком и вполне мог нейтрализовать любого, кто встретится на его пути.

Войдя в коридор OPS, он с облегчением отметил, что в этом секторе погас свет. Впрочем, он сам участвовал в проектировании этого подземного комплекса и знал, что освещение автоматически выключается каждые десять минут; темнота вовсе не гарантировала, что здесь никого нет.

Финч всё ещё не мог осознать, что Хаусмор и Гесснер были убиты. Ещё тревожнее казалась немыслимая личность убийцы. Вытаскивая тело Хаусмора из-за дивана, он с удивлением заметил на ковре металлический стержень от эпилепсии. Кто-то явно уронил его, а в «Крепость Распятия» когда-либо входили лишь двое больных эпилепсией — Саша Весна и Дмитрий Сысевич, оба из одного учреждения.

А Дмитрий, как меня заверили, уже мёртв.

Мысль о том, что убийцей могла быть Саша, казалась невероятной. Гесснер всегда описывала её как тихую и добрую. С другой стороны, сегодня она якобы напала на оперативника ÚZSI, что свидетельствовало о её нестабильном состоянии. Её мозг испытывал колоссальную нагрузку, и нельзя было исключать психический срыв.

Саша убила Гесснер? Это казалось немысли-

мым... и все же, если Саша узнала, что Гесснер с ней сделала, это стало бы сильным мотивом. Даже так, Финч сомневался, что Саша способна на такое... по крайней мере, не в одиночку.

Он резко свернул направо в направлении BIO, с облегчением обнаружив, что операционная зона не освещена. Когда свет включился, все оказалось на своих местах. Финч бросил взгляд на робота-хирурга, свисавшего с потолка. До сих пор Гесснер использовала эту технологию лишь для двух операций на людях — одна прошла успешно, другая закончилась катастрофой.

Финч был не в настроении для сюрпризов и намеревался тщательно обыскать объект, начав с систематического осмотра медицинского блока, чтобы убедиться, что никто не спрятался под кроватью или в шкафу, дождавшись отключения датчиков движения.

Если кто-то проник в «Порог», Финч не позволит ему ускользнуть. Тот, кто увидел это место... не сможет выйти отсюда живым.

Глубоко в хранилище СМЭС Голем устремил взгляд в открытую вентиляционную шахту. Где-то высоко над ним едва угадывался пятнистый

дневной свет, проникавший сквозь перфорации в купольной голове статуи R2-D2, расположенной несколькими этажами выше в парке Фолиманка.

По очевидным причинам такие аварийные вентиляционные отверстия всегда оставались *открытыми* для обеспечения экстренной вентиляции. Их закрывали лишь для проверки хранилища на герметичность под давлением и только при соблюдении особых условий... а именно — полного отсутствия жидкого гелия.

Сегодня протокол будет слегка изменён.

Собрав силы, Голем взобрался на гудящее металлическое кольцо. Верхняя часть была округлой и опасной, но его ботинки имели хорошее сцепление. Он чувствовал слабую вибрацию механизма, когда дотянулся до потолка и ухватился за выступающую рукоять. Эта рукоять приводила в движение систему блоков, перемещавших массивную металлическую пластину, закреплённую на потолке.

Тестовая заглушка.

Квадратная стальная панель крепилась на направляющих с обеих сторон вентиляционного отверстия. Как гигантский люк, её можно было передвинуть на место с помощью рукояти

и зафиксировать «барашками», герметизируя помещение.

Неудивительно, что на стальной пластине красовались ярко-красные предупреждающие надписи.

Nebezpečí! Nezavírat!

Опасность! Не закрывать!

Игнорируя предупреждение, Голем начал вращать рукоять. Через минуту хранилище станет герметичным.

Более веская причина?

ГЛАВА 106

Лэнгдон не мог представить, какой еще мотив мог быть у ЦРУ для уничтожения рукописи Кэтрин. *Ее книга раскрывает новую сверхсекретную технологию ЦРУ. Игра, сет, мат...*

Кэтрин резко остановилась и повернулась к нему, ее лицо в резком свете галогеновых ламп выражало беспокойство. «Думаю, профессор Косгроув догадывался, что что-то не так, — сказала она. — После его спора с тем парнем из Стэнфорда он дал мне последнее задание перед тем, как я перешла из нейронауки в ноэтику. Это была необычная просьба».

«И что же он хотел, чтобы ты сделала?»

«Он настаивал, что каждому будущему ученому нужно пройти процесс оформления патента. Он сказал, что восхищается моим творческим подходом к искусственным нейронам, и даже если патент никогда не выдадут, сам процесс подачи заявки...»

«Погоди...» — перебил Лэнгдон. «Ты хочешь сказать, что подала *заявку на патент* для этих искусственных нейронов?»

«Это было учебное *задание*, — она кивнула. —

Косгроув предупредил, что мою заявку отклонят из-за «отсутствия практического применения», поскольку технология не была *реализуемой*. Тем не менее он настаивал, чтобы я все обдумала, максимально детализировала, представила инструменты, технологии и материалы, которых еще не существует, и прошла весь процесс подачи. Так я и сделала! Я заполнила четырнадцати страничную заявку как могла и отправила. Патент, как и ожидалось, отказали, и я больше об этом не думала...»

До этого момента, с удивлением осознал Лэнгдон. Она стоит лицом к лицу со своим же изобретением.

«Теперь я понимаю, — сказала Кэтрин, — что профессор Косгроув, возможно, *защищал* меня, когда велел оформить патент...» Она замолчала, в голосе прозвучала дрожь. «Как если бы он знал *настоящую* причину отказа по моей диссертации.»

«Что твою технологию тайно присвоило ЦРУ?» «Украли, да.»

«Но откуда Косгроув мог знать, что это сделало ЦРУ?»

«Для меня это загадка, — сказала Кэтрин, — но внутренний голос подсказывает, что он *знал*. Спустя годы я узнала, что была *единственной*

студенткой, которую Косгроув уговаривал подать патент.»

«Это подозрительно.»

«Да, и он очень настаивал. Помню, он говорил: «Не *говори* никому, Кэтрин. Просто *сделай* это». Его давно уже нет в живых, иначе бы я позвонила.»

«У тебя осталась копия заявки?» — спросил Лэнгдон, понимая, насколько опасной могла быть эта бумага.

«Конечно, была... но все копии таинственным образом исчезли из моих файлов. Я думала, что потеряла их при переезде, но теперь...»

Вероятно, их тоже украли. Лэнгдону стало не по себе от мысли, что ЦРУ следило за Кэтрин так долго, но многое теперь стало понятно.

«Но вот что важно, — продолжила Кэтрин. — Тогда, годы назад, когда я получила отказ из патентного бюро, мне было смешно — четырнадцать страниц моих искренних научных изысканий с ярко-красным штампом ОТКАЗАНО на каждой странице. Я показала профессору Косгроуву, он не разделил моего веселья, но попросил оставить копию для потомков и «когда я стану знаменитой». Конечно, я согласилась.»

«Значит, у *Косгроува* есть копия?!»

«Да, — голос ее дрогнул. — Когда он умер лет десять назад, его сестра пришла ко мне с запечатанным конвертом и сказала, что его последней волей было передать этот конверт мне.» Голос Кэтрин сорвался. «Там действительно лежала моя старая отклонённая заявка — выцветшая, но целая.»

Невероятно. Лэнгдон теперь был уверен, что старый преподаватель Кэтрин знал о нечестной игре с ее диссертацией и патентом. Вопрос, *как* Косгроув получил эту информацию, оставался без ответа, но он явно предпринял шаги, чтобы у Кэтрин сохранились доказательства.

Козырь, подумал Лэнгдон. *Он ей это оставил.*"Где сейчас эта копия?» — спросил он, опасаясь, что и до нее могли добраться.

«У меня дома, в столе, — ответила она. — Насколько я знаю.»

«Нам нужно ехать, — Лэнгдон двинулся к двери. — Если ЦРУ узнает...»

«Есть еще кое-что. — Кэтрин смущенно замолчала, затем прямо взглянула на Лэнгдона. — Работая над заключительной главой о будущем ноэтики, я писала о своей юношеской мечте создать искусственные нейроны. Импульсивно решила включить в книгу свою неудачную

заявку — все четырнадцать страниц с печатью ОТКАЗАНО — чтобы история моего провала могла вдохновить других молодых ученых, столкнувшихся с отказами.»

Лэнгдон потерял дар речи. *Последняя деталь пазла.*

Патент Кэтрин был бы опубликован в ее книге на всеобщее обозрение.

Дальнейших мотивов для отчаянных мер со стороны агентства не требовалось.

«Порог» — это «Манхэттенский проект» в области науки о мозге... а Кэтрин собиралась опубликовать чертежи их атомной бомбы.

Лэнгдон мог лишь представить юридический кошмар ЦРУ, если бы организации вроде Федерации американских ученых обнаружили, что заявку известного ноэтика отклонили... а затем украли без ведома автора и возмещения.

Мечта журналиста-расследователя.

Книга содержала смелое видение прорывной технологии — последнего элемента в гонке за интерфейс «мозг-машина». Пока что только ЦРУ обладало ей... но публикация Кэтрин все меняла.

Какую бы цель ни преследовали чипы ЦРУ, «Порог» давал им огромное технологическое преимущество.

Но это не все, понял Лэнгдон. «Порог» — это золотая жила.

Если ЦРУ решит коммерциализировать технологию H2M, фирма «Q» станет самым богатым венчурным фондом, способным финансировать любые операции. В любом случае, секретность была жизненно важна.

«Более того, — добавила Кэтрин, — это объясняет хвастовство Бригиты насчет своих *патентов* вчера вечером. Она завела этот разговор, потому что вела разведку. Помнишь, она спросила, есть ли у меня патенты... или подавала ли я когда-нибудь *заявку* на патент?»

Лэнгдон хорошо это помнил. — А ведь ты утверждала обратное!

— Просто не хотела вдаваться в детали. Да и было это давно.

— Теперь понятно, почему Финч вчера впал в панику, — сказал Лэнгдон. — Гесснер наверняка сообщила ему, что ты не только отказалась подписать соглашение о неразглашении, но и отвергла её просьбу о раннем доступе к рукописи, *а затем* она наверняка доложила, что ты ещё и откровенно солгала, утверждая, будто никогда не подавала заявку на патент! Финч сразу решил, что ты стремишься к личной выгоде и

готовишь какую-то громкую разоблачительную публикацию.

— Ну, теперь мы можем опубликовать это *сами*, — Кэтрин кивнула на засекреченную папку в его руке. — Включая снимки PALM имплантированного мозга. Довольно убедительное доказательство.

— Что такое PALM?

— Фотоактивируемая локализационная микроскопия — метод визуализации мозга. В Threshold внедрили в искусственные нейроны флуоресцентные белки, чтобы буквально *видеть* их… и отслеживать рост. Хитрый ход — *их идея*, не моя.

— Подожди, в этой папке есть *снимки*?! Ты же не...

— Ты слишком быстро её забрал, — она протянула руки за папкой. — Я покажу тебе.

Лэнгдон поспешно вернул ей папку. Несмотря на их догадки, что ЦРУ украло идею Кэтрин и создаёт искусственные нейроны, Лэнгдон пока не видел реальных *доказательств* испытаний Threshold на людях. *Вот они...*

— Вот хороший пример, — Кэтрин раскрыла папку на столе.

Увидев изображение, Лэнгдон почувствовал и отвращение… и удовлетворение. Цветной снимок

напоминал компьютерно обработанный рентген мозга внутри черепа. Ужасало, однако, то, что ещё *находилось* внутри черепа помимо мозга.

Под черепной костью в мозговой ткани располагался неожиданно крупный компьютерный чип. От чипа тянулся шнур к светящейся сетке флуоресцентных нитей, сплетённых в ажурную, похожую на волошку шапочку, обтягивающую верхнюю часть мозга.

— Эта нейросетка, — сказала Кэтрин. — *Моя* идея.

Лэнгдон с изумлением наблюдал, как она листает изображения, графики и заметки, фиксирующие прогресс имплантации. Записи вызывали тревогу, но настоящий шок его ждал, когда он заметил мелкую пометку внизу каждой страницы.

ПАЦИЕНТ № 002 /ВЕСНА

— Саша… — прошептал Лэнгдон, и его худшие опасения подтвердились. *Что они с тобой сделали?*

Лэнгдона тошно передернуло при виде густой сети щупалец, расползшихся по мозгу Саши, словно какой-то паразит. Ирония заключалась в том, что они с Кэтрин проникли в Threshold за компроматом… а оказалось, что самый убийственный компромат буквально снаружи, внутри головы

Саши Весны.

Надеюсь, посол уже нашёл Сашу, подумал он, снова почувствовав, что пора уходить.

— Что бы ни было в голове у мисс Весны, — сказала Кэтрин, — это далеко не просто лечение эпилепсии.

— Здесь есть что-то, что поясняет, как чип *функционирует*?

— Ничего конкретного, — перелистывая страницы, ответила Кэтрин. — В этой папке только данные о нейроинтеграции, и, признаюсь, я поражена, как быстро они её добились.

— В каком смысле?

— Интеграции между чипом и мозгом, — объяснила она. — Когда искусственная нейросеть накладывается на живой мозг, этим элементам требуется время, чтобы слиться в единую систему. Нейропластичность — чудо, но она не происходит за ночь. Полная ситаксическая интеграция мозга с имплантатом займёт не меньше десятилетия — возможно, двух. Одно из главных препятствий, о котором я писала в диссертации.

— Какое решение ты предложила?

— Никакого, — ответила Кэтрин. — Только ждать. Для биологического роста нужно *время.* Для эволюции нужно *время*. И всё же… — Она

изучала графики, качая головой. — Они ускорили процесс с невероятной скоростью. За год они сделали то, на что потребовалось бы десятилетие. Вопрос… *как*? — Она продолжала листать страницы, остановившись на фотографии молодой Саши Весны с длинными светлыми волосами.

— У меня другой вопрос, — сказал Лэнгдон. — Если Саша — пациент номер *два*…

Кэтрин подняла взгляд. — Верно, тогда кто же пациент номер *один*?

Она тут же начала листать папку в обратном направлении, ища сведения о пациенте номер один, которым, как предположил Лэнгдон, скорее всего был тот российский пациент-эпилептик Дмитрий из того же учреждения, что и Саша.

— Странно, — сказала Кэтрин. — Не вижу раздела с данными о других… О, подожди, вот он. Он намного короче. Я пропустила.

Раздел содержал общие данные, графики и не менее жуткий рентген мозга с имплантированным чипом и нейросетью.

Внизу страницы было написано:

ПАЦИЕНТ № 001 / СЫСЕВИЧ

Сысевич явно звучит по-русски, подумал Лэнгдон.

— Красивый мужчина, — сказала Кэтрин, оста-

новившись на фото мужчины с выразительными чертами лица, квадратной челюстью и курчавыми чёрными волосами. Его славянские черты были крепкими и властными, но взгляд его глаз казался тревожно безжизненным. — У него, бесспорно, тот же чип, что у Саши, — продолжила Кэтрин, читая дальше. — Вот что странно — никаких данных после операции. Ничего.

— Обсудим по дороге, — Лэнгдон направился к вращающейся двери. — Нам нужно выбираться отсюда.

Кэтрин закрыла папку и сунула её в сумку через плечо. — Не хочу этого говорить, но его записи внезапно обрываются. Никакого дальнейшего наблюдения. Похоже, они имплантировали чип, и… что-то пошло не так. Возможно, он *умер.*

Мысль была тревожной, но добавляла ещё больше козырей в их руки: если ЦРУ экспериментировало над ничего не подозревавшим российским пациентом-эпилептиком и *убило* его, дипломатический скандал мог иметь серьёзные последствия в и без того напряжённом мире.

Вернувшись через вращающуюся дверь в коридор, Лэнгдон облегчённо заметил, что там по-прежнему никого не было: свет погас, пока они находились в лаборатории.

Нас по-прежнему никто не обнаружил.

Освещение тут же включилось, и Лэнгдон с Кэтрин повернулись обратно к двойным дверям, через которые они вошли.

Они прошли всего несколько шагов, когда Кэтрин схватила Лэнгдона за руку. — Смотри! — прошептала она, указывая вперёд на двери с овальными окнами.

Лэнгдон тоже это увидел.

С другой стороны двери только что загорелся свет.

Закончив тщательный осмотр медицинского блока, Финч свернул за угол, где загорелась напольная подсветка, освещая путь к двустворчатой двери в конце коридора. Не доверяя случаю, он на мгновение заглянул в отдел иммерсионных вычислений, где с облегчением обнаружил, что все VR-кресла пусты, а шлемы аккуратно расставлены.

Затем он увидел опрокинутое офисное кресло.

И треснувшее стекло в окне компьютерного зала.

Обычно Финч бросился бы проверять компьютер, но его осенило куда более тревожное

обстоятельство — запоздалое осознание того, что он мельком заметил в коридоре всего несколько мгновений назад... мягкий свет, пробивающийся через овальные окна двустворчатой двери.

В коридоре RTD горел свет.

• •• •

Кто-то идет!

Будь то уборщики, охранник или что похуже, Лэнгдон понимал, что им с Кэтрин нельзя допустить, чтобы их увидели. К несчастью, они оказались в тупиковом коридоре без выхода, кроме как вернуться обратно.

Лэнгдон бросился назад, к лаборатории RTD, надеясь найти укрытие, но поравнявшись с дверью в чистую комнату, увидел, что Кэтрин остановилась посередине коридора и показывает на пол. — Роберт, — прошептала она. — Следы от шин!

Лэнгдон уже замечал их раньше — потертости на полированном полу, оставленные протектором погрузчика.

К его недоумению, Кэтрин тут же рванула мимо него, жестом ведя следовать за ней к тупику. *Что она задумала?! Там же нет выхода!* Через мгновение Лэнгдон разглядел то, что заметила

Кэтрин: следы шин продолжались по коридору и исчезали... *под* дальней стеной.

Не может быть... если только...

Лэнгдон рванул во весь опор, поравнявшись с Кэтрин в пятнадцати ярдах от конца коридора. Он заметил фотодатчик и подбежал к нему, размахивая руками, чтобы активировать сенсор. Вся стена плавно сдвинулась влево, открывая еще один участок темного коридора.

Из проема потянуло ощутимо холодным воздухом.

Не сбавляя темпа, они с Кэтрин ворвались в проем и через несколько ярдов погрузились в полную тьму. Остановившись у металлического ограждения, они услышали, как стена за ними закрылась.

Приглушенный свет постепенно выхватил из темноты их окружение. К удивлению Лэнгдона, они оказались на бетонном пандусе, спускавшемся по периметру узкой шахты. Заглянув за ограждение в темноту внизу, он понял, что» Порог» гораздо больше, чем они видели... и продолжался в удручающем направлении.

Вниз.

ГЛАВА 107

Посол Нагель поспешно спускалась по мраморной лестнице посольства, ощущая небольшую шаткость в ногах, что было не удивительно, учитывая, что она только что надавила на директора ЦРУ и выпила послеобеденный коктейль.

Где же, черт возьми, Дана?

Сержант Скотт Кербл пообещал сопровождать пресс-секретаря наверх для разговора с послом, но Дана так и не появилась. Странно, что и Кербл тоже пропал.

Когда Нагель добралась до офиса Даны, стройная пресс-секретарь сидела на полу, всхлипывая, и укладывала личные вещи в картонную коробку. Дана подняла на нее воспаленные от слез глаза, сверкнувшие презрением, и продолжила сборы.

Не к добру.

Посол сделала короткую паузу, чтобы успокоиться. «Мисс Данек, Скотт Кербл просил вас прийти в мой кабинет?»

«Просил».

«И вы его проигнорировали?»

«Я больше на вас не работаю», — горько ответила она.

Нагель глубоко вздохнула, вошла и закрыла за собой дверь. «Дана, я вижу, ты расстроена. Я тоже очень любила Майкла Харриса, но...»

«*To je lež,*» — пробормотала она, не поднимая глаз.

«Я *действительно* любила Майкла», — настаивала Нагель, — «и никогда себе не прощу, что подвергла его опасности. На меня давило начальство. Это было неправильно, и мне стыдно. Я объясню тебе все позже, но сейчас критично важно найти Сашу Весну, и мне отчаянно нужна твоя помощь».

«С какой стати я *вообще* должна помогать вам?! — вспыхнула Дана. — Вы должны были понимать, что нельзя принуждать Майкла к отношениям с незнакомкой — незнакомкой, которая в итоге его убила!»

«Саша *не* убивала Майкла», — уверила ее Нагель. — «Правда в том, что она сама в огромной опасности — вероятно, от того же человека, который убил Майкла — и мне нужно найти ее как можно скорее».

«Почему она вам так важна?»

Нагель приблизилась и понизила голос до шепота. «Дана, мне стыдно в этом признаться, но как и Майкл… Саша — жертва моего правительства».

Она актив ЦРУ… и даже не знает об этом. «Я чувствую обязанность помочь ей». Она замолчала, глядя Дане в глаза. «И я верю, Майкл хотел бы, чтобы ты помогла Саше».

Статная девушка внезапно содрогнулась, обхватив себя руками и сжав челюсть, будто пытаясь сдержать слезы. Нагель вдруг вспомнила, что когда человек так ослепительно красив, как Дана Данек, легко забыть о его человеческой слабости.

«Я никогда больше не смогу вам доверять», — голос Даны дрогнул.

«Мне больше нечего терять», — ответила Нагель. — «Дана, я пытаюсь любой ценой вернуть душу. И, если это чего-то стоит, я только что сожгла последний мост. Я позвонила своему бывшему начальнику и пригрозила правительству США».

Дана выглядела скептически. «Бывшему начальнику? Вы угрожали директору ЦРУ?»

«Угрожала». Нагель искривилась в скупой улыбке. «Как я сказала — терять нечего. Я только что узнала шокирующие подробности о программе, в которой участвовала, и единственная моя надежда остановить это и доказать свою невиновность — видео с предсмертным признанием главного автор…»

«Госпожа посол?» — раздался позади мужской голос.

Нагель обернулась и увидела лицо сержанта Скотта Кербла, выглядывающего в щель приоткрытой двери.

«Люди обычно стучат», — резко бросила Дана.

«Скотт? — сказала Нагель. — Где *вы* были? Вы должн...»

«Простите, мэм», — его голос звучал нехарактерно жестко. — «Боюсь, я получил приказ вас задержать».

Нагель взглянула на доверенного охранника, прекрасно понимая, что произошло.

«Приказ от директора ЦРУ?»

«Пройдемте».

«Вы не можете арестовать посла! — воскликнула Дана. — Она ваш начальник!» Кербл покачал головой. «Мы военные США».

Дана посмотрела на Нагель, та подтвердила кивком. К сожалению, охрана из морпехов получала приказы с самого верха. Посол теперь горько сожалела, что доверила Керблу дипломатическую почту. *Единственная копия видео...*

«Госпожа посол?» — Кербл явно испытывал неловкость. — «Пожалуйста, пройдемте».

«Конечно, Скотт. Мне нужна минута. Мисс Да-

нек увольняется, и я хотела бы попроща...»

«Руки вперед!» — прогремел низкий голос, когда дверь распахнулась, обнажив двух других морпехов за спиной Кербла. Похоже, они сочли своим долгом поддержать ведущего агента, чья вежливость ни к чему не привела.

«Наручники ни к чему», — сказала Нагель. — «Я пойду смирно, но мне нужно пару слов с мисс...»

«Невозможно», — рявкнул первый морпех, входя в кабинет. — «Покажите запястья, мэм».

Недоуменно Нагель взглянула на Кербла, чье выражение лица заметно ожесточилось в присутствии коллег.

«Подайте ему руки», — приказал Кербл. — «И никаких разговоров с мисс Данек. У нас приказ. Никаких контактов. Ваш кабинет опечатан, обыщем его и все посольство».

«Обыщем?» Нагель почувствовала, как теряет последний козырь. «Что... *ищете*?»

Кербл проигнорировал вопрос и повернулся к Дане: «Мисс Данек, если вы увольняетесь, вам нужно немедленно покинуть посольство. Вы поняли?»

«Да... но...»

«Это ваши личные вещи в коробке?» Дана кивнула.

Кербл подошел к коробке, заглянул внутрь, затем мельком посмотрел на Нагель, встретившись с ней взглядом, пока морпехи занимались ее запястьями. Она видела, как Кербл наклонился к столу Даны, что-то написал на стикере, затем одним плавным движением вытащил из нагрудного кармана дипломатическую почту, которую дала ему Нагель, прилепил стикер и сунул пакет в коробку, запрятав его среди вещей Даны.

Неужели он только что это сделал?!

Невозмутимо Кербл вернулся к Нагель, теперь уже скованной нейлоновыми наручниками: «Госпожа посол, советую вам подчиняться без промедления. Это для вашей безопасности».

Прежде чем Нагель ответила, Кербл обернулся к Дане.

«Мисс Данек! — сержант говорил жестко, не оставляя сомнений, кто здесь главный. — Время вышло — забирайте коробку с вещами и немедленно покиньте здание!»

Дана выглядела испуганной, схватив картонную коробку и стремительно пройдя мимо закованного в наручники посла, направляясь прямиком к выходу.

Нагель в серьезной переделке.

Скотт Кербл наблюдал, как его подчиненные провожали посла по служебной лестнице в подвал. Проработав с дипломатами всю карьеру, Кербл не встречал никого, к кому испытывал бы большее уважение и доверие, чем к Хайде Нагель. Его импульсивное решение пойти против приказа и защитить её было рефлексом... инстинктом... и он совершил этот поступок, серьезно рискуя своей карьерой.

Здесь что-то не так...

Директор ЦРУ Грегори Джадд не предоставил команде Кербла никаких подробностей — только прямой приказ: посла надлежало запереть в ситуационной комнате посольства под охраной и задержать до дальнейших указаний.

Невероятный произвол.

Что еще страннее — директор приказал тщательно обыскать личный кабинет посла, изъяв все цифровые носители — компьютеры, жесткие диски, DVD, USB- накопители и т. д. Это имело смысл только в двух случаях. Либо они подозревали Нагель в шпионаже, что было абсурдом, либо директор боялся, что у неё есть информация,

компрометирующая само агентство.

Кербл был уверен, что всё, что директор надеялся конфисковать, только что покинуло здание... в картонной коробке у Даны Данек.

Сохрани это в безопасности, — сказал ему посол. Никому не говори.

Кербл не имел понятия, что находится в том пакете, но знал, что Дана никогда не осмелится его вскрыть. Более того, директор ЦРУ был последним, кому она могла бы позвонить по этому поводу.

Чтобы полностью подстраховаться, Кербл прикрепил к пакету анонимную записку:

Д — Никому об этом не говори. С тобой свяжутся.

Пакет в безопасности, — подумал он. По крайней мере, пока.

Кербл ничего не сказал коллегам. Он также не упомянул о странном поведении посла — включая её прибытие в посольство *пешком* и без сопровождения. *Нагель — самый порядочный человек из всех, кого я знал,* — напомнил он себе. *Она явно замешана в чём-то, чего я не понимаю.*

Учитывая, что посол теперь под стражей, он посчитал разумным забрать её личный внедорожник с улицы и поставить во двор посольства

вместе с остальным автопарком. Кербл направился в кабинет охраны, взял запасные ключи, которые хранились там на случай чрезвычайных ситуаций для всех автомобилей посольства. Затем он подошел к терминалу, чтобы определить местонахождение скрытого маячка, установленного на любом транспортном средстве, которое может перевозить посла. Кербл знал, что внедорожник где-то рядом, ведь посол вернулся в резиденцию пешком, но GPS-координаты сэкономят ему драгоценное время, которое он мог бы потратить на поиски по улицам.

Он подождал, пока активируется трекер. Когда на карте Праги появилась мигающая точка, Кербл растерянно уставился на экран. Машина явно *не* находилась поблизости, как он ожидал. Вместо этого она стояла в трёх милях отсюда… на холме над Фолиманьским парком.

◂ ·· ▸

В нескольких этажах под землёй Голем шагнул в хранилище СМЭС по направлению к двенадцати криофабричным ёмкостям с жидким гелием. Каждый массивный бак сверху был оснащён усиленным электроразъёмом и клапаном, соединённым с изолированной трубой, ведущей к

СМЭС. На стене рядом с резервуарами светилась панель управления со схемой всех двенадцати цистерн и их текущими параметрами.

Судя по всему, экран регулировал подачу гелия в каждый резервуар. Голем не имел ни малейшего представления, как пользоваться этой панелью, и не собирался выяснять. Его план не требовал тонкостей. Существовал куда более простой способ прекратить подачу переохлаждённой жидкости в СМЭС.

Он подошёл к первой цистерне — массивной каплевидной ёмкости из нержавеющей стали, превышающей его собственный рост. В полированной поверхности отразилось его лицо, покрытое засохшей глиной. *Я не чудовище*, напомнил он себе, зная, что его внешняя оболочка, как и у всех, — лишь иллюзия, скрывающая внутреннюю суть. *Я её защитник.*

Как и ожидалось, в верхней части каждого бака, среди беспорядочного скопления разъёмов и клапанов, обнаружился *ручной* запорный механизм — маховик, который можно было повернуть в аварийной ситуации, чтобы перекрыть поток гелия.

Проще, чем закрыть садовый шланг.

Согласно собранной им информации, мед-

ленная цепная реакция начнётся сразу после остановки подачи гелия: сверхпроводящие катушки станут нагреваться, теряя проводимость, сопротивляясь току… запуская смертельную петлю положительной обратной связи.

Нагрев Сопротивление Нагрев Сопротивление Нагрев…

После перекрытия клапанов, прикинул он, у меня будет примерно двадцать минут. За это время катушки нагреются до критической температуры — «предела квенча», когда весь жидкий гелий в системе начнёт закипать… превращаясь в газ. Голем представил расположенный над ним аварийный клапан, сейчас закрытый, и вообразил бурлящее облако гелия, которое попытается вырваться наружу ледяным гейзером испарений.

Этого не случится, подумал он. Сегодня всё пойдёт иначе.

Быстро расширяющемуся газу некуда будет деться, и чудовищное давление начнёт сжимать каждый квадратный дюйм этой герметичной камеры.

Включая разрывные мембраны.

Голем глубоко вдохнул и окинул взглядом ряд резервуаров. Он уже видел, как давление в хранилище растёт… давит на толстые бетонные

стены… заставляя разрывные мембраны каждого бака выходить из строя. И в одно мгновение около двадцати тысяч литров жидкого гелия окажутся на открытом воздухе.

Цепная реакция будет мгновенной и неудержимой — катастрофический взрывной процесс, столь же яростный и разрушительный, как детонация мощной боеголовки в этом замкнутом пространстве.

ГЛАВА 108

Спускаясь вниз, Лэнгдон с сожалением думал, что вместо крутого спирального спуска, ведущего ещё глубже под землю, им бы лучше выбраться через раздвижную стену *на дневной свет.* Хотя было логично, что у бомбоубежища есть нижний уровень — в конце концов, командные центры ядерных сил в Шайенн-Маунтин и Ямантау построены под более чем тремя сотнями метров цельного гранита — Лэнгдон всё же надеялся вынести собранные доказательства *вверх* и *наружу* из Порога... а не углубляться в него ещё дальше.

В лучшем случае тот, кто вошёл в Порог вслед за ними, не представлял угрозы, но Лэнгдон и Кэтрин не стали мешкать и начали спускаться, стараясь оторваться от преследования. Добыв наконец нужные доказательства, им оставалось лишь найти выход *наружу.*

Спиральный спуск привёл их к основанию пандуса как раз в тот момент, когда сверху донёсся пугающий звук — быстрые и чёткие шаги в жёсткой обуви по бетону, ускоряющиеся с каждой секундой. Это явно был не уборщик.

«Надо *валить* отсюда!» прошептал Лэнгдон.

У нижнего конца пандуса находилась ещё одна раздвигающаяся стена, точь-в-точь как та, что была выше. Они устремились через неё и очутились в жутковатом коридоре длиной около десяти метров. При тусклом свете матово-черные стены, потолок и пол создавали атмосферу скорее мавзолея, чем технологического объекта.

«Тут совсем другой мир…» прошептала Кэтрин.

Где бы они сейчас ни находились, Лэнгдон понимал, что у них есть меньше двадцати секунд, чтобы спрятаться. Спиральный спуск полностью дезориентировал его, и выход к Бастиону Распятия казался всё дальше с каждым шагом. Если их обнаружат так глубоко под землёй, думал Лэнгдон, вряд ли удастся быстро поднять тревогу и скрыться.

Они пробежали по мрачному коридору, справа миновав длинное окно, за которым в темноте мерцали зелёные и красные огоньки. Лэнгдон едва различал силуэты десятков массивных серверных стоек, заключённых в сетчатую клетку.

«Клетка Фарадея…» прошептала Кэтрин. «Это должны быть квантовые компьютеры».

Лэнгдон слабо разбирался в квантовых компьютерах, за исключением того, что они требуют защиты от космических лучей и другого излуче-

ния. *Ещё одна причина, почему Порог находится под землей?*

Пробегая мимо входа в серверную, Кэтрин не замедлила шаг, очевидно, интуитивно соглашаясь с Лэнгдоном: не стоит запираться в буквальном смысле в металлической клетке.

Коридор резко поворачивал налево, и, завернув за угол, они увидели мягкий свет, который освещал более длинный участок такого же чёрного коридора.

«Вон там!» прошептала Кэтрин, указывая на дальний конец зала.

То, что было впереди, действительно обещало луч надежды, но в этот момент Лэнгдон вновь услышал за спиной неоспоримые звуки приближающихся шагов.

Мы не успеем добежать.

Впереди коридор упирался в металлическую дверь, над которой была выведена надпись на самом универсальном и понятном языке в мире — символ, значение которого передавалось мгновенно.

Символ восходящей лестницы был долгожданным зрелищем, и Лэнгдон не сомневался: если подняться по ней обратно наверх, можно будет выбраться к выходу у Бастиона тем же путем, каким они пришли.

Но мы не успеем добежать до лестницы незамеченными, подумал он, слыша, как шаги звучат всё ближе.

Впереди по коридору было ещё два входа, оба справа. Лэнгдон уже разглядел, что ни один из них не сулит спасения.

Первая дверь, совсем рядом, была помечена как КЛАДОВКА. Если она походила на медицинскую кладовку наверху, внутри окажется длинный лабиринт полок с датчиками движения и без выхода. *Ловушка.*

Вторая дверь, чуть дальше, была гораздо крупнее и утоплена в небольшую нишу. То, что скрывалось за ней, видимо, имело большую важность, потому что Лэнгдон уже разглядел на ней знакомое защитное устройство — круглую

пластину чёрного стекла.

Сканер RFID… но у нас больше нет доступа.

Шаги сзади становились громче.

Поравнявшись с кладовой, Лэнгдон резко остановился — его осенила мысль. Одной из величайших загадок сознания был вопрос о том, *откуда* берутся идеи. Кэтрин считала, что разум — это приёмник, настраивающийся на поле всеобщего сознания. Гесснер считал, что мозг — это компьютер, триллионы нейронов которого просто решают задачи.

Сейчас Лэнгдону было всё равно, кто прав. Источник его идеи не имел значения.

Важно было лишь то, что он вдруг точно понял, что делать.

◆ ·· ◆

Почему он остановился?!

Кэтрин обернулась к Лэнгдону, который открывал дверь кладовки. Было ясно, что пробежать незамеченными до лестницы в конце зала не удастся, но прятаться в кладовке казалось самоубийством.

Она бросилась останавливать его, но Лэнгдон уже шагнул внутрь. Лампы дневного света вспыхнули, освещая узкий лабиринт полок, убегающий

в темноту. Не раздумывая, Лэнгдон схватил с полки бутылку жидкого чистящего средства и, словно игрок в боулинг, запустил её вдоль пролёта между стеллажами. Бутылка, не задев ничего по пути, проехала до самого конца, включая датчики движения в самых дальних уголках кладовки. Не дожидаясь, пока она достигнет стены, Лэнгдон выскочил обратно в коридор. Дверь он не закрыл до конца, оставив щель, через которую пробивалась полоска света в полумрак коридора. Затем он схватил Кэтрин за руку и потянул за собой как можно быстрее вперёд, к двери, ведущей к лестнице, которая всё ещё находилась в сорока метрах.

Они бежали, и её вдруг охватил оптимизм — она поняла хитрую задумку Лэнгдона. *Сейчас нам не нужно добираться до конца коридора…*

Как она и предполагала, пробежав нишу со сканером RFID, Лэнгдон резко свернул направо, затянув её за собой в углубление. Ниша была мелкой — чуть больше полуметра глубиной — они развернулись и прижались спинами к холодному металлу двери, вытянувшись во весь рост, надеясь, что ниши хватит, чтобы их не заметили.

Через мгновение в коридоре раздались шаги и замерли. Наступила долгая тишина.

Затем Кэтрин услышала хорошо знакомый звук взводимого курка.

Глаза Джонаса Фокмана резко открылись, и он понял, что дремал за столом. Он не мог точно сказать, что разбудило его так внезапно — возможно, это был шум дождя, который теперь барабанил в его окно, — но вставая, чтобы размяться, он с тревогой ощутил, как по спине вновь пополз холодок страха.

Всё в порядке, успокоил он себя. RL&KSRGUD.

ГЛАВА 109

Лэнгдон и Кэтрин стояли не шелохнувшись, плечом к плечу, почти не дыша. Их спины буквально прижались к стене, а точнее — к массивной металлической двери. Хотя им и удалось незаметно юркнуть в эту нишу, их появление сопровождалось предательским щелчком взводимого курка.

Лэнгдон замерев надеялся, что включенный свет в кладовой вызовет подозрения и туда отправятся с проверкой.

Нужна всего минута отвлечения внимания.

Если нет... они попали в ловушку.

Шаги снова послышались ближе. После нескольких напряженных секунд Лэнгдон увидел лучик надежды — слабый отблеск люминесцентного света на дальней стене. *Дверь в кладовку открыли!*

Внезапно свет погас, и Лэнгдон услышал щелчок закрывающейся двери. *Неужели он вошёл?!* Прислушиваясь к шагам, Роберт различал лишь тишину. Кэтрин пошевелилась рядом, и её рука нащупала его ладонь. Сначала он подумал, что она ищет поддержки, но затем почувствовал,

как она вкладывает в его руку маленький предмет. Вниз скользнул взгляд — в ладони лежало зеркальце, которое она только что достала из сумки.

Большим пальцем Лэнгдон раскрыл зеркальце и осторожно высунул его на сантиметр за край ниши. В крошечном отражении он надеялся увидеть пустой коридор. Вместо этого обнаружилась недвусмысленная фигура, приближающаяся неслышными шагами. Пожилой мужчина в тёмном костюме, с седыми волосами и в очках.

Кто бы это ни был, его не удалось обмануть. Пистолет в его руке был направлен прямо на них.

• •• •

Эверетт Финч всматривался вдаль над стволом наведённого пистолета SIG Sauer и осматривал коридор. Нарушитель был где-то рядом. Тот, кто проник на нижний уровень «Порога», явно пришёл не для того, чтобы прятаться в кладовой — у него иные цели.

И если он дошёл сюда, то опасной близко к раскрытию самой охраняемой тайны «Порога».

Продвигаясь вперёд, Финч сосредоточился на единственном возможном укрытии — нише с правой стороны, достаточно глубокой, чтобы

спрятать человека, прижавшегося к тяжёлой металлической двери.

Прижимаясь к левой стене, он двигался крадучись, не спуская пистолет с ниши. По мере приближения угол обзора увеличивался, открывая внутреннее пространство. Когда наконец показался левый край металлической двери, Финч резко сделал два шага вперёд, присев на корточки, и вынес руки с оружием, приготовившись стрелять.

К его удивлению, ниша оказалась пуста.

• •• •

Лэнгдон и Кэтрин стояли лицом к лицу, сердца бешено стучали.

Что только что произошло?!

Секунду назад, прижавшись к массивной двери, Лэнгдон увидел в зеркальце приближающегося с пистолетом человека и инстинктивно отшатнулся. Грудь нажимала на стальную поверхность с такой силой, что ему казалось — он теряет равновесие. Но в глазах Кэтрин застыло изумление, и до него вдруг дошло.

Дверь за их спинами... поддалась.

Лэнгдон снова навалился на дверь, к нему присоединилась Кэтрин. Пружинный меха-

низм сопротивлялся, но уперев ноги в пол, они толкнулись назад — дверь открылась. Это противоречило логике, учитывая RFID-сканер, но когда они проскользнули внутрь, Лэнгдон заметил в косяке кем-то втиснутый зелёный лоскут — явно, чтобы дверь не блокировалась.

Кто подпирал эту дверь?!

Опасаясь стрелка в коридоре, Лэнгдон выдернул зелёный материал из паза и тихо отпустил дверь. Щёлкнул замок. *Заперто*. В руке оказался не тканевый лоскут, а что-то виниловое или резиновое — снятые с искусственного фикуса у двери листья.

— Невероятное везение, — прошептал он, поражённый.

Но тревога Кэтрин не прошла. — Если только кто-то не позаботился о возможности *выбраться.*

— О чём ты?

Она указала на второй RFID-сканер рядом с фикусом. — Для выхода тоже нужна карта, Роберт. Кто-то пытался удержать дверь открытой... а мы себя заперли.

Голем взялся за маховик четвёртого баллона с гелием и повернул его вправо, как делал это

с первыми тремя. *Приближается конец.* После нескольких оборотов клапан окончательно закрылся, и панель управления тревожно запищала. Индикатор баллона № 4 стал красным. ВЫКЛ. Теперь подряд горели четыре красных предупреждающих индикатора, в то время как восемь других ещё светились зелёным.

То же самое он проделал с баллоном № 5, медленно поворачивая рукоять. ВЫКЛ.

Голем шёл вдоль ряда, перекрывая один клапан за другим. Каждый отключённый баллон сопровождался сигналом на панели управления и автоматическим переключением потока на резервный.

Несмотря на жажду завершить начатое, он дышал медленно и глубоко, стараясь предотвратить новый приступ. Цель была близка, и он заставлял себя действовать осторожно. Закрывая очередной клапан, повторял в уме план побега.

Двадцати минут хватит с лихвой...

Громкий сигнал тревоги отвлёк Голема. На панели мигали предупреждения, звук писка становился всё настойчивее. На экране значилось: *одиннадцать* баллонов отключены. Все, кроме № 12, были вручную отсоединены от системы. Главное — девять из них показывали 100 %-ую

наполненность.

Тысячи килограммов жидкого гелия в этом крошечном пространстве.

Голем глубоко вдохнул, в последний раз мысленно проверил план, затем взялся за маховик двенадцатого баллона.

Это для тебя, Саша, — подумал он, начиная поворачивать клапан.

«Порог» построен на твоей крови. На нашей крови.

Клапан остановился, полностью перекрыв поток.

А теперь я его уничтожил.

В штаб-квартире ЦРУ в Лэнгли директор Джадд сидел один в секретной комнате связи, обдумывая реакцию на увиденное в шокирующем видео. Техническая команда уже удалила его из сети, но это слабое утешение — человек, допрашивавший Гесснер, мог в любой момент выложить запись снова.

В случае утечки, сомнений не было — видео разлетелось бы по миру мгновенно. В нем не только был показан жестокий допрос известного ученого, но и содержалось признание, раскрывающее

существование сверхсекретного разведывательного проекта США… включая его расположение… технологические прорывы… и использование недобровольных человеческих подопытных.

Последствия будут несопоставимы ни с чем, с чем когда-либо сталкивалось ЦРУ.

ГЛАВА 110

Лэнгдон оглядел маленькую комнату, в которую они с Кэтрин только что сбежали.

Что бы это ни было… я только что запер нас здесь.

Помещение явно было уютнее стерильного коридора снаружи: тут лежал ковер, стояло несколько реалистичных искусственных деревьев и даже висели абстрактные картины. Впереди виднелся арочный проход, и Роберт с тревогой разглядывал его. За ним широкий бетонный туннель уходил влево и скрывался из вида. Три детали мгновенно вызвали у Лэнгдона дурное предчувствие.

Во-первых, в туннеле уже горел свет — бледно-голубой на серых стенах — что намекало на возможное присутствие кого-то еще. Во-вторых, пол туннеля уходил под уклон, и Роберт не решался углубляться *еще ниже*. И наконец, ясно было, что система с RFID-картами для входа *и* выхода означала: туннель ведет в самую защищенную зону «Порога» — а не к выходу.

На мгновение Лэнгдон задумался, не лучше ли сдаться, но росло подозрение, что тот элегантный

пожилой человек, преследующий их, и есть сам мистер Финч — человек, который, по словам посла, не брал пленных и ни перед чем не остановится ради защиты «Порога».

Надо где-то спрятаться… и немедленно.

Лэнгдон догнал Кэтрин в туннеле, который привел их к очередному арочному порталу. Вход был обрамлен элегантным черным камнем, с широкой матовой стеклянной дверью. На полупрозрачной поверхности красовался знакомый символ:

Лэнгдон и Кэтрин переглянулись. Похоже, все, что они видели до этого — роботы-хирурги, VR-лаборатории, искусственные нейроны и чипы — было лишь прелюдией к тому, что ждало их за этой дверью.

На адреналине Лэнгдон подошел к двери и приоткрыл ее, чтобы заглянуть внутрь. К его удивлению, взгляд сам потянулся в направлении, которого он никак не ожидал на такой глубине.

Вверх.

Лэнгдон поднял глаза и увидел высокий купол потолка — вогнутый свод, мягко подсвеченный снизу. Круглый купол напомнил ему планетарий, хотя Роберт знал, чем это было раньше. *Купол — самая прочная архитектурная форма*. Это был «бункер-убежище» Фолиманки — безопасная комната для укрытия во время атаки, самое защищенное и глубокое место.

Лэнгдон когда-то видел другой секретный подземный купол — тоже принадлежавший правительству США — скрытый под полем для гольфа курорта Гринбриер в Западной Вирджинии. Более тридцати лет частное убежище от ядерного удара для Конгресса США, Бункер Гринбриер, оставалось одной из самых охраняемых тайн Америки, пока *Washington Post* не опубликовал разоблачение в 1992 году.

Лэнгдон опустил взгляд и осмотрелся. *Это точно не планетарий*. Зал был огромным и идеально круглым — он не походил ни на что из того, что Роберт видел в жизни.

• •• •

Что это за место?

Ошеломлённая Кэтрин вошла вместе с Лэнгдоном под купол. На первый взгляд помещение

напоминало командный мостик космического корабля из фантастического фильма.

В центре зала возвышалась круглая платформа, где двадцать современных рабочих мест располагались по кругу, все наружу. Каждая консоль представляла собой сложный кокпит — что-то вроде авиа-тренажёра.

Когда Кэтрин опустила взгляд на пол, она не сразу смогла понять, что перед ней. На мягком ковровом покрытии вокруг командного мостика был расположен целый венчик из блестящих металлических капсул, расходившихся лучами, как спицы колеса. Каждая глянцевая капсула напоминала образец современного искусства — минималистичную обтекаемую оболочку из чёрного металла длиной три метра, сориентированную на соответствующую консоль на мостике.

Озадаченная, она подошла к ближайшей капсуле и заметила, что верхняя часть каждой представляет собой выпуклую панель из тонированного стекла, настолько точно подогнанную, что швов не было видно. Она заглянула внутрь, но увидела лишь темноту.

— Что это? — прошептала Кэтрин, когда Лэнгдон подошёл к ней.

Он осмотрел капсулу и нажал на едва заметную кнопку в её боковой части. Раздался шипящий звук, будто сработал вакуумный клапан, и стеклянная крышка плавно поднялась на петлях. Внутри загорелся мягкий свет, открывая обитую мягкой тканью кабину, похожую на спальную капсулу будущего.

Или гроб.

— Это более продвинутая версия, — сказал Лэнгдон, — той капсулы, что мы видели в лаборатории Гесснер.

Кэтрин кивнула, разглядывая крепления на липучках и разъём для капельницы. Эта машина явно унаследовала черты того примитивного прототипа, в котором они видели тело Гесснер... устройства для анабиоза, способного удерживать критически раненного пациента на грани смерти часами.

Более крупная и усовершенствованная модель оснащалась специальной подушкой-ложем с кожаной обивкой и отверстием, подогнанным под размер черепа. Отверстие очень напоминало «зондирующую полость» магнито-энцефалографа — область с магнитными датчиками для фиксации нейронной активности, — правда, Кэтрин предположила, что если здесь использу-

ются мозговые чипы, то отверстие скорее всего содержит технологию ближнего поля или сверхширокополосную связь, обычно применяемую для взаимодействия с имплантами.

Беспроводное общение прямо сквозь череп, подумала она, почувствовав дрожь. Если испытуемому имплантирован полностью интегрированный H2M-чип... и этот чип обеспечивает мониторинг в реальном времени...

В голове у Кэтрин закружилось, когда она начала осознавать истинное предназначение этого помещения. Невероятно, но она с Робертом как раз весь день обсуждала эту тему — изменённые состояния сознания, внетелесные переживания, психоделические трипы, эпилептическое постиктальное блаженство. В сознании всплывали обрывки понятий: фильтры восприятия, всеобщая связь, скрытые способности человека воспринимать гораздо более широкий спектр реальности.

Теперь она поняла: эти сияющие саркофаги — завершающий элемент исследовательского проекта, который ещё час назад она сочла бы абсолютной фантастикой.

Неужели это происходит на самом деле?

Рядом с ней Лэнгдон оторвал взгляд от кап-

сулы и окинул взглядом весь купол. — Но я не понимаю... для чего именно предназначена эта комната?

Ответ на его вопрос, знала Кэтрин, был одновременно прост и поразителен. Это место создано, чтобы раскрыть величайшую тайну жизни... предельное изменённое состояние разума... самый неуловимый из человеческих опытов.

Ощущая серьёзность момента, Кэтрин протянула руку и тихо взяла его ладонь.

— Роберт, — прошептала она. — Они построили лабораторию смерти.

Лаборатория смерти.

ГЛАВА 111

Пока Лэнгдон осознавал значение ошеломляющего откровения Кэтрин, в его голове роились новые вопросы. *Зачем ЦРУ изучает смерть? Что они надеются найти?* Как бы увлекательно ни звучала перспектива познать суть смерти, Лэнгдон опасался, что это помещение служит куда более мрачной цели, чем просто изучение человеческого сознания или смерти. Сама мысль о том, чтобы погружать человека в «состояние смерти» без жизненной необходимости, казалась ему безнравственной. *Даже если пациент находится под действием препаратов или не помнит пережитого…*

— Мне нужно узнать *всё* об этих исследованиях, — сказала Кэтрин, продвигаясь дальше между капсулами.

— Нам нужно двигаться, — торопливо произнёс Лэнгдон, нервно оглядываясь на вход.

Он быстро догнал её и указал на дальний край купола, где виднелась надпись СИСТЕМЫ/КОММУНИКАЦИИ. Вряд ли в подсобном помещении был выход, но там хотя бы можно было спрятаться, и лучшего варианта Лэнгдон не ви-

дел. *Выхода нет.*

Они поспешили через лабиринт капсул, и на середине пути Лэнгдон разглядел, что доступ в техническую зону обеспечивался не через дверь… а через большой прямоугольный проём в полу.

Ещё глубже под землю?

Были ли там ступени, лестница или лифт, мысль спускаться ещё ниже не вызывала у Лэнгдона энтузиазма.

Как оказалось, спускаться всё равно не пришлось бы.

Позади них прогремел оглушительный выстрел. Грохот оружия разнёсся под куполом. Лэнгдон и Кэтрин резко обернулись, застыв на месте, когда к ним приблизился седовласый мужчина в тёмном костюме, держа оружие нацеленным на них.

— Доктор Соломон и профессор Лэнгдон, я полагаю? — спокойно произнёс он. Голос показался Лэнгдону знакомым — тот же южный акцент, что он слышал по громкой связи у посла.

Финч.

— Вы играете в опасную игру, — сказал он, приближаясь. — Боюсь, для вас она закончится плохо.

Финч знал, что ничто не обескураживает так, как выстрел в замкнутом пространстве. В кино люди от этого бегут, но в жизни — цепенеют. Он с удовольствием наблюдал, как Лэнгдон и Соломон застыли на месте, подняв руки раскрытыми ладонями вверх — универсальный знак капитуляции. Его цели перешли в *режим реакции*, и Финч держал все козыри.

— Положите сумку, доктор Соломон, — приказал он на случай, если там было оружие.

Соломон повиновалась, опустив сумку на пол. Финч заметил, что там лежит толстый чёрный файл… без сомнения, один из засекреченных документов, которые они собрали по пути.

Вы мне всё упрощаете.

По всем показателям, эти двое проникли в секретный правительственный проект и похитили материалы высшей степени секретности. Если Финч пристрелит их, расследования не последует, особенно учитывая, как далеко они проникли в охраняемый объект. По иронии, именно для *смерти* и была предназначена эта комната.

Тем не менее, Финчу нужны были их показания… чтобы выяснить, кто ещё вовлечён и как

именно. Посол Нагель, безусловно, виновен — он не только перешёл Финчу дорогу, но и угрожал ведомству. *Чрезвычайно плохая идея.* Директор Джадд наверняка уже задержал посла и разберётся с ним по всей строгости.

Неизвестная переменная — Саша Весна, подумал он, вспомнив эпилептический стимулятор, найденный наверху. Ему всё ещё трудно было поверить, что Саша убил двоих. *Вопросы на потом*, сказал он себе. *Сейчас нужно решить текущую проблему… двух пленников.*

С тактической точки зрения, вести Лэнгдона и Соломон из здания под дулом пистолета было неразумно. Несмотря на отменную для семидесятилетнего форму, миниатюрный Финч вряд ли справился бы с шестифутовым Лэнгдоном в случае непредвиденного, а длинный путь к бастиону давал слишком много возможностей для неожиданного нападения. Запасной вход в «Порог» был ближе, но там шли строительные работы под охраной американских солдат. Появление Финча с двумя соотечественниками под прицелом вызвало бы лишние вопросы.

Значит, будем ждать, решил он, уже вызвав подкрепление, обнаружив тело Хаусмора. *Помощь в пути.*

Допрос пройдёт в «Пороге», с гордостью решил Финч. Его объект обеспечивал полную секретность и *эффективность*. Капсулы для ЭПР могли стать весьма убедительным инструментом, а местная аптека располагала всем необходимым для допросов, включая препараты для стирания памяти — на случай, если потребуется, чтобы «ничего этого никогда не было».

Медленно приближаясь к пленникам, Финч был уверен, что полностью контролирует ситуацию. Единственный его промах — незначительный — заключался в том, что он не проверил обойму в пистолете Хаусмора, но, не обнаружив следов перестрелки наверху, был почти уверен, что в SIG Sauer P226 почти полный магазин.

Финч предпочитал не применять оружие — по крайней мере, пока — но знал, что придётся, если Лэнгдон и Соломон решат напасть. *Нужно сохранять их в спокойствии.* Лучший способ контролировать пленников — отвлечь их мысли. К счастью, Лэнгдон и Соломон всё ещё находились под впечатлением от увиденного, и чем больше Финч расскажет о «Пороге», тем яснее станет руководству, что они знают слишком много, чтобы выйти отсюда живыми. Совсем.

— Не нужно стрелять, — заявил Лэнгдон, когда

Финч остановился перед ними с наведённым пистолетом. — Мы подпишем ваши документы о неразглашении. Скажите, что вам нужно.

— О, этот момент прошёл, — холодно ответил Финч. — Вы проникли в засекреченный объект и видели слишком много.

— Верно, — возмущённо сказала Соломон. — Я видела, как вы украли мой патент. Её бесстрашие показывало, что она ещё не осознавала всей опасности. — Мы ничего не крали, доктор Соломон, — спокойно произнёс он. — У вас не было патента.

Он, как вы помните, был отклонён.

— Но зачем все эти военные маневры?! — возмутился Лэнгдон. — Почему нельзя было просто связаться с Кэтрин или её издателем и объяснить...

— Потому что мы не самоубийцы, — резко оборвал Финч. — Спросите доктора Соломон, как она относится к передаче исследований военным. Она дала разгромное интервью на эту тему. Я не мог рисковать, что она сделает достоянием общественности интересы ведомства. К тому же, мистер Лэнгдон, у нас не было времени. Всё решилось вчера ночью очень быстро...

— Какие эксперименты вы здесь проводите? —

Это что?! — Кэтрин не сдержала восклицания, разглядывая капсулы EPR с нескрываемым изумлением. — Вы изучаете *смерть*?

— Насколько глубоко вы хотите это узнать? — Финч зловеще кивнул в сторону ближайшей капсулы. — Забирайтесь внутрь — я покажу.

— В этом нет необходимости, — сказал Лэнгдон. — Забирайте свою секретную папку. Мы подпишем соглашение о неразглашении. Мы видели часть вашего объекта, но почти ничего не поняли.

Финч усмехнулся. — Умные люди притворяются глупыми? Это никогда не выглядит убедительно, профессор. Позвольте мне просветить вас.

— Пожалуйста, не надо, — сказал Лэнгдон. — Думаю, мы бы предпочли *не* знать, что вы здесь делаете.

— Ну, это кажется не совсем справедливым, — улыбнулся Финч. — Учитывая, что доктор Соломон помогла это *создать*.

Голем уже ступил на пневматический подъемник, собираясь подняться обратно в купольный зал, когда раздался выстрел. Встревоженный, он тут же сошел с платформы и замер в тишине под

проемом.

Разговор наверху был отлично слышен.

Вооруженный мужчина только что взял в заложники двух человек в куполе, назвав их доктором Соломон и Робертом Лэнгдоном. Голем понятия не имел, зачем эти американцы спустились сюда, но ни один из них не заслуживал смерти.

Однако человек с пистолетом, несомненно, *заслуживал*. Голем быстро понял, что это должен быть Эверетт Финч — тот самый, кого, по словам Гесснер, называли главным вдохновителем «Порога».

Голова змеи. Во плоти.

Вселенная только что преподнесла Голему неожиданный подарок — шанс устранить главного предателя Саши… человека, создавшего этот дом ужасов.

Какой бы заманчивой ни была перспектива убить Финча, задача казалась почти невыполнимой. У Голема оставался лишь электрошокер с единственным зарядом — никакого соперничества с огнестрельным оружием — а поднявшись на пневматической платформе, он окажется на виду в глубине купольного зала, полностью беззащитный.

Время уходит, — напомнил он себе, оценивая, что у него есть лишь минут пятнадцать до детонации комнаты и превращения ее в мощную бомбу.

Долгое ожидание здесь означало верную смерть, и он размышлял, не стоит ли ему вернуться по длинному служебному тоннелю к хранилищу SMES и попытаться остановить взрыв. Поворотный механизм герметичной двери требовал немалых усилий для закрытия при выходе, и он опасался, что для ее открытия у него просто не хватит сил.

Опасная ставка без моего жезла, — подумал он.

Голем был готов отдать свою жизнь за мистера Финча, но понимал, что не может принимать это решение за Сашу. Если он не сбежит и не освободит ее, она больше никогда не увидит дневного света.

ГЛАВА 112

В призрачном свете купола, окруженные капсулами анабиоза, Роберт Лэнгдон стоял рядом с Кэтрин и изучал своего похитителя. Эверетт Финч оставался на безопасном расстоянии в пять ярдов, непринужденно опираясь о капсулу и не опуская пистолет.

Учитывая напряженность ситуации, спокойствие Финча казалось тревожным. В этом человеке чувствовалась ледяная отстраненность, которая говорила о том, что он способен на всё необходимое.

«Будущее будет принадлежать тем, кто создаст первый по-настоящему работающий интерфейс между человеком и машиной», — начал Финч. «Беспрепятственное общение между людьми и технологиями. Никаких клавиатур, голосового ввода, экранов… просто *мысль*. Одни только финансовые последствия способны породить новую мировую сверхдержаву, но *практические* применения, особенно в разведывательной деятельности… невозможно даже представить».

Лэнгдон предполагал, что жизнеспособная технология H2M в неправильных руках может

превратить самые страшные оруэлловские кошмары в безобидные фантазии.

«По этой причине, — продолжал Финч, — ЦРУ неустанно работало, чтобы не отставать от биотехнологических гигантов — Neuralink, Kernal, Synchron и других, — у которых есть бездонные финансовые запасы и одна цель: первыми создать мозговой имплант, способный к настоящей высокоскоростной коммуникации между человеком и машиной. К нашему счастью, все они столкнулись с одной и той же проблемой».

«Интерфейс, — сказала Кэтрин. — Как создать искусственные нейроны».

Финч кивнул. «У Neuralink были скромные успехи, но явно недостаточные. Недостающий элемент оказался проектом, над которым ЦРУ, к счастью, работает уже два десятилетия».

«Украденным из патента Кэтрин», — добавил Лэнгдон.

«Повторяю, у доктора Соломон нет никакого патента. Если бы он *был*, мы бы изъяли его в интересах национальной безопасности. Проблема принудительного отчуждения в том, что этот процесс может быть конфликтным и публичным, раскрывая именно то, что агентство хочет сохранить в тайне».

«Что вы делаете с моей разработкой? — потребовала знать Кэтрин. — Что такое «Порог»?»

Финч свободной рукой снял очки и медленно потянул шею. «Доктор Соломон, вы, вероятно, помните, как Caltech создал имплант, который подключался к зрительной коре мозга и мог фактически «видеть» то же, что и его носитель».

«Конечно, помню, — ответила Кэтрин. — Имплант фиксировал оптические сигналы, проходящие через зрительный нерв, преобразовывал их и передавал в реальном времени».

Лэнгдон не был знаком с этой технологией, но она звучала как внутренняя камера GoPro — способ смотреть *чужими* глазами. *Порог следит за тем, что видят люди?* Если так, то это абсолютно новый вид наблюдения. Лэнгдон поднял взгляд на экраны, опоясывающие купол, и представил трансляции с точки зрения людей в их повседневной жизни. *Но тогда зачем капсулы?*

«Агентство работало над чем-то подобным, — сказал Финч, — но гораздо более продвинутым — имплантом, который может фиксировать то, что воспринимается не *глазами*… а *внутренним зрением*».

Для Лэнгдона фраза «внутреннее зрение» вызвала ассоциации с цветной точкой *бинди*, которую

носят между бровями, символизирующей врата к духовной мудрости, также называемой Третьим Глазом.

«Ваше внутреннее зрение, профессор, — продолжил Финч, заметив его замешательство, — это механизм, с помощью которого ваш мозг видит *без помощи* глаз. Когда вы закрываете глаза и представляете свой родной дом, возникает яркий образ. Это ваше *внутреннее зрение*. Ваш мозг не нуждается в визуальной информации, чтобы создавать детальные изображения. Он непрерывно воспроизводит воспоминания, фантазии, мечты, воображаемые картины. Даже когда вы спите, ваш мозг создаёт образы в форме сновидений и кошмаров».

«Неужели вы действительно смогли создать… — Кэтрин замолчала, подбирая слова.

«Да, — ответил Финч с налётом гордости. — «Порог» создал имплант, который может видеть содержание внутреннего зрения. Теперь мы можем наблюдать полный спектр образов, возникающих в мозгу… видеть их в реальном времени, в мельчайших подробностях».

По ошеломлённому выражению Кэтрин Лэнгдон понял, что это был революционный прорыв в нейробиологии. Он знал, что учёный из Уни-

верситета Киото недавно заявил о технологии, записывающей сны и воспроизводящей их в виде примитивного видео, но та методика была основана на ИИ, переводящем данные МРТ в приблизительные изображения. То, что описывал Финч, звучало как гигантский скачок.

Порог шпионит за воображением?

Лэнгдон задумался, не связано ли это с идеей Кэтрин о мозге как приёмнике. Ведь если имплант может увидеть образ, *появляющийся* в мозгу, возможно, он способен определить, *откуда* этот образ пришёл. Хранится ли он *внутри* физической памяти, как утверждают материалисты? Или он поступает *извне*, как считала Кэтрин в своей теории нелокального сознания?

«Этот имплант… реально работает? — наконец выдавила Кэтрин. — Такая технология может перевернуть исследования сознания…»

«Безусловно, — согласился Финч. — Но «Порог» сосредоточен исключительно на национальной безопасности».

Лэнгдон увидел, как Кэтрин побледнела, оглядывая капсулы анабиоза под куполом. «Анабиоз… — прошептала она, поворачиваясь к Финчу с ужасом. — Вы доводите людей до грани смерти… и смотрите, что они *видят*? Вы *наблюдаете* око-

лосмертные переживания?»

«В определённом смысле да, конечно, — ответил Финч. — Как вам хорошо известно, этот тонкий «порог» между жизнью и смертью — место поистине мистическое».

Финч сделал паузу, позволяя словам усвоиться.

Порог.

Лэнгдон только сейчас осознал это значение термина.

«Оказываясь на грани жизни и смерти, люди *видят* то, *знают* то, *понимают* то, что в обычном состоянии недоступно, — продолжал Финч. — Почти полвека агентство ведёт исследования в области экстрасенсорного восприятия, стремясь использовать скрытые ресурсы человеческого разума для разведки. Мы привлекали ясновидящих, медиумов, пророков, специалистов по прекогниции и даже осознанным сновидениям. Но даже самые одарённые умы не могут сравниться с тем, что открывается в изменённом состоянии, сопровождающем смерть».

Об этом писала Кэтрин… — понял Лэнгдон, вспомнив её теорию химии смерти: при умирании уровень ГАМК резко падает, фильтры мозга исчезают, и мы получаем гораздо больше информации о реальности. Лэнгдону невольно

пришло в голову, что если обострённое восприятие действительно является мистическим даром, сопровождающим смерть, то использование его в военной разведке каким-то образом… кощунственно.

— Сложность в том, — сказал Финч, — что переживания, близкие к смерти, мимолётны и сбивчивы. Когда ты приходишь в себя и пытаешься их вспомнить, это похоже на попытку утром вспомнить сон: образы расплывчаты и быстро исчезают.

— И теперь вы можете *записывать* эти переживания? — удивилась Кэтрин.

— Да, и более того, мы можем в реальном времени направлять разведчиков с *внешней* стороны. — Финч указал на ряд кабин и экранов, каждый из которых был связан с капсулой, напоминающей гроб. — Когда этот комплекс заработает на полную мощность, стены будут передавать прямые кадры из сознания людей, пребывающих в наивысшем изменённом состоянии — на грани смерти, что, как вам известно, доктор Соломон, обычно приводит к…

— Выходу из тела, — тихо сказала она. — Нелокальное сознание…

Лэнгдон вспомнил распространённые истории

пациентов, «умирающих» на операционном столе, которых затем удавалось оживить, и они рассказывали, как парили над своими телами или над самой больницей. *В смерти мы оставляем свои тела.*

— Именно так, — подтвердил Финч. — Когда испытуемый в одной из этих капсул оказывается на грани смерти, его сознание высвобождается. Мощный разум становится, если угодно… душой… сознанием *за пределами* физического тела. Мы называем человека в таком состоянии «психонавтом». И, когда это происходит, мы можем точно отслеживать, что воспринимает психонавт, когда покидает капсулу, поднимается сквозь купол и выходит в мир. На этих экранах мы увидим запись с точки зрения освободившегося разума… полный переживание нелокального сознания, если хотите.

Этого не может быть на самом деле, убеждал себя Лэнгдон, и всё же Кэтрин слушала так, будто всё это представлялось ей абсолютно логичным. Она выглядела заворожённой, словно совсем забыла, что человек, разговаривающий с ней, держит в руке пистолет.

Это её Святой Грааль, напомнил себе Лэнгдон.

В мире Кэтрин внетелесные переживания яв-

лялись самым убедительным доказательством нелокального сознания, однако они были мимолётны и далеки от настоящих *доказательств.* Человек, утверждавший, что парил вне своего тела, описывал субъективный опыт, пережитый в одиночестве и в изменённом состоянии сознания. Никаких свидетелей… никакого научного подтверждения. А невозможность воспроизвести эти мистические феномены в контролируемых условиях — как называла это Кэтрин, кризис воспроизводимости — регулярно ставила под сомнение правдивость подобных рассказов. Однако этот комплекс, возможно, наконец-то предоставит *доказательство*, что человеческое сознание может существовать отдельно от тела — и это станет переломным откровением, способным изменить наши представления о жизни.

И также о смерти, подумал Лэнгдон, вспомнив доводы Джонаса Фокмана, заплатившего баснословные деньги за рукопись Кэтрин: Доказательство нелокального сознания напрямую говорит о главной надежде человечества — существовании жизни после смерти… Эта тема имеет всеобщий резонанс и огромный коммерческий потенциал.

— Что это за кабины? — спросила Кэтрин, ука-

зывая на возвышение.

— Верьте или нет, — ответил Финч, — это места для *пилотов.* Мы все еще работаем над системой пилотирования, но, как вы можете себе представить, два вживленных мозга могут общаться способами, которые мы только начинаем понимать. Внетелесное состояние — это запутанный мир, поэтому «психонавта» связывают с «заземленным сознанием», которое помогает управлять процессом. Человек в кабине выступает в роли своего рода *духовного проводника.*

Кэтрин уставилась на него, на мгновение потеряв дар речи. — Вы хотите сказать, что управляете... *несвязанным сознанием*?! Как буд-то... дроном?

Финч улыбнулся, явно наслаждаясь ее потрясением. — Я знал, что вы поймете, доктор Соломон. Вы абсолютно правы... Когда этот купол заработает на полную мощность, эти кабины обеспечат работу небольшого отряда пилотов, которые будут управлять целым флотом *невидимых* дронов. Мы сможем отправлять их в любую точку мира, чтобы наблюдать за чем угодно — полями сражений, штабами, залами заседаний. Их невозможно обнаружить. От них нельзя скрыться.

И это полная ерунда! — Лэнгдон чуть было не

выкрикнул. *Безумие... чистая фантастика.* И все же он знал, что эти утверждения подкреплены теорией нелокального сознания, которая набирает все больше сторонников.

Несмотря на веру Кэтрин, Лэнгдон все еще не мог принять, что сознание способно покидать тело и при этом оставаться достаточно связанным с физическим миром, чтобы его наблюдать. Как серьезный ученый, он считал своей обязанностью сохранять скептицизм и рациональность перед лицом суеверий — но в случае с «Порогом» он столкнулся с парадоксом.

В какой-то момент... сам скептицизм становится иррациональным.

Чтобы сохранять недоверие к заявлениям Финча, Лэнгдону пришлось бы отбросить логику и игнорировать растущую гору доказательств. Во-первых, существуют тысячи медицински зафиксированных случаев околосмертных переживаний, которые описывают *в точности* этот феномен. Во-вторых, квантовая физика предоставила неопровержимые свидетельства, что сознание нелокально и функционирует способами, которые мы пока не в силах осмыслить. В-третьих, зафиксированы тысячи случаев «паранормальных» явлений — телепатии, предвиде-

ния, медиумизма, общих сновидений, внезапного проявления синдрома саванта — явлений, невозможных в рамках привычной модели, которые требовали от Лэнгдона либо радикально изменить свои взгляды, либо записать их в категорию, которую он менее всего любил: «Чудеса». Учитывая все доказательства, его отказ поверить в работоспособность «Порога» был столь же рационален, как если бы он, наблюдая лунное затмение, настаивал, что Луна — это миф.

— Роберт... — Кэтрин повернулась к нему, и в ее голосе звучал восторг. — Это меняет все! Это уже не теория... это *доказательство*, что сознание нелокально...

Лэнгдон кивнул, пытаясь представить, что она сейчас чувствует, узнав об экспоненциальном прорыве в области, которую она изучала десятилетиями.

Кэтрин снова обратилась к Финчу. — Научное сообщество должно узнать об этом. Нойетика...

— «Порог» — *не* научный проект, — резко оборвал ее Финч, и его жесткий тон мгновенно заполнил помещение. — Это операция военной разведки. Единственный истинный источник власти — *информация,* и в борьбе за понимание наших врагов этот купол — наше ядерное оружие,

инструмент тотального наблюдения. «Порог» — это новое поколение удаленного видения. ЦРУ десятилетиями шло к этой технологии.

Десятилетиями? Лэнгдон опешил. — Зачем ЦРУ вкладываться в проект, который звучит как «Звездные врата»..., провалившийся тридцать лет назад?

Взгляд Финча стал пронизывающим до неприличия. «Очень просто, мистер Лэнгдон. «Звёздные врата» никогда не давали осечки.» Он по-прежнему держал пистолет наготове, жестом охватывая просторное помещение. «Они просто эволюционировали... во нечто гораздо большее.»

ГЛАВА 113

В защищенной комнате связи штаб-квартиры ЦРУ директор Джадд нервно расхаживал, ожидая вестей из Праги. Подробная видео-исповедь Гесснер была катастрофой. В ней раскрывалось слишком много информации об их сверхсекретном объекте. Он только надеялся, что успеет вовремя замять это дело.

Концепция «Порога» была частью жизни Джадда уже несколько десятилетий, по крайней мере теоретически.

Когда молодой аналитик ЦРУ Грегори Джадд получил примерный набросок строительной площадки с необычными механическими кранами, его попросили сравнить рисунок со спутниковым снимком того же места. Как и следовало ожидать, изображения оказались практически идентичными. Логично предположив, что художник *видел* это место лично — или хотя бы фотографию, Джадд доложил свои выводы.

Потом мне раскрыли правду, вспоминал Джадд.

На рисунке был изображен засекреченный российский объект в Сибири. Спутниковый снимок

сделали *после* создания рисунка. Художником же оказался молодой человек по имени Инго Сванн, никогда не покидавший США. Сведения он получил благодаря «удаленному наблюдению» — закрыв глаза, он переносил свое сознание в Сибирь... его взгляд парил над местностью, запоминая детали.

Бред, помнил Джадд свои тогдашние мысли, как и многие другие в агентстве.

Однако вопрос оставался... Как такое возможно?

Вроде бы ответ пришел в 1976 году, когда советский эмигрант Август Штерн признался, что работал в сибирском центре пси-разведки, успешно «просматривавшем» сверхсекретный американский военный объект. Описание Штерна оказалось настораживающе точным... вплоть до рисунка плитки на полу.

Ощутив себя застигнутыми врасплох, ЦРУ немедленно запустило первую в стране программу удаленного наблюдения, стремясь повторить успех СССР. Замаскированный под академическое исследование при Стэнфордском университете, проект прошел ранние этапы под кодовыми именами Grill Flame и Center Lane, прежде чем в 1977 году официально стал называться «Звездные

врата».

К удивлению ученых, первые участники программы — Инго Сванн, Пэт Прайс, Джозеф МакМонигл и другие — добились ошеломляющих успехов. Хотя стабильно достигать внетелесного состояния было сложно, они научились «проецироваться» и добывать поразительные разведданные.

Включая «восемь-мартини результаты», вспоминал Джадд — так называли успехи настолько потрясающие, что после них всем требовались коктейли для восстановления. Среди них: слежка за советским двукорпусным субмарином «Тайфун» в Арктике; обнаружение разбившегося бомбардировщика Ту-95 в Африке; нахождение похищенного бригадного генерала Джеймса Л. Дозье в Италии; разоблачение полковника КГБ в Южной Африке и еще дюжина казалось бы невозможных результатов.

В 1979 году Комитет Палаты представителей по разведке провел закрытую демонстрацию удаленного наблюдения, оставив многих законодателей в шоке. Демократ Чарли Роуз заявил: «Если у русских это есть, а у нас нет — у нас серьезные проблемы».

Программа «Звездные врата» продолжалась в

тайне до 1995 года, пока серия утечек не вызвала общественное возмущение. Выглядело это так, будто ЦРУ либо создавало армию пси-шпионов... либо транжирило налогоплательщиков на абсурдные эксперименты.

Вместо отрицания существования программы, агентство смущенно признало: да, «Звездные врата» существовали, но проект закрыт как провальный и пустая трата денег. Неправда, но надеялись, что признание утолит любопытство и убедит противников США не развивать пси-разведку.

Уловка сработала, хотя обидела вышедших на пенсию участников проекта.

Несколько человек написали книги:

Психокинерический воин: Правдивая история ведущего пси-шпиона Америки и заговора вокруг сверхсекретной программы ЦРУ «Звездные врата»

Пси-шпионы: Истинная история американской программы пси-войн

Ученик чародея: путь скептика в проекте ЦРУ «Звездные врата»

Программа «Звездные врата» и технология удаленного наблюдения: Документы ЦРУ о пси-шпионаже

Для агентства удобно, что, хоть в книгах и правда, звучало это так неправдоподобно, что почти никто не верил. Вместо судов и лишнего внимания, оно списывало это на фантазии неуравновешенных бывших сотрудников.

Но впереди были большие проблемы.

В 2015 году *Newsweek* опубликовал новый разоблачающий материал. Джадд запомнил слова отставного руководителя программы подполковника Брайана Базби, после двадцати лет молчания заявившего: «Я верил тогда, верю и сейчас. Это было реально и работало».

Тревожно звучало описание «удаленного» рисунка легендарного Агента 001 — Джозефа МакМонигла. Он изобразил огромную подлодку с двумя корпусами на секретной верфи России. По данным *Newsweek*,позже снимки подтвердили существование в Северодвинске массивного «Тайфуна», ставшего новой угрозой.

Будущий министр обороны Уильям Коэн сказал: «Концепция удаленного просмотра произвела впечатление... Изучение возможностей разума было и остается важным... Я поддерживал программу, как и сенатор Роберт Бёрд. Была группа людей, способных достичь особого уровня сознания.»

После статьи Джадд столкнулся с валом документалок о «Звездных вратах». Особенно тревожным был фильм *«Шпионы третьего глаза»*. Официально агентство его проигнорировало, но директор удивился, как много там было правды... включая версию, что провал программы тщательно инсценировали.

Доказательств нет... но они не ошибаются.

На самом деле, удалённое видение тихо продолжало жить в стенах Лэнгли, SRI International и Форт-Мида. Дымовая завеса провала «Звёздных врат» позволила агентству втихомолку планировать будущее программы — лучше финансируемую, гораздо более защищённую и технологически продвинутую версию самой себя… глубоко под землёй, в мире, далёком от её запятнанного прошлого, и под новым кодовым названием.

Так родился проект «Порог».

— Директор? — раздался в переговорном устройстве трещащий голос. — Она на связи.

Джадд вышел из грёз, подняв глаза на видеопередатчик перед собой. — Спасибо, — сказал он. — Соедините меня.

Спустя мгновение печать ЦРУ на экране растворилась, сменившись дерзким лицом посла

Хайде Нагель… в сопровождении двух морских пехотинцев США.

ГЛАВА 114

Кэтрин смотрела в дуло пистолета Финча, чувствуя, будто её резко вернули в реальность. Лаборатория смерти ЦРУ вовсе не занималась исследованиями сознания... Это был командный центр для нового ошеломляющего вида дистанционного видения, превращённого в оружие.

В мире нейтологии Кэтрин «Порог» стал бы величайшим триумфом. Ключом к пониманию нелокального сознания всегда было изучение внетелесного опыта, но на этом пути стояли две серьёзные преграды.

И «Порог» преодолел обе.

Первая заключалась в том, что состояния внетелесности редки, мимолётны и часто непредсказуемы. Лишь немногие особо одарённые личности способны «проецироваться по желанию», и даже они с трудом поддерживают это состояние больше минуты. Однако в «Пороге», используя капсулы Гесснер, *любой человек* мог быть принудительно введён во внетелесное состояние и удерживаться в нём час или дольше.

Пугающе, но факт.

Вторая проблема касалась *восприятия*. Воз-

вращаясь в тело, испытуемые почти мгновенно забывали пережитое, как сон, что затрудняло сбор достоверных данных для исследователей. Но теперь, благодаря нейронному имплантату «Порога», эти переживания можно было *записывать* и анализировать.

Этот прорыв в исследовании сознания мог раскрыть глубочайшие тайны человеческого разума, *включая саму природу смерти.* К величайшему разочарованию Кэтрин, вместо изучения загадок сознания и смерти, ЦРУ использовало нелокальное сознание для создания системы слежения невообразимого масштаба. Кэтрин всё ещё не могла поверить, что подобная технология реальна и так легко может быть превращена в оружие.

— Единственное, чего я не понимаю, — сказала Кэтрин. — Нейронный имплантат... Сетка интегрировалась так быстро...

— Я достаточно наслушался, — перебил Лэнгдон, бросая взгляд на пистолет Финча, всё ещё направленный на них. — Сэр, рукопись Кэтрин уничтожена. Она не будет публиковать книгу. Мы готовы подписать ваше соглашение о неразглашении. Можете убрать пистолет.

— В своё время, — ответил Финч, оглядываясь на дверь, словно ожидая кого-то.

— Рад, что доктор Соломон отметила столь быструю интеграцию её нейронной сетки. *Невероятно быстро*, отметила про себя Кэтрин. Согласно найденным записям, скорость слияния существующих нейронов Саши с *искусственными* в десять раз превышала естественные показатели или любые лабораторные результаты.

— Решение, — похвастался Финч, — это наша новая методика «вынужденного сотрудничества» — своеобразный совместный поиск решения. Благодаря виртуальной реальности одна и та же задача одновременно подаётся и в *мозг* испытуемого, и в имплантированный *чип.* Как вам известно, когда разрозненные нейроны понимают, что могут работать эффективнее, обмениваясь информацией, они формируют новые синапсы.»

Самые гениальные решения всегда просты, подумала Кэтрин, и эта стратегия была именно такой — элегантной в своей простоте. Предлагая *идентичную* задачу двум разным обрабатывающим устройствам — человеческому мозгу и компьютерному чипу — они заставляли эти две сущности сотрудничать… стимулируя их к максимально быстрому образованию синаптических связей. *Нейроны, которые* возбуждаются *одновременно…* связываются *между собой.* Этот процесс

назывался *геббовским обучением*, и он был известен в нейробиологии с 1930-х годов, когда Дональд Хебб обнаружил, что мозг, подвергаемый повторяющимся интенсивным нагрузкам, очень быстро формирует новые нейронные пути — почти так же, как у культуриста растут мышцы от тренировок.

«А наркотики в VR-лаборатории? — спросила Кэтрин. — Полагаю, психоделики усиливают нейропластичность?»

«Именно, — ответил Финч. — Помимо стимуляции роста, они делают головоломки сложнее, заставляя мозг фокусироваться сквозь туман. Это как марафонец, который тренируется в утяжелённых кроссовках. Дополнительная нагрузка ускоряет адаптацию».

Кэтрин была поражена. «Вы не могли взять эту идею из моей диссертации, — сказала она. — Это была задумка Бригиты?»

«В значительной степени, да. С ней было не всегда просто, и мы расходились во взглядах по многим вопросам, но без неё мы не построили бы «Порог»».

«Диссертация Кэтрин, — потребовал объяснений Лэнгдон. — Как у ЦРУ оказался к ней доступ?»

«Через подачу на премию Блаватника, — сказал он. — Там всегда собираются самые смелые идеи самых ярких молодых умов. Поэтому ЦРУ в те времена следило, чтобы в жюри обязательно входил кто-то из Стэнфордского исследовательского института».

SRI? Кэтрин удивилась, что не догадалась об этой связи сразу, как только узнала о причастности ЦРУ к исчезновению её рукописи. Стэнфордский исследовательский институт давно сотрудничал с ЦРУ, и некоторые конспирологи даже считали его родиной проекта «Звёздные врата». Член жюри премии Блаватника от SRI легко мог быть шпионом, прячущимся на виду.

«Когда твоя диссертация не получила даже почётного упоминания, — продолжал Финч — твой профессор из Принстона — кажется, Косгроув — устроил жюри настоящий допрос, особенно судье от Стэнфорда. Он догадался о причастности SRI и понял, что лучше отступить и никогда больше не поднимать эту тему».

«Мы хотим уйти, — заявил Лэнгдон. — Сейчас же».

«Вы не в том положении, чтобы диктовать условия, профессор, — возразил Финч. — Вы проникли на сверхсекретный объект и нарушили множе-

ство законов. И если вы надеетесь, что посол придёт вас спасать, сомневаюсь, что у неё сейчас есть возможность свободно перемещаться».

«Если мы с Кэтрин исчезнем, — в голосе Лэнгдона зазвучала угроза, — это заметят *многие*. Будет не то что с вашим анонимным подопытным Сысевичем».

«Вы ничего не знаете о том, что случилось с Дмитрием».

«Мы знаем, что вы использовали его как подопытного кролика, — сказала Кэтрин.

— Как и Сашу Весну».

«Они жили в муках, — резко парировал Финч. — Гесснер спасла их. Она вылечила их эпилепсию и дала им жизнь».

«*И это* ваше оправдание? — бросил вызов Лэнгдон. — У Дмитрия сейчас жизнь лучше? Мы видели его записи. Похоже, он умер здесь!»

«Профессор, — Финч перевёл пистолет на Лэнгдона. — Наверное, роскошь — жить в академических кругах и не сталкиваться с реальными проблемами нашей страны… не беспокоиться о тех, кто хочет уничтожить западный образ жизни. Мир крайне опасен, и такие, как я — единственная причина, по которой ваш Бостон до сих пор стоит. Я имею в виду это совершенно

буквально».

«Возможно, это так, — ответил Лэнгдон, — но это не даёт вам права экспериментировать на людях без их ведома.»

Финч уставился на него. — Высшая проверка совести человека — это его готовность пожертвовать чем-то сегодня ради будущих поколений, чьих слов благодарности мы не услышим.

— Если уж крадёшь цитату, — парировал Лэнгдон, — стоит понимать её смысл. Гейлорд Нельсон говорил о спасении окружающей среды, а не о жестокости с невинными людьми.

— Саша далеко не невинна, — сказал Финч. — Она убила доктора Гесснер.

— Это абсурд, — возразил Лэнгдон. — Саша обожала Бригиту. Не может быть.

— А ещё она прикончила моего оперативника наверху, — продолжил Финч. — Я почти не сомневался, что это *Саша* проникла в «Порог». Возле тела моего убитого офицера я нашёл эпилептический стимулятор… и он может принадлежать только одному человеку.

— Этот стимулятор *мой*, — раздался призрачный голос из темноты. — И я хочу его назад.

ГЛАВА 115

Финч резко обернулся и осмотрел комнату.

— *Кто, черт возьми, это сказал?!*

Акустика под куполом затрудняла определение, *откуда* именно раздались эти слова. Лэнгдон и Кэтрин выглядели так же напуганы.

— Где ты?! — крикнул Финч, не узнавая этот глухой мужской голос. В акценте явно слышались русские нотки. — Покажись немедленно!

Финч услышал слабое шипение воздуха — единственный звук, нарушающий тишину под куполом. Оно доносилось с задней части зала, позади Лэнгдона и Соломона. Когда его пленники повернулись на звук, Финч заглянул за них и понял, что шипение исходит от пневматического лифта, ведущего в технические помещения.

По мере подъема платформы все стали свидетелями зрелища, которое Финч не мог бы представить даже в самом страшном сне.

Из-под земли... поднималось чудовище.

Сначала показалось лицо — мертвенно-серая кожа без единой черты. Голова была лысой, скрытой под капюшоном черного плаща, а два холодных глаза будто приковались к Финчу

и его пистолету. Когда скрытое плащом тело полностью появилось из лифта, его руки были раскинуты в стороны, демонстрируя голые ладони, словно Возносящийся Христос.

Когда платформа остановилась, фигура сошла на пол и двинулась к ним, тяжелые ботинки глухо ступали по ковровому покрытию. Все еще раскинув руки в жесте покорности, он шел между бесчисленных капсул, черный плащ развевался. Теперь Финч разглядел, что голова и лицо чудовища были покрыты толстым слоем глины или грязи, а на лбу что-то было начертано. *Что за чертовщина?!*

— Стой! — закричал Финч, наконец обретя голос, когда существо приблизилось уже метров на десять. — Ни шагу дальше!

Чудовище послушалось, замерло, руки по-прежнему раскинуты.

Финч шагнул правее, чтобы получить чистый выстрел мимо Лэнгдона и Кэтрин.

— Кто ты?! *Что ты такое?!*

— Ты предал доверие Саши, — раздался глухой голос под куполом. — Я ее защитник.

— Саша тоже здесь? — потребовал Финч.

— Нет, она в безопасности. Она больше не увидит ничего из этого.

— А *ты* кто?

Тело чудовища внезапно дёрнулось, что, казалось, удивило его самого, но он взял себя в руки. — Я... — Голос сорвался, и на этот раз Финч заметил страх в его глазах. Руки, протянутые в жесте покорности, задрожали, и вся его решительность испарилась. — *Нет... не сейчас!* — пробормотал он, и в тоне теперь слышалась испуганная мольба. — Только не сейчас...

Внезапно чудовище рухнуло на пол, все его тело билось в конвульсиях. Оно перевернулось на спину, беспомощно дрожа на ковре.

Финч видел эпилептические приступы раньше, и хотя он не знал, кто это, присутствие этого человека объясняло, почему он нашел эпилептическую палочку наверху. *Это еще один пациент Гесснер? Извне программы?*

Чудовище тщетно рылось в карманах плаща, отчаянно пытаясь что-то найти.

— Это ты ищешь? — усмехнулся Финч, доставая металлическую палочку из кармана и приближаясь к беспомощной фигуре. — Скажи, кто ты, и я отдам её.

— Он не может говорить! — крикнул Лэнгдон. — Помогите ему, ради Бога!

— Хочешь свою палочку? — произнес Финч,

нависая над фигурой, которая оказалась не в состоянии управлять своими судорожными движениями, а её голова уже билась об пол.

— Помогите ему! — закричала Кэтрин.

Всё ещё сжимая пистолет, Финч присел рядом с конвульсирующим телом и поднес палочку к его глазам. — Может, для начала ты расскажешь мне...

Финч не закончил фразу.

Молниеносным, тщательно скоординированным движением дрожащая фигура резко поднялась и, подобно змее, нанесла удар рукой в грудь Финча. Раздалось шипение, вспыхнул синий свет, и жгучая боль пронзила тело мужчины. Финч выстрелил в стену камеры, его тело на мгновение свело судорогой, и он рухнул вперёд. Нападающий ловко отступил, оставив его лицом вниз лежать на полу.

При падении Финч почувствовал, как хрящи в его носу раздробились. Боль была поистине невыносимой, непохожей ни на что, что он испытывал в жизни. Кровь заливала его лицо, обездвиженное тело перекатилось набок. Он увидел, как закутанная фигура легко поднялась на ноги и наклонилась, подбирая упавшие пистолет и палочку. Массивные платформенные ботинки

оказались в сантиметрах от лица Финча. С трудом переводя дыхание, он попытался повернуть голову, скользя взглядом вверх по телу нападавшего, пока не увидел его лицо. Здесь его ждало новое потрясение — монстр, стоявший над ним, заставил Финча усомниться в том, что он всё ещё жив и не попал в ад.

Существо, глядевшее на него, едва можно было назвать человеком. Лицо его было землистым, изборождённым глубокими трещинами, словно сухая глина. На лбу зияло три глубоко прочерченных символа. В глазах твари не было ни капли жалости — её взгляд дал Финчу понять, что пощады ждать не приходилось.

Роберт Лэнгдон привык быстро анализировать сложную информацию. Но происходящее разворачивалось так стремительно, что он не успевал осмыслить ситуацию. Финч лежал на полу, дрожа и беспомощный. Закутанная фигура перед Лэнгдоном и Кэтрин выглядела словно костюмированный персонаж: голова и лицо покрыты плотным слоем глины, а на лбу были выведены еврейские символы.

Лэнгдон не очень хорошо читал на иврите, но эти легендарные буквы были ему знакомы. Они составляли слово «ЭМЕТ», и если эти символы высечены на лбу, их значение невозможно было перепутать.

Истина...

Голем Праги.

Прежде чем Лэнгдон успел осознать происходящее, в помещении раздался оглушительный вой сирены. Пронзительный звук тревоги вторгся в пространство купола, где замигали предупреждающие огни.

— *Бегите!* — рявкнул закутанный мужчина, показывая рукой на выход. — СЕЙЧАС! Это место вот-вот взорвётся!

Лэнгдон ухватился за слабую надежду, что ослышался. *Взорвётся?!*

— Мы закрыли дверь с RFID! — сказала Кэтрин. — У нас нет карты, чтобы выйти!

— Подойдите сюда! — Человек в плаще наклонился над продолжавшим трястись Финчем. В замешательстве Лэнгдон поспешил к ним и замер, увидев, как монстр вытаскивает из карманов Финча бумажник и достаёт чёрную карточку с надписью «PRAGUE», точно такую же, какую носила Гесснер.

— У вас есть 20 секунд, — прокричал он, едва перекрывая вой сирены, и, схватив руку Финча, прижал его палец к поверхности карты, пока зелёный индикатор не загорелся. Он тут же передал активированную карту Лэнгдону. «Двадцать секунд! Бегите!»

«А как же *ты*?!» — крикнул Лэнгдон.

«Я — Голем», — ответил человек. «Я умирал уже много раз».

• •• •

Да пребудет с вами Бог, — подумал Голем, с облегчением наблюдая, как Роберт Лэнгдон и Кэтрин Соломон выбегают из купола. *Они не заслужили смерти.*

С Финчем, однако, дело обстояло иначе.

Голем склонился над своим окровавленным пленником… кукловодом, стоявшим во главе этого проекта. В мерцающем свете купола Порога существо подошло к ближайшей капсуле EPR, нажало кнопку открытия и подняло крышку. Затем он поднял хиленького человечка над краем капсулы и швырнул его внутрь, словно это был уже бездыханный труп.

Глаза Финча вылезли из орбит, и он начал потихоньку приходить в себя, но было уже поздно.

Голем быстро пристегнул тяжелые липучки капсулы к его рукам и ногам, заточив пленника в гробоподобном чреве контейнера.

— Пожалуйста... остановитесь... — прохрипел мужчина, обретая дар речи.

Наклонившись к капсуле, Голем приблизил губы к самому уху Финча и прошептал: — Я бы хотел превратить твою кровь в лёд, дать тебе прочувствовать то, что я испытывал столько раз... но на это нет времени.

— Кто... вы... таковы? — запинаясь, выдохнул мужчина.

— Ты знаешь меня, — ответил Голем. — Ты *создал* меня.

Финч уставился вверх, впиваясь взглядом в нападавшего, его глаза отчаянно вглядывались в лицо чудовища. Но Голем не собирался доставлять ему удовольствие разгадки.

Спокойно глядя на свою жертву, Голем произнёс последние слова, которые предстояло услышать этому человеку. Затем он нажал кнопку на боковой панели капсулы и с удовлетворением наблюдал, как прозрачная крышка-«крыло чайки» опустилась на место, замуровав Финча внутри и заглушив его крики ужаса, потонувшие в тревожном воем сирены.

ГЛАВА 116

Лэнгдон и Кэтрин вырвались в коридор за пределами куполообразного зала, едва успев разблокировать RFID-сканер картой Финча, как устройство деактивировалось и замигало красным в руке Роберта.

В унисон они повернули направо, устремившись к лестнице в конце коридора. Скорее всего, эти ступени были более быстрым путём к выходу, чем извилистый маршрут, по которому они вошли.

В хаотичных вспышках вращающихся сигнальных огней они достигли двери в конце коридора и поспешили в мрачную бетонную лестничную клетку. Взбегая по ступеням через две, Лэнгдон всё ещё слышал глухой голос покрытого глиной существа, которое помогло им сбежать. *Всё это сооружение вот-вот взорвётся*. Как или почему это должно произойти, Роберт не знал, но судя по сиренам и аварийному освещению, в «Пороге» определённо произошла катастрофа — скорее всего, по инициативе самого этого человека.

Как знал Лэнгдон, одним из побочных эффектов страха — особенно страха *смерти* — была

абсолютная ясность цели. Несмотря на кашу из вопросов в голове о только что произошедшем под куполом, его мозг отключил этот шум и настроился на единственный канал.

Выживание.

Он повёл их к верхней площадке, где они с Кэтрин, запыхавшись, оказались перед металлической дверью с надписью АДМИНИСТРАЦИЯ. Не раздумывая, Лэнгдон распахнул её, и они очутились в ковровом коридоре с дубовыми панелями. Исчезли холодные, стерильные углы операционного центра; это место скорее напоминало офис солидной юридической фирмы из Кембриджа.

Они бросились по коридору мимо переговорных, кабинетов и в лабиринт рабочих кубов. Здесь Кэтрин резко остановилась, схватив за руку и Лэнгдона. В дальнем конце помещения женщина в деловом костюме спешно собирала вещи со своего рабочего места. Очевидно, «Порог» сегодня не был полностью покинут. В этот момент к ней подбежали двое молодых людей в костюмах, жестами показывая следовать за ними. Все трое скрылись, не оглядываясь.

За ними, подумал Лэнгдон. Они знают выход.

Когда те скрылись из виду, Лэнгдон и Кэтрин двинулись в том же направлении — предположи-

тельно, к главному входу, который они видели ранее на краю Фолиманковского парка. Лэнгдон заметил торец папки с грифом «Секретно», выглядывающий из сумки Кэтрин, и надеялся, что эвакуация создаст достаточно хаоса для незаметного побега.

Если успеем выбраться вовремя, мелькнуло у него в голове под вой сирен.

«Там!» — крикнула Кэтрин, указывая на светящуюся табличку ВЫХОД в конце коридора.

Они распахнули двери и оказались в помещении охраны, похожем на пройденное ранее — с металло-детектором, рентгеновским конвейером и сканером. К счастью, поста не было, и они пронеслись через контроль, выбежав в, судя по всему, крупный подземный паркинг, почти пустой, за исключением нескольких строительных машин, пары автомобилей и крупногабаритного оборудования на платформах.

В пятидесяти ярдах впереди Лэнгдон увидел то, чего боялся никогда больше не увидеть.

Дневной свет.

В дальнем конце парковки арочный выход из бункера вел по наклонной дороге наружу. Трое сотрудников, которых они только что видели внутри, торопливо поднимались по склону и

скрылись из виду. Лэнгдон и Кэтрин бросились к выходу, но пока они бежали, дневной свет стал меркнуть... проем начал сужаться.

Они закрывают дверь!

«Стойте!» — крикнул Лэнгдон, его голос заглушил гул сирен. «СТОЙТЕ!»

Он понял, что они не успеют. Оставалось двадцать ярдов, когда полоска дневного света превратилась в тонкую нить и окончательно исчезла — проход захлопнулся с оглушительным гулом, запечатав их внутри.

• •• •

На три этажа ниже, привязанный, словно опасный пациент психиатрической лечебницы, мистер Финч перестал сопротивляться. Он только с немым недоверием смотрел сквозь прозрачную крышку капсулы EPR на мерцающие огни аварийной сигнализации, скользившие по куполу над ним.

Эта общеобъектовая тревога подтвердила для мистера Финча две неотвратимые истины. Во-первых, последние слова его убийцы были правдой. *Я закрыл твои гелиевые клапаны... и запечатал вентиляцию.* А во-вторых, Threshold и всё, что в нем находилось, сейчас будет уни-

чтожено.

SMES перегревается.

Идея установки сверхпроводящей магнитной системы накопления энергии принадлежала самому Финчу — это позволяло скрыть скачки энергопотребления Threshold во время операций, требующих огромных мощностей. Вместо того чтобы привлекать внимание местных энергосетей, Threshold незаметно забирал из сети небольшое количество энергии круглосуточно, накапливая ее в сверхпроводящих катушках для использования по мере необходимости.

Постоянное, бесперебойное питание.

Это была чрезвычайно стабильная и безопасная технология. По крайней мере, до тех пор, пока кто-то не решил превратить ее в оружие — как, впрочем, и большинство технологий.

Нет защиты от шпионажа.

Финч теперь понимал, что умрет, и заставил себя принять этот факт с той же отстраненной холодностью, с которой он подходил ко всем решениям и поворотным моментам в жизни. Осознав истинную личность своего убийцы, он почувствовал, будто оказался в классическом мифе. *Чудовище возвращается, чтобы уничтожить своего создателя.* Ирония исторического

пражского голема не ускользнула от него.

Представляя SMES этажом ниже, Финч знал, что остались считанные секунды. То, что вот-вот произойдет, будет катастрофическим.

Бомба из давления... взорвется глубоко под землей.

Последним звуком, который Финч услышал перед тем, как его барабанные перепонки лопнули, стал одиночный треск и разлетающиеся осколки крышки капсулы над ним. По мере того как его взгляд ускорялся вверх к куполообразному потолку, он не мог понять: то ли его дух вырывался из тела, то ли сам пол купола несся в небо. В любом случае боли он не чувствовал... лишь странное отстранение, пока его тело разрывалось ревущим белым ветром.

Ударная волна вырвалась из подземной темницы с невообразимой силой. Менее чем за десятую долю секунды она проломила пол купольной камеры, пронеслась по нижнему уровню Threshold, сравняла с землей лабораторию квантовых вычислений, а затем ворвалась наверх — в лабораторию RTD, медицинский центр и операционный блок, разрушая всё на своем пути.

Разбухающее облако газа, всё еще расширяясь, распространялось во все стороны, ища путь наименьшего сопротивления.

Мгновение спустя этот путь был найден.

Нужно было сильно постараться, чтобы вывести из равновесия спецназовца. S. Marine. Тем не менее, сержант Скотт Кербл чувствовал себя более растерянным, чем за всю свою карьеру. Разворачивавшееся перед ним зрелище не имело аналогов среди всего, что он видел или даже мог вообразить.

Обнаружив внедорожник посла, скромно припаркованный среди деревьев на подъездной дороге к бастиону Крусификс, Кербл стоял на гребне хребта, пытаясь разобраться в ситуации, когда почва под ногами внезапно содрогнулась.

Первой мыслью было землетрясение, но сотрясение оказалось единичным, сопровождаемым глухим гулом из недр земли. Когда Кербл взглянул вниз на заснеженные просторы парка Фолиманка, раскинувшегося далеко внизу, он понял, что видит нечто совершенно иное.

В замедленной съемке центр парка, казалось, поднимался вверх, выгибаясь к небу огромным

куполообразным бугром, будто исполинский подземный зверь пытался вырваться на свободу. Снег осыпался по склонам холма, а земля продолжала вздыматься все выше. Затем с оглушительным треском мощный гейзер белого газа прорвался сквозь поверхность земли, взметнувшись на сотни футов в воздух.

Ошеломленный, Кербл отшатнулся, пока столб пара поднимался в небо над парком. Оглушительный вой из-под земли длился всего несколько секунд, прежде чем стихнуть… вслед за чем раздался грохот обрушивающейся обратно земляной горы.

Он в немом неверии сделал шаг вперед и оглядел опустошение. На месте, где когда-то был центр парка Фолиманка, зияла глубокая воронка. В зияющей дыре виднелась искорёженная груда обломков и поднимающаяся пыль.

Спустя мгновение из парка поднялся ледяной, смертельный холод.

А затем, словно по волшебству, воздух вокруг кристаллизовался и наполнился снежинками, мелкие, как сахарная пудра.

ГЛАВА 117

За несколько секунд до взрыва, при оглушительном вое сирен, Лэнгдон и Кэтрин кричали о помощи, когда усиленная гаражная дверь захлопнулась, заперев их внутри. Отчаянно пытаясь быть услышанными, Лэнгдон распахнул водительскую дверь ближайшего седана и начал сигналить, но даже этот звук практически терялся в общем грохоте.

Теперь это уже не имело значения. Лэнгдон ощутил явные перемены в воздухе… внезапное давление в ушах, сопровождаемое первыми волнами низкого, гортанного воя.

То, что происходило у Предела… происходило *сейчас.* Лэнгдон надеялся, что этот гараж достаточно далеко от эпицентра, чтобы избежать ударной волны.

— Садись вперед! — крикнула Кэтрин, распахивая заднюю дверь седана и вскарабкиваясь внутрь. Лэнгдон прыгнул за руль, и они одновременно захлопнули двери. — Ложись и пристегни…

Стекла машины разлетелись вдребезги, и ледяной вихрь ворвался в салон. С силой проно-

сящегося скоростного поезда ураган прокатился по гаражу, погасив весь свет и подбросив седан, словно игрушку. В одно мгновение они оказались в кромешной тьме вверх ногами, пока машину бросало из стороны в сторону по полу гаража.

— Кэтрин! — Лэнгдон закричал в оглушительном хаосе, вцепившись в руль и пытаясь удержаться, пока машину переворачивало. Говорят, что бочка на истребителе — самый плавный маневр, потому что центробежная сила прижимает тебя к креслу. Теперь Лэнгдон убедился в этом… по крайней мере, на несколько секунд.

А затем последовал удар.

Седан врезался во что-то неподвижное и резко остановился.

Лэнгдон сорвался с сиденья и с размаху упал грудью… *куда-то.* Ошеломленный, в полной темноте, он ощущал пронизывающий холод. Мозг быстро просканировал тело, диагностируя лишь ссадины и синяки, но не переломы. Ярость взрыва стихла так же внезапно, как и началась. Сирены тоже замолчали.

В ушах Лэнгдона звенело, и в кромешной тьме он полностью потерял ориентацию. Вокруг воцарился жгучий холод, хотя он чувствовал, что все еще находится внутри машины.

— Кэтрин? — робко позвал Лэнгдон.

Ответный голос был слабым, но совсем рядом. — Здесь. Лэнгдона охватило облегчение. — Ты в порядке?

— Не… уверена, — с трудом выдохнула она. — Ты… давишь на меня.

Лэнгдон осознал, что лежит прямо на ней. Аккуратно он перенес вес на одну сторону и откатился. Его плечо болезненно впилось в осколки разбитого стекла, и он снова переместился, пытаясь найти устойчивое положение. Приходя в себя, он понял, что машина, в которой они укрылись, перевернута, и теперь они лежат на потолке салона.

Продвигаясь в темноте, он наощупь добрался до рамы разбитого окна. Проем казался слишком узким, чтобы пролезть, и он продолжил ощупывать внутренности автомобиля, пока не нашел большую дыру — лобовое или заднее стекло. Ухватившись за край, он рванулся вперёд, протиснувшись в проём и вывалившись на твёрдый пол гаража.

Пол был скользкий и холодный, будто покрытый инеем. Лэнгдон развернулся на четвереньках и потянулся назад, к проёму.

— Кэтрин, сюда, — сказал он как можно спокой-

нее, с тревогой поинтересовавшись, не ранена ли она. — Ты можешь найти мою руку? Ты не пострадала?

В темноте слышалось её движение, и он продолжал говорить, направляя её. Наконец, их руки соприкоснулись. Пальцы Кэтрин были ледяными, она дрожала от шока. Осторожно он потянул её к себе, помогая выбраться из машины. Она тут же вскочила на ноги и крепко обняла его.

Обнимая её, Лэнгдон испытал чувство дежавю — снова сжимать её в холодной тьме, испытывая всепоглощающее облегчение от того, что она спаслась.

— Моя сумка... — прошептала она. — Я потеряла её...папку...

— Забудь, — он прижал её крепче. *Мы живы. Это главное.*

Лэнгдон не понимал, что именно произошло и насколько велики разрушения, но подозревал, что в ближайшие дни правительству США придётся отвечать на множество вопросов. Возможно, теперь он и Кэтрин — *последняя* забота ЦРУ.

Финч, скорее всего, погиб, подумал Лэнгдон, почти не скорбя о его смерти. Грусть и вину он испытывал лишь к другой потерянной душе

— человеку в глиняной маске голема, буквально восставшему из земли, чтобы спасти их.

Финч потребовал назваться, и существо спокойно ответило: *Ты предал доверие Саши... Я её защитник.*

Лэнгдон размышлял о Саше Весне, гадая, где она и жива ли вообще в этом городе. Он решил, что если они с Кэтрин выберутся отсюда целыми, то найдут Сашу и *помогут* ей. Саша заслуживала помощи и нуждалась в ней, а Лэнгдон с Кэтрин были в долгу перед тем, кто спас их жизни. *Защитник Саши,* — назвался он. *Если его больше нет, помочь Саше — наш моральный долг.*

— Смотри, — прошептала Кэтрин, положив руку ему на плечо и развернув в темноте. — Вон там.

Лэнгдон прищурился, но ничего не увидел. — Где?

— Прямо перед нами, — она слегка повернула его вправо. Теперь он различил.

Вдали, едва заметная сквозь оседающую пыль, в темноте мерцала тонкая полоска дневного света.

◂ ·· ▸

В любой другой день землетрясение в Праге стало бы главной заботой посла Нагель. Но сейчас

толчки, которые она почувствовала, были пустяком по сравнению с разговором с директором ЦРУ Джаддом.

— Снимите с неё наручники, — приказал директор морским пехотинцам, как только установилась связь. — Встаньте у выхода. Никого не впускать и не выпускать.

Охрана подчинилась, и когда Нагель осталась одна, Джадд понизил голос: — Финч неконтролируем. Считайте это защитным арестом.

Без лишних объяснений директор начал монолог, пытаясь оправдать ужасающие признания Гесснер. Закончив, он наклонился к камере, и его выражение стало одновременно умоляющим и смертельно серьёзным.

— Мы в гонке вооружений, Хайде, — произнёс он. — И наши противники с каждым днём становятся сильнее и агрессивнее. Планы, которые готовятся против США, очень реальны и потенциально катастрофичны, и нам необходимо узнать о них *до того*, как они осуществятся. Проект «Порог» представляет собой то преимущество, которое нужно нашему разведывательному сообществу, чтобы помочь стране пережить надвигающийся шторм. Если мы не возьмём лидерство в разработке технологий человеческого

разума, кто-то другой *сделает это*... и вместо того, чтобы быть наблюдателями, мы станем наблюдаемыми.»

Старый как мир аргумент, подумал Нагель. Если кто-то это сделает, пусть лучше будем мы.

Самое опасное и этически сомнительное научное начинание в истории — создание атомной бомбы — было запущено по аналогичному обоснованию. Вне этических или политических споров, оставалось фактом, что обладание США бомбой *первыми* положило конец разрушительной войне и закрепило позиции Америки как сверхдержавы на полвека вперёд... убедительный пример того, что цель оправдывает средства. Но здесь ситуация была иной.

Нагель не мог даже представить, как это видео будет воспринято на мировой арене. Оно не только раскрывало существование шокирующей засекреченной технологии, но и обнажало ужасающую и непростительную правду: ЦРУ проводило эксперименты над похищенными русскими психиатрическими пациентами, один из которых, Дмитрий Сысевич, очевидно, погиб в ходе программы. *ЦРУ ждёт жестокий разгром сверху донизу... начиная с директора.*

«Как вы, наверное, догадались, — сказал

Джадд, — In-Q-Tel не имел к «Порогу» никакого отношения. Я разместил Финча в их лондонском офисе в качестве прикрытия и для оперативной поддержки, но он явно вышел за рамки полномочий.» Директор выглядел сожалеющим. «Я не должен был давать ему такую власть.»

Громкий стук в дверь отвлёк Нагеля, и один из охранников посольства заглянул в кабинет.

«Госпожа посол? — произнёс он, явно взволнованный. — Прошу прощения за беспокойство. Вам срочный звонок.»

Я уже на линии! — едва не выкрикнула она. — «Кто звонит?»

«Сержант Кёрбл, — ответил морпех. — Он сообщает о мощном подземном взрыве в парке Фолиманка.»

ГЛАВА 118

В трехстах метрах от эпицентра разрушений подземный трамвайный тоннель, ведущий к бастиону Круцификс, уцелел более или менее целым, несмотря на отсутствие электричества и освещения. Небольшая платформа у входа в Порог была усыпана обломками и пылью.

На дне бетонного канала, в котором пролегали рельсы, шевельнулась фигура.

В полной темноте Голем медленно поднялся на колени, понимая, что ему повезло остаться в живых. Его бегство из Портала прошло не по плану, и он едва успел добраться до трамвая, когда взрывная волна швырнула его в бетонный канал.

Теперь вопрос был в том, сможет ли Голем выбраться из этой подземной могилы. Путь назад был несомненно разрушен и заблокирован завалами. Дорога вперед, через долгий, непроглядный тоннель, могла легко обрушиться от ударной волны, и не было никакой возможности узнать, уцелел ли лифтовый ствол, ведущий к бастиону Круцификс. Несмотря на глубочайшую усталость, Голем знал — он не может позволить

себе погибнуть здесь.

Я должен выбраться, чтобы освободить Сашу.

Подгоняемый этой мыслью, Голем нащупал стену канала, оперся на нее рукой и двинулся вперед во тьму. Проводя рукой по стене для ориентира, он вошел в ровный ритм, его платформенные ботинки скребли по неровной поверхности, усыпанной обломками от взрыва, а ноги с каждым шагом становились все тяжелее.

Ангел-хранитель не может спать.

Потрясенные и изрядно помятые, Лэнгдон и Кэтрин пробирались через мрачный гараж, обходя острые края развороченных машин и обвалившихся бетонных плит, направляясь к единственному источнику света — узкой полоске дневного света, становившейся ярче по мере оседания пыли.

Когда они наконец добрались до света, Лэнгдон увидел, что огромная раздвижная дверь гаража сошла с направляющих. Нижняя часть панели была выгнута наружу, образовав низкий узкий проход. Лэнгдон присел и заглянул внутрь, разглядев несколько метров наклонного въезда с той стороны.

Не зная, что их ждет снаружи, Лэнгдон решил пролезть первым. Он лег на бок и начал протискиваться в щель. Дюйм за дюймом он продвигался головой вперед. Проход оказался уже, чем он ожидал, и на середине пути новая волна клаустрофобии сжала его грудь. Отчаянно извиваясь, он наконец протолкнул бедра через преграду, развернулся на руки и колени и выкатился на свежий воздух.

Однако облегчение от освобождения быстро погасло — перед ним стояли двое солдат в черном, наставив автоматы на его грудь.

Отлично.

Прежде чем Лэнгдон успел предупредить Кэтрин, она уже протискивалась через проход, выскользнув на дорогу с гораздо меньшим усилием. Подняв голову, она увидела, как второй солдат перевел ствол на нее.

— Документы! — рявкнул он. — Немедленно!

Лэнгдон щурясь осмотрелся и увидел именно то, чего опасался — тщательно охраняемый строительный въезд, который они видели ранее, огороженный треугольником забора.

— Документы! — повторил солдат, делая шаг вперед. — Вам дается ровно...

— СТОЯТЬ, СОЛДАТ! — раздался властный

американский голос сверху наклонной дороги. Важный морской пехотинец в парадной синей форме шагал вниз по склону. — ОНИ СО МНОЙ!

Ошарашенные охранники отступили от Лэнгдона и Кэтрин, обратились к пехотинцу, который, судя по всему, был старше по званию. Их разговор был краток, и оба солдата, явно недовольные тем, что их проигнорировали, отступили вверх по склону.

Лэнгдон был рад, что на него больше не направлены стволы, но теперь он опасался, что они с Кэтрин попали в еще более серьезную ситуацию.

Кто этот морпех? Из ЦРУ? Один из приспешников Финча?

Когда солдаты ушли, суровая манера пехотинца смягчилась, его дружелюбное выражение лица теперь контрастировало с чопорной формой. — Мистер Лэнгдон... мисс Соломон, — сказал он, помогая им подняться. — Я Скотт Кербл. Я работаю на посла Нагеля.

Лэнгдон надеялся, что он говорит правду. — Нам нужно увидеть ее немедленно.

Морпех уже собирался ответить, когда один из армейских охранников снова спустился по склону, сделал снимок всех троих и затем снова поднялся, набирая номер по ходу.

Кербл выругался себе под нос. — Мне нужно срочно вас отсюда вывезти.

— В посольство? — спросил Лэнгдон.

— Обсудим это в машине, — сказал он, направляясь вверх по склону. — За мной.

Обсудим? Эта фраза заставила Лэнгдона насторожиться. — Вообще-то, прежде чем куда-то идти, мы хотели бы поговорить с послом Нагелем.

— Согласна, — сказала Кэтрин. — Если мы...

— Послушайте оба, — резко оборвал их морпех, разворачиваясь к ним и подаваясь ближе; дружелюбие исчезло. — Посол задержан по приказу самого директора ЦРУ. И я почти уверен, что *вы* следующие в его списке.

ГЛАВА 119

За рулём посольского седана Скотт Кербл мчался на север вдоль реки, возвращаясь обратно. В противоположном направлении спешили к парку Фолиманка машины спасателей.

Спасать уже нечего, подумал он.

На заднем сиденье Лэнгдон и Соломон погрузились в оглушённое молчание, увидев масштабы разрушений, которым они чудом избежали. От бомбоубежища осталась лишь зияющая пустота глубиной в несколько этажей, заваленная грудами камней, земли, искорёженного бетона и перекрученной арматуры.

Кербл не мог понять, что вызвало такой необычный взрыв. Насколько он мог судить, не было ни огня, ни высокой температуры — только холод. Ему было известно, что это бомбоубежище советских времён последние пару лет реставрировал Корпус инженеров американской армии, и уж точно там не должно было быть никаких взрывчатых веществ.

«Куда вы нас везёте?» — спросил Лэнгдон с заднего сиденья.

Хороший вопрос, подумал Кербл. Он ещё не до

конца разобрался в ситуации, но знал, что между послом Нагель и директором ЦРУ Джадд идёт борьба за власть, и Лэнгдон с Соломон почему-то оказались в её эпицентре.

После взрыва, спускаясь с холма, Кербл позвонил Нагель, чтобы убедиться, что с ней всё в порядке. Она как раз говорила с директором. Когда Кербл пояснил, что толчок был не землетрясением, а взрывом под парком Фолиманка, первые слова Нагель, странным образом, были вопросом о местоположении Лэнгдона и Соломон. Она приказала Керблу ехать на место и искать их.

Что бы ни происходило между послом и директором ЦРУ, Кербл уже час назад выбрал сторону, когда в мгновение ока решил тайно вынести дипломатическую почту Нагель из посольства. Это оказалось своевременным решением — директор почти сразу приказал обыскать апартаменты посла и её ближайших сотрудников, включая самого Кербла.

Оставь я почту у себя… и сейчас она была бы у ЦРУ.

Направляясь к посольству, Кербл полагался на инстинкты: если его машину отслеживают, то передача Лэнгдона и Соломон в руки директора

ЦРУ явно не была бы желательной для Нагель. Он также чувствовал, что американцы на заднем сиденье многое от него скрывают.

«Нам нужно уходить», — заявил Лэнгдон, и в его голосе, несмотря на обстоятельства, прозвучала неожиданная властность. — «Я не могу вдаваться в подробности, но поверьте: ваш посол в *смертельной* опасности — особенно если директор ЦРУ её задержал».

Смертельной опасности? Кербл хорошо знал репутацию Грегори Джадда, который в вопросах национальной безопасности не церемонился. *Но неужели он действительно способен причинить вред послу?* Кербл хотел упомянуть диппочту, которую директор так рьяно искал, но указания посла насчёт неё были однозначны. *Никому ни слова.*

«Если посол хочет пережить это — физически или политически, — сказал Лэнгдон, — то, я считаю, осталось только одно, что может ей помочь. И я полагаю, что могу это найти».

Несмотря на смелость заявления, Кербл почувствовал, что этот человек по крайней мере *верит* в то, что говорит. «Что именно вы ищете?»

«Это не *что*, — ответил Лэнгдон. — Это *кто*».

Кербл взглянул в зеркало заднего вида, встре-

тившись глазами с профессором.

«Кто?»

«Её зовут Саша Весна, — сказал Лэнгдон, — и всё, что нужно послу, чтобы пережить этот шторм, находится в голове Саши».

• •• •

Роберт знает, как найти Сашу?

На мгновение Кэтрин показалось, что Лэнгдон блефует, но его уверенный кивок говорил об обратном.

Найти Сашу — ключ ко всему...

Гораздо убедительнее, чем утерянная при взрыве папка, сама *Саша* являлась неопровержимым доказательством существования «Порога». Одно сканирование мозга докажет не только реальность имплантата, но и то, что ЦРУ обманом сделало молодую русскую пациентку психиатрической клиники подопытным кроликом.

Теперь найти Сашу стало ещё важнее — разрушение «Порога» сделало их шаткое положение ещё опаснее. ЦРУ перешло в режим ликвидации последствий, и с учётом того, что все улики чудесным образом оказались погребены под парком, агентство постарается максимально быстро «зачистить» все хвосты.

Мы с Робертом точно попадаем в категорию нерешённых вопросов, понимала она.

Как и Саша Весна с Дмитрием Сысевичем.

Кэтрин представила того загадочного человека в плаще, которого они видели в «Пороге». Он назвался «защитником Саши» и почти наверняка был Сысевичем — тем самым темноволосым русским эпилептиком, которого, как и Сашу, забрали из клиники. Его медицинская карточка на первый взгляд наводила на мысль о смерти, но сейчас стало ясно, что с ним произошло нечто *иное*. Возможно, он смог вырваться. Как бы то ни было, именно у Дмитрия были все причины вернуться и стереть с лица земли место, где над ним ставили чудовищные эксперименты.

Кэтрин подозревала, что без психического заболевания здесь не обошлось. *Он обмазался глиной и пожертвовал жизнью ради уничтожения «Порога».* Она гадала: то ли у Дмитрия уже было расстройство в клинике, то ли оно развилось после травмирующей операции на мозге и принудительного приёма психоделиков. В любом случае, Дмитрий Сысевич явно был нездоров.

Саша в безопасности, сказал он.

«Роберт, — торопила Кэтрин, — ты правда знаешь, где найти Сашу?»

«Я только что догадался, — ответил он. — Она может быть только в одном месте… но чтобы её там найти, мне нужно попасть в её квартиру.»

«Её там нет», — перебил Кербл. «Это я нашёл тело Харриса. Саши давно не было.

Наша группа быстрого реагирования забрала Харриса, заперла квартиру и ушла».

«Понимаю, — сказал Лэнгдон. — Но мне всё равно нужно туда попасть. Там есть кое-что, что может помочь. Как вы проникли в её квартиру?»

«Моя коллега Дана Данек. У неё был ключ».

«На брелке с сумасшедшим котёнком?» — уточнил Лэнгдон. Кербл обернулся: «Откуда ты это знаешь?»

«Потому что это *я* подарил мисс Данек этот брелок. И сейчас мне нужно срочно получить его обратно».

«Это невозможно, — сказал Кербл. — У Даны его больше нет». Лэнгдон тихо выругался. «У кого он теперь?»

Кербл полез в карман и перебросил Лэнгдону маленький предмет. «*Вы* так считаете, профессор».

* ** *

Мощный взрыв в Праге?!

Джонас Фокман лихорадочно пробежал глазами оповещение *New York Times* на экране компьютера, пытаясь убедить себя, что взрыв — просто случайность. Несмотря на статистическую невероятность того, что Лэндон находился рядом с местом происшествия, у его друга была тревожная привычка оказываться в эпицентре неприятностей.

С момента письма Лэндона прошло больше часа, и с тех пор от него не было вестей. Не в силах отогнать растущее беспокойство, Фокман набрал номер отеля Four Seasons в Праге и попросил соединить его с номером Лэндона.

• •• •

Продвигаясь в полной темноте по узкому тоннелю, Голем вдруг уловил изменение в эхе своих шагов.

Эхо слабее… Я вышел в открытое пространство.

Ощупывая стену, он нашел выступ и с облегчением понял, что наконец добрался до трамвайной платформы под Крестообразным Бастионом. Выступ оказался на уровне глаз, выше, чем он ожидал, и придется подтянуться.

Он быстро снял тяжелый плащ и платформен-

ные ботинки, сложив их у своих ног. Затем встал на этот импровизированный подстав, потянулся вверх и проверил высоту уступа. Прыгнуть нужно было так, чтобы можно было опереться локтями и предплечьями на платформу.

Ты должен выбраться. От этого зависит жизнь Саши.

Мысль о ней придала Голему сил — он присел и прыгнул изо всех сил, едва сумев зацепиться. Изо всех сил перебирая уставшими ногами, он смог закинуть одну пятку на выступ. Преодолевая тяжесть и истощение, он втащил себя на металлическую платформу… и рухнул.

Почти целую минуту он лежал с закрытыми глазами, глубоко дыша.

Когда он наконец открыл глаза, Голем увидел нечто в темноте… крошечное светящееся кольцо.

Свет в конце тоннеля.

Это была подсвеченная кнопка лифта Крестообразного Бастиона.

ГЛАВА 120

Кэтрин чувствовала беспокойство, когда они с Лэнгдоном вышли из посольского седана на холодный ветер у Староместской площади. По просьбе Лэнгдона сержант Кербл согласился высадить их здесь, прежде чем продолжить путь в посольство.

Надеюсь, Роберт знает, что делает.

За последние несколько минут она заметила, что Лэнгдон странно уклончиво вел себя с морпехом, отказываясь раскрыть, где именно, по его мнению, находится Саша. Единственное, что он сказал — ему нужно попасть в её квартиру, чтобы найти что-то, что поможет. Кербл, казалось, понимал его, даже соглашался с логикой молчания. *Директору ЦРУ отчаянно нужно найти Сашу Весну; если Кербла станут допрашивать, он не сможет выболтать то, чего не знает.*

Кэтрин чувствовала бы себя в безопасности, если бы Кербл пошел с ними, но ему явно нужно было вернуться в посольство. Казалось, он единственный союзник посла и считал своим долгом быть на месте, чтобы защитить её от директора ЦРУ всеми возможными способами.

— Посол будет благодарна вам за помощь, — сказал Кербл, приоткрыв окно, чтобы попрощаться. — Удачи. *Куда бы вы ни направлялись.*

— Спасибо за понимание, — ответил Лэнгдон.

— Опсековская секретность, — усмехнулся Кербл. — Вы могли бы стать морпехом.

— Пугающая перспектива, — Лэнгдон протянул руку через окно и пожал руку морпеха. — У меня есть ваш прямой номер. Я позвоню, как только что-нибудь найдем.

— Если мы найдем Сашу, — добавила Кэтрин, — мы отведем её в безопасное место, и у посла будут все козыри, чтобы защитить вас.

— Надеюсь, вы правы, — пробормотал Кербл. — Военные трибуны здорово портят выходные.

Когда машина морпеха скрылась из виду, Лэнгдон обнял Кэтрин за плечи и повел через оживлённую площадь. На противоположной стороне они прошли под аркой в лабиринт узких переулков. Когда шум площади остался позади, Кэтрин поняла, что наконец можно поговорить.

— Так что происходит? — выпалила она. — И куда мы идём? Где Саша?

— Мы идём в её квартиру, — ответил он. — Я понял, что Саша никуда не уходила.

Она *не могла*. Она всё ещё там.

Кэтрин резко остановилась. — Но этот морпех только что сказал, что Саши там *нет*.

— Он ошибается.

— Он сказал, что криминалисты обыскали квартиру!

— Да, но они не обыскали её *целиком*.

— Я не понимаю.

— *Поймёшь*, — он протянул руку. — Пошли.

Кэтрин последовала за Лэнгдоном вглубь лабиринта переулков вокруг пражской площади. *Хорошо, что у него отличная память*, — подумала она, пока он вёл её по следам, которые они со Сашей проложили сегодня. Переулки сужались, а булыжники терялись в тенях угасающего дня.

— Ну, вот и всё, — наконец объявил Лэнгдон, останавливаясь перед ничем не примечательной дверью, которая выглядела точно так же, как все остальные двери, мимо которых они проходили.

— Ты уверен? — Кэтрин не видела ни номеров, ни каких-либо опознавательных знаков.

Лэнгдон указал на окно рядом с дверью, и Кэтрин с удивлением увидела, как на неё уставились четыре глаза. Две сиамские кошки внимательно смотрели изнутри, словно ждали возвращения хозяйки. Хотя это подтверждало, что квартира действительно принадлежала Саше,

присутствие кошек только усилило недоумение Кэтрин относительно того, почему Лэнгдон думал, что здесь. — Роберт, эти кошки будто ждут, когда Саша вернётся домой.

— Да, *так и есть*, — сказал Лэнгдон. — Просто они тоже не знают, что она здесь. Это замечание не имело для Кэтрин никакого смысла.

— Взгляни на этот переулок, — сказал Лэнгдон, обводя рукой пространство вокруг. — Помнишь, я рассказывал тебе о записке, которую подсунули под дверь Саши сегодня утром? Сразу же после того, как я прочёл её, я выбежал в *этот самый* переулок, но посыльный исчез. Невероятным образом. Он не мог просто раствориться в воздухе.

Она осмотрела переулок. Действительно, спрятаться здесь негде.

— И тут я понял, — продолжил Лэнгдон, — ответ был очевиден. Тот, кто оставил записку… *не убежал*. Он просто спрятался в очень удобном месте.

Кэтрин огляделась в замешательстве: —Где?

— Вот там, — Лэнгдон указал направление.

Взгляд Кэтрин проследовал за вытянутым пальцем Лэнгдона — он указывал на окна фасада здания прямо над квартирой Саши. Все верхние окна были заблокированы тяжёлыми деревян-

ными ставнями.

— Квартира наверху, — пояснил Лэнгдон. — Гесснер говорил, что хозяйка владеет обеими квартирами и раньше жила там, ухаживая за больной матерью. Сейчас Саша использует нижнюю, а верхняя… пустует.

Кэтрин разглядывала закрытые ставнями окна пустующей квартиры и представила, как кто-то — вероятно, Дмитрий — подсовывает записку под дверь Саше и затем тихонько поднимается по лестнице, пока Лэнгдон тщетно обыскивает улицу. *Вполне возможно…*

Лэнгдон подошёл к входной двери здания — массивной деревянной, с диагональными рейками и защитной решёткой. Достав из кармана брелок «Безумный котенок», он отпер дверь и ввёл Кэтрин в мрачный холл.

Несмотря на непримечательный вход, было видно, что Саша обустроила здесь свой дом. Её дверь находилась сразу справа, украшенная горшками с растениями, венком из глицинии и приветственным ковриком: ПРОТРИТЕ ЛАПЫ.

На задней стене холла располагалась небольшая кладовка, забитая старыми картонными коробками до самого потолка. К удивлению Кэтрин, Лэнгдон направился прямиком туда,

остановившись в паре сантиметров от завала коробок, почти касаясь их грудью. Он задумчиво посмотрел наверх, будто изучая устройство ниши, одобрительно кивнул и подозвал её.

Когда Кэтрин подошла, Лэнгдон шагнул вправо и буквально растворился в настолько незаметном проходе, что его нельзя было разглядеть за стеной коробок и ниши. Удивлённая, она последовала за ним, протиснувшись в узкое пространство, повернула налево за стопкой коробок, затем снова налево и оказалась рядом с Лэнгдоном. В слабом свете, просачивающемся сквозь щели, она увидела, что они стоят у основания узкой лестницы, уходящей в темноту.

Это вовсе не кладовка, осенило её. Это лестничная площадка.

— Сначала я не заметил, что в этом холле нет лестницы на второй этаж. Затем я понял, что она *должна быть*, и раз отдельного входа нет, значит, попасть в обе квартиры можно через этот холл. Вот почему кто-то мог бесследно исчезнуть сразу после того, как просунул записку под дверь Саши.

Кэтрин кивнула. «Спрятавшись в паре шагов. Очень ловко».

«Да, а после того как я помчался к Петршинской

башне, он просто вышел из укрытия, зашёл в квартиру Саши и либо убедил её подняться наверх, либо каким-то образом вывел из строя. Так или иначе, он оставил её наверху, чтобы она не видела, как он убивает Харриса».

Просто и чисто. Кэтрин кивнула. «А когда в посольстве обнаружили тело Харриса, Саши уже не было, и они логично предположили, что она скрылась с места преступления».

«Вот именно».

«Так как ты собираешься *попасть* в квартиру?» — спросила она, всматриваясь в лестницу.

«Постучу в дверь и надеюсь, что Саша меня услышит».

«И это твой план?» — возмутилась Кэтрин. «А если она под наркотиками и не слышит тебя? Или её связали, и она не может подойти к двери?»

Лэнгдон нахмурился. «Тогда у меня есть план Б».

Когда Лэнгдон начал подниматься по тёмной лестнице, он щёлкнул выключателем внизу, но ничего не произошло.

Кэтрин показала на потолочный плафон, который был пуст. «Нет лампочки».

Она уже собиралась предложить Лэнгдону зайти в квартиру Саши и поискать фонарик, но

он уже двигался вперёд, в темноту, несомненно, стремясь выбраться из тесного коридора.

Темнота нравилась Кэтрин так же, как Лэнгдону — замкнутые пространства, но она заставила себя последовать за ним. Крепко держась за шаткие перила, она поднялась наверх и осторожно протянула руку, чтобы найти Лэнгдона на маленькой площадке. Он стоял перед единственной дверью в почти полной темноте.

«Саша?!» — крикнул он, стуча. «Эй?!» Тишина.

Он постучал сильнее. «Саша? Это Роберт Лэнгдон! Ты в порядке?» Всё так же тихо.

Лэнгдон попробовал открыть дверь. Заперто.

Постучав ещё несколько раз, он прижал ухо к двери и продержал так десять секунд. Наконец, он отступил и покачал головой. «Там полная тишина. Надеюсь, с ней всё в порядке».

«Какой там план Б?» — спросила Кэтрин в темноте. «Найти лом или молоток?»

«Может быть вариант проще», — задумался Лэнгдон. «Гесснер владела обеими квартирами и раньше жила над больной матерью...» Он, казалось, изучал ручку двери в темноте.

Кэтрин прищурилась, пытаясь разглядеть его действия. «Ты пытаешься вскрыть замок?»

«Не совсем», — ответил он. Он продолжал во-

зиться, и вдруг она услышала щелчок цилиндра. Лэнгдон поднял ручку и слегка толкнул дверь. Та распахнулась.

Кэтрин уставилась на него. «Что только что произошло?»

Лэнгдон показал ей брелок «Безумный котик». «Гесснер жила здесь, владела обеими квартирами, её мать была больна — зачем усложнять, если можно было сделать *один* ключ для обоих квартир? Так проще и удобнее».

Конечно, до Кэтрин дошло, и зачем менять замки, когда въехала Саша, ведь вторая квартира всё равно пустовала.

Дверь со скрипом открылась, и Лэнгдон с Кэтрин оказались перед абсолютной тьмой — что неудивительно, учитывая плотные ставни на окнах. Кэтрин потянулась внутрь дверного проёма, нащупала выключатель и щёлкнула им. Оба отшатнулись от неожиданности. Увиденная ими картина открывала чуждый мир.

Пустая квартира была залита жутковатым лиловым светом.

ГЛАВА 121

Голем смотрел на свое облепленное глиной лицо в зеркале, зная, что больше никогда его не увидит. Конец был близок, и, к счастью, это был именно тот конец, который он себе представлял.

Я — Голем. Мое время почти истекло.

Безопасно поднявшись в лабораторию Гесснер, он теперь находился на уровень ниже Крестообразного бастиона, в маленькой лабораторной уборной.

Умываясь у раковины, он разглядывал три грубо вырезанные на его лбу буквы на иврите. Они поблекли от пота и пыли, но могущественное древнее слово все еще звучало в нем.

Истина.

Голем всегда знал, что этот момент настанет.

Истина становится Смертью.

Как когда-то сделал раввин Иехуда Лива, чтобы убить своего глиняного монстра и освободить его от службы, Голем теперь прижал указательный палец к засохшей глине — надавив на самую правую букву, *алеф.* Ощутив прилив потери и кризис идентичности, он провел пальцем вниз,

откалывая глину, пока буква не исчезла.

Согласно древнему ритуалу, сейчас на его лбу было написано совсем другое слово.

Ивритское слово *мертвый.*

Внешне Голем не ощущал разницы, и все же он чувствовал, как его внутренняя сущность, душа, сознание… начали изменяться. Он готовился навсегда расстаться с этим одолженным телом.

Голем умирал много раз и знал, что его суть продолжила бы существовать, но он также понимал: *на этот* раз все иначе. Теперь это был его выбор.

Я пришел в этот мир… чтобы она могла жить. И скоро я должен уйти… чтобы она могла жить. Сегодня умерло многое.

Умер Порог.

Умерли мучители Саши. И скоро умрет сам Голем.

Отвернувшись от зеркала, Голем начал снимать оставшуюся одежду. Полностью обнаженный, он вошел в лабораторный аварийный душ и включил воду.

Тепловатая вода освежала его уставшую голову и плечи.

Принимая свое превращение, он опустил глаза и наблюдал, как потоки мокрой глины стекают

по его бледной коже... длинные серые ручейки скользили в канализацию в последний раз.

ГЛАВА 122

Роберт Лэнгдон осторожно переступил порог светящейся квартиры, пытаясь осмыслить предстоящую картину. Верхняя квартира, казалось, освещалась исключительно ультрафиолетом, а её пустынный интерьер был погружён в призрачное лиловое марево. Стены, пол и потолок были выкрашены в сплошной чёрный цвет. В углу стояли дешёвые стул и стол, на котором находился стакан, наполовину заполненный водой.

Неужели здесь кто-то живёт?

Лэнгдону потребовалось всего мгновение, чтобы понять: загадочный жилец — Дмитрий Сысевич. Это осознание породило кучу неотвеченных вопросов, но Роберт был почти уверен, что этот человек сюда не вернётся.

Скорее всего, он уже погребён под Порогом.

Саша, вероятно, даже не догадывалась, что её квартира открывается тем же ключом, что и заброшенное помещение сверху. Но Дмитрий определённо знал об этом. *Саша, её так называемый защитник… имел прямой доступ в её запертую квартиру.* От этой мысли кожа Лэнгдона покрылась мурашками.

— Саша? — позвал он, продвигаясь вглубь комнаты. — Это Роберт Лэнгдон! Ты здесь?

Тишина. Воздух был затхлым, а полы скрипели под шагами его и Кэтрин.

— Саша?! — крикнула Кэтрин.

Планировка этой квартиры отличалась от сашиной, хотя была столь же скромной. Методично Лэнгдон и Кэтрин обыскивали помещение. Кухня оказалась пустой, в холодильнике не было ничего, кроме двух больших бутылок минеральной воды «Подьебрадка». В маленькой кладовке перед спальней висела лишь штанга с тремя пустыми вешалками.

Лэнгдон начал подозревать, что это помещение служило не для постоянного проживания, а скорее как странное убежище на случай беды.

— В спальне нет света, — заметила Кэтрин, щёлкая выключателем вверх-вниз. Лэнгдон подошёл к ней у входа в спальню. — Саша?

Не получив ответа, он прошёл мимо Кэтрин в темноту, нащупывая путь вперёд с вытянутыми руками в надежде найти окно и, возможно, открыть ставни. На середине комнаты он наступил на что-то мягкое — похоже, на подушку или коврик.

Позади раздалось шипение зажигающейся

спички, и Лэнгдон обернулся, увидев, как Кэтрин склонилась над низким столиком, зажигая свечи. При свете пламени он разглядел нечто вроде алтаря с тремя свечами и композицией из засушенных цветов. Над ними на стене висела фотография женщины.

Лэнгдон мгновенно узнал блондинку на фото. — Боже мой… это Саша, — сказал он Кэтрин, подходя к жуткому «алтарю». Теперь он понимал, что чувства Дмитрия к Саше граничили с… одержимостью. *Её защитник*, подумал он, всё ещё пытаясь сложить пазл в голове.

— Посмотри, — указала Кэтрин на большой коврик в центре комнаты.

— Наверное, он иногда здесь спал.

— Не думаю, Роберт. Это не для *сна*. Тут нет подушки. Никакого постельного белья. И… вот *кляп.*

Действительно, на полу лежал кожаный ремешок с пристёгнутым пластиковым шариком. Перфорированная неопреновая сфера позволяла заклятому человеку дышать. — Значит, это что-то вроде… комнаты для секса?

— Не думаю, что этот кляп для *секса,* — возразила она. — Думаю, он защищает зубы и язык во время эпилептического приступа.

Лэнгдон вспомнил защитную капу PATI из аптечки в своей аудитории. Эта перфорированная сфера служила той же цели.

— Дмитрий использовал эту комнату как безопасное место для припадков, — сказала Кэтрин. — Подушки опасны удушьем, а простыни могут запутаться. Это идеальная среда. Особенно в кляпе.

Лэнгдона удивляло, что обладатель эпилептического жезла Гесснер не стремился предотвращать приступы. Правда, некоторые эпилептики утверждали, что припадки давали им ясность ума и блаженство, ради которых стоило терпеть физические последствия. Видимо, жезл Дмитрия предлагал лучшее из двух миров. *Он мог сам выбирать, когда и где получить приступ… делая это в безопасной, контролируемой обстановке.*

Как бы то ни было, Лэнгдон понял одно: Саши здесь не было. Осмотрев ванную, он убедился, что и ванна пуста — если Дмитрий где-то спрятал Сашу, то явно не в этой квартире.

Светильники в ванной, как и во всей квартире, были оснащены ультрафиолетовыми лампами, отчего белая раковина и ванна светились. Но самое странное: зеркало над раковиной было снято, и в стене остались лишь дырки от шурупов.

Рядом с раковиной на полке Лэнгдон нашёл ручное зеркало, мастихин, миску для смешивания и стопку белых резиновых шапочек. Также он обнаружил три банки театрального грима UltraMud, на этикетке которых красовалось пугающее фото актёра с лицом, покрытым толстым слоем потрескавшейся грязи. Эффект был слишком знакомым.

Когда Лэнгдон окинул взглядом комнату, его внимание привлекло что-то светящееся в мусорной корзине под раковиной. Выглядело это как скомканная белая ткань, покрытая… *кровью*. Очень большим количеством крови.

Встревоженный, он вытряхнул содержимое корзины в раковину и тут же понял свою ошибку. В ней лежала смятая белая шапочка, испачканная грязью.

Не кровь, с облегчением подумал он. Под ультрафиолетом было трудно различить цвет.

Но, разглядывая шапочку, он заметил нечто блестящее — крошечное волокно на резине. Оно было настолько маленьким, что, не светись оно в ультрафиолете, Лэнгдон бы никогда его не увидел.

Этого не может быть…

Он осторожно подцепил предмет и поднёс к

свету. Сомнений не было, но Лэнгдон не мог понять, что он делает *здесь.*

Это совершенно необъяснимо.

И вдруг его охватил внезапный страх. *Разве что…*

На своих лекциях о символизме Лэнгдон часто цитировал поговорку: *Смена точки зрения часто открывает скрытую истину.* Во многом именно эта идея определила его карьеру. Его способность смотреть на загадку под неожиданным углом не раз позволяла ему разглядеть то, что упускали другие.

Теперь же, рассматривая крошечный предмет между пальцами, он боялся, что как раз переживает один из таких моментов.

Потеряв равновесие от внезапного прозрения, Лэнгдон опёрся рукой на раковину. В своем воображении он видел все кусочки головоломки, которые собрал за день. И вдруг они рассыпались в воздухе, фрагменты перемешались и снова упали на землю. Постепенно картина в голове Лэнгдона собралась по-новому.

Господи… как я мог этого не заметить?

Мысль, возникшая перед ним, была почти немыслима, и все же он интуитивно знал — это правда. Как и всякая чистая истина, она объясня-

ла все вопросы… устраняла все несоответствия… и всё это время была прямо перед его глазами.

— Нелокальное сознание… — прошептал он. — Кэтрин была права.

— Я понял! — объявил Лэнгдон, выбегая из ванной и направляясь к выходу. — Нам нужно идти — потом объясню!

Что понял?! — в недоумении поспешила за ним Кэтрин. *Погоди!*

Когда она добралась до двери, Роберт уже несся вниз по темной лестнице. Настигнув его в прихожей, она увидела, что он стоит на коленях на коврике у двери квартиры Саши, словно пытаясь нащупать что-то под дверью. *Что он делает?* — Роберт, у нас же есть ключ, если…

— Это было даже *невозможно*! — воскликнул он, вскакивая на ноги, суетливо залезая в карман и доставая листок бумаги, который Кэтрин узнала — это была записка, найденная ранее под дверью Саши.

К изумлению Кэтрин, Лэнгдон несколько раз пытался просунуть записку под дверь, но каждый раз она упиралась в плотную резиновую прокладку, установленную для защиты от холода.

— Это было даже невозможно, — повторил Лэнгдон, наконец поднимаясь. — Я видел эту прокладку раньше, но не сообразил. Просто так записку сюда не засунешь!

— Понимаю это, — сказала Кэтрин, — но я всё же…

— Ты не видишь, Кэтрин? Записку оставили не снаружи… Тот, кто это сделал, был *внутри* квартиры всё это время!

По спине у нее пробежал холодок. *Он прятался внутри.* — В прихожем шкафу… — прошептала она, представив темноволосого русского, ожидающего подходящего момента… выходящего из шкафа… подсовывающего записку… громко стучащего по двери изнутри… и снова скрывающегося в шкафу. Блестящий трюк. И Саша, и Роберт попались на удочку.

— Нет, — сказал Лэнгдон, и лицо его побелело. — Не в шкафу. — Он выглядел так, словно переживал одно из самых страшных потрясений в жизни. — В шкафу *никого* не было. Укрытие было… куда изощреннее. — Теперь его голос дрожал. — Не могу поверить, что я не заметил…

— Что именно? Я не понимаю.

Лэнгдон поднялся. — Ты говорила об этом на своей лекции вчера вечером, — он пристально

посмотрел на Кэтрин. — Ты описывала это как доказательство нелокального сознания… подтверждение того, что наш мозг — приемник, и если он поврежден, сигналы могут путаться…

— Ты про синдром внезапной гениальности? — удивилась она. — Ладно, но я не вижу связи…

— Нет! То, что ты сказала сразу *после* этого!

Кэтрин на мгновение задумалась, вспоминая последовательность своей лекции, и вдруг осознала, о чем говорит Лэнгдон. Лишь секунду спустя она поняла, что он пытается ей сообщить. — О… Роберт… неужели ты думаешь…

— Я нашел это в ванной, — сказал он, поднимая что-то крошечное, зажатое между большим и указательным пальцами. — Оно прилипло к его грязной ермолке.

Кэтрин увидела, что держал Лэнгдон.

Если он был прав, все их представления о фигуре голема рассыпались в прах.

ГЛАВА 123

Пар окутывал душевую лаборатории в Бастионе Круцификс. Голем запрокинул голову, наслаждаясь мягкими струями воды на лице. Он аккуратно провел ладонями по щекам, чувствуя, как с кожи сходят последние засохшие частицы глины... последние следы Голема растворяются без остатка.

Проводя руками по голове, он с досадой осознал, что от усталости забыл снять подшлемник. Нащупав кончиками пальцев край обтягивающей шапочки, он оттянул ее ото лба, морщась, когда она соскользнула назад, неизбежно вырвав несколько волос с корнем.

Голем бросил шапочку на пол и осторожно помассировал кожу головы, позволяя воде промыть густые волосы, смывая остатки грязи. Лишь убедившись, что вода, уходящая в слив, стала абсолютно прозрачной, он вышел из душа.

Завернувшись в полотенце, он остановился у раковины, уделив редкие мгновения изучению своего отражения в зеркале.

Глаза, смотревшие на него, были воспалены и усталы... лицо изрезано шрамами бурного прошлого. Он знал, что это некрасивое лицо, и все же

оно было даровано ему.

Я научился видеть в нем красоту, подумал он.

Со временем Голем полюбил это лицо... как светлые волосы ниспадают на плечи, обрамляя наивные голубые глаза. Даже кривой нос теперь казался ему обладающим особым шармом. Он представил себе освещенную свечами фотографию на стене своей *святыни* и улыбнулся.

— Саша, — прошептал он отражению. — Как бы я хотел, чтобы ты меня знала. Блондинка в зеркале не ответила.

Несмотря на физическое присутствие Саши в комнате, она ничего не слышала. Голем заключил ее в подобный сну поток, где она пребывала в блаженном неведении обо всем, включая саму себя.

Хотя они делили одно тело, Голем давно утвердил свое главенство, всегда оставаясь контролирующей силой, тщательно фильтруя то, что Саше позволялось видеть, помнить, понимать. Он делал это ради ее защиты, чтобы укрыть ее хрупкую душу. Он был сейфом для ее боли, армией для ее битв.

Ты призвала меня, Саша... и я ответил.

Голем никогда не забудет тот ужасающий момент в российской психиатрической клинике,

когда душа Саши, больше не в силах терпеть страдания, отчаянно взывала к вселенной о помощи.

Мгновение моего рождения...

Лишь немногие помнят момент своего появления на свет, но Голем помнил. Он внезапно вспыхнул сознанием, пробудившись к чистейшему ужасу, обнаружив себя в теле, которое беспощадно избивали. Переполненный болью и яростью, он инстинктивно восстал, призвав силы, которые это тело никогда прежде не использовало, и сжал горло нападавшего. Стоя над безжизненным телом ночной сиделки Саши, Голем впервые услышал собственный глухой голос.

— Я твой защитник, Саша. Теперь ты в безопасности.

В прихожей перед квартирой Саши мозг Кэтрин Соломон отчаянно пытался упорядочить поток тревожных мыслей, вызванных словами Лэнгдона. Он был прав, утверждая, что в её вчерашней лекции упоминался синдром внезапного саванта — состояние, которое она считала явным доказательством нелокального сознания, когда повреждённый мозг принимает множество сиг-

налов.

Он также *верно* подметил, что она затем обсуждала *второй* поразительный феномен.

«Существует ещё одно любопытное расстройство, — говорила Кэтрин аудитории, — связанное с синдромом внезапного саванта, поскольку оно тоже указывает на способность мозга получать множество сигналов. Это явление известно под клиническим термином «диссоциативное расстройство личности» — хотя большинству оно знакомо как «раздвоение личности» — психологический феномен, проявляющийся в наличии *нескольких* отдельных личностей, сосуществующих в *одном* теле.»

Как пояснила далее Кэтрин, это задокументированное во всём мире состояние чаще встречается у женщин и часто развивается как механизм защиты от повторяющегося физического или сексуального насилия. В большинстве случаев вторая личность проявлялась с целью *поглощения* боли носителя, переживая травму вместо него — своего рода заместительной жертвы — удерживая страдания, блокируя все воспоминания о них и позволяя носителю «диссоциироваться» от собственных мук.

Эта вторая личность известна как альтер или

«альтер-эго» и обычно появляется внезапно, как разрыв, во время острой травмы. Проявившись, альтер может затем поселиться в носителе навсегда, оставаясь на годы или даже всю жизнь в роли своеобразного защитника, поглощая самые тёмные воспоминания субъекта в форме избирательной амнезии — давая чистый лист для движения вперёд. Нередко защитное альтер-эго брало контроль над телом и становилось *доминирующей* личностью, решая, когда и как травмированный субъект мог безопасно «вернуться». Диссоциативное расстройство личности было впервые диагностировано в XIX веке под названием «двойное сознание» — своего рода бодрствующая лунатизация, когда человек, казалось, находился под контролем другого сознания, совершающего действия без его ведома, разрешения или последующего воспоминания.

Два самых необычных случая в истории были так тщательно документированы, что стали основой для бестселлеров *«Три лица Евы»*, *«Незнакомцы в моём теле»* и *«Сибил»*. Конечно, самой известной в истории книгой об этом расстройстве остается *«Странная история доктора Джекила и мистера Хайда»* Роберта Льюиса Стивенсона. Кэтрин знала, что многие случаи ДРЛ включали

несколько альтер-эго — у некоторых было больше десятка личностей, живущих в одном теле. Удивительно, но все альтеры обладали разными голосами, акцентами, почерками, навыками, пищевыми предпочтениями и даже гендерной идентичностью. Они ходили по-разному, предпочитали разные места обитания, страдали от разных болезней и даже имели разный IQ и зрение.

Один радиоприёмник, принимающий множество разных станций…

Психиатры резко расходились во мнениях о том, как такие поразительные различия между альтер-эго вообще возможны, а некоторые скептики даже обвиняли пациентов с ДРЛ в том, что они — искусные актёры, ищущие внимания. Однако, когда пациенты проходили строгие тесты с МРТ, детекторами лжи и сложными линиями допроса, результаты всегда были одинаковы — в одном теле действительно *существовало* несколько отдельных личностей.

Некоторые альтеры *осознавали* других, живущих с ними в так называемой «системе», и назывались «со-сознательными». В отличие от них, другие вообще не подозревали о существовании системы, веря, что они одиноки в теле. Часто

у них случались провалы в памяти, когда более сильные альтеры блокировали их, захватывая передний план сознания — это явление называлось «фронтированием».

Сейчас, стоя с Лэнгдоном в мрачном холле, Кэтрин почувствовала, как её внимание прикован к вытянутой из ермолки светлой пряди. Его вывод был шокирующим… и логичным. *Он думает, что Голем и Саша — один и тот же человек.*

Если Роберт прав, то найти Сашу уже не получится. Трагично, но психическое расстройство, возникшее, чтобы спасти жизнь Саши Весны, скорее всего, её и оборвало. Голем должно быть погиб во взрыве… унеся с собой и Сашу.

◆ ·· ◆

Голем закончил одеваться и придирчиво осмотрел себя в зеркале. Её образ всегда казался ему чужим, и всё же чаще всего в мире он существовал именно так — одетый как Саша, в одежду, которую она каждое утро надевала.

Сегодняшний наряд — джинсы, белая блузка, кроссовки и пуховик — были вещами, которые Голем оставил в офисе Саши именно для такого момента. Выглядело это непривлекательно, её волосы были спутаны и влажны, но это делало

её жалкой фигурой… а ей отчаянно нужна была жалость.

Помогите Саше…

Голем старался быть молчаливым партнёром в жизни Саши, скрываясь в самых глубинах её сознания, наблюдая, как она смело строит свою новую жизнь… жизнь, которую заслужила. Как любой заботливый защитник, Голем иногда вмешивался, чтобы оберегать Сашу. Он выходил вперёд и тихо брал управление, захватывая её тело, с лёгкостью подражая её голосу и манерам. Это делалось для её защиты… чтобы уберечь от опасных ситуаций, болезненной правды или сложных решений, к которым она была не готова.

Для Саши эти моменты были короткими провалами в памяти, похожими на то, как иногда, ведя машину, ты прибываешь в пункт назначения, не помня, как туда добрался. Она мирилась с временами возникающими пробелами. В последнее время вмешательства Голема стали реже, потому что Саша была счастливее, чем когда-либо.

Причиной её счастья был Майкл Харрис. Саша влюбилась.

Привлекательный атташе появился в её жизни случайно — во всяком случае, так казалось, и хотя

Голема смущала их растущая физическая близость, он решил не вмешиваться. Саша заслужила первую любовь, а Майкл казался достойным человеком.

Как выяснилось, внешность обманчива.

Три недели назад Голем лежал на пеньковом мате в своей *святыне,* наслаждаясь после припадочным блаженством, когда услышал кого-то в квартире внизу. Озадаченный, он прижал ухо к полу и разобрал звуки, похожие на *обыск* квартиры Саши. Прежде чем он успел одеться и сбежать вниз, внизу раздался громкий голос.

Это был голос Майкла Харриса.

Ошеломлённый, Голем услышал телефонный разговор Харриса с послом США. Из беседы стало ясно не только то, что у Харриса были скрытые мотивы для дружбы с Сашей, но и что доброта её наставницы, доктора Бригиты Гесснер, тоже могла быть показной.

За считанные секунды Голем пересмотрел идеальную жизнь, которая, как он думал, досталась Саше. Он хорошо знал о множестве медицинских процедур, через которые она прошла, но до сих пор верил, что Бригита Гесснер исцелила её от недугов из добрых побуждений — и продолжала препаратами улучшать результат.

Теперь Голем увидел иную правду. С этого момента он почти всегда присутствовал, наблюдая глазами Саши, слушая, направляя и ожидая момента, чтобы раскрыть истину. Прошлой ночью он наконец воспользовался шансом, изолировав Гесснер в лаборатории и увековечив её предательство. Записанное признание Гесснер раскрыло всё… операции, импланты, смерть Дмитрия, психотропные препараты, мистера Финча, ЦРУ и их истинные цели в Праге.

«Порог» больше не существует, — ликовал Голем, выходя из лабораторного туалета в коридор. Он надеялся, что Роберт Лэнгдон и Кэтрин Соломон успели сбежать; американский профессор сегодня проявил к Саше невероятную доброту, а его подруга-учёный понимала вселенские законы так же, как это дано лишь немногим вроде самого Голема.

Сегодняшний день, хоть и завершившийся триумфом, преподнёс немало неожиданных испытаний. Первым шоком для Голема стала встреча с офицерами ÚSZI у бастиона; вторым — увидеть Лэнгдона склонившимся над телом Гесснер; а третьим — вызванный, несомненно, первыми двумя — эпилептический припадок в лаборатории, который он не смог предотвра-

тить.

Проблема припадков заключалась в том, что сознание Голема всегда перезагружалось в исходное *состояние* — Сашу. Она просыпалась одна, беззащитная. После приступа её сознание полностью управляло телом, пока спустя несколько минут не возвращался Голем, чтобы взять контроль. Поэтому в своей *святыне* он всегда погружал её в полную темноту, получая «Эфир»: так Саша просыпалась во мраке, а не в незнакомом помещении.

Этим утром, после припадка рядом с телом Гесснер, Голем с трудом вернул себе контроль и обнаружил, что его поддерживает Роберт Лэнгдон. Понимая, что путь к «Порогу» придётся отложить, Голем уговорил Лэнгдона бежать из бастиона — якобы с Сашей — но профессор всё это время, спускаясь по заснеженному склону к парку Фолиманка, находился под его незримым присмотром.

В квартире Саши скорое прибытие Харриса стало идеальным шансом наказать жестокого предателя, поэтому Голем отослал Лэнгдона подальше от опасности с помощью простой иллюзии — клочка бумаги, стука в дверь, мимолётного возвращения в ванную. Лэнгдон нашёл послание

и выбежал в переулок в носках, даже не заметив, как Голем наблюдал за ним из окна Саши.

Менее часа назад, здесь в бастионе, на него напала женщина-оперативник, и он до сих пор видел её ошеломлённое лицо, когда она в отчаянии вонзила руки в грудь Голема… и наткнулась на мягкие очертания Сашиной груди.

Я не тот, кем ты меня считаешь.

И последнее испытание, случившееся внизу, у «Порога». Лишившись магнитного прута, Голем получил ещё один приступ и лихорадочно искал в купольном зале безопасное место, чтобы его переждать, в итоге забравшись внутрь одной из амортизированных капсул. Это было знакомое ему место.

Я умирал там много раз.

Голем содрогнулся, вспоминая истинную суть экспериментов Гесснер — раз за разом доводить Сашу до края и возвращать обратно. Тогда он верил в её великодушие и старался впитывать всю боль этих событий сам, ограждая Сашу от ужаса и страха. К счастью, Саша не помнила, как много раз Гесснер вводил ей наркотики и перевозил через Порог, чтобы проводить различные эксперименты в операционной и капсульном отсеке.

Но я помню, подумал Голем.

Смутные проблески воспоминаний всё ещё преследовали его.

Другая жизнь, сказал он себе. Это было в прошлом.

Будущее уже было близко — то будущее, которое он планировал для Саши, которое она заслуживала. *Скоро я освобожу её и исчезну*. Всё, что оставалось, — это подняться из этого подземного мира… и добраться до посольства Соединённых Штатов.

ГЛАВА 124

Лэнгдон стоял на кухне Саши Весны, все еще осмысливая то, что они с Кэтрин обнаружили. Два сиамских кота крутились у его ног, а воздух все еще был наполнен ароматом чая «Русский караван». И все же теперь ее дом казался ему совершенно чужим.

Когда я был здесь, вероятно, разговаривал не с настоящей Сашей.

Это открытие было крайне тревожным, но психологическое состояние Саши объясняло множество вопросов — доступ Голема к Бастиону Распятия... потеря памяти Саши... странная квартира наверху... и, возможно, даже то, почему Лэнгдону дали ключ от ее квартиры и настоятельно попросили вернуться. *Она хотела,* чтобы я *нашел тело Харриса и передал конверт послу?* Как бы то ни было, осознание личности Саши проливало свет на многие вещи.

Кэтрин присоединилась к нему на кухне, осмотрев квартиру. «Интересно, — задумчиво произнесла она, — выбрал ли «Порог» *эпилептиков* в качестве подопытных из-за их склонности к внетелесным переживаниям... или потому, что

эпилепсия давала Бригите идеальное прикрытие для проведения операций на мозге без лишних подозрений.»

Хороший вопрос, и Лэнгдон предположил, что могло быть и то, и другое. «В любом случае, это непростительно. Думаю, с Дмитрием что-то пошло ужасно не так, и он мертв, как и указывали записи.»

Между ними повисло долгое молчание, пока Лэнгдон разглядывал милые, почти детские украшения на кухне.

«А что насчет этих двоих?» — спросила Кэтрин, приседая и гладя ухоженных котов Саши. «Когда их в последний раз *кормили*?»

Верно, подумал Лэнгдон. *Им понадобится новый хозяин.* Он подошел к шкафу под раковиной и достал пакет с кошачьим кормом.

«Я займусь этим», — сказала Кэтрин, забирая пакет. «Ты должен сделать звонок.» Лэнгдон подошел к телефону на стене и набрал номер, который дал ему Скотт Кербл. Когда начались гудки, он задумался, что скажет, когда Кербл спросит о Саше Весне. *Мы не нашли ее. Она погибла в «Пороге». Кстати, она убила Майкла Харриса.* Лэнгдон все еще пытался осознать, что Саша могла глубоко любить Харриса, в то время как ее альтер-эго зна-

ло правду о нем и ненавидело его. *Две личности. Одно тело.*

Лэнгдон вспомнил, как однажды читал о судебном деле по обвинению в изнасиловании против Уильяма Миллигана, который на детекторе лжи доказал, что не помнит преступлений. Оказалось, Миллиган страдал диссоциативным расстройством идентичности; один из его «альтер-эго» совершил преступления без его ведома. Миллигана оправдали и поместили в психиатрическую клинику.

До появления современной психиатрии людей с расщеплением личности нередко направляли к единственным доступным тогда специалистам — священникам. Церковь часто ставила им диагноз «одержимость демонами» и прописывала стандартное лечение: «экзорцизм.» Благословенный обряд экзорцизма и по сей день регулярно совершается над людьми с психическими расстройствами. Хотя Лэнгдона всегда приводило в ужас это знание, он вынужден был признать, что объяснение Кэтрин о нелокальном сознании открыло новый ракурс.

Возможно, экзорцист пытается не изгнать демона из тела… а перенастроить его приёмник, чтобы заблокировать нежелательную частоту.

— Здесь Кёрбль, — раздался в трубке знакомый голос, возвращая Лэнгдона в настоящее.

— Здравствуйте, это Роберт Лэнгдон.

— Мы ждали вашего звонка, сэр. Сейчас соединим с послом Нагелем.

Лэнгдон удивился, что посол свободна для разговора. *Я думал, её арестовали.*

Видимо, в посольстве что-то изменилось.

— Профессор, — послышался в трубке голос посла. — Не передать, как я рада, что вы оба в безопасности. Скотт рассказал, что был… весьма близкий вызов.

— Ближе, пожалуй, и некуда, — отозвался Лэнгдон. — А мы слышали, вас задержал директор ЦРУ?

— Да, хотя директор Джадд утверждал, что это временная мера защиты для моей же безопасности.

— Вы ему верите?

— Мне *очень хочется* верить, — ответила Нагель. — Он сказал, что опасался, как бы Финч… Не знаю. В любом случае, с момента нашего последнего разговора от Финча не было вестей.

— Финч мёртв, — прямо заявил Лэнгдон. — Мы видели его у Порога перед взрывом. Кэтрин и я выбрались последними, а Финч...

— Понятно, — резко прервала она, и в голосе дрогнули нотки потрясения. — Не по телефону. Обсудим это лично.

— Нам есть что обсудить, — согласился Лэнгдон. — Посольство — безопасное место для разговора?

— Не уверена, — ответила Нагель. — Я бы предложила отель, но он слишком очевиден, и я не могу гарантировать нашу безопасность. Пока нет. — Она сделала паузу. — Вы знаете сталактитовую стену?

— Знаю, — удивился Лэнгдон её выбору столь публичного места… да ещё печально известного мрачной атмосферой. — Это недалеко от посольства, но не уверен, что—

— Приходите как можно скорее.

• •• •

В штаб-квартире ÚZSI лейтенант Павел молча собирал последние личные вещи из своего шкафчика. После долгого допроса у нового начальника его понизили в звании и отправили в трёхмесячный отпуск с испытательным сроком.

Сюда я больше не вернусь, понимал Павел.

Всё изменилось сейчас. Хотя воспоминания о том дне были смутными, Павел никогда не

забудет образ своего дяди, лежащего мёртвым в ледяном овраге. Гибель капитана официально отнесли к несчастным случаям, и сколько бы Павел не хотел протестовать — это не имело смысла. Более того, расследование ÚZSI было остановлено американским послом, получившим все преимущества, разоблачив методы Яначека, которым он незаконно задержал двух видных американских граждан.

Павел вышел из здания и зашагал к автобусной остановке. На месте его ждала девушка. С приветливым лицом, она вызвала у Павела слабую улыбку.

— *Но холодно же, вежливо сказал он. Как холодно.*

Женщина тут же отвернулась и отошла на другой конец остановки. Павел внезапно ощутил себя неизмеримо одиноким в этом мире.

Когда подъехал автобус, Павел вошёл и направился в конец салона. Никто не поднял глаз, все пассажиры уткнулись в свои устройства. Он опустился на сиденье и достал телефон, машинально открыв Dream Zone — симулятор виртуальных свиданий.

На экране тут же появились несколько новых запросов, и Павел ожидал ту самую искорку теп-

лоты, что всегда сопровождала надежду на новые возможности. Однако сегодня телефон был холодным в его руке. Он долго смотрел на яркий экран, а затем неожиданно для самого себя выключил его и засунул обратно в карман. Закрыв глаза, он прочитал молитву за дядю и прислушался к ровному шуму автобуса, увозившего его домой.

ГЛАВА 125

«Капельная стена» — одна из самых сюрреалистичных древних достопримечательностей Праги — напоминает величественный утес из расплавленной породы. Возвышаясь на сорок футов над Валленштейнским садом, этот загадочный памятник XVII века создает впечатление застывшего посреди потока каскада лавы, превратившегося в стену из текучих сталактитов, бугристых выступов и аморфных углублений.

Официально известная как Грот, она и по сей день остается одним из самых мистических мест Праги. Органичные изгибы каменной поверхности обладают почти фантасмагорическим качеством, и посетители любят разглядывать многочисленные гротескные лики, будто выглядывающие из стены. Веками церковные деятели требовали снести стену, утверждая, что она одержима злыми духами и привлекает их. Туристы часто жалуются на кошмары после посещения этого места, а несколько видных деятелей почувствовали тошноту, стоя перед ней.

Но посол Нагель к их числу не принадлежала.

Меня это успокаивает, — подумала она, глядя

на стену перед собой. Грот выглядел особенно прекрасным сейчас, приглушенный и бледный в угасающем послеполуденном свете, с белыми снежными кружевами, осевшими в складках и щелях бесчисленных лиц.

Пока Нагель стояла в сгущающихся сумерках, в стене перед ней проявлялись новые лица. Она знала, что лишь малая часть видимых ею ликов была реальной — *задумкой* архитектора. Остальные, как оказалось, она *галлюцинировала* — это был психологический феномен под названием *парейдолия*. Мозг естественным образом стремится находить осмысленные формы в размытых контурах, и люди видят лица во всем — от облаков до узоров на ткани, от тарелки супа до теней на озере. Достаточно двух точек и линии — и большинство человеческих мозгов сделают одно и то же умозаключение.

Из своей работы в ЦРУ Нагель сделала вывод, что сторонники теорий заговора страдают своего

рода когнитивной парейдолией, видя подозрительные закономерности там, где их нет... создавая порядок из хаоса.

Эверетт Финч был противоположностью. Он различал *реальные* закономерности и использовал их для создания хаоса... всё ради сохранения некоего порядка в мире. Новость о смерти Финча дала Нагель временную передышку, но праздновать было нечего. Она усвоила одну простую истину за время работы в ЦРУ: *Добро и зло не существуют в чистом виде.* Его жесткость, как она знала, была продиктована глубокой преданностью агентству, пытавшемуся укрепиться в новом смелом мире мозговых технологий.

«Совы спят», — прозвучал позади нее низкий голос, отражаясь от зловещей поверхности Капельной стены.

На мгновение Нагель подумала, что подслушала какой-то шпионский пароль, но, обернувшись, увидела два знакомых лица. Роберт Лэнгдон и Кэтрин Соломон приближались, проходя мимо садового вольера, где неподвижно сидели местные совы Валленштейна, спрятавшие головы в плечевые перья.

Нагель улыбнулась и пожала им руки, как всегда в сопровождении своего неутомимого

телохранителя Скотта Кербла, который появился из тени и присоединился к группе. У Лэнгдона и Соломона по-прежнему не было пальто, но, к счастью, разговор не планировалось вести на улице. «Идите за мной», — сказала она, направляя их к Капельной Стене. «Поговорим внутри».

Лэнгдон поднял взгляд на массивный утес, явно озадаченный. «Внутри… *где*?»

Без лишних слов Нагель провела группу к подножию стены и остановилась у крошечной деревянной двери — не выше четырех футов — окруженной пугающими образованиями, напоминающими черепа. Выражение недоверия на лице Лэнгдона достигло предела, когда Нагель достала ключ и отперла дверь.

Одна из привилегий посла США, подумала она. Богатые американцы, владевшие тем, что находилось за дверью, одолжили Нагель ключ, предоставив ей доступ к этому незаметному черному ходу в надежде, что она будет наведываться почаще, что она и делала.

Войдя внутрь, Нагель задумалась, что бы подумал Лэнгдон, узнай он, куда они направляются. За этой стеной, в одной из шести залов, освещенных свечами, профессор мог бы оказаться лежащим обнаженным на гранитной плите, пока облачен-

ные в робы служительницы поливали его тело горячим воском.

У нее есть ключ?

Если память не подводила Лэнгдона, знаменитая Капельная Стена Праги была возведена у заднего фасада августинского монастыря XIII века — монастыря Святого Фомы — а значит, он только что прошел сквозь стену в древние, священные коридоры.

Впрочем, не такие уж священные, усмехнулся он про себя.

Как и многие монастыри Европы, эта величественная обитель была перепрофилирована для нужд все более секулярного мира. В данном случае она превратилась в отель Marriott — Augustine Luxury. Древняя монастырская пивоварня стала ультрамодным баром Refectory, а старинный скрипторий сохранился в первозданном виде, со старыми текстами, письменными принадлежностями и точильными камнями для перьев.

«Как можно тише», — прошептала Нагель, провожая их по узкому коридору к служебной двери. Когда она распахнула ее, Лэнгдон очутился в элегантном холле, где витали ароматы чайного

дерева, ладана и эвкалипта.

«Вы привели нас в *спа*?» — спросил он, когда они подошли к позолоченной двери, где табличка перечисляла различные процедуры, в том числе их визитную карточку — Монашеский Ритуал. Он не был знатоком монастырских уставов, но был почти уверен, что монашеские ритуалы не включают в себя лавандовые свечи для тела и коллагеновые маски.

«Здесь мы в безопасности», — прошептала она. «Персонал мне знаком, а стены звукоизолированы».

После этого Нагель жестом попросила их подождать, пока она скрылась внутри. Через несколько секунд она вернулась с брелком и провела их по коридору, где открыла один из приватных *салонов* для послепроцедурного отдыха.

Безоконный зал был стилизован под церковное помещение с мерцающими электрическими свечами, витражами и фоном из грегорианских хоралов. Как отметил Лэнгдон, эта музыка появилась на четыре века раньше самого монастыря. Но, анахронизмы aside, он мог представить себе места и похуже. *Уединенно и тепло*. Что еще лучше, Кербл отправился в отель, чтобы раздобыть им еду.

«Прежде всего, — сказала Нагель, сбрасывая зимнее пальто и жестом приглашая их сесть на удобные диваны, — я даже не могу представить, через что вам сегодня пришлось пройти. Я рада, что вы в порядке, и понимаю, что нам многое предстоит обсудить. Но прежде чем углубляться в детали, мне хотелось сообщить очень хорошие новости». Она устало улыбнулась. «Оказывается, компрометирующие доказательства, которые мы надеялись раздобыть о Threshold… Теперь они у нас *есть*».

Как? Лэнгдон задумался, представляя себе, как все материальные доказательства существования «Порога» превращены в пыль и погребены под обломками… вместе с самым неопровержимым — и самым трагичным — свидетельством. *Самой Сашей Весной.*

Нагель взглянула на них обоих, выглядев усталой, но полной энергии. — Как выяснилось, у нас есть ангел-хранитель. Точнее сказать, у Саши Весны есть ангел-хранитель.

Лэнгдона поразили эти слова. Он сразу же представил себе закутанную фигуру, назвавшуюся защитником и хранителем Саши. *Неужели Нагель знает о её раздвоении личности?*

— И её ангел-хранитель, — добавила она, —

прислал мне *это.*

Нагель достала лист бумаги и положила перед ними. Увидев его, Кэтрин ахнула. Лэнгдон почувствовал, как его охватывает мороз, когда он прочёл написанное от руки послание на бланке с кошачьим принтом.

Пожалуйста, помогите Саше.

Господи, подумал он, представляя руки Саши, выводящие эти самые слова… отчаянный крик о помощи… мольбу, о которой, что странно, Саша сама не знала.

Посол быстро объяснила, что URL-адрес в сообщении ведёт к тяжёлой видео-исповеди, где Гесснер раскрыла всё, что знала о «Пороге» — испытания на людях, операции на мозге, импланты, психофармацевтика, околосмертные переживания, список причастных… весь ужас.

— Видео очень тяжёлое для просмотра, — сказала Нагель, — но его существование означает, что ЦРУ больше никогда не сможет преследовать вас.

Она дала им время осознать это.

— Я сохранила копию и сделаю резервные. Короче говоря, что бы ни случилось, это видео — всё, что вам нужно для страховки. — Её глаза блеснули в свете свечей. — Ваша атомная бомба.

— И *ваша тоже,* надеюсь, — тихо сказала Кэтрин.

Нагель кивнула. — Хотя не уверена, насколько она нам понадобится. Директор, похоже, был так же шокирован, как и я, узнав о некоторых вещах, происходивших в» Пороге».

— Он *должен* был знать, — возразил Лэнгдон. — Он же *директор.*

— Да, поэтому он мог *не* знать, — парировала Нагель. — В агентстве жёсткое разделение по отсекам — правдоподобное отрицание, автократическая эффективность. Он поставил Финча руководить и потому знал бы только то, что тот захотел бы сообщить.

Возможно, подумал Лэнгдон, *а возможно, и нет.* Он поднял письмо, понимая, что посол ничего не знает о состоянии Саши. — Но почему опекун Саши отправил это именно *тебе*? Почему не передать видео напрямую прессе?

— В этом видео, — сказала Нагель, — доктор Гесснер признает, что я почти ничего не знала об истинной цели «Порога» и была бы в ужасе, узнав о его существовании. Полагаю, именно это признание стало причиной, по которой опекун Саши доверил видео *мне*… видимо, считая, что я достаточно влиятельна, чтобы помочь Саше…

или что-то изменить. Само собой разумеется, что если мы найдем Сашу, я сделаю всё возможное, чтобы ей помочь. Она — жертва, и я *действительно* сыграла роль в создании «Порога»… хоть и под принуждением, не понимая сути. — Она вдруг отвела взгляд, уставившись в пустоту. — Но Майкл Харрис… — прошептала она, почти со слезами, — то, что я заставила его сделать… шпионить за Сашей по приказу Финча… Это стоило Майклу жизни. — Она снова посмотрела на них. — Я буду нести этот груз вины и стыда до конца дней.

Лэнгдон задумался, как Нагель отреагирует, узнав сложную правду об убийце Харриса. Женщина, которой ты приказала его соблазнить, в каком-то странном смысле сама его и убила.

— Защитник Саши, — сказала Кэтрин. — Её «ангел-хранитель», как ты выразилась. Ты узнала, кто это?

— Точных доказательств нет, — ответила Нагель. — В видео он мельком появляется в маске, но у меня есть сильное подозрение, кто это мог быть.

Лэнгдон и Кэтрин удивленно переглянулись.

— Человек на видео, который пытал Гесснер, говорил с русским акцентом, — продолжила Нагель. — И сказал ей, что наказывает за предатель-

ство доверия Саши. Но в его ярости чувствовалось что-то личное… будто он и сам был подопытным «Порога».

Так и было, подумал Лэнгдон. *В каком-то смысле он был третьим пациентом.* Он не до конца понимал сложности ДРИ, но, похоже, процедуры, которые Гесснер проводила над Сашей, могли переживаться её альтер-эго — особенно если оно было защитным и брало на себя самые болезненные моменты её жизни. Как объясняла Кэтрин, доминирующая личность могла решать, какое сознание будет главным в каждый конкретный момент.

— Директор сообщил мне, — продолжила Нагель, — что первый подопытный «Порога» тоже был русским и взят из того же учреждения, что и Саша. Его звали Дмитрий Сысевич. Финч утверждал, что он *погиб* во время программы, но директор говорил, что не видел доказательств его смерти. Возможно, Финч солгал по какой-то причине.

Финч не лгал, знал Лэнгдон. Дмитрий мертв. Мы видели его медицинскую карту.

— Учитывая содержание видео, — с сожалением сказала Нагель, — мы с директором пришли к выводу, что Дмитрий Сысевич, должно быть,

выжил и вернулся, чтобы отомстить.

В тягостной тишине Лэнгдон взглянул на Кэтрин, их взгляды встретились. Оба понимали, что пришло время поведать послу правду.

— Мэм, — повернулся к ней Лэнгдон. — Человек, которого вы видели на видео… это *не* Дмитрий Сысевич.

ГЛАВА 126

Послу Нагель было неясно, сколько времени прошло, когда группа выбралась через Сталактитовую Стену. *Час? Два?* Над Валленштейнским садом сгустилась тьма, и в тенях словно витало зловещее предчувствие.

Она все еще не могла прийти в себя после того, что Лэнгдон рассказал о Саше, и хотя Нагель понимала, что со временем сможет принять правду *разумом*... ее терзала мысль, что один факт навсегда останется для нее как нож в сердце.

Майкла Харриса убила...Саша.

— Ты должна помнить, — настаивала Кэтрин. — Это была *не* Саша. Она любила Майкла. Ты должна думать о них как о *двух разных людях*.

Так или иначе, эта новость вызвала новую волну душившего ее чувства вины. Нагель ловила себя на мысли, что хочет попросить прощения у Майкла и Саши... но их обоих уже не было в живых.

Даже Валленштейнский сад теперь казался ей безжизненным — кусты роз укутаны в мешковину, а пруд осушен на зиму. Нагель сомневалась, что доживет до его весеннего возрождения. Всего

несколько часов назад она обладала достаточным политическим весом, чтобы делать все, что пожелает, но теперь ей больше не хотелось быть послом США в Праге.

Меня не должно было здесь быть, подумала она. Меня прислали как марионетку.

Вероятно, она подождет месяц, чтобы помочь посольству пережить текущий кризис, а затем подаст в отставку. Она понятия не имела, чем займется дальше, но чувствовала, что в ней еще осталась боевая жилка... и куда больше, что она могла бы дать этому миру.

Сейчас же ее самой насущной задачей было вернуть USB-накопитель, который Скотт Кёрбл ловко вынес из посольства в коробке с вещами Даны. Вскоре он должен был прийти к ней в квартиру, чтобы забрать его.

Выходя из сада, Нагель оглянулась на Лэнгдона и Соломона, шедших следом и тихо беседующих. Несомненно, оба были смертельно уставшими и нуждались в сне.

— Я отвезу их в отель, — сказал Кёрбл, словно прочитав ее мысли. — Сразу после того, как отвезу тебя в посольство.

Они вышли под свет уличных фонарей, и Нагель поняла, что больше всего будет скучать

именно по Кёрблу. — Скотт, — тихо проговорила она. — Я прекрасно осознаю, на какой риск ты сегодня ради меня пошел... и я не воспринимаю твою преданность как должное.

Морпех улыбнулся ей — что случалось редко — и коснулся козырька фуражки. — Как и я *твою.*

ГЛАВА 127

Лэнгдон давно считал, что самое тревожное и выразительное произведение искусства в Европе — это «*Жертвы коммунизма*» — мемориал из шести бронзовых фигур в натуральную величину, спускающихся по широкой бетонной лестнице. Каждая из них изображала истощённого бородатого человека, причём все шесть фигур представляли одного и того же человека... находящегося на разных стадиях разложения... у одного не хватало руки, у другого — половины головы, у третьего в груди зияла огромная рана.

«Непокорность и стойкость», — вспомнил Лэнгдон смысл, вложенный скульптором. «Этот человек, несмотря на уровень своих страданий, продолжает стоять».

Лэнгдон не ожидал увидеть эту скульптуру во время нынешнего визита в Прагу, и всё же она промелькнула за окном посольского седана, когда они мчались по улице Уезд. Он хотел было показать её Кэтрин, но она уже спала, положив голову ему на плечо, а её растрёпанные волосы нежно касались его щеки.

После того как сержант Кербл отвёз посла в

посольство, он теперь вёз Лэнгдона и Кэтрин на юг, вдоль Петршинских садов, направляясь в отель «Четыре сезона» и долгожданный отдых. Повернув налево на Легионов мост, Лэнгдон закрыл глаза и прислушался к ровному дыханию Кэтрин, утешаясь этим обнадёживающим звуком...жизни.

Сегодня понятие *смерти* присутствовало слишком явно — не только в разговорах, но и в реальности Лэнгдона... он чуть не замёрз насмерть в водах Влтавы, затем в него стрелял Павел, и он едва сумел сбежать от Порога.

Любопытно, что за последний год всё, что Лэнгдон узнал от Кэтрин о сознании, изменило его взгляд на смерть... заметно уменьшив страх перед старением и неизбежным концом. Если подход Кэтрин к нелокальности сознания окажется верным, то логично предположить, что какая-то часть Лэнгдона — его сущность, душа, разум... переживёт смерть тела и продолжит существовать.

«Не тороплюсь это проверять», — подумал он, наслаждаясь теплом головы Кэтрин на своём плече.

Вчера, гуляя по Вышеграду, они случайно наткнулись на необычный и мрачный реликварий с человеческой лопаткой — якобы принадлежав-

шей святому Валентину, — и Кэтрин озадачила его на первый взгляд простым вопросом: *«Как вы определяете смерть?»*

Никогда не задумываясь о смерти буквально, Лэнгдон растерялся и в итоге дал слабый, тавтологичный ответ, который ни за что не принял бы от своих студентов: *«Смерть — это отсутствие жизни».*

К его удивлению, Кэтрин сказала, что его ответ очень близок к официальному медицинскому определению: *«Необратимое прекращение всех функций клеток»*. А затем сообщила, что официальное медицинское определение на 100 % неверно.

«Смерть, — объяснила она, — не имеет ничего общего с *физическим* телом. Мы определяем смерть с точки зрения *сознания*. Представьте себе пациента с мёртвым мозгом, подключённого к аппарату жизнеобеспечения — его тело технически ещё живо, но мы спокойно отключаем его. Без *сознания* мы рассматриваем тело человека как по сути *мёртвое*... даже если его физические функции в полном порядке».

«Верно», — осознал Лэнгдон.

«И обратное тоже верно, — продолжила она. — Парализованный в инвалидном кресле, поте-

рявший физические функции всего тела, но сохранивший *сознание,* очень даже жив. Стивен Хокинг, по сути, был разумом без тела. Представьте, если бы кто-то предложил отключить его!»

Лэнгдон никогда не слышал, чтобы эту мысль выражали так.

«Роберт, — завершила она, — мы больше не можем игнорировать растущее количество доказательств, что сознание может существовать *вне* тела... за пределами мозга. Настал день, когда нам нужно полностью переопределить сознание... а значит, и полностью переопределить *смерть*!»

Лэнгдон надеялся, что она права, и что смерть не так «окончательна», как думают большинство. Из глубин памяти всплыли древние поучения Асклепия:

Слишком многие боятся смерти и считают её величайшим несчастьем: они не знают, о чём говорят. Смерть приходит как освобождение от изможденного тела... Как тело покидает материнскую утробу, достигнув зрелости, так и душа покидает тело, достигнув совершенства.

В юности, изучая сравнительное религиоведение, Лэнгдон поражался *универсальности* идеи перерождения и жизни после смерти — единственной непоколебимой уверенности, которую

предлагает каждая религиозная традиция, сохранившаяся до наших дней. Он всегда считал эту общую черту примером дарвиновского «выживания сильнейшего». *Единственные религии, которые выжили, это те, что предлагают решение величайшего страха человечества.*

Более духовная сторона Лэнгдона частенько задавалась вопросом: может быть, древнейшее обещание вечной жизни на самом деле *предшествовало* религии... уходя корнями в утраченную мудрость древних... в те времена, когда человеческий разум был ещё не настолько замусорен и мог воспринимать глубочайшие истины, пронизывающие вселенную.

«Это мысль на другой раз», — решил он, когда машина замедлилась у «Четырёх сезонов».

«Эй, соня», — шепнул он Кэтрин. — «Мы приехали».

Фокман бросился к телефону. «Алло?!»

«Джонас, это Роберт», — прозвучал узнаваемый баритон. — «Я только что вернулся в отель. Менеджер сказал, ты звонил без остановки».

«Да, звонил! — воскликнул Фокман. — Этот взрыв в Праге? Я пережи...»

«Прости, мы в порядке».

Фокман облегчённо вздохнул. «Знаешь, Роберт, большинство авторов беспокоят меня, сдавая рукописи с опозданием, но у тебя раздражающая привычка...»

«Спасибо за заботу, — рассмеялся Лэнгдон, — но я был вдалеке от взрыва».

«Рад это слышать, даже если не верю, — сказал Фокман. — Я знаю твою склонность оказываться рядом с опасностью».

«А я знаю твою склонность к параноидальным предположениям».

Фокман усмехнулся. «Ответ слишком быстрый... даже для *тебя*, Роберт. Как мне убедиться, что это не чатбот?»

«Потому что ИИ никогда не узнает, что ты отказался от одного из самых продаваемых романов последних двадцати лет, потому что автор злоупотребляет многоточиями».

«Эй! Я сказал тебе это конфиденциально!»

«Да, и я унесу это в могилу, — пообещал Лэнгдон. — Только не сегодня».

«Есть новости о рукописи Кэтрин?» — с надеждой спросил Фокман.

«Извини, — устало ответил Лэнгдон. — Жаль, что у меня нет хороших новостей...»

Было без семи семь, когда Лэнгдон выключил паровую душевую в королевском номере. Ночь только начиналась, но зимний мрак уже давно окутал Прагу, и они с Кэтрин договорились, что сразу лягут спать.

Обернувшись полотенцем вокруг бедер, Лэнгдон вышел из душа и увидел Кэтрин, погруженную в пенную ванну, с вытянутой стройной ногой и бритвенным станком в руке.

Она бреет ноги? — удивился он. — «Мы что, куда-то идем?»

Кэтрин рассмеялась. «Нет, Роберт, мы *никуда* не идем. Ты правда не знаешь, зачем женщины бреют ноги перед сном?»

«Э-э…» — он замялся. — «Я просто думал… ты совсем вымоталась.»

«Так и было. Но когда увидела, как ты залезаешь в душ, я проснулась.» Она кивнула в сторону его подтянутого пресса. «Ты выглядишь неплохо, Аквамен… для человека твоего возраста.»

«Моего *возраста*? Ты ведь старше меня!»

«Ты правда хочешь начать это?»

«Нет, дорогая… не хочу.» Лэнгдон подошел к ванне, сел на край и нежно положил руку на

шею Кэтрин. «Я хотел сказать, что ты прекрасна, умна, обаятельна, и я обожаю тебя.» Он мягко поцеловал ее в губы. «И увидимся в постели.»

• •• •

Это официально, подумала Кэтрин, заканчивая приготовления и выходя из ванны. *Я влюблена.*

Возможно, она любила Лэнгдона все это время, и наконец их ритмы совпали. Это уже не имело значения. Так или иначе, они были здесь и сейчас. Вместе. *Насладись этими моментами.*

Вытеревшись, она наклонилась под раковину и достала изящно упакованную коробку, спрятанную там ранее. В ней лежало самое элегантное нижнее белье, которое когда-либо покупала Кэтрин. *Шелковая модель макиато от Simone Pérèle.* Она надеялась, что Роберту понравится эта утонченная комплекция из коллекции Dream. Распустив волосы, Кэтрин сбросила полотенце и облачилась в почти невесомое белье. Шелк нежно скользил по ее разгоряченной коже, идеально облегая тело. Пропустив привычный Balade Sauvage, она достала миниатюрный пробник Mojave Ghost, который прилагался к белью. Брызнув в воздух легкое облачко аромата, она прошла сквозь него, ощущая, как ноты мускуса Шанти-

льи и пудровых фиалок будоражат чувства.

Последний раз проверив себя в зеркале, она открыла дверь в спальню, довольная, что Лэнгдон уже погасил свет. *Идеально*, подумала она, зная, что теперь ее полупрозрачное белье подсвечено сзади, вырисовывая изящный силуэт во всей красе. Кокетливо улыбаясь, она приняла соблазнительную позу в дверном проеме, ожидая реакции Лэнгдона.

Но единственным ответом был мягкий, размеренный ритм его тихого храпа.

ГЛАВА 128

В скромной квартире в районе Дейвице Дана Данек сидела в одиночестве на диване, смотря телевизионные новости. Американские военные теперь полностью взяли на себя ответственность за взрыв в Фолиманке, который, по их словам, произошел из-за большого запаса природного газа, привезенного инженерами для обогрева и просушки свежеуложенного бетона. По мнению многочисленных сторонних специалистов по строительству, такая техника весьма распространена, особенно во влажных подземных помещениях зимой, и это не первый подобный случай.

Несмотря на это, политологи начали сомневаться в этой версии. Как бы то ни было, независимо от причины взрыва, американские военные уже оцепили территорию и готовятся к масштабной операции по очистке.

— Мисс Данек? — раздался голос мужчины из прихожей после стука в дверь. — Это сержант Кербл.

Удивленная, она подошла и посмотрела в глазок. Действительно, это был старший офицер

охраны посла. *У меня проблемы?* Ни один морпех-охранник никогда не посещал ее дома. Дана была в худи, очках и без макияжа, и она задавалась вопросом, узнает ли ее сержант Кербл.

Когда она открыла дверь, молодолицый морпех стоял на почтительном расстоянии. — Мисс Данек, — сказал он, — мне жаль беспокоить вас дома. Посол просила меня еще раз передать вам ее глубокие соболезнования в связи со смертью атташе Харриса. Вся миссия, конечно, потрясена, но госпожа посол сказала, что вы были с ним очень близки.

— Спасибо, Скотт.

— Еще я должен сообщить, что арест посла был недоразумением, и ее освободили с полными извинениями.

— Возможно, она об этом пожалеет, — сказала Дана, показывая на телевизор позади себя. — У нее теперь будет полно работы с этим. Ваше правительство уже под огнем критики.

— Да, вся эта ситуация немного…

— Отвратительна? — предложила Дана.

Кербл улыбнулся. — Я хотел сказать «политически неоднозначна».

— Тогда вам стоит занять мое место в PR.

— Вообще-то, — сказал он, — именно поэтому я

здесь. Посол очень надеется, что вы вернетесь и займетесь PR в этом кризисе.

Дана рассмеялась. — Скотт, ты вообще в курсе, что сегодня со мной случилось?! Женщина ткнула мне пистолетом в лицо, моего парня задушили до смерти, посла США арестовали у меня на глазах, меня выпроводили с территории посольства, а парк Фолиманка взлетел на воздух! Я что-то забыла?!

Кербл вздохнул. — Прости, Дана, признаю, сегодняшний день был…

— Политически неоднозначным?

— Я хотел сказать «отвратительным».

Дана слабо улыбнулась. — Так что, черт возьми, происходит?

— Я не владею всей информацией. Лучше спросите у посла завтра, когда вернетесь на работу.

— Это твоя аргументация?

— Я никогда не был хорошим продажником. Подумай об этом, пожалуйста?

— Хорошо. Спокойной ночи.

Дана начала закрывать дверь, но Кербл сделал шаг вперед. — Вообще, я хотел спросить, могу ли я взглянуть на ту коробку. — Он указал в гостиную на коробку с ее личными вещами из офиса. — Думаю, там может быть дипломатический пакет,

принадлежащий послу. Боюсь, я мог случайно положить его в вашу коробку. Можно войти?

Дана пережила множество паршивых попыток завлечь ее, и если бы она не питала такого уважения к сержанту Керблу, подумала бы, что это еще одна из них. Тем не менее, она жестом велела ему остаться у двери. — Я сама поищу.

Дана подошла к коробке и начала рыться в ней, пораженная, обнаружив запечатанный дипломатический пакет, адресованный послу Хейде Нагель. На пакете была прикреплена записка:

Д— Никому об этом не говори. С тобой свяжутся.

Дана резко повернулась к нему в шоке. — Это что еще такое?! И как он оказался в моей коробке?!

— Прости, — ответил он. — Я его туда положил. И теперь мне нужно его забрать.

В посольстве США Хейда Нагель сидела одна в своем кабинете и смотрела на пустой бокал с Бехеровкой. Она редко пила крепкий алкоголь, а уж тем более два коктейля за один день.

Если не сегодня, то когда?

Она и директор достигли согласия — своего

рода разрядки, — но даже несмотря на это, Нагель не собиралась просто так отдавать свой козырь и слепо ему доверять. *У меня все еще есть флешка с записью.*

Кербл пошел забрать ее у Даны, и по звуку шагов на мраморной лестнице, он вернулся… вот только в дверях появилось не его лицо. Это был один из новобранцев морской пехоты посольства.

— Мэм? — неуверенно сказал молодой человек. — Простите, но у нас ситуация у входа, требуется ваше внимание.

— Никаких ситуаций на сегодня, — сказала она. — Пусть ваша команда разберется.

— Мы официально не уполномочены, мэм. Это *дипломатический* вопрос. Голова Нагель была немного мутной. *Дипломатический вопрос… у входа?* Молодой человек вошел, протягивая ей бумажку. — Это вам.

Нагель взяла листок и взглянула на два написанных от руки слова.

САША ВЕСНА

— Я не понимаю, что это, — раздраженно сказала она. — Я не говорю по-русски. Морпех выглядел озадаченным. — Она уверяла, что вы узнаете ее.

— Простите, кто?

— Русская у входа. Она просила поговорить с Майклом Харрисом.

Русская ищет Майкла? Здесь? Сейчас?

— Я попросил ее написать имя. — Морпех показал на бумажку. — Думаю, произносится это как «Саша Весна».

ГЛАВА 129

Покидая квартиру Даны, сержант Кербл чувствовал себя опустошённым. Он включил автомобильное радио и увеличил громкость, чтобы не заснуть за рулём. Дипломатическая почта лежала на соседнем сиденье, и, как было приказано, он должен был доставить её послу немедленно.

Посреди огромного кругового перекрёстка на площади Витёзне Кербл почувствовал, как завибрировал телефон в кармане. Доставая его, он взглянул на экран — звонок с внутреннего номера посольства США.

«Кербл», — ответил он, убавив радио.

«Слава Богу, ты отвечаешь!» Женский голос был знакомым, но звучал непривычно взволнованно.

«Госпожа посол?» Кербл мгновенно насторожился. «Всё в порядке.»

«Где ты сейчас?!» — перебила она.

Резкость посла была необычной, и Керблу показалось, будто она выпила, что также было не в её характере. «Я только что выехал из Дейвице, — ответил он. — У меня то, что вы просили, и я направляюсь...»

«Мне нужно, чтобы ты кое-что сделал. Срочно».

Пока посол объясняла, инстинкт подсказывал Керблу, что в этой ситуации что-то серьёзно не так. «Мэм, я плохо вас слышу», — солгал он, активируя согласованный протокол безопасности. «Вы в городе? По делам?»

«Ради всего святого, Скотт! — в сердцах крикнула она. — Ты же знаешь, что я не бегаю по делам! Просто сделай, о чём я просила!»

Сердце посла Нагель бешено колотилось, пока она спускалась по мраморной лестнице в элегантное фойе посольства. Предбанник, отделяющий здание от улицы, всегда охранял морпех, но сегодня, как Нагель распорядилась несколькими минутами ранее, в фойе дежурили три крепко сложенных морских пехотинца. Юный капрал явно обрадовался, увидев её.

Охрана стояла рядом с новоприбывшей — белокурой женщиной в джинсах, пуховике и кроссовках. Её мокрые волосы до плеч были растрёпаны, а осанка ссутулена, будто от крайней усталости или даже ранения.

Нагель мгновенно узнала женщину — видела

на фотографиях.

Саша Весна… и выглядит она так, будто прошла через войну.

Появление здесь русской женщины — потрёпанной, но *живой* — стало отрезвляющим шоком. Увидев её, Нагель на мгновение растерялась, особенно учитывая то, что она знала о сложном характере Саши. Если Лэнгдон и Соломон правы насчёт её диссоциативного расстройства личности, то первое, что должна была сделать Нагель, — как бы странно это ни казалось, — определить, *какая именно* Саша появилась у стен посольства.

«Мисс Весна, — вежливо произнесла посол, сохраняя дистанцию. — Я — посол Нагель. Мне сообщили, что вы ищете Майкла Харриса?»

«Да», — слабым голосом ответила женщина, её речь окрасил густой русский акцент. «Майкл мой друг. Он сказал, что если я окажусь в беде, мне следует прийти к нему сюда.» Молодая женщина дрожала от холода, и её голос дрогнул. «И… Я думаю, я в беде.»

Ты думаешь, ты в беде?! — Нагель едва не выкрикнула. Ты убила Майкла Харриса и взорвала сверхсекретный правительственный объект! Однако, когда посол заговорила, её тон был спо-

коен. «Боюсь, Майкла сейчас нет здесь.» И мне кажется, ты уже это знаешь. Не так ли?

«Он скоро вернётся?» — спросила Саша. «Майкл сказал, что я могу прийти без предупреждения, если мне будет угрожать опасность.»

«*Тебе* угрожает опасность?» — спросила Нагель. «Да, я... Думаю, да,» — ответила она, на грани слёз. «От кого?»

«Я не знаю!» — рыдания теперь душили её. «Я не понимаю, что со мной случилось! Я в растерянности, и я не помню... Я просто знаю, что мне нужно безопасное место!»

«Значит, ты просишь *убежища*?» — спросила посол.

«Я не знаю, что это,» — сказала девушка, шагнув к Нагель. «Мне просто нужно.»

«Саша, стой!» — громко скомандовала Нагель, и двое морпехов преградили путь, заставив Сашу резко остановиться. Та выглядела искренне испуганной, будто совершила что-то ужасное.

«Мисс Весна,» — Нагель вновь овладела собой. — «Я хочу вам помочь, но сначала вы должны очень внимательно меня выслушать. Это крайне важно.»

Саша кивнула.

«Это посольство считается территорией США,

и когда иностранец просит убежища на американской земле, мы называем это *«заявлением на получение убежища»*. Любое подобное прошение требует немедленного собеседования со старшим консульским офицером. То есть со мной.»

Саша кивнула, показывая, что поняла.

«Правила таких собеседований,» — продолжила Нагель, — «очень строги. Стандартный протокол в рамках Системы рассмотрения ходатайств об убежище предусматривает обязательную процедуру, которую мы называем «контролируемым ограничением.»

Морпех, стоявший ближе всего к Саше, покосился на Нагель, что было неудивительно — посол явно импровизировала.

«Вы не в беде, мисс Весна, даже если вам так кажется. Контролируемое ограничение — неотъемлемая часть нашего протокола. Это мера предосторожности, обеспечивающая безопасность и вам, и сотрудникам посольств.»

«Я понимаю,» — Саша протянула руки, подставляя запястья. — «Вы можете меня ограничить.»

«Благодарю за сотрудничество,» — Нагель была удивлена такой покорностью. — «По нашему протоколу команда наложит ограничения. Вас поместят в безопасную запертую переговорную,

где вам будет предоставлена еда, вода, доступ в туалет и медицинская помощь, если потребуется.»

Морпехи замешкались, словно ожидая подтверждения, но стоило Нагель бросить на них ледяной взгляд, как старший капрал тут же действовал. За считанные секунды на запястья Саши были надеты стандартные гибкие наручники, и под конвоем её проводили за ограждение.

Нагель отошла в сторону, взглянула на часы. Было 20:30. «Я присоединюсь к вам, как только смогу, мисс Весна, но это может занять время. А пока персонал позаботится, чтобы вы были в тепле и сыты.»

Саша шла мимо со слезами на глазах. «Спасибо за доброту,» — прошептала она.

Нагель перевела дух и двинулась к выходу, осознавая, что перед ней встал ряд крайне неожиданных и серьёзных решений.

И времени на раздумья почти не было.

ГЛАВА 130

Тротуары Манхэттена блестели под ногами Фокмана, пока он поднимался по Бродвею. Послеполуденный дождь наконец прекратился, и настало время возвращаться домой.

Разговор с Прагой был коротким — Лэнгдон не решался много говорить по телефону. Он заверил, что они с Кэтрин в безопасности, и предупредил Фокмана, что они могут заехать в Нью-Йорк по пути домой, чтобы обсудить лицом к лицу всё, что произошло с рукописью.

«Мало что обсуждать», — с горечью подумал редактор. Даже если Кэтрин сможет переписать всю книгу, у ЦРУ наверняка найдётся что сказать по этому поводу. Для Фокмана потеря этой книги была серьёзным профессиональным ударом, но его утешало, что Роберт и Кэтрин в безопасности.

Подходя к Колумбус-серкл, Фокман почувствовал землистый аромат тёмной обжарки и зашёл в самую оживлённую «Старбакс» в городе. Если хоть какой-то день и заслуживал дополнительной дозы кофеина для прогулки домой, то это был сегодняшний.

«Прости меня, Роберт», — ухмыльнулся он, делая заказ.

Профессор из Гарварда давно бойкотировал «Старбакс», осуждая их «вопиющее искажение классического символа».

Фокман усмехнулся, глядя на знакомый логотип, украшавший каждую кофейную чашку в заведении.

«Эта *русалка* из «Старбакса», — возмущался Лэнгдон, — имеет *два!* хвоста! Значит — это вовсе не русалка, а *сирена*— злокозненная соблазнительница, заманивающая моряков на верную гибель! Как можно доверять компании, которая даже не провела иконографические исследования, прежде чем украшать фраппучино изображением смертоносного морского чудовища?»

«Только символист может испортить вкус к

хорошему кофе», — подумал Фокман, без тени угрызений совести делая первый блаженный глоток самого сливочного флэт-уайта во всём городе. Затем, подняв воротник своего поношенного серого пальто, он вышел на улицу и направился домой.

ГЛАВА 131

Паря во тьме, Роберт Лэнгдон завис высоко над Прагой. Он смотрел вниз на Карлов мост, где далеко под ним мерцали газовые фонари, словно нити жемчуга, протянувшиеся через черную реку. Невесомый и отрешенный, Лэндон дрейфовал вниз по течению, перелетал через водопад, не испытывая эмоций, кроме смутного раздражения от далекого стука. Когда стук усилился, гравитация внезапно схватила его, и Лэнгдон почувствовал, как его тащит вниз в паническом свободном падении… ускоряясь к ледяной реке… пока он не разбил ее зеркальную поверхность.

Резко проснувшись, Лэнгдон сел в кровати, удивленный, что не осознавал, что все это — сон. Это казалось ему парадоксом — способность человеческого разума оказаться в очевидно невозможной ситуации и при этом воспринимать ее как реальность, игнорируя все несоответствия и даже не заподозрив, что это не *на самом деле* происходило.

Теперь бодрый от адреналина после сна, Лэнгдон оглядел затемненный номер отеля. Все было тихо, кроме тихого дыхания Кэтрин рядом с ним.

В воздухе витал запах ее экзотических духов, и Лэнгдон все еще ощущал роскошно мягкую ткань того, что было на ней, когда она сидела на краю кровати и шептала: «Прости, что разбудила вас, профессор…»

Эти ощущения еще не покинули его.

Доктор Соломон, можете будить меня так в любое время.

Тихо выбравшись из кровати, он накинул халат и вышел в гостиную люкса. К его огорчению, напольные часы показывали немногим больше девяти вечера.

Я почти не спал.

Лэнгдон смотрел в эркерное окно, понимая, что его странный сон не был чем-то удивительным. Его мозг, вероятно, все еще пытался переработать травму от этого самого прыжка из окна в ледяную воду. Сны всегда завораживали Лэнгдона, и сегодня он был потрясен, когда Кэтрин заявила, что обнаружила, что *вызывает* их.

Невероятно, но ее эксперименты показали, что *спящий* мозг похож на *умирающий*. В обоих случаях уровень ГАМК резко падает, ослабляя мозговые фильтры и открывая доступ к широчайшему потоку информации. Вброс нефильтрованных данных объясняет, почему сны проявляются как

такой бессвязный калейдоскоп образов и идей. Более того, это объясняет, почему даже самые яркие сны начинают исчезать через несколько секунд после пробуждения, несмотря на все попытки их запомнить. Мозг перезагружается, уровень ГАМК повышается, и фильтры снова включаются... стирая информацию и вновь регулируя наше восприятие реальности.

Она объяснила, что умирание очень похоже на сон, описывая, как во сне мы часто воспринимаем себя невесомыми, бесплотными существами, способными проходить сквозь преграды, летать или мгновенно перемещаться — по сути, мы становимся сознанием без физической формы. *Бардо — тело*, подумал Лэнгдон, вспоминая описание из *«Тибетской книги мертвых»*. Во многих культурах *сонное* тело считается священным из-за его способности, как считается, путешествовать между мирами жизни и смерти.

Когда сознание отвязывается от тела, наши способности восприятия возрастают.

Лэнгдон все еще стоял у окна, когда в люксе разом зазвонили все телефоны. Он бросился к аппарату в гостиной и поднял трубку, надеясь, что звонок не разбудил Кэтрин.

«Мистер Лэнгдон, с вами говорит дежурный

менеджер», — раздался знакомый голос. «Прошу прощения, если разбудил вас. Я стучал, но ответа не было».

Тот стук в моем сне. «Да… все в порядке?»

«Не знаю, сэр», — ответил менеджер, явно взволнованный. «Здесь маршал Кербл из посольства США. Он говорит, что посол должен видеть вас немедленно».

◆ ·· ◆

В запертой переговорной посольства США Голем смотрел на наручники на своих запястьях. *Не позволю Саше видеть себя связанной,* подумал он. *Ей и без того досталось за годы в лечебнице.* Голем еще не выпустил Сашу на передний план разума с тех пор, как покинул руины Порога, но этот момент стремительно приближался.

Все идет по плану.

Хотя Саша в данный момент была фактически заперта, Голем был уверен, что посол станет сочувствующим ей союзником.

Признание Гесснер раскрыло все, что мне нужно было знать.

«Посол Нагель ничего не знает!» — настаивал Гесснер. «Она была бы в ужасе, узнав, что здесь творится — она оказалась в Праге только потому,

что Финч обманом втянул ее в эту работу!»

Мне тоже нужен такой союзник, решил Голем.

И он обратился к ней.

Пожалуйста, помогите Саше.

Без сомнения, посол пыталась понять, что именно означает «помочь Саше», но ей не потребуется много времени, чтобы осознать: существует лишь один возможный сценарий. Голем осторожно посеял эту мысль, и она уже пустила корни.

Минут назад посол произнесла то единственное слово, которое Голем хотел услышать.

Убежище.

ГЛАВА 132

Хайде Нагель посвятила всю свою профессиональную жизнь службе стране. Приученная думать прежде всего о высшем благе, она редко заботилась только о себе. Однако в этот момент Нагель думала исключительно о себе.

Она уже приняла решение уйти с поста посла и покинуть Прагу. Она хотела сделать это несколько лет назад, но теперь, совершенно неожиданно, ее изменившийся мир превратился в нечто иное. Финча не стало, а у нее теперь достаточно рычагов, чтобы пережить даже самый жестокий политический шторм.

К удивлению Нагель, уверенность в выживании не принесла ей утешения… лишь ощущение глубинной пустоты, уже несколько часов гложущее её изнутри.

Я хочу в жизни чего-то большего, чем просто… выживание.

И в этот момент Саша Весна вошел в парадные двери посольства.

Кэтрин Соломон казалось, что лишь несколько минут назад она была погружена в сладостный сон, только для того, чтобы снова очнуться в резком свете реальности.

Что мы здесь делаем?!

Сержант Кербл только что доставил их в кабинет посла Нагель, которая стояла у бара и разливала по фарфоровым чашкам с гербом посольства три порции кофе. «Ещё раз извините за поздний звонок», — сказала она, — но, боюсь, за последний час ситуация резко изменилась, и мне нужно немедленно вас проинформировать. Информация как срочная… так и крайне деликатная.»

«Вы рассказываете нам это *здесь*?» — спросил Лэнгдон. — Я думал, вы больше не доверяете конфиденциальности посольства.»

«Не доверяю», — ответила Нагель, — но всё изменилось. То, что я собираюсь вам рассказать, — это информация, которую я обязана также передать директору ЦРУ.» Посол повернулась от бара, неся поднос с кофе в угол, где находились кресла. «Если он подслушивает, что ж, пусть.»

«Что изменилось?» — потребовала Кэтрин, неловко ощущая, что их единственный союзник, возможно, пересматривает свои взгляды на их

альянс.

«Запуталась целая цепочка событий», — сказала она, жестом приглашая их сесть, — поэтому начну с тех изменений, которые касаются вас напрямую.» Кэтрин такой поворот не понравился.

«Мне сообщили, что группа спецназа ВС США уже вылетела с базы Рамштайн в Германии. Они приземлятся в ближайшее время для официального блокирования парка Фолиманка и начала зачистки.» Нагель поставила кофе и села напротив них со строгим выражением лица. «Кроме того, я узнала, что группа специалистов ЦРУ вылетела из Лэнгли для тайного расследования *тех*, кто стоит за взрывом. Меня предупредили, что расследование начнётся с *вас.*»

«С нас?!» — Кэтрин была шокирована.

Посол мрачно кивнула: «Армия США уже получила фото, подтверждающее, что двое гражданских — вы и профессор Лэнгдон — были замечены выходящими из здания через несколько минут после взрыва.»

Чёрт. Кэтрин взглянула на Лэнгдона, лицо которого застыло.

«Вы проникли в помещение незаконно», — продолжала Нагель, — а это уже делает вас подозреваемыми в саботаже. А учитывая ваш

конфликт с агентством из-за манускрипта, который может служить мотивом для мести…»

«Но *видео*, — возразил Лэнгдон, — вы сами говорили о признании Гесснер…»

«Да, у нас есть козыри. Я могу вас защитить. И я *буду* вас защищать. Вопрос в том, *как* лучше вас обезопасить. Ответ зависит от наших действий в ближайшие часы.» «Хорошо», — сказал Лэнгдон, — «У вас есть план?»

«Есть», — ответила она, — и боюсь, он вам сначала не понравится. Поэтому перед тем, как объяснять, вы должны кое-что понять о ЦРУ… и о том, с чем мы имеем дело.»

Кэтрин и Лэнгдон одновременно потянулись за кофе. Видимо, спать им сегодня не придётся.

«Разговаривая с директором», — продолжила Нагель, — «я получила подтверждение, что проект «Порог» — это продолжение работы, которую агентство вело десятилетиями, начиная с элементарных исследований дистанционного видения — проекта «Звёздные врата», о котором вы верно упомянули ранее. Однако со временем «Порог» превратился в нечто гораздо более масштабное — проект, призванный дать ответы на самые насущные вопросы, стоящие перед человечеством. Какова природа сознания? Может ли разум

напрямую общаться с другими разумами? С машинами? На огромных расстояниях? Возможно, даже с другими измерениями?»

«С уважением», — вставила Кэтрин, — «но я не уверена, что военная разведка — лучший инструмент для исследования самых глубоких философских вопросов человечества.»

Нагель сложила пальцы домиком и сузила губы. «Доктор Соломон, это не просто философские вопросы. Не обижайтесь, но вы с профессором Лэнгдоном позволяете себе изучать науку и историю в стенах университетов лишь по одной причине — благодаря усердию наших спецслужб. Я понимаю привлекательность чистой науки, но должен предупредить: именно её *применение* защищает таких как мы от врагов, которые, окажись у них возможность, стёрли бы нашу страну с лица земли.»

Кэтрин собралась возразить, но посол, не отводя взгляда от учёной, продолжила: «Директор ЦРУ *не сомневается*, что будущее Америки зависит от того, первыми ли мы освоим потенциал человеческого сознания. Он прямо напомнил мне, что когда Эйнштейн предсказал гигантскую энергию, заключённую в атоме, американское правительство вложило миллионы в секретные

физические исследования — и именно мы первыми создали атомную бомбу. А представьте, если бы *не мы*. Если бы только у России была бомба. Или у Германии. Или Японии.»

Кэтрин пришлось признать, в этом доводе была логика.

«Гонка за освоение силы человеческого разума ничем не отличается», — продолжала Нагель. — «Россияне уже могут считывать мозговые волны ультразвуком. Китайцы заказывают нейроимпланты Neuralink тоннами. Выборы подвергаются влиянию ботов в соцсетях, а мы только что обнаружили в иностранных приложениях технологию контроля над сознанием. Поверьте, мы участвуем в *тайной гонке*, которая уже перешла в решающую стадию, и, честно говоря, нам с вами стоит надеяться, что победа будет за нами.»

Посол откинулась на спинку кресла и отхлебнула кофе.

«Простите», — заговорила Кэтрин примирительным тоном, — «если мои слова прозвучали как неуважение к работе агентства или как незнание мировых процессов, я выразилась неточно. Я просто указала на фундаментальную проблему — занимать моральную высоту, проводя инвазивные операции на мозге людей без их ведома

или согласия.

«И я с вами полностью согласен, — ответил Нагель. — Проблема в том, что директор Джадд так и не был проинформирован ни о гибели пациента, ни о методах Финча по добыче подопытных.»

«Неужели вы и вправду *верите* в это?» — сказал Лэнгдон.

Нагель пожал плечами. «Информировал его Финч или нет, часто у директора ЦРУ просто нет выбора, кроме как закрыть глаза. В мире национальной безопасности *результаты* ценятся выше методов. Легко возмущаться, пока не увидишь альтернативы. Порой лучший выбор — просто наименее неприемлемый исход.»

«Госпожа посол, — тихо сказал Лэнгдон. — И Кэтрин, и я понимаем сложность обязанностей ЦРУ, но вы вызвали нас сюда, чтобы сказать, что мы в опасности, и у вас есть план, как нас защитить… но он зависит от наших действий в ближайшие часы?»

«Да, — ответила Нагель, отставляя чашку. — Ситуация запутанная, но я поняла, что есть выход. *Правильный* выход. *Достойный* выход.» Она наклонилась вперед, глядя на Лэнгдона. «Но чтобы его осуществить, мне понадобится ваша помощь, профессор.»

Лэнгдон выглядел неуверенным.

«Примерно полчаса назад, — сказала посол, — Саша Весна вошла в это посольство… совершенно живая.»

Убежище?

ГЛАВА 133

Роберт Лэнгдон расхаживал по кабинету посла, пытаясь упорядочить мысли. Ошеломляющая новость о том, что Саша *жива*, выбила его из колеи — и физически, и эмоционально. Лэнгдон был рад узнать, что она выжила, но само её существование поднимало множество тревожных и щепетильных вопросов.

Самая актуальная проблема — *опасна ли она?* — была, по-видимому, решена: Сашу сковали наручниками и заперли в одной из охраняемых переговорных. Это казалось жестоким, но учитывая всё произошедшее, что ещё оставалось Нагель?

Лэнгдона смущал тот факт, что Саша просила убежища у правительства, которое же её и истязало. *Разве что она не знает, что с ней сделали?* Единственная другая версия состояла в том, что её альтер-эго появилось под *личиной* Саши, но и это выглядело маловероятным — ведь её альтер хотел защитить её, а сдача в руки американских властей выглядела скорее как предательство.

Лэнгдон вернулся на место рядом с Кэтрин, пока посол наливала кофе. «Сегодня ночью, — сказала

посол, — доктор Соломон напомнила мне, что Саша и её альтер-эго — два *разных* человека, и рассматривать их нужно именно так. Я старалась, и как бы трудно мне ни было это осознать, я пришла к выводу, что Саша Весна — если брать её в отдельности — невинная жертва. Она была ребенком с эпилепсией, помещённым в закрытое учреждение, где подвергалась физическому и психическому насилию в рамках секретной программы, эксплуатация её тела, вероятно, усугубила её психическое состояние до нынешнего уровня.»

«Согласна, — сказала Кэтрин. — Она, вне всякого сомнения, жертва.»

«И вот ещё *это*, — продолжила посол, указывая на рукописную записку, лежащую на кофейном столике.

Пожалуйста, помогите Саше.

«Хотя я и не привыкла выполнять приказы убийц, — сказала посол, — я много думала об этой записке, и учитывая обстоятельства, помочь Саше кажется мне этически правильным.»

Нравственный императив, подумал Лэнгдон.

«Сложность, конечно, в том, что Саша Весна — это два человека.» Посол вздохнула и покачала головой. «Она и невинная жертва… и хитрый

убийца. Невозможно предоставить убежище одной… и судить другую. Осознаёт Саша это или нет, но она укрывает опасного преступника. К тому же она обладает доступом к сверхсекретной нейрочиповой технологии и не может быть просто отпущена на волю.»

По взгляду посла Лэнгдон понял, что проблема Саши, помимо исключительной сложности, была для неё глубоко личной.

«Ещё одна проблема, — продолжил Нагель, — в том, что у нас очень мало времени. Прага для Саши не безопасна. К утру посольство окажется под натиском международных запросов, возмущений и требований криминалистического расследования событий в парке Фолиманка. Отпечатки Саши по всему Крестообразному бастиону, вероятно, на нескольких трупах, а её лицо — или, вернее сказать, *лица*— несомненно извлекут из архивов видеонаблюдения, и её прошлое тщательно проанализируют. Следователям понадобится совсем немного времени, чтобы сложить кусочки и определить Сашу как подозреваемую.»

Наряду с Кэтрин и мной, подумал Лэнгдон, ощущая, как сжимаются стены. Нагель сняла очки и наклонилась к ним. «Хотя я никому *ещё* не сообщала, что Саша жива, полагаю, что директор

Джадд узнает об этом очень скоро. Более того, возможно, он уже знает, что она в посольстве.»

«Как?» — спросил Лэнгдон.

«Наблюдение, утечка среди персонала или, скорее всего, GPS. Я не удивлюсь, если в чипе Саши есть какой-нибудь трекер.»

Конечно же есть, осознал Лэнгдон.

«И, если уж на то пошло, — добавила она, — учитывая деликатность проекта… её чип может быть оснащён дистанционным механизмом уничтожения. Это стандартный протокол для передовых технологий — он встроен в спутниковые телефоны, подлодки… на случай, если технология попадёт в руки врага, который попытается скопировать её.»

«Подождите, — перебил Лэнгдон. — Вы думаете, чип в мозгу Саши может быть дистанционно… *уничтожен*? Я надеюсь, это значит — отключён или стёрт… а не *взорван* или что-то в этом роде.»

«Ну уж нет, ничего столь драматичного, — ответила Нагель, — но мне известно, что Q запатентовали кремниевые чипы с герметичным слоем плавиковой кислоты, которую можно активировать по телефонному вызову, чтобы растворить весь процессор.»

«У неё в *мозгу*?!» — воскликнула Кэтрин. — «Это

убьёт её!»

«Вполне возможно, — согласилась Нагель, — но убийство Саши, полагаю, будет крайней мерой для агентства. Директор знает, что я сочту это грубым нарушением нашего соглашения, и ему известно, что у меня есть контрмеры. Сейчас моя главная задача — поддерживать с ним ясные линии коммуникации. Если холодная война и научила нас чему-то о взаимоуничтожении, так это тому, что *общение* критически важно. Не заставляйте оппонента *гадать* о ваших намерениях — дайте ему знать. Если директор Джадд заподозрит, что Саша в игре, крайне важно, чтобы *все* детали он узнал от меня… *все*, в контексте.»

Выслушав всё, что балансировала посол, Лэнгдон был впечатлён ясностью её стратегического мышления. *Должно быть, Нагель была адвокатом от бога.*

«А видео? — спросила Кэтрин. — По-вашему, его хватит, чтобы удержать ЦРУ?»

«Само по себе, пожалуй, нет, — ответила она. — Но в сочетании со взрывом и смертью доктора Гесснер агентству будет сложно утверждать, что видео подделка. Даже если они попробуют, это бросит тень в направлении, крайне невыгодном для них.»

«А как насчёт Саши? — спросил Лэнгдон, вспомнив, что единственный выживший испытуемый «Порога» сейчас заперт в комнате этажом ниже. — Вы верите, что видео защитит и *её*?»

«Да, но оно ей не нужно, — сказала посол. — Саша находится под чрезвычайно редкой защитой — она куда ценнее для агентства *живая*, чем мёртвая. Директор несомненно восстановит «Порог» — не здесь, но *где-нибудь* — и Саша будет считаться незаменимым активом для миллиардной программы. Она олицетворяет годы разработок, и первое, что сделает Джадд, по-моему, — попытается договориться с нами… о её возвращении.»

От этой мысли Лэнгдона пробрало холодом. «Так как нам уберечь Сашу от него?» Нагель глубоко вдохнула. «Мы не убережём.»

Этот ответ застал Лэнгдона врасплох. «Прошу прояснить?» «Мы не,» повторила она твёрдо.

«Посол Нагель,» возразил Лэнгдон, повышая голос. «Вы предлагаете отдать Сашу обратно ЦРУ?»

«Именно это мы и сделаем. Другого выхода нет.»

«Категорически нет!» воскликнула Кэтрин. «Threshold уже убила одного пациента! Вы *не имеете права* отправлять Сашу обратно в…»

«Я*не имею*?!» резко перебил Нагель. «Напомню

вам обоим, что в этом посольстве я главный, и прежде чем указывать мне, что я могу или не могу, прошу выслушать меня до конца.»

Посол выдержал паузу. Кэтрин откинулась на спинку кресла, молча тряся головой в знак протеста.

«Вот факты,» ровным тоном заявил Нагель. «Саше Весне требуется высокоспециализированная помощь — как физическая, так и психиатрическая. Она доказала свою крайнюю опасность, что означает — все, кто будет участвовать в её лечении, должны проявлять осторожность и *полностью* понимать её состояние. Учитывая имплантаты в мозгу Саши, перечень организаций, способных обеспечить ей уход, крайне мал. Фактически, сводится к *одной*. Исходя из того, что вы рассказали мне об искусственных нейронах в её мозге, я прихожу к выводу, что *единственные* специалисты, способные обеспечить Саше должную психиатрическую помощь — это учёные проекта Threshold.»

Лэнгдон видел логику в её доводах, но по сути план посла сводился к тому, чтобы доверить Сашу тем самым людям, которые использовали её как подопытное животное. Рядом Кэтрин продолжала качать головой, явно не будучи убеждённой.

«Не поймите меня неправильно,» продолжил Нагель. «Я не предлагаю вернуть Сашу в Threshold на прежних условиях. *Никаких* дальнейших экспериментов над Сашей Весной не будет. Точка. Она вернётся как самый ценный и оберегаемый актив программы и будет окружена соответствующим вниманием, проживая достойную жизнь. Саша — триумф, она олицетворяет величайший успех программы, а её состояние даёт уникальную возможность для исследований. Я дам понять директору, что эксперименты Threshold с её мозгом, скорее всего, усугубили её психическое состояние, если не *спровоцировали* его. Иными словами, он осознает, что психическое здоровье Саши — моральная ответственность агентства. Директор Джадд будет крайне заинтересован в её благополучии — особенно зная, что за ним наблюдают, держа палец на спусковом крючке.»

Воцарилось долгое молчание. Лэнгдон ощущал себя в эпицентре архетипической битвы — дуализма Аполлона и Диониса, как называют его в мифологии — высшей формы внутреннего конфликта. *Разум против сердца.* Аполлоновский разум Лэнгдона видел порядок и логику в плане Нагеля, тогда как дионисийское сердце — хаос и несправедливость.

«Красивая картинка,» нарушила молчание Кэтрин. «Но Саша не просила Threshold в своей жизни.»

«Как и *вы*, доктор Соломон, но мы здесь.» Взгляд Нагеля стал непоколебимым. «Нам всем приходится играть теми картами, что сданы. Чтобы Саша Весна жила здоровой жизнью, ей в той или иной степени придётся взаимодействовать с проектом Threshold. Уровень ее вовлеченности может быть ее собственным решением, и, возможно, только в тех частях проекта, что связаны с исследованиями сознания. Но как только психическое состояние Саши стабилизируется, я должна верить, что участие в команде может даже дать ей цель и статус, каких у нее никогда не было в жизни.»

Лэнгдон почувствовал настороженность. *Всем нам нужно предназначение.* Но то, что описывал Нагель, зависело от агентства, действующего правильно, а у Лэнгдона было мало уверенности в этом.

«Я понимаю, что *доверие* в этом случае может быть трудно призвать, — продолжал Нагель, словно ощущая сомнения Лэнгдона. — Особенно после всего, что вы видели с агентством. Но пожалуйста, помните, ваш опыт связан с Эве-

реттом Финчем. Теперь вы *будете* иметь дело с директором Грегори Джаддом. Его ошибкой было дать Финчу слишком много свободы, но я всегда считал Джадда порядочным человеком в мире непристойных вариантов. Если уж на то пошло, он честен.»

«Честен?» — бросила вызов Кэтрин. — «Вы были его *старшим* советником, и тем не менее он солгал вам — сказал, что программа «Звездные врата» провалилась.»

Нагель пренебрежительно махнул рукой. — «Протокол DBD — дезинформация через обман. Это обычная тактика изоляции. Ложные нарративы защищают сотрудников, которым не нужно знать правду. Мы все лжем лучше, когда действительно *верим* в ложь, которую говорим. И очевидно, что «Звездные врата» были не *единственным* засекреченным проектом, о котором агентство солгало, а затем перезапустило. Если мое доверие к директору Джадду окажется неоправданным, — заключил посол, — я напомню ему о Дамокловом мече над его головой, ясно дав понять, что я намерена обрушить его, если агентство не выполнит своих моральных обязательств перед Сашей.»

Трое сидели в роскошном офисе в тишине. «Не

говоря уже о том, — добавил посол, — что практически в любом другом сценарии Саша останется без защиты — и вполне вероятно, будет задержана и осуждена за измену, терроризм и убийство.»

Кэтрин медленно повернулась к Лэнгдону, ее взгляд все еще был нерешительным, но усталый кивок донес ясное сообщение. *Я последую твоему решению в этом.*

Лэнгдон представил Сашу в заточении внизу, и его сердце сжалось. Несмотря на глубокие опасения насчет плана посла, Лэнгдон не видел лучшего варианта. Как ни тяжело было признать, но самое безопасное место на земле для Саши Весны, вероятно, находилось в Лэнгли, Вирджиния. Для Лэнгдона это казалось парадоксальным — что угнетатели Саши теперь станут ее защитниками… но это было как-то… неизбежно.

Возможно, даже гениально.

Факт того, что Саша появилась у посольства, заставил Лэнгдона задуматься, не мог ли ее таинственный страж-голем уже все это продумать. Он предоставил Нагель рычаги влияния, необходимые для получения перевеса… а затем просто обратился с просьбой.

Пожалуйста, помогите Саше.

Теперь, когда Лэнгдон обдумывал все, что толь-

ко что предложил посол, в его уме звучал один оставшийся без ответа вопрос.

◆ ·· ◆

Quis custodiet ipsoscustodes?

Хотя посол Нагель никогда не изучала латынь, она узнала вопрос, только что заданный Лэнгдоном. Это был повсеместный боевой клич антиправительственных разоблачителей везде и всюду.

Кто будет охранять стражей?

Это был справедливый вопрос, и он задавался все чаще. В данном случае ЦРУ будет охранять Сашу… но *кто* будет следить за ЦРУ? Даже если Нагель пригрозила опубликовать видео в случае нарушения протоколов, у нее не было надежного способа узнать, соблюдаются ли протоколы, если у нее не было доверенного источника прямо *там*… в самом центре событий.

Кто будет охранять стражей?

Нагель осознала, что уже знает ответ, и когда она произнесла его вслух, в ее голосе прозвучала решительность, которой не было уже много лет.

«*Я* согласна», — сказала она, поднимая глаза на Лэнгдона.

Произнося эту клятву, Нагель ощутила внезап-

ный прилив эмоций и поняла, что забота о Саше Весне может стать тем самым искуплением, в котором так нуждалась её израненная душа... Постепенным искуплением за её равнодушие и страх, за её роль во всех событиях, произошедших в Праге.

Я никогда не смогу искупить свою вину перед Майклом Харрисом... но я могу попытаться.

ГЛАВА 134

Лэнгдон в одиночестве спускался по мраморной лестнице возле кабинета посла, проводя рукой по железным перилам. Он чувствовал неуверенность в том, что его ждет — не только в ближайшие минуты, но и в грядущие месяцы.

Нагель будет присматривать за присматривающими? — подумал он, вспоминая их недавний разговор в ее кабинете. Она намеревалась лично контролировать «Порог», *став своеобразным генеральным инспектором* или даже руководителем следующего этапа проекта. Она настаивала, что восстановление «Порога» критически важно для национальной безопасности и что это *правильный* поступок… но он должен быть совершен *правильным* образом.

— Высокую позицию можно защитить, только если ты действительно *находишься* на ней, — сказала Нагель. — Я буду на месте, лично представлять интересы Саши Весны — ее условия жизни, безопасность и душевное состояние. То же самое я сделаю для всех, кто в будущем будет участвовать в программе. — Она сделала паузу и едва слышно вздохнула. — Наличие контроля даст им

не нечто важное — возможность искупить свои ужасные ошибки.

Лэнгдон почувствовал, что ее слова были наполнены глубокой эмоцией.

— Чем больше я об этом думаю, — продолжила она, — тем сильнее верю, что это лучший исход для Саши, для ЦРУ и для нас самих. Но прежде чем я позвоню директору Джадду и объясню, что именно он будет делать для нас… *вместе* с нами… есть еще одно препятствие.

— Саша… — сказала Кэтрин. — Тебе нужно ее убедить.

Нагель кивнула. — Ее полное согласие с этим планом критически важно… Без него ничего не получится. Обещаю, что это агентство больше никогда не заставит ее — да и *никого* другого — участвовать в чем-то против их воли или без их ведома.

Лэнгдон оценил это намерение. — Трудно сказать, согласится ли она.

— Думаю, ответ зависит от того, *как* ее спросят.

Настоящий дипломат, — подумал Лэнгдон. — Думаешь, ты сможешь ее убедить?

— Я никогда не общалась с этой женщиной по-настоящему, так что нет, вряд ли, — ответила Нагель, пристально глядя на него. — Но подозре-

ваю, что *ты* можешь.

Лэнгдон наклонил голову. — Прости? Ты хочешь, чтобы *я* поговорил с Сашей?

Ранее Нагель упоминала, что ей понадобится его помощь, но он не ожидал такого.

— Из трех людей в этой комнате, профессор, *ты* единственный, кто провел какое-то время с мисс Весной. Печально, но теперь ты, возможно, единственный человек в ее мире, с которым она *согласится* говорить.

Эта мысль повисла в тишине. — Вообще-то, — возразил Лэнгдон, — сейчас я даже не уверен, *с кем* я сегодня общался. Часть времени мне казалось, что я был с Сашей, но во многих смыслах логичнее предположить, что это была ее вторая личность — притворяющаяся ею и управляющая всем происходящим. Я не мог бы знать наверняка.

— В любом случае, — сказала посол, — с кем бы ты ни общался сегодня, ты был добр и помогал, и этот человек это заметил. В конце концов, он защитил тебя не один, а целых два раза.

Верно, — понял Лэнгдон, вспомнив, как его уговаривали бежать из «Порога» и как обманом выманили из квартиры Саши перед убийством Харриса.

— Саша показала, что доверяет тебе, — продолжила Нагель. — Мне любопытно, чисто гипотетически, что, по твоему мнению, убедило бы ее довериться нам, мне, этому плану и новой жизни в Америке?

Лэнгдон начал подозревать, что уговаривать ее может и не понадобиться. — Я бы просто напомнил ей, что это предложение во многом является исполнением ее мечты. И в зависимости от того, насколько она сама понимает случившееся с ней, я бы подчеркнул, что путь вперед потребует *прощения* — не только с ее стороны, но и со всех участников. Двустороннего отпущения грехов. Ее альтер-эго тоже это поймет. Саше нужно будет простить агентство, которое ужасно ее предало, а агентству — простить подопытную, которая отомстила людям и секретному объекту, причинившим ей вред. Если и Саша, и агентство смогут оставить прошлое позади и согласятся на взаимное прощение ради общего блага, тогда у них появится совместное будущее, выгодное всем.

Нагель и Кэтрин впечатленно переглянулись, и посол сказала: — Именно поэтому я и попросила *тебя*, профессор.

Лэнгдон приоткрыл дверь в дубовый конференц-зал посольства и заглянул внутрь. В дальнем конце длинного стола сидела одна Саша Весна. Ее светлые волосы были спутанными и мокрыми, лицо осунулось. На плечах лежало полотенце, перед ней стояла нетронутая еда. Руки, без сомнения, были связаны у нее на коленях.

Лэнгдон долго смотрел на нее, прежде чем войти и закрыть за собой дверь. Он медленно приблизился, слабо улыбаясь. — Привет, Саша.

Ее взгляд выражал скорее настороженность, чем радость.

— Я рад, что ты в безопасности, — сказал Лэнгдон, садясь в метрах десяти от нее.

— Спасибо, — ответила она, неопределенно глядя на него.

Лэнгдон вдруг понял, что встреча не будет такой теплой и трогательной, как предсказывала посол. — Саша, — начал он, — я здесь, потому что у меня есть важная информация для тебя, и я хочу убедиться, что передам ее… — он замолчал, подбирая слова, — так, чтобы тебе было максимально понятно.

— Хорошо, — равнодушно ответила она.

Лэнгдон собрался с мыслями и заговорил как можно спокойнее, несмотря на внутреннее напряжение. — Саша, я знаю, что сегодня ты пришла сюда за помощью. Рад сообщить, что посол очень *хочет* тебе помочь. Она знает, что ты чувствуешь себя в опасности, и хочет защитить тебя и обеспечить тебе безопасность. У нее есть план, как это сделать. Я слышал его — это не *идеальное* решение, но лучшее из возможных… и посол считает, что это твой лучший шанс на безопасную и относительно нормальную жизнь. Я с этим согласен.

Выражение лица Саши слегка просветлело.

— Прежде чем я объясню тебе этот план, — сказал Лэнгдон, — прости, но мне нужно задать тебе необычный вопрос. Он может показаться странным… но твой честный ответ абсолютно необходим. Без этого ничего не получится. — Он замолчал, глядя ей прямо в бледные глаза. — Прости за вопрос, но я должен знать — *с кем* я сейчас разговариваю? Это *ты,* Саша?

Девушка долго смотрела на Лэнгдона, затем покачала головой. «Нет», — ответила она глухим, отрешенным голосом. «Ради безопасности самой Саши я ещё не выпускала её».

ГЛАВА 135

Кэтрин резко поднялась с дивана в кабинете посла, осознав, что задремала. Роберт ещё не вернулся, а сама посланница стояла у окна, безучастно глядя в темноту. Услышав, как Кэтрин шевелится, Нагель обернулась и взглянула на часы.

— Полчаса, — сказала она. — Они всё ещё беседуют.

— Может, это хороший знак, — предположила Кэтрин. — Роберт может быть...дотошным.

— Я заметила, — Нагель подошла и села рядом. — Он уже отводил меня в сторону и допрашивал со *всех* сторон насчёт вашей пропавшей рукописи, требуя, чтобы я приказала ЦРУ вернуть её.

— Ну и? — с надеждой спросила Кэтрин.

Нагель покачала головой. — К сожалению, директор подтвердил, что оперативная группа Q уничтожила все экземпляры.

Кэтрин фыркнула. — Не верю.

— Увы, это правдоподобно. После WikiLeaks мы ввели жёсткие протоколы по немедленному уничтожению информации, которую агентство

сочло опасной. Мне жаль, но книга действительно утрачена.

Кэтрин нервно теребила обивку дивана, стараясь не думать о потере. — Знаете, довольно иронично, что ЦРУ уничтожило книгу. На самом деле, содержащиеся в ней идеи могли бы дать агентству новый взгляд на теорию управления террором.

Нагель удивлённо подняла брови. — Вы писали о ТУТ?

— Это тесно связано с моей работой. *Как и с вашей.*

Теория управления террором использовалась военной разведкой для прогнозирования реакции населения на определённые угрозы. Её выводы хорошо изучены. Источники человеческой тревоги бесчисленны — страх ядерной войны, терроризма, финансового краха, одиночества — и всё же ТУТ установила, что главным страхом и сильнейшим мотиватором человеческого поведения является, без сомнения... страх смерти. Когда человек панически боится умереть, мозг применяет чёткие стратегии для «управления» этим ужасом.

В обычных обстоятельствах наше тягостное осознание неизбежности смерти — известное

как «сальенс смертности» — компенсируется различными стратегиями: отрицанием, духовными практиками, медитацией и философскими размышлениями. Однако в экстремальных ситуациях — войнах, преступлениях, насильственных столкновениях — люди всех демографических групп ведут себя предсказуемо: либо сражаются до конца, либо спасаются бегством. Это классическая реакция «бей или беги», и военным стратегам особенно важно предугадать, *какая* из двух проявится.

— Как выяснилось, — сказала Кэтрин, — реакция «бей или беги» не *единственный* ответ мозга на страх смерти. Существует более постепенная реакция, формирующаяся годами, когда мы начинаем бояться, что мир небезопасен... как сейчас чувствуют многие.

— И это страх на основе логики, — заметила Нагель.

— Каждый день СМИ показывают нам ужасы, напоминая о разрушении окружающей среды, угрозе ядерной войны, надвигающихся пандемиях, геноцидах и бесконечных зверствах мира. *Всё* это заставляет нашу систему управления страхом работать в фоновом режиме — пока еще не переходя в состояние «бей или беги», но... мы

уже подсознательно готовимся к худшему. По сути, чем страшнее наш мир, тем больше времени мы *готовимся* к смерти на подсознательном уровне».

Нагель выглядел смущенным. «Готовимся к смерти... *как* именно?»

«Думаю, ответ вас удивит, — сказала Кэтрин. — Он определенно удивил *меня.* Изучая значимость смертности для мозга, я обнаружила, что усиленный страх смерти вызывает целый ряд поведенческих реакций — и все они *эгоистичны*».

«Простите?»

«Страх делает нас *эгоистами,* — продолжила Кэтрин. — Чем сильнее мы боимся смерти, тем крепче цепляемся за *себя*, свое имущество, безопасное пространство... за всё привычное. Мы проявляем усиленный национализм, расизм, религиозную нетерпимость. Бросаем вызов авторитетам, игнорируем нормы морали, воруем у других ради собственной выгоды, становимся более меркантильными. Мы даже теряем чувство ответственности за экологию, потому что считаем, что планета уже обречена, а мы всё равно все погибнем».

«Это тревожно, — заметил Нагель. — Именно такое поведение провоцирует глобальные беспо-

рядки, терроризм, культурный раскол и войны».

«Да, и оно же усложняет работу ЦРУ. К сожалению, это замкнутый круг. Чем хуже обстановка, тем хуже мы себя ведем. А чем хуже мы себя ведем, тем хуже становится обстановка».

«И вы утверждаете, что эта тревожная тенденция коренится в страхе человека перед смертью?»

«Это не *моя* теория, — ответила Кэтрин. — Она научно доказана огромным массивом статистических данных, собранных посредством наблюдений, поведенческих экспериментов и научных опросов. Однако самое важное в этих исследованиях — они показывают, что те, кто по какой-то причине *не* боится смерти, демонстрируют более доброжелательное поведение: они принимают других, готовы к сотрудничеству и заботятся об экологии. По сути, если бы все мы могли освободить свой разум от этого бремени, от ужаса перед смертью...»

«...то мир стал бы намного лучше».

«Точно, — кивнула Кэтрин. — Как говорил великий чешский психиатр Станислав Гроф: «Искоренение страха смерти преображает способ бытия личности в этом мире». Он считает, что радикальное внутреннее преобразование созна-

ния может быть нашей единственной надеждой пережить глобальный кризис, порожденный западной механистической парадигмой».

«Ну, если это правда, — Нагель подлила себе кофе, — может, стоит подсыпать в мировые запасы воды успокоительное».

Кэтрин рассмеялась. «Вряд ли Ксепакс решит экзистенциальные вопросы, но надежда уже близка».

Женщина приостановилась на середине глотка. «Да?»

«Как я писала в своей рукописи, я верю, что наши взгляды на смерть вот-вот изменятся. Ведущие ученые по всему миру всё больше убеждены: реальность вовсе *не такова,* как мы думаем. В том числе появилась провокационная идея, что смерть, весьма возможно, иллюзия... и что наше сознание *переживает* физическую смерть и продолжает существовать. Если это правда и если мы сможем это доказать, то через несколько поколений человеческий разум начнет работать на совершенно ином основании — вере в то, что смерть вовсе не так страшна...»

В голосе Кэтрин звучала страсть. «Только представьте. *Единый* всеобщий страх, ведущий к разрушительному поведению... испарится. Если

мы сможем продержаться достаточно долго, чтобы достичь этого сдвига парадигмы, не уничтожив друг друга и планету, наш вид, возможно, свернет на философский путь, ведущий к невообразимо мирному будущему.»

Посол замолчала, и Кэтрин уловила в её глазах глубокое желание почувствовать обнадеживающие слова, несмотря на всё, что та повидала в этом мире. «Как же я надеюсь, что ты прав», — прошептала она.

Спустя мгновение Роберт наконец появился в дверном проеме. Нагель вскочила на ноги. «Как прошло?»

Он вошел с усталой улыбкой. «Госпожа посол, думаю, вам стоит позвонить директору».

Был поздний вечер в Лэнгли, штат Вирджиния, когда директор Грегори Джадд завершил свой второй видеозвонок за день с бывшим главным юрисконсультом Хайде Нагель.

Я был дураком, уволив её, подумал он — не потому, что Нагель вернулась, чтобы преследовать его, а потому, что она была чертовски хороша в своём деле. Мало кто мог так безжалостно разбираться с ерундой, как Нагель. В то время как

большинство юристов существовали в черно-белом мире, подчинённом букве закона, Нагель жила в реальном мире, каким он был на самом деле — изменчивом, сложном, отображаемом в оттенках серого.

С ясностью, смирением и удивительной эмоциональной открытостью Нагель поделилась с ним неожиданными событиями, касающимися Саши Весны, а также очевидными последствиями для неизбежного восстановления «Порога». Как любой хороший переговорщик, Нагель помогла Джадду прийти к *её* выводу, делая вид, что идея принадлежит ему самому.

Директор не был учёным, но исследования ЦРУ о человеческом разуме, безусловно, открыли реальность, непохожую на всё, что Джадд мог представить в молодости. К счастью, задача Джадда заключалась не в понимании природы реальности, а в том, чтобы использовать её силу для наилучшего служения своей стране и её защиты.

Иногда Джадд позволял себе мечтать о будущем, где такие программы, как «Порог», раскроют доказательства взаимосвязи всех человеческих умов, открыв мировое сообщество, скреплённое не страхом и соперничеством, а эмпатией

и взаимопониманием… мир, где концепция национальной безопасности останется лишь реликвией прошлого.

Но пока что впереди была работа.

ГЛАВА 136

Хайде Нагель стояла на взлетной полосе у частного терминала аэропорта имени Вацлава Гавела, ощущая тяжесть плана, который она привела в действие.

Убежище.

Это было верное решение, повторяла она себе. *Единственно возможное.*

Неподалеку Скотт Кербл сидел за рулем служебного седана посольства с работающим двигателем; в багажнике лежали вещевые мешки с наспех собранной одеждой и личными вещами Саши. Сама Саша спокойно сидела на заднем сиденье, все еще крепко зафиксированная гибкими наручниками, с сонным, но умиротворенным выражением лица, пока играла с двумя сиамскими кошками в переноске рядом.

Из ангара терминала выкатился небольшой частный самолет и направился к ним. Это был Citation Latitude, на котором ранее прилетел Финч. Пилоты получили прямые указания от самого директора ЦРУ — совершить «рейс-призрак» с двумя безымянными пассажирами на авиабазу Лэнгли в Вирджинии.

Без манифеста.

Наблюдая, как самолет приближается, Нагель ощущала растущее доверие к директору Джадду. Однако годы работы в ЦРУ научили ее опасности слепой веры. В мире национальной безопасности узы *доверия* — даже самые крепкие — регулярно рвутся, когда интересы страны перевешивают нужды ее граждан. Служение общему благу обладало благородством, но Нагель уже отработала свою смену.

Для подстраховки Нагель взяла из посольского хранилища четыре зашифрованных жестких диска IronKey с 256-битным ключом, загрузила на каждый копию видео допроса Гесснер и защитила каждый обязательным шестнадцати значным паролем, выбранным сегодня и известным только ей. Один диск был у нее в кармане, один — в личном сейфе, а остальные два уже запечатали в дипломатические пакеты, отправленные двум друзьям-адвокатам — в Европу и США — с инструкцией вскрывать пакеты *только* в случае неожиданной смерти или исчезновения Нагель.

Двойная слепая страховка на случай смерти.

Главной непредсказуемой переменной в этой ситуации была Саша Весна и ее необычное состояние, делающее ее крайне ненадежной. Юной

россиянке определенно требовалась психиатрическая помощь, но после всего пережитого она заслуживала дом, друзей, безопасность и шанс на более-менее нормальную жизнь. Ее защитная альтер-личность проявлялась лишь когда Саше причиняли вред, и план Нагель строился на том, чтобы этого избежать.

Я должна обеспечить Саше безопасное убежище, думала она. Максимально безопасное в данных обстоятельствах.

Посол торопилась отправить Сашу из Праги. В течение часа с авиабазы США в Рамштайне (Германия) должна была приземлиться целая армия для «восстановительных работ» на месте взрыва. Насколько понимала Нагель, обломки в кратере будут измельчены направленными микро-взрывами и залиты слоем бетона. Поверх ляжет гравий, затем плодородная почва и дерн. Если все пойдет по плану, уже через несколько недель газоны парка Фолиманка будут выглядеть так, будто здесь никогда ничего не происходило.

Похоронено и забыто, подумала она. Лишь горстка людей узнает, что Порог вообще существовал.

Когда Citation приблизился к стоянке, Кербл вышел из машины и подошел к Нагель. «Мэм,

мисс Весна выглядит вполне довольной. Погрузить багаж?»

«Спасибо, Скотт, — ответила Нагель. — Ценю, что сопровождаешь ее. Разумеется, сохраняй меры предосторожности до передачи. На земле вас встретит команда директора и возьмет все под контроль.»

«Конечно, мэм.»

«Директор заверил, что лично встретит Сашу после посадки. Можешь передать ему это?» Нагель достала из кармана зашифрованный жесткий диск и протянула Керблу. «Он знает, что там. Скажи, это один из четырех. Если захочет проверить содержимое — пусть позвонит мне за паролем.»

«Хорошо, мэм». Кербл убрал диск в карман и развернулся уходить.

«Хотя погоди, — поправила себя Нагель, — лучше скажи: это первые буквы каждого слова в его любимой цитате Киссинджера.»

Кербл выглядел озадаченным и направился за багажом.

Подходя к самолету, Нагель надеялась, что Роберт Лэнгдон и Кэтрин Соломон теперь чувствуют себя увереннее. Оба были в полной безопасности — особенно учитывая, что один из самых влия-

тельных людей страны не мог допустить, чтобы с ними что-то случилось. Нагель поделилась с Джаддом мыслями Кэтрин о ТМТ и будущем, и он настолько заинтересовался, что спросил, согласится ли доктор Соломон присоединиться к команде Порога.

Ни за что на свете, ответила она Джадду, выразившись чуть дипломатичнее и напомнив, через что Кэтрин пришлось пройти из-за агентства. *К тому же, она может переписать свою книгу.*

◆ ·· ◆

Саша Весна часто чувствовала, будто пробудилась от глубокого сна, упустив нечто важное. Обычно дни вроде сегодняшнего — с необычайно большими провалами в памяти — выбивали ее из колеи. Но сейчас, несмотря на смутные обрывки воспоминаний о событиях дня, она ощущала непривычное спокойствие. Внутренний голос, которому она научилась доверять, шептал: всё будет хорошо... *прекрасно*, по сути.

Полчаса назад Саша вынырнула из густого тумана сознания и обнаружила себя в наручниках на заднем сиденье теплого седана, с Гарри и Салли в переноске рядом. За рулем сидел мужчина в форме, а на переднем сиденье — представляв-

шаяся послом США женщина, развернувшаяся к Саше и подробно объяснявшая ситуацию.

Странно, но Саша не испытывала паники ни от наручников, ни от внезапного окружения незнакомцев. Она чувствовала себя готовой к этому моменту — внутренний голос убеждал, что всё это для ее же блага... и безопасности.

Посол извинилась за наручники и поспешный отъезд, дав детальные пояснения. Саша мало что поняла — что-то про политическое убежище, госдепартамент, полет над нейтральными водами, — но ей это было неважно. Она уловила лишь одно.

Я лечу в Америку.

Внутренний голос призывал быть благодарной и покладистой, но Саше не нужно было это внушать. Америка была ее мечтой с детства, когда она засматривалась романтическими фильмами. Она гадала, сможет ли когда-нибудь увидеть Нью-Йорк: Центральный парк, деликатесную Katz's и Эмпайр-стейт-билдинг.

Как именно всё это произошло, Саша не понимала. Может быть, это было связано с усердной работой на доктора Гесснер. Все, что Саша знала наверняка, — это что посол США сделал это возможным.

Ей можно доверять, почувствовала Саша. Новый друг.

Сидя в одиночестве с кошками в уютном салоне седана, Саша ждала, когда туман в голове начнет рассеиваться. Она наблюдала, как морпех загружает ее вещи в самолет, и понимала, что в Праге для нее больше не осталось ничего. Без Бригиты у Саши не было ни работы, ни жилья, ни—

Вдруг Сашу осенило — она забыла еще кое-что, вернее, кого-то — Майкла Харриса. *Я так и не попрощалась!* Странно, но воспоминания о Майкле исчезали с поразительной скоростью, словно он уже стал возлюбленным из ее далекого прошлого. *Первые любви важны*, вспомнила она фразу из какого-то романтического фильма. *Они открывают наши сердца для того, что ждет впереди.*

Но что же ждет впереди? — задумалась Саша, впервые в жизни ощущая, что вступает в мир безграничных возможностей. Тихий голос снова зашептал в ее сознании. *Не сомневайся в своем прошлом, Саша,* — говорил он. *Смотри в будущее.*

Этот голос она слышала часто. Как объяснял Майкл, это была ее интуиция, высшее «я», подсознание. У каждого внутри есть такой голос, уверял он — часть души, которая шепчет, успока-

ивает и направляет. Саша напишет Майклу, как только устроится. С другой стороны, возможно, лучше было просто отпустить это. В последнее время она ощущала, что их романтическая связь, похоже, подходит к концу.

— Мисс Весна? — раздался голос за окном. Морпех вернулся и открыл ей дверь.

— Они ждут вас. — Он расстегнул её ремень безопасности и помог выйти из машины, затем наклонился внутрь и бережно достал переноску с животными. — Давайте устроим Гарри и Салли на борту, хорошо?

Она благодарно кивнула. — Спасибо, сэр.

— Можешь звать меня Скотт, — улыбнулся мужчина. — Я сегодня полечу с вами. Можно мне называть тебя Сашей?

— Конечно! — воскликнула она, чувствуя, как волнение нарастает по мере приближения к самолёту. У подножия трапа в одиночестве стояла посол, по-видимому, ожидая возможности попрощаться.

— Сержант Кербл, — обратилась посол, когда они подошли, — может, вы внесёте этих прекрасных кошек внутрь, а потом вернётесь за мисс Весной?

— Безусловно, мэм, — ответил он и, подняв

Гарри и Салли по трапу, скрылся в салоне.

Посол внимательно посмотрела на Сашу с беспокойством. — Я знаю, всё это очень внезапно и трудно осмыслить. Ты в порядке?

Саша пыталась удержать равновесие в этом неожиданном водовороте благодарности, недоумения, восторга и неверия. Посол не раз повторяла, что в ближайшие дни всё начнёт обретать смысл. Она также обещала вскоре присоединиться к Саше в США — эта мысль наполняла Сашу глубочайшим спокойствием.

— Я… в порядке, — проговорила Саша. — Всё ещё в тумане. Но я знаю, как вы добры ко мне. — Она едва сдерживала слёзы. — Как мне вас отблагодарить?

Посол тоже заметно растрогалась. — Хочешь верь, хочешь нет, Саша… но ты уже сделала это.

Когда Саша окончательно разрыдалась, посол шагнула вперёд и обняла её. Этот долгий, тёплый объятия напомнили Саше те, что дарила ей мама, когда ей было всего четыре или пять… до того, как она стала сломленной девочкой. Столько, много лет её никто так не обнимал.

ГЛАВА 137

Зимнее солнце только что взошло над Прагой, его приглушенные лучи отражались в заснеженных шпилях городского силуэта.

Лэнгдон испытывал тревогу из-за последнего неоконченного дела, которое нужно было уладить перед тем, как они с Кэтрин улетят сегодня днем. Он гадал, как она отреагирует, когда он объяснит щекотливую ситуацию.

Я почти рассказал ей раньше, подумал он, но, несмотря на искреннее желание поделиться произошедшим, Лэнгдон так и не нашел подходящего момента. *Наслаждайся завтраком,* успокоил он себя. *Все уладится.*

Полтора часа назад, после серьезного разговора с послом и неловкого прощания с Сашей, Лэнгдон и Кэтрин вышли из посольства и, по личной рекомендации Нагеля, прошли всего двадцать шагов через брусчатую площадь до отеля «Алхимист», чтобы попробовать их знаменитый «завтрак с просекко».

Отель размещался в безупречно отреставрированном барочном особняке XVI века, чей просторный внутренний двор каждую зиму пре-

вращался в каток, сверкающий под мерцающими огнями. Убранство столовой было сказочным: алые бархатные кресла, сверкающие венецианские люстры и позолоченные «коринфские» колонны с завитками, словно сошедшие со съемочной площадки сказочного фильма. За тихим столиком у окна с видом на каток Лэнгдон и Кэтрин закончили роскошный завтрак, завершившийся финиковыми клецками с золотой посыпкой. Насытившись и обстоятельно обсудив события утра, они теперь спокойно потягивали цикориевый *мельта* и наблюдали за катком, где только что появилась молодая женщина, зашнуровывавшая коньки.

«Катающаяся *монахиня*?» — предположил Лэнгдон, вспомнив страшилку официанта о монахине, погибшей на этом месте столетия назад и иногда являвшейся, чтобы рисовать на льду причудливые узоры.

«Вряд ли», — ответила Кэтрин, когда девушка сбросила пальто, открыв обтягивающий костюм для фигурного катания, расшитый белыми пайетками и серебряным бисером.

Когда девушка вышла на лед, она выглядела странно неуверенной для кого-то с такой сложной экипировкой. *Странно*, подумал Лэнгдон, наблю-

дая, как она неуклюже пошатывается к центру катка, останавливается, встряхивает волосы, поднимает телефон и начинает делать селфи.

«Загадка раскрыта, — заявил Лэнгдон. — Инстаграм-фигуристка.» «Новая реальность», — со смехом сказала Кэтрин.

«Тебя это не тревожит? — повернулся он к ней. — Молодые люди, постоянно транслирующие себя миру? Я вижу это каждый день в кампусе. Даже «лучшие и ярчайшие» кажутся гораздо более заинтересованными в онлайн-мире, чем в *реальном*.»

«Возможно, — отхлебнув чай, ответила она. — Но во-первых, это делают не *только* молодые. А во-вторых, наверное, стоит учитывать, что онлайн-мир *тоже* реален.»

«Настоящий мир, где любовь выражают смайликами и измеряют в «лайках»?

«Роберт, когда ты видишь человека, прикованного к телефону, ты видишь кого-то, *игнорирующего* этот мир, вместо того чтобы увидеть человека, *погруженного* в другой мир… мир, который, как и наш, состоит из сообществ, друзей, красоты, ужасов, любви, конфликтов, добра и зла. Все это там есть. Виртуальный мир не так уж отличается от нашего… за одним исключением».

Кэтрин улыбнулась. «Он вне пространства».

Эти слова застали его врасплох.

«Виртуальный мир, — продолжила Кэтрин, — не привязан к твоему местоположению. Ты существуешь в нем как бесплотный разум… свободный от физических ограничений. Ты перемещаешься без усилий *куда угодно*, видишь, что хочешь, узнаешь, что хочешь, общаешься с другими бесплотными разумами».

Лэнгдон никогда не думал об Интернете в таком ключе, и это его одновременно потрясло и заинтриговало. *В сети я — бесплотное сознание…*

«Когда мы теряем себя в виртуальном мире, — сказала Кэтрин, — мы получаем опыт, во многом схожий с внетелесным переживанием: мы оторваны от физического, невесомы, но при этом соединены со всем. Наши фильтры исчезают… Мы можем взаимодействовать со всем миром через один экран и испытывать почти *что угодно*».

Лэнгдон понял, что Кэтрин абсолютно права.

Она допила последний глоток *мэлты* и промокнула губы льняной салфеткой. «В общем, я написала об этом в своей книге. Идея необычная, но я пришла к выводу, что нынешний технологический взрыв — часть *духовной* эволюции…

своего рода тренировочная площадка для существования, которое в конечном итоге станет нашей главной целью: сознание, свободное от физического мира, но связанное совсем».

Лэнгдон откинулся на спинку стула, пораженный новаторскими идеями Кэтрин.

«Все это сводится к одной большой концепции, — страстно сказала Кэтрин. — Смерть — это не конец. Еще многое предстоит сделать, но наука продолжает находить доказательства, что за пределами всего этого *действительно* есть нечто. *Это* послание мы должны кричать с самых вершин, Роберт! Это величайшая из тайн. Только представь, какое влияние оно окажет на будущее человечества».

«И именно поэтому тебе все еще нужно опубликовать свою книгу!»

На лице Кэтрин промелькнула тень недовольства, и Лэнгдон пожалел, что не удержался. Тем не менее, он был рад узнать, что директор ЦРУ согласился *не* препятствовать публикации книги Кэтрин — при условии, что она уберет несколько чувствительных абзацев и, конечно же, опустит свою патентную заявку. Кэтрин приняла хорошие новости без особого энтузиазма, что неудивительно: она все еще злилась на агентство,

не говоря уже о том, что ее пугала перспектива заново начинать писать.

Лэнгдон заерзал, чувствуя себя виноватым.

«Ну что, — осторожно спросил он, — все еще хочешь увидеть Пражский замок перед вылетом?»

Кэтрин подняла глаза, явно радуясь смене темы. «Конечно. В день лекции я почти ничего не успела посмотреть, а ты говорил, что собор Святого Вита пропускать нельзя».

«Отлично», — сказал он, беря пальто. «Отсюда всего ничего до холма». Его мысли снова вернулись к предстоящему разговору. Он все еще переживал, как Кэтрин воспримет новость.

Кэтрин оглянулась в поисках официанта. «Я бы заплатила за завтрак, Роберт, но я потеряла сумку».

«Не беспокойся, — ответил он с улыбкой. — Мне сказали, что завтрак оплачивает посольство США.»

Когда они вышли из отеля на утренний свет, Кэтрин и Лэнгдон оглянулись на окно кабинета посла, чтобы помахать ему в знак благодарности, но окно было темным. Судя по всему, отъезд Саши прошел гладко, и Хайде Нагель уже отправилась

спать.

Посол пообещал, что сегодня утром в их отель доставят пакет с наличными на дорогу, двумя билетами в первый класс и дипломатическими письмами, которые гарантируют им беспрепятственное возвращение домой. «Это меньшее, что может сделать посольство», — сказала им Нагель, — «учитывая последние двадцать четыре часа».

Кэтрин последовала за Лэнгдоном в живописный переулок Выставиште, ведущий вверх к Пражскому Граду. Только они начали подъем, как Лэнгдон обнял ее за талию, поцеловал в щеку и притянул к себе. Они прошли не больше десятка шагов, когда Лэнгдон внезапно остановился, будто передумал идти дальше.

«Тебе тяжело подниматься в этой мешковатой куртке?» — поддразнила она, тыкая пальцем в его драгоценную пуховку марки Patagonia цвета киновари, которую Кэтрин не раз предлагала заменить на что-то из *нынешнего* тысячелетия.

«Нет…» Он закатал рукав, посмотрел на часы с Микки Маусом и нахмурился.

«Просто мне только что пришло в голову… У нас всего несколько часов до вылета, и есть кое-какие документы, которые мне нужно оформить перед

отъездом. Может, встретимся там наверху?»

«Документы?» — удивилась она.

«Прости, — сказал он. — Я не хотел грузить тебя подробностями вчерашнего дня.

Все было хаотично, и остался один нерешенный вопрос».

Кэтрин насторожилась, особенно учитывая, что вчера утром Роберт эвакуировался из роскошного отеля и скрылся от чешской полиции. «Все в порядке, Роберт? Нам нужно обратиться к послу?»

«Все будет хорошо, — успокоил он. — Обещаю».

«Может, я пойду с тобой?»

«Спасибо, но я не хочу, чтобы ты пропустила эту прогулку». Он указал на дорожку в гору. «Здесь потрясающе красиво. Я возьму такси, улажу дело, и, если повезет, мы встретимся у замка примерно в одно время».

«Как скажешь, — ответила она, все еще нервничая. — Где встретимся?» Лэнгдон задумался. «У двери с семью замками».

Кэтрин уставилась на него. «Есть дверь… с *семью* замками?»

Он кивнул. «Одна из самых загадочных дверей во всей Европе. Спросишь на месте».

«Роберт, — запротестовала она, — может, встретимся у справочной, как обычные люди?»

«Потому что… — он поцеловал ее в щеку. — Быть обычным сильно переоценено».

ГЛАВА 138

Высоко над темной гладью океана Скотт Кербл ощущал, как его охватывает глубокая усталость. Пока самолет мчался на запад навстречу восходящему солнцу, он прошел в хвост салона, чтобы провести последнюю проверку перед тем, как закрыть глаза. Саша крепко спала.

Кербл уже снял с нее наручники, заменив их на один ножной браслет, пристегнутый к креслу. Он также выпустил Гарри и Салли из переноски, и теперь два сиамских кота дремали на сиденье рядом с ней, переплетясь в один пушистый комок и мурлыкая в унисон.

Кербл вернулся на свое место, снял пиджак и ощутил в кармане зашифрованный жесткий диск. Он вынул его и рассмотрел устройство, гадая, что же может быть на нем такого, что давало послу такую неоспоримую власть. Глядя на встроенную клавиатуру, он вспомнил, что должен сообщить директору о шестнадцати символьном пароле.

Первая буква каждого слова в твоей любимой цитате Киссинджера.

Кербл на мгновение задумался, затем достал

телефон и спросил у ChatGPT, цитировал ли директор ЦРУ Грегори Джадд Генри Киссинджера в публичных выступлениях. Оказалось, Джад делал это много-много раз — всегда одну и ту же цитату — и обычно с предисловием: «Только Киссинджер мог выразить столь сложную истину всего в шестнадцати словах».

Страна, требующая морального совершенства в своей внешней политике, не достигнет ни совершенства, ни безопасности.

СТТМПВСВПНАНИБ, подумал Кербл, зная, что мог бы легко разблокировать диск и посмотреть, какие данные скрыты внутри. Он также знал, что никогда не предаст доверие посла. Без тени сомнения он засунул диск вглубь своей сумки для передачи директору.

Semper Fidelis, подумал он, закрывая глаза, чтобы заснуть.

◆ ·· ◆

В дальнем кресле затемненного салона из теней возник Голем. Саша крепко спала, и Голем тихо проник на передний план ее сознания, открыл глаза и посмотрел в иллюминатор. Внизу была лишь тьма… великая пустота, разделяющая Старый Свет и Новый.

Америка станет для Саши новым началом… как это было для миллионов людей на протяжении истории. Вторым шансом. Голем наконец почувствовал уверенность, что его преданность и любовь к Саше будут вознаграждены. *Вселенная помогает тем, кто понимает ее.*

Хотя Голем все больше убеждался, что Саша будет в безопасности под опекой посла, он не планировал покидать ее полностью. Пока нет. Он продолжит наблюдать из тени, с каждым днем отдаляясь чуть больше, становясь все меньшей частью ее жизни, пока не превратится в тихий шепот в ее сознании. Мысль была немного грустной, но одновременно наполняла его чувством выполненного долга.

Чем меньше она нуждается во мне, тем лучше я ей послужил.

Хотя Голем знал, что может покинуть Сашу полностью, освободиться и вернуться в тот мир, откуда пришел, он чувствовал, что часть его навсегда останется с ней… ангелом-хранителем. Он будет проявляться тихо, как проявляются многие ангелы… инстинктом, предчувствием, внутренним знанием… полезным толчком от более опытной души, приходящим из другого мира.

Саша проживет жизнь, которую заслуживает.

Умиротворенный в душе, Голем закрыл глаза и позволил себе погрузиться в глубочайший сон, которого не знал уже очень давно.

«Спокойной ночи, милая», прошептал он. Good night, sweet heart.

Погружаясь в сон, его левая рука сама потянулась и нежно погладила двух мурлыкающих сиамских котов на сиденье рядом.

ГЛАВА 139

Поднявшись по крутому подъему на Замковую гору, Кэтрин остановилась, чтобы перевести дух и осознать грандиозность открывшегося перед ней сооружения. Пражский Град вовсе не был замком… Это был огромный укрепленный *город.*

Согласно рассказу Роберта, эта крепость на холме занимала более пятнадцати акров, включая четыре дворца, два зала собраний, тюрьму, оружейную палату, резиденцию президента, монастырь и пять отдельных церквей, среди которых находился один из крупнейших соборов мира — собор Святого Вита.

Двумя ночами ранее, когда Кэтрин приезжала сюда читать лекцию, её доставили на машине и провели во Владиславский зал через скромный колонный вход с южной стороны комплекса. *Видимо, чтобы не напугать меня*, подумала она, разглядывая устрашающий барьер перед главным входом.

Доступ к замку преграждала массивная пятиэтажная стена, за которой возвышался частокол из острых кованых прутьев с воротами, охраняемыми двумя солдатами в форме с винтовками.

Единственный проход во флангировали две огромные статуи мускулистых мужей, застигнутых в процессе избиения и протыкания копьями жалких смертных.

Послание поняла, мелькнуло у Кэтрин.

Она проскользнула через ворота и пробиралась через лабиринт дворов и тоннелей, пока не вышла на просторную площадь, вымощенную брусчаткой. Оказавшись на открытом пространстве, она непроизвольно подняла взгляд вверх, скользя по фасаду здания таких размеров, что невозможно было поверить, будто оно находилось *внутри* замковых стен.

Собор Святого Вита.

Всё, что она знала об этом соборе, — что Лэнгдон считал его архитектурным шедевром. Его любимой деталью была стометровая колокольня, где размещался один из крупнейших в Европе колоколов — семнадцатитонный гигант по имени Зигмунд. Его звон был настолько мощным, что колокол звонил только на Рождество и Пасху, опасаясь, что вибрации повредят древнюю башню.

Кэтрин задержалась, рассматривая массивную колокольню, а затем направилась ко входу, стремясь найти знаменитую дверь, которая, по словам только что опрошенного охранника, на-

ходилась внутри собора.

Дверь с семью замками. Она всё ещё не понимала, что это такое, но надеялась обнаружить Лэнгдона, уже ждущего её. Подъём на холм занял гораздо больше времени, чем она рассчитывала, а Лэнгдон уехал на такси, так что, возможно, его формальности уже улажены.

Интерьер собора Святого Вита полностью соответствовал ожиданиям Кэтрин — величественный, роскошный, подавляющий — как и любой другой европейский собор, который ей доводилось видеть. Она не могла понять, зачем люди столетиями строили эти святилища всемогущему, благосклонному Богу… в эпоху, когда чума, войны и голод убивали сотни тысяч верующих. Возникал вопрос: был ли их Бог равнодушен к человеческим страданиям… или бессилен их остановить. Но, по-видимому, обещание «вечной жизни» было неодолимой мазью, утоляющей всеобщий страх смерти.

И остается таким до сих пор, — подумала она, углубляясь в церковь в поисках Лэнгдона. Собор святого Вита в этот час был практически пуст, и когда она спросила единственного смотрителя о таинственной двери, он указал вверх по центральному нефу — на арочный проем справа, в

самом сердце святилища.

— Часовня Вацлава, — прошептал он.

Пустая часовня оказалась потрясающе красивым помещением с серым мраморным полом и богато расписанными фресками стенами, устремлявшимися вверх на несколько этажей к сводчатому потолку. В центре часовни стоял огромный прямоугольный ярусный саркофаг, украшенный разноцветными камнями и увенчанный шатровым балдахином. Постройка выглядела настолько необычно, что Кэтрин пришлось прочесть табличку, прежде чем она поняла, что перед ней.

Королевская гробница.

Как оказалось, этот саркофаг хранил останки знаменитого «короля», который на самом деле никогда им не был — добросердечного князя, ошибочно увековеченного как монарх в популярной английской рождественской песне. Кэтрин с удовольствием прочла, что место упокоения Доброго короля Вацлава *также* служило входом к бесценным коронационным регалиям Богемии... хранящимся в сейфе, доступ к которому возможен лишь через знаменитые ворота с семью замками.

Кэтрин поспешила к двери, стоявшей в углу.

Это была массивная плита серого металла, перекрещенная диагональными усиливающими полосами, закрепленными заклепками. Получившийся ромбовидный узор был украшен львами и орлами — символами с герба Чехии. Вдоль левой стороны двери располагался ряд затейливых замков. Неудивительно, что Кэтрин насчитала их семь — каждый был окружен бронированной пластиной.

Она оглянулась на пустую часовню и затем, чувствуя себя глупо, попробовала открыть дверь.

Закрыто.

Подождав еще несколько минут без признаков Лэнгдона, она наконец вышла обратно в главный неф, чтобы присесть на ближайшую скамью. Было приятно дать отдых ногам, но тревога за Лэнгдона усиливалась. *Что-то пошло не так?*

Пытаясь отвлечься, она подняла глаза к главному алтарю — величественной конструкции из золотых ажурных шпилей на фоне витражей. Нельзя было отрицать, что это здание — потрясающее достижение человечества, величественное произведение искусства.

Даже кафедра — шедевр, — подумала она, любуясь искусно вырезанным возвышением на колонне рядом. Доступ на высокую шестигранную

кафедру осуществлялся по элегантной винтовой лестнице, а венчал ее балдахин с позолоченными херувимами. Эта священная площадка явно была задумана, чтобы наделять говорящего почти божественным авторитетом.

— Вот ты где! — раздался низкий голос через весь собор.

Она обернулась и увидела Лэнгдона, выходящего из часовни Вацлава и спешащего к ней, все еще закутанного в свою пуховку Patagonia. — Я не увидел тебя внутри и испугался, что ты меня покинула, — сказал он, подбегая запыхавшимся. — Нашла дверь с семью замками?

— Да, — ответила она. — Каково же было мое удивление, что она *заперта.*

Лэнгдон улыбнулся, теперь выглядевший более расслабленным. — Ну, если хочешь, чтобы я ее открыл, мне придется сделать семь звонков — президенту, премьер-министру, архиепископу, управляющему, декану, мэру и председателю палаты.

— Даже спрашивать не буду, откуда ты это знаешь, Роберт. Ты разобрался с документами?

— Да, — ответил он. — Все готово.

Кэтрин почувствовала облегчение. — Собираешься рассказать, в чем там было дело?

— Расскажу... — ответил он, отвлеченно глядя на ближайшую кафедру. — Минуточку... — Он оглядел пустынный собор, затем снова взглянул на Кэтрин. — Сиди здесь — я хочу кое-что тебе показать. — Он направился к лестнице, ведущей на кафедру, и ловко переступил через бархатный шнур, перекрывавший вход.

— Роберт, что ты... — начала она.

Но он уже взбегал по винтовой лестнице. Достигнув вершины, он склонился над массивной раскрытой Библией на пюпитре — видна была лишь его голова. — Кэтрин, я хочу прочитать тебе несколько отрывков, — сказал он с искренней интонацией. — Просто открой сердце и послушай.

Библейские отрывки? — Я не пони...

— Просто послушай, — настаивал он. — Я уверен, эти слова утешат твою душу.

Кэтрин в недоумении смотрела вверх, пока Лэнгдон усаживался поудобнее: снял дутый пуховик, бросил его на пол и перелистывал Библию, словно отыскивая определённый фрагмент.

Закончив подготовку, Лэнгдон откашлялся и вновь встретился с ней взглядом, прежде чем перевести его на пюпитр. Заговорив, он использовал свой фирменный баритон, звучавший чётко и звучно. — Сегодня доказано, — декламировал он

с драматизмом, — что *младенцы* способны к осознанным переживаниям с момента рождения... что опровергает нынешнюю модель постепенного развития сознания.

Прости? — Мысли Кэтрин путались. *Он это серьёзно?*

Лэнгдон перевернул несколько страниц и продолжил читать. — Что ещё важнее, — вещал он, — мы зафиксировали неопровержимые *доказательства* интенсивной активности гамма-волн в мозге в момент смерти.

Кэтрин вскочила на ноги, наконец поняв, что именно он читает. *Этого не может быть!* Она бросилась к кафедре, пока Лэнгдон зачитывал ещё один отрывок.

— Уровень ГАМК, — гремел его голос, — резко падает в предсмертные моменты, и вместе с этим ослабевает способность мозга отфильтровывать самые крайние грани человеческого опыта, обычно остающиеся за гранью восприятия.

Сердце Кэтрин колотилось, когда она взбегала по винтовой лестнице. — Роберт! — воскликнула она, добежав до кафедры и застыв в оцепенении при виде знакомой стопки распечаток, лежащих поверх огромной Библии. — Это же моя *рукопись*?!

— Похоже на то, — беззаботно усмехнулся он, и эта кривая улыбка растрогала её, как всегда.

Кэтрин теперь догадалась: должно быть, он всё это время прятал рукопись под пальто. — Но... — Она не могла подобрать слов. — Я думала... ты *сжёг* её!

— Одно лишь приложение с источниками, дорогая... — улыбнулся он. — Остальное я спрятал за старинными фолиантами на лоджии библиотеки.

Ошеломлённая Кэтрин вспомнила, как огонь, разведённый Лэнгдоном на металлической лестнице, пожирал бумаги, а обугленные клочья падали вниз. — Но... костёр был таким *большим*...

— И *был*, — подтвердил Лэнгдон. — Целых сорок две страницы источников с двойным интервалом — это *твой* авторский стиль. Надеюсь, ты знаешь, что издательства сами верстают их в конце книги? В общем, я подмешал несколько пустых листов пергамента из старых учётных книг. Животный жир даёт *сильную* чёрную копоть.

Кэтрин пыталась совладать с вихрем эмоций: облегчение, благодарность, неверие и даже досада. *Значит, рукопись была цела?!* — Почему ты мне *не сказал*?! — требовала она. — Я была в

отчаянии!

Лэнгдон посмотрел на неё с искренним раскаянием. — Поверь, Кэтрин, я извёл себя, желая *сказать*. Это было пыткой — видеть твои страдания, но вокруг царил хаос, нас могли в любой момент арестовать и допрашивать. Я не хотел вынуждать тебя лгать. Гораздо безопаснее было не знать тебе о рукописи, пока всё не уляжется. Главное — не дать ÚZSI или кому похуже снова её конфисковать.

Откровенно неважная лгунья, Кэтрин и сама это понимала... Наверное, он был прав. *Тактика дезинформации*, как назвал бы это Нагель. Лэнгдон не выдал тайну даже Джонасу по телефону.

— Надеюсь, ты простишь меня... — взмолился он. — Тяжело было хранить эту тайну. Кэтрин невозмутимо смотрела на него — затем шагнула ближе и обняла, растворившись в нём. — Документы... Вот как?

— Важные документы, — поправил он. — Слишком важные, чтобы сжигать.

Она крепче прижалась к нему. — Вот чего я понять не могу — как почтенный профессор Лэнгсон осмелился вырвать страницы из древнего фолианта?

— *Пустые* страницы, — парировал он. — Их

никто не хватится. А мой школьный учитель литературы, мистер Лельчук, говаривал: «Правильная книга в правильный момент может спасти жизнь».

Кэтрин рассмеялась. — Уверена, он имел в виду совсем другое.

— Наверняка, — согласился Лэнгдон, притягивая её ближе.

Кэтрин не помнила, сколько времени они простояли в объятиях на кафедре собора святого Вита, пока не зазвучали колокола. Она утонула в радости от возвращённой рукописи... и в нежности к человеку, которого держала в руках.

— Я люблю тебя, Роберт Лэнгдон, — прошептала она. — Прости, что так долго доходила до этого.

ЭПИЛОГ

Роберт Лэнгдон проснулся под звуки военного барабана — одинокий ритмичный бой малого барабана, будто ведущий в бой небольшой отряд.

Открыв глаза, он увидел заснеженную поляну в парке. Вдали занимался рассвет, его первые лучи пробивались сквозь лабиринт небоскребов.

Манхэттен, пронеслось у него в голове по мере того, как сознание прояснялось.

Отель «Мандарин Ориентал». Пятьдесят второй этаж.

Барабанная дробь не стихала. Казалось, она звучит совсем близко.

Лэнгдон приподнялся на кровати и увидел, что Кэтрин уже проснулась. Она лежала рядом, облокотившись, с игривой улыбкой, её волосы были растрепаны. Она возилась со своим новым телефоном, и Лэнгдон понял, что барабанный бой доносился именно оттуда.

— Мне надоел «Утренний настрой» Грига, — сказала она. — Я сменила наш будильник.

На военный марш? Лэнгдон услышал, как к барабану присоединилась флейта, играя знакомую мелодию. — Погоди… это же *«Болеро»*?

Она невинно пожала плечами. — Возможно.

Оркестровая пьеса Равеля считается самой эротической классической композицией в истории. Её часто называли «идеальным саундтреком для любви». В течение пятнадцати минут настойчивый, пульсирующий ритм «Болеро» нарастал, пока оркестр не достигал фортиссимо, которое критики окрестили «оргазмом в до-мажоре».

— Утончённость — не твой конёк, — сказал Лэнгдон, забирая у Кэтрин телефон, прибавив громкость и игриво прижав её к кровати. Следующие десять секунд он просто смотрел ей в глаза, ничего не делая, лишь слушая дуэт флейты и барабана.

— Эм, Роберт? — наконец спросила Кэтрин. — Что ты делаешь?

— Жду вступления кларнета на восемнадцатом такте, — ответил он. — Я же не варвар.

Час спустя Лэнгдон и Кэтрин нежились в мягких банных халатах, наслаждаясь завтраком в номере под лучами солнца, которые лились на Центральный парк.

Тело Лэнгдона было полностью расслаблено, но ум его был беспокоен в предвкушении дневной

встречи с Джонасом Фоукманом в здании Random House.

Он до сих пор не знает, что рукопись у нас.

Книга Кэтрин надёжно хранилась в сейфе номера, перетянутая двумя толстыми резинками. Перед отъездом из Праги они сделали три копии: одну отправили Кэтрин, другую — Лэнгдону, третью — Джонасу. Надеюсь, они не понадобятся: издательство Penguin Random House находилось в нескольких кварталах.

— Ты уже придумала название? — спросил Лэнгдон. — Джонас обязательно спросит.

Кэтрин подняла взгляд. — Для моей книги? Пока нет...

— Я спрашиваю, потому что ты случайно обронила фразу в Праге. Она засела у меня в голове. Думаю, ты уже нашла идеальное название.

— Да?

— Ты сказала, что если наука докажет существование жизни после смерти, то мы должны кричать об этом с крыш домов. Ты назвал это секретом всех секретов... и утверждал, что это окажет огромное влияние на будущее человечества.»

«Я помню.»

Лэнгдон ждал. Казалось, и Кэтрин тоже. «Разве

ты не слышишь?» — спросил он.

«*Секрет Секретов.* Если вдуматься, вопрос, лежащий в основе книги — что происходит, когда мы умираем? — это тайна, над которой размышляли *все* люди. Это действительно секрет всех секретов.»

«Как *название книги*?» — Кэтрин смотрела скептически. «Не знаю, звучит…»

«Как бестселлер?» — подал голос Лэнгдон.

«Я хотела сказать «слишком помпезно».»

Он рассмеялся. «Ну что ж, мое предчувствие говорит, что в лобби Penguin Random House скоро освободят место на полке для ещё одной классики.»

Глаза Кэтрин наполнились эмоциями. Она наклонилась вперед и нежно поцеловала его. «Спасибо, Роберт… за так многое.»

Они долго сидели молча, наблюдая за суетливым миром за окном. Наконец Кэтрин поднялась и посмотрела на часы. «У нас есть пять часов, чтобы исследовать город,» — сказала она. «Я приму душ, а ты будешь нашим гидом.»

«Отлично,» — ответил Лэнгдон, когда она направилась в ванную. «Начнём с Тринити-Черч. Потом кафедральный собор Святого Иоанна Богослова, Сэнт-Пэтрикс, Грейс-Черч, Клойстерс…»

«Роберт!» — Кэтрин резко развернулась. «Нет!»

«Шучу, дорогая,» — улыбнулся он. «Доверься мне. Я точно знаю, куда тебя отвести.»

Туристический корабль «Circle Line» рассекал неспокойные воды нью-йоркской гавани. На утреннем ветру одинокий орлан скользил у борта, высматривая в воде завтрак. На носу Катерина Соломон прижалась к Лэнгдону, наслаждаясь теплом его тела и солоноватым запахом морского воздуха.

«Невероятно, правда?» — прошептал Лэнгдон, когда они приблизились к месту назначения.

Да, — подумала Кэтрин. — Я даже не подозревала…

Перед ними, возвышаясь на триста футов над водой, стояла на собственном острове величественная фигура, излучающая почти божественную благодать. Вытянув правую руку, она держала пылающий факел, золотое пламя которого искрилось на утреннем солнце.

Чем ближе подплывал паром, тем четче Кэтрин различала детали потемневшей от времени меди статуи — разорванные цепи рабства у ее ног в сандалиях, изящные складки одеяния справедли-

вости, скрижаль в левой руке с датой рождения нации, непоколебимый взгляд и утешительное выражение лица… и там, на ее голове, древний символ, ради которого Лэнгдон привел Кэтрин сюда.

Лучистая корона.

Остроконечное сияние, венчающее Статую Свободы, — тот же атрибут, что на протяжении тысячелетий украшал головы просветленных умов. Семь лучей, каждый длиной более девяти футов, символизировали, как говорили, свет Просвещения, который будет исходить из этой молодой страны и осветит все семь континентов.

Всё с точностью до наоборот, — думала Кэтрин, видя в них лучи знания, текущего *вовнутрь*… представляющие потоки культур, языков и идей с семи континентов, стекающиеся в плавильный котел американского сознания. Эта нация, в конце концов, была создана как своего рода приемник, притягивающий несхожие души со всего мира, движущиеся к общему будущему.

Глядя на Леди Свободу, Кэтрин слышала тихие отголоски голосов миллионов, прибывших сюда в погоне за мечтой. *Как и моя семья… много поколений назад*. Ее предки-иммигранты давно

ушли, но *куда*, Кэтрин оставалось неизвестным. Она пришла к пониманию, что человеческое сознание устроено не так, как мы привыкли считать. За пределами нашего физического опыта... за пределами нашей физической смерти существует нечто реальное и глубокое.

Порывы ветра крепли, и Кэтрин нежно опустила голову на плечо Лэнгдона, её разум был ясен, как никогда. Она подняла на него взгляд. «Как бы хотелось остаться здесь навсегда».

«И я тоже», — улыбнулся он. «Но тебе нужно доставить книгу».

Конец

БЛАГОДАРНОСТИ

Прежде всего, Джейсону Кауфману — лучшему редактору, о котором может мечтать писатель, за его чутьё к сюжету, чувство юмора и бесчисленные часы, проведённые вместе со мной в творческих муках.

Моему бесценному агенту Хайде Ланж за десятилетия преданности и дружбы, а также за мастерское руководство всеми аспектами моей карьеры с непревзойдённым энтузиазмом.

Особая благодарность моим стойким издателям Майе Мавджи и Биллу Томасу за их неизменную поддержку и терпение в процессе работы над этой книгой… и, самое главное, за их вовлечённость, творческий подход и энтузиазм во время её публикации.

Выдающейся команде Doubleday и Penguin Random House, с отдельными словами признательности гуру пиара Тодду Доути; инновационной маркетинговой команде Хизер Фейн, Джуди Джейкоби, Эринн Мак Грат и Эбби Эндлер; чудесному ассистенту редактора Лили Дондошански за её кропотливый труд и доброжелательность; скрупулёзной Норе Рейчард в производствен-

ном отделе вместе с Вими Сантокхи, Барбарой Ричард, Кирстен Эггарт и Кейси Хэмптон; креативным арт-директорам и дизайнерам обложек Оливеру Мандей и Уиллу Стэли; лучшей в мире команде продаж, с особыми благодарностями Бет Майстер, Крису Дюфо, Дэвиду Уэллеру и Линн Ковач; юридическому эксперту Клэр Леонард; IT и службе безопасности Криса Харта, Тома Саала, Майка ДеМази и Зафара Насира; Аманде Д'Ачерно за аудиоверсии; Бет Лэмб за бумажные издания; моему дорогому другу Сюзанне Герц; и, конечно, в корпоративных офисах — твёрдым рукам Нихара Малавия, Джаси Апдайк и Джеффа Вебера. Всем вам спасибо.

Особая признательность моим пятидесяти семи иностранным издателям, которые свернули горы для глобального успеха этих книг и стали моей семьёй вдали от дома. Также огромное спасибо талантливой команде переводчиков, которые оживляют эти книги по всему миру.

Отдельное спасибо моему чешскому редактору и другу Петру Онуферу за бесценные исследования и советы по всем аспектам Праги, чешской культуры и языка… а также за то, что помог мне увидеть великолепный город Прагу в поистине мистическом свете. Также благодарю директоров

издательства Argo в Праге Милана Гельнара и Гану Гельнаржову.

Моему блестящему британскому издателю Биллу Скотт-Керру за крепкую дружбу с самого первого моего романа.

Искреннее восхищение и благодарность великим умам Института ноэтических наук. Спасибо за вашу важную и вдохновляющую работу.

Особая благодарность Норму Эйзену, бывшему послу США в Чехии, за щедрое гостеприимство во время моего пребывания в Праге и за увлекательные истории за ужином в роскошной вилле Петчек.

За последние шесть лет множество учёных, историков, кураторов, религиоведов, государственных чиновников и частных организаций любезно помогали мне в исследованиях для этого романа. Нет слов, чтобы выразить мою признательность им всем за щедрость и открытость в обмене знаниями и идеями.

Моей незаменимой личной ассистентке Сьюзан Морхаус за верную дружбу и преданность на протяжении многих лет и за всю невидимую работу, которая помогает мне держать всё под контролем.

Моему технически подкованному цифровому

гуру Алексу Кэнону за управление моим онлайн-миром (и за постоянную борьбу с взломщиками рукописей).

Команде мечты в William Morris Endeavor — с особой благодарностью Ари, Сильвии, Конору, Раяну, Майклу и С. Дж. — за создание таких захватывающих синергий.

Выдающемуся юридическому уму Карла Остена за его экспертизу и за то, что вдохновил персонажа криптолога из АНБ в моём первом романе.

Всем в Sanford J. Greenburger Associates, с глубокой благодарностью Ивалани Ким и Маделин Уоллес за безупречное управление бесчисленными деталями и Чарльзу Лоффредо за точность во всём, что касается цифр.

Питеру Фехи, Филиппу Макколлу, Дженнифер Рулло, Джинни Макгроуди, Гленну Гринфелдеру и коллегам за искусное управление *плодами трудов.*

Также спасибо д-ру Моне Лайфи, д-ру Элизабет Клодас, д-ру Бобу Хелму, д-ру Чаду Прусмаку, Деннису Дж. Уайту из MIT Plasma Science and Fusion Center, Джорджи и Чарли Венчи за аква-экспертизу, Карлу Шварцу за кулинарное мастерство, моему тренеру Эвану Шаллеру за то, что отрывает меня от стола и поддерживает мобильность,

отелю Four Seasons Prague за гостеприимство, пражскому туристическому бюро, Карлову университету, Клементинуму, охране посла США Карлтону Кьюзу, несгибаемому Эмануэлю Сведенборгу, проекту Global Consciousness Project, Центру исследований сознания, Роуз Шварц, Эрику Брауну, Нилу Розини и памяти моего дорогого друга Майкла Руделла — образца благородства и доброты.

Позднему великому литературному агенту Джорджу Визеру за тот обед в 1994 году, когда он настоятельно посоветовал мне взять отпуск от музыки… и написать роман.

Моя благодарность достойному джентльмену Роберто Баталье за то, что стал моим проводником по ландшафтам Коста-Рики.

Моим первым читателям — Грегори Брауну, Хайде Ланж, Джону Чейфи, Ивалани Ким, Маделин Уоллес, Лили Дондошански и другим. Спасибо за ранние отзывы о *чрезвычайно* объёмной рукописи. И постоянная признательность Ребекке, Калебу, Ханне и Софи Кауфман, а также Оливии и Джерри Кауфману за годы поддержки… и за щедрое участие моего редактора.

Вечная благодарность моим родителям — Конни и Дику Браунам — за то, что научили меня

бесконечному любопытству и принятию сложных вопросов.

И наконец, моей невесте Джудит Питерсен за терпение, любовь и потрясающее чувство юмора, пока я был погружён в эту книгу.